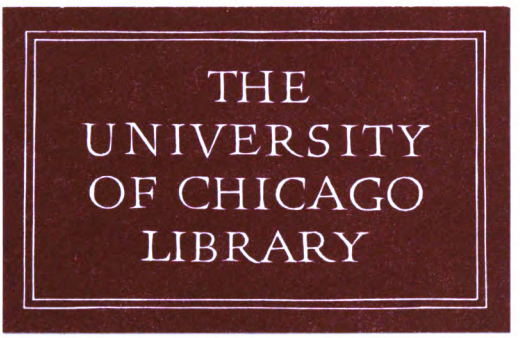

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

05(М.Б.) 1903
11(2)

Годъ XII-й. № 2-й.

/Mir Bozhii/

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

4848
Mp 56, 57

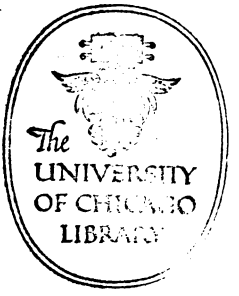
ФЕВРАЛЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 48).
1903.

V.12
1903

Дозволено цензурою 28-го января 1903 года. С.-Петербургъ.



СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ. **Евгенія Лозинскаго**. 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. **А. Лукьянова**. 21
3. ИЗЪ ЭПОХИ 60-ХЪ ГОДОВЪ. (Неизданныя письма изъ «Женской жизни»). Повѣсть **М. Крестовской**. 22
4. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). **Н. Рожкова**. 65
5. ЛОРДЪ АРЧИБАЛЬДЪ РОЗБЕРИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТІИ ВЪ АНГЛІИ. (Окончаніе). **Евг. Тарле**. 80
6. ЧУЖАЯ КРАСОТА. Разсказъ. **С. Елпатьевскаго**. 106
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. РОСЫ. (Изъ Красинскаго). **К. Бархина.** 118
8. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** Переводъ съ нѣмецкаго (Продолженіе). **Л. Горбуновой.** 119
9. ПОЭМА ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЯ ДУШИ» И СОВРЕМЕННАЯ ЕЙ РУССКАЯ ПОВѢСТЬ. **Н. Котляревскаго.** 155
10. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.** Перев. съ англійскаго **З. Журавской.** (Продолженіе). 184
11. ГЛАФИРИНА ТАЙНА. Повѣсть. (Продолженіе). **Мих. Альбова**. 209
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. СОНЕТЪ. **С. Маковскаго**. 255
13. ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ДЕМОКРАТІЯ ВО ФРАНЦІИ. **Ев. Дегена**. 256

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Проблемы идеализма», сборникъ статей.—Исходный пунктъ современнаго стремленія къ идеализму.—Выступленіе на сцену новыхъ общественныхъ наслоеній и то новое, что они несутъ съ собой.—Статьи гг. Булгакова, Бердяева, Кистяковскаго, Франка и др.—Отличительная черта современнаго идеализма—его активность. **А. Б.** 1
15. СТОЛѢТІЕ ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА (1802—1902 г.). (Докладъ, читанный въ кіевскомъ санитарномъ обществѣ 17-го дек. 1902 г.). Д-ра мед. **В. Ѳ. Демича**. 13
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Съѣздъ представителей

стр.

учительскихъ обществъ взаимопомощи.—Похороны А. И. Герцена.—Крѣпостное рабство въ Дагестанѣ.—Конфликтъ земства съ печатью.—Крестьяне о своихъ нуждахъ.—За мѣсяцъ.—Некрологъ *И. Салова*. 21

17. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Старина»—январь.—«Вопросы Философіи и Психологіи»—сентябрь—декабрь.—«Русская Мысль»—декабрь). 42

18. **За границей.** Кризисъ германскаго либерализма. Германскія женщины и законъ объ ассоціаціяхъ.—Общественная и политическая жизнь въ Англіи.—Конгресъ ученыхъ въ Родезіи.—Американскіе промышленные синдикаты (трёсты).—Академія Гонкура. Памятникъ Ренану.—Таинственная болѣзнь. 52

19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Европейское мнѣніе о французской печати.—Критика англійскаго общества.—Религія убійства. 63

20. МАЛОРУССКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВО ЛЬВОВѢ. **М. Славинскаго.** 69

21. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. Радіоактивность матеріи. **В. Агафонова.** 79

22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы и искусствъ.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія.—Естествознаніе.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 95

23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 126

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ІЕРНЪ УЛЬ. Романъ **Густава Френсена.** Перев. съ нѣмецкаго **Л. Гуревичъ.** (Продолженіе). 33

25. ЗЕМНАЯ КОРА. Проф. **Карла Запперъ.** Съ многочислен. рис. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей **В. К. Агафонова.** (Продолженіе). 33

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ.

(*Paulsen.* „Die deutsche Universitäten und das Universitätsstudium“).

Въ числѣ всякаго рода «кризисовъ», перешедшихъ по наслѣдію отъ девятнадцаго вѣка и продолжающихъ волновать и безъ того уже «взбаламученное море» соціальной жизни европейскихъ народовъ, не послѣднее мѣсто принадлежитъ *кризису университетскому*, обнаружившемуся почти одновременно во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Запада. Несмотря на различіе формъ этого кризиса и степени его остроты въ разныхъ странахъ, несмотря даже на великую разницу въ политическихъ условіяхъ этихъ странъ, существуетъ цѣлый рядъ вопросовъ, задачъ и проблемъ, съ которыми приходится одинаково считаться какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, и въ Англіи, и даже въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверо-американской республики. Повсюду мы замѣчаемъ недовольство настоящимъ, исканіе новыхъ формъ университетской жизни и новыхъ путей дѣятельности. Демократизація высшаго образованія въ формѣ народныхъ университетовъ, допущеніе женщинъ въ университеты, вопросы внутренней и внѣшней дисциплины, отношеніе университетской автономіи къ государству, организація преподаванія на началахъ регламентаціи или свободы, студенческія корпораціи и т. д., все это подвергается теперь новому перерѣшенію и новому анализу даже въ странахъ, наиболѣе опередившихъ другія въ соціальномъ и культурномъ отношеніи. Англія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки вступаютъ теперь въ періодъ самой радикальной ломки всего строя ихъ университетской жизни. Англо-американскій типъ высшаго образованія доживаетъ свои дни. Полное невмѣшательство государства въ организацію и развитіе высшаго образованія страны, даже принципіальное «недѣланіе» его въ этой сферѣ, манчестерское laissez faire уступаютъ свое мѣсто другимъ началамъ. До сихъ поръ англійскіе и американскіе университеты были совершенно независимыми, частными корпораціями аристократическаго характера, съ замкнутою жизнью студентовъ, дававшими странѣ не спеціалистовъ-практиковъ, даже не ученыхъ-теоретиковъ, а просто образованныхъ «джентльменовъ», весьма благонамѣреннаго образа мыслей

и превосходныхъ манеръ. Научная и философская мысль развивилась внѣ и независимо отъ этихъ учрежденій. Такіе ученые и мыслители, какъ Дарвинъ и Спенсеръ, Джонъ-Стюартъ Милль, Маколей, Гиббонъ, Бентамъ, Рикардо, Юмъ, Локкъ и другіе, не занимали университетскихъ каѳедръ, и многіе изъ нихъ врядъ ли были бы терпимы, какъ преподаватели университетской молодежи. Среди самой полной гражданской свободы университеты, устроенные по типу оксфордскаго и кембриджскаго, являлись консервативными и даже реакціонными учрежденіями, враждебными всякой новой мысли, всякому нововведенію. Полная свобода самоуправленія была лишь замаскированною зависимостью отъ тѣхъ или иныхъ частныхъ лицъ, отъ капитала или привилегированнаго общественнаго класса. Всѣ эти черты мы находимъ въ университетскомъ строѣ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ еще и теперь, съ тою лишь разницей, что въ обѣихъ этихъ странахъ, особенно въ послѣдней, замѣчается съ нѣкоторыхъ поръ глубокая реакція противъ такого положенія вещей. Вопросы и задачи университетской реформы привлекаютъ къ себѣ съ каждымъ днемъ все большее вниманіе англо-американскихъ политиковъ и педагоговъ, озабоченныхъ извлеченіемъ высшаго образованія ихъ страны изъ сѣтей частнаго произвола и реакціи.

Во Франціи университетскій «кризисъ» носитъ нѣсколько иной характеръ. Академическаго «манчестерства» тамъ нѣтъ уже и слѣда: съ нимъ покончила еще французская революція 89 г., уничтожившая старые университеты, съ ихъ средневѣковымъ корпоративнымъ строемъ, съ ихъ отсталостью и свѣтобоязнью. Создать новыя формы университетской жизни она однако не успѣла, завѣщавъ это дѣло послѣдующимъ поколѣніямъ. Современные французскіе университеты ведутъ свое начало съ эпохи наполеоновскихъ реформъ. Манчестерскій принципъ полнаго невмѣшательства уступилъ въ нихъ мѣсто совершенно противоположному принципу бюрократической регламентаціи. Единство университетской жизни было пожертвовано узкимъ государственнымъ соображеніямъ. Университетъ распался на отдѣльные, ничѣмъ не связанные другъ съ другомъ факультеты, съ единственною цѣлью технической подготовки къ опредѣленной профессіональной дѣятельности, главнымъ образомъ — къ службѣ государству. Научное изслѣдованіе и вообще вся серьезная научная работа перешла въ веденіе академіи. Во все теченіе девятнадцатаго вѣка во Франціи, собственно говоря, не существовало университетовъ, какъ особыхъ центровъ *научнаго воспитанія* молодежи, объединяющихъ отдѣльные факультеты въ одно солидарное и органическое цѣлое. Самое слово «университетъ» потеряло свой обычный, традиціонный смыслъ. Основанное впервые въ 1808 году université impériale означало не что иное, какъ административную организацію, подчинившую своему надзору всѣ роды школъ страны, начиная съ école primaire и кончая факультетами. То же значеніе имѣетъ слово université во Франціи и до сихъ поръ. Но въ по-

слѣднее время факультеты обнаруживаютъ тенденцію объединяться въ одно, болѣе высокое, органическое цѣлое. Третья республика ужаснулась передъ тѣмъ опустошеніемъ научной жизни, къ которому привела регламентированная организація высшаго образованія страны. Серьезная работа научной и философской мысли сосредоточилась въ одномъ Парижѣ, съ его академіей и институтомъ, оторванными притомъ отъ жизни, отъ благотворнаго общенія съ ищущею молодою мыслью. Истинные ученые задыхались въ узкихъ и душныхъ рамкахъ факультетской работы; высшее образованіе отталкивало отъ себя всѣ живыя и талантливыя силы и не оказывало на общую жизнь страны никакого благотворнаго вліянія. Провинція, съ ея многочисленными «университетами», духовно обѣднѣла, и одинъ лишь Парижъ сталъ «головою» Франціи. Такая централизація духовной жизни не могла не отразиться самымъ вреднымъ образомъ на развитіе научной мысли Франціи и, что не менѣе важно— на научное воспитаніе молодежи. Ради собственнаго культурнаго «самоспасенія», третьей республикѣ необходимо было положить конецъ такому положенію вещей и задуматься надъ коренной реформою своего высшаго образованія. Отсюда ея стремленіе возродить университетское единство, надѣлить его кое-какими корпоративными привилегіями, повысить научную дисциплину факультетовъ, предоставить профессорамъ болѣе самостоятельности въ ихъ преподаваніи и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всѣхъ отмѣченныхъ нами выше странахъ, т.-е. въ Англіи, во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, замѣчается стремленіе преобразовать свои университеты по образцу германскому. Нѣмецкій типъ организаціи университетскаго образованія является теперь идеаломъ для этихъ странъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи мы находимъ сравнительно наиболѣе нормальное теченіе университетской жизни. Правда, и въ Германіи накопилось не мало недовольства противъ существующихъ въ ней университетовъ; и въ этой странѣ замѣчается обостреніе конфликтовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, но никто здѣсь не подвергаетъ критикѣ самыхъ основъ существующей системы, находя ихъ здоровыми, способными къ развитію. То же самое явленіе замѣчается и въ тѣхъ странахъ, которыя организовали свои университеты по образцу германскому, а именно въ Швейцаріи, Швеціи, Норвегіи, Австріи, Голландіи, Бельгіи. Здѣсь нѣтъ и слѣда манчестерскаго отношенія государства къ высшему образованію: университеты являются здѣсь государственными школами, т.-е. входящими въ составъ общаго управленія и содержимыми на государственный счетъ. Но, съ другой стороны, мы не находимъ здѣсь, какъ во Франціи, стѣснительной регламентаціи, затрудняющей преподаваніе и внутреннюю самодѣятельность. Университеты германскаго типа сохранили за собою нѣкоторыя старыя корпоративныя привилегіи, позволяющія органи зовать всю внутреннюю жизнь на здоровыхъ началахъ самоуправленія. Факультеты объединены общими задачами и интересами въ

одно органическое цѣлое, имѣющее своего общаго, свободно избраннаго, представителя-ректора. Объединенный такимъ образомъ университетъ имѣетъ своею задачей не столько высшую профессіональную подготовку къ различнымъ должностямъ, что могли бы исполнить и обыкновенныя высшія профессіональныя училища, сколько *научное и философское воспитаніе* молодежи въ общеніи съ лучшими представителями научной и философской мысли даннаго народа. При такой системѣ научная мысль децентрализована по всей странѣ; каждый университетъ оказывается центромъ научнаго изслѣдованія, съ методами и живыми представителями котораго знакомятся непосредственно цѣлыя поколѣнія молодежи. Нѣмецкіе университеты преслѣдуютъ великую педагогическую цѣль—воспитаніе молодежи въ духѣ безпристрастной и безстрашной истины, ознакомленіе съ научными пріемами изслѣдованія и общими идеями міросозерцанія. Соотвѣтственно этому и профессора являются въ одно и то же время научными изслѣдователями, учеными, философами, а также преподавателями университетской молодежи, ея постоянными, будничными, такъ сказать, наставниками. Благія послѣдствія такого непосредственнаго соприкосновенія молодыхъ поколѣній съ представителями объективной мысли неоцѣнимы. Для духовнаго воспитанія молодежи не безразлично, подъ чьимъ руководствомъ она заканчиваетъ свое образованіе—подъ руководствомъ ля самостоятельной корпораціи ученыхъ, или простыхъ чиновниковъ соотвѣтственнаго министерства, какъ это мы видѣли во Франціи. Благодаря германской системѣ университетскаго образованія, нѣмецкая студенческая молодежь имѣла своими непосредственными воспитателями такихъ людей, какъ Кантъ, Фихте, Гегель, Шлейермахеръ, такихъ ученыхъ, какъ Момзенъ, Нибуръ, братья Гриммъ, Зибель, Вайцъ, Іерингъ, Дюбуа-Реймонъ, Гельмгольцъ, Вирховъ и цѣлую плеяду другихъ первоклассныхъ европейскихъ знаменитостей, для перечисленія которыхъ потребовались бы страницы. Не благодаря ли такому единенію Германія стала, во многихъ отношеніяхъ, «головой» Европы, великою школой международной интеллигенціи, стекающейся въ ея университеты для усовершенствованія своихъ знаній?

Такою системой университетскаго образованія Германія обязана началу XIX-го вѣка. Наполеоновскія войны пробудили изъ вѣковой спячки національный геній германскаго народа. Вдохновенная пропаганда Фихте, политическія реформы Штейна, смягчившія до извѣстной степени старый режимъ Пруссіи, все это не могло не обновить всего университетскаго режима германскихъ государствъ. Во главѣ университетской реформы сталъ знаменитый Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ во Франціи Наполеонъ I вводилъ université impériale и дѣлалъ высшее образованіе орудіемъ своего политическаго господства, германскіе университеты реформировались въ духѣ эмансипаціи ихъ отъ всякаго посторонняго вліянія. Университеты, согласно

идеѣ Гумбольдта, должны служить одной лишь цѣли: развитію и распространенію научной мысли. Такому чисто-педагогическому взгляду на задачи университетскаго образованія рѣзко противорѣчила его традиціонная организація. Подобно тому, какъ американскіе и англійскіе университеты находились, въ теченіе XIX-го вѣка, всецѣло подъ вліяніемъ капитала и господствующихъ классовыхъ интересовъ, нѣмецкіе университеты въ восемнадцатомъ столѣтіи были пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ господствовавшаго режима. Не наука, не ея интересы и объективныя задачи руководили всѣмъ ходомъ и характеромъ преподаванія въ нихъ, а исключительно виды и соображенія правительства. Послѣднее безпрестанно вмѣшивалось во внутреннія дѣла университетовъ, слѣдило ревнивымъ окомъ за «духомъ» профессорскаго преподаванія, издавало частыя предписанія и «увѣщанія», рекомендовало книги, учебники, руководства, навязывало методы, хулило, порицало, приказывало, награждало. Великому кенигсбергскому философу, Эммануилу Канту, запрещалось чтеніе лекцій; студенты, еще по уставу 1798 года, подвергались за болѣе серьезные проступки наказанію розгами, сопровождавшемуся отеческимъ увѣщаніемъ ректора, и т. п. Германской университетской реформѣ начала XIX-го вѣка предстояла великая и трудная задача отысканія новыхъ руководящихъ принциповъ, которые, оставляя за университетами значеніе государственныхъ учрежденій, освобождали бы ихъ въ то же время отъ излишней и вредной правительственной регламентаціи. Необходимо было отыскать нѣчто среднее между буржуазнымъ манчестерствомъ, съ одной стороны, и существующей практикой съ другой. Научное изслѣдованіе и научное воспитаніе молодежи должны были быть ограждены отъ подчиненія партійнымъ, классовымъ и всякимъ другимъ *частнымъ* интересамъ и приблизиться какъ можно болѣе къ интересамъ и потребностямъ *общимъ*. Вильгельмъ Гумбольдтъ и положилъ въ основу своей университетской реформы такой, совершенно новый, *принципъ*. Этотъ принципъ требуетъ самостоятельности научнаго изслѣдованія и воспитанія, возможной лишь при наличности независимой ученой корпораціи, пользующейся правами самоуправленія. Служеніе истинѣ должно быть ограждено такими же (или подобными) привилегіями, какъ и служеніе справедливости; профессора, какъ и судьи, должны быть ограждены отъ всякаго посторонняго давленія и надѣлены, соотвѣтственно этому, особыми правами. Какъ ни трудно было провести такой общественный принципъ въ жизнь во всей его идеальной чистотѣ, примѣромъ чему можетъ служить намъ сама Германія, важно было, однако, его оффиціальное признаніе и хотя бы частичное осуществленіе. На путь такого признанія и постепеннаго осуществленія и выступили германскіе университеты какъ разъ въ тотъ моментъ, когда во Франціи университеты были низведены на уровень высшихъ профессіональныхъ школъ. Германскіе университеты были вызваны

къ новой жизни, обѣщавшей въ будущемъ великую научную гегемонію надъ всѣмъ культурнымъ міромъ. Оставаясь государственными учрежденіями, они стали въ то же время *«привилегированными корпораціями»* съ широкимъ внутреннимъ самоуправленіемъ. Профессора стали свободными учеными, и ихъ правовое положеніе тѣмъ болѣе улучшилось, чѣмъ болѣе правъ получила каждая человѣческая личность въ общемъ строѣ государства. Наступила мало по малу эра мирнаго, органическаго роста германскихъ университетовъ, не прекратившагося и до сихъ поръ.

При всемъ томъ, и Германія не вполнѣ свободна отъ кое-какихъ конфликтовъ, сомнѣній, колебаній; и она имѣетъ свой «университетскій кризисъ». Правда, здѣсь, въ этомъ кризисѣ, не идетъ дѣло объ измѣненіи самыхъ основъ даннаго университетскаго строя, а лишь о такъ наз. Grenzstreitigkeiten, т.-е. о проведеніи точной демаркаціонной линіи между *степенью самоуправленія* университетовъ и правомъ верховнаго государственнаго надзора. Недостаточно признать полезность или «принципъ» самоуправленія; необходимо точно и раціонально опредѣлить его *границы*. Все болѣе обостряющаяся въ Германіи классовая и конфессіональная борьба, проникновеніе новѣйшихъ общественныхъ доктринъ въ университетское преподаваніе и другіе, менѣе значительные, факторы нарушили, до извѣстной степени, установившійся было миръ между государствомъ и университетами и вызвали наружу цѣлый рядъ вопросовъ, конфликтовъ и сомнѣній, не только не лишенныхъ общаго интереса и значенія, но, наоборотъ, затрогивающихъ самыя важныя проблемы современной университетской жизни, настойчиво требующія своего принципіальнаго разрѣшенія. Съ этими вопросами и конфликтами знакомитъ насъ новое, капитальное изслѣдованіе профессора берлинскаго университета, Фридриха Паульсена, озаглавленное: «Die deutsche Universitäten und das Universitätsstudium *). Посвященный «учащейся молодежи нѣмецкой націи», этотъ трудъ можетъ быть, однако, рекомендованъ вниманію и другихъ націй. Написанный со всею умѣренностью и аккуратностью, но и со всею обстоятельностью, такъ свойственными ученымъ германской крови, трудъ Паульсена долженъ быть признанъ вдвойнѣ цѣннымъ въ эпоху «кризиса», новаго перерѣшенія важнѣйшихъ принципіальныхъ вопросовъ университетской педагогики. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является проблема свободы преподаванія въ университетахъ. Вопросъ о «свободѣ» и «регламентаціи» въ сферѣ педагогической принялъ въ послѣднее время особенно острый характеръ почти во всѣхъ странахъ Запада, и не только подъ давленіемъ *новыхъ* доктринъ и теченій, стремящихся проникнуть въ сферу школьнаго преподаванія, но также въ силу стремленія кое-какихъ *отживающихъ* факторовъ не упустить изъ своихъ рукъ могущественнаго орудія вліянія на подростающія поколѣнія. Къ

*) Berlin, 1902, Verlag von A. Ascher. стр. 575+XII".

«свободѣ» аппелируютъ въ одно и то же время представители двухъ самыхъ противоположныхъ тенденцій. Во Франціи, напримѣръ, самыми горячими партизанами свободы въ сферѣ педагогической являются клерикалы, защищающіе права такъ-называемой «свободной школы» противъ «насилія» государства. Въ основѣ всѣхъ этихъ конфликтовъ и споровъ лежитъ нерѣшенный вопросъ, который можно формулировать такимъ образомъ: *означаетъ ли академическая свобода преподаванія допущеніе къ каѳедрѣ представителей всякаго общественнаго или философскаго направленія и ученія*, какъ бы, абсурдно или реакціонно оно—въ глазахъ государства или данной ученой корпораціи—ни было? Въ связи съ этимъ вопросомъ находится не мало другихъ, ему родственныхъ, какъ напримѣръ: кто долженъ быть верховнымъ судьей *научности* извѣстной доктрины, т.-е. ея допустимости къ преподаванію? Можетъ ли государство, принявшее университеты въ свое вѣдѣніе, терпѣть въ нихъ представителей взглядовъ или доктринъ, враждебныхъ самымъ его основамъ, какъ, напр., во Франціи, гдѣ клерикализмъ враждебенъ основамъ республиканскаго строя? и т. п. Спрашивается: какъ отвѣчаетъ на нихъ авторъ упомянутаго выше труда, берлинскій профессоръ Паульсенъ?

Прежде всего, необходимо замѣтить, что поскольку вопросъ касается академической свободы вобще, то трудно найти болѣе убѣжденнаго и серьезнаго защитника ея, чѣмъ этотъ ученый. «Свобода ученія, — читаемъ мы на стр. 286 и слѣд. его труда, — есть гордость нѣмецкаго университета. Она самымъ тѣснымъ образомъ связана съ тою духовною свободою, которая является столь характерной чертой нашей народной жизни. Для академическаго учителя и его слушателей не можетъ существовать никакихъ заказанныхъ или приказанныхъ мыслей. Существуетъ одна лишь норма преподаванія: доказать истину своего ученія доводами разума и эксперимента...» Для подкрѣпленія своихъ словъ Пульсенъ ссылается на авторитетъ не только Гумбольдта, но и Шлейермахера, рекомендовавшаго государству «предоставить науки самимъ себѣ», а внутренніе распорядки университетовъ возложить всецѣло на ученыхъ. Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія приводитъ онъ отзывъ выдающагося американскаго философа и педагога, Stanley Hall'я, о германскихъ университетахъ: «Нѣмецкій университетъ,—сказалъ Hall,—является сегодня свободнѣйшимъ уголкомъ всего земного шара. Всѣ старыя формы и догмы вѣры, вліявшія нѣкогда на жизнь людей, подвергались сомнѣнію, всѣ возможные пути мысли были использованы для достиженія новыхъ, болѣе глубокихъ и непоколебимыхъ основаній. И никогда еще самая полная свобода не была великолѣпнѣйшимъ образомъ оправдана ея послѣдствіями, какъ посреди всего этого броженія. Пустыя, вредныя идеи вымерли, и одна лишь истина постоянно выигрывала въ своей силѣ». Паульсенъ не закрываетъ глазъ предъ кое-какими отрицательными сторонами

такой свободы. Сплошь и рядомъ случается, что новыя истины отвергаются изъ-за излишней приверженности къ старинѣ и, наоборотъ, подчасъ старыя истины терпятъ ущербъ отъ новой лжи. Свобода мысли нерѣдко вырождается въ произволъ мысли, въ стремленіе къ оригинальничанью, къ критиканству, къ новаторству (Neuerungssucht). Эти недостатки особенно часто замѣчаются у доцентовъ-философовъ, имѣющихъ каждый свою «систему», «и не существуетъ, — по замѣчанію Паульсена,—такой чепухи, которая, принявъ весь внѣшній видъ «системы», не нашла бы въ Германіи бо̀льшаго или меньшаго количества «учениковъ», готовыхъ разглашать «новую мудрость» по всѣмъ угламъ міра». «Такова ужъ,—говоритъ онъ,—цѣна за свободу обученія, не дешевая цѣна, *но она должна быть уплочена.* Свобода и опасность, Freiheit und Gefahr, неотдѣлимы. Противъ этой опасности есть одно только средство: возвращеніе къ средневѣковому-католическому принципу. Этотъ шагъ нѣмецкій университетъ не можетъ сдѣлать, не уничтожая самого себя и своего славнаго прошлаго». Такимъ образомъ, середины тутъ быть не можетъ,—говоритъ Паульсенъ: университетъ, по крайней мѣрѣ, того типа, который сложился въ Германіи, можетъ и долженъ быть представителемъ свободной науки, свободной мысли, свободнаго изслѣдованія. Не заблуждается лишь тотъ, кто не ищетъ. Свободное изложеніе собственныхъ мыслей, какъ бы подчасъ низко ни было ихъ внутреннее достоинство, все же цѣннѣе лекцій, повторяющихъ однѣ и тѣ же изжитыя догмы. Лишь легкая и свѣжая атмосфера свободы привлекаютъ къ университету первоклассныя научныя силы, и, наоборотъ, всякая внѣшняя регламентація преподаванія заставляетъ эти силы покидать свои каѳедры.

Такъ рѣшается Паульсеномъ вопросъ объ академической свободѣ, въ его чистой, принципіальной постановкѣ. Современная практика германскихъ университетовъ отступаетъ нѣсколько отъ такого рѣшенія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о преподаваніи соціальныхъ наукъ. О вмѣшательствѣ въ преподаваніе естественныхъ и медицинскихъ наукъ, математическихъ и филологическихъ дисциплинъ въ настоящеее время никто болѣе не думаетъ. Правда, было когда-то время, когда свободное развитіе даже этихъ наукъ грозило кое-какимъ господствовавшимъ интересамъ; было время, когда то или другое открытіе влекло за собою даже костры инквизиціи. Въ настоящее время математика и медицина, а также естественныя науки не возбуждаютъ болѣе ничьихъ подозрѣній въ Германіи. Свобода преподаванія этихъ наукъ въ германскихъ университетахъ неограниченная. Не то мы видимъ по отношенію къ наукамъ общественнымъ. Вопросъ о «границахъ» свободы выступаетъ здѣсь во всей своей щекотливой сложности и требуетъ не фактическаго, а раціональнаго разрѣшенія. Можетъ и должно ли государство и въ этой сферѣ оставаться въ роли равнодушнаго наблюдателя, т.-е. допускать преподаваніе въ

университетахъ какихъ бы то ни было теорій, какъ бы явно послѣднія ни шли въ разрѣзъ съ его намѣреніями и интересами? Можетъ ли какое бы то ни было государство вручить каѳедру политическихъ наукъ представителю крайнихъ индивидуалистическихъ теорій, отрицающихъ разумность государства и права вообще? Вѣдь университетъ—какъ ни какъ—государственное учрежденіе, содержимое на счетъ государства, входящее даже при началахъ самоуправленія въ общій составъ управленія; задача его, кромѣ научнаго воспитанія молодежи, состоитъ еще въ подготовленіи государству чиновниковъ, обществу—дѣятелей. Можно ли, при такихъ условіяхъ, требовать отъ государства полнаго равнодушія къ тому духу, въ какомъ воспитываются его будущіе агенты, полнаго, чисто ангельскаго безпристрастія въ дѣлахъ, столь близко касающихся его собственнаго существованія, его естественнаго инстинкта самосохраненія? И если нѣтъ, если требовать отъ государства подобнаго безпристрастья было бы абсурдомъ, то, съ другой стороны, какъ, при такихъ условіяхъ, охранить все же права науки, интересы свободнаго изслѣдованія? Признавъ за государствомъ право вмѣшательства въ преподаваніе философскихъ и общественныхъ наукъ, не дѣлаемъ ли мы его верховнымъ вершителемъ вопроса, что̀ въ этихъ научныхъ дисциплинахъ истина и что̀ ложь? Можно ли признать государство, т.-е. его агентовъ, компетентными въ сферѣ, вполнѣ имъ чужой, и если нѣтъ, то въ правѣ ли оно, по своему усмотрѣнію, налагать свое veto на ту или иную теорію и, пріурочивая ее къ такъ называемымъ «лжеученіямъ», исключать ее изъ университетскаго преподаванія? Какъ рѣшить всѣ эти вопросы, не впадая, съ одной стороны, въ утопію, съ другой—не жертвуя интересами свободнаго изслѣдованія и научнаго воспитанія университетской молодежи? Telle est la question, таковъ вопросъ, какъ нельзя болѣе современный въ виду все бо̀льшаго проникновенія философскихъ и соціальныхъ дисциплинъ въ университетское преподаваніе, а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ «лжеученій», о которыя долженъ, повидимому, разбиться столь популярный принципъ такъ называемой «академической свободы».

Профессоръ Паульсенъ не скрываетъ отъ себя всей многосторонней сложности поставленной самой жизнью проблемы, но, въ то же время, онъ не сомнѣвается въ возможности ея практическаго, справедливаго и разумнаго разрѣшенія. Правда, Паульсенъ знаетъ, что жизнь полна конфликтовъ и взаимнопротивоположныхъ интересовъ, которые необыкновенно трудно привести въ равновѣсіе и отыскать для нихъ удовлетворительный modus vivendi. Въ данномъ конфликтѣ онъ усматриваетъ даже не только борьбу различныхъ партійныхъ и классовыхъ интересовъ, но и вѣчный антагонизмъ двухъ сторонъ человѣческой природы. «Это конфликтъ,—говоритъ онъ,—между теоретикомъ и практикомъ, философомъ и политикомъ, конфликтъ, можно даже сказать, между двумя существеннѣйшими сторонами самой человѣческой природы, между *ра-*

зумомъ и *волей*. Воля, и именно воля самосохраненія, присущая также историческимъ организмамъ (Lebenwesen), требуетъ въ лицѣ ихъ представителей, политиковъ церкви и государства, наличности прочныхъ мыслей и убѣжденій, а равно ихъ основы — *неприкосновенныхъ принциповъ*. Разумъ же, наоборотъ, не признаетъ въ лицѣ своихъ представителей, философовъ и изслѣдователей, ничего безусловно прочнаго (Feststehendes), ничего не подлежащаго сомнѣнію». Другими словами, историческая жизнь невозможна безъ прочныхъ, установившихся убѣжденій, безъ опредѣленной *традиціи*, полную противоположность которой составляетъ духъ *критики*, *анализа*, подкапывающагося подъ raison d'être исторически сложившихся учрежденій и обычаевъ, реакція которыхъ, въ той или иной формѣ, неизбѣжна. Какъ бы ни было свободно государство, будь это даже, говоритъ Паульсенъ, «соціалъ-демократическая республика», всюду будетъ ему присущъ инстинктъ самосохраненія, реагирующій, въ той или иной формѣ, противъ силъ, угрожающихъ его существованію. Къ тому же, здѣсь надо принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство. Всѣ тѣ научныя дисциплины, представители которыхъ обречены вступать зачастую въ конфликтъ съ государствомъ, отличаются отъ другихъ наукъ своимъ особеннымъ характеромъ, а именно ихъ тѣсною связью съ волевою стороной самого изслѣдователя. Общественныя науки столь близко касаются человѣческой жизни, онѣ такъ тѣсно затрогиваютъ наши интересы, что въ само изслѣдованіе ихъ вкрадывается неизбѣжный *субъективный элементъ*. Полной безпартійности, по мнѣнію Паульсена, тутъ быть не можетъ, что тѣмъ болѣе даетъ государству нравственное право самозащиты и вмѣшательства въ сферу академической свободы, ибо нельзя же требовать отъ государства «содержанія на жалованьи» своихъ же собственныхъ противниковъ. Свобода совѣсти и свобода мысли, два основныхъ начала здоровой соціальной жизни, не означаютъ еще обязанности правительствъ поддерживать *положительными мѣрами* тѣ стремленія и доктрины, которыя для него вредны. Свободному развитію такихъ доктринъ предоставляются всѣ другія—неоффиціальныя—сферы жизни, напримѣръ, пресса, ученыя общества и т. п. Паульсенъ усматриваетъ contradictio in adjecto, т.-е. внутреннее противорѣчіе въ преподаваніи государственныхъ наукъ теоретикомъ анархическихъ воззрѣній, въ преподаваніи права идеологами индивидуализма. Здѣсь уже заключается одна изъ *естественныхъ* «границъ» академической свободы, вытекающая, такъ сказать, изъ самой природы вещей, подобно тому, какъ нельзя мыслить преподавателемъ теологическихъ дисциплинъ человѣка, отрицательно относящагося къ религіи. Но спрашивается: кто можетъ и долженъ опредѣлять то или иное отношеніе ученаго къ этимъ основнымъ вопросамъ? Было время, когда одна изъ древне-греческихъ республикъ присудила Сократа къ смерти «за безбожіе», т.-е. въ сущности за его болѣе глубокое пониманіе религіозныхъ проблемъ. Въ царствованіе прус-

скаго короля Фридриха-Вильгельма II Канту были запрещены его религіозно-философскія лекціи по тѣмъ же мотивамъ. Нѣсколько позже, другой великій философъ, Фихте, религіозная натура par excellence, былъ привлеченъ къ суду за пропагандированіе «атеистическихъ идей». Судьи этихъ великихъ людей были совершенно некомпетентны въ вопросахъ, о которыхъ они брались судить. Компетентными судьями могутъ быть лишь члены ученой коллегіи, опредѣляющіе объективную цѣнность тѣхъ или иныхъ воззрѣній и принимающіе въ свою среду новыхъ, молодыхъ ученыхъ. Государство можетъ спокойно положиться на консервативный духъ такой коллегіи (напримѣръ, профессоровъ даннаго факультета), ибо и ученымъ присущъ тотъ инстинктъ самосохраненія, который заставляетъ сдержанно и недовѣрчиво относиться ко всему новому, молодому, смѣлому. Паульсенъ разсуждаетъ такъ, какъ будто бы, безъ непосредственнаго вмѣшательства государства, въ сферу университетскаго преподаванія могутъ проникнуть самыя легковѣсныя ученія, самыя дикія идеи, тогда какъ ему лучше, чѣмъ кому либо другому, должно было бы быть извѣстно, какой строгій подборъ ученыхъ царствуетъ именно въ германскихъ, т.-е. автономныхъ университетахъ. Повторяемъ, корпораціи ученыхъ присущъ въ значительной степени духъ консерватизма; новымъ идеямъ, даже выступающимъ съ солиднымъ багажомъ научной аргументаціи, не легко проникнуть въ эту ревнивую среду олимпійскаго величія, и потому едва ли является необходимость затруднять еще болѣе и безъ того ужъ трудный процессъ поступательнаго движенія человѣческой мысли. Ссылка Паульсена на вѣчный, органическій, такъ сказать, конфликтъ разума и воли, т.-е. соотвѣтствующихъ имъ соціальныхъ сферъ, справедлива лишь, поскольку она констатируетъ существующій въ дѣйствительности фактъ, но не доказываетъ еще необходимости и полезности подчиненія «разума» «волѣ», скорѣе — наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что разуму должна быть дана возможность нормальнаго и свободнаго развитія при условіяхъ, конечно, гарантирующихъ искренность и научность его представителей. Нелѣпыя доктрины не могутъ быть долговѣчны и не могутъ пріобрѣсти вліянія въ атмосферѣ серьезнаго научнаго труда, которая царитъ или, по крайней мѣрѣ, должна царить въ университетахъ. Лишь все истинно-здоровое и справедливое способно устоять въ этой атмосферѣ, и тогда ему можно пожелать самое свободное развитіе, какъ бы парадоксально или даже «вредно» ни казалось оно на первыхъ порахъ представителямъ соціальной «воли». При особенно ревнивомъ отношеніи послѣдней къ свободному развитію научной мысли, на университетскихъ каѳедрахъ немыслимы не только Канты, Фихте и имъ подобные мыслители, но и серьезные ученые болѣе скромнаго калибра, если имъ придется считаться съ соображеніями и факторами, ничего общаго съ ихъ работой не имѣющими.

Изъ сказаннаго выше несправедливо, однако, было бы заключать, что Паульсену не дороги привилегіи академической свободы и что въ своемъ стремленіи къ чрезмѣрной уступчивости и объективности, онъ измѣняетъ основнымъ принципамъ установившагося въ Германіи университетскаго порядка. Нѣтъ, онъ настаиваетъ въ своемъ трудѣ на необходимости допущенія въ университетахъ полной свободы изслѣдованія и мнѣнія, но предоставляетъ ее—безъ всякихъ ограниченій—лишь... *приватъ-доцентамъ*. Приватъ-доценты-де не государственные чиновники, а частные преподаватели, получающіе лишь гонораръ отъ слушателей. Къ дѣятельности послѣднихъ государство не можетъ предъявлять никакихъ требованій: она находится подъ исключительнымъ контролемъ—со стороны ея научности—соотвѣтственнаго факультета. Таковы, по крайней мѣрѣ, pia desideria Паульсена, минимумъ его академической программы, который выдвигается имъ противъ усиливающагося въ послѣднее время въ Германіи вмѣшательства государства въ сферу академической свободы. Эта программа «minimum», какъ читатель видитъ, идетъ на компромиссъ съ господствующими силами, но старается спасти принципъ въ исключительныхъ привилегіяхъ института приватъ-доцентовъ. Германское государство признать эти привилегіи пока не рѣшается. Недавняя афера съ приватъ-доцентомъ Аронсомъ показала нѣмецкимъ университетамъ, что одна лишь принадлежность университетскаго преподавателя къ нежелательной партіи, даже если бы его предметъ не имѣлъ ничего общаго съ соціальными науками (Аронсъ читалъ физику), вызываетъ интервенцію государства. Запрещеніе Аронсу чтеніе лекцій въ берлинскомъ университетѣ, даже вопреки рѣшенію философскаго факультета, заставляетъ Паульсена произнести нѣсколько суровыхъ словъ по адресу министерства. При всей своей готовности къ кое-какимъ компромиссамъ и уступкамъ, Паульсенъ горячо протестуетъ противъ такого нарушенія германской свободы. Правда, Паульсенъ и самъ противъ непосредственнаго участія профессоровъ и вообще ученыхъ въ отвлекающихъ дѣлахъ политики. Въ главѣ, озаглавленной «*Профессора и политика*», онъ старается всячески доказать, что ученые не могутъ и не должны «Politik machen». Непосредственное вмѣшательство въ политическую жизнь страны, активная принадлежность къ какой-либо партіи (къ какой бы то ни было) не могутъ не отражаться вредно на ученой дѣятельности профессора. Качества и способности, развиваемыя политической борьбой, діаметрально противоположны тѣмъ, которыя необходимы для научной дѣятельности. Послѣдняя упражняетъ въ ученомъ «теоретическій индифферентизмъ», стремленіе къ рефлексіи, къ анализу, къ постоянной самопровѣркѣ; тогда какъ всякая практическая дѣятельность, особенно въ сферѣ политической, требуетъ непоколебимой рѣшимости воли, способности идти по разъ избранному пути безъ колебанія, безъ оглядки. Весьма возможно, что исходная точка той или иной практической работы неправильна или скрываетъ въ себѣ цѣлый рядъ промаховъ и ошибокъ, но

жизнь не ждетъ, и размышлять долго нѣтъ возможности. Надо умѣть «оборвать» нескончаемую цѣпь сомнѣній, взвѣшиваній и размышленій, чтобы выступить рѣшительнымъ борцомъ на практическую арену жизни. Но такое умѣніе свойственно лишь людямъ практики, съ сильною волей, не разъѣденной постоянными взвѣшиваніями «за» и «противъ». Добродѣтели ученаго это—постоянная самокритика, безстрастіе, объективизмъ, все слабыя стороны у практическаго дѣятеля, который по словамъ Паульсена, долженъ обладать «мужествомъ односторонности». «Die Theorie,—говоритъ Паульсенъ,—macht ungeschickt für die Politik, die Politik verdirbt für die Theorie», т.-е. служеніе теоріи дѣлаетъ людей неловкими на почвѣ политической работы, и, наоборотъ, занятіе политикой дѣлаетъ негоднымъ къ теоретической работѣ. Въ особенности это можетъ быть примѣнено къ ученымъ, занимающимся соціальными науками; принадлежность къ опредѣленной партіи, въ особенности — непосредственое участіе въ ея борьбѣ не можетъ не оказать вреднаго вліянія на ходъ научнаго изслѣдованія и преподаванія. Субъективный элементъ, свойственный и безъ того ужъ всѣмъ общественно-теоретическимъ дисциплинамъ, получилъ бы еще большее развитіе.

Такимъ образомъ, нельзя никоимъ образомъ быть въ одно и то же время основательнымъ ученымъ и хорошимъ политикомъ. Профессора не должны вмѣшиваться въ политическую борьбу своей страны, хотя одна формальная принадлежность къ той или иной партіи, обнаруживаемая, напр., при выборахъ, не играетъ тутъ никакой существенной роли. Въ Германіи, за послѣдніе годы, профессора не разъ вмѣшивались въ политическую борьбу партій. Знаменитый Вирховъ въ Берлинѣ и извѣстный Зомбартъ въ Бреславлѣ принимали, въ качествѣ «свободомыслящихъ», горячее участіе въ избирательныхъ кампаніяхъ, но ихъ примѣръ можетъ служить лишь подтвержденіемъ сказанному Паульсеномъ: какъ Вирховъ, такъ и Зомбартъ были побѣждены скромными представителями противоположной партіи. Ученые были побѣждены политиками, теоретики — практиками... Возможны, конечно, исключенія. Но всѣ такія исключенія подтверждаютъ лишь справедливость общаго правила. Въ болѣе нормальные, такъ называемые «органическіе» періоды исторіи университеты должны быть исключительно заняты своими спеціальными задачами и своею безпартійностью и безпристрастіемъ служить «общественною совѣстью» для всей страны, верховною справочною инстанціей для ищущихъ оріентировки въ добрѣ и злѣ, въ истинѣ и справедливости. Голосъ ученыхъ тѣмъ авторитетнѣе, чѣмъ болѣе они удалены отъ страстной борьбы партій, и къ этому голосу должны прислушиваться, въ затруднительныхъ случаяхъ, политики. Теорія можетъ и должна имѣть вліяніе на практику, но для этого она должна быть свободною отъ всякихъ обвиненій въ односторонности и партійности. И въ Германіи,—говоритъ Паульсенъ,—профессора оказали не малое вліяніе на

жизнь страны, указавъ на кое-какіе недостатки естественно-правовыхъ теорій либерализма и на необходимость дальнѣйшаго развитія «правового государства» въ духѣ положительныхъ задачъ. Въ такомъ *посредственномъ*, косвенномъ вліяніи на политическую жизнь страны Паульсенъ видитъ истинную положительную задачу университетовъ. Университеты должны пользоваться нравственнымъ авторитетомъ какъ въ глазахъ всего общества, такъ и передъ лицомъ учащейся молодежи, но такая высокая роль ихъ возможна лишь при условіи ихъ нравственной независимости. Ни общество, ни въ особенности молодежь не должны ни въ какомъ случаѣ подозрѣвать университеты въ угодливости и раболѣпіи по отношенію къ какой-либо господствующей въ данное время партіи. Во Франціи, гдѣ университеты служили въ теченіе всего XIX-го вѣка слѣпымъ орудіемъ быстро смѣнявшихъ другъ друга режимовъ, учащаяся молодежь, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ образованнымъ обществомъ, искала руководства въ другихъ сферахъ. Въ Германіи, до послѣдняго времени, университеты пользовались извѣстною долей независимости и, въ связи съ этимъ нравственнымъ авторитетомъ, которому съ недавнихъ поръ стали угрожать серьезныя опасности. По мнѣнію Паульсена, эти опасности заключаются не только въ нарушеніи принципа академической свободы, какъ мы это видѣли выше на примѣрѣ приватъ-доцента Аронса, но и въ кое-какихъ «милостяхъ», которыми въ послѣднее время германское правительство осыпаетъ представителей ауки. «Едва ли,—говоритъ онъ,—нѣмецкіе университеты выиграютъ отъ этого во внутреннемъ достоинствѣ и нравственной силѣ; скорѣе можно ожидать, наоборотъ, усиленія зависимости von den Mächten dieser Welt и потери ими своихъ основныхъ качествъ».

Съ той же самой точки зрѣнія интересовъ академической свободы, Паульсенъ разсматриваетъ вопросъ, столь горячо диспутируемый въ послѣдніе годы, относительно способа вознагражденія профессорскаго труда. Германскій принципъ устанавливаетъ двоякое вознагражденіе отъ государства (жалованье) и отъ студентовъ-слушателей (гонораръ). Противъ этого принципа была, одно время, поднята на Западѣ цѣлая литературная буря, результатомъ которой было исключеніе гонорарнаго вознагражденія изъ австрійскихъ университетовъ: профессора очутились исключительно на жалованьѣ государства. Реформа эта, проведенная въ 1896 году, была осуществлена вопреки волѣ и голосамъ заинтересованной стороны, т.-е. самихъ профессоровъ, несмотря даже на то, что, вслѣдствіе одновременнаго повышенія казенныхъ окладовъ, они ничего отъ уничтоженія гонорара матеріально не теряли. Въ Германіи протестъ профессоровъ противъ идеи подобной реформы былъ еще болѣе единодушенъ, благодаря чему законъ 1897 года, осуществившій кое-какія нововведенія въ системѣ вознагражденія профессорскаго труда, въ Пруссіи, не коснулся самаго его принципа. Пауль-

сенъ не скрываетъ отъ читателей недостатковъ существующей системы, допускающей крупное неравенство въ вознагражденіи, получаемомъ профессорами не только одного и того же факультета, но и нерѣдко одного и того же предмета. Такъ, напр., въ 1894—1895 академическомъ году изъ общаго числа ординарныхъ профессоровъ въ прусскихъ университетахъ гонораръ 192-хъ не достигалъ 1.000 марокъ, тогда какъ болѣе счастливые коллеги ихъ зарабатывали до 15—20.000 марокъ. Все зависитъ отъ многочисленности слушателей на разныхъ факультетахъ, отъ числа прочитанныхъ лекцій, наконецъ, отъ притягательной силы самого предмета. Но не малую роль играютъ при этомъ талантъ и другія личныя качества лектора. Существуютъ, кромѣ того, и другіе недостатки существующей системы, но противъ всѣхъ ихъ сторонники ея выдвигаютъ ея несомнѣнныя и незамѣнимыя достоинства. Осуществленіе чисто казенной системы вознагражденія,—говорятъ они,—укрѣпило бы еще болѣе бюрократическій характеръ профессоровъ, т.-е. поставило бы ихъ, съ одной стороны, въ большую зависимость отъ правительства, съ другой—ослабило бы ужъ въ силу одного этого обстоятельства ихъ нравственный авторитетъ въ глазахъ учащихся. Такимъ образомъ, интересы академической свободы отъ уничтоженія гонорара значительно бы пострадали. Дѣло не ограничивалось бы однимъ формальнымъ усиленіемъ бюрократическаго характера профессоровъ; дѣятельность послѣднихъ, т.-е. число лекцій, порядокъ ихъ и т. п., очутилась бы подъ болѣе внимательнымъ контролемъ министерства. Даже самое содержаніе и форма преподаванія врядъ ли избѣгли бы регламентаціи той стороны, которая стала бы тогда единственнымъ «плательщикомъ». Но мало этого. Уничтоженіе всякой матеріальной зависимости лектора отъ слушателей не можетъ, говоря вообще, не отразиться на внутреннемъ отношеніи его къ своему дѣлу: какъ бы сухо, скучно ни читалъ онъ свои лекціи, какъ бы формально онъ ни относился къ своимъ обязанностямъ, интересы его отъ этого не пострадаютъ; симпатіи и уваженіе слушателей ему ни почемъ. Наконецъ, съ уничтоженіемъ гонорарной системы врядъ ли сохранился бы институтъ приватъ-доцентовъ, столь важный и необходимый въ общемъ строѣ университетской жизни. Рядомъ съ оплачиваемыми государствомъ чиновниками, читающими студентамъ лекціи безвозмездно, не могло бы быть мѣста свободнымъ частнымъ учителямъ, читающимъ тѣ же предметы за опредѣленное вознагражденіе. Исчезновеніе же института приватъ-доцентовъ нанесло бы самый чувствительный ударъ самому принципу академической свободы и отразилось бы не менѣе вредно на поступательномъ движеніи науки.

До сихъ поръ мы касались лишь вопросовъ, затрогивающихъ преимущественно положеніе и дѣятельность профессоровъ. Между тѣмъ, современный университетскій кризисъ выдвинулъ еще цѣлый рядъ проблемъ, близко касающихся самой учащейся молодежи. Педагоги и до

сихъ поръ еще не опредѣлили своего отношенія къ студенческой молодежи. И въ самомъ дѣлѣ какъ воспитывать этихъ «зрѣлыхъ» уже молодыхъ людей, какихъ методовъ и пріемовъ держаться по отношенію къ этимъ полу-школьникамъ, полу-ученымъ, переживающимъ самый бурный періодъ человѣческой жизни? Отъ той или иной организаціи студенческой жизни зависитъ не только правильный ходъ университетскаго преподаванія, но и болѣе или менѣе высокій нравственный и умственный уровень учащихся. Не удивительно, поэтому, если Паульсенъ посвятилъ этому вопросу цѣлыхъ полтораста страницъ своего труда. За небольшими исключеніями, страницы эти читаются съ истиннымъ удовольствіемъ,— столько въ нихъ обширной опытности, глубокаго отношенія къ вопросу и сердечнаго пониманія молодой души, ея потребностей и запросовъ. Устами Паульсена говоритъ въ данномъ случаѣ одинъ изъ наиболѣе вдумчивыхъ и авторитетныхъ педагоговъ Запада, постоянно сталкивавшійся съ тою самою молодежью, судьбы которой зависятъ въ значительной степени отъ характера регламентирующихъ ея жизнь уставовъ и инструкцій. Германское студенчество найдетъ въ этой книгѣ не мало справедливыхъ упрековъ по своему адресу за цѣлый рядъ отрицательныхъ качествъ, несомнѣнно присущихъ ему болѣе, чѣмъ студенческой молодежи другихъ странъ. Чѣмъ объяснить отсутствіе идеализма у современной германской студенческой молодежи? На этотъ весьма важный вопросъ студенческой педагогики мы, къ сожалѣнію, не находимъ у Паульсена никакого отвѣта. Между тѣмъ, вопросъ навязывается самъ собою: почему наиболѣе нормальный строй университетской жизни, какой существуетъ уже съ давнихъ временъ въ Германіи, не даетъ ей соотвѣтственной, болѣе идеально настроенной молодежи? Въ настоящее время мы находимъ у Паульсена весьма низменныя черты современнаго германскаго студента. Теперь уже на студенческой скамьѣ онъ мечтаетъ о матеріальныхъ благахъ міра сего, ревниво усваиваетъ себѣ всѣ тонкости внѣшнихъ приличій и конвенціональныхъ формъ; педантичная корректность и пресмыкательство предъ высшими, «Korrektheitsfanatismus und Nachobensehen», все это, говоритъ Паульсенъ, играетъ не малую роль въ его жизни. Рядомъ съ такимъ «пресмыкающимся» типомъ германскаго студента существуетъ еще другой типъ, упоминаемый Паульсеномъ и служащій неисчерпаемою темой для каррикатуристовъ извѣстнаго юмористическаго журнала «Fliegende Blätter». Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ типъ является діаметральною противоположностью перваго: какой бы то ни было корректности тутъ нѣтъ и слѣда, даже болѣе, всякія правила трезвой и старательной жизни, всѣ условныя приличія «посылаются къ чорту» подъ одною общею презрительною кличкой «филистерской добродѣтели». Въ основѣ такой «сверхчеловѣческой» переоцѣнки всѣхъ цѣнностей нѣтъ ничего серьезнаго и глубокаго: это скорѣе—хроническое «нахожденіе въ нетрезвомъ положеніи» натуръ легкомысленныхъ и лѣнивыхъ. Такое пивное моло-

дечество продолжается, однако, не очень долго; его быстро смѣняетъ трезвая, скучная дѣйствительность, не согрѣтая ни малѣйшимъ лучомъ идеала и живой мысли:

Verflogen ist der Spiritus,
Das Phlegma ist geblieben...

Такой нравственный декадансъ германской студенческой молодежи объясняется не спеціально-академическими факторами, а другими, болѣе общими, соціальными причинами. Студенческая среда, принадлежащая повсюду, въ своемъ преобладающемъ большинствѣ, къ среднимъ, такъ называемымъ буржуазнымъ классамъ, отражаетъ на себѣ всѣ духовныя качества и настроеніе этихъ послѣднихъ. И въ Германіи, какъ въ другихъ западно-европейскихъ странахъ, буржуазія переживала одно время юношескій періодъ своей исторіи, когда она, по характерному выраженію Сійеса, хотѣла быть «чѣмъ-нибудь» въ общемъ строѣ національной жизни. Такое духовное броженіе въ нѣдрахъ «третьяго сословія», созрѣвшаго къ опредѣленной политической миссіи въ исторіи, отразилась немедленно и на настроеніи молодежи. Теперь картина измѣнилась: третье сословіе сыграло въ Германіи свою историческую роль; единственная его забота — сохранить за собою завоеванное съ трудомъ господствующее положеніе для спокойнаго наслажденія благами міра сего и накопленія капитала. Классовая психологія отцовъ отразилась на настроеніи и чувствахъ дѣтей, на идеяхъ студенческой молодежи. Выходитъ какъ будто такъ, что изъ общаго прогресса страны студенчество регрессируетъ, молодежь дряхлѣетъ, весна замѣняется сумрачной осенью. Для даннаго, переходнаго періода западно-европейскихъ обществъ это положеніе до извѣстной степени вѣрно; но абсолютнаго значенія оно имѣть не можетъ. Въ постепенномъ стремленіи студенческой молодежи Запада къ непомѣрно-трезвой и спокойной жизни нельзя усматривать одинъ лишь болѣзненный процессъ декаданса университетской жизни; рядомъ съ этимъ процессомъ происходитъ другой, вполнѣ здоровый и раціональный, а именно: *все большая сосредоточенность студенческой молодежи на своей непосредственной задачѣ*, т.-е. научной работѣ и, подготовленіи себя къ жизни и общественной дѣятельности. Чѣмъ выше общій уровень какой-либо страны, тѣмъ сосредоточеннѣе и плодотворнѣе работаютъ университетскія «мастерскія» надъ своею главною задачей—прогрессомъ теоріи и научнымъ воспитаніемъ молодежи. Изъ современныхъ германскихъ университетовъ выходятъ не одни «пресмыкающіеся» и филистеры, но и знаменитые ученые дѣятели, врачи, философы, техники, юристы, поднявшіе умственный уровень и техническій прогрессъ своей страны на небывалую высоту.

Практическая жизнь, по мнѣнію Паульсена, есть задача зрѣлыхъ мужей, а не юношей; она требуетъ спокойной рѣшимости воли и большой опытности, обширнаго знакомства съ частною и публичною жизнью общества, т.-е. все такихъ качествъ, которыми молодые люди не распо-

лагаютъ и которыхъ имѣть не могутъ, такъ какъ эти качества пріобрѣтаются лишь въ самой жизни, при выполненіи отвѣтственныхъ общественныхъ обязанностей. Молодежь же богата настроеніемъ, страстями, самоотверженіемъ, идеализмомъ, т.-е. все качествами, не способными руководить въ сложныхъ перипетіяхъ практическою жизнью. Но невѣжество и индиферентизмъ въ вопросахъ жизни не могутъ быть прощены тѣмъ, которые по своему образованію подготовляютъ себя къ руководящимъ слоямъ націи. Прежде чѣмъ вступить въ жизнь, студентъ, кто бы онъ ни былъ, юристъ ли, медикъ или филологъ, долженъ ознакомиться съ нею по всѣмъ доступнымъ ему источникамъ. Учащіеся различныхъ факультетовъ, не должны поэтому замыкаться исключительно въ свою спеціальность, они должны помнить, что они воспитанники *одного и того же университета,* задача котораго состоитъ, прежде всего, въ общенаучномъ воспитаніи молодежи. Особенному вниманію германскаго студенчества Паульсенъ рекомендуетъ посѣщеніе философскаго факультета, преимущественно его соціальнаго отдѣленія. Философскій факультетъ, по идеѣ Паульсена, это—душа университета. Чѣмъ выше стоитъ послѣдній, тѣмъ важнѣе роль этого факультета. Гдѣ нѣтъ его, какъ, напримѣръ, во Франціи, тамъ нѣтъ собственно и университета. Паульсенъ посвящаетъ этому вопросу много цѣнныхъ и интересныхъ страницъ, на содержаніи которыхъ мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи, по недостатку мѣста, остановиться болѣе подробно. Но ихъ общая мысль это—крайняя необходимость философскаго факультета для современныхъ университетовъ и его незамѣнимая ничѣмъ роль общенаучнаго воспитанія. Каждому студенту должна быть открыта возможность философскаго образованія, въ составъ котораго въ Германіи входитъ знакомство съ государственными науками, политическою экономіей, философіей права. Кромѣ того, въ германскихъ университетахъ укоренился за послѣднее время обычай читать публичныя лекціи по важнѣйшимъ злободневнымъ вопросамъ общественной жизни, посѣщаемыя студентами всѣхъ факультетовъ. Не малую роль, по мнѣнію Паульсена, могутъ сыграть также студенческіе кружки саморазвитія, но въ томъ одномъ лишь случаѣ, если въ нихъ будутъ допускаться представители самыхъ различныхъ симпатій и направленій, а самый трудъ будетъ носить чисто теоретическій характеръ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, долженъ быть путь постепеннаго ознакомленія университетской молодежи не только съ одною наукой, но и съ практикой, самою жизнью. Почти вся энергія, идеализмъ, стремленіе къ активному участію въ судьбахъ родины должны выливаться въ эту форму сосредоточеннаго ознакомленія съ темными и свѣтлыми сторонами жизни, съ ареной предстоящей дѣятельности. Мы говоримъ «почти» вся энергія, такъ какъ есть задачи и сферы жизни, гдѣ, по мнѣнію Паульсена, студенческая молодежь могла бы

принять непосредственное и дѣятельное участіе и тѣмъ удовлетворить своей жаждѣ дѣла и самоотверженія. Въ главѣ «Soziale Mission der akademischen Jugend» онъ рекомендуетъ ей послѣдовать примѣру тѣхъ англійскихъ интеллигентовъ, которые среди непросвѣтной тьмы и нищеты восточныхъ кварталовъ Лондона организовали извѣстное поселеніе, Toynbee Hall, распространяющее вокругъ себя свѣтъ знанія и любви. Въ Копенгагенѣ точно также организованъ «*Датскій студенческій союзъ*», имѣющій уже 500 членовъ, цѣль которыхъ, кромѣ собственнаго совмѣстнаго воспитанія, состоитъ въ устройствѣ вечернихъ курсовъ для народа, въ эстетическомъ воспитаніи народа путемъ концертовъ, посѣщенія музеевъ, въ юридической помощи нуждающимся и т. п. Вообще, возникшее недавно такъ называемое «университетское движеніе» является, по мнѣнію Паульсена, превосходнымъ поприщемъ для приложенія свободныхъ, просящихся наружу силъ студенческой молодежи. Такая дѣятельность не могла бы явиться «отвлеченіемъ» студента отъ его непосредственной задачи. Docendo discimus, говорили еще римляне, и съ тѣхъ поръ это стало элементарной педагогической аксіомой. Да, уча, учимся, и многому могла бы научиться университетская молодежь, принявъ участіе въ современномъ университетскомъ движеніи. Кромѣ того, такая просвѣтительная дѣятельность могла бы способствовать въ значительной степени устраненію той глубокой пропасти, какая существуетъ еще и до сихъ поръ, даже въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, между интеллигенціей и необразованными слоями народа, не говоря уже о томъ, что трудно найти болѣе плодотворную нравственную школу для учащихся высшихъ школъ, какъ именно такая дѣйственная, а не на словахъ только, «уплата долга народу», начинающаяся уже со школьной скамьи. Паульсенъ, впрочемъ, не раздѣляетъ того сентиментально-филантропическаго взгляда на народныя массы, по которому послѣднія не въ состояніи сами по себѣ, безъ нашей помощи, подняться на болѣе высокую ступень культуры; онъ замѣчаетъ въ народныхъ массахъ Запада «могучее и глубокое духовное движеніе», возникшее спонтанейно и чреватое славнымъ будущимъ. Но все же, несмотря на это, Паульсенъ склоненъ усматривать въ изолированности ученыхъ отъ народа «опасность для всей нашей культуры». Противъ современнаго университетскаго движенія возражаютъ, что оно можетъ дать въ результатѣ одно лишь вредное «полуобразованіе»; надѣливъ массы лишь «верхами» знанія, оно способно внушить имъ высокомѣріе и самодовольство недоучекъ, т.-е. качества, и безъ того ужъ распространенныя безъ мѣры въ наше время. Профессоръ Паульсенъ думаетъ, наоборотъ, что народные университеты, правильно организованные, и не призваны къ тому, чтобы дать народу цѣльное знаніе по всевозможнымъ отраслямъ. Да и гдѣ такое цѣльное знаніе существуетъ? Народные университеты должны, главнымъ образомъ, распространять повсюду научный духъ, правильные ме-

тоды мышленія и изслѣдованія, все моменты, способные, наоборотъ, зажечь повсюду священный огонь недовольства своимъ знаніемъ, *на какой бы высокой ступени оно ни было*, и разсѣять то тупое самомнѣніе и умственное самодовольство, которыя, дѣйствительно, являются одними изъ самыхъ несимпатичныхъ чертъ не только полуобразованнаго, но и такъ называемаго образованнаго общества. Полнота знанія недоступна никому, и мы всѣ, даже самые ученые изъ насъ, обречены въ сущности, весь свой вѣкъ оставаться полуобразованными, полунеучами. Гёте давно ужъ осмѣялъ тѣхъ, которые рѣшаются говорить о себѣ:

Zwar weiss ich viel,
Doch möcht' ich alles wissen...

Признакомъ истинно образованнаго человѣка является вѣчно недовольство присущимъ ему багажомъ знанія, интеллектуальная, чисто сократовская скромность да никогда не потухающій критическій духъ, никогда не полагающійся на сужденіе другого. Съ точки зрѣнія даннаго мѣрила, скромный работникъ, посѣщающій столь же скромный «народный университетъ», можетъ оказаться «образованнѣе» иного «ординарнаго профессора», замурованнаго въ свою узенькую спеціальность и враждебнаго всякой новой мысли.

Неохотно мы разстаемся съ книгой Паульсена, заключающей въ себѣ много плодотворныхъ указаній и побуждающихъ къ размышленію идей. Эту книгу можно назвать истинною энциклопедіей знаній, относящихся къ самымъ различнымъ сторонамъ современной университетской жизни, и могущей служить настольною книгой для всякаго, спеціально интересующагося даннымъ вопросомъ. Мы передали здѣсь вкратцѣ лишь самую незначительную часть настоящаго труда, содержащаго въ себѣ еще цѣлыя главы о такихъ первостепенныхъ вопросахъ современной университетской политики, какъ высшее женское образованіе, свобода ученія (Lernfreiheit) въ университетахъ, система замѣщенія каѳедръ, студенческія организаціи, государственные и факультетскіе экзамены и т. д. Каждому, болѣе близко заинтересованному всѣми этими важными и столь злободневными вопросами, мы рекомендуемъ этотъ трудъ извѣстнаго берлинскаго философа и педагога, заключающій въ себѣ кромѣ всѣхъ перечисленныхъ достоинствъ, еще драгоцѣнныя литературныя указанія.

Евгеній Лозинскій.

Я помню этотъ шумъ—шумъ жизни молодой!
Распались цѣпи ледяныя,
И звонкіе ручьи, какъ слезы золотыя,
Какъ слезы радости предъ новою весной,
Струились по землѣ...
И тамъ—въ полупрозрачной мглѣ
Весеннихъ облаковъ съ ихъ нѣжной красотой—
Я слышалъ тотъ же шумъ—шумъ жизни молодой!
И птицы вольныя, и вешняя вода,
Слились въ одинъ аккордъ тогда:
Жить, жить!

Я слышу этотъ шумъ—шумъ жизни молодой!
Нѣтъ мертвыхъ дней оцѣпенѣнья,
И рѣчи пылкія, и радостное пѣнье
Пахнули на меня живительной весной!
Я вѣрю—жизнь идетъ
Съ могучей силою впередъ,
И дрогнула кора преграды ледяной
Подъ этотъ первый шумъ—шумъ жизни молодой!
О, юность чудная! ты манишь на просторъ,
Въ одинъ аккордъ слился твой хоръ:
Жить, жить!

А. Лукьяновъ.

ИЗЪ ЭПОХИ 60-хъ ГОДОВЪ.

(Неизданныя письма изъ „Женской жизни").

Предлагаемые отрывки изъ повѣсти въ письмахъ г-жи М. Крестовской „Женская жизнь", начало которой напечатано въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" за 1895 г., представляются болѣе или менѣе законченными эпизодами изъ обширнаго произведенія на исторической подкладкѣ, приготовляемаго авторомъ къ печати. Дѣйствительно, избравъ форму писемъ „обыкновенной, хорошей русской женщины", родившейся въ началѣ 30-хъ годовъ, къ горячо ею любимой двоюродной сестрѣ, съ которою она была ровесница и до конца жизни оставалась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, авторъ заставляетъ насъ ретроспективно пережить цѣлый періодъ интересной эпохи въ русской исторіи XIX-го вѣка. Героиня, — по происхожденію изъ стариннаго дворянскаго рода, провела дѣтство частью въ деревнѣ, частью въ губернскомъ городѣ. Воспитанная въ духѣ времени, она близко видѣла всѣ ужасы крѣпостного права, но до 18-ти-лѣтняго возраста жила полубезсознательною жизнью, увлекаясь танцами и удовольствіями, какъ обыкновенная барышня того времени, подъ строгою опекой гувернантки, родителей и особенно бабушки. Послѣдняя является по преимуществу представительницей традицій дореформенной Россіи и становится въ болѣе или менѣе открытую оппозицію съ новыми вліяніями освободительной эпохи. Между тѣмъ, въ самой Катѣ хорошіе задатки отзывчивой и живой натуры развернулись, когда молодая дѣвушка попала въ болѣе благопріятную для нея обстановку, которая и обусловила въ ней нѣкоторый духовный переломъ или пробужденіе. Это случилось съ переѣздомъ въ Москву, въ началѣ 50-хъ годовъ, когда Катя поселилась въ семьѣ своего дяди Семена Егорыча, у котораго жена, по происхожденію нѣмка—Луиза Андреевна, и пять человѣкъ дѣтей: три сына, Дмитрій, Сергѣй и Петръ и двѣ дочери, Раиса и Ольга. Попавъ въ новую среду высокообразованной и культурной семьи, Катя и сама преобразуется: впервые передъ нею раскрываются новые горизонты невѣдомыхъ дотолѣ вопросовъ и, къ ужасу своей матери, она начинаетъ прислушиваться къ спорамъ своихъ кузинъ со старшими братьями и ихъ товарищами, напр., „о причинахъ французской революціи и ошибкахъ конвента"... Катя принимается за чтеніе книгъ, изучаетъ русскихъ и иностранныхъ писателей и быстро развивается. Въ Москвѣ же ей пришлось испытать первое сильное горе—смерть отца, послѣ котораго она возвращается съ матерью въ деревню, но уже чувствуя себя новымъ человѣкомъ, начавшимъ жить сознательно—осмысленною жизнью. Поѣздка съ матерью за границу, въ Германію и Швейцарію, довершаетъ ея образованіе, а немного спустя умираетъ ея мать, и Катя совсѣмъ поселяется у своего дяди Семена Егорыча. Съ этихъ поръ ея письма значительно выигрываютъ въ интересѣ: личная жизнь Кати расширяется сочувственною отзывчивостью къ жизни другихъ людей и въ ея повѣствованіи

къ неизмѣнному другу дѣтства—впечатлѣнія по поводу тѣхъ или другихъ общественныхъ событій, новостей литературы и театра, чередуются съ ея собственными горями и радостями. Двадцати двухъ—трехъ лѣтъ Катя выходитъ замужъ за товарища своего двоюроднаго брата Дмитрія, Владиміра Петровича, который готовится къ профессорской дѣятельности. Но научная карьера не заслоняетъ въ его глазахъ запросовъ дѣйствительности, и Владиміръ Петровичъ, поклонникъ стараго славянофильства, въ его значительной, не выродившейся формѣ, одушевленъ тою вѣрою въ прогрессивныя силы общества, которая придаетъ особую окраску всѣмъ современникамъ и участникамъ, въ той или другой формѣ, съ той или другой точки зрѣнія—славянофильской или западнической, движенія, которое создало „эпоху великихъ реформъ". Поборникамъ новыхъ идей приходится, однако, испытать на своемъ пути и не мало терніевъ: Владиміръ основываетъ журналъ, но вскорѣ долженъ прекратить его и даже разстаться съ профессорскою дѣятельностью; Петръ, двоюродный братъ Кати, замѣшанъ въ политической исторіи и сосланъ въ Сибирь... Впрочемъ, эти событія разыгрываются уже въ дальнѣйшихъ главахъ повѣсти. Моментъ, къ которому относятся печатаемыя ниже письма,—начало 60-хъ годовъ. Катя уже пятый годъ замужемъ, у нея двое дѣтей; живутъ они съ мужемъ дружно, но уже подкрадывается нѣкоторый диссонансъ въ ихъ отношеніяхъ, пока, впрочемъ, заслоненный единодушнымъ восторгомъ обоихъ по поводу знаменательнаго событія 19-го февраля 1861 года. *Ред.*

Февраль 61 г. Москва.

Дожили! Дожили, Варюша! Дожили! Господи, рыдать, кричать отъ восторга хочется! Я просто какъ въ туманѣ хожу. Даже вѣрить страшно, все думается — а вдругъ проснусь! Вдругъ это только сонъ!

Когда Володя прибѣжалъ ко мнѣ вчера съ депешей въ рукахъ и прочелъ мнѣ ее, я закричала, какъ безумная, бросилась къ нему на грудь, и мы расплакались, какъ дѣти. Мы точно обезумѣли отъ восторга; мы и плакали, и смѣялись, и крестились отъ радости и депешу перечитывали разъ 20 и цѣловали другъ друга, точно мы сами это сдѣлали. Слишкомъ долго длилось напряженное состояніе ожиданія, надежды и страха, оттого и въ такой восторгъ излилось оно теперь. Хотѣлось броситься къ нему, этому освобожденному, наконецъ, народу, хотѣлось каждаго изъ него цѣловать, какъ милаго брата, возвращеннаго изъ долгаго тяжелаго рабства! Хочется не только радоваться вмѣстѣ съ нимъ и за него, о нѣтъ, этого мало, хочется въ ноги поклониться ему, наплакаться, нарыдаться у колѣнъ его, вымолить у него прощеніе за отцовъ своихъ, за дѣдовъ, за самихъ себя, за весь тотъ многолѣтній гнетъ, чрезъ который мы провели его. О если бы наша Раиса дожила до этого великаго дня, она, которая такъ страстно мечтала о немъ. Господи, Господи, наконецъ-то-таки совершилось!

Володя опомнился первый. Онъ вспомнилъ о нашихъ людяхъ, которые болѣе всѣхъ насъ имѣли право узнать скорѣй о великой перемѣнѣ въ ихъ жизни.

Мы взяли нашу драгоцѣнную депешу и пошли прочесть ее имъ.

Намъ хотѣлось созвать ихъ всѣхъ вмѣстѣ и разомъ всѣмъ прочесть ее, но въ столовой намъ попались Захаръ и Дуняша, накрывавшіе тамъ столъ, и, увидѣвъ ихъ, мы не выдержали, и я первая закричала имъ:

— Дуняша и, Захаръ слушайте, слушайте, что прочтетъ вамъ баринъ!

Дуняша, Захаръ, которые много разъ слышали отъ насъ о готовящейся реформѣ, поняли, должно быть, по нашимъ взволнованнымъ лицамъ, что-случилось что-нибудь необыкновенное, и, бросивъ столъ, молча остановились передъ нами.

Тогда Володя громкимъ и торжественнымъ голосомъ прочелъ имъ телеграмму, а я, пока онъ читалъ, жадно слѣдила за ихъ лицами.

Мнѣ хотѣлось подмѣтить на нихъ малѣйшій оттѣнокъ; уловить всякую мысль, что промелькнетъ въ головѣ ихъ, и я видѣла, какъ эти лица сначала радостно вспыхнули, потомъ поблѣднѣли отъ волненія, и Захаръ, вольный уже больше 20 лѣтъ, вдругъ широко перекрестился, вздохнувъ во всю грудь, когда Володя кончилъ читать. Дуняша же какъ бы растерялась въ первыя минуты; она вся побѣлѣла и молча, почти испуганно смотрѣла на насъ, точно не будучи въ силахъ уяснить себѣ суть дѣла.

Тогда я закричала ей:

— Дуняша, вѣдь, и ты и всѣ твои вольные теперь! Пойми, Дуняша, вольные, вольные!

Тогда Дуняша опомнилась наконецъ; она какъ-то судорожно взмахнула руками, всхлипнула и заплакала, какъ плакала и я сама нѣсколько минутъ тому назадъ.

Я бросилась къ ней и обняла ее. Она плакала и цѣловала мои руки, точно это я освободила ее, точно инстинктивно благодаря во мнѣ всѣхъ тѣхъ людей, что потрудились надъ этимъ святымъ дѣломъ.

А я, видя эти горячія слезы, не могла сдержаться и, отвѣчая на ея поцѣлуи, расплакалась снова... и кажется въ первый еще разъ въ жизни, несмотря на всю нашу привязанность съ нею, мы обнялись и поцѣловали другъ друга, какъ двѣ сестры, какъ двѣ равныя подруги, а не какъ барыня и служанка. Моя Дуняша уже давно лежала камнемъ на душѣ у меня. Къ несчастью, и она, и вся ея семья приписаны къ бабушкѣ и поэтому мы не могли дать ей вольную, когда давали другимъ, а бабушка изъ какого-то ей одной понятнаго упорства ни за что не соглашалась ни уступить, ни продать намъ ее. «Продать»! Боже, какое постыдное, ужасное слово въ примѣненіи къ живому человѣку и

какой позоръ для всего остального человѣчества, что оно могло существовать—и такъ долго еще! Но зато какъ же я была рада теперь за нее, эту вѣрную подругу мою съ самаго дѣтства; мнѣ такъ тяжело было сознавать ее во власти деспотической старухи, что, боясь еще больше повредить ей, послѣдніе годы почти не рѣшалась уже и просить за нее, а между тѣмъ, кажется, единственно это, т.-е. ея крѣпостное состояніе, заставляло Захара колебаться жениться на ней. Вольный самъ, ему и жену, понятно, хотѣлось имѣть вольную же, а женясь на Дуняшѣ, даже съ разрѣшенія бабушки, на которое тоже не слишкомъ можно было разсчитывать, онъ тѣмъ самымъ не только жену, но и самого себя отдавалъ произволу и власти капризной старухи. Не мудрено, что ему этого не хотѣлось, но зато теперь, Богъ дастъ, ихъ дѣло скоро уладится.

Подѣлившись съ нашими любимцами, мы велѣли созвать имъ остальныхъ и прошли въ кухню. У насъ теперь вѣдь довольно большой штатъ, потому что, кромѣ прежнихъ трехъ, прибавились еще няня и кормилица.

Снова прочли мы людямъ, уже всѣмъ вмѣстѣ, нашу депешу и опять внимательно, и пытливо слѣдила я за выраженіемъ ихъ лицъ. Но... но представь, должна признаться, что на этотъ разъ была немножко разочарована полученнымъ впечатлѣніемъ.

И няня (она не наша, но давно уже отпущена своими господами на оброкъ и живетъ по людямъ), и кормилица, правда тоже уже вольная, потому, что была отпущена нами еще три года тому назадъ, вмѣстѣ съ другими, приняли это извѣстіе почти равнодушно, а Дороѳеичъ... такъ даже злобно какъ-то.

Онъ ничего не сказалъ и только сердито застучалъ кострюльками и сковородами, немедленно же принявшись опять за работу, точно вѣсть, которую онъ только что услышалъ, не стоила даже и того, чтобы изъ-за нея отрываться отъ дѣла. Я не шутя огорчилась этимъ и просто не понимала, чѣмъ объяснить это.

— Ну что же,—сказала первая няня, и то больше, кажется, изъ приличія, потому что чувствовала, что господа чего-то ждутъ отъ нихъ,—ну что же, дай Богъ царю-батюшкѣ здоровья!

Но Захаръ, тоже какъ будто слегка сконфуженный и огорченный равнодушіемъ своихъ товарищей, горячо подхватилъ ея слова.

— Да ужъ такъ-то дай, такъ-то дай,—сказалъ онъ, снова крестясь,—чего же теперь лучше! Великое дѣло сдѣлалъ государь императоръ! Теперь по крайности народъ вздохнетъ!

И это были единственные горячіе слова, вырвавшіяся у этихъ освобожденныхъ людей, и сказалъ ихъ вольный человѣкъ!

Мужъ, между тѣмъ, началъ объяснять имъ подробнѣе ихъ новыя права и положеніе, и его слушали, надо отдать справедли-

вость, кромѣ Дороѳеича, который точно нарочно продолжалъ стучать своими сковородками, серьезно и внимательно.

Пока онъ имъ объяснялъ, въ кухню вошелъ за чѣмъ-то, кажется за ведрами, дворникъ нашего дома, молодой парень лѣтъ двадцати, Гаврила, или Гаврюха, какъ его тутъ всѣ зовутъ.

Это хорошій веселый малый, балагуръ, но большой лѣнтяй, за что ему сильно достается отъ хозяина нашего дома, вообще не стѣсняющагося на расправы.

Но Гаврюха относится къ этимъ расправамъ съ поразительнымъ спокойствіемъ, и тотчасъ же послѣ нихъ его опять уже можно видѣть за воротами, безпечно грызущимъ семячки и весело заигрывающимъ съ проходящими мимо горничными и кухарками.

Ему тоже прочли телеграмму, и онъ былъ единственный, который отнесся къ дѣлу хоть и курьезно, но зато живо и съ интересомъ.

— Ну!—вскрикнулъ онъ, выслушавъ чтеніе.—Значитъ мы теперича ужъ того, вольные, братъ!

— Вольные, Гаврила, вольные,—сказалъ ему Владиміръ, съ удовольствіемъ, какъ и я, смотря на его оживившееся, добродушное лицо.

— И назадъ уже того, не отдадутъ, значитъ?—спросилъ онъ опять.

— Не отдадутъ, и отнынѣ будете вольными и вы, и дѣти ваши, и внуки, и правнуки, и такъ пойдетъ уже навсегда.

— Ну дѣла,—сказалъ Гаврюха, отъ удовольствія сдвигая шапку на бекрень и почесывая затылокъ.

— И драть, значитъ, тоже нынѣ уже не будутъ?—спросилъ онъ все еще недовѣрчиво.

— Ни драть, ни драться никто уже не будетъ имѣть права, —сказалъ ему Володя и прибавилъ, чтобы онъ не позволялъ больше бить себя своему хозяину.

— Ну дѣла,—повторилъ опять Гаврюха и чему-то весело засмѣялся.

— То-то господамъ-то, тошно жить нонѣ станетъ,—объявилъ онъ вдругъ,—и выпороть, значитъ, некого!

Мы всѣ невольно разсмѣялись такому неожиданному выводу, а Дороѳеичъ, точно только этого и ожидавшій, сердито накинулся на него:

— Мало васъ драли-то, видно,—сказалъ онъ съ какимъ-то страннымъ озлобленіемъ,—когда бы больше-то драли, такъ, може, и проку-то отъ васъ больше бы было.

— Ну, ужъ это ты, Дороѳеичъ, напрасно,—мягко замѣтилъ ему Володя,—битьемъ ничему не поможешь, потому что изъ дурного

человѣка хорошаго этимъ не сдѣлаешь, а хорошаго только испортишь.

— Такъ это нешто люди!—сказалъ Дороѳеичъ, сердито кивая на Гаврилу.

— А кто же они?—строго спросилъ его мужъ.

— Ироды, вотъ кто!—проворчалъ Дороѳеичъ и еще сердитѣе застучалъ ухватомъ, который совалъ въ печь, — обрадовались, свирѣпо продолжалъ онъ,—что волю дали, заржали, а кто васъ, олуховъ, кормить-то теперь будетъ? Объ этомъ бы лучше подумали, чѣмъ загодя-то зубы скалить.

— Кто? Богъ!—сказалъ весело Гаврюха, все время только благодушно ухмылявшійся на всѣ выходки Дороѳеича, точно онѣ не къ нему относились.

— Онъ-то, сказываютъ, подобрѣе господъ будетъ, значитъ, и кормить лучше будетъ,—сбалагурилъ онъ опять по привычкѣ.

Но мужъ перебилъ его.

— Все это ты, Дороѳеичъ, вздоръ говоришь,—началъ онъ уже серьезно, — не вы нами жили, а ужъ если на то пошло, то скорѣй мы вами до сихъ поръ кормились. Такъ что если кому придется теперь труднѣе, то ужъ скорѣй намъ, чѣмъ вамъ, а вы, Богъ дастъ, прокормите себя тѣмъ же трудомъ, какимъ до сихъ поръ кормили насъ. Руки и сила при васъ вѣдь останутся, а работы много поубавится.

Эти слова и на Дороѳеича, кажется, подѣйствовали, потому что онъ замолчалъ, а Захаръ, всегда слегка воюющій съ нимъ, не выдержалъ и разсердился на него.

— Ну, ужъ и характеръ у тебя, Дороѳеичъ,—сказалъ онъ ему съ укоромъ,—то-есть не приведи, кажись, Господи, такой имѣть! Ничѣмъ на человѣка не угодишь, чѣмъ бы ему радоваться да Бога благодарить, а онъ, на тебѣ, почитай, что чуть не плачетъ, да бранится...

— Что мнѣ радоваться,—сумрачно отвѣчалъ ему Дороѳеичъ,—мнѣ радоваться нечему—я, слава тебѣ Господи, свое изжилъ; мнѣ сызнова не начинать стать, а объ другихъ-то и впрямь, можетъ, плакать придется.

— Да почему же это, почему?—воскликнули мы оба съ Владиміромъ совсѣмъ сбитые этою странною и непонятною для насъ логикой.

— Да ужъ потому,—угрюмо, не глядя на насъ своими острыми, глубоко сидящими подъ сѣдыми взъерошенными бровями глазами, сказалъ Дороѳеичъ,—потому народъ-то еще больше избалуется; и безъ воли-то мазуриковъ не оберешься, а при волѣ-то почитай, что изъ каждой деревни половина по Владиміркѣ зашагаетъ.

— Зачѣмъ по Владиміркѣ,—вмѣшался опять Гаврюха, кото-

рому, кажется, доставляло большое удовольствіе дразнить сердитаго старика,—зачѣмъ по Владиміркѣ, сказалъ онъ, въ Москвѣ не въ примѣръ веселѣй!

— Да почему же, Дорофеичъ, тебѣ все это такъ представляется?—спросилъ его Володя, перекинувшись со мной недоумѣвающимъ взглядомъ и рѣшительно становясь втупикъ предъ этими мрачными картинами, рисовавшимися почему-то въ воображеніи нашего старика. Но Дорофеичъ только упорно твердилъ свое «да ужъ потому», и никакихъ дальнѣйшихъ объясненій давать не желалъ. А намъ съ Володей такъ хотѣлось разобраться правильнѣе въ впечатлѣніяхъ нашихъ людей, что мы невольно медлили уходить отъ нихъ, хотя и начинали понимать, что, кажется, ничего толкомъ не добьемся.

Но кормилица ушла къ маленькой, которая проснулась и заплакала, а Гаврилѣ тоже некогда было стоять. Онъ взялъ ведра, за которыми пришелъ, но вдругъ передумалъ и бросилъ ихъ.

— Не стану и ведеръ сегодня на радостяхъ таскать. Пойду, скажу хозяину! такъ и такъ, молъ, мы теперь вольные — значитъ сами себѣ господа, не желаю, дескать, ведеръ и дрова таскать; пущай нонѣ самъ на всѣ квартиры таскаетъ! — сбалагурилъ онъ напослѣдокъ и, заломивъ привычнымъ жестомъ на бекрень свою рваную фуражку, дѣйствительно, ушелъ изъ кухни безъ ведеръ, сопровождаемый общимъ смѣхомъ и сердитымъ ворчаньемъ Дорофеича.

— Вотъ она воля-то!—сказалъ онъ намъ съ упрекомъ.—Почитай что и не нюхали ее еще, а ведра-то вонъ уже середи кухни бросили! Волю-то дали, а разума-то на нея у нихъ еще не припасено! Одно слово—темный людъ, а темнаго-то человѣка на свою волю отдашь, все одно, что молодого коня безъ повода пустить.

Мы съ Володей невольно остановились, пораженные одною и тою же мыслью.

— Вотъ за это, Дорофеичъ, спасибо, вотъ въ этомъ ты отчасти правъ!—воскликнулъ Володя почти съ радостью, что разгадалъ, наконецъ, старика но и объ этомъ, милый другъ, не сокрушайся; разумъ отъ Бога всѣмъ одинаковый дается, какъ господамъ, такъ и народу, а народъ темнѣе насъ только потому, что его не учатъ, но лиха бѣда начать; погоди, старикъ, не сокрушайся, не пройдетъ и 20 — 30 какихъ-нибудь лѣтъ, какъ на всей Руси не останется больше ни одного неграмотнаго темнаго человѣка; мы всѣ станемъ помогать вамъ учиться, и коли не ты, то внуки твои доживутъ еще до этого времени! — воскликнулъ Владиміръ съ пророческимъ жаромъ, который горячимъ откликомъ отозвался въ моемъ сердцѣ. Да и возможно-ли не вѣрить этому теперь, когда прекрасное начало уже

засвѣтилось надъ нами своею свѣтлою зарей; невольно вѣришь и хочешь вѣрить, что отъ этой зари недалеко уже и до полнаго яркаго разсвѣта. Но нашъ неумолимый доморощенный скептикъ опять немножко смутилъ насъ своимъ отвѣтомъ, въ которомъ, кто знаетъ, быть можетъ, тоже гласитъ свое печальное пророчество.

— Эхъ, сударь,—сказалъ онъ точно съ укоризной или насмѣшкой, — скоро-то только сказки сказываются, а дѣло-то не скоро дѣлается...

Тогда мы съ Володей окончательно махнули на него рукой и, жалѣя портить свое собственное свѣтлое настроеніе, вернулись къ себѣ.

Но долго мы еще не могли успокоиться; мы ходили взадъ и впередъ по нашей залѣ, мечтая, строя разные планы и старались предугадать, какъ все пойдетъ теперь въ «новой Россіи!». Отъ волненія мы не могли даже обѣдать и вышли изъ-за стола, не досидѣвъ конца его. Прислуживавшіе намъ Дуняша и Захаръ продолжали съ большимъ интересомъ разспрашивать насъ о разныхъ подробностяхъ освобожденія, и та радость, которая невольно сквозила въ ихъ разспросахъ, положительно трогала насъ и искупала злой скепцизмъ Дороѳеича и какое то странное равнодушіе другихъ.

Послѣ обѣда прибѣжалъ Дмитрій, которому Володя послалъ записку. Дмитрій тоже былъ въ полномъ восторгѣ и такъ возбужденъ извѣстіемъ, что еще сильнѣе воодушевилъ насъ, и мы опять, уже втроемъ, начали строить всевозможные планы и совсѣмъ размечтались.

Между прочимъ, Володя разсказалъ ему о мрачномъ настроеніи нашего домашняго «Демокрита», какъ его въ шутку называетъ Дмитрій, а также и его заключительныя слова, что «волю дали, а разума у нихъ нѣтъ!»

— Каковъ старикъ, въ самую точку попалъ!—воскликнулъ Дмитрій и прибавилъ, что это былъ одинъ изъ противной стороны, на который они особенно упирали.

— Они кричали, говорилъ онъ, что народъ не подготовленъ для воли, потому что совершенно невѣжественъ. Но, спрашивается, какъ бы могли начать подготовлять его, не давъ предварительно волю! Какъ было учить, когда любой помѣщикъ могъ запретить это своимъ крестьянамъ и не только самъ бы для того ничего не сдѣлалъ бы, но въ своихъ владѣніяхъ свободно могъ бы мѣшать и ставить всевозможныя препятствія даже самому правительству, не только уже частной иниціативѣ. Зато какъ чудесно можно поставить это дѣло теперь, когда никто не будетъ имѣть права тормозить его! И вотъ,—говорилъ Димитрій,—куда ринется теперь вся наша молодежь—только распахните предъ нею двери,

только не мѣшайте ей, и я увѣренъ, что всѣ лучшія силы ея устремятся туда, да и само правительство, навѣрное, и за этотъ вопросъ примется также горячо, какъ и за предшествовавшій! Не знаю,—сказалъ Дмитрій, блестя разгорѣвшимися глазами,—не знаю, можетъ быть, я ошибаюсь, но теперь я убѣжденъ, глубоко убѣжденъ, что лѣтъ чрезъ 30 на Руси не останется ни одного неграмотнаго человѣка, а вмѣстѣ съ этимъ поднимется разомъ и общая культурность всего народа, всей страны! Теперь мы живо догонимъ Европу!

Его слова до такой степени совпадали съ тѣмъ, что только что говорилъ Володя, что мы даже вскрикнули отъ удивленія. Ну что же, тѣмъ лучше! Чѣмъ больше будетъ вѣрующихъ въ это людей, тѣмъ горячѣе пойдетъ и самое дѣло, тѣмъ осуществимѣе его исполненіе, уже хотя бы потому, что сознаніе этой потребности значитъ назрѣло во всемъ обществѣ, а правительство, или вѣрнѣе государь, который не только не отстаетъ отъ общества, но идетъ даже впереди его, сознаетъ это не менѣе ясно, чѣмъ мы, а вѣдь въ этомъ вся сила!

— А потомъ,—продолжалъ размечтавшійся Дмитрій, — потомъ, Богъ дастъ, примемся и за реформу судовъ, а затѣмъ пройдетъ и отмѣна цензуры, а за нею даруется и свобода совѣсти. И это опять будетъ величайшая заслуга правительства, которая опять потребуетъ огромной энергіи и твердой воли съ его стороны, потому что противъ такой свободы возстанетъ все духовенство и съ нимъ придется повоевать не меньше, если не больше еще, чѣмъ повоевали съ дворянами по поводу освобожденія крестьянъ!

Владиміръ находитъ, что въ положеніе вкралось кое-что нежелательное; видимо, это уже вліяніе вмѣшавшихся сюда разныхъ господъ, «власть имѣвшихъ»; но даже и испорченное ими, оно все-таки же прекрасно и полно глубокаго смысла и любви къ своему народу, которая сквозитъ въ каждой мысли его. А эта знаменитая рѣчь государя, которую онъ произнесъ 28-го января въ государственомъ совѣтѣ! Я просто влюблена въ нее; не знаю какъ у васъ, но у насъ въ Москвѣ, и въ провинціи, она произвела глубочайшее впечатлѣніе и окончательно покорила молодому государю всѣ сердца.

Словомъ, всѣ мы здѣсь полны теперь самыми свѣтлыми надеждами, самыми прекрасными мечтами и, право, ходимъ, точно не по землѣ, а по небу. Никогда еще, кажется, общество, т.-е., по крайней мѣрѣ, лучшая его часть (въ смыслѣ убѣжденій, конечно), не было такъ солидарно съ правительствомъ и его задачами такъ полно самой горячей, самой преданной готовности служить ему всѣми своими силами!

Совсѣмъ ужъ было хотѣла кончать письмо, но не могу удержаться, что бы не передать тебѣ моего разговора потомъ съ няней и кормилицей, который очень характеренъ и только подтверждаетъ въ сотый разъ, отъ какого страшнаго зла и произвола избавило народъ освобожденіе. Когда мои мужчины ушли въ редакцію и я осталась одна, я все еще была такъ взволнована, что не могла оставаться спокойною и чувствовала потребность хоть съ кѣмъ-нибудь продолжать говорить все о томъ же.

Я хотѣла идти къ нашимъ, но у меня прихворнула немножко Ниночка, и я боялась оставить ее. Тогда я прошла въ дѣтскую, въ которой точно заключенъ какой-то секретъ успокаивать всѣ мои страсти и волненія, и разговорилась съ няней и кормилицей.

— Такъ какъ же, рады вы освобожденію?—спросила я ихъ опять.

— Вѣстимо рады,—сказала Марья,—мы-то, слава тебѣ Господи, безъ того, вашею милостью, вольные, да другимъ-то, по крайности, теперь полегчаетъ.

Няня же молчала и глядѣла до такой степени тупо и равнодушно, что меня это просто поражало и во что бы то ни стало хотѣлось вывѣдать, что она тамъ про себя думаетъ.

— А ты, няня, совсѣмъ, кажется, не рада?—спросила я, пытливо всматриваясь въ ея одутловатое, курносое лицо съ маленькими заплывшими глазками, вообще не богатое мимикой.

— Чего же не рада? И я рада,—сказала няня флегматично и, помолчавъ минутку, точно соображая что-то, прибавила:

— Я то, почитай, что и теперь все одно, что вольная, потому, значитъ, что ужъ годовъ 15 по оброку отъ барыни отпущена. Онѣ у насъ добрыя, деньгами не тѣснятъ. Я тутъ какъ-то безъ мѣста была, такъ генеральша-то, дай ей Богъ здоровья, больше года оброка-то ждала.

— Ну а теперь тебѣ и вовсе его платить не нужно будетъ,—сказала я,—такъ вѣдь это же лучше, я думаю?

Это даже и няня поняла, и лицо ея слегка оживилось.

— Да ужъ чего не лучше,—согласилась она,—вѣстимо лучше.

— Ты сколько оброку-то платишь въ годъ?

— 50 рублевъ ассигнаціями.

— Ну вотъ видишь, а теперь они тебѣ самой оставаться будутъ. Поняла?

— Чего не понять, ужъ на что лучше,—сказала опять няня уже съ полнымъ оживленіемъ.—Дай Богъ царю-батюшкѣ здоровья, пожалѣлъ бѣдныхъ людей!—и она набожно перекрестилась.

«Вотъ когда только поняла», невольно подумала я, но вѣдь это только матеріальная сторона вопроса, а мнѣ хотѣлось дознаться, можетъ ли она оцѣнить и понять все нравственное значеніе своей свободы.

— Что же,—спросила я стараясь навести ее на то, что меня интересовало,—развѣ ужъ вамъ такъ хорошо жилось у вашихъ господъ?

— Ужъ какое же наше житье, барыня,—сказала няня, вздыхая,—холопское житье извѣстно, подневольное, горькое, какая же въ немъ сладость. На конюшнѣ-то почитай кажиной день кого-нибудь драли, особливо за побѣги, кого ежели поймаютъ; а у насъ народу страсть много бѣгало, ну да развѣ на своихъ-то на двоихъ далече уѣжишь! Извѣстно поймаютъ, да и дерутъ.

— Ну вотъ видишь, видишь,—воскликнула я,—а теперь ужъ этого никогда больше не будетъ.

Но няня не очень-то этому, повидимому, довѣряла.

— Да кто ихъ знаетъ,—сказала она съ сомнѣніемъ,—будетъ али не будетъ, господа-то вѣдь все тѣ же останутся.

— Господа-то тѣ же, да законъ уже не тотъ,—сказала я,—и воли у насъ прежней надъ вами не будетъ.

— Развѣ что такъ—согласилась няня какъ-то неохотно, точно больше изъ нежеланія противорѣчить мнѣ. Что имъ дадутъ какую-то волю — этому она еще вѣрила хотя и не понимала ясно, въ чемъ собственно эта воля будетъ заключаться, но что когда-нибудь настанетъ такое время, что ихъ, крестьянъ, перестанутъ бить—это, уже повидимому, представлялось ей настолько невозможнымъ и несообразнымъ, что на всѣ мои увѣренія она смотрѣла, какъ на пустыя слова. И какъ это ужасно, какъ постыдно для всѣхъ насъ, которымъ отданы были «малые сіи», что мы умѣли до такой страшной глубины вкоренить въ нихъ покорность предъ сознаніемъ неизбѣжности этой порки, что они не только уже не возмущаются ею, но почти не понимаютъ уже того, что можетъ быть какъ-нибудь иначе, и не вѣрятъ, что это прекратится даже и теперь, когда ихъ освободили.

— Бога-то тоже гнѣвить нечего,—сказала няня, вдругъ разговорившись,—какъ баринъ-то померъ, намъ много легче пошло. Почитай и свѣтъ-то только взвидѣли, какъ прикончился. Барыня—прямо говорить надо—вольготная, она и на деревню-то николи не заглядываетъ; ей значитъ подай только оброкъ или что кому тамъ положено, а до другого прочаго она и не доходитъ даже. Ну, а ужъ баринъ былъ, и-и, не приведи Богъ какой привередникъ и откуда что только бралось въ немъ! Самъ-то маленькій, щупленькій, ровно мальчикъ, и ужъ послѣдняго возраста господинъ былъ, но ужъ выдумщикъ — и не сыскать такихъ. Чего, чего онъ только надъ народомъ не придумывалъ, особливо надъ нашей сестрой И вѣдь нѣтъ ему, что бы такъ попросту человѣка наказать, а все съ издѣвкой да съ придумкой, чтобы, значитъ, одною обидой-то человѣка до слезъ довести. Бывало, къ примѣру сказать, по-

зоветъ онъ насъ, дѣвокъ, на ночь, пятки себѣ чесать; онъ это страсть любилъ, безъ того и спать не ложился, безпремѣнно, чтобы, значитъ, двѣ дѣвки стояли, и пока не заснетъ, не смѣй отойти—чеши. А сна-то у него, кто его знаетъ съ чего, отъ старости что ли, почитай что и не было—чуть бывало пристанешь, а онъ ужъ и глазъ открылъ. Вотъ такъ-то бывало, милыя мои, до пѣтуховъ съ нимъ и маешься, индо въ ломоту всю ударитъ. А ужъ и духъ же у него отъ ногъ-то шелъ, ужъ на что нашъ братъ мужикъ на все свыченъ, а и то съ души воротило. Другая-то не выдержитъ, да и убѣжитъ; молъ, что хотите со мной, значитъ, дѣлайте, а этого нѣтъ силушки снести. Такъ что вы себѣ, милыя, думаете, что старый-то нашъ въ острастку имъ придумалъ! Какъ какую въ томъ запримѣтитъ, такъ сейчасъ велитъ ее по утру въ садъ подъ липы весть. А у насъ подъ липами-то этими варенье варили, вотъ, значитъ, мухъ тамъ разныхъ да пчелъ этихъ не обобраться стать было. Ну вотъ, приведутъ дѣвушку къ тому мѣсту, велитъ онъ ее тамъ разложить, чтобы руками значитъ къ дереву прикрутить, а ноги другъ къ дружкѣ, да коломъ въ землю-то и притянуть, это чтобы, значитъ, ворочаться не могла. Вотъ разложутъ ее такъ-то, а пятки велитъ медомъ, либо патокой намазать, чтобы мухамъ приманка-то была, и двухъ дѣвокъ подлѣ съ вѣтками надъ ней посадитъ—«это говоритъ, ей для парада, да чтобы и муха на прочее тѣло не шла, а только, значитъ, на пятки однѣ». И вѣдь самое это его разлюбезное удовольствіе было, сейчасъ велитъ себѣ туда кресло прикатить, на колесикахъ у него такое было, да чайку, либо квасу себѣ туда принесть, а то и варенье прикажетъ другимъ варить и пѣсни пѣть и сидитъ себѣ, значитъ, подлѣ, чаекъ попиваетъ, святцы читаетъ, а самъ все шутки разныя приговариваетъ.

— Вы, говоритъ, это дѣвушкамъ-то, значитъ, что съ вѣтками-то приставлены, личико ея кусать имъ подлымъ не давайте, потому оно образъ и подобіе Божіе, его, значитъ, и повреждать грѣхъ, а пяткамъ, говоритъ, отъ того одно удовольствіе только. Опять же, говоритъ, и мухъ безъ разбора не допускайте, вотъ комариковъ да жужжалокъ комнатныхъ это можно, а шмелей Боже упаси, ну а коли пчела сядетъ, значитъ такъ Богъ велѣлъ, сгонять не смѣйте, потому она Божья работница, ею и церкви теплятся, и человѣку отъ нея польза и удовольствіе, ей, значитъ, и полакомиться не грѣхъ.

— И вотъ такъ-то бывало, что больше сидитъ, то больше прибаутокъ приговариваетъ, даже веселый такой станетъ, точно и впрямь что потѣшное видитъ, либо въ кіатрѣ сидитъ. И что больше дѣвка кричитъ, то ему радости больше.

— Покричи, говоритъ, душенька, покричи, вишь у тебя го-

лосокъ-то какой звонкій да раскатистый, оно и послушать пріятно, а зато, говоритъ, Пашенька либо тамъ Машенька, ты и чужія пятки чесать расчудесно научишься, какъ свои-то почешутся, и отъ духа, у кого если онъ отъ Бога положенъ, носика своего воротить, значитъ, не будешь.

— И что бы вы думали, въ иное-то время всѣ у него Палашки да Матрешки, а тутъ и честь величать начнетъ, молъ Пашенька, да душенька, и голосокъ-то у него елейный станетъ, ровно въ церкви акаѳистъ читаетъ. Да, ужъ затѣйникъ былъ, покойникъ, царство ему небесное, народу-то тоже не мало на своемъ вѣку помучалъ, особливо съ молоду-то. Съ бабами озорникъ страсть какой былъ! Сколько онъ нашей сестры перепортилъ! А которой ежели не въ охоту, такъ не токмо что на скотный ссылали, либо въ дальнія вотчины, а и впрямь до смерти засѣкали, чтобы другимъ значитъ въ острастку. Народъ-то говаривалъ, что мужики-то ужъ и убить его сговорившись были—не въ терпежъ, значитъ, пришлось. Одинъ разъ совсѣмъ чуть было не прикончили, ну да помиловалъ Богъ, а все же почитай, что десятокъ въ Сибирь на каторгу за это-то дѣло сослали. Ну все же и на него опосля того страхъ нашелъ, да и въ года, значитъ, пожилые вошелъ, бросилъ этимъ заниматься. Все потомъ по монастырямъ ѣздилъ, да книжки священныя читалъ. Замаливалъ значитъ...

И няня замолчала, задумчиво подпершись рукой, но ни въ лицѣ ея, ни въ голосѣ не было при этомъ разсказѣ ни озлобленія, ни осужденія. Она разсказывала спокойно, точно сказку какую. А Марья слушала ее даже съ удовольствіемъ и когда няня кончила, Марья засмѣялась самымъ добродушнымъ и искреннимъ образомъ и сказала:

— Забавникъ, впрямь, забавникъ, и что только не придумаютъ-то!

А мнѣ было больно и горько и отъ этого отвратительнаго разсказа, и отъ веселаго, не омрачившагося ни разу лица Марьи, и отъ благодушнаго равнодушія няни, съ которымъ она все это только что разсказывала, и я даже не знала, что сказать имъ на все это.

Но вмѣсто няни заговорила опять Марья.

— Вотъ у васъ,—начала она точно съ какимъ-то соревнованіемъ и не безъ удовольствія,—баринъ не хорошъ былъ, а барыня ничего, а у насъ насупротивъ того было. Баринъ-то нашъ, дѣдинько вашъ значитъ, барыня, прямо можно сказать ангелъ Божій былъ, а ужъ барыня зато, бабинька ваша, не приведи Богъ строгая была. Отецъ-то мой и посейчасъ ее боится, даромъ что вы ему вольную пожаловали, а онъ баетъ: «Что воля—старая-то барыня, баетъ, ежели захочетъ, такъ и вольнаго на смерть запо-

ретъ, либо въ Сибирь сошлетъ!» Да и не онъ одинъ этакъ-то говоритъ, и другія есть, что какъ ей на глаза, такъ сейчасъ и лихоманка затрясетъ. Даромъ что сама-то она никого николи пальцемъ не тронула, такъ прямо и говорила завсегда: «Не дворянское молъ дѣло о всякую дрянь руки марать, на то, молъ, и холопья есть».

И моя Марья простодушно разсказала, какъ бабушка, разсердясь бывало за что-нибудь на покойника дѣдушку и желая разомъ наказать и его и кого-нибудь изъ провинившихся дворовыхъ, велитъ бывало конюхамъ отвести жертву на конюшню для расправы, а дѣдушкѣ стоять подлѣ и отсчитывать удары. Старикъ, подъ конецъ жизни совсѣмъ подпавшій подъ ея власть и трепетавшій ея не меньше крѣпостныхъ, рыдалъ, считая эти позорные удары, но уйти все-таки не смѣлъ и только издали молилъ бабушку о пощадѣ. Но бабушка оставалась непреклонна и раньше назначеннаго числа не отпускала ни жертву, ни дѣда, который по окончаніи экзекуціи каждый разъ плакалъ чуть не больше истязуемаго и валился ему въ ноги, прося прощенія за себя и жену.

Несчастный старикъ! воображаю, какъ ему съ его врожденною кротостью и добротою тяжко давались эти позорныя казни!

— А какъ померъ вашъ дѣдушка—продолжала словоохотливо Марья,—такъ на мѣсто его, за старшого значитъ, папинька вашъ, покойникъ, встали, потому старшій то братъ, Семенъ Григорьевичъ, дома не жили и бабинька ваша объ нихъ даже и поминать не любила. Зачѣмъ, дескать, на нѣмкѣ женился. Вотъ разъ бабушка то ваша прогнѣвалась на кого-то и велѣла 30 паръ отсчитать, а папенькѣ вашему смотрѣть идти. А молодой то баринъ и не пошелъ!

— Нѣтъ, говоритъ, маменька, волю вашу уважу, какъ кого наказать желаете, такъ значитъ, и накажу; ну а смотрѣть тутъ не на что, молъ, не представленіе какое. И самъ не пойду, и васъ не пущу!

Барыня-то старая какъ разсердится на него, какъ раскричится.

— Какъ такъ, значитъ, не пойдешь, какъ такъ не пущу!

Да баринъ-то не пужливъ былъ, не въ батюшку, а самъ въ матушку пошелъ.

— Да такъ, говоритъ, не пущу и не пойду и дверь отъ сарая наглухо запереть прикажу, чтобы, значитъ, и не слышно, и не видно ничего было бы. А вы, говоритъ, вотъ сидите въ своей, значитъ, залѣ и всякое удовольствіе себѣ получайте, а то дѣло и безъ васъ справятъ.

Ну, вѣстимо по первоначалу-то старая борыня кажинный разъ страсть какъ сердилась, индо проклясть хотѣла; ну да баринъ то не очень ее боялся, а пожалуй что она его еще больше того, да-

*

ромъ, что сынъ ей былъ. Ну а потомъ и перечить ему перестала, и что же бы вы милыя, думали, вѣдь какъ есть съ той самой поры у насъ и пороть меньше стали! По первоначалу-то за всякую пустяковину взыскивали, а тутъ и охота значитъ пропала. Оно и вправду, что и не видать, и не слыхать, какъ дѣло-то справляютъ и не стало барынѣ-то старой того удовольствія, какъ прежде бывало, такъ почитай, и совсѣмъ у насъ сѣчь-то потомъ перестали! докончила Марьюшка смѣясь.—А ужъ за барина-то молодого, батюшку вашего, значитъ, какъ народъ Богу-то молилъ!

«Да», подумала я невольно содрагаясь,—«свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»! Даже отецъ—такой умница, такой образованный и гуманный по своему времени человѣкъ—и тотъ даже отдавалъ дань своей эпохѣ и со спокойною совѣстью, по первому требованію своенравной старухи, приказывалъ «наказывать» людей какъ ей было угодно и только заботился плотнѣе закрывать лишь при этомъ двери! Какъ медленно подвигались мы на пути развитія, шагъ за шагомъ, ступенька за ступенькой, поколѣніе за поколѣніемъ, прежде чѣмъ дожили наконецъ до 19-го февраля 1861 г.

— Да, вырвалось у меня,—когда я наслушалась всѣхъ этихъ ужасныхъ разсказовъ,—да, молитесь вѣчно за нашего добраго государя, который освободилъ васъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ. Теперь ужъ никогда ничего подобнаго больше не будетъ!

— Вѣстимо не будетъ,—сказала весело Марья—теперь ужъ этого не моги; теперь ужъ кажному, значитъ, свое право будетъ!

Я вернулась къ себѣ въ комнату невольно повторяя эти простодушныя слова, «да теперь у каждаго, наконецъ, будетъ свое право!» Боже мой, какъ немного хотѣло въ сущности человѣчество, хотѣло только права, *имѣть каждому свое право*, и сколько жертвъ, сколько загубленныхъ жизней, сколько борьбы, энергіи и страшнаго труда потребовалось, прежде чѣмъ добиться этого, такого естественнаго, казалось бы, такого общечеловѣческаго, права!

Не могу передать тебѣ того растроганнаго чувства, которымъ полна сейчасъ вся душа моя къ нашему государю! Вотъ идеалъ монарха, идеалъ уже по одному этому горячему стремленію дать своему народу все благо, всю милость, какія только во власти его! И дать ее не избраннымъ, не близкимъ, которые всегда тутъ, всегда подлѣ, всегда на глазахъ со своею лестью, со своими ходатайствами, со своею силою и вліяніемъ, но дать ее именно тѣмъ забытымъ, обездоленнымъ и униженнымъ, которые даже и просить не смѣютъ! Ихъ вѣдь не видно изъ великолѣпныхъ залъ дворца; они далеко, за нихъ никто не проситъ, никто не ходатайствуетъ, они не льстятъ, не поклоняются тутъ же на глазахъ, забыть о нихъ такъ легко, а вспомнить такъ трудно! И какъ возмущаютъ меня фразы, въ родѣ того, какъ «что ему это стоило! Одного росчерка пера!», которыя многіе такъ

охотно повторяютъ; это хуже, чѣмъ неправда, это клевета, потому что мы всѣ знаемъ, сколько борьбы и всевозможныхъ интригъ и препятствій пришлось ему вынести, прежде чѣмъ осуществилась, наконецъ, его завѣтная мечта. Сколько ему мѣшали, какъ старались отклонить съ намѣченнаго пути, какими ужасами только не запугивали вплоть до угрозы ненависти всего дворянства и первыхъ ближайшихъ его приближенныхъ. А онъ не могъ не знать, къ чему приводитъ государей эта ненависть приближенныхъ! Даже Екатерина Великая, несмотря на весь свой умъ и энергію, несмотря на самое искреннее сначала желаніе сдѣлать то же самое, что сдѣлано только теперь, чрезъ столѣтіе послѣ ея вступленія на престолъ, не рѣшилась довести свое намѣреніе до конца и постепенно совсѣмъ отклонилась отъ него, а нашъ государь, несмотря ни на что, ни разу не поколебался, ни разу не отступилъ и предпочелъ пойти навстрѣчу всѣмъ опасностямъ и поставить на карту все личное спокойствіе и благополучіе, чѣмъ отступить и вышелъ наконецъ побѣдителемъ изъ этой далеко не равной борьбы; Не равней потому что помощниковъ искреннихъ, убѣжденныхъ и безкорыстныхъ подлѣ него было такъ мало, а противниковъ такъ много. Такъ дай же Богъ, чтобы онъ никогда не раскаялся бы въ томъ, что сдѣлалъ, чтобы ему никогда не пришлось назвать это ошибкой! У меня слезы льются, когда я молюсь за него, когда я только думаю о немъ, когда перечитываю одну эту чудную рѣчь его! Говорятъ, я энтузіастка; что же изъ того, развѣ это грѣхъ, развѣ порокъ! Я не боюсь своего энтузіазма и хочу, чтобы онъ всегда остался во мнѣ, да и развѣ можно не быть энтузіасткой въ такое великое и прекрасное время! Это время, которое мы переживаемъ, развѣ оно не знаменательно, не прекрасно, развѣ не полно значенія, мыслей и чувствъ, быть можетъ, лучшихъ, какія только когда-либо волновали человѣчество! Оно поневолѣ должно вырабатывать энтузіастовъ и борцовъ отъ престола до избы; но этотъ энтузіазмъ—святой энтузіазмъ и борцы, которыхъ оно вырабатываетъ, будутъ борцами правды и любви къ человѣчеству! А на такой почвѣ люди не уставали и, вѣроятно, никогда не устанутъ отдавать даже жизнь свою. И какъ счастливы всѣ мы, живущіе въ эти великіе, прекрасные дни, и какъ больно мнѣ за всѣхъ тѣхъ, которые такъ ждали ихъ, такъ мечтали о нихъ и не увидѣли... Но если есть сознаніе за гробомъ, если остается хоть какая-нибудь связь съ земнымъ, то и тамъ должна быть та же радость, то же прощеніе теперь за все, что было выстрадано ими тутъ и за что они ушли когда-то туда... Однако, пора кончить мое безконечное письмо; я могла бы писать сегодня еще много и долго, такъ переполнена вся душа моя, такъ горячо хочетъ она излиться въ словахъ восторга и благодарности, и съ тобой первой, невольно,

какъ всегда, дѣлится всѣмъ этимъ твой вѣрный старый другъ... Я знаю, что ты поймешь меня и это найдетъ откликъ и въ твоей душѣ, оттого такъ охотно и пишу тебѣ всегда. До свиданія же, моя дорогая, всѣмъ сердцемъ обнимаю тебя.

Твоя Катя.

Москва, 30-е марта 1861 г.

Вообрази, милая Варюша, какимъ сюрпризомъ разодолжила насъ бабушка! Нагрянула, какъ снѣгъ на голову!

Утромъ третьяго дня присылаютъ вдругъ за мной отъ нашихъ, отъ дяди Семена и тети Луизы, и просятъ скорѣй пожаловать, такъ какъ пріѣхала старая барыня!

Я просто ушамъ своимъ не повѣрила; что такое, думаю, вѣрно напутали что-нибудь, на что бабушкѣ пріѣзжать въ Москву, когда она послѣ смерти папеньки и въ Ольховку ѣздить перестала!

Но выхожу въ кухню, разспрашиваю хорошенько человѣка, въ чемъ дѣло. Оказывается, дѣйствительно, пріѣхала и людей съ собой даже привезла: лакея, повара, двухъ горничныхъ и любимую приживалку свою Домну Дормидоновну.

— Да почему же это,—спрашиваю,—для чего же собственно она пріѣхала?

— Ничего, говоритъ, толкомъ пока неизвѣстно, а сказываютъ только, что въ Москву онѣ проѣздомъ только, потому настоящій путь ихъ на Петербургъ будетъ!

— Какъ на Петербургъ?—изумляюсь я еще больше. Зачѣмъ же ей въ Петербургъ!

— Такъ точно,—отвѣчаетъ,—въ Петербургъ, потому какъ люди ихъ сказывали нашимъ, что онѣ тамъ прошеніе подавать желаютъ!

— Какое прошеніе!

— Опять толкомъ неизвѣстно, а слышно только, что желательно прошеніе подать имъ самому государю императору!

Что такое, думаю, часъ отъ часу не легче, рѣшительно ничего уже не понимаю!

— Ну иди,—говорю Макару,—скажи, что сейчасъ буду.

Сама же пошла разбудила мужа и разсказываю ему поразительную новость.

Володя тоже изумился и заинтересовался.

— Да и дѣйствительно, вѣдь ты подумай только, Варюша, идетъ бабушкѣ 79-й годъ, никогда она никуда не выѣзжаетъ, въ Петербургѣ отроду не бывала и вдругъ надумала ѣхать туда со всѣмъ своимъ штатомъ! Да еще и прошеніе какое-то хочетъ подавать государю. Но о чемъ, какое! Ничего не понимаемъ. Наконецъ, пришла Володѣ въ голову остроумная догадка.

— А знаешь, говоритъ, Катя, вѣдь это она, навѣрное, что-нибудь по поводу крѣпостного права! Вотъ помяни мое слово.

— Да какое же,—спрашиваю,—она по поводу этого прошеніе можетъ подавать, да еще самому государю!

— Ну ужъ это, Богъ ее знаетъ,—говоритъ,—что она тамъ надумала, но, навѣрное, что-нибудь въ этомъ родѣ. Иди скорѣй, разузнай, это интересно!

А у меня даже весь домъ перебудоражился. Дуняша, та отъ испуга, прямо въ слезы, насилу я ее успокоила.

— Охъ, чую, говоритъ, что барыня-то старая по мою душу пріѣхала!

— Глупая,— говорю,—да вѣдь ты теперь вольная, что же она тебѣ сдѣлать можетъ! Но Дуняша и волѣ своей со страху вѣрить перестала.

— Она, говоритъ, и на волю не посмотритъ!

Зато Дороѳеичъ въ полный восторгъ пришелъ: вѣдь бабушка и покойникъ папенька всегда его кумирами были, для которыхъ, по его мнѣнію, Господь Богъ и остальной весь міръ сотворилъ.

Бросилъ старикъ свою стряпню, скинулъ фартукъ и даже предъ осколочкомъ зеркала побѣжалъ вдругъ приглаживаться.

— Дозвольте, говоритъ мнѣ, сударыня, нашей матушкѣ барынѣ, ея высокопревосходительству Пелагеѣ Кирилловнѣ, сходить поклониться! Пять годковъ уже ихъ милости не видалъ.

Захаръ и тотъ просится сбѣгать на минутку къ нашимъ, хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на старую барыню, какая молъ такая, онъ ее еще никогда не видалъ.

Словомъ, всѣ съ чего-то заволновались, переполошились и въ домѣ чуть не революція.

Я, по правдѣ сказать, тоже не безъ маленькаго волненія отправилась; и любопытство-то беретъ, и жутко какъ-то по старой памяти дѣлается.

Одѣлась скорѣй съ помощью плачущей Дуняши и поѣхала къ нашимъ.

Пріѣзжаю и первое, что бросается въ глаза—огромный допотопный бабушкинъ дормезъ на дворѣ, помнящій еще екатерининскія времена.

Отворилъ мнѣ Сережа, который увидалъ меня въ окно и говоритъ тихонько.

— Ну, Катюша, что тутъ было! Всѣхъ разнесла!

— Да за что же и зачѣмъ она пріѣхала?

— Пріѣхала, говоритъ, подавать государю прошеніе, о томъ, чтобы взялъ назадъ отмѣну крѣпостного права и возвратилъ бы

опять крестьянъ помѣщикамъ, а насъ разнесла за то, что мы все это устроили!

— То-есть что же именно?

— Да вотъ эту самую отмѣну крѣпостного права.

— Вотъ чудачка-то!—восклицаю шепотомъ и косясь на дверь.— Да мы-то тутъ при чемъ!

— «Все», говоритъ, «ваши каверзы; я, говоритъ, ужъ давно подмѣчала, куда вы дѣло-то гнули!» Завтра же хочетъ въ Петербургъ ѣхать и требуетъ, чтобы отецъ или Дмитрій сопровождали бы ее туда.

— Ну и что же?

— Да отца мама не пускаетъ, а Димитрій самъ слышать не хочетъ—«это, говоритъ, просто насмѣшка какая-то; никуда я съ ней не поѣду, пускай одна ѣдетъ!» Придется, ужъ видно, мнѣ ѣхать.

— Воюютъ значитъ?—спрашиваю я и невольно не могу удержать улыбки, представляя себѣ комичную картину войны бабушки съ Дмитріемъ .

Они вѣдь получаса не могутъ пробыть вмѣстѣ, безъ того, чтобы не развоеваться.

Ну вотъ вхожу я съ Сережей въ залъ и вижу: сидитъ бабушка въ сафьяновомъ креслѣ дяди Семена у окна, туча-тучей, а кругомъ всѣ ходятъ на цыпочкахъ и говорятъ шепотомъ.

— Здравствуйте, бабушка!—говорю я ей почтительно и не безъ робости подхожу приложиться къ ручкѣ.

— Здравствуй,—отвѣчаетъ, не смотря на меня, и вдругъ спрашиваетъ, да такъ строго, что у меня даже сердце екнуло.

— А вы что тутъ безъ меня надѣлали!

— Что, бабушка?

— Да что вы съ дворянами-то сдѣлали! За что всѣхъ по міру пустили! Знаю, говоритъ, чьи это дѣла, все твой супругъ съ этимъ вотъ долговязымъ устроили! Умники съ задняго двора!

Я, знаешь, отъ подобнаго вступленія, котораго вовсе не ждала, такъ растерялась, что отъ смущенія даже за государя спряталась.

Пускай, думаю, лучше на него сердится, онъ далеко!

— Это бабушка, говорю—ей тихонько, какъ провинившаяся школьница,—не они, а государь.

Но бабушка такъ и взвилась, какъ закричитъ:

— Знаю, что государь, да они-то разбойники науськали Его на то! Сами ополоумѣли, своихъ пораспускали, такъ на другихъ завидно стало! Дай, значитъ, и другихъ разоримъ; пускай ни у кого ничего не будетъ, пускай всѣ нищими станутъ! Грабители!

Ну я вижу дѣло совсѣмъ плохо, развоевалась, старуха, лучше ужъ молчать.

Отошла въ сторонку въ тетѣ Луизѣ, которая тихонько только вздыхая про себя, варила кофе подлѣ самовара, и сѣла между ней и Ольгой.

Молчимъ всѣ. Дядя Семенъ даже и свою любимую трубочку носогрѣйку «жуковскаго» курить не рѣшается. Только одинъ Димитрій, видимо, съ трудомъ сдерживается и, ероша волосы, безпокойно шагаетъ по комнатѣ, хотя бабушка уже нѣсколько разъ сурово поглядывала на него.

— Щенки,—продолжала она, уже ни къ кому непосредственно не обращаясь,—изъ пеленокъ еще не выскочили, молоко на губахъ еще не обсохло, а туда же умничать лѣзутъ! Говорила этому пентюху (кивокъ на бѣднаго дядю Семена): сѣки, не жалѣй, самъ потомъ благодарить будешь; такъ нѣтъ, пораспускалъ свою команду, а теперь вотъ и плачься съ ней! Бѣду-то заварили, а кто ее расхлебывать-то будетъ! Несчастные, ни въ чемъ неповинные люди! Помѣшали они имъ, вишь-ты! Злодѣи!

Мы съ Ольгой украдкой переглядываемся за самоваромъ и невольно улыбаемся: такъ все это въ сущности курьезно: и бабушкинъ внезапный пріѣздъ, и нагнанный ею на всѣхъ страхъ, и молча, но всѣмъ существомъ протестующій и негодующій Дмитрій, и главное ея искреннее убѣжденіе, что все это устроили мы, да чуть ли еще не нарочно на зло ей!

— Да сядь ты, неприкаянный! —закричала, наконецъ, бабушка, на Димитрія, который своею взволнованною бѣготней, вѣроятно, только хуже раздражалъ ее. — Шагаетъ словно бѣсъ, прости Господи, предъ заутреней!

Мы всѣ замахали на него руками ,чтобы онъ садился, и злополучный Димитрій съ видомъ полнаго отчаянія въ изнеможеніи опустился на диванъ; но въ позѣ, которая своимъ «вольнодумствомъ» тоже, не понравилась бабушкѣ, потому что она продолжала все въ томъ же раздраженномъ тонѣ:

— И сидѣть-то при старшихъ разучились! Ишь, ноги-то свои долговязыя на всю комнату растянулъ, нарядился мужикомъ и самъ хуже мужика сталъ! Верзило нечесанный, нѣтъ, чтобы старымъ людямъ почтеніе оказать. Только и умѣютъ что разныя газетки заводить, да всякую богомерзость въ нихъ печатать и добрыхъ людей въ искушеніе вводить! Ты думаешь, что я про газетки ваши не знаю! Я все знаю, только молчу до времени, а я всѣ твои шутки знаю!

Но тутъ Димитрій не выдержалъ и вмѣсто того, чтобы молчать, вступилъ со старухой въ дебаты чѣмъ, конечно, только подлилъ масла на огонь.

— Ну что же, говоритъ, что знаете, тутъ грѣха большого, кажется, нѣтъ, что газету завелъ!

— А ты, говоритъ ему бабушка,—благословенія на то у меня спрашивалъ?

— Дмитрій даже слегка всталъ въ тупикъ отъ такого вопроса, но оправился и говоритъ: Да что же, у васъ благословенія было спрашивать, когда вы его все равно не дали бы!

Тогда бабушкѣ окончательно вскипѣла; поднялась во весь ростъ, подняла кверху руку, точно трагическая актриса въ патетическомъ мѣстѣ, и закричала, грозя на Дмитрія:

— А коли такъ, такъ какъ же ты тогда и дѣло такое начинать рѣшился, о которомъ впередъ зналъ, что не будетъ на него тебѣ моего благословенія?

И, вмѣсто того, чтобы молчать и не раздражать нравную старуху, которую все равно уже не передѣлать, Дмитрій не удержался и опять еще больше раздразнилъ ее своимъ отвѣтомъ.

— Вы, кажется, воображаете, сказалъ онъ, пожимая плечами и усмѣхаясь,—что во времена Домостроя живете!

Но тутъ произошло нѣчто уже совсѣмъ невообразимое!

Бабушка раскричалась, хотѣла немедленно проклясть Дмитрія на всѣхъ вселенскихъ соборахъ, а Дмитрій, въ свою очередь, потерялъ послѣднее терпѣніе, (котораго у него и безъ того, впрочемъ, немного) вскочилъ съ дивана и, размахивая руками, тоже что-то такое съ негодованіемъ кричалъ, стараясь перекричать старуху.

Мы тоже всѣ вскочили, тоже махали на него руками и шикали, чтобы онъ молчалъ, но Дмитрій уже «выскочилъ изъ себя», какъ говоритъ про него нашъ Сережа, и никого не хотѣлъ слушать, а хотѣлъ только во всю душу навоеваться съ бабушкой.

— Да помилуйте,—кричалъ онъ намъ въ оправданіе,— вѣдь это Богъ знаетъ что такое, чего она ко мнѣ пристала!

Насилу, насилу мы ихъ успокоили и развели по разнымъ комнатамъ.

Дмитрія совсѣмъ изъ дома выпроводили, со строгимъ наказомъ не попадаться бабушкѣ на глаза раньше, какъ чрезъ 24 часа, а бабушку тетя Луиза со всѣмъ требуемымъ ею почетомъ отвела въ свою спальню и уговорила отдохнуть и соснуть съ дороги часикъ, другой.

И всѣ три дня, что бабушка прогостила въ Москвѣ, Дмитрій спасался у насъ и отводилъ сердце тѣмъ, что писалъ еще болѣе сильныя статьи въ своемъ «Москвичѣ» противъ крѣпостниковъ, взятыхъ, наконецъ, въ руки, а бабушкинъ наѣздъ сравнивалъ съ нашествіемъ монголовъ и татарскимъ погромомъ.

Мы его теперь все дразнимъ и изводимъ тѣмъ, что по всякому случаю, даже когда онъ гулять идетъ, спрашиваемъ: «А ты у бабушки благословеніе спрашивалъ!» И онъ чудакъ до сихъ поръ не можетъ переварить этой фразы, которой, оче-

видно, суждено остаться въ нашей семьѣ классическою въ своемъ родѣ.

Что же касается нашей старухи, то же въ своемъ родѣ классической, то представь себѣ, что вѣдь она, дѣйствительно, таки поѣхала въ Петербургъ, да какъ еще! Въ томъ самомъ знаменитомъ возкѣ, который помнитъ времена Очакова и покоренiе Крыма, и со всѣмъ своимъ штатомъ, который послѣдовалъ за ней, на благоприличномъ разстоянiи 10 саженей, въ широкихъ деревенскихъ саняхъ.

Какъ ни убѣждали мы ее ѣхать по желѣзной дорогѣ, она и слушать не хотѣла.

— И знать, говоритъ,—не хочу вашей чугунки проклятой, все это бѣсовскiя затѣи однѣ, все его только тѣшите; слава тебѣ Господи, 8 десятковъ изжила и съ нечистымъ не знялась, а тутъ, на старости лѣтъ, стану я въ кареткахъ его окаянныхъ разъѣзжать. Я, слава тебѣ Господи, православная христiанка и Бога еще не забыла!

Такъ и поѣхала кружнымъ путемъ, и притомъ въ самомъ искренномъ убѣжденiи, что будто бы и вправду всю жизнь жила по завѣтамъ Божескимъ, и искренно считающая проѣхать по желѣзной дорогѣ грѣхомъ несравненно бо́льшимъ, чѣмъ до полусмерти запороть человѣка!

Но больше всѣхъ пострадалъ въ этой исторiи нашъ бѣдный Сережа, привычная жертва всѣхъ семейныхъ катастрофъ и неурядицъ, котораго, пользуясь всегдашнею его добротой, снарядили сопровождать бабушку какъ въ дорогу, такъ и по всѣмъ тѣмъ петербугскимъ мытарствамъ, которыя она задумала совершить тамъ.

Воображаю физiономiю его несчастнаго, когда онъ будетъ являться съ ней въ разныя министерства и просить «разсмотрѣть» ея знаменитое прошенiе! Конечно, ему ничего больше не останется какъ вскiй разъ шептать кому слѣдуетъ, что старуха не совсѣмъ нормальна, и чтобы, оказавъ ей внѣшнее вниманiе, не трудились бы затѣмъ даже и просматривать ея просьбу. Хуже всего то, что бабушка не ограничится первымъ отказомъ, а захочетъ идти все дальше и дальше, и воображаю, что только бѣдному Сережѣ придется перенести за это время.

Дмитрiй называетъ ее прошенiе «историческимъ документомъ» и, дѣйствительно, оно невѣроятно курьезно. Составила она его сама, и боясь, очевидно, что мы тутъ въ Москвѣ напишемъ не такъ, какъ ей хочется, еще въ Орлѣ призвала соборнаго дьячка и приказала писать подъ ея диктовку. Начинается оно довольно сильнымъ разносомъ государю, продолжается трогательнымъ описанiемъ бѣдствiй разоренныхъ дворянъ, кончается чуть не при-

казаніемъ возвратить обратно помѣщикамъ «не по закону отобранныхъ у нихъ крестьянъ» и довершается наконецъ, угрозою гнѣва Божія на виновнаго, если онъ не внемлетъ правымъ указаніямъ старыхъ людей, «которые будутъ поумнѣе всякихъ вертопраховъ, ведущихъ его на путь погибели!» Впрочемъ, слово «вертопраховъ», предназначавшееся, очевидно, больше для Дмитрія и моего В., всѣмъ семейнымъ совѣтомъ убѣдили ее, послѣ долгихъ уговоровъ, вычеркнуть и замѣнить просто «неопытными юношами».

Въ концѣ прошенія бабушка, впрочемъ, неожиданно идетъ на маленькую уступку и въ крайнемъ случаѣ предлагаетъ возвратить крестьянъ если ужъ не всѣмъ вообще, то хоть ей одной, такъ какъ она и безъ того уже на склонѣ лѣтъ и пользоваться этою милостью будетъ, значитъ, недолго, а лишаться ея въ столь преклонныхъ годахъ ей уже не подобаетъ!

Можешь себѣ представить эффектъ, который произведетъ это прошеніе вездѣ, куда ему суждено будетъ попасть.

Дмитрій увѣряетъ, что послѣ первой же аудіенціи у какого-нибудь «начальства», бабушку вмѣстѣ съ Сережей и со всѣмъ ея штатомъ отправятъ прямо на 9 версту и засадятъ ихъ всѣхъ въ сумасшедшій домъ.

Теперь они, должно быть, уже доѣхали или подъѣзжаютъ къ Петербургу, если только не застряли гдѣ-нибудь по дорогѣ, изъза распутицы, и потому если тебѣ встрѣтится какъ-нибудь необычайный рыдванъ допотопнаго вида, съ каррикатурнымъ лакеемъ въ екатерининскихъ ливреяхъ на запяткахъ и знаменитымъ Прохоромъ на козлахъ, которому въ субботу минетъ 101 годъ и который отъ старости ужъ не самъ садится на козлы, а величественно поднимается на нихъ тремя молодыми парнями, обязанны «подсоблять» ему въ этомъ «восшествіи на престолъ», какъ говоритъ все тотъ же неукротимый Дмитрій, нашъ «неистовый Роландъ», то знай, что это ѣдетъ бабушка Пелагея Кирилловна, и будь почтительна, а то она сердито погрозитъ тебѣ пальцемъ изъ окна кареты и, пожалуй, даже проклянетъ на пути, если будетъ не въ духѣ послѣ какой-нибудь не совсѣмъ удачной ауденціи въ одномъ изъ министерствъ.

Нѣтъ, шутки въ сторону, милочка; я очень опасаюсь, что бабушка, въ виду положенія твоего мужа, нагрянетъ и къ вамъ со своимъ прошеніемъ и даже будетъ, вѣроятно, убѣждать А. М. быть ей помощникомъ въ ея дѣлѣ. Будь на всякій случай къ тому готова и предупреди мужа, чтобы онъ не обращалъ на нее вниманія, а глядѣлъ бы какъ на одного изъ послѣднихъ могиканъ въ своемъ родѣ, которыхъ, право, довольно любопытно посмотрѣть, тѣмъ болѣе, что скоро они совсѣмъ переведутся у насъ на

Руси. Сережа хотѣлъ быть у тебя тотчасъ же по пріѣздѣ. Прощай, дорогая, крѣпко цѣлую тебя, и ждемъ отъ тебя писемъ, которыми мы всѣ интересуемся больше, чѣмъ когда-либо. Напиши подробно, каково у васъ тамъ настроеніе? Насъ здѣсь это очень интересуетъ. Съ «Москвичемъ» послѣднее время стало покойнѣе и благополучнѣе. Все не такъ угнетаетъ цензура. Очевидно, что твое «давленіе» не прошло даромъ. Дмитрій и Володя просятъ сказать, что кланяются тебѣ за то въ ножки и цѣлуютъ твои ручки, я же горячо обнимаю. Ребятишки мои слава Богу здоровы, а вотъ дядя Семенъ этой зимой все прихварываетъ и здоровье его немножко безпокоитъ насъ, но въ деревнѣ Богъ дастъ поправится и опять будетъ молодцомъ. Не даромъ же онъ все-таки бабушкинъ сынъ, а вѣдь ея здоровье поразительно. Ну цѣлую тебя, милочка, еще разъ.

Твоя Катя.

Іюль 61 года. Ольховка.

Опять мы въ затишьѣ, въ нашей милой Ольховкѣ, гдѣ невольно отдыхаешь и успокаиваешься отъ всѣхъ зимнихъ волненій и городской сутолоки.

Переѣхали мы нынче сюда всѣми нашими «соединенными штатами», какъ говоритъ Дмитрій, т.-е. всѣми тремя семьями вмѣстѣ. Дядя Семенъ съ тетей Луизой, Ольга съ дѣтьми и я съ моими. И вотъ старый ольховскій домъ опять весь ожилъ и наполнился веселыми голосами, смѣхомъ и дѣтскимъ лепетомъ и крикомъ. Въ каждомъ его уголкѣ чувствуется, какъ бьетъ жизнь, и такъ отрадно прислушиваться къ ней, подмѣчать, какъ она уже властно и ярко вырывается во всѣхъ этихъ маленькихъ, еще такъ недавно явившихся на свѣтъ созданіяхъ, которыя уже чувствуютъ себя его полновластными хозяевами... Мы съ Ольгой, довольно чуждыя другъ другу когда-то прежде въ дѣвушкахъ, теперь сближаемся все искреннѣе и тѣснѣе. Маленькій міръ нашихъ дѣтскихъ невольно сближаетъ насъ; онъ создалъ намъ общія темы, которыхъ не было раньше, и мы чуть не часами съ увлеченіемъ способны разговарить о нашихъ малышахъ. У нея вѣдь ихъ пятеро; она вся ушла въ нихъ и, помимо ихъ, въ жизни мало уже что интересуетъ ее, но зато въ этой области она полна такихъ знаній, такого тонкаго и глубокаго пониманія дѣтской души, и ихъ только что обозначающихся натуръ, что я невольно осхищаюсь ею и многому учусь у нея. Сравнительно съ нею я совсѣмъ еще молодая и неопытная мать и безъ нея, безъ ея указаній, всегда такихъ опытныхъ и практическихъ, мнѣ подъ часъ бывало бы гораздо труднѣе, чѣмъ теперь подъ руководствомъ ея умѣлой руки. Въ этомъ отношеніи ей передалъ

даръ тети Луизы, нашей милой «mutterhen» какъ мы ее всегда зовемъ. Ты вѣдь знаешь, какъ она умѣетъ скрашивать жизнь всѣмъ живущимъ подлѣ нея, какою удивительною заботой проникнута о всѣхъ, хотя дѣлается это такъ просто и незамѣтно, что этого почти не замѣчаешь. Нынѣшнее лѣто она особенно въ духѣ; дядя Семенъ очень поправился, много гуляетъ и работаетъ (пишетъ опять свою книгу «О сельской общинѣ», которую хочетъ выпустить осенью) и на радостяхъ милая наша mutterhen еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь, полна вся своимъ ровнымъ, мягкимъ и бодрымъ покоемъ, который она точно проливаетъ на все, съ чѣмъ соприкасается. Она приняла все наше сложное хозяйство «соединенныхъ семей» въ свои руки и такъ мастерски ведетъ его по обыкновенію, такими вкусными обѣдами закармливаетъ насъ, такъ аппетитно умѣетъ все это подать и приготовить, что мы не только избавлены отъ всякихъ мелочныхъ заботъ но и поправились всѣ тутъ на свободѣ деревенскаго приволья и ея «иждивеніи», какъ никогда. Особенно дѣти. Хоть Дмитрій, когда пріѣзжаетъ, и дразнитъ ея своими любимыми словами по ея адресу: «Марѳа, Марѳа, печешеся о многемъ!», но какъ жилось бы труднѣе безъ этихъ Марѳъ, берущихъ на себя всю прозу жизни, въ заботѣ о другихъ! Если бы не было ихъ, то Маріямъ не было бы, пожалуй, времени слушать. По крайней мѣрѣ, знаю, что по зимамъ, когда я сама должна обо всемъ подумать и о всѣхъ позаботиться, день дробится и выходитъ порой на такія мелочи, что на чтеніе остаются только вечера, когда дѣти укладываются спать и въ домѣ все затихаетъ. Зато сколько мы съ Сережей перечитали теперь за эти два мѣсяца. Трудно найти для этого лучшаго товарища, чѣмъ Сергѣй; онъ, почти лишенный, благодаря своему калѣчеству послѣ Севастополя, личной жизни, отказавшійся всякихъ надеждъ на нея, весь ушелъ только въ умственную и отъ духовную жизнь и рѣдко кто такъ любитъ чтеніе, такъ тонко и чутко все понимаетъ, такъ живо интересуется всѣмъ, что выходитъ новаго. Читать вмѣстѣ съ нимъ—положительно наслажденіе, особенно здѣсь въ нашемъ затишьѣ, когда ничто не мѣшаетъ и не отвлекаетъ, какъ это поневолѣ бываетъ въ городѣ. Сейчасъ мы съ нимъ особенно увлекаемся переводною литературой, отдѣлъ которой никогда еще не былъ такъ обширенъ и интересенъ, какъ теперь. Сережа не очень силенъ въ языкахъ и потому чрезвычайно обрадовался переводамъ, особенно, Боклю и Дарвину, этимъ Колумбамъ нашихъ дней, которыми онъ давно интересовался. Кромѣ того, Дмитрій высылаетъ намъ всѣ журналы, обмѣнивающіеся съ нашимъ «Москвичемъ», и запасъ чтенія, такимъ образомъ, у насъ обиленъ и разнообразенъ. Да, все бы

очень хорошо, если бы только «наши мужчины», какъ мы ихъ называемъ, могли бы быть тоже здѣсь.

Такъ грустно за нихъ, обреченныхъ задыхаться теперь въ душной Москвѣ, когда тутъ такъ хорошо. Журналъ приковываетъ ихъ къ мѣсту и они не могутъ бросить редакціи, тѣмъ болѣе въ таковое горячее, по настроенію умовъ, время. И какъ нарочно, сейчасъ ихъ литературный кружокъ сильно распался: кого «устранили», кто уѣхалъ, кто боленъ, и имъ приходится нести все дѣло на своихъ плечахъ и втроемъ (съ Ильей, мужемъ Ольги, который тоже присоединился къ нимъ) работать за десятерыхъ. При такихъ условіяхъ, конечно, не только жить здѣсь, но даже и пріѣзжать къ намъ имъ не часто удается. Зато какой восторгъ, какая шумная радость поднимается у насъ каждый разъ, когда имъ удается вырваться. Едва заслышится колокольчикъ тарантаса и дѣти первые, веселою гурьбою, съ крикомъ и визгомъ, на перегонку другъ за другомъ бросаются бѣжать навстрѣчу, облѣпляютъ тарантасъ, останавливаютъ лошадей и съ торжествомъ возвращаются «всѣ вмѣстѣ», въ то время какъ мы, «маменьки», какъ прозвалъ насъ Дмитрій, съ волненіемъ высыпаемъ на крыльцо и еще издали привѣтствуемъ радостнымъ маханіемъ платковъ, своихъ дорогихъ, рѣдкихъ гостей, по которымъ совсѣмъ стоскуемся каждый разъ.

Даже моя маленькая Ниночка порывается что-то лепетать въ этихъ случаяхъ и протягиваетъ съ груди кормилицы свои ручонки, навстрѣчу милымъ пріѣзжимъ...

Они пріѣзжаютъ запыленные, загорѣвшіе съ дороги, усталые и измученные отъ работы, но все-таки счастливые, что хоть «на минутку» вырвались, наконецъ, на отдыхъ, «домой», и лица ихъ свѣтятся почти такимъ же счастьемъ, какъ наши, и они сами обращаются въ дѣтей, липнущихъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ, и въ запуски готовы дурачиться вмѣстѣ съ ними.

Тогда въ эти нѣсколько дней весь домъ точно сіяетъ радостью, несущейся изъ всѣхъ распахнутыхъ оконъ его, изъ всѣхъ уголковъ цвѣтущаго сада.

И какъ чудно здѣсь сейчасъ, если бы ты знала! Еще доцвѣтаетъ сирень, которой было такое множество, что все кругомъ было затоплено ея пышною лиловою массой и весь воздухъ казался пропитаннымъ ароматомъ ея и соловьи еще до сихъ поръ заливаются въ ней по ночамъ... А помнишь нашу любимую дерновую скамеечку у пруда подъ ивою, на которой когда-то мы съ тобой заслушивались ихъ? Боже мой, какъ это давно было, почти уже 10 лѣтъ прошло! цѣлыхъ 10 лѣтъ! какими дѣвочками юными и наивными были мы тогда! И сколько людей, такихъ до-

рогихъ и близкихъ теперь, тогда еще даже и не грезились намъ! Теперь мнѣ кажется порой чѣмъ-то невѣроятнымъ и невозможнымъ, что было время, когда ни моего мужа, ни моихъ дѣтей, этихъ самыхъ дорогихъ существъ, съ которыми такъ неразрывно слилось теперь все мое существованіе, еще не было совсѣмъ въ моей жизни! Самое чувство, безконечно привыкшее къ нимъ, точно не мирится съ этою мыслью! Зато сколько дорогихъ и близкихъ жизней *тогда*, порвалось и почти... почти забыто уже теперь, хотя тогда это тоже казалось, вѣрно, невозможнымъ...

Да, милая дерновая скамейка, много поколѣній перемѣнилось, мечтая на ней и уходя въ свой чередъ, а она все стоитъ, все цѣла... Еще и теперь мы нерѣдко, въ часы заката, приходимъ на нее... Я люблю въ этотъ часъ прислушиваться къ звукамъ стихающаго дня... люблю смотрѣть, какъ вдали по дорогѣ, вздымая пыль и тихо звеня бубенчиками, идетъ возвращающееся стадо. Небо становится свѣтлымъ и прозрачнымъ, первыя еще блѣдныя звѣзды, чуть замѣтно уже вспыхиваютъ въ немъ, а вечернія тѣни мягко ложатся на поля и дорогу... и такая тишина кругомъ, такъ чистъ и спокоенъ воздухъ, что каждый листъ на деревьяхъ кажется точно застывшимъ и каждый звукъ раздается отчетливѣе и медленнѣе, словно повисая гдѣ-то въ вышинѣ... Я прислушиваюсь ко всему этому, смотрю на этотъ спокойный просторъ предъ собой, на милыя, прильнувшія ко мнѣ головки дѣтей моихъ и... если и онъ, мой Владиміръ, еще тутъ же, рядомъ со мной, то... то жизнь кажется такою прекрасною, такою полною и словно похожею на этотъ уходящій, теплый день съ его прекрасными, все золотящими розовымъ отсвѣтомъ, лучами остывающаго солнца, съ его глубокимъ покоемъ и тишиной... Прощай моя дорогая. Вспоминай почаще не только мыслью но и въ письмахъ твою Катю.

P. S. Совсѣмъ забыла отвѣтить тебѣ на твои вопросы; ты спрашиваешь, «благополучно ли у насъ и что бабушка?» На первое могу отвѣтить, что у насъ пока все спокойно, да и трудно ждать чего-нибудь неблагопріятнаго. Вѣдь мы еще за три года до освобожденія разстались съ нашими крестьянами и они получили надѣлы не только не меньшіе, но значительно бо̀льшіе, чѣмъ тѣ, что получаютъ крестьяне теперь. Нѣтъ, слава Богу, у насъ съ нашими остались все тѣ же хорошія и сердечныя, а главное довѣряющія другъ другу отношенія, какъ и были, но въ губерніи вообще далеко не такъ спокойно.

Напримѣръ, у Зарубиныхъ,всего въ 80-ти верстахъ отъ насъ, былъ настоящій бунтъ и притомъ бунтъ безсмысленный и дикій по существу, причину котораго никто даже не понимаетъ. Зарубины всегда славились своею гуманностью, а молодой Зарубинъ не только много поработалъ своими статьями въ пользу освобож-

денія, но и щедро одѣлилъ своихъ крестьянъ и все-таки же у него сожгли усадьбу, разграбили хлѣбъ и убили приказчика! У Ивашкиныхъ тоже посылали за казаками и здѣсь дѣло кончилось очень неблагополучно уже длякрестьянъ, потому что 10 человѣкъ убито, столько же искалѣчено и чуть не полсотни преданы еще суду. У Свищевыхъ тоже неспокойно и начались поджоги. Но исторіи въ родѣ Ивашкиныхъ и Свищевыхъ удивляться особенно нечему и смыслъ того, какъ могла эта настрадавшаяся долгими годами толпа, надъ которою издѣвалось и измыкалось нѣсколько поколѣній подрядъ, дойти до бунта, именно теперь, уже послѣ освобожденія, совершенно ясенъ, но предъ случаями въ родѣ Зарубинскаго положительно становишься вътупикъ и... и невольно смущаешься! При старомъ ужасномъ строѣ все было спокойно, даже у самыхъ жестокихъ помѣщиковъ. Никому не приходило въ голову бунтовать и хоть сколько-нибудь отстаивать себя, хотя сила, уже одною численностью своею, была у нихъ и прежде. И вдругъ— едва успѣли освободить и повсюда точно какая-то острая эпидемія, начали вспыхивать бунты и разныя недовольства, даже тогда, когда казалось бы для нихъ нѣтъ смысла и мѣста, какъ въ непостижимомъ дѣлѣ тѣхъ же Зарубиныхъ, которые, сдѣлавъ добра, быть можетъ, больше всѣхъ, больше же всѣхъ и пострадали! Невольно думается, что это инстинктивная месть за прежнее, гдѣ уже слишкомъ много накопилось обиды и горя, прорвавшіяся какъ реакція прежнему долготерпѣнію только теперь, когда они почувствовали себя наконецъ свободными. Дмитрій и Владиміръ приписываютъ все это положенію, составленному дѣйствительно довольно неудачно при, примѣненіи котораго легко могутъ возникать всякія недоразумѣнія и противорѣчія, а можетъ быть правъ и дядя Семенъ, который говоритъ, что нельзя такое огромное дѣло совершить спокойно и просто, безъ всякихъ ошибокъ, жертвъ и недоразумѣній. Борьба требуетъ насилія, а слѣдовательно и жертвъ. Но будемъ надѣяться, что всѣ эти смуты и недоразумѣнія, играющія такъ въ руку всѣмъ противникамъ освобожденія, не пойдутъ дальше перваго времени, всегда и во всемъ самаго труднаго и постепенно все успокоится и войдетъ въ правильную колею общаго пониманія, довѣрія и служенія другъ другу, а не противъ другъ друга, какъ это, кажется, начинается теперь силой какого-то роковаго и печальнаго недоразумѣнія.

Что же касается бабушки, то наша воительница, конечно, неисправима и остается вѣрна себѣ и своимъ взглядамъ на вещи. Предсказываетъ, что она чудитъ еще больше прежняго и, возвратясь изъ своей знаменитой поѣздки, заперлась отъ всѣхъ, объявивъ, что никого больше не желаетъ видѣть, послала за священникомъ и при-

казала ему соборовать и причастить себя какъ умирающую. Съ тѣхъ поръ такъ больше и не встаетъ.

— Буду,—говоритъ,—теперь смерти ждать!

Проѣздомъ въ Ольховку, мы съ дядей и тетей заѣзжали къ ней, но насъ, какъ главныхъ «злодѣевъ ея» и «отступниковъ», не велѣно и на глаза пускать и дѣйствительно, такъ и не допустили.

Бѣднаго дядю Семена, такого кроткаго и любящаго, это страшно огорчило; все-таки же родная мать и что можетъ быть печальнѣе подобнаго отношенія со стороны матери къ роднымъ дѣтямъ! Но старуха повидимому не шутя вообразила, что это «мы все устроили», и въ свою очередь рѣшила въ серьезъ наказать насъ за то. Говорятъ, она передѣлала завѣщаніе, вычеркнувъ изъ него всю семью дяди Семена и меня, а доли наши завѣщала на монастыри Богъ съ ней, мнѣ даже жаль ее, такимъ печальнымъ и одинокимъ представляется мнѣ ея существованіе, въ которомъ она добровольно отъ всѣхъ отстранилась, въ которомъ никого она не любитъ да, кажется, даже и не любила никогда! Не хотѣла бы я быть на ея мѣстѣ, не хотѣла бы прожить такую жизнь... Но курьезнѣе всего тотъ выходъ, который она придумала себѣ изъ новаго положенія своего. Представь, что она предложила своимъ дворовымъ остаться у нея на прежнемъ крѣпостномъ положеніи, такъ чтобы она попреженему была бы надъ ними полною хозяйкою и могла бы дѣлать съ ними все, что пожелаетъ, а въ награду зато она каждому изъ согласившихся на это записала по 300 рублей ассигнаціями, которые они получатъ послѣ ея смерти.

И вообрази — согласилось болѣе половины! Говоря правду, меня это просто возмутило! ну можно, ли кажется было ожидать, чтобы всѣ эти люди, надъ которыми всю свою долгую жизнь она мудрила и издѣвалась, на всѣ лады терзая ихъ, такъ малодушно и уже добровольно снова запродадутъ ей себя за какіе то несчастные 300 рублей ассигнаціями! И какъ они не соображаютъ того, что каждый изъ нихъ на волѣ, въ какіе нибудь два-три года могъ бы заработать отнюдь не меньше! Или уже такъ велика сила привычки, особенно въ старыхъ людяхъ, изъ которыхъ и состоитъ, главнымъ образомъ, ея дворня. Такъ великъ, можетъ быть, страхъ предъ неизвѣстнымъ, предъ будущимъ, что предпочитаютъ лучше терпѣть надъ собой хоть и тяжелый, но привычный гнетъ, чѣмъ пойти на что то новое, непривычное, невольно пугающее этихъ слабыхъ, замученныхъ уже людей, состарившихся вмѣстѣ со своею мучительницей, и если не любящихъ ее, то привыкшихъ къ ней какъ къ чему то неизбѣжному для себя, безъ чего точно имъ уже жутко остаться. И говорятъ, что точно вымѣщая на нихъ, она мудритъ надъ ними теперь еще больше, чѣмъ прежде, а они попрежнему не смѣютъ пикнуть предъ ней!

Но какая загадка душа простого русскаго человѣка! Сколько въ ней прекраснаго и въ то же время темнаго и смутнаго,—сколько глубокого и даже великаго, одновременно съ чѣмъ то жалкимъ и дѣтски-неразвитымъ! О учить, учить его скорѣй, открыть ему его душевные и умственные глаза, снять съ нихъ вѣковую пелену, заслонившую отъ него міръ, и какой прекрасный и великій народъ еще выйдетъ изъ него тогда! Доживемъ ли мы только до этого, или хоть наши дѣти! О такъ страстно хочется вѣрить тому!

Ольховка. Августъ.

Вотъ уже и осень на дворѣ; нынче она какъ-то особенно рано даетъ себя чувствовать, еще только августъ на исходѣ, а кажется точно ужъ мы въ октябрѣ! Цѣлыми днями льетъ дождь, оголились почти уже всѣ деревья, улетѣли птицы; холодно, хмуро, непривѣтливо все кругомъ...

Смотришь на эти нависшія, низко ползущія сѣрыя тучи, точно запутывающіяся своими лохматыми краями въ верхушкахъ деревьевъ, уныло раскачивающихся на осеннемъ вѣтрѣ; на эти опадающіе, желтые листья, съ сухимъ шелестомъ, словно ропотомъ, несущіеся по промокшимъ дорожкамъ сада; слушаешь жалобный крикъ галокъ, затерявшихся гдѣ-то въ разорванныхъ тучахъ, и уныло становится на душѣ... точно и въ ней отживаетъ что-то вмѣстѣ съ этой увядающею природою, точно съ собственною молодостью сводишь послѣдніе счеты...

Въ дни ранней молодости, когда въ душѣ было еще много собственнаго свѣта и тепла, я помню, осень не пугала такъ, не удручала такою щемящею тоской; даже нравилось бывало, проснувшись ночью, мечтать подъ завываніе вѣтра и прислушиваться, какъ дождь тяжелыми, осенними каплями стучитъ по стекламъ оконъ... А теперь, когда этотъ внутренній свѣтъ все уменьшается, невольно подпадаешь подъ настроеніе природы и нѣтъ уже силъ и меркнетъ отдѣлиться отъ нея свободною и радостною душой, какъ прежде!..

Да, Варюша, вотъ уже и старость какъ будто подкрадывается! Не та настоящая, полная старость, которая наступитъ, быть можетъ, еще чрезъ добрыя двадцать лѣтъ и до которой далеко еще на тридцатомъ году жизни, но... какъ это сказать, какое-то точно преддверіе ея, предчувствіе ея... нѣтъ, нѣтъ и словно повѣетъ откуда-то издалека ея холоднымъ, какъ зима, дыханіемъ, и сердце невольно дрогнетъ и заноетъ на минуту... Вчера расчесывая волосы, я нашла въ нихъ нѣсколько первыхъ сѣдыхъ нитей... и такъ странно и жутко точно было ихъ видѣть — даже не вѣрилось, что они мои... Не стариться жалко, а больно сознавать, что все лучшее, все самое яркое и прекрасное уже пережито, ушло изъ жизни и не повторится больше! А мнѣ все кажется, что оно было

*

такъ недавно, такъ совсѣмъ недавно, словно все оно еще тутъ, еще не успѣло уйти и вся душа еще полна имъ, живетъ имъ... и все-таки же оно ушло, ушло и не вернется, какъ бы ни было все еще полно имъ...

Ты спрашиваешь, что Владиміръ? Занятъ больше прежняго; я почти и не вижу его: за послѣдній мѣсяцъ онъ пріѣзжалъ всего разъ, да и то на два дня, и мы даже не успѣли ни о чемъ поговорить. У нихъ столько хлопотъ и непріятностей съ изданіемъ «Москвича», что ни на что другое и времени не остается. Дмитрій и Илья, мужъ Ольги, такъ тѣ и совсѣмъ не пріѣзжали съ іюля мѣсяца, такъ что Ольга потеряла наконецъ терпѣніе и перебралась уже съ начала августа обратно въ Москву. Правду сказать, я бы и сама охотно послѣдовала бы ея примѣру, но Владиміръ непремѣнно хочетъ, чтобы мы прожили здѣсь до половины сентября, тѣмъ болѣе, что тетя Луиза съ дядей Семеномъ тоже остаются. Онъ говоритъ, что для него это даже удобнѣе, по крайней мѣрѣ, безъ насъ ничто «не мѣшаетъ» ему работать, особенно теперь, когда работать приходится больше, чѣмъ когда-нибудь...

Не знаю, можетъ быть, онъ и правъ... но для меня лично такая жизнь порознь цѣлыми мѣсяцами, въ которые мы видимъ его лишь изрѣдка, урывками, всегда измученнаго и озабоченнаго разными непріятностями, мѣшающими ему отдаваться семьѣ вполнѣ даже и въ тѣ немногіе дни, которые онъ можетъ еще посвящать ей, прямо тяжела. Какъ бы ни была его дѣятельность полезна и даже необходима для общества, но для меня, его жены, жизнь, здоровье и покой его еще важнѣе и дороже, и оставаться спокойною и равнодушною, живя вдали отъ него, въ то время, какъ онъ волнуется и утомляетъ себя чрезмѣрною работой, я не могу. Именно теперь, въ это трудное время, я и хотѣла бы быть подлѣ него, чтобы хоть со своей стороны чѣмъ возможно помочь ему и успокоить какъ-нибудь. И мнѣ больно, что онъ не понимаетъ этого и не хочетъ! Его признаніе, что мы тамъ будемъ только «мѣшать» ему, поразило меня и глубоко огорчило. Когда онъ впервые произнесъ предо мною эти слова, мнѣ показалось, что онъ точно ударилъ меня, такую боль и обиду, незаслуженную и несправедливую почувствовала я при этомъ.

«Мѣшать! мѣшаемъ!» Боже мой, а я такъ страстно мечтала всегда и во всемъ быть его лучшею помощницей и другомъ! Такъ горячо стремилась къ этому и даже воображала, что такъ оно и есть. И вотъ—не прошло еще и пяти лѣтъ, а онъ уже кинулъ мнѣ это слово, невольно запавшее мнѣ въ душу и поразившее меня, какъ обвиненіемъ, какъ что-то совсѣмъ новое и неожиданное въ нашихъ отношеніяхъ. Невольно приходитъ въ голову, почему же онъ не думалъ и не говорилъ такъ прежде, когда самъ

же шелъ ко мнѣ со всѣмъ, что было у него въ жизни и на душѣ! Тогда я еще не мѣшала ему, потому что самому ему была еще нужна тогда для каждой мысли, въ каждомъ часѣ, и тогда ему казалось естественнымъ и важнымъ быть вмѣстѣ, работать вмѣстѣ, думать вмѣстѣ, потому что къ тому инстинктивно стремилось все его существо, какъ теперь все еще стремлюсь къ тому, быть можетъ, уже я одна! Онъ упрекнулъ меня еще и въ другомъ: будто я слишкомъ мало люблю его дѣло, слишкомъ эгоистично отношусь и... и даже ревную его къ нему! Сначала это почти оскорбило меня: я даже не стала оправдываться, возражать, но потомъ, въ тѣ долгія, одинокія недѣли, что я провела тутъ безъ него, и не въ одну безсонную ночь, когда невольно думала о томъ, въ сердцѣ своемъ предъ самою собой я должна была сознаться, что въ этомъ есть своя фатальная правда или хоть доля ея. Какъ это ни странно, какъ ни трудно казалось бы совмѣстить это, но я одновременно и люблю его дѣло, какъ люблю все, что касается его, и горжусь и имъ, и тѣмъ, какъ горячо и преданно онъ отдается ему, а въ то же время... въ то же время въ душѣ накапливается мало-по-малу какая-то непріязнь и враждебность къ этому дѣлу, совсѣмъ отнявшему его у меня и у семьи; враждебность въ которой мнѣ непріятно сознаваться даже себѣ. Но я невольно чувствую какъ въ его внутренней жизни онъ, не сознавая того еще и самъ, все меньше и меньше отводитъ намъ мѣста; все рѣже летитъ къ намъ мыслью, слишкомъ отвлекаемый и поглощенный массой другихъ вопросовъ, заботъ и интересовъ, и мы все меньше уже нужны ему... и даже мѣшаемъ подчасъ уже! О конечно, это еще не важно для дѣтей, они еще такъ малы, что не могутъ ни чувствовать, ни сознавать этого, и уходъ привычной няньки былъ бы для нихъ пока чувствительнѣе, чѣмъ постоянное отсутствіе отца, котораго они почти не видятъ и который, занятый своими дѣлами, и самъ почти не замѣчаетъ ихъ, развѣ когда они заболѣваютъ только. Къ тому же у нихъ есть я, гораздо болѣе необходимая имъ пока, и отводя такъ мало мѣста имъ въ своей жизни онъ гораздо болѣе лишаетъ радости себя, чѣмъ ихъ. Но я! но мнѣ! Мнѣ еще никто и ничто, ни даже самыя дѣти не могутъ замѣнить его вполнѣ. Я не могу видѣть въ немъ только одного общественнаго дѣятеля и удовлетворяться однимъ сознаніемъ того, покорно и всецѣло уступая его этому. Для меня онъ, все-таки прежде всего, «мой мужъ», т.-е. самый близкій, самый дорогой мнѣ человѣкъ въ мірѣ, съ которымъ еще недавно мы переживали вмѣстѣ каждое впечатлѣніе, дѣлили каждую мысль, и душа моя, такъ привыкшая за эти годы къ его душѣ, къ постоянному общенію съ нею, теперь тоскуетъ по ней и чувствуетъ себя точно осиротѣвшею и опустѣлою! Но все это такъ сложно и тонко, такъ неуловимо въ своихъ ощущеніяхъ, почти не переводимыхъ на слова,

что я не умѣю объяснить ему этого, не умѣю заставить его понять себя, а когда пытаюсь, то это не только не находитъ въ немъ отлика, но скорѣй даже сердитъ его.

Онъ называетъ все это «женскими преувеличеніями» и страстью къ драмамъ, безъ которыхъ мы, женщины, будто бы не можемъ жить, и раздраженно старается доказать мнѣ то, что я и сама прекрасно знаю и съ чѣмъ даже вполнѣ согласна, т.-е, что «въ жизни мужчины, помимо семьи и любви, есть еще нѣчто другое, болѣе важное и серьезное, это—идея и его дѣло, вытекающее изъ нея, которому онъ обязанъ служить больше всего и прежде всего. И ему очень жаль, что я не понимаю этого и даже придумываю себѣ по поводу этого какія-то безсмысленныя страданія! Онъ ожидалъ отъ меня другого!» Боже мой да, понимаю, вполнѣ понимаю и, повторяю, даже согласна съ этимъ, но до извѣстной границы, до извѣстной мѣры, за которыми уже начинается нарушеніе какихъ-то иныхъ, быть можетъ, не менѣе великихъ правъ,—правъ человѣка передъ самимъ собою, своею душой и тѣмъ, къ чему она зоветъ его хоть мгновеніями, хоть порывами безъ того жизнь тоже не полна! И гасить это въ себѣ, совсѣмъ нарочно не слушаясь того зова и не откликаясь ему, человѣкъ тоже и не долженъ и не имѣетъ даже нрава, ни во имя какихъ бы то ни было другихъ обязанностей своихъ!

Они, мужчины, влагаютъ весь главный смыслъ своей жизни лишь въ свою общественную дѣятельность и, заботясь о томъ, чтобы ничто не отвлекало ихъ отъ нея и не мѣшало бы сосредоточиваться на ней вполнѣ, пренебрежительно вытѣсняютъ изъ своей души все, что не связано съ нею непосредственно, и добровольно лишаютъ себя еще столькихъ прекрасныхъ радостей и свѣтлыхъ минутъ, на которыя у нихъ не остается уже ни времени, ни воспріимчивости, ни энергіи... И я хочу, хочу заставить его понять растолковать ему то, что такъ ясно и сильно чувствую въ душѣ своей и... не могу, не умѣю, не хватаетъ какихъ-то словъ или онъ преднамѣренно не хочетъ понимать меня! Но въ эти минуты мы точно говоримъ съ нимъ на разныхъ языкахъ, на которыхъ все равно, сколько бы ни говорили, ни въ чемъ не убѣдимъ другъ друга, потому что каждый просто не понимаетъ словъ другого!

Зато тотъ тонъ нетерпѣливый и рѣзкій, который мы оба фатально принимаемъ въ этихъ случаяхъ, понятенъ безъ словъ и одинаково сильно задѣваетъ обоихъ, хотя рѣзкость его каждый приписываетъ только другому. По крайней мѣрѣ, когда я слышу, какъ онъ возражаетъ мнѣ съ этимъ раздраженнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ моимъ мыслямъ, доводамъ и словамъ, съ какимъ-то холоднымъ отчужденіемъ въ самомъ лицѣ, въ душѣ моей подни-

мается невольно оскорбленный протестъ, на защиту своихъ мыслей и даже самыхъ правъ, слишкомъ уже оттѣсняемыхъ имъ въ заботѣ о другомъ.

Правъ нашей любви, тоже дававшей намъ такъ много прекраснаго, прежде чѣмъ мы добровольно не начали гасить свѣта ея въ себѣ, отнимая у нея всѣ ея лучшія минуты, порывы и настроенія. Но, взволнованная и задѣтая имъ, я тоже говорю не такъ, какъ надо, не то, что хочу, не то главное, что такъ ясно въ душѣ моей, а тоже только злыя, обидныя и несправедливыя вещи, которыя ничего не доказываютъ, ни въ чемъ не убѣждаютъ и отъ которыхъ я первая же потомъ страдаю. Главное, важное какъ-то расплывается и исчезаетъ, а эти мелкія, недостойныя насъ обоихъ, обиды, которыя въ раздраженіи мы бросаемъ другъ другу остаются и запечатлѣваются въ памяти и сердцѣ, еще болѣе способствуя потомъ обоюдному непониманію и только отдаляя насъ другъ отъ друга взамѣнъ того сближенія, къ которому такъ горячо стремлюсь я, начиная ихъ и такъ неудачно кончая!

Пока его нѣтъ и я одна, лишь мысленно говорю съ нимъ, все ясно и просто кажется тогда и вся душа моя полна лишь глубокаго и растроганнаго чувства, въ силу уже одного котораго мы, казалось бы, должны были бы быть такъ безконечно близки, такъ глубоко понимать другъ друга... Но пріѣзжаетъ онъ, опять разстроенный, озабоченный, раздраженный и точно именно противъ меня, изъ-за которой волей-неволей долженъ отрываться отъ дѣла и летѣть сюда на день или на два... и видя опять его недовольное, чужое лицо, въ которомъ я почти уже не узнаю то, дорогое мнѣ, что когда-то такъ озарялось при одномъ взглядѣ на меня; слышу его голосъ, раздраженно отвѣчающій мнѣ, и та радость и нѣжность къ нему, съ какою я ждала его, точно потухаетъ и въ моей душѣ и вмѣсто того новаго полнаго сближенія о которомъ я мечтаю наединѣ съ собою, выходятъ только новыя размолвки и ссоры, даже когда мы оба всего менѣе желаемъ и ждемъ ихъ...

Въ послѣдній разъ, послѣ одной изъ наиболѣе сильныхъ изъ нихъ, Сережа, уже давно молча присматривающійся къ намъ и своею чуткою, любящею душой, безъ словъ все понимающій, увидѣвъ мое осунувшееся лицо и заплаканные глаза, не выдержалъ и, взявъ мои руки въ свои, съ грустью и робко спросилъ у меня:

— Какъ же... какъ же вы дошли до этого Катя? Вы, которые такъ любили другъ друга!

— Какъ дошли? Развѣ я знаю! Когда порой я думаю объ этомъ до слезъ, до боли, я и сама не понимаю того! Какъ, съ чего, когда это началось, я не улавливаю и сама... Я знаю, что отъ этого мы еще не стали меньше любить другъ друга; что въ глубинѣ души мы попрежнему нужны и дороги другъ другу, но знаю зато также и то, что мы, когда-то такъ полно и безконечно сливавшіеся въ своемъ прекрасномъ

единеніи, въ которомъ мы точно совершенствовались духовно дополняя одинъ другого, теперь уже чего-то не понимаемъ больше другъ въ другѣ, даже когда еще искренно стремимся къ тому, даже когда оба еще страдаемъ отъ того!.. И все-таки же не понимаемъ! Точно утратили тотъ волшебный ключъ, что отворялъ наши души другъ другу! И теперь въ нихъ образовались какія-то непроницаемыя перегородки, куда уже не можетъ проникнуть другой!..

И все больше накопляется у каждаго изъ насъ чувствъ и мыслей, которыми мы уже отвыкаемъ дѣлиться! Можетъ быть, просто потому, что уже не постоянно бываемъ вмѣстѣ и поневолѣ научаемся жить порознь не только внѣшне, но и духовно, что гораздо страшнѣе.

Еще и теперь все существо *мое* принадлежитъ ему всецѣло и непрестанно стремится къ нему, но *онъ* уже не стремится и не принадлежитъ мнѣ такъ же всецѣло, какъ прежде.

Еще всѣ мои мысли полны имъ, но онъ уже не знаетъ о нихъ и, занятый другимъ, даже и не интересуется особенно знать, думая, что и такъ уже достаточно знаетъ ихъ.

А вѣдь мысли мѣняются, а съ ними мѣняются и чувства наши, и самая душа....

И вотъ мало-по-малу у каждаго изъ насъ завелся свой отдѣльный внутренній міръ, въ которомъ уже нѣтъ другого! А если я уже чувствую его въ своей душѣ, все еще такъ безраздѣльно принадлежащій ему этотъ отдѣльный міръ, въ которомъ все больше научаюсь жить, думать и даже мечтать безъ него, то какъ же, можетъ быть, онъ уже великъ въ немъ, поглощаемомъ и отвлекаемомъ отъ меня столькими другими вопросами и интересами, этотъ отдѣльный міръ души его, въ которомъ нѣтъ уже меня и который я почти не знаю!

Когда всѣ эти мысли приходятъ ко мнѣ и обступаютъ своею тоской, сомнѣніемъ и горечью въ долгія безсонныя ночи, такое чувство одиночества, безнадежнаго и давящаго, охватываетъ меня тогда вдругъ. Того фатальнаго человѣческаго одиночества, въ которомъ, быть можетъ, каждый изъ насъ томится отдѣльно отъ другого и въ которомъ неизбѣжно обреченъ жить, даже подлѣ самыхъ близкихъ и любимыхъ людей!

Но такъ, пожалуй, я нагоняю тоску и на тебя, моя дорогая! А между тѣмъ, кто знаетъ, быть можетъ, всѣ эти грустныя мысли и тяжелое настроеніе только результатъ того, что я.... опять беременна!

Да, «опять»! Это слово вырвалось *и у него*, когда я сказала ему о томъ.

— Какъ! опять!—воскликнулъ онъ точно съ укоромъ, и я почувствовала себя виноватою....

Я ушла къ себѣ и невольно заплакала.

Такъ еще живо было въ памяти впечатлѣніе того прекраснаго перваго раза, который не только мнѣ, но и *ему* представлялся какою-то священною миссіей, выше и важнѣе которой, казалось, не могло быть ничего въ нашей жизни, въ нашей любви. Какой свѣтъ, какой восторгъ былъ въ лицѣ его въ ту первую минуту, когда я открыла ему эту тайну, «нашу тайну», великую, прекрасную тайну любви нашей, въ своемъ порывѣ, точно въ вдохновеніи творчества дававшей жизнь новому, третьему существу, еще болѣе освящавшему ее, еще тѣснѣе скрѣплявшему насъ!

Какъ онъ рыдалъ, тогда упавъ къ ногамъ моимъ и осыпая колѣна и руки мои благодарными поцѣлуями и слезами, этими лучшими слезами въ нашей жизни, которыми мы плакали вмѣстѣ въ своемъ восторгѣ, въ своемъ великомъ счастьи...

Какъ недавно все это было, какъ живетъ еще въ сердцѣ моемъ и какъ давно уже! какъ жутко давно! даже страшно!

И вотъ ничто уже и никогда не вернетъ больше этого мгновенія, этого восторженнаго порыва, въ которомъ точно прозвучало, какъ въ заключительномъ аккордѣ, все вдохновеніе, вся поэзія, все таинство любви нашей...

Потомъ... о потомъ было уже не то, совсѣмъ не то! Второй разъ, я помню, была та же радость, но какая-то поверхностная, неглубокая, точно оффиціальная... скорѣй простое удовольствіе, противъ котораго ничего не имѣли, но которое уже не подняло нашихъ душъ на небо, какъ тогда!...

А теперь онъ ничего уже не нашелъ больше въ сердцѣ своемъ, какъ только это одно короткое, но роковое убившее во мнѣ что-то «опять».

Пока я не услышала отъ него этого слова, она, эта инстинктивная радость материнства, что, вопреки всему, вопреки самымъ страданіямъ нашимъ, мы носимъ въ душѣ своей вмѣстѣ съ зарождающеюся въ насъ жизнью ребенка нашего, все же была во мнѣ... И вотъ онъ точно загасилъ ее и во мнѣ... она потухла и на мѣстѣ ея явилась только скорбь и жалость; безконечная, глубокая жалость къ этому неизвѣстному, несуществующему еще даже, но уже живущему во мнѣ дорогому существу, котораго никто не ждетъ съ восторгомъ, никто особенно не желаетъ, ни даже самый отецъ его...

Тѣмъ больше любви къ нему будетъ въ сердцѣ моемъ, уже теперь тоской и скорбью сжимающемуся за него...

Когда потомъ Владиміръ пришелъ въ мою комнату и увидѣлъ мое заплаканное лицо, онъ, кажется, и самъ былъ смущенъ и сконфуженъ впечатлѣніемъ своего «невиннаго», какъ онъ выразился восклицанія, которое «просто такъ сорвалось у него».

Онъ даже не понималъ хорошо, чѣмъ собственно такъ огор-

чилъ и обидѣлъ меня! Онъ искренно думалъ, что и для меня самой это тоже не болѣе, какъ досадное «опять»!

Но видъ моихъ слезъ все-таки разстроилъ его; по своему онъ до сихъ поръ еще страдаетъ, при видѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что я плачу такъ не часто, и теперь онъ готовъ былъ загладить сдѣланное нечаянно впечатлѣніе и ласками, и добрыми словами, хотя досадливое чувство невольно прорывалось у него даже сквозь нихъ.

Когда я немного успокоилась, онъ не выдержалъ и сказалъ мнѣ все-таки:

— Удивительно, какое огромное значеніе придаете, вы женщины, словамъ! Скажешь что-нибудь самое обыкновенное, простое и глядишь изъ-за какого-нибудь маленькаго незначительнаго выраженія уже цѣлая большая драма вышла! Удивительный вы все-таки народъ!

Но я не стала уже возражать, чувствуя, что мы опять перейдемъ на тѣ разные языки, на которыхъ все равно не поймемъ другъ друга!

А можетъ быть онъ и правъ. Можетъ быть, мы и дѣйствительно «удивительный народъ», во всемъ имъ противоположный и совсѣмъ не похожій на нихъ! Но тогда это уже какая-то странная и роковая ошибка самой природы, которая, создавая одно человѣчество, сдѣлала изъ него два разныхъ народа съ такими различными духовными мірами!

Ну вотъ видишь, какія мысли и настроеніе бываютъ подъчасъ у твоего стараго друга. Хорошо, что хоть держутся онѣ недолго и проходятъ сами собою, отъ перваго нѣжнаго опять взгляда, одинаковаго на всѣхъ языкахъ міра или отъ одной улыбки нашего ребенка и даже просто, порой, отъ засіявшаго въ синевѣ неба яркаго солнца, отъ пѣсни жаворонка въ полѣ, отъ первыхъ весеннихъ прогалинъ на снѣгу, отъ прочитанной вмѣстѣ и взволновавшей всю книги, — отъ всего этого, въ чемъ вдругъ точно прорвется красота и прелесть жизни и разомъ со всѣмъ примиритъ, снова озаривъ душу какимъ-то яркимъ свѣтомъ и охвативъ ея былымъ восторгомъ и счастьемъ, пробудить опять всѣ замолкшія пѣсни ея! До свиданья же моя дорогая, крѣпко цѣлую тебя.

Твоя Катя.

Москва. Ноябрь.

До сихъ поръ не можемъ еще придти къ себя, дорогая моя, отъ несчастій, обрушившихся на нашу семью! Дядю Семена, милаго, дорогого нашего дядю Семена разбилъ параличъ, и дни его сочтены, какъ ты знаешь уже теперь. Онъ началъ прихварывать еще съ прошлаго года и извѣстіе объ арестѣ Петра доконало его. Это былъ такой неожиданный ударъ, что слабое здоровье его не вы-

держало и рушилось окончательно. Да и не удивительно, когда даже и насъ всѣхъ это такъ потрясло! Какъ ни тревожно переживаемое время, но мысль эта почему-то никому изъ насъ не приходила въ голову, хоть за послѣдніе два года, что Петръ перешелъ въ петербургскій университетъ, онъ почти совсѣмъ отрѣшился отъ вліянія семьи и даже писалъ все рѣже и рѣже. Только одна тетя Луиза своимъ чуткимъ материнскимъ сердцемъ была неспокойна и точно предчувствовала что то недоброе, но и Дмитрій, и Владиміръ, и даже самъ дядя Семенъ успокаивали ее утверждая, что жизнь вдали отъ дома и семьи, Петру, этому Веніамину нашихъ стариковъ, будетъ только полезна и разовьетъ въ немъ больше самостоятельности.

Когда была получена телеграмма объ его арестѣ, дядя Семенъ первый прочелъ ее и ему сразу стало дурно; онъ зашатался, упалъ и съ тѣхъ поръ такъ и не приходилъ еще въ полное сознаніе за всѣ эти три недѣли, да врядъ ли уже и придетъ, когда нибудь хотя физически ему какъ будто нѣсколько лучше! У него появился аппетитъ, онъ можетъ уже сидѣть въ глубокомъ креслѣ, обложенный со всѣхъ сторонъ поддерживающими его подушками, и даже порывается что-то говорить, что, впрочемъ, одна тетя Луиза и то съ огромнымъ трудомъ способна кое-какъ понимать больше угадывая чего онъ собственно хочетъ. Но Боже мой, Боже мой, что съ нимъ сталось! Ужъ лучше, кажется, пускай бы не было этого обманчиваго улучшенія, отъ котораго только еще мучительнѣе глядѣть на него! Если бы ты могла его видѣть теперь!

Порой, когда я гляжу на его мутные, ничего не выражающіе больше глаза, еще недавно такіе прекрасные, на эту отвисшую безпомощно челюсть, придающую ему такой ужасный видъ; слышу это тяжелое, полудѣтское, полуживотное какое-то бормотаніе, въ которомъ отчетливѣе и вѣрно сознательнѣе всего выходитъ только одно слово: «кашки!» и вижу, какъ онъ жадно, точно голодный, грудной ребенокъ тянется къ ней навстрѣчу своею трясущейся головой! О меня охватываетъ такой ужасъ, такое оскорбленіе за человѣка, что я бѣгу за нѣсколько комнатъ, чтобы только не видѣть и не слышать всего этого! И подумать только, что это все тотъ же нашъ дядя Семенъ! Дядя Семенъ, съ его прекрасною и возвышенною душой, съ его глубокимъ, философскимъ развитіемъ, съ его такимъ яснымъ, многостороннимъ умомъ, съ его исключительнымъ, наконецъ, образованіемъ, предъ которымъ каждый изъ насъ невольно преклонялся въ душѣ! Дядя Семенъ, перечитавшій на своемъ вѣку чуть не всю литературу міра, наслаждавшійся Софокломъ и Шекспиромъ, переписывавшійся съ Гюго и Гегелемъ, дружившій съ лучшими людьми своего времени, и теперь вдругъ только безпомощно съ жалкимъ плачемъ просящій «кашки», на

которой точно сосредоточилось все послѣднее его разумѣніе, всѣ послѣднія желанія и потребности!

Что можетъ быть печальнѣе и унизительнѣе подобнаго состоянія для такого человѣка, какимъ былъ онъ! И за что такая горькая и злая насмѣшка судьбы! За что онъ такъ наказанъ, именно онъ, прожившій жизнь, быть можетъ, самую достойную и безупречную, какую только можетъ прожить человѣкъ!

Когда Дмитрій, вернувшійся третьяго дня изъ Петербурга, куда онъ выѣхалъ тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ телеграммы, увидѣлъ его, онъ не выдержалъ и разрыдался, какъ ребенокъ.

Намъ, видящимъ его ежедневно и просидѣвшимъ у изголовья его всю его болѣзнь, эта перемѣна все же не такъ еще бросается въ глаза, но Дмитрія она прямо сразила.

Онъ упалъ на диванъ и рыдалъ почти истерически.

— Боже мой, Боже мой!—сказалъ онъ съ горечью, когда немного успокоился.—Ужъ лучше смерть, чѣмъ это!

Но тетя Луиза, эта удивительная, преданная и любящая до послѣдняго вздоха тетя Луиза, остановила его:

— Не говори такъ! воскликнула она тихо и почти со страхомъ.—Пусть живетъ! пусть живетъ дольше, какимъ есть! Мнѣ онъ и такой дорогъ... Вѣдь это все же онъ!...

И она заплакала, припавъ къ рукамъ своего бѣднаго мужа, который даже не понималъ больше ея горя, и безучастно глядѣлъ куда-то мимо нея, но который и теперь былъ ей все также милъ и дорогъ какъ и прежде, въ счастливые годы ихъ жизни и кто знаетъ! Теперь, наканунѣ вѣчной разлуки, быть можетъ даже еще дороже чѣмъ тогда, въ тотъ первый день ихъ любви, когда онъ впервые прижалъ ее къ своему сердцу, чтобы не отрывать отъ него уже всю жизнь!

Она не выходитъ изъ его комнаты, не оставляетъ его ни на одинъ часъ, жадно ловитъ каждое его движенія, каждый, увы, почти не узнающій ее взглядъ и всякое его безсознательная улыбка доставляетъ ей чуть не счастье! Она радостно говоритъ намъ тогда:

— Посмотрите, посмотрите,онъ узналъ меня, онъ улыбнулся мнѣ!.

У насъ не хватаетъ духу разочаровывать ее и тамъ, гдѣ мы видимъ одинъ жалкій, заживо разлагающійся трупъ, она продолжаетъ еще находить человѣка, съ которымъ 40 лѣтъ жила общими радостями и горестями, съ которымъ они вмѣстѣ были молоды вмѣстѣ растили дѣтей своихъ, вмѣстѣ старились, оставаясь вѣрными, любящими друзьями отъ первой встрѣчи до послѣдняго дня его сознанія.

О да, такой бракъ, какимъ былъ ихъ, невольно заставляетъ вѣрить въ таинство брака, навѣки соединяющій двухъ людей невольно примиряетъ съ другими неудачными и несчастными, которые кажутся порой чуть не насиліемъ надъ свободной волей и чувствомъ

человѣка и даже въ собственномъ, заставляютъ прощать и забывать всѣ тяжелыя минуты, выпадающія подчасъ...

За то на ея горе теперь, въ чужѣ тяжко глядѣть! Мы всѣ стараемся помогать ей ухаживать за нашимъ дорогимъ больнымъ и не оставляемъ одну ни на минуту, но конечно это мало облегчаетъ ее. Даже смерть Раисы, ея любимой дочери, не сразила ее тогда такъ, какъ это несчастье теперь. Она не спитъ, не ѣстъ и сразу посѣдѣла какъ старая старушка; но ни слезы, что не переставая льются изъ глазъ ея, ни страшная усталость, которую казалось бы она должна испытывать, отъ однѣхъ этихъ безсонныхъ ночей, не могутъ принудить ее, хоть на нѣсколько часовъ, оставить свое мѣсто на креслѣ у постели его, въ которомъ она проводитъ теперь дни и ночи свои.

Даже непонятно, что еще поддерживаетъ ее! Какая мысль, какая надежда, безъ которой невозможно такое напряженіе воли.

Когда я разъ намекнула ей объ этомъ, она помолчала немного, точно и сама задумавшись надъ моимъ робкимъ вопросомъ. а потомъ отвѣтила съ такою глубокою, твердою вѣрой:

— Меня поддерживаетъ, сказала она, благодарность Господу за прошлое счастье!

И невольно преклонилась я въ душѣ предъ этою простотой и могуществомъ вѣры, дающей покорность и спокойствіе даже въ такіе дни, и... почти позавидовала ей, также невольно спросивъ самую себя, была ли бы я способна къ этому!... Увы! между нами такихъ уже мало, даже когда съ сердцѣ нашемъ и дотепливается еще былая вѣра отцовъ и дѣдовъ, такая глубокая и простая когда то въ ихъ душахъ!..

Можешь же себѣ представить, дорогая, въ какомъ подавленномъ мы всѣ тутъ настроеніи!

Право, точно въ самомъ воздухѣ скопилось столько электричества, что такъ и ждешь страшной грозы, которая неминуемо должна разразиться надъ головами всѣхъ.

По поводу несчастнаго Петра ты знаешь теперь уже всѣ подробности отъ Дмитрія.

Мы всѣ въ такомъ отчаяніи, что просто не знаемъ, что дѣлать, къ кому броситься, что предпринять, чтобы только спасти его!

Дмитрій вернулся совсѣмъ убитымъ. Онъ кидался всюду, но, конечно, безрезультатно! Слава Богу, что хоть удалось добиться разрѣшенія свиданія съ нимъ, изъ котораго онъ вынесъ хоть то утѣшающее нѣсколько впечатлѣніе, что Петръ держитъ себя настоящимъ молодцомъ, и не только не унываетъ, и не падаетъ духомъ, но еще Дмитрія же успокаивалъ и ободрялъ.

Но въ то же время онъ рѣшительно воспротивился отъ всякихъ ходатайствъ въ пользу его помилованія или какого бы то ни было смягченія его участи, которыя не будутъ даны также и другимъ его

товарищамъ. Онъ просто запретилъ Дмитрію всѣ дальнѣйшія попытки этого и взялъ съ него слово, что ни онъ, ни кто изъ насъ не будетъ больше предпринимать ихъ.

Какъ узнаю я въ немъ, въ его молодой страстной энергіи, въ его горячемъ фанатизмѣ и упорной волѣ покойную Раису! Недаромъ онъ ея братъ!

Бѣдной тетѣ мы не рѣшились сказать всей правды. но она сама угадала ее; да и жестоко было бы вполнѣ успокаивать ее, когда все можетъ кончиться такъ ужасно! Ужъ лучше исподволь приготовить ее къ новому горю, и потому Димитрій не сталъ скрывать отъ нея, что Петру не миновать ссылки или даже каторги.

Тетя молча выслушала его и когда онъ кончилъ, она помолчала нѣсколько минутъ, точно боясь разспрашивать дальше, точно страшась узнать больше, но потомъ справилась съ собой и все таки спросила.

— И это все?

Дмитрій смутился и неувѣренно пожалъ плечами.

— Надо думать, что все...—сказалъ онъ осторожно, уклоняясь отъ прямого отвѣта, и, помолчавъ, прибавилъ:

— Худшее врядъ ли будетъ...

Тогда тетя Луиза поблѣднѣла и замолкла, тяжело опустивъ на грудь голову.

— Если только это,—сказала она немного спустя,—то надо еще благодарить Бога...

Но въ душѣ она видимо уже все рѣшила и вчера она сказала Сережѣ:

— Когда я буду больше не нужна моему мужу, я пойду съ моимъ сыномъ туда, куда пошлютъ его... и

И она сдѣлаетъ это. Хоть здѣсь и останутся у нея еще другія дѣти и внуки и дорогія могилы, но эти въ безопасности и по своему все-таки счастливы, а она уйдетъ съ тѣмъ, кто больше всѣхъ пострадалъ и больше всѣхъ нуждается въ ней...

— И мы не должны отговаривать ее отъ этого... въ этомъ не только долгъ ея, но и спасеніе, быть можетъ...—сказалъ мнѣ потомъ Сережа, быть можетъ больше всѣхъ любящій ее и ужь конечно болѣе всѣхъ нуждающійся въ ней, благодаря своему искалѣченному тѣлу и испорченной жизни...

Но съ тѣхъ поръ, какъ все это случилось, одна мучительная мысль закралась въ мою душу, терзая ее, какимъ-то болѣзненнымъ страхомъ и за моихъ собственныхъ, еще крохотныхъ дѣтей. Когда я подѣлилась ею съ Ольгой, она призналась мнѣ, что и сама испытываетъ теперь то же самое.

Почемъ мы матери знаемъ, почемъ мы знать, что готовитъ имъ судьба въ далекомъ будущемъ? Если бы наше материнское сердце могло предугадать все то горе, бѣды и страданіе, что можетъ

быть обрушатся современемъ на головы ихъ, кто знаетъ стали ли бы матери еще мечтать о томъ, чтобы ихъ дѣти выросли стали ли бы даже желать ихъ! Что изъ того, что теперь я охраняю ихъ въ каждомъ шагѣ, дрожу при малѣйшей ихъ болѣзни и каждый часъ, каждую минуту стараюсь оградить ихъ отъ всякой опасности? Чего я въ сущности достигну этимъ? Отъчего спасу и оберегу ихъ въ дѣйствительности! Что изъ того, что сейчасъ, пока они малы и почти безсознательны, они здоровы и счастливы и беззаботно ростутъ подъ моимъ крыломъ!

Развѣ со временемъ съ ними не можетъ случиться того же, что случилось теперь съ Петромъ, или что-нибудь другое, такое же ужасное!

Развѣ молодость, всегда пылкая и мятежная уже въ самихъ инстинктахъ своихъ, не будетъ проявляться и въ нихъ тѣми же вспышками роковыхъ увлеченій, борьбы и ошибокъ? Пусть все это будетъ только заблужденіями, хотя бы и такъ, но развѣ это спасетъ ихъ отъ чего-нибудь? Развѣ жизнь поневолѣ, уже сама собой не столкнетъ ихъ со всѣмъ этимъ! Развѣ не захотятъ и они въ свой чередъ бороться потомъ за то, что будетъ казаться имъ тогда истиной и долгомъ ихъ, и, стремясь къ подвигамъ и жертвамъ, также безпощадно гибнуть?

Для этого не надо даже каторги и висѣлицъ — довольно простой войны, на которую пошлетъ ихъ само же правительство и и откуда они или не вернутся, быть можетъ, уже совсѣмъ, безсмысленно умеревъ въ самый разгаръ жизни, силъ и молодости, или вернутся такими же искалѣченными, какъ тотъ же нашъ несчастный Сергѣй!

И я, быть можетъ, буду обречена дожить до тѣхъ поръ и собственными глазами, собственнымъ сердцемъ увидѣть все это! О Боже! Зачѣмъ же я буду ростить ихъ, развивая ихъ душу и умъ, вкладывая въ нихъ всѣ надежды, всѣ мечты, всю любовь свою, все лучшее, что есть во мнѣ самой, если всему этому суждено, быть можетъ, только погибнуть, такъ безпощадно и жестоко! Когда всѣ эти мысли охватываютъ меня—я почти не смѣю больше желать, чтобы они выросли! Ужъ лучше, быть можетъ, имъ умереть спокойно и тихо подъ лаской моею теперь, пока они еще малы и не сознали вполнѣ ни всей радости жизни, ни всего страданія ея! Мнѣ говорятъ: «Не думай объ этомъ!» Да развѣ это возможно! Съ тѣхъ поръ, какъ случилось это несчастье съ нашимъ Петромъ, я не могу, не въ состояніи не думать объ этомъ! Эти страшныя мысли сами обступаютъ меня и днемъ, и ночью и преслѣдуютъ точно тяжкій кошмаръ, отъ котораго я просыпаюсь даже во снѣ вся въ трепетѣ и холодномъ поту!

И страхъ этотъ особенно силенъ во мнѣ по отношенію моего мальчика, моего Волика! Ему, какъ мужчинѣ, выпадетъ вѣрно больше опасностей и жизненной борьбы, въ которой лишь немно-

гимъ одинокимъ счастливцамъ дано выходить побѣдителями! Когда я ласкаю его теперь, когда держу на колѣняхъ своихъ, мнѣ все кажется, что кто-то уже отнимаетъ его у меня, чьи-то холодныя, жестокія руки уже вырываютъ его отъ меня и въ отчаяніи я еще крѣпче прижимаю его къ груди своей и все хочу отъ кого-то защитить, отъ чего-то спасти!..

И онъ, этотъ ребенокъ, такой чуткій и нѣжный, словно понимаетъ меня. Какъ онъ смотритъ на меня порой своими большими, пытливыми глвзами, въ которыхъ минутами проглядываетъ уже что-то не дѣтское, уже что-то печальное! Точно онъ видитъ душу мою и чувствуетъ все ея смятеніе и тоску! И какъ нѣжно, съ какою безконечною ласкою гладитъ онъ меня тогда по лицу своими маленькими ручками, какъ старается поцѣлуями вытереть слезы мои...

И знаешь ли, когда я подмѣчаю на его миломъ, дѣтскомъ личикѣ, на которомъ еще должна была бы играть, какъ вѣчный солнечный лучъ, одна беззаботная радость, это вдумчивое не подѣтски, словно о чемъ-то молча вопрошающее и допытывающееся, выраженіе, когда я ловлю эти грустно-пытливые взгляды его, которые онъ подолгу останавливаетъ то на мнѣ, когда я прижимаю его къ себѣ со страстною тоской, то на плачущей тетѣ Луизѣ, то на измѣненномъ, почти неузнаваемомъ лицѣ дяди Семена или на искалѣченной фигурѣ Сергѣя, мнѣ невольно приходитъ въ голову, что онъ, въ своей нѣжной чуткости, уже начинаетъ угадывать жизнь; угадывать всю ту скорбь, страданіе и горе ея, что такъ часто выпадаетъ на долю людей... и безмолвно прислушивается и присматривается къ нимъ, еще не понимая ихъ ясно, но, кто знаетъ, быть можетъ, уже безсознательно проникаясь ими и запечатлѣвая ихъ въ своемъ дѣтскомъ сердечкѣ...

Да, невеселые предстоятъ намъ нынче праздники, которые уже такъ близки, а тамъ и Новый Годъ... страшный Новый Годъ! Что-то несетъ онъ міру, Россіи и намъ, нашей маленькой семьѣ?.. По мѣрѣ того, какъ живешь, все больше научаешься бояться грядущаго, этого таинственнаго, загадочнаго грядущаго, котораго никто изъ насъ не знаетъ и не можетъ ни предугадать, ни предотвратить... И та довѣрчивая радость, почти любопытство, съ которымъ ждалъ его когда-то прежде, когда еще не боялся жизни и вѣрилъ ей, какъ матери, невольно все уменьшается, уступая мѣсто тревогѣ и страху... А теперь они, конечно, еще сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, но дай Богъ, чтобъ хоть тебѣ они оставили все то же счастье и покой...

Твоя Катя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Крестовская.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на извѣстную науку,— съ точки ли зрѣнія теоретической или прикладной, практической, мы неизбѣжно должны оцѣнить во всей полнотѣ великое значеніе высшихъ обобщеній, абстрактныхъ формулъ, общихъ законовъ развитія изучаемыхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь интересъ къ чистому знанію, къ теоретической работѣ мысли только тогда и усиливается, когда безконечное разнообразіе и чрезвычайную запутанность мелкихъ явленій мы сводимъ къ единообразію, къ простотѣ и единству, когда калейдоскопъ конкретныхъ фактовъ объясняется изъ сочетанія немногихъ основныхъ элементовъ. Съ другой стороны, практически-полезные выводы и заключенія становятся возможными въ сущности лишь при посредствѣ высшихъ обобщеній, основныхъ законовъ, потому что лишь послѣдніе открываютъ для насъ перспективу возможности предвидѣть будущее, а предвидѣніе есть необходимое условіе дѣйствія. На такомъ естественномъ основаніи покоится раздѣленіе всѣхъ теоретическихъ (неприкладныхъ) наукъ на два разряда—наукъ конкретныхъ и наукъ абстрактныхъ, причемъ оба эти разряда существуютъ совмѣстно и тѣсно связаны между собою, одинъ немыслимъ безъ другого. Конкретныя науки занимаются изученіемъ отдѣльныхъ явленій въ опредѣленной, тоже конкретной, средѣ или обстановкѣ, причемъ имѣютъ въ виду установить причинную связь этихъ явленій *). Но эта задача важна не сама по себѣ: она имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что позволяетъ формулировать болѣе общіе, абстрактные выводы, высшіе научные законы. Напр., психологія изучаетъ общіе, абстрактные законы развитія духовной жизни людей вообще, а

*) Причинность понимается здѣсь не въ смыслѣ метафизическомъ, а въ смыслѣ необходимой, постоянной послѣдовательности.

не только того или другого конкретнаго человѣка. Психологія, слѣдовательно, абстрактная наука. Но психологія покоится на отдѣльныхъ наблюденіяхъ за духовною жизнью конкретныхъ индивидуальностей, и эти-то наблюденія, будучи сведены въ систему, составляютъ особую, конкретную психологію даннаго человѣка или даннаго типа людей. То же самое надо сказать объ естественныхъ наукахъ: напр., ботаника и зоологія изучаютъ органическую жизнь отдѣльныхъ растеній и животныхъ, слѣдовательно, онѣ—науки конкретныя. Онѣ даютъ матеріалъ для вывода общихъ законовъ развитія органическаго міра, для построенія абстрактной науки—біологіи. Это разсужденіе примѣнимо, наконецъ, и къ наукамъ общественнымъ. Исторія извѣстнаго народа—наука конкретная, потому что она изучаетъ законы развитія опредѣленнаго, даннаго общества въ разные періоды его жизни. Соціологія или теорія общественной жизни имѣетъ цѣлью изслѣдованіе общихъ законовъ общежитія, независимо отъ какой-либо конкретной обстановки; слѣдовательно, она—наука абстрактная.

Такая тѣсная и естественная связь между абстрактными и конкретными науками предполагаетъ ясно выраженную потребность въ изложеніи каждой конкретной науки въ связи съ общими законами изучаемыхъ явленій, формулируемыми наукою абстрактною. Что сказали бы мы о ботаникѣ или зоологѣ, который чуждался бы вопросовъ и формулъ общей біологіи? Мы могли бы въ самомъ лучшемъ случаѣ назвать его хорошимъ наблюдателемъ и описателемъ, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы приложить къ его имени названіе ученаго изслѣдователя въ истинномъ смыслѣ этого слова. И кѣмъ инымъ, какъ не гробокопателемъ является историкъ, чуждающійся соціологическихъ проблемъ?

Итакъ, ясно, что исторія каждаго отдѣльнаго народа, каждой отдѣльной страны должна освѣщаться съ соціологической точки зрѣнія; конкретный процессъ историческаго развитія отдѣльной части человѣчества становится понятенъ и получаетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если его разсматриваютъ, какъ матеріалъ для построенія общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ. Такова основная точка зрѣнія, изъ которой мы будемъ исходить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

И эту точку зрѣнія тѣмъ болѣе необходимо усвоить, что и соціологія, и исторія—въ частности русская исторія—находятся сейчасъ въ такомъ состояніи, что необходимо разобраться среди отдѣльныхъ взаимно-переплетающихся и часто ожесточенно-борющихся между собою теорій и воззрѣній. Спенсеръ замѣтилъ, что всякая наука въ своемъ послѣдовательномъ развитіи переживаетъ три стадіи: первая—согласіе невѣждъ, вторая—разногласіе изслѣдователей, третья—согласіе людей знающихъ. Исторія и соціологія находятся сейчасъ во второй стадіи своего развитія, и ихъ взаимное сближеніе—одно изъ сильнѣйшихъ средствъ, могущихъ ввести ихъ хотя бы отчасти въ третью стадію.

II.

Поставленная задача предполагаетъ, естественно, и извѣстный, находящійся съ ней въ строгой гармоніи, планъ изложенія. Вырабатывая этотъ планъ, мы сразу становимся лицомъ къ лицу съ общимъ соціологическимъ вопросомъ—о классификаціи явленій общественной жизни. Существуетъ, какъ извѣстно, и пользуется даже значительнымъ кредитомъ направленіе въ соціологіи, отрицающее не только необходимость, но и самую возможность такой классификаціи. Адепты этой школы, важнѣйшимъ представителемъ которой является Штаммлеръ, авторъ извѣстнаго сочиненія «Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи», утверждаютъ, что общественная жизнь есть нѣчто до такой степени цѣльное и единое, что всякая попытка ея расчлененія на отдѣльные процессы невозможна: это значило бы рѣзать по живому тѣлу, раздѣлять отдѣльныя стороны одного объекта. Эта точка зрѣнія совершенно несостоятельна: вѣдь совершенно очевидно, что отрицать возможность отдѣльнаго изученія разныхъ процессовъ общежитія все равно, что отрицать возможность существованія отдѣльныхъ наукъ—механики, химіи, физики, біологіи, психологіи, соціологіи, потому что нѣтъ ни одного явленія или предмета въ дѣйствительности, который всецѣло относился бы къ области только *одной* науки: всякій соціальный фактъ необходимо и неизбѣжно содержитъ въ себѣ и элементы, изучаемые другими науками,—психологическіе, физіологическіе, физическіе, химическіе, механическіе. Совершенно вѣрно, что каждая наука изучаетъ лишь *отдѣльную сторону* одного великаго объекта—мірозданія, но отсюда не слѣдуетъ, что отдѣльныя науки не имѣютъ права на существованіе, такъ какъ разныя стороны одного объекта неразлучимы: практическая, реальная неразлучимость не предполагаетъ еще невозможности абстракціи и анализа, не мѣшаетъ отдѣльной наукѣ объяснять изучаемую ею сторону міровой жизни. Реальное единство общаго объекта изученія не стираетъ такимъ образомъ граней между отдѣльными науками, а предполагаетъ только необходимое объединеніе ихъ выводовъ въ высшемъ синтезѣ, философское обобщеніе всѣхъ научныхъ пріобрѣтеній, къ какой бы сферѣ знанія они ни относились; оно показываетъ только, что должна существовать единая научная философія—синтезъ всѣхъ наукъ. Подобно этому, и въ отдѣльной обширной научной области аналитическое изученіе явленій не только не вредитъ, но способствуетъ цѣльности и единству общаго нашего вывода относительно этого объекта. Для всякаго ясно, напр., что физика не только ничего не проиграла, но выиграла отъ того, что классифицировала физическія явленія, раздѣлила ихъ на явленія свѣта, теплоты, магнитизма, электричества.

Итакъ, польза, необходимость и возможность классификаціи общественныхъ явленій не подлежатъ сомнѣнію.

*

Но прежде чѣмъ классифицировать общественныя явленія, надо опредѣлить еще самое понятіе «общественное явленіе». И здѣсь мы можемъ наблюдать немаловажныя разногласія между различными соціологами и историками. Нѣкоторые признаютъ два различныхъ разряда явленій, подлежащихъ историческому и соціологическому изученію: одинъ разрядъ составляютъ, по ихъ мнѣнію, событія, иначе дѣянія лицъ или явленія прагматическія, другой разрядъ—состоянія, функціи, учрежденія или культурныя явленія. Примѣромъ перваго разряда можетъ служить, напр., бородинская битва или изданіе манифеста 19-го февраля 1861 г.; примѣръ второго—существованіе крѣпостного права въ Россіи въ XVII, XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. По этимъ взглядамъ, общественное явленіе не есть что-либо по природѣ своей единое, а напротивъ, слѣдуетъ различать два особыхъ ряда общественныхъ явленій. Нельзя, однако, не признать, что это отдѣленіе прагматической исторіи отъ культурной способно внести только путаницу въ умы, нисколько не разъясняя дѣла. Отдѣльное событіе, взятое внѣ связи съ другими, ему подобными, тѣмъ болѣе поступокъ лица, не можетъ быть предметомъ историческаго изученія: событіе тогда только пріобрѣтаетъ интересъ для историка и соціолога, когда сближается съ другими звеньями цѣпи, въ составъ которой входитъ. Въ сущности, прагматическихъ фактовъ, какъ таковыхъ, не существуетъ для историка и соціолога, потому что они, съ исторической и соціологической точки зрѣнія, даже теоретически неотдѣлимы отъ культурныхъ. Исторія и соціологія занимаются только состояніями. Слѣдовательно, общественнымъ явленіемъ слѣдуетъ называть только фактъ культурный или состояніе.

Но какъ же классифицировать различныя явленія общежитія? Эта классификація создана, можно сказать, эмпирически, исторіей науки, послѣдовательною разработкой отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ. Изучая прошлое того или другого народа, изслѣдователи очень рано еще въ XVII вѣкѣ—замѣтили связь, существующую между человѣческимъ общежитіемъ и внѣшней природой; отсюда процессы, совершающіеся въ природѣ, пріобрѣли въ ихъ глазахъ большой интересъ и такимъ образомъ выдѣлились въ особую группу *естественныя явленія*. Это—первый классъ общественныхъ явленій. Въ XVIII вѣкѣ окончательно образовались и другія группы: тогда стали обращать вниманіе на организацію хозяйства, общества и государства, а также на духовныя перемѣны въ обществѣ. Отсюда возникли четыре класса общественныхъ явленій: *явленія хозяйственныя или экономическія*; *явленія соціальныя* (т.-е. общественный строй); *явленія политическія* и, наконецъ, *психологическія явленія*. Итакъ, мы должны изучить послѣдовательно пять основныхъ процессовъ: естественный, хозяйственный, соціальный, политическій и психологическій. Такова правильная классификація общественныхъ явленій и таковъ, слѣдовательно, общій поря-

докъ изложенія предмета. Само собою разумѣется, что въ каждомъ изъ этихъ процессовъ придется различать отдѣльныя частности и болѣе мелкіе процессы, но объ этомъ пойдетъ рѣчь уже при самомъ изложеніи.

III.

Исторія всякаго знанія начинается простымъ накопленіемъ отдѣльныхъ наблюденій, совершенно лишенныхъ системы или приводимыхъ лишь во внѣшнюю связь. Знаніе превращается въ *науку* только тогда, когда связь отдѣльныхъ явленій становится внутренней, необходимой, когда возникаетъ понятіе причинности или необходимой послѣдовательности явленій. Явленія общежитія также подлежатъ изученію именно съ точки зрѣнія ихъ причинной связи между собою, причемъ мыслимы два случая: или явленія извѣстнаго общественнаго процесса имѣютъ своими причинами другія явленія того же самаго процесса, или они находятся въ причинной зависимости отъ явленій, относящихся къ другимъ процессамъ общежитія. Напримѣръ, устройство государства въ извѣстный моментъ можетъ зависѣть отъ чисто политическихъ потребностей и интересовъ,—это первый случай, но оно можетъ также явиться результатомъ извѣстнаго общественнаго строя, борьбы и взаимныхъ отношеній разныхъ классовъ и сословій,—вотъ второй случай. Поэтому, изучая каждый изъ пяти намѣченныхъ процессовъ, мы всегда должны имѣть въ виду эти двѣ возможности и попытаться уяснить, въ какой мѣрѣ эти процессы тогутъ считаться внутренно-самостоятельными и въ какой степени они зависятъ отъ другихъ процессовъ.

Разрѣшеніе этого вопроса есть задача тѣмъ болѣе высокой научной важности, что съ нимъ въ связи стоитъ другой вопросъ: какой изъ названныхъ пяти процессовъ—естественный, хозяйственный, соціальный, политическій или психологическій—долженъ быть признанъ за основной, дающій ключъ къ пониманію цѣлаго? Здѣсь опять нельзя не отмѣтить, что среди соціологовъ и особенно среди историковъ довольно сильно распространено мнѣніе, что нѣтъ и не можетъ быть такого основного процесса, задающаго тонъ цѣлому, что отдѣльные историческіе процессы взаимно вліяютъ другъ на друга, находятся во взаимодѣйствіи. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что такое взаимодѣйствіе существуетъ, что всякое отдѣльное явленіе подвергается ряду многообразныхъ вліяній и само вліяетъ на множество другихъ явленій, но *сила* этого вліянія однихъ явленій на другія неодинакова, и такъ какъ человѣческій умъ не можетъ по своей ограниченности учесть всю массу мелкихъ воздѣйствій и въ то же время неудержимо стремится къ обобщенію, къ сведенію многообразія къ единству, къ монизму, то остается игнорировать все мелкое и второстепенное, сбрасывать его со счета и обращать вниманіе лишь на главное. А при такой постановкѣ вопроса теорію взаимодѣйствія придется признать простымъ проявленіемъ науч-

ной робости, такъ какъ воздѣйствіе однихъ общественныхъ процессовъ на другіе неодинаково сильно, что̀ можно доказать путемъ тщательныхъ наблюденій и точнаго анализа. Необходимость основного понятія, изъ котораго объяснялись бы всѣ явленія общественной жизни, особенно явственно выступаетъ на видъ при взглядѣ на философское построеніе другихъ наукъ, достигшихъ бо́льшаго развитія, чѣмъ соціологія и исторія. Каждая изъ этихъ наукъ беретъ одно основное понятіе и изъ него объясняетъ всѣ явленія, ею изучаемыя; другими словами это основное понятіе или основной процессъ берется какъ нѣчто данное, гипостазируется, ставится надъ всѣмъ матеріаломъ, изслѣдуемымъ данной научной отраслью. Такъ, напр., въ физикѣ гипостазируется движеніе, физіологія беретъ готовыми физическія и химическія явленія и изъ нихъ выводитъ весь механизмъ физіологическихъ процессовъ. То же, очевидно, должно существовать и въ соціологіи. Вопросъ заключается, слѣдовательно, не въ томъ, слѣдуетъ ли въ соціологіи гипостизировать какой-либо элементъ, а въ томъ, какой именно элементъ долженъ быть положенъ въ основу соціологическихъ построеній. Мы не преминемъ обратить надлежащее вниманіе на этотъ капитальный вопросъ.

IV.

Принявъ теорію существованія основного процесса, направляющаго всѣ остальные, мы не должны забывать, что и въ этомъ процессѣ совершаются перемѣны, что онъ проходитъ разныя стадіи развитія, мѣняется. На этомъ основывается дѣленіе исторіи всякаго народа на періоды. Такое дѣленіе имѣетъ только относительное значеніе: въ сущности вѣдь не бываетъ рѣзкихъ переломовъ и внезапныхъ скачковъ, каждый новый періодъ является непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго, и, съ другой стороны, ни одно общественное явленіе не находится въ покоѣ, въ неподвижномъ состояніи въ теченіе какого-либо отдѣльнаго промежутка времени: оно мѣняется, находится въ постоянномъ движеніи. Несмотря, однако, на все это, дѣленіе на періоды—единственное средство ясно и отчетливо представить себѣ процессы развитія общественныхъ явленій, потому что человѣческій умъ нуждается въ схематизаціи матеріала, стремится различить болѣе или менѣе точно отдѣльные моменты или стадіи общественнаго развитія. Въ основу дѣленія на періоды должны быть, очевидно, положены главные моменты въ развитіи того процесса общежитія, который задаетъ тонъ цѣлому.

Послѣдующее изложеніе дастъ намъ основанія для дѣленія русской исторіи на періоды. Но изъ чисто практическихъ соображеній необходимо теперь же перечислить эти періоды. Ихъ пять: 1) кіевскій—до конца XII-го вѣка, 2) удѣльный—съ XIII-го до половины XVI-го столѣтія, 3) московскій—съ половины XVI-го до конца XVII-го вѣка, 4) но-

вый крѣпостной періодъ, охватывающій XVIII-е столѣтіе и первую половину XIX-го, и 5) новый пореформенный, начинающійся второю половиной истекшаго столѣтія и продолжающійся до сихъ поръ. Мотивы этого дѣленія и основанія указанныхъ хронологическихъ граней выяснятся въ свое время.

V.

Въ результатѣ изученія историческихъ судебъ русскаго народа въ связи съ общей соціологической теоріей должно получиться знаніе прошлаго и настоящаго нашего отечества и пониманіе основныхъ законовъ его развитія. Если это знаніе—не фантазія, а дѣйствительность, не плодъ воображенія и не результатъ ошибки, а истина, то оно должно привести къ предвидѣнію будущаго, хотя бы частичному и мало опредѣленному. Въ правѣ ли мы уклоняться отъ попытокъ подобнаго предвидѣнія? Я думаю, что нѣтъ, и не только по этой причинѣ, что такія попытки необходимы, какъ руководства въ общественной дѣятельности человѣка, какъ указатели его гражданскаго долга, но и потому, что бóльшая или меньшая вѣрность предсказаній—вопросъ объ этой вѣрности рѣшитъ, разумѣется, будущее,—должна послужить надежнымъ средствомъ провѣрки правильности пріемовъ, методовъ и теорій, примѣненіе которыхъ дало матеріалъ для извѣстнаго пониманія прошлаго и настоящаго и для предвидѣнія будущаго. Итакъ въ заключеніе нашего труда мы попытаемся хотя бы отчасти приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ таинственное будущее. Если даже въ результатѣ этой попытки получится неудача, то она во всякомъ случаѣ принесетъ свою долю пользы: легче будетъ понять причину неудачи, открыть ошибки въ методахъ или взглядахъ, своевременно и хорошо ихъ исправить. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, но зато онъ и ничего не достигаетъ. Вѣдь давно извѣстно, что человѣчество учится ошибками.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Природа и населеніе восточно-европейской равнины въ VI—XII вв.

Если мы очертимъ приблизительныя границы восточно-европейской равнины съ запада Балтійскимъ моремъ, Вислой и Карпатами, съ юга Чернымъ моремъ, предгорьями Кавказа и Каспійскимъ моремъ, съ востока Ураломъ и съ сѣвера Ледовитымъ океаномъ и Бѣлымъ моремъ, то получимъ въ результатѣ громадное *пространство* не менѣе, чѣмъ въ 90 тысячъ квадратныхъ миль. Чрезвычайная обширность этой естественной области есть первая отличительная черта территоріи, послужившей главною ареной исторической жизни русскаго народа.

Вторая отличительная черта этой территоріи—необыкновенное однообразіе ея *рельефа или устройства поверхности.* Не вдаваясь въ излишнія подробности, можно сказать, что вся страна представляетъ собою равнину, по которой тянутся лишь двѣ гряды значительныхъ возвышенностей, сохраняющія, вообще говоря, направленіе отъ сѣвера на югъ. Первая изъ нихъ—среднерусская—идетъ отъ Валдайскихъ горъ, составляющихъ ея сѣверную оконечность, до Донецкаго кряжа, по водораздѣлу между системами Днѣпра, съ одной стороны, и Волги и Дона, съ другой. Вторая гряда состоитъ изъ приволжскихъ возвышенностей, которыя направляются по правому берегу Волги отъ Нижняго Новгорода до Царицына, съ поворотомъ къ западу до Тамбова. Съ запада на востокъ идетъ только одна возвышенность и то незначительная: она составляетъ водораздѣлъ между Волгой и рѣками Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря и называется сѣверными увалами.

Однообразіе рельефа и направленіе горныхъ цѣпей съ сѣвера на югъ оказываютъ сильное вліяніе на *климатъ* страны: именно эти обстоятельства смягчаютъ въ значительной степени рѣзкія климатическія различія, неизбѣжныя при громадномъ протяженіи равнины съ сѣвера на югъ. Климатъ страны вообще континентальный, съ рѣзкими переходами отъ холодной зимы къ жаркому лѣту, такъ что различіе между средними температурами самаго теплаго и самаго холоднаго мѣсяцевъ доходитъ до 23°. Средняя годовая температура колеблется въ разныхъ мѣстностяхъ отъ 2° холода до 10° тепла. При преобладаніи лѣтнихъ осадковъ надъ зимними, вездѣ въ теченіе зимы земля все-таки находится подъ снѣговымъ покровомъ. Наилучшимъ климатомъ отличается югъ, сѣверъ—наиболѣе суровый край въ климатическомъ отношеніи, а центральная полоса представляетъ собою середину между этими двумя крайностями.

Вся равнина, за исключеніемъ отчасти юго-востока, отличается чрезвычайнымъ обиліемъ озеръ, болотъ, рѣкъ и рѣчекъ. Особеннымъ изобиліемъ воды, богатствомъ *орошенія* отличается почти весь западъ страны. Не надо при этомъ забывать, что въ изучаемый нами періодъ рѣки были гораздо многоводнѣе, чѣмъ теперь. Укажу лишь на два примѣра: въ числѣ притоковъ Днѣпра и сейчасъ существуютъ двѣ небольшихъ, совершенно несудоходныхъ рѣки, Почайна и Супой; между тѣмъ, на первой при Ольгѣ (въ X в.) была пристань, а со дна Супоя теперь иногда выкапываютъ настоящія большія рѣчныя суда.

Въ *почвенномъ* отношеніи сѣверъ страны отличается наиболѣе дурными свойствами. За исключеніемъ нѣкоторыхъ береговъ рѣкъ (напр., Сѣверной Двины), гдѣ почва довольно плодородна, благодаря наносимому рѣками илу, на сѣверѣ преобладаютъ почвы среднія—глинистыя и песчаныя, и даже худыя—каменистыя и болотистыя, или такъ называемый подзолъ. Среднія почвы—суглинокъ и супесокъ составляютъ отличительную черту центра равнины, хотя почвъ хорошаго достоин-

ства здѣсь уже больше, а худыхъ меньше, чѣмъ на сѣверѣ. На югѣ начинается сплошная полоса плодороднаго чернозема, которая, вообще говоря, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ болѣе выдвигается на сѣверъ, доходя до устьевъ Оки и простираясь затѣмъ почти безъ перерывовъ на значительное разстояніе по лѣвому берегу Камы и южнѣе. Такимъ образомъ и въ почвенномъ, какъ и въ климатическомъ, отношеніи югъ отличается наиболѣе благопріятными условіями.

При изученіи перваго періода нѣтъ нужды обращать вниманіе на *минералогическія богатства* страны, потому что въ ту эпоху они еще не эксплуатировались, но необходимо сказать нѣсколько словъ о *богатствахъ ботаническихъ и зоологическихъ*. Подъ первыми я разумѣю, главнымъ образомъ, лѣса. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что по крайней мѣрѣ бо́льшая часть южной полосы равнины, прилегавшая къ Черному и Каспійскому морямъ, никогда не отличалась обиліемъ лѣсовъ, была степью. Но даже въ нынѣшнихъ Кіевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской губерніяхъ лѣсовъ было тогда, несомнѣнно, гораздо больше, чѣмъ теперь, не говоря уже о болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ. Это отразилось, напр., въ занесенномъ въ «Начальную лѣтопись» преданіи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Вообще въ изучаемый періодъ почти вся восточно-европейская равнина представляла собою настоящую лѣсную страну. Въ связи съ этимъ находятся и зоологическія богатства: лѣса кишѣли множествомъ всякаго рода звѣрей; не говоря уже о такихъ звѣряхъ, какъ зайцы, лисицы, волки, медвѣди, бѣлки, въ то время водились въ изобиліи туры, олени, лоси, куницы, бобры и т. д. Множество дикихъ пчелъ гнѣздились въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, а рѣки и озера изобиловали рыбою.

Чтобы закончить очеркъ естественныхъ условій страны въ первый періодъ русской исторіи, остается разсмотрѣть вопросъ о *населеніи*. Само собою разумѣется, что невозможно даже приблизительно опредѣлить его количество въ періодъ времени между VI и XII вѣками, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что населеніе было тогда чрезвычайно малочисленно сравнительно съ громаднымъ пространствомъ страны. Но не менѣе важенъ другой вопросъ,—о племенномъ составѣ населенія и о распредѣленіи отдѣльныхъ племенъ по равнинѣ. При этомъ нѣтъ никакой необходимости говорить о скиѳахъ, сарматахъ и готахъ, равно какъ и о гуннахъ, аварахъ, венграхъ и т. д., потому что эти народы не имѣли ничего общаго со славянами и бо́льшая часть изъ нихъ лишь прошли по равнинѣ, не осѣвъ на ней прочно. Правда, существуютъ попытки сблизить скиѳовъ, готовъ и гунновъ со славянами, но онѣ должны быть признаны совершенно неудачными, потому что опираются или на темныя и недоступныя надлежащей критической провѣркѣ свидѣтельства древнихъ писателей, греческихъ и римскихъ, или на лингвистическія толкованія весьма сомнительнаго свойства, недалеко ушедшія по своему достоинству отъ измышленій

знаменитаго Тредьяковскаго. Поэтому, говоря о славянскомъ населеніи, мы будемъ исходить изъ того несомнѣннаго, прочно установленнаго въ наукѣ факта, что въ VI вѣкѣ славяне жили въ прикарпатскомъ краѣ, и въ это и слѣдующія затѣмъ столѣтія началось заселеніе ими изучаемой нами территоріи. Незачѣмъ останавливаться на спорномъ и въ сущности второстепенномъ вопросѣ о порядкѣ и времени поселенія каждаго отдѣльнаго славянскаго племени. Постараемся только указать предѣлы славянской колонизаціи восточной равнины въ первый періодъ русской исторіи. При этомъ надо различать разные хронологическіе моменты; чтобы не слишкомъ усложнять изложеніе, мы будемъ различать только два такихъ момента: во-первыхъ, время до IX вѣка включительно и, во-вторыхъ, съ X до конца XII вѣка.

Если взять за основу обзора территоріи, занятой племенами восточныхъ славянъ съ VI вѣка до IX, великій водный путь «изъ варягъ въ греки», т.-е. изъ Балтійскаго моря въ Черное, — именно по Невѣ, Ладожскому озеру, Волхову, Ильменю, Ловати, мелкимъ рѣчкамъ и волокамъ до Днѣпра и наконецъ, по Днѣпру, то можно сказать, что обѣ стороны этого великаго пути были уже въ то время заняты нашими предками. Но степень широты захвата не была одинакова на всемъ протяженіи пути «изъ варягъ въ греки». Въ сѣверной его части, тамъ, гдѣ въ бассейнѣ Ильменя, Волхова и Чудского осера поселились славяне ильменскіе, предѣлы славянскихъ владѣній распространялись не на широкое пространство, охватывая лишь южную часть нынѣшней Петербургской губерніи, западную часть Новгородской и сѣверную— Псковской. Поселенія славянъ ильменскихъ являлись, такимъ образомъ, самымъ крайнимъ сѣвернымъ славянскимъ аванпостомъ, узкою лентой проходившимъ среди финскихъ племенъ. Отдѣльныя славянскія колоніи выдвигались, впрочемъ, далеко на востокъ: таковы были Бѣлоозеро и Ростовъ. Южнѣе славянскія поселенія очень сильно расширялись: прежде всего, непосредственно къ славянамъ ильменскимъ примыкали съ юга кривичи, жившіе по верхнему Днѣпру и верховьямъ Западной Двины и Волги, въ нынѣшнихъ Смоленской и Витебской губерніяхъ и сѣверо-восточной половинѣ губерніи Могилевской; затѣмъ, къ западу и юго-западу отъ кривичей жили дреговичи — между Припятью, Западною Двиной, Западнымъ Бугомъ и верховьями лѣвыхъ притоковъ верхняго Днѣпра, т.-е. въ губерніяхъ Минской, Гродненской и отчасти въ Виленской и Витебской; съ юго-востока къ кривичамъ примыкали радимичи, занимавшіе бассейнъ рѣки Сожа, т.-е. юго-восточную часть Могилевской губерніи и сѣверо-западную—Черниговской; далѣе на сѣверо-востокъ находились, наконецъ, поселенія вятичей—по Окѣ, въ нынѣшнихъ Калужской, Тульской и Орловской губерніяхъ. За этою второю, очень широкою полосой славянскихъ поселеній шла, затѣмъ, третья, еще болѣе южная, которую составляли, считая по порядку отъ запада на востокъ, волыняне (называвшіеся также дулѣбами и бужанами), древляне, поляне и сѣверяне. Волыняне жили по верховьямъ Западнаго

Буга и Припяти съ ея правыми верхними притоками, въ западной части нынѣшней Волынской губерніи и въ восточной части Люблинской, а также въ сѣверо-восточной Галиціи. Древляне занимали земли по притокамъ Припяти слѣва, въ восточной части Волынской губерніи. Поляне жили по западному берегу средняго Днѣпра, въ нынѣшней Кіевской губерніи. Наконецъ, поселенія сѣверянъ находились противъ полянскихъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, на его притокахъ Деснѣ и Сулѣ и на притокѣ Десны, Сеймѣ; сѣверянскія владѣнія охватывали почти всю Черниговскую губернію, западную часть Курской и сѣверо-западную Полтавской губерніи. Третья полоса была такимъ образомъ почти такъ же широка, какъ и вторая. На самомъ югѣ славянскія поселенія не шли уже сплошною полосой, а находились лишь на крайнемъ юго-западѣ, гдѣ по Днѣстру, въ нынѣшней Подольской губерніи и отчасти въ Бессарабіи, жили два племени—уличи или улучи и тиверцы.

Говоря вообще, можно признать такимъ образомъ, что къ концу IX вѣка славянскія племена, разселяясь по восточно-европейской равнинѣ, захватили, главнымъ образомъ въ западной половинѣ этой равнины, пространство, занятое теперь приблизительно 20-ю неполными русскими губерніями.

Но на этомъ не остановилась славянская колонизація того періода, изученіемъ котораго мы занимаемся. Мы должны теперь прослѣдить перемѣны въ распредѣленіи славянскихъ поселеній, совершившіяся въ X, XI и XII вѣкахъ. Въ эти вѣка восточные славяне, усвоившіе общее названіе Руси, стали все болѣе и болѣе проникать во владѣнія своихъ сосѣдей и, кромѣ того, совершились существенныя измѣненія въ степени населенности отдѣльныхъ русскихъ областей.

Съ сѣверо-запада русская земля граничила съ территоріей, занятой литовскими племенами, изъ которыхъ одно—именно ятвяги—врѣзывалось клиномъ между владѣніямъ волынянъ и дреговичей: ятвяги занимали западную часть нынѣшней Гродненской губерніи, а также губернію Ломжинскую. Въ теченіе X, XI и XII вѣковъ совершился процессъ заселенія области ятвяговъ волынянами и дреговичами и этнографическаго сліянія всѣхъ этихъ племенъ. На этотъ процессъ указываютъ прежде всего, извѣстія лѣтописей о походахъ русскихъ князей на ятвяговъ (напр., въ 983, 1038 и 1112 годахъ), а затѣмъ славянскія названія основывавшихся здѣсь вновь городовъ (напр., Васильковъ, Бѣльскъ, Заславъ) при сохраненіи литовскихъ названій за рѣками (Котва, Жижва, Зельва и т. д.): очевидно, рѣкамъ дали наименованіе первоначальные поселенцы, а названія городовъ принесены новыми колонистами. Но этимъ расширеніемъ русской территоріи не ограничились перемѣны въ распредѣленіи населенія на западѣ страны. Кромѣ этого, замѣтны еще два явленія: во-первыхъ, приливъ населенія въ страну древнихъ волынянъ, въ галицко-волынское княжество въ XII вѣкѣ; во-вторыхъ, полное исчезновеніе двухъ нѣкогда многочисленныхъ славянскихъ племенъ, уличей и тиверцевъ. Населеніе въ Волынь и Галицію, гдѣ съ

XII в. появляется рядъ новыхъ городовъ, приливало изъ земли полянъ и древлянъ, съ одной стороны, а съ другой сюда же перешла, вѣроятно, и значительная часть уличей и тиверцевъ, вытѣсненная съ юга передвиженіемъ чуждыхъ народностей. Дѣло въ томъ, что въ IX вѣкѣ южныя черноморскія степи были еще чисты отъ кочевниковъ: только между Волгой и Дономъ кочевали угры или венгры, между Волгой и Яикомъ (Ураломъ) жили хозары, а сѣвернѣе ихъ печенѣги, граничившіе на востокѣ съ узами или торками. Но во второй половинѣ IX вѣка хозары, вступивъ въ союзъ съ торками, оттѣснили печенѣговъ на западный берегъ Волги; подъ вліяніемъ этого, венгры перешли въ Паннонію, увлекая за собою часть уличей и тиверцевъ, а затѣмъ, въ X вѣкѣ, печенѣги заняли степи въ нижнемъ теченіи Дона, Днѣпра и Днѣстра. Остатки уличей и тиверцевъ ассимилировались съ печенѣгами въ XI вѣкѣ.

Движеніе печенѣговъ и послѣдующія этнографическія перемѣны въ южныхъ степяхъ отразились также на распредѣленіи славянскихъ поселеній въ земляхъ полянъ и сѣверянъ. Сѣверяне въ X вѣкѣ, можетъ быть, даже и ранѣе, развивали усиленную и энергичную колонизаціонную дѣятельность по направленію на востокъ и юго-востокъ: это доказывается, во-первыхъ, славянскими названіями рѣкъ, впадающихъ въ Донъ, Донецъ и въ Азовское море; во-вторыхъ, прямымъ свидѣтельствомъ арабскаго писателя Масуди во 2-й половинѣ X вѣка, что по Дону было много славянскихъ поселеній; въ-третьихъ, остатками славянскаго населенія въ бассейнѣ Дона и Донца еще въ XII вѣкѣ: такъ, на р. Ворсклѣ существовалъ тогда сѣверянскій городъ Лтава (нынѣ Полтава), на Донцѣ находился городъ Донецъ, куда прибѣжалъ изъ половецкаго плѣна Игорь Святославичъ послѣ своего несчастнаго похода, воспѣтаго въ «Словѣ о полку Игоревѣ»; остатки славянскаго населенія въ донецкомъ бассейнѣ XII в. извѣстны были также въ видѣ небольшихъ бродячихъ бандъ, называвшихся бродниками или берладниками; наконецъ, четвертымъ доказательствомъ движенія сѣверянъ на востокъ и юго-востокъ служитъ основаніе въ X вѣкѣ на Таманскомъ полуостровѣ при Босфорѣ Киммерійскомъ (Керченскомъ проливѣ) на мѣстѣ старой византійской колоніи Таматархи города Тмуторокани, который, по археологическимъ признакамъ и по связи своей съ сѣверскимъ княжествомъ, является несомнѣнною колоніей сѣверянъ. Этотъ колонизаціонный потокъ былъ сильно задержанъ въ X в. передвиженіемъ печенѣговъ, которые во второй половинѣ этого столѣтія заняли нижнее теченіе Днѣпра и отобрали также у полянъ бассейнъ рѣки Роси, впадавшей справа въ Днѣпръ. Наступательное движеніе печенѣговъ на другое южное славянское племя—полянъ и уменьшеніе территоріи послѣднихъ съ юга доказываются нашею «Начальною лѣтописью», по извѣстіямъ которой Владиміръ Святой вынужденъ былъ строить для защиты отъ печенѣговъ города сѣвернѣе Роси,—по рѣкамъ Стугнѣ и Сулѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ нѣмецкій миссіонеръ Бруно,

проѣзжавшій въ началѣ XI-го вѣка черезъ Кіевъ въ печенѣгамъ. Нѣсколько позднѣе, въ 30-хъ годахъ XI вѣка, Ярославу удалось возвратить берега Роси, которые онъ и заселилъ, и нанести рѣшительное пораженіе печенѣгамъ, но на смѣну послѣднимъ во второй половинѣ XI вѣка пришли половцы, которые покорили родственныхъ имъ торковъ, уничтожили хозарское царство, подчинили себѣ Тмуторокань, отодвинули сѣверянъ съ востока и, наконецъ, подвергли новому разоренію полянское Поросье.

И на этомъ, однако, не остановились перемѣны въ населеніи южной Руси: въ XII-мъ вѣкѣ мы можемъ наблюдать усиленный отливъ населенія отсюда въ двухъ направленіяхъ; одно изъ нихъ намъ извѣстно— въ галицко-волыское княжество, другое шло на сѣверо-востокъ, въ область Оки и верхней Волги. Два признака указываютъ на этотъ отливъ населенія въ XII-мъ вѣкѣ изъ земель полянъ и сѣверянъ на Волгу и Оку: во-первыхъ, къ концу этого вѣка образуется прямое и безпрепятственное сообщеніе между югомъ и сѣверо-востокомъ, ранѣе очень трудное: тогда какъ въ XI-мъ вѣкѣ Глѣбъ Муромскій для того, чтобы изъ Мурома проѣхать въ Кіевъ, вынужденъ былъ сначала отправиться на сѣверо-западъ къ нынѣшней Твери и затѣмъ уже спуститься внизъ, а Владиміръ Мономахъ еще въ началѣ XII-го вѣка вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу, что онъ прошелъ съ юга на сѣверо-востокъ прямой дорогой «сквозѣ вятичей», Юрій Долгорукій въ концѣ XII-го столѣтія свободно совершалъ свои походы этою же прямою дорогой; во-вторыхъ, названія многихъ городовъ и рѣкъ на сѣверо-востокѣ оказываются занесенными съ юга: таковы названія городовъ Переяславля, Звенигорода, Стародуба, Вышгорода, Галича, рѣкъ Почайны, Лыбеди, Трубежа.

Эти наблюденія приводятъ насъ къ изученію исторіи колонизаціи русскаго сѣверо-востока въ X, XI и XII вѣкахъ. Два народа стояли здѣсь на пути русской колонизаціи: финны на сѣверѣ и въ центрѣ равнины и болгары, жившіе при впаденіи Камы въ Волгу. Русская колонизація, встрѣчавшаяся въ своемъ движеніи съ поселеніями этихъ народовъ, производилась трема способами: во-первыхъ, посредствомъ мирныхъ поселеній отдѣльныхъ лицъ, во-вторыхъ, путемъ княжескаго завоеванія и постройки укрѣпленій, въ третьихъ, посредствомъ основанія монастырей въ незаселенныхъ еще мѣстахъ. Древнѣйшимъ и важнѣйшимъ былъ первый способъ. Мы видѣли, что еще въ IX вѣкѣ среди финскихъ племенъ появились славянскія поселенія: Бѣлоозеро въ области Веси и Ростовъ въ землѣ Мери. Очень можетъ быть, что тогда же существовалъ и Муромъ въ землѣ Муромы. Онъ во всякомъ случаѣ существовалъ уже въ X вѣкѣ, когда появился и Суздаль, и когда Владиміръ Святой походами на камскихъ болгаръ расчистилъ шире и сдѣлалъ безопаснѣе путь для славянской колонизаціи бассейна Оки и верхней Волги. Предѣлы нынѣшнихъ Тверской, Ярославской, Московской губерніи въ X и XI вѣкахъ заселялись по преимуществу

выходцами изъ Новгорода и его области, и только въ XII вѣкѣ теченіе съ юга Россіи стало преобладать и захватило также нынѣшнія Рязанскую и Тульскую губерніи. Въ XI вѣкѣ появились Рязань и Пронскъ, основанъ былъ Ярославль, и стали насаждаться монастыри благодаря дѣятельности св. Авраамія Ростовскаго. Въ XII вѣкѣ Владиміръ Мономахъ построилъ Владиміръ на Клязьмѣ, Юрій Долгорукій основалъ Кснятинъ (въ 1134 г.), Юрьевъ Польскій (1152 г.), Дмитровъ (1154 г.); въ 1147 г. впервые упоминается Москва; въ то же столѣтіе появляются Тверь, Кострома, Галичъ, Звенигородъ, Колязинъ и южнѣе, въ землѣ вятичей, Брянскъ, Карачевъ, Козельскъ, Мценскъ, Тула, Елецъ, Воротынскъ, Мосальскъ, Новосиль. Наконецъ, къ этому же времени относится основаніе такихъ монастырей, какъ Никитскій недалеко отъ Переяславля-Залѣсскаго (нын. Владимирс. губ.) и Покровскій при впаденіи р. Нерли въ Клязьму.

Чтобы закончить рѣчь о населеніи Руси въ первый періодъ исторической жизни нашего отечества, намъ остается сказать о колонизаціи сѣвера, т.-е. области лежащей за сѣверными увалами. Эта колонизація въ изучаемое время шла исключительно изъ Новгорода и его области, исходила отъ славянъ ильменскихъ и направлялась въ двѣ мѣстности, — въ Обонежье, т.-е. область между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами, и въ Заволочье, т.-е. въ бассейнъ Сѣверной Двины. Еще въ XI вѣкѣ на островѣ у сѣверо-западнаго берега Ладожскаго озера былъ основанъ Валаамскій монастырь; въ XII столѣтіи въ такъ называемомъ Обонежскомъ ряду существуетъ уже рядъ новгородскихъ областей, такъ называемыхъ погостовъ. Тоже самое можно наблюдать тогда и по Двинѣ, причемъ эти поселенія быми результатомъ дѣятельности главнымъ образомъ отдѣльныхъ мелкихъ колонистовъ. Но наряду съ этимъ происходила и монастырская колонизація сѣвера, особенно Обонежья: на Онежскомъ озерѣ, на островѣ Пальѣ, появляется въ XII в. Палеостровскій монастырь, а затѣмъ упоминаются монастыри Шунгскій и Муромскій въ томъ же Обонежскомъ ряду.

Мы кончили изученіе природы и населенія восточно-европейской равнины въ VI—XII вѣкахъ. Остается сдѣлать общіе выводы. Было бы преждевременно теперь, при наличности тѣхъ данныхъ, которыя нами пока добыты, пытаться разрѣшить вопросъ о вліяніи природы на историческую жизнь во всемъ его объемѣ: отвѣтъ на этотъ вопросъ можно будетъ формулировать лишь тогда, когда мы познакомимся съ процессами развитія хозяйства, общества, государства и духовной жизни общества. Но уже теперь мы можемъ опредѣлить, опираясь на предшествующее изложеніе, какова степень вліянія природы страны на распредѣленіе ея населенія въ первоначальный періодъ исторической жизни народа? Мы видѣли, что отличительными чертами исторіи русскаго населенія въ XII-мъ вѣкѣ были, во-первыхъ, разселеніе восточныхъ славянъ по равнинѣ, во-вторыхъ, переселеніе отдѣльныхъ группъ народа изъ одной части страны въ другую, напр., переселеніе полянъ и сѣве-

рянъ въ главной ихъ массѣ въ XII вѣкѣ въ Галицію и на Волынь, съ одной стороны, и въ бассейнъ Оки и верхней Волги, съ другой. Если мы попытаемся поставить эти явленія въ связь съ изученными нами особенностями внѣшней природы, то мы замѣтимъ, что бо́льшая часть этихъ особенностей содѣйствовала разселенію и переселенію: прежде всего рельефъ страны, равнинность ея поверхности былъ условіемъ, въ высокой степени благопріятствовавшимъ колонизаціи, потому что не встрѣчалось никакихъ естественныхъ препятствій къ переселенію; затѣмъ равномѣрность климата также давала возможность новымъ поселенцамъ довольно легко и быстро приспособляться къ климатическимъ условіямъ мѣстности, въ которую они переходили изъ своей родины; далѣе, обильное орошеніе доставляло возможность пользоваться множествомъ пересѣкавшихъ равнину рѣкъ и рѣчекъ въ качествѣ колонизаціонныхъ путей; наконецъ, обиліе ботаническихъ и зоологическихъ богатствъ обезпечивало всюду поселенцамъ легкость добыванія средствъ къ существованію. Но, отмѣчая всѣ эти благопріятныя для колонизаціи естественныя условія, легко замѣтить, что они были именно только *содѣйствующими* условіями колонизаціоннаго процесса, создавали *возможность* разселенія и переселенія, дѣлали ихъ болѣе легкими, но не являлись *необходимыми причинами* перемѣнъ въ распредѣленіи населенія по равнинѣ. Другими словами, естественныя условія оказывали лишь *пассивное* вліяніе на процессъ колонизаціи, активной же силы, его двигавшей, надо искать гдѣ-то въ другой сферѣ. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что нѣкоторыя естественныя условія стояли даже въ прямомъ противорѣчіи съ направленіемъ разселенія и переселенія; это прежде всего слѣдуетъ сказать о почвѣ, потому что, напр., почвенныя условія Поднѣпровья были несравненно лучше почвенныхъ условій области Оки и верхней Волги, а между тѣмъ населеніе передвигалось въ XII-мъ вѣкѣ изъ первой области во вторую; но кромѣ того и климатъ тѣхъ областей, которыя привлекали колонистовъ, нерѣдко былъ гораздо суровѣе, чѣмъ климатъ старой родины послѣднихъ; это нужно сказать опять-таки о климатѣ верхняго Поволжья сравнительно съ Поднѣпровьемъ, а также о климатическихъ условіяхъ крайняго сѣвера, несравненно болѣе тяжелыхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ жили ильменскіе славяне, составлявшіе главный контингентъ колонизаторовъ сѣвернаго края.

Необходимость найти активную силу, двигавшую процессъ колонизаціи, приводитъ насъ къ изученію процесса развитія хозяйственныхъ отношеній въ кіевской Руси.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛОРДЪ АРЧИБАЛЬДЪ РОЗБЕРИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТІИ ВЪ АНГЛІИ.

(*Окончаніе* *).

VI.

Внѣшняя политика была всегда одною изъ сравнительно сильныхъ сторонъ дѣятельности лорда Розбери, и это обстоятельство въ глазахъ его друзей весьма выгодно оттѣняется ошибками и неудачами смѣнившаго его въ 1895 году министерства Салисбюри—Бальфура—Чэмберлена. Въ самомъ дѣлѣ, лорду Розбери посчастливилось съ честью выйти изъ дипломатическихъ затрудненій и въ 1886 году, когда въ кабинетѣ Гладстона онъ руководилъ иностранной политикой Великобританіи, и въ 1892—5 гг., когда снова, сначала въ качествѣ члена министерства Гладстона, а потомъ въ качествѣ перваго министра, онъ взялъ на себя эту же трудную и отвѣтственную роль.

Бисмаркъ какъ-то съиронизировалъ, что теперь всякій, знающій французскій языкъ, карьеристъ считаетъ себя годнымъ для дипломатической службы. «Къ сожалѣнію или къ счастью» — не знаемъ, но нужно согласиться, что на тернистомъ пути международнаго подкарауливанія и подсиживанія въ послѣдніе годы, дѣйствительно, чаще проявляются необыкновенные аппетиты, нежели необыкновенныя технической, интеллектуальныя способности. Всякому, кто интересовался дипломатическою исторіею, хотя бы начиная отъ вѣнскаго конгресса, извѣстно, какъ страшно рѣдки были въ XIX столѣтіи случаи, когда дипломатическому искусству удавалось самому по себѣ, безъ достаточной военной поддержки, достигать намѣченной цѣли. Удалось это, напримѣръ, Талейрану и въ 1814 и въ 1815 гг., когда, осѣдлавъ принципъ легитимности и «легитимныхъ» (т.-е. старыхъ, дореволюціонныхъ) границъ, онъ заставилъ и Пруссію, и Австрію воздержаться отъ слишкомъ алчныхъ требованій,—и все это послѣ двукратнаго взятія Парижа, послѣ Ватерлоо, послѣ извѣстнаго всѣмъ врагамъ истощенія французскихъ военныхъ силъ, а кое въ чемъ путемъ цѣлой системы перекре

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь, 1903 г.

щивающихся интригъ онъ заставилъ противниковъ признать и нѣкоторыя выгодныя для Франціи измѣненія, происшедшія уже послѣ начала революціи. Но такіе случаи крайне рѣдки. «Духъ», не поддержанный въ достаточной степени «матеріей», обыкновенно, терпитъ въ дипломатіи фіаско. Предъ лордомъ Розбери не стояли такія наиболѣе трудныя дипломатическія задачи, когда министру не на что болѣе опереться, кромѣ собственной ловкости и изворотливости; ему ни разу не приходилось быть въ положеніи, изъ котораго счастливо вышелъ князь Талейранъ въ 1814—1815 гг. на вѣнскомъ конгрессѣ и неудачно князь Горчаковъ въ 1878 году на берлинскомъ. Но изъ менѣе трудныхъ, хотя тоже не легкихъ положеній, въ которыя ставила его европейская дипломатія, Розбери выходилъ почти всегда безъ урона. Наиболѣе характерной въ этомъ смыслѣ была исторія съ Батумомъ, разыгравшаяся лѣтомъ 1886 года, какъ разъ въ теченіе шестимѣсячнаго отправленія лордомъ Розбери обязанностей министра (6 февр.—3 авг. 1886 г.), за мѣсяцъ до его отставки. По берлинскому трактату Батумъ былъ объявленъ порто-франко. Въ іюнѣ 1886 года императоръ Александръ III рѣшилъ уничтожить эту 69-ю статью трактата. Англія, подобно всѣмъ безъ исключенія другимъ державамъ, нарушала всегда и вездѣ тѣ договорные пункты, которые она признавала для себя невыгодными, и имѣла физическую возможность нарушить, такъ что принципіальный съ ея стороны протестъ долженъ былъ произвести нѣсколько комическое впечатлѣніе. Дѣло обстояло такъ, что воевать съ Россіей изъ-за батумскаго порто-франко было бы опасно и вопіющею нелѣпостью. Бисмаркъ оставался индифферентенъ ко всѣму происшествію, Австрія косвенно старалась выразить и свое неудовольствіе, но дѣлала это весьма боязливо, а другія державы и подавно молчали. Сразу же несомнѣнно стало, что торжество останется за русскимъ правительствомъ. Розбери избѣжалъ Сциллы опаснаго и Харибды смѣшного: съ одной стороны, онъ не прибѣгъ къ угрозамъ, отъ которыхъ пришлось бы потомъ отказываться или, еще хуже, которыя привели бы къ вооруженному столкновенію съ Россіей; съ другой стороны, его протестъ, кромѣ разныхъ «принципіальныхъ», завѣдомо лишенныхъ значенія, условностей заключалъ въ себѣ нѣкоторыя чрезвычайно категорическія выраженія, сильно развязывавшія Англіи руки на будущее время относительно берлинскаго трактата. Свое неудовольствіе Розбери высказалъ, главнымъ образомъ, во время свиданія съ русскимъ посломъ барономъ Стаалемъ и въ особой инструкціи англійскому посланнику въ Петербургѣ. Судя по отголоскамъ въ европейской прессѣ, этотъ протестъ произвелъ нѣкоторое (хотя и очень маленькое) впечатлѣніе; замаскированную угрозу видѣли въ томъ, что поступокъ Россіи названъ былъ оффиціально «a violation of the treaty of Berlin», и говорилось, что онъ «дѣлаетъ въ будущемъ соглашенія подобнаго рода трудными, если не невозможными, и набрасываетъ тѣнь сомнѣнія на тѣ конвенціи,

которыя уже заключены». Если въ данномъ случаѣ, по существу дѣла англійскій министръ не могъ ровно ничего добиться, то въ инцидентахъ съ Франціею и Греціею онъ обнаружилъ весьма значительную дозу рѣшимости и настойчивости.

Еще въ концѣ зимы 1886 года французское правительство рѣшило овладѣть Ново-Гебридскими островами въ Тихомъ океанѣ; въ Нумеѣ за нѣсколько лѣтъ до того образовалось акціонерное «Общество Ново-Гебридскихъ острововъ», явно покровительствуемое французскимъ правительствомъ и почти не скрывавшее своихъ завоевательныхъ намѣреній. Острова считались независимыми и захватить ихъ невзначай было трудно, ибо британская и французская эскадры наблюдаютъ другъ за другомъ въ этой области Тихаго океана почти съ такимъ же вниманіемъ и участіемъ, какъ на Средиземномъ морѣ. Поэтому, французское правительство начало съ того, что предложило англійскому министерству такого рода сдѣлку: Франція захватитъ Новые Гебриды, а взамѣнъ того обяжется навсегда не высылать болѣе своихъ каторжниковъ въ какія бы то ни было тихоокеанскія свои владѣнія и уладитъ нѣкоторые спорные пункты съ британскимъ правительствомъ, которые касались другихъ острововъ Тихаго океана и годами оставались нерѣшенными. Розбери проявилъ въ данномъ случаѣ большой тактъ.

Строго говоря сдѣлка, предложенная Франціей, не представляла для Англіи ничего невыгоднаго, но въ Австраліи началась по этому поводу цѣлая буря: колонія оказывалась менѣе уступчивою, нежели метрополія, и слышать не хотѣла, чтобы въ руки французовъ попали тѣ земли на Тихомъ океанѣ, которыя есть хоть какая-нибудь возможность имъ не давать. Розбери могъ бы въ этомъ случаѣ поступить такъ, какъ до него весьма часто поступали и торіи, и либералы, находившіеся у власти: не обратить никакого вниманія на настроеніе колоніи и сдѣлать по своему. Но онъ оказался уже человѣкомъ новыхъ, тогда еще только опредѣлявшихся теченій; въ противоположность обычаю прежнихъ администраторовъ, которыхъ въ томъ же 1886 году такъ язвительно вспомнилъ авторъ «Океаны», Розбери въ этомъ довольно неважномъ вопросѣ умышленно, аффектированно подчеркнулъ свое внимательное отношеніе къ голосу колонистовъ: онъ отвѣтилъ французскому правительству, что на извѣстныхъ условіяхъ готовъ согласиться относительно уступки Ново-Гебридскихъ острововъ, но только если австралійскія колоніи ничего противъ этого не будутъ имѣть. Вскорѣ послѣдовалъ (въ вполнѣ логическомъ порядкѣ) и отказъ какъ бы то ни было измѣнять положеніе этихъ острововъ, въ виду интересовъ колоній. Тѣмъ дѣло вовсе не кончилось. Французы на военныхъ судахъ явились у береговъ Новыхъ Гебридовъ, высадили отрядъ пѣхоты, отрядъ артиллеріи и водрузили свой флагъ. Началась тревога и, конечно, тотчасъ же дали знать въ Лондонъ. Лордъ Розбери обра-

гился въ Парижъ съ просьбою изъяснить ему это неожиданное происшествіе послѣ столь корректныхъ переговоровъ. Французское правительство сообщило, что на это не стоитъ обращать вниманія, ибо дѣло идетъ только о защитѣ французскихъ гражданъ, живущихъ на островахъ и подвергающихся въ послѣднее время опасности со стороны туземцевъ. Тутъ обнаружилось, что довѣрчивость не входитъ въ число добродѣтелей англійскаго министра, ибо онъ обратилъ полное вниманіе на слѣдующій фактъ: кромѣ орудій и военныхъ запасовъ, французскій десантъ имѣлъ при себѣ строительные матеріалы, т. е. предметы, казалось бы, ненужные для кратковременной и случайной экспедиціи. Какъ они здѣсь очутились? Тогда французское министерство иностранныхъ дѣлъ заявило, что, вообще, все это событіе съ дессантомъ до него не касается, ибо предпринято вовсе безъ его вѣдома: просто, губернаторъ Новой Каледоніи устроилъ экспедицію по своей личной охотѣ. Лордъ Розбери на этотъ аргументъ уже не возражалъ. Онъ удовольствовался,— говоритъ авторъ книги «The foreign policy of lord Rosebery», размышленіемъ, что, повидимому, губернаторъ Новой Каледоніи имѣетъ странное понятіе о своихъ обязанностяхъ, если отправляетъ военную экспедицію, снабженную строительными матеріалами, въ чужую страну, — и все это безъ всякихъ полномочій отъ своего правительства! Разъ французское правительство было невинно, а все зло проистекло отъ слишкомъ развязнаго губернатора, Розбери рѣшилъ бороться съ нимъ и послалъ два военныхъ судна къ Новымъ Гебридамъ. Французская экспедиція, получившая новыя инструкціи, перемѣнила тактику, — и все осталось въ прежнемъ положеніи: французамъ острова не достались. Съ обыкновенной точки зрѣнія, отвѣтъ французскаго правительства можетъ показаться полною несообразностью, и можетъ возникнуть вопросъ: кого же думали обмануть такимъ неправдоподобнымъ разъясненіемъ и сваливаніемъ дѣла на губернатора (къ тому же рѣшительно никакой карѣ не подвергшагося)? Но для дипломатовъ, которые все равно ни въ чемъ и никогда другъ другу не вѣрятъ (и не могутъ вѣрить) канцелярская переписка, даже лишенная всякаго смысла, такъ же не важна, какъ и самая тонкая нота, разъ все равно дѣло уже рѣшено: воевать изъ-за Новыхъ Гебридовъ Франція не была намѣрена, и какъ только Розбери забилъ тревогу и обнаружилъ рѣшительное сопротивленіе, стало ясно, что французамъ этихъ острововъ уже не захватить и дальнѣйшая переписка съ англійскимъ министромъ по этому поводу обратилась для французскаго правительства въ пустую канцелярскую формальность, никому не нужную. Дѣло съ Новыми Гебридами—одинъ изъ трофеевъ всей карьеры Розбери: оно сильно содѣйствовало его популярности въ Австраліи.

Такую же скорость и рѣшительность въ дѣйствіяхъ за это полугодовое свое министерство Розбери проявилъ и въ греко-турецкомъ конфликтѣ, о которомъ упомянемъ въ двухъ словахъ, потому что онъ

не имѣетъ никакого отношенія къ имперіализму этого дѣятеля (въ противоположность вопросу о Новыхъ Гебридахъ). Министерство Деліаниса совершенно явственно готовилось объявить войну Турціи, несмотря на всѣ убѣжденія, увѣщанія и угрозы великихъ державъ, боявшихся—какъ всегда въ восточныхъ дѣлахъ,—какъ бы не возгорѣлась общеевропейская борьба за турецкое наслѣдство. Греція во что бы то ни стало желала «компенсанціи» по тому поводу, что за нѣсколько мѣсяцевъ, осенью 1885 года Болгарія захватила Восточную Румелію. Когда Деліанисъ категорически отказался повиноваться державамъ, въ греческія воды былъ отправленъ флотъ. Все это произошло еще до вступленія кабинета Гладстона во власть. Нота за нотою посылались греческому правительству, которое, не обращая на это никакого вниманія, поспѣшно оканчивало свои военныя приготовленія. Тогда Розбери предложилъ державамъ устроить блокаду греческихъ портовъ: чѣмъ больше сдержанности видѣлъ онъ въ данномъ дѣлѣ со стороны Россіи (особенно Франціи), тѣмъ энергичнѣе становились его собственныя дѣйствія. Блокада была объявлена, и Деліанисъ тотчасъ же вышелъ въ отставку; послѣдовало разоруженіе, призракъ войны разсѣялся и (7-го іюня 1886 г.) блокада была снята.

О болѣе мелкихъ эпизодахъ этого перваго, кратковременнаго министерскаго періода въ жизни Розбери говорить не будемъ; ни съ которой стороны они не представляютъ важности или интереса. Анонимный авторъ уже упоминавшейся нами книги *), написаниой въ прошломъ (1901) году съ совершенно ясною цѣлью возвеличить Розбери въ укоръ и въ примѣръ маркизу Салисбюри, говоритъ, что главное моральное значеніе дѣятельности Розбери въ 1886 году заключалось въ реабилитаціи либеральнаго правительства отъ обвиненія въ «параличѣ» и бездѣйствіи касательно внѣшней политики. Не квалифицируя дѣйствій Розбери и другихъ либеральныхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, его предшественниковъ, мы замѣтимъ, что въ смыслѣ готовности къ рѣшительнымъ поступкамъ, обостреннаго вниманія ко всему, что онъ считалъ связаннымъ съ англійскимъ «престижемъ», онъ скорѣе приближается къ Пальмерстону, нежели къ Гладстону. Въ 1886 году Гладстонъ и не мѣшался во внѣшнюю политику нисколько, все предоставивъ своему молодому товарищу; самъ онъ слишкомъ былъ поглощенъ ирландскимъ вопросомъ: сближеніе съ ирландскою партіею, чтенія проекта гомруля, распущеніе парламента, выборы—все это совершенно заслоняло интересы внѣшней политики. Вспомнимъ только, что это былъ за годъ; за все свое историческое существованіе либеральная партія немного такихъ моментовъ переживала.

---

*) "The foreigen policy of Iord Rosebery„.

VII.

Какъ же лордъ Розбери отнесся къ пожару, охватившему его партію? Онъ былъ чрезвычайно корректенъ по отношенію къ Гладстону, весьма воздержанъ въ своихъ заявленіяхъ и успѣлъ больше всѣхъ своихъ товарищей по кабинету избавить свое имя отъ ассоціаціи съ проектомъ гомруля. Конечно, онъ тогда былъ еще вполнѣ либераломъ-гладстоновцемъ, да и вышелъ бы онъ изъ кабинета, если бы перемѣнилъ убѣжденія или хотѣлъ показать, что перемѣнилъ ихъ. Есть страны, въ которыхъ чуть не за всю ихъ исторію еще ни одинъ человѣкъ власти не ушелъ со своего поста вполнѣ добровольно, безъ предложеній или намековъ сверху; Англія къ числу такихъ странъ не принадлежитъ. Съ эпохи послѣднихъ Стюартовъ министерскій постъ пересталъ считаться преимущественно вѣнцомъ чиновничьей карьеры, съ революціи 1688 онъ пріобрѣлъ значеніе орудія планомѣрной политической дѣятельности, проведенія въ жизнь цѣлаго комплекса опредѣленныхъ принциповъ, одобряемыхъ большинствомъ даннаго парламентскаго состава. Вслѣдствіе ли общихъ условій свободы и законности царящихъ въ Англіи, вслѣдствіе ли, говоря частнѣе, постояннаго контроля гласности и парламента, люди власти пользуются тамъ теперь такимъ почтеніемъ и авторитетомъ, какими никогда не пользовались какой-нибудь палачъ-правитель Страффордъ, палачъ-архіепископъ Лоудъ или палачъ-судья Джеффризъ, хотя долго никто не смѣлъ противъ этихъ людей пикнуть и по ихъ адресу были дозволены лишь самыя лакейскія славословія. Но, ставъ болѣе почетною, власть стала требовать большаго труда, большей оглядки въ дѣйствіяхъ, стала источникомъ не розъ только, а и шиповъ. Для милліонера-аристократа Розбери министерскій постъ былъ въ смыслѣ личной жизни сопряженъ съ большими лишеніями. Онъ самъ сказалъ разъ: «Восемь часовъ, на которые многіе смотрятъ, какъ на максимумъ рабочаго дня, кажутся тѣмъ, кто занимаетъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, туманною отдаленною, золотою мечтой (a dim and distant and golden vision)». Что же давалъ ему этотъ постъ? О привлекательности жалованья тутъ и говорить смѣшно, ибо едва ли окладъ составлялъ десятую часть доходовъ Розбери; въ искусственномъ укрѣпленіи своего общественнаго положенія членъ палаты лордовъ тоже не нуждается. Онъ вошелъ въ кабинетъ Гладстона и пробылъ тамъ вплоть до паденія кабинета послѣ іюльскихъ выборовъ 1886 года только потому, что этого требовали интересы партіи, къ которой онъ тогда принадлежалъ. Но онъ былъ въ сторонѣ отъ парламентскихъ бурь, среди которыхъ проваливался гомруль, насколько, вообще, можетъ быть въ сторонѣ отдѣльный министръ отъ общихъ интересовъ кабинета. Въ іюньской и іюльской предвыборной борьбѣ, столь роковой для либераловъ, мы также не видимъ дѣятельнаго его участія.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда либеральная оппозиція боролась на два фронта съ министерствомъ Салисбюри и съ непрерывно продолжавшимися въ ея средѣ расколомъ по поводу ирландскаго вопроса, Розбери держался въ тѣни. 11-го октября 1888 года онъ произнесъ въ Лидсѣ рѣчь, весьма многознаменательную для будущаго имперіалиста, но тогда на нее не обратили вниманія во-первыхъ, потому, что боевымъ вопросомъ былъ вопросъ о гомрулѣ, а вовсе не объ имперіализмѣ, во-вторыхъ, потому, что Розбери далеко еще не обнаружилъ общей шаткости своего либеральнаго credo, въ-третьихъ, въ центрѣ вниманія либеральной партіи стоялъ не онъ, а Гладстонъ. Рѣчь была посвящена внѣшней политикѣ Великобританіи. «Прежде,— сказалъ онъ, между прочимъ:—наша внѣшняя политика была, главнымъ образомъ, индійскою политикою; она, главнымъ образомъ, руководилась тѣмъ, что было выгоднѣе для нашего обладанія Индіей». Теперь же эта «индійская» политика превращается въ политику колоніальную. Колонисты стали такъ могущественны и вліятельны, что ихъ желанія и представленія должны быть выслушиваемы. А, кромѣ того, «другія державы вступили на путь увеличенія своихъ колоніальныхъ владѣній» *). Колоніи перестали быть «монополій» англичанъ. Розбери иллюстрируетъ свое сужденіе объ иностранной политикѣ Англіи, какъ о политикѣ преимущественно колоніальной, иллюстраціями изъ текущей жизни. Осенью 1888 года Канада спорила съ Соединенными Штатами изъ-за рыбныхъ ловель,—и Англія вмѣшалась, и, по мнѣнію Розбери, должна была вмѣшаться въ пользу Канады, своей колоніи, хотя, замѣчаетъ ораторъ, «для нѣкоторыхъ изъ насъ—и во всякомъ случаѣ для меня—трудно смотрѣть на Соединенные Штаты, какъ на иностранную державу». Характерное и для Фруда, и для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ имперіалистовъ американофильство не отсутствуетъ, какъ видимъ, и у Розбери въ этотъ либеральный періодъ его жизни. Указавъ на многообразныя и сложныя отношенія въ Африкѣ, въ Азіи, гдѣ Англіи приходится бороться съ враждебными дипломатіями, ораторъ переходитъ къ тихоокеанскимъ дѣламъ и настаиваетъ на правильности той теоріи, которую, какъ мы видѣли, онъ уже примѣнилъ на практикѣ,—именно, что голосъ австралійцевъ долженъ быть непремѣнно принимаемъ въ разсчетъ, коль скоро рѣчь идетъ объ англійской политикѣ на Тихомъ океанѣ. Онъ вспоминаетъ недалекое прошлое, когда было распространено мнѣніе, что колоніи не нужны Англіи и она должна избавиться отъ нихъ. Теперь, по его словамъ, вопросъ такъ уже не ставится и дѣло идетъ не о «дружественномъ» разставаніи, а о сближеніи, и коммерческая выгода для Англіи отъ этого сближенія въ глазахъ Розбери очевидна. Онъ сравниваетъ «колонію, которая насъ покинула» (т.-е. Соединенные Штаты), съ колоніями, которыя еще Англію не покинули,

*) Ср. съ мнѣніемъ Фруда о „длинныхъ рукахъ“ державъ.

и находитъ, что Соединенные Штаты, въ среднемъ, покупаютъ (на каждаго человѣка своего населенія) англійскихъ продуктовъ на 8 шиллинговъ, а сопредѣльная штатамъ Канада покупаетъ этихъ продуктовъ на 30 шиллинговъ въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени, Австралія же—на 140 шиллинговъ (7 ф. ст.). «Вы можете мнѣ сказать,—обращается онъ къ своимъ слушателямъ,—что Соединенные Штаты имѣютъ болѣе враждебный намъ тарифъ, нежели Канада; но если вы только минуту подумаете, вы вспомните, что если Канада насъ покинетъ, то она, конечно, усвоитъ и себѣ тарифъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и прибыльнымъ для насъ въ матеріальномъ отношеніи это дѣйствіе не будетъ». Здѣсь меньше романтизма и больше коммерческаго безпокойства, нежели у Фруда, но особенно ясна разница между ними въ ихъ воззрѣніяхъ на ближайшее будущее въ томъ случаѣ, если колоніи отпадутъ отъ Англіи. Фрудъ боится, что иностранныя державы присвоятъ себѣ эти колоніи, уже не защищаемыя британскимъ флагомъ, а Розбери опасается также и другого: «Не льстите себя надеждою, что если Канада и Австралія покинутъ васъ,—вы сохраните все же ваши меньшія колоніи. Владѣнія въ Вестъ-Индіи ушли бы за Канадой, Австралія захватила бы австралазійскіе острова». Капландъ также будетъ утраченъ. «Я не считаю возможнымъ, чтобы вы получили въ видѣ великаго подарка, безъ всякихъ жертвъ со своей стороны, мирную имперію, опоясывающую шаръ земной связью коммерческаго единства и мира». Для того, чтобы этого достигнуть, чтобы не остаться лишь съ одной Ирландіей, необходимы жертвы. Необходимо дать колоніямъ гораздо больше участія въ англійскихъ дѣлахъ, нежели это было до сихъ поръ; это сопряжено съ неудобствами, съ необходимостью иногда выслушивать неосновательныя просьбы, наконецъ, раздѣлить свою прежнюю полноту власти съ колонистами, но такая жертва неизбѣжна. Что касается до этого дѣла сближенія метрополіи съ колоніями,—то «могу сказать отъ глубины моего сердца—оно есть господствующая страсть (the dominant passion) моей общественной дѣятельности». Со времени своего путешествія по колоніямъ, признается дальше лордъ Розбери, онъ почувствовалъ, что дѣло имперской федераціи заслуживаетъ, чтобы ему отдали весь энтузіазмъ и всю энергію, которыми только располагаетъ человѣкъ. «Это—дѣло, для котораго всякій можетъ быть доволенъ, что живетъ; это—дѣло, за которое всякому, если понадобится, можетъ быть, не жалко умереть».

Мы видимъ, что лордъ Розбери остался вѣренъ въ этой рѣчи тому, что онъ говорилъ въ Мельбурнѣ 9-го января 1884 года, во время путешествія по Австраліи, и тому, что онъ дѣлалъ въ 1886 году, въ бытность министромъ иностранныхъ дѣлъ, по поводу Новыхъ Гебридовъ. Повторяемъ, тогда эти категорически выражаемые взгляды либерала-гладстоновца не произвели никакого мало-мальски яркаго впечатлѣнія. Въ томъ-то и трагизмъ, и причина ускореннаго темпа

разложенія либеральной партіи, что какъ разъ, когда она нанесла себѣ страшный, хотя и не сразу по достоинству оцѣненный, ударъ, внесеніемъ въ свою программу гомруля, — политическая эволюція Англіи и всѣхъ великихъ державъ уже готова была обрушить на нее другой не менѣе сильный ударъ: имперіализмъ уже носился въ воздухѣ, онъ переходилъ изъ книги Фруда, изъ отдѣльныхъ рѣчей и заявленій въ широкую печать, чтобы оттуда вскорѣ перейти на улицу. Но уже случившаяся бѣда отодвигала пока далеко на задній планъ всѣ зловѣщія предзнаменованія: приходилось больше думать объ уходѣ изъ партіи цѣлой фракціи либераловъ-уніонистовъ, вошедшихъ въ коалиціонныя отношенія съ Салисбюри, а не объ имперіализмѣ, еще вовсе не занявшемъ угрожающей позиціи. Въ игрѣ была большая, организованная и предводительствуемая Парнелемъ ирландская партія, и не только до бракоразводнаго процессса супруговъ О'Ши, но уже послѣ этого скандала и послѣ смерти Парнеля гладстоновцы все-таки могли разсчитывать на побѣду и, во всякомъ случаѣ, на долгую и сильную борьбу. Лѣтомъ 1892 года, когда говорились избирательныя рѣчи, лордъ Розбери выступилъ въ качествѣ дѣятельнаго члена либеральной партіи и даже намекалъ (напр., 23-го іюня, въ рѣчи за одного либеральнаго кандидата), что онъ опять можетъ стать министромъ иностранныхъ дѣлъ, если Гладстонъ побѣдитъ.

И когда, дѣйствительно, въ парламентъ пришло 354 сторонника гомруля, а противниковъ его оказалось 314, Гладстонъ сталъ первымъ министромъ и назначилъ Розбери министромъ иностранныхъ дѣлъ. Выборы и предвыборная агитація 1892 года, когда всякій общественный дѣятель долженъ былъ занять опредѣленную позицію въ вопросѣ о гомрулѣ, положеніе вещей въ парламентѣ, гдѣ министерство Гладстона не могло бы просуществовать и одного дня безъ поддержки 80 ирландцевъ, ибо либераловъ-гладстоновцевъ было всего 274 человѣка, наконецъ, самый фактъ занятія мѣста при такихъ условіяхъ въ либеральномъ кабинетѣ, — все это какъ будто ставило внѣ сомнѣній приверженность лорда Розбери къ гомрулю. А между тѣмъ, ирландцы вовсе ему не довѣряли, какъ это и сказалось въ близкомъ будущемъ. Розбери погрузился въ отправленіе своихъ непосредственныхъ обязанностей, пока въ палатѣ общинъ шла борьба изъ-за гомруля, а палата лордовъ этотъ билль проваливала.

Во внѣшней политикѣ этотъ періодъ дѣятельности Розбери былъ отмѣченъ нѣсколькими довольно критическими эпизодами, представляющими нѣкоторый интересъ для характеристики будущаго либеральнаго «схизматика». Въ 1893 году (въ январѣ) Мустафа-паша, египетскій первый министръ заболѣлъ, а такъ какъ Мустафа былъ фактотумомъ англичанъ, то хедивъ этимъ воспользовался и заявилъ, что назначитъ на его мѣсто Факри-пашу, націоналиста и ненавистника англичанъ. Англичане не имѣютъ на Египетъ никакихъ иныхъ правъ, кромѣ

дипломатико-житейскаго афоризма beati possidentes; европейскія державы ихъ владычества тамъ не признаютъ, да и Англія на бумагѣ называетъ пребываніе тамъ своихъ войскъ и чиновниковъ — временнымъ. Либералы всегда были противъ захвата Египта, и Гладстонъ меньше, нежели за полтора года до описываемаго событія, еще будучи въ оппозиціи, выражалъ въ публичной рѣчи (2-го октября 1891 г.) надежду, что лордъ Салисбюри (тогдашній премьеръ) избавитъ Англію «отъ обременительной и затруднительной оккупаціи Египта». Теперь этотъ же Гладстонъ былъ во главѣ правительства, но министръ его кабинета поступилъ точь-въ-точь такъ, какъ поступили и раньше, и позже, консервативные правители. Розбери немедленно далъ знать хедиву, что онъ никакъ не можетъ санкціонировать назначенія Факри-паши. Это заявленіе ставило вопросъ ребромъ, ибо въ случаѣ неповиновенія хедива оставалось воевать; хедивъ уступилъ, и Факри назначенъ не былъ и даже было обѣщано впредь слѣдовать «установившейся практикѣ», т.-е. во всѣхъ политическихъ дѣлахъ «совѣтоваться» предварительно съ правительствомъ ея британскаго величества. Къ концу января опасный для англичанъ инцидентъ былъ исчерпанъ. За хедивомъ въ данномъ случаѣ, повидимому, стояла Франція, и Розбери пришлось даже объясняться по поводу всего дѣла съ французскимъ посланникомъ, но уступчивость хедива и въ особенности, усиленіе англійскаго гарнизона въ Египтѣ похоронили до поры, до времени этотъ вопросъ. Любопытно, что, по всѣмъ видимостямъ, лорду Розбери пришлось не мало поспорить со своими товарищами по кабинету, пока увеличеніе гарнизона было рѣшено *). Вопреки недавнимъ своимъ заявленіемъ, Гладстонъ не воспротивился упроченію той самой «обременительной» оккупаціи, отъ которой онъ просилъ своего предшественника избавить Англію.

Въ томъ же 1893 году Розбери едва не началъ войны съ Франціей. Дѣло было серьезно; нѣсколько лѣтъ спустя Розбери, намекая на этотъ эпизодъ, сказалъ, что, будучи министромъ, стоялъ лицомъ къ лицу съ войною. Началось съ того, что Франція, не получая отъ Сіама удовлетворенія по нѣкоторымъ своимъ требованіямъ, стала готовиться къ нападенію на это государство. Розбери видѣлъ (и никто не станетъ говорить, что онъ ошибался) серьезную опасность для Индіи, если на ея границѣ вмѣсто Сіама очутится французское владѣніе. Поэтому, независимость Сіама сохранить было совершенно необходимо съ англійской точки зрѣнія; кромѣ того, почти вся торговля Сіама тогда была (и теперь едва ли не въ тѣхъ же размѣрахъ остается) въ рукахъ англичанъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Розбери всѣми мѣрами убѣждалъ сіамцевъ во-время уступить, но, съ одной стороны, они медлили, а съ другой стороны, французы явно желали войны съ Сіамомъ. Фран-

*) Ср. „The for. pol.„, стр. 28.

цузы приступили къ блокадѣ Бангкока; тамъ же находились три англійскихъ военныхъ судна, которыя должны были «бдительно наблюдать за ходомъ событій», ибо англійское правительство взяло на себя по точному выраженію Розбери, именно эту задачу. Французскій адмиралъ объявилъ, что военные англійскіе корабли должны подчиниться блокадѣ, т.-е. уйти. Тогда Розбери телеграфировалъ немедленно въ Бангкокъ, что онъ приказываетъ англійскимъ судамъ остаться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, телеграфировалъ въ Парижъ, что требованіе французскаго адмирала не можетъ быть исполнено, ибо населеніе Бангкока можетъ нанести вредъ живущимъ тамъ англичанамъ, если у города не будетъ англійскихъ кораблей. Это происходило въ воскресенье 30-го іюля 1893 года. Въ этотъ памятный день едва не возгорѣлось вооруженное столкновеніе между Англіей и Франціей. Но на слѣдующій день французское правительство объявило англійскому послу, что бесѣдовать дольше не о чемъ, ибо вообще блокада вскорѣ будетъ снята. Черезъ четыре дня сіамское правительство сдалось на всѣ французскія требованія, и, дѣйствительно, французы блокаду сняли. Англійскія суда оставались и послѣ блокады на своемъ выжидательномъ посту; Сіамъ, вслѣдствіе ряда переговоровъ между французскимъ и англійскимъ правительствами, до сихъ поръ остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до указаннаго инцидента—«государствомъ-буфферомъ», какъ его называетъ авторъ «Foreign poliey of lord Rosebery»; его значеніе аналогично значенію Афганистана, отдѣляющаго русскія владѣнія отъ англійскихъ.

Почти одновременно съ этимъ эпизодомъ убѣжденія Розбери высказались въ рѣчи, гдѣ онъ, между прочимъ, выразилъ слѣдующую характерную мысль: «Говорятъ, что наша имперія уже достаточно велика и не нуждается въ расширеніи. Это было бы вѣрно, если бы міръ былъ эластиченъ...» «Мы должны соображаться не только съ тѣмъ, въ чемъ нуждаемся теперь, но и съ тѣмъ, въ чемъ будемъ нуждаться впослѣдствіи». Насколько это отъ англичанъ зависитъ, они должны стараться, «чтобы міръ принялъ англо-саксонскій, а не какой-либо иной характеръ», ибо такая забота—«часть ихъ отвѣтственности и часть ихъ наслѣдства». Англійскіе государственные люди должны поверхъ платформъ и политическихъ страстей смотрѣть въ будущее и «не уклоняться отъ участія въ дѣлежѣ міра», томъ дѣлежѣ, который возникаетъ силою обстоятельствъ. Любопытно сопоставить эти мнѣнія съ словами Гладстона, передаваемыми покойнымъ Сесилемъ Родсомъ. Въ 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. англійское правительство сильно было озабочено тѣмъ, что британская восточно-африканская компанія, признавъ невыгоднымъ дальнѣйшее владѣніе Угандою, рѣшила убрать оттуда свой отрядъ и свою администрацію. Но какъ быть съ многочисленными миссіонерами, которые разсѣяны по странѣ и по-гибнутъ отъ рукъ туземцевъ, едва лишь намѣреніе компаніи ис-

полнится? Въ это время Гладстонъ и выразился въ частномъ разговорѣ Сесилю Родсу, что благодаря этимъ злополучнымъ миссіонерамъ Англія вовлечена внутрь Африки. «Наше бремя слишкомъ тяжело. Въ томъ видѣ, какъ теперь обстоитъ, я не могу найти людей для управленія всѣми нашими колоніями. Слишкомъ много, мистеръ Родсъ, намъ нужно дѣлать». Вся разница между старымъ премьеромъ и Розбери весьма выпукло вырисовывается въ этихъ простыхъ словахъ: Гладстонъ думалъ объ управленіи колоніями, о лежащей на правительствѣ обязанности заботиться объ ихъ наилучшемъ устройствѣ, а Розбери и всѣ новѣйшіе имперіалисты ставили (и ставятъ) своею цѣлью безпрерывное увеличеніе территоріи. И чѣмъ бы они ни объясняли своего основного стремленія, заботою ли о будущихъ поколѣніяхъ англо-саксонской расы, или необходимостью расширить рынокъ сбыта, или стратегическими требованіями, у всѣхъ ихъ есть коренное отличіе отъ либераловъ гладстоновскаго типа, думающихъ не только объ измѣненіи географической карты, но и о судьбѣ живыхъ людей. Тутъ отличіе въ навыкахъ мысли, а не только въ программахъ; программа, напр., въ 1893 году у Розбери и Гладстона была или казалась до того единою, что они оба засѣдали на одной министерской скамьѣ, а въ вопросѣ объ имперіализмѣ они уже тогда говорили, такъ сказать, на совсѣмъ разныхъ языкахъ. Розбери пришлось упорно бороться по вопросу объ удержаніи или оставленіи Уганды; боролся онъ и до отставки Гладстона (въ 1894 году), боролся со своими товарищами и послѣ его отставки, ставъ премьеромъ,—и настоялъ на своемъ. Родсъ спустя нѣсколько лѣтъ открыто могъ заявить, что если Уганда осталась въ англійскихъ рукахъ, то благодарить за это нужно одного Розбери, «сражавшагося изъ-за этого вопроса со всѣмъ либеральнымъ кабинетомъ» (слова Родса). Вообще, въ Африкѣ—не только въ Угандѣ, но и въ Конго, гдѣ какъ разъ въ эти годы въ сотый разъ опредѣлялись «сферы вліянія», и на Нилѣ,—Розбери на практикѣ показывалъ, что онъ понимаетъ подъ «неизмѣняемостью и преемственностью политики», о которой такъ любилъ распространяться: его политика ровно ничѣмъ въ принципѣ не отличалась отъ политики наиболѣе имперіалистски настроенныхъ торіевъ.

VIII.

Панегиристы лорда Розбери указываютъ на то, что онъ, не говоря о прочихъ заслугахъ его, обратилъ чуть ли не первый изъ европейскихъ министровъ самое серьезное вниманіе на Японію и заключилъ даже съ нею договоръ (въ 1894 году) касательно уничтоженія консульскихъ судовъ и введенія нѣкоторыхъ облегченій для англійской торговли.

Китайско-японская война сыграла огромную историческую роль, до того огромную, что уже теперь, когда мы отдѣлены отъ нея ничтож-

нымъ срокомъ,—это совершенно ясно для всякаго не совершеннаго профана въ международной политикѣ. Дальній Востокъ такъ поглотилъ всѣ соображенія и все вниманіе великихъ державъ, что самое бѣглое сопоставленіе настоящей политической минуты съ близкимъ прошлымъ можетъ дать этому весьма убѣдительныя доказательства. Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ Болгарія, нищая страна съ трехмилліоннымъ населеніемъ, держала въ напряженномъ состояніи и Россію, и Австрію; каждое дѣйствіе Стамбулова ловилось, каждое слово интерпретировалось, каждая его угроза вызывала призракъ столкновенія между Россіей и тройственнымъ союзомъ. Теперь же, на глазахъ у всѣхъ, прокладывается багдадская желѣзная дорога, которая ставитъ на очередь уже вопросъне о какомъ-то сомнительномъ «вліяніи» на Болгарію или на Сербію, или на Черногорію, а о томъ, чтобы воздвигнуть рѣшительный барьеръ Россіи къ югу, отрѣзать ее отъ проливовъ именно съ той стороны, съ которой подходъ къ нимъ еще былъ для нея возможенъ въ будущемъ, со стороны Закавказья и Малой Азіи. Но какъ относится къ этому огромной важности факту дипломатія, основной традиціею которой было тяготѣніе къ проливамъ? Вполнѣ нейтрально, и ужъ, конечно, не вслѣдствіе недостатка предусмотрительности, но потому, что весь арсеналъ давленій, угрозъ, демонстрацій, всю настойчивость въ отстаиваніи своихъ интересовъ, всю энергію «фактическихъ аргументовъ» приходится худо ли, хорошо ли, съ успѣхомъ или безъ успѣха пускать въ ходъ на восточной оконечности азіатскаго материка. Въ большей или меньшей степени такую «поглощенность» крайнимъ Востокомъ можно констатировать и въ поведеніи другихъ европейскихъ державъ. Группировка интересовъ державъ уже тогда складывалась въ ту общую картину, которая въ настоящее время пріобрѣла полную отчетливость: Россіи было желательно предохранить Китай отъ японскихъ захватовъ, ибо на японскія владѣнія нужно было бы volens nolens смотрѣть, какъ на нѣчто окончательное, а на китайскія—являлось возможнымъ смотрѣть, какъ на нѣчто преходящее (и даже скоропреходящее); Англіи было желательно поскорѣе перевести Японію на континентъ, чтобы создать военный барьеръ противъ Россіи. Политика другихъ державъ варіировалась, смотря по тому, кто изъ этихъ двухъ антагонистовъ (Англія или Россія) могъ въ данный моментъ предложить больше выгодъ за поддержку своей политики. Для того, чтобы эта общая картина стала вполнѣ ясною и достигла своей нынѣшней наглядности, необходимо было лишь одно: обнаружить, силенъ или не силенъ самъ Китай? Это и сдѣлала японско-китайская война. Правда, теперь вышеотмѣченная картина европейскаго положенія на Дальнемъ Востокѣ осложнена энергичною и вполнѣ самостоятельною игрой Соединенныхъ Штатовъ и въ несравненно меньшей степени—Германіи, но русско-англійскія отношенія до сихъ поръ составляютъ лейтмотивъ дипламатіи, а борьба за Китай составляетъ ея канву. Когда 24-го

апрѣля 1895 года Россія, поддержанная Германіей и Франціей, потребовала измѣненій симоносекскаго договора въ ущербъ Японіи и въ пользу Китая, японское правительство стало усиленно готовиться къ новой войнѣ, а японская оффиціозная пресса заговорила съ чрезвычайнымъ раздраженіемъ. Три державы обратились къ Англіи съ предложеніемъ примкнуть къ нимъ, но Розбери отказался наотрѣзъ. Съ другой стороны, онъ ограничился нейтралитетомъ и по отношенію къ Японіи, не желая ввязываться въ опасную войну. Съ этихъ поръ путь Англіи во всѣхъ восточныхъ осложненіяхъ ясно опредѣлился: на Японію она стала смотрѣть, какъ на свой морской (а особенно сухопутный) резервъ въ вѣроятной азіатской войнѣ.

Характернѣе всего для тогдашняго лорда Розбери его дѣйствія и сужденія въ области армянскаго вопроса, столь остраго въ срединѣ и концѣ 90-хъ гг. Гладстонъ назвалъ султана «великимъ убійцею», гладстоновцы всегда настаивали на самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ относительно турецкаго правительства, систематически избивавшаго беззащитное населеніе. Въ Сассунѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ турецкихъ округовъ избіенія періодически повторялись при министерствѣ Розбери такъ же, какъ при министерствѣ подавшаго 2-го марта 1894 года въ отставку Гладстона, однако Розбери если не въ словесныхъ заявленіяхъ, то въ дѣйствіяхъ отнесся къ армянскому дѣлу чрезвычайно сдержанно. Желая разобраться въ какомъ-либо дипломатическомъ вопросѣ, всегда необходимо очистить его отъ позолоченной, благообразной и мягкой шелухи изворотовъ, лжи, отписокъ, притворно-откровенныхъ заявленій, неподдѣльно-искреннихъ заботъ скрыть свои мысли,— словомъ отъ всего, что составляетъ внѣшность неустанной дипломатической борьбы европейскихъ державъ между собою. Трудъ подобной фильтраціи, въ сущности, не труденъ даже и для не спеціалиста, ибо основная нить, главный интересъ, важнѣйшая цѣль почти всегда ясны и для оппонентовъ, и для постороннихъ: затемняются и запутываются по мѣрѣ силъ лишь пріемы ведущейся борьбы. Въ данномъ случаѣ Англіи было бы желательно созданіе если не «Великой Арменіи», то чего-нибудь въ родѣ самостоятельнаго или полусамостоятельнаго армянскаго княжества, которое бы съ теченіемъ времени превратилось на ближайшемъ востокѣ въ одну изъ крѣпостей противъ надвигающагося отъ Кавказа русскаго вліянія; Россіи же это казалось ненужнымъ и даже вреднымъ. Вокругъ этого центра наслаивалось уже все остальное. Какимъ внутреннимъ безсознательнымъ комизмомъ дышали статьи нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ, горячо заявлявшія, что онѣ (газеты) надѣются на традиціонное великодушіе Россіи къ христіанскимъ подданнымъ Турціи и на помощь армянамъ со стороны русскаго правительства! И какъ обстоятельны и расторопны, въ свою очередь, были иные «наши собственные корреспонденты» на берегахъ Невы, неопровержимо доказывавшіе, что, собственно, армяне угнетаютъ турокъ, а

не наоборотъ, и что если турки иногда и рѣжутъ армянъ, то надо же войти въ ихъ положеніе! Съ перестановкою ролей дѣло обстояло точь-въ-точь какъ 1876—1877 г., когда большіе англійскіе органы имѣли беззастѣнчивость утверждать, что выдѣлывая всевозможныя дикія гнусности надъ сербами и болгарами, правительство султана совершаетъ лишь «актъ самозащиты» при помощи рѣшительныхъ мѣръ, а ихъ антагонисты упрекали Англію въ каннибальствѣ *)... Исторія дипломатіи богата такими варіаціями и вообще изобилуетъ зрѣлищами, болѣе поучительными, нежели возвышенными. Лордъ Розбери считалъ (мы говоримъ о его рѣчахъ въ парламентѣ и иныхъ мѣстахъ) турецкія жестокости невообразимыми (unimaginable) и несказанными (unspeakable). Вообще почва негодованія и возмущенія гуманныхъ чувствъ въ такихъ случаяхъ всегда наиболѣе выгодная и, такъ сказать, неуязвимая. Ума и дипломатической опытности у Розбери хватило настолько, чтобы понять всю нелѣпость ожиданій, что русское правительство пойдетъ проливать кровь и тратить деньги для споспѣшествованія британскимъ интересамъ въ Малой Азіи; не сомнѣвался онъ также и въ томъ, что безъ Россіи ничего въ армянскомъ вопросѣ сдѣлать невозможно; зналъ опредѣленно, наконецъ, что Англія одна воевать съ султаномъ не будетъ, какъ бы ни было желательно и полезно для нея освобожденіе армянъ. Патріотическіе газетчики обѣихъ странъ могли еще иногда сами себя гипнотизировать криками о звѣрствахъ турокъ или объ отсутствіи этихъ звѣрствъ, но не англійскому и русскому министрамъ было учить другъ друга, въ чемъ тутъ дѣло и идетъ-ли рѣчь о счастьи и несчастьи избиваемыхъ армянъ, или о совсѣмъ другомъ сюжетѣ. Розбери при безспорномъ умѣ, практической толковости, довольно большой рѣшительности, природной живости и отчасти насмѣшливости, никогда утопіями не увлекался и не фантазировалъ, никогда не представлялъ себѣ противника болѣе глупымъ, нежели тотъ былъ на самомъ дѣлѣ; въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ не къ школѣ Наполеона III, а къ школѣ Бисмарка и Лобанова-Ростовскаго.

Но дипломатъ не можетъ часто предвидѣть, потухнетъ-ли безслѣдно подкладываемый имъ уголекъ или разгорится въ желательный пожаръ, и вотъ почему когда въ срединѣ 1894 года въ бетлисскомъ вилайетѣ (округѣ Сассунъ) произошла особенно страшная и гнусная рѣзня, Розбери настоялъ на назначеніи слѣдственной коммиссіи по этому дѣлу. Въ коммиссіи приняли участіе чины консульствъ нѣкоторыхъ великихъ державъ. Ничего болѣе циничнаго, нежели это турецкое слѣдствіе, ассистируемое нѣсколькими безмолвными и почти безучастными европейцами, нельзя себѣ представить. Это была проформа, надъ которой не смѣялись, вѣроятно, одни лишь родственники убитыхъ и искалѣченныхъ жертвъ. Не получилось также ничего нужнаго для англій-

*) И у насъ, и за границей эта перемѣна ролей обратила на себя вниманіе.

скихъ цѣлей, а черезъ полгода послѣ начала дѣйствій этой коммиссіи ушелъ съ своего поста самъ Розбери (23-го іюня 1895 г.), оставивъ въ наслѣдство министерству Салисбюри нерѣшенный армянскій вопросъ. Любопытно, что годъ спустя (15-го мая 1896 года) въ одной своей рѣчи Розбери съ жаромъ увѣрялъ, что онъ, устраивая сассунскую коммиссію, сдѣлалъ все, что могъ. «Когда мы покинули постъ,—воскликнулъ онъ, — слѣдствіе еще производилось. Мы не могли начать дѣйствовать, ибо мы не были въ состояніи предвосхитить результаты слѣдствія, которые еще не были сообщены. Это значило бы предвосхищать результаты». Эти слова, пожалуй, еще болѣе циничны, нежели самое назначеніе сассунской коммиссіи, хотя (а можетъ быть, «потому что») окаймлены съ начала и съ конца цѣлыми потоками благороднѣйшаго негодованія противъ турокъ. Въ этой же рѣчи Розбери напоминалъ и о другой своей заслугѣ предъ армянами, кромѣ назначенія сассунской коммиссіи, именно о томъ, что онъ пытался предложить султану рядъ рѣшительныхъ реформъ, которыя бы избавили армянъ отъ турецкаго произвола, но недовѣріе другихъ державъ испортило все дѣло (князь Лобановъ-Ростовскій изъяснилъ по этому поводу лорду Розбери, что ему вовсе нежелательно устраивать изъ Арменіи новую Болгарію).

Нужно сказать, что образъ дѣйствій Розбери въ армянскомъ вопросѣ вызвалъ рѣшительное неодобреніе Гладстона, удалившагося отъ дѣлъ, и многихъ членовъ либеральной партіи. Они полагали, что, вовсе не доводя дѣла до общеевропейской войны, возможно было бы болѣе рѣшительными дѣйствіями повліять на султана. И для нихъ защита армянъ отъ рѣзни сама по себѣ не стояла на первомъ планѣ, но все-таки образъ дѣйствій Розбери болѣе походилъ на поведеніе въ такихъ случаяхъ консервативныхъ министерствъ, нежели либеральныхъ.

Вообще, отношенія Розбери со многими членами его партіи замѣтно портились; когда онъ принялъ отъ Гладстона управленіе министерствомъ,—его поддерживало большинство въ 40 человѣкъ, а въ іюнѣ 1895 г., когда кабинетъ палъ,—большинство это сократилось до 15 голосовъ, такъ что для паденія министерства достаточенъ былъ малѣйшій случай.

IX.

Розбери сталъ первымъ министромъ въ мартѣ 1894 года, когда давно уже начавшійся кризисъ въ судьбахъ либеральной партіи принялъ самый зловѣщій видъ: проектъ гладстоновскаго гомруля для Ирландіи пройти не могъ въ виду сопротивленія палаты лордовъ, точно такъ же не прошелъ въ палатѣ лордовъ и проведенный уже Гладстономъ въ нижней палатѣ билль объ отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи съ рабочими. 2-го марта 1894 года рѣшилась отставка Гладстона—не по парламентскимъ причинамъ, ибо большинство нижней

палаты все еще было за него, а потому, что восьмидесяти четырехлѣтнему больному старику необходимо было отдохнуть и поправиться. Въ послѣднее время министерства Гладстона со стороны кабинета слышались категорическія угрозы по адресу палаты лордовъ, и Розбери, самъ «наслѣдственный законодатель», принялъ этотъ уже ясно намѣчавшійся пунктъ либеральной программы,—уничтоженіе дискреціоннаго veto палаты лордовъ. Въ періодъ своего премьерства онъ проявилъ необыкновенную дѣятельность, ибо, кромѣ сложныхъ и многотрудныхъ обязанностей, какъ главы кабинета, на немъ фактически лежало управленіе иностранными дѣлами (хотя министромъ этого вѣдомства и считался лордъ Кимберлей) и главнымъ совѣтомъ по дѣламъ народнаго просвѣщенія. Розбери, оставляя завѣдываніе ирландскими дѣлами въ рукахъ Джона Морлея, ясно этимъ самымъ указывалъ на желаніе всецѣло слѣдовать по стопамъ Гладстона въ вопросѣ ирландской политики, коренномъ и критическомъ вопросѣ историческаго англійскаго момента. И несмотря на это, за пятнадцать мѣсяцевъ своего министерства онъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы такъ или иначе съ этимъ вопросомъ покончить. Онъ не выбросилъ его изъ своей программы,—и не поставилъ его на очередь дня. Вмѣсто всякаго рѣшительнаго дѣйствія, которое бы такъ или иначе разрубило гордіевъ узелъ, покончило съ положеніемъ, становившимся все болѣе и болѣе невыносимымъ, премьеръ ограничился политическимъ житьемъ-бытьемъ изо дня въ день. А въ Англіи, какъ и во всякой другой странѣ со старыми и упрочившимися парламентскими традиціями, «дѣловыя министерства» никогда успѣха не имѣютъ.

Слабость и несчастіе кабинета лорда Розбери, со 2-го марта 1894 г. по 23-е іюня 1895 г. управлявшаго страною, заключались прежде всего въ томъ, что ни лордъ Розбери въ палатѣ лордовъ, ни сэръ Гаркортъ, представитель министерства въ палатѣ общинъ, не были и немогли быть увѣрены въ прочности своего положенія, а потому не имѣли смѣлости ни разу поставить категорически на очередь вопросъ объ ограниченіи власти верхней палаты, безъ чего безцѣльно было бы думать объ ирландскомъ гомрулѣ. Расколъ, начатый отпаденіемъ уніонистовъ, все еще продолжался, и остававшіеся вѣрными старому знамени либералы далеко не всѣ смотрѣли на этотъ роковой для судебъ партіи законопроектъ съ энтузіазмомъ Джона Морлея. Розбери во внутренней политикѣ за всѣ пятнадцать мѣсяцевъ своего премьерства дѣйствовалъ удивительно вяло, робко и безцвѣтно. Еще въ началѣ этого короткаго періода Розбери время отъ времени запальчиво и не безъ остроумія нападалъ въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ на верхнюю палату, но и этой словесной бодрости хватило не на долго. Отрѣшившись отъ мысли энергично, à outrance продолжать начатую Гладстономъ борьбу съ лордами изъ-за гомруля, кабинетъ Розбери утратилъ основную свою идею, кое-какъ еще его державшую. Къ нему охладѣли даже близкіе

друзья, и отъ 40 чел., составлявшихъ министерское большинство весною 1894 года, къ лѣту 1895 уцѣлѣло лишь 15. Даже Гладстонъ, отдыхавшій и лечившійся, но не переставшій внимательно слѣдить за дѣйствіями своего любимца и преемника, не могъ воздержаться отъ порицаній политикѣ кабинета. По случайному вопросу (объ уменьшеніи жалованья военному министру) кабинетъ потерпѣлъ 23-го іюня 1895 г. рѣшительное пораженіе (132 враждебныхъ голоса противъ 125 сторонниковъ). Послѣдовавшіе почти тотчасъ за отставкою Розбери парламентскіе выборы довершили побѣду союза консерваторовъ съ уніонистами. Вождь уніонистовъ герцогъ Девонширскій, Гошенъ, консерваторъ Салисбюри, радикалъ Чемберлэнъ, превратившійся въ нѣчто среднее между радикаломъ и либераломъ-уніонистомъ, эти энергичные люди, полные той бодрости, которую всегда даетъ атмосфера успѣха и довѣрчивыхъ ожиданій націй,—блестяще вели выборную агитацію и добились не только упроченія своей власти, но и глубокаго впечатлѣнія полной своей моральной побѣды надъ растерянными, нерѣшительными, боящимися своихъ собственныхъ убѣжденій противниками. Не могъ же Гаркортъ, напримѣръ, ссылаться на дѣйствія либеральнаго кабинета, ибо такихъ дѣйствій,—смѣлыхъ, яркихъ, принципіальныхъ, не было вовсе ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ; не могъ лордъ Розбери убѣжденно отстаивать гомруль и ограниченіе компетенціи верхней палаты, когда черезъ 2 года онъ уже сталъ измѣнять либеральной программѣ, а еще черезъ два измѣнилъ ей окончательно. Что хуже всего было для либераловъ, это органическое, а не только случайное, временное слитіе воедино либераловъ - уніонистовъ съ консерваторами. Консерваторы путемъ уступокъ и соглашеній внесли въ свою программу много важныхъ, иногда чисто демократическихъ принциповъ, и даже подчеркивали свою уступчивость, такъ какъ имъ выгоднѣе всего казалось (и такъ и вышло) сдѣлать лозунгомъ борьбы свое несогласіе на «расчлененіе имперіи», т.-е. на гомруль. При этомъ лозунгѣ—настроеніе страны сказалось рѣшительно въ ихъ пользу,—и владычество Салисбюри-Чемберлена, продолжающееся уже восьмой годъ, началось.

X.

Самый яркій фактъ англійской исторіи за послѣднія восемь лѣтъ—есть расцвѣтъ имперіалистской горячки, охватившей не только финансово-промышленные круги, которымъ имперіализмъ кажется жизненно-необходимымъ, не только аристократію, которой онъ представляется достойнымъ всякой хвалы патріотическимъ настроеніемъ, но и широкіе слои рабочаго класса, предъ которыми онъ, собственно, не выдвигаетъ никакихъ особенно радужныхъ перспективъ. Весь неизрасходованный запасъ націоналистическихъ страстей ушелъ въ Англіи на имперіалист-

скую идею; въ Германіи, напримѣръ, Вильгельму II и другимъ «флотскимъ энтузіастамъ» стоило и стоитъ неимовѣрныхъ усилій изготовить цѣлымъ рядомъ явно бутафорскихъ мѣропріятій хоть что-нибудь отдаленно похожее на «Народный восторгъ» по поводу занятія Кіао-Шау или упроченія нѣмецкаго вліянія на островахъ Самоа: на разстояніи одного поколѣнія отъ эпохи бисмарковскихъ войнъ и созданія единства энтузіазмъ народныхъ массъ возбудить не такъ-то легко,—военные ферейны, устраивавшіе встрѣчу Вальдерзее, не такіе виды видали около Седана и Бельфора. Но англійскія массы очень ужъ давно не возбуждались и не объединялись какою-либо хотя бы поверхностною, непродуманною, но понятной и доступной имъ идеей,—доступной, конечно, въ самомъ грубомъ и наивномъ видѣ. Правительство, биржевики, владѣльцы сталелитейныхъ и другихъ заводовъ, военные поставщики, воинскіе золото-и алмазопромышленники очень хорошо знали, зачѣмъ имъ имперская федерація вообще и война съ бурами въ частности; пресса, вдохновляемая ими, ихъ деньгами и розничною продажей также отчетливо понимала, зачѣмъ ей слѣдуетъ пропагандировать нападеніе на маленькій, безобидный и ничему не угрожавшій народъ; наконецъ, идеологи типа Фруда могли все продолжать мечтать о благѣ соединенной англо-саксонской расы и т. д., и т. д., могли даже, вопреки прямому завѣту Фруда, увлечься при этомъ идеей войны съ бурами, какъ съ опаснымъ для ихъ мечты элементомъ, но всѣмъ этимъ корыстнымъ и безкорыстнымъ пропагандистамъ изъ правящихъ круговъ едва ли удалось бы въ такой полной мѣрѣ дѣло ихъ кровавой проповѣди, если бы они имѣли дѣло съ менѣе благопріятной исихологической почвой. Англійская толпа (понимая подъ этимъ словомъ мѣшанину всѣхъ классовъ общества, при извѣстныхъ условіяхъ столь импозантную въ своихъ манифестаціяхъ и вліятельную въ дѣйствительности) отдала дань своимъ неизрасходованнымъ націоналистическимъ страстямъ,—и война съ бурами оказалась шумно привѣтствуемымъ «огненнымъ крещеніемъ» новѣйшаго имперіализма. Чэмберленъ еще въ первый годъ войны сказалъ, что въ «англійской исторіи началась новая глава, которая называется единствомъ имперіи». Въ 1897 году почти одновременно съ празднованіемъ «бриллiантоваго» юбилея Викторіи основана была британская имперская лига, которая задалась цѣлью пропагандировать имперскую федерацію, какъ единственный ближайшій идеалъ англійской націи. Отношенія между метрополіей и колоніями въ 1897 году, во время бриллiантоваго юбилея, предъ всѣмъ міромъ подтвердившаго добрыя взаимныя чувства, все-таки оставались столь же нерегулированными закономъ, какъ и въ 1886 году, въ эпоху появленія фрудовской «Океаны». Требованія создать объединяющія тѣснѣе имперію правовыя нормы съ тѣхъ поръ не переставали раздаваться. Но особенно помогла упроченію и торжеству этой идеи южноафриканская война. По мнѣнію компетентнаго въ этихъ вопросахъ

публициста (Эдварда Солмона), если бы теперь средства сообщенія и междуокеанскихъ переѣздовъ были бы такія же, какъ во времена возстанія сѣверо-американскихъ колоній, то бурамъ удалось бы побѣдить: такое значеніе имѣли тѣ тысячи войскъ, которыя еще до конца 1900 года успѣли отправить на театръ войны колонисты. Чѣмъ сильнѣе становилось имперіалистское теченіе въ колоніяхъ и метрополіи, тѣмъ болѣе падала и исчезала популярность либеральной партіи, которую ея враги стали называть «партіей дезинтеграціи», расчлененія имперіи. Когда, послѣ неудачи джемсоновскаго набѣга, Чэмберленъ демонстративно обнаружилъ самыя дружескія чувства и къ Джемсону, и къ Сесилю Родсу, либералы громко негодовали по поводу этого поведенія отвѣтственнаго министра, одобряющаго уголовныя преступленія (надъ Джемсономъ, какъ извѣстно, была продѣлана процедура судебнаго преслѣдованія); когда, далѣе, въ 1899 году году министерство, явно желая войны, вело переговоры такъ, что они, несмотря на всѣ усилія Крюгера, не могли окончиться ничѣмъ, кромѣ вооруженнаго столкновенія,—либеральная партія, устами Джона Морлея и другихъ вѣрныхъ гладстоновцевъ. громила поведеніе правительства и въ парламентѣ, и внѣ парламента. Мы уже сказали (въ началѣ настоящаго очерка), что это негодованіе либеральной партіи послужило къ окончательному ея упадку и ослабленію, что, будучи всеобъемлющимъ, оно направлялось (вполнѣ логически) и противъ правительства, и противъ народнаго большинства, и ничѣмъ, кромѣ фіаско окончиться не могло. Если бы вся либеральня партія въ 1901—1902 гг. держала себя совершенно такъ, какъ въ 1899 г. (и, уже въ меньшей степени въ 1900 г.), то теперь она заняла бы мѣсто какой-нибудь немногочисленной секты и картина ея внѣшняго разгрома была бы еще полнѣе. Но ея позиція, или, по крайней мѣрѣ, позиція очень многихъ ея членовъ, мѣнялась въ эти критическіе послѣдніе годы, и мѣнялась все въ одномъ направленіи: въ сторону имперіалистскихъ тенденцій. Этапы въ этой эволюціи были такіе: сначала либералы стали склоняться все рѣшительнѣе въ сторону тѣснѣйшаго сближеніи съ колоніями, потомъ стали ослабѣвать протесты противъ войны съ бурами и, наконецъ, эти протесты выродились въ горячую критику нераціональнаго и негуманнаго веденія войны. Мы говоримъ не о всѣхъ либералахъ, но о многихъ и вліятельныхъ членахъ партіи, во главѣ которыхъ въ описанной эволюціи шелъ... товарищъ и преемникъ Гладстона лордъ Арчибальдъ Розбери. Для него эта эволюція была тѣмъ легче, что первый этапъ былъ имъ продѣланъ, какъ мы видѣли уже давно, еще въ тѣ времена, когда самъ Чэмберленъ былъ пламеннымъ радикаломъ, демократомъ, другомъ обездоленныхъ и т. д., и т. д. Розбери былъ имперіалистомъ задолго до того, какъ это теченіе проникло въ его партію, мудрено ли, что онъ сдѣлался вождемъ и застрѣльщикомъ въ дальнѣйшей эволюціи?

*

Однимъ изъ немаловажныхъ мостковъ, по которымъ перебѣжали многіе либералы въ имперіалистскій лагерь, оказался слѣдующій доводъ, имѣющій вполнѣ демократическій видъ: бѣлое населеніе британской имперіи равно пятидесяти двумъ милліонамъ человѣкъ, изъ коихъ сорокъ милліоновъ населяютъ метрополію, а двѣнадцать—колонію; изъ нихъ на первыхъ сорока милліонахъ лежитъ почти все бремя государственныхъ расходовъ, а на вторыхъ двѣнадцати—ничтожная доля ихъ. Одна пятая часть торговли *), покровительствуемой и защищаемой британскимъ флотомъ, принадлежитъ колоніямъ, а платятъ они на содержаніе флота лишь $^1/_{100}$ расходовъ. Далѣе. Еще болѣе неравномѣрно участіе метрополіи и колоній въ другихъ статьяхъ расхода: что такое, напримѣръ, уплата процентовъ за національный (государственный) долгъ? Это—ежегодная затрата и денежная расплата за *прошлыя* войны, создавшія этотъ долгъ, но создавшія также и имперію. Почему же составныя части имперіи такъ неравномѣрно участвуютъ въ этой расплатѣ? Почему какой-нибудь голодный доковый носильщикъ долженъ больше платить на общегосударственныя нужды, нежели зажиточный фермеръ Канады или Австраліи? Выводъ—нужно тѣсное объединеніе имперіи, которое бы исключало возможность такихъ аномалій. Для людей, прямо и послѣдовательно не отрицающихъ милитаризма и, такой выводъ опровергнуть не такъ-то легко, — они его и приняли. А ужъ на почвѣ принятыхъ или полупринятыхъ имперіалистскихъ тенденцій понемногу, съ 1900 года, стало вырастать вполнѣ терпимое отношеніе къ южноафриканской войнѣ (мы все время говоримъ о многихъ, но пока еще не всѣхъ членахъ либеральной партіи). Даже нелѣпости генерала Буллера и другія неудачныя для Англіи происшествія начала войны въ Наталѣ и Трансваалѣ, сильно смутившія англійское общественное мнѣніе, не оживили и не увеличили сколько-нибудь замѣтно шансовъ оппозиціи и не укрѣпили ея тускнѣющихъ и слабѣющихъ принциповъ. «Пробурскіе» митинги и въ 1899, и въ 1900 и въ 1901 гг. неукоснительно терпѣли самое жалкое фіаско, и либеральная партія стала избѣгать не только оффиціальнаго, но и *оффиціознаго* своего въ нихъ участія. Лордъ Розбери съ первыхъ же мѣсяцевъ войны и вплоть до конца ея не переставалъ совѣтовать своимъ согражданамъ «довѣрять рулевому, когда подвергаешься бурѣ» **). Даже ошибки и неудачи «рулевыхъ» вызывали въ немъ менѣе ожесточенную «техническую критику», нежели во многихъ его товарищахъ. Его позиція все время, во всѣ эти $2^1/_2$ года войны, была рѣшительно враждебною бурамъ. Онъ даже счелъ своимъ долгомъ въ одной изъ рѣчей (въ 1900 г.) «оправдывать» память Гладстона, заключившаго съ бурами миръ въ 1881 году послѣ пораженія англичанъ при Маюба-хиллѣ. Предлагаемъ читателю

*) „Imperium et libertas“ by B. Holland (London. 1901), стр. 298.

**) „To trust the man at the helm, when you are passing through the storm“.

сравнить эту защиту памяти Гладстона лордомъ Розбери съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ ранняго имперіалиста—Фруда: Розбери говоритъ о поступкѣ Гладстона, какъ о неудавшейся попыткѣ «ввести въ международную политику евангельскій принципъ», какъ о великодушномъ заблужденіи дѣятеля, слишкомъ вѣрившаго въ хорошія стороны человѣческой (и въ частности бурской) души, а авторъ «Океаны» отзывается о дѣлѣ Гладстона съ похвалою, какъ о мудромъ правительственномъ актѣ: «Если бы мы упорствовали въ войнѣ, то превосходство въ силѣ и средствахъ должно было бы, въ концѣ концовъ, побѣдить», но «мы бы навлекли безчестіе на наше имя», и это благородному романтику казалось слишкомъ дорогой цѣной за побѣду (см. гл. V нашего очерка). Лордъ Розбери отъ такихъ размышленій столь же далекъ, какъ самъ Чэмберленъ; недалекъ, впрочемъ, отъ него и сэръ Генри Кемпбель-Баннерманъ, оффиціальный нынѣшній лидеръ либераловъ, недалеки и всѣ почти либералы, кромѣ Джона Морлея и еще нѣсколькихъ единицъ, продолжающихъ «заблуждаться» такъ же, какъ заблуждался старый Гладстонъ. Правъ былъ гладстоновецъ, который года два тому назадъ сказалъ, что Чэмберленъ и Розбери напоминаютъ ему двѣ бочки, содержащія одно и то же вино, но имѣющія разныя этикетки: на одной налѣплено слово «бордо», а на другой «шатоларозъ», что и сбиваетъ съ толку неопытныхъ лицъ. Розбери въ послѣдніе три года успѣлъ отречься отъ ирландскаго гомруля, забыть о своихъ нападеніяхъ на законодательныя прерогативы палаты лордовъ, отказаться отъ естественной роли протестанта противъ бурской войны; крайне затруднительно сказать, чѣмъ онъ настолько отличается отъ консервативно-уніонистской партіи, чтобы не войти въ нее? Но онъ ждетъ; мало того, въ самые послѣдніе дни, весною 1902 года, онъ сталъ президентомъ «имперіалистской либеральной лиги», онъ подчеркиваетъ свое порицаніе нынѣшнему кабинету (чего не дѣлалъ въ несчастныя времена войны), онъ хватается за прилагательное «liberal» по всякому удобному и неудобному поводу. Что же ему нужно? Это вопросъ, надъ которымъ очень многіе консервативные и либеральные публицисты ломаютъ себѣ голову. Курьезно, что газеты и журналы послѣднихъ двухъ лѣтъ пестрятъ статьями о Розбери и, главное, совѣтами ему, какого курса теперь держаться. «Я, какъ извѣстно, Карнеджи совѣтовъ (Carnegie of advices)», заявилъ Розбери въ декабрѣ 1901 г., говоря о полученной имъ миріадѣ указаній, увѣщаній, сожалѣній, предложеній и т. п. Иронія сравненія справедлива: для Карнеджи милліарды долларовъ представляютъ реальную цѣнность, для Розбери «милліарды совѣтовъ» суть одна только праздная болтовня. Но не потому, чтобы его рѣшеніе было принято: въ послѣднее время рѣчи Розбери удивительно расплывчивы, неопредѣленны и полны тѣхъ невразумительныхъ словесныхъ пустячковъ, которые такъ граціозно маскируютъ отсутствіе ясной мысли—на французскомъ языкѣ, и такъ предательски выдаютъ этотъ

секретъ на языкахъ русскомъ и англійскомъ. Положеніе англійской либеральной партіи безконечно серьезно,—и задача, оставленная Гладстономъ своимъ преемникамъ, явственно оказалась имъ не по плечу. По крайней мѣрѣ, у лорда Розбери излечительнаго рецепта пока не имѣется. Дѣло въ томъ, что какъ ни выродилась либеральная партія, какъ ни стремится она разбиться на маленькія несогласныя между собою категоріи, какую смуту ни внесла въ партійное міросозерцаніе трансваальская война,—все же только съ 1900 года въ этой еще недавно сильной и грозной политической организаціи запахло трупомъ: общіе выборы, происшедшіе въ 1900 году, воочію обнаружили всѣ размѣры уже около пятнадцати лѣтъ пожиравшей ее болѣзни. Выборы 1895 года создали палату, въ которой консервативно-утопистская коалиція располагала большинствомъ 130 голосовъ; въ сентябрѣ 1900 года, когда палатѣ оставалось существовать еще годъ, Салисбюри вдругъ распустилъ парламентъ и назначилъ новые выборы—для того, чтобы, пользуясь торжествомъ имперіалистскихъ теченій, укрѣпить еще больше положеніе кабинета. Особенно Чемберлэнъ торопилъ выборы и, какъ всегда, настоялъ на своемъ. Съ 24-го сентября (1900 г.) началась избирательная борьба, и тутъ оказалось, что либеральная партія говоритъ разными голосами: Розбери всецѣло одобрялъ войну въ своихъ заявленіяхъ и если упрекалъ правительство особенно горячо, то за слишкомъ большую его слабость по отношенію къ Россіи, за позволеніе Россіи занять Портъ-Артуръ; Джонъ Морлей и Гаркортъ принципіально осуждали войну, лидеръ партіи Кемпбель-Баннерманъ больше настаивалъ на несовершенствахъ военной организаціи, нежели на принципіально-отрицательномъ значеніи ведущейся кампаніи. Изъ 670 депутатовъ было избрано 332 консерватора, 69 уніонистовъ (значитъ, въ общемъ министерство получило въ свое распоряженіе 401 голосъ). противъ 187 либераловъ и 82 ирландцевъ (т.-е. 269 голосовъ оппозиціи). Другими словами—большинство осталось на сторонѣ кабинета почти въ прежнихъ размѣрахъ—132 голоса вмѣсто прежнихъ 130. Но безнадежность пораженія либераловъ обусловливалась тѣмъ, что эти 187 человѣкъ либераловъ вовсе не прошли въ палату подъ однимъ флагомъ: очень многіе изъ нихъ такіе же «либералы», какъ Розбери, который вѣдь тоже съ этимъ именемъ не разстается. Хуже, нежели только пораженіе, выяснили выборы 1900 года и, въ частности, предвыборная кампанія: они обнаружили такой разбродъ партійной мысли, который совсѣмъ лишаетъ насъ права говорить о либералахъ, какъ единой и объединенной организаціи. Объ ирландскомъ гомрулѣ, за немногими исключеніями, говорили мало, бѣгло, наскоро, а съ еще большею готовностью совсѣмъ о немъ не говорили; о «соціальныхъ реформахъ» говорили даже съ нѣкоторымъ жаромъ, но понимали подъ ними (напр., тотъ же лордъ Розбери) вопросъ о жилищахъ для рабочаго класса, новые законы, касающіеся трезвости и налоговъ на спиртные

напитки — и только. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ удивляться не пораженію либераловъ, а тому, что все-таки имъ удалось удержать 187 мѣстъ въ палатѣ. Послѣ выборовъ 1900 года общественное мнѣніе, какъ это весьма характерно, склонилось въ сторону предположеній, что не оффиціальный лидеръ, а лордъ Розбери можетъ одинъ только снова объединить и оздоровить партію. Иначе говоря, — на самаго беззавѣтнаго имперіалиста изъ всей партіи возлагалась миссія помочь либераламъ, которые de jure, по партійному кодексу яко бы продолжали не одобрять имперіализмъ! Гладстоновская традиція, говорятъ сторонники этого мнѣнія, должна быть совершенно и начисто оставлена; либеральная партія должна подчиниться голосу страны, которая выборами 1886 г. сказала, что она не хочетъ ирландскаго гомруля, выборами 1895 года подтвердила это и прибавила, что она хочетъ сохраненія палаты лордовъ, а также энергичной имперіалистской политики, и, наконецъ, выборами 1900 года еще разъ и вполнѣ категорически повторила два первые свои приговора. Партія, — говорятъ они,—должна подчиниться этому рѣшенію, и тогда будущее снова откроется предъ нею; либералы-уніонисты ушли къ консерваторамъ въ 1886 году только потому, что Гладстонъ соединился съ ирландцами; либералы-имперіалисты отчасти колеблются, отчасти соединяются съ правительствомъ въ эти послѣдніе годы только потому, что они хотятъ сохраненія Южной Африки за британскимъ, а не голландскимъ преобладаніемъ. Но всѣ эти либералы, отколовшіеся или собирающіеся уйти отъ своей партіи, не съ легкимъ сердцемъ рѣшались и рѣшаются на этотъ шагъ; они связаны часто съ либеральною партіей не только убѣжденіями, но и семейною традиціей. Есть семьи, представители которыхъ больше двухсотъ лѣтъ, со стюартовскихъ временъ засѣдали между вигами: къ консерваторамъ могла ихъ погнать только очень ужъ важная причина, и едва эта причина устранится, возсоединеніе либераловъ станетъ совершившимся фактомъ. А кому же и взять на себя эту миссію, какъ не лорду Розбери, который искони былъ имперіалистомъ, а съ конца 90-хъ гг. исправился и отъ такого злокачественнаго заблужденія, какъ ирландскій гомруль? Эти голоса, совѣтующіе лорду Розбери ловить моментъ и стать историческимъ человѣкомъ для либеральной партіи, раздавались очень часто въ 1900 — 1901 гг. и, несомнѣнно, будутъ раздаваться и теперь, когда, наконецъ, миръ заключенъ и буры раздавлены. Отъ преданій манчестерской школы экономическій идеалъ либеральной партіи освобождается; отъ гладстоновскихъ традицій партія также освобождается и освободится; и тогда Розбери соберетъ всѣхъ, кто когда-либо называлъ себя либералами, и станетъ во главѣ новой, могущественной партіи,—такова схема будущаго въ глазахъ нѣкоторыхъ заинтересованныхъ этимъ вопросомъ публицистовъ. Въ 1898 году Розбери уже говорилъ о манчестерствѣ, какъ объ «умирающихъ доктринахъ», и теперь, дѣйствительно,

можно сказать, что и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ онъ совершенно «освободился» отъ всѣхъ либеральныхъ традицій. А такъ какъ, по предсказаніямъ многихъ консерваторовъ и либераловъ, и партія стремится къ такому же «освобожденію», то, можетъ быть, дѣйствительно, роль лорда Розбери еще не закончена. Правда, Лабушеръ, Джонъ Морлей и еще одинъ-два крайнихъ не войдутъ въ эту будущую имперіалистскую либеральную партію, но и безъ нихъ дѣло обойдется, признаютъ нѣкоторые изъ боящихся этой эволюціи, а также и изъ мечтающихъ о блестящемъ новомъ будущемъ либеральной фракціи. При этихъ мечтаніяхъ названные «крайніе» («экстремисты», extremists) поминаются весьма пренебрежительно, но и это согласно съ духомъ западно-европейскаго нынѣшняго времени: «экстремисты» мало слышны, плохо видны, ихъ немного, они мѣшаютъ однородности картины, о чемъ-то тяжеломъ жалуются, что-то недавнее напоминаютъ и за кого-то посторонняго представительствуютъ, — посторонняго всѣмъ неэкстремистамъ. Вслѣдствіе этого ихъ не слушаютъ... Къ этой фразѣ добавимъ лишь одно слово—пока.

XI.

Безъ этого слова говорить о настоящемъ и выводить изъ него не только ближайшее, но и далекое будущее имѣютъ право только лишь одни сибирскіе шаманы и однородные съ ними мыслители, для которыхъ проникать въ будущее есть самое обыденное занятіе. Да, *пока* либеральная гладстоновская партія разлагается и гибнетъ, *пока* ренегатство и народное недовѣріе жгутъ ее, какъ огонь свѣчку, зажженную съ двухъ концовъ, *пока* Розбери имѣетъ шансы собрать вокругъ себя политическій конгломератъ, который можетъ дать себѣ какую угодно кличку и подъ кличкой начать самостоятельную борьбу съ консервативно-уніонистскимъ большинствомъ; можно даже не считать невозможнымъ и успѣхъ упомянутаго конгломерата въ этой борьбѣ: ибо, несмотря ни на что, министерство Салисбюри и Чэмберлена успѣло возбудить къ себѣ за послѣднія семь лѣтъ достаточно враждебныхъ чувствъ въ населеніи, благодаря разнымъ ошибкамъ и неудачамъ. На почвѣ технической критики дѣйствій правительства имперіалистскій конгломератъ, который можетъ собраться вокругъ Розбери, будетъ въ состояніи наносить противникамъ сильные и успѣшные удары. Но *принципіальнаго* различія между этими двумя борющимися фракціями не разглядитъ невооруженный глазъ.

Вотъ что *пока* возможно ожидать въ самомъ близкомъ, непосредственномъ будущемъ. Это — одна изъ возможностей. Другая состоитъ въ продолженіи владычества консервативно-уніонистскаго большинства впредь до парламентскаго усиленія рабочей партіи, впредь до ея вы-

ступленія въ качествѣ совершенно самостоятельной и серьезной парламентской силы. Но анализъ этой комбинаціи совсѣмъ выходитъ изъ рамокъ нашей задачи.

Гладстоновцы-либералы находятся въ состояніи партіи, тяжко больной въ политическомъ отношеніи: отъ нихъ дезертируютъ, они теряютъ приверженцевъ въ населеніи, ихъ принципы шатаются и умаляются, ихъ враги только потому и объединены между собою, и сильны въ странѣ, что они—ихъ враги. Розбери, сильный, умный и популярный человѣкъ, дѣятель съ крупною политическою репутаціею, ушелъ отъ нихъ, и съ нимъ ушли многіе; его судьба отдѣлилась отъ судебъ его недавнихъ товарищей. Доживутъ ли они до новой, сильной поддержки, до свѣтлой эпохи сліянія или союза съ иною, еще только растущею фракціей, или же сиротливо стушуются и ихъ партія растворится въ правительственномъ большинствѣ или расчленится на нѣсколько маленькихъ, враждебныхъ между собою и безсильныхъ группъ,—мы не знаемъ. Знаемъ только, что едва ли Розбери снова почувствуетъ надъ собою когда-либо силу завѣтовъ старика, который его такъ любилъ и котораго онъ такъ любилъ. Онъ теперь—въ лагерѣ ликующихъ, торжествующихъ и поздравляющихъ другъ друга съ побѣдою и одолѣніемъ надъ бурами. Мы не видимъ въ ближайшемъ будущемъ причины, почему бы ему пришлось прекратить ликованіе, торжество и поздравленія. Онъ часто въ своихъ рѣчахъ преклоняется предъ силой, мужественностью (virility etc.), настойчивостью и т. д. Его новѣйшія убѣжденія обезпечиваютъ за нимъ такую силу, какъ общественное мнѣніе; правда, они не суть его достояніе особенное, но раздѣляются и министерствомъ, такъ что нужно еще очень и очень много бороться съ такимъ опытнымъ политическимъ спортсмэномъ, какъ Чэмберленъ, чтобы перевести эту силу на свою сторону. Но недаромъ же Розбери дважды былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и съ юношескаго возраста до 55-ти лѣтъ не сходилъ съ политической арены: бороться онъ умѣетъ и, можетъ быть, мы его и увидимъ еще разъ на министерскомъ посту. Но нашихъ читателей, вѣрно, личная его судьба меньше интересуетъ, нежели судьба оставленныхъ имъ гладстоновцевъ. Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni,—дѣло побѣдителей можетъ сколько угодно покровительствоваться историческимъ фатумомъ, а все-таки многимъ милѣе и ближе дѣло побѣжденныхъ, дѣло Гладстона интереснѣе и важнѣе дѣла Чэмберлена и Розбери. Конечно, дѣломъ побѣжденныхъ грустнѣе интересоваться и заниматься, чѣмъ дѣломъ побѣдителей, но и тутъ нѣсколько утѣшаетъ коротенькое слово, которое непремѣнно должно приставляться къ очень многимъ констатированіямъ настоящаго, уже упомянутое нами слово «пока». Для однихъ оно—угроза, для другихъ—утѣшеніе.

Евг. Тарле.

ЧУЖАЯ КРАСОТА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Она была черниговская. И только что пришла, и тамъ за ней остались ридный батько, и стара маты, и гай, и Левко. И пѣла она черниговскія пѣсни про гай и стару маты, пѣла, что она бідна дивчина, пришла искать доли у синяго моря.

Синее море вздыхало. Волна за волной бѣжали на берегъ тяжелыя, холодныя волны и уходили назадъ и тяжко вздыхали. Снова бѣжали синія волны съ бѣлыми гребнями, снова бились о каменистый берегъ, и неслись на землю, къ высокимъ горамъ глухіе, протяжные вздохи.

Она стояла въ окнѣ, залитая яркимъ весеннимъ солнцемъ—босоногая, съ голыми руками, съ разноцвѣтнымъ монистомъ на шеѣ и пѣла; смотрѣла на синее море, опять пѣла и тонкое гибкое тѣло, казалось, висѣло въ воздухѣ. Вѣтеръ шевелилъ бѣлокурыми волосами, крупныя, пахучія лиловыя кисти только что распустившейся глициніи бились объ ея лобъ; тонкій голосокъ былъ грустенъ и синіе глаза были печальны, потому что они были еще черниговскіе и пѣсни дѣвушки были черниговскія.

— И чого воно, барыня, журится?

— Что такое? Кто журится?

Барыня подняла на лобъ очки и оторвалась отъ книги.

— То воно-жъ, море... Все бьется, все бьется... И николи покою не знаетъ.

Дѣвушка кончила перетирать стекла, совсѣмъ подалась впередъ и повисла, какъ птица, и казалось, какъ птица, вотъ-вотъ оторвется отъ окна и полетитъ въ сіявшую даль весенняго утра, въ широкій просторъ глухо шумѣвшаго и сверкавшаго на солнцѣ зелеными, синими, бѣлыми полосами моря.

— Слѣзай, Одарка, сейчасъ слѣзай, упадешь!

Старая барыня испугалась и поднялась съ кресла.

Тоненькая, худенькая дѣвушка спрыгнула на полъ, отчего монисто зазвенѣло на ея голой шеѣ и весело и радостно разсмѣялась.

— Бачили, барыня?—Она вынула изъ волосъ великолѣпную палевую, еще не померкшую розу.—Иду я садомъ и сорвала... И не бачила, что садовникъ тутъ, старый... Поймалъ меня и говоритъ: «Какъ ты смѣешь рвать?» Такій сердитый... А я ему и кажу: Чого жъ вона така красива? Я жъ не можу. Отпустилъ, смѣется.

Она поднесла розу къ своему лицу и сладко нюхала, и глаза ея жмурились, какъ жмурятся отъ солнца.

— Развѣ можно рвать цвѣты въ чужомъ саду?—строго и наставительно говорила старая барыня.—Смотри, другой разъ достанется тебѣ!

— Я жъ, барыня, не можу. Иду, а вона така красива, така красива... Красивѣйшая изъ всихъ.

Складка легла между бровями, и лицо сдѣлалось суровое и стало смѣшно этою складкой и этою суровостью. Дѣвушка наклонилась къ барынѣ и упорно, и напряженно повторяла:

— Я жъ, барыня, не можу, не можу.

Она метнулась въ кухню и подала барынѣ кофе, задѣвъ локтемъ подносъ съ перечищенною наканунѣ посудой, отчего стаканы зазвенѣли, и снова разсмѣялась.

— А вчора, барыня, въ театрѣ... Вотъ смѣху было! Кацаповъ представляли... Вывели ихъ, барыня,—бороды лохматыя, какъ мочалка, пьяны та поганы... И говорятъ вотъ какъ: «Чаво, Овдотья?» И, кажемъ, барыня — бурякъ.... Вы-жъ, барыня знаете, всимъ же звистно,—бурякъ.... А воны кажутъ: «Свё-ёкла!» Таки поганы!... А бабы толстыя, якъ печь.

Старая барыня устала жить. Она много жила и много радовалась, и отъ всѣхъ ея радостей осталась одна печаль, и отъ многихъ думъ осталась одна—дума о черной стѣнѣ, которая скоро отдѣлитъ её отъ свѣтлаго дня.

У ней были дѣти, но дѣти разлетѣлись по свѣту и завили свои гнѣзда, и была она одинока, и большой пустынный домъ былъ слишкомъ великъ и тяжелъ для одинокой старой барыни. Въ покинутомъ остывшемъ сердцѣ становилось веселѣе и теплѣе отъ молодого радостнаго смѣха, отъ смѣшного набѣгающею суровостью юнаго личика, и старая барыня выбрала Одарку горничной именно потому, что у ней было юное, гибкое, трепещущее тѣло и молодой радостный смѣхъ, и вся она, какъ радуга, свѣтилась красками жизни, пѣла еще черниговскія пѣсни и посылала ридному батькѣ свое жалованье

Старая барыня смѣялась и говорила:

— Ну, а вашихъ представляли?

— Хохловъ?—дѣвушка улыбнулась.—А якъ же? Парубки таки гарны...

Она затихла, лицо у нея сдѣлалось нѣжное, она медленно и осторожно разглаживала складки скатерти на столѣ и говорила тихимъ и медлительнымъ голосомъ:

— А дивчины таки красивы. Въ намистахъ, цвѣты на головахъ... И пѣли и танцували, танцували...

Она говорила, что ей девятнадцать лѣтъ, хотя по паспорту значилось семнадцать. Глаза у нея были синіе, загоравшіеся и потухавшіе, бѣлокурые волосы вились вокругъ бѣлаго личика, и мускулы ея тѣла играли и радовались. Она представляла, какъ шатался пьяный москаль, и какъ двигалась по сценѣ толстая, какъ печь, баба, и когда говорила, что садовникъ сердитый, лицо ея на мгновеніе становилось сердитымъ, и она такъ рѣшительно и настойчиво увѣряла старую барыню, что она не могла не сорвать красивѣйшую изъ всѣхъ розу.

И была она, какъ свѣтлая радуга, была она, какъ водная зыбь, и колыхалась, и трепетала, и отражала въ себѣ и темное облако, и свѣтлое солнце и черниговскую вербу, и южную лучезарную розу.

II.

Тамъ, въ томъ приморскомъ городѣ, была красота. Небо тамъ было голубое, безоблачное, и звѣзды ночныя—большія и яркія, тамъ были горы синѣющія, море немолчное, покоя не знающее, розы лучезарныя, деревья вѣчно зеленыя. Красота была чужая. Чужіе были море и горы, чужое было небо, чужія звѣзды, чужіе цвѣты Красота все разгоралась. Поблекли робкія фіалки, померкли нѣжные миндали, покрыли землю лиловыми лепестками осыпавшіяся глицинiи, расцвѣтали душистыя бѣлыя акаціи, золотымъ дождемъ повисли надъ оградами желтыя акаціи, и розы открывали свои свѣтлыя лица, и распускались огромныя бѣлыя чашки цвѣтовъ магноліи съ ихъ тяжелымъ запахомъ. Въ воздухѣ стоялъ густой и неподвижный араматъ. Море нашло свой покой и легло безконечное, безмолвное и недвижимое.

Стало шумно въ городѣ. Пріѣзжали люди съ холоднаго сѣвера и жадными глазами смотрѣли на южное небо, синѣющія горы, казалось, гдѣ-то тамъ они оставили свои дѣла, свои печали, свои заботы и пріѣхали сюда на свѣтлый праздникъ, на свадебный пиръ. Они надѣвали свои лучшія праздничныя платья и цѣльными днями сидѣли у моря, летали экипажи въ горы, носились амазонки и до балкона доносился короткій торопливый топотъ кавалькадъ.

Изъ сада неслась музыка и изъ гостинницы неслась музыка, и когда замолкала одна, начинала другая.

Когда потухалъ день, разгоралась ночь. Какъ темно-бархат-

ная риза съ золотыми звѣздами, опускалась она на землю и море, все гремѣла музыка, горѣли электрическіе фонари, слышался торопливый топотъ кавалькадъ, взлетали въ темно-бархатное небо яркіе снопы свѣта и громко взрывались и падали надъ моремъ красными, синими и зелеными звѣздами. Ночью особенно сладко пахли розы и бѣлыя акаціи, ночью раскрывались огромные бѣлые цвѣты магноліи и лили тяжелый смутный ароматъ. Ночи были ароматныя, звучныя и праздничныя.

Наполнялся домъ старой барыни. Пріѣхала изъ чужихъ земель барынина дочь, которой скучно было жить на свѣтѣ, и потому она все ѣздила по чужимъ землямъ, пріѣхалъ дочерринъ мужъ въ золотыхъ эполетахъ, съ серебряными шпорами, появились гости, и пустынный домъ старой барыни наполнился жизнью, шумомъ и весельемъ.

Они поздно вставали и кушали, а потомъ качались на балконѣ въ креслахъ и разговаривали, а потомъ опять сладко кушали, и коляски ждали ихъ у подъѣзда, и уѣзжали они въ горы. А вечеромъ накрывался столъ и на столѣ были хрусталь и серебро, цвѣты въ большихъ вазахъ и корзины съ фруктами, и горѣли свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ.

Кругомъ стола сидѣли люди въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ золотыми эполетами, съ разноцвѣтными камнями въ кольцахъ и вели разговоры на непонятномъ языкѣ, звучавшемъ, какъ музыка.

Были они вѣжливы и деликатны, кавалеры цѣловали руки дамъ, и обмѣнивались они улыбками и взглядами, и радовались, и пировали.

Былъ разъ человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, съ большими глазами и говорилъ стихи, словно пѣлъ, и концы словъ звучали, какъ музыка. Онъ все смотрѣлъ на лѣвый уголъ буфетнаго шкафа, туда, гдѣ была паутина, которую наканунѣ велѣла убрать барыня, но Одарка обошла кругомъ и убѣдилась, что черный господинъ не видитъ паутины, и стала слушать. Слова звучали, какъ музыка, стихъ былъ, какъ пѣсня,—сердце Одарки дрожало, и она не замѣчала, какъ недопитая чашка кофе разливалась по подносу, который она держала въ рукахъ.

Въ тотъ вечеръ, когда она ложилась спать, она сладко жмурилась, какъ будто нюхала розу, и говорила подушкѣ:

«Рѣчи-претечи»,

а когда утромъ проснулась, выговорила: «Претечи-рѣчи» и радостно засмѣялась. Тутъ же вспомнила, какъ наканунѣ татаринъ покупалъ въ лавкѣ сахаръ и сказалъ: «сахаръ-махаръ», и вспомнила, что татары всегда прибавляютъ къ слову «чаиръ»—«маиръ», а за обѣдомъ Арина сказала: «шуры-муры». И стала она вспоминать, стала подбирать красивыя согласныя слова, которые звучали, какъ музыка, и ей было пріятно повторять ихъ.

Сердце у нея дрожало, когда она видѣла, какъ дочернинъ мужъ въ золотыхъ эполетахъ, съ серебряными шпорами, почтительно наклонялся и цѣловалъ руку дамъ, она не могла уйти изъ комнаты, гдѣ пировали люди, и все смотрѣла, и все слушала чужую рѣчь, какъ музыка, все хотѣла проникнуть въ смыслъ непонятныхъ словъ, и, случалось, чашка со звономъ падала на полъ съ ея подноса. Дѣвушка вытянулась и поблѣднѣла, и синіе глаза стали темнѣе и больше. Она не «бачила» и не «казала», все старалась говорить русскія слова, и не пѣла черниговскихъ пѣсенъ. И не посылала денегъ ридному батькѣ, ей нужно было—она не могла—купить желтые ботинки и черную кружевную косынку, которую носили первыя горничныя въ городѣ, платье, обтянутое въ таліи, и бѣлый чепчикъ, и перчатки, и брошку съ самоцвѣтными камнями.

И сердце Одарки дрожало, и вся она трепетала,—въ ней просыпалась красота.

III.

Потомъ пріѣхала барынина племянница. Объ ней говорили, что она артистка, и Одарка знала, что значитъ это слово. Было на ней простенькое сѣренькое платьице, была она тоненькая, какъ былиночка, было у нея бѣлое, какъ мѣлъ, усталое лицо и черные печальные глаза. И ходила она по комнатамъ медлительными шагами, нагибаясь, какъ былиночка, и говорила тихимъ, усталымъ голосомъ.

Въ тотъ день вечеромъ опять былъ столъ, снова были гости, и опять человѣкъ въ черномъ глядѣлъ на лѣвый уголъ буфетнаго шкафа и говорилъ ,какъ пѣлъ, и говорилъ «рѣчи-претечи». Послѣ поднялся споръ, спорили всѣ разомъ, потомъ заговорила барынина племянница, всѣ замолчали и стали слушать. И голосъ у нея былъ звонкій и сильный, не было въ ней слабости, не было печали въ лицѣ, и черные глаза блестѣли. Она говорила—и Одарка жадно слушала и ловила полупонятныя слова—говорила, «что красота есть святость, и что нужно взять отъ жизни всю красоту ея». Тогда всѣ начали хлопать въ ладони,—и черный господинъ, и дочернинъ мужъ, и гости, только старая барыня наклонилась низко надъ столомъ и не хлопала въ ладони, и сидѣла молчаливая и печальная.

Когда утромъ Даша вытряхивала платье барыниной племянницы, она увидѣла, что подъ сѣренькимъ простенькимъ платьемъ была красная, какъ малина, дорогая шелковая юбка, и поняла, почему чуть слышно шуршало на ходу сѣренькое платье. Тогда Даша задумалась, нѣсколько дней ходила серьезная, съ сдвинутыми бро-

вями и потомъ поняла, и предъ нею шире раздвинулась область изящнаго. Она заперла въ сундукъ вмѣстѣ съ черниговскимъ платьемъ свою кружевную косынку и яркую брошку, вынула изъ ушей серьги съ самоцвѣтными камнями и выучилась у подруги завивать волосы. Когда пріѣхала съ визитомъ толстая дама въ атласномъ платьѣ, звенѣвшимъ стеклярусомъ, громко смѣялась и широко размахивала руками, и послѣ племянница сказала «вульгарно», Даша поняла, что это значитъ и почему сказано.

Съ тѣхъ поръ начала она ходить по пятамъ за барыниной племянницей, смотрѣть ей въ лицо, смотрѣть, какъ она ходитъ, какъ смѣется, какъ молчитъ и какъ говоритъ. И чѣмъ больше смотрѣла Даша, тѣмъ больше понимала она, тѣмъ шире развертывалась предъ нею красота.

Разъ она принесла барининой племянницѣ букетъ изъ дальняго сада, гдѣ жила ея подруга, дочь садовника, и гдѣ росли рѣдкіе цвѣты, и она видѣла, какъ тонкіе пальцы быстро перемѣшали цвѣты, и букетъ сталъ другимъ, и новая красота явилась въ букетѣ. Другой разъ, когда Даша, одѣтая и причесанная, чтобы идти на свадьбу къ той своей подругѣ, зашла въ комнату барыниной племянницѣ, та остановила ее, распустила ея волосы, снова убрала, надѣла на нее ленточку, только маленькую, синенькую ленточку, и сказала:

— Вотъ вы теперь, Даша, какъ василекъ во ржи...

Когда Даша взглянула на себя въ зеркало, она увидѣла совсѣмъ другое лицо, — другой былъ лобъ, иначе глядѣли глаза. Она сначала не понравилась себѣ, но тамъ, на свадебномъ пиру—ея подруга выходила за приказчика—гдѣ были приказчики и армяне въ дорогихъ перстняхъ, и дамы декольтэ, и изъ главной гостинницы метръ-д'отель во фракѣ, тамъ всѣ смотрѣли на нее, и всѣ кавалеры хотѣли танцовать съ нею, и тогда она поняла себя.

Звали барынину племянницу Мирра, по отчеству Валентиновна. Въ домѣ сразу стало шумно, гости начали пріѣзжать съ утра, гости все говорили о вечерѣ въ театрѣ, гдѣ будетъ читать Мирра Валентиновна. Привезли съ парохода огромный сундукъ, и сундукъ казался бездоннымъ. Тамъ были платья черныя, какъ ночь, и бѣлыя, какъ снѣгъ, и какъ только что распустившаяся сирень, и желтое, какъ золото; тамъ были безчисленныя кофточки, какъ цвѣты въ букетѣ, и шелковыя юбки, которыя нѣжно шелестѣли между пальцами Даши, тамъ были удивительныя ботинки на высокихъ каблучкахъ, боа и вѣера. Потомъ Даша вынимала въ золотыхъ оправахъ драгоцѣнные камни,—и красные, какъ кровь, и блѣдно-голубые, какъ незабудки, и матовый жемчугъ, и искрящіеся брилліанты. Когда Даша развѣсила платья по стѣнамъ

и разложила на столѣ драгоцѣнности, лицо ея было красное и глаза влажные, туманные и вся она была, какъ пьяная.

Потомъ онѣ стали выбирать платье, и обѣ были строгія, и задумчивыя. Артистка выбрала, наконецъ, себѣ костюмъ.

На ней было бѣлое матовое платье, крупный жемчугъ обвивалъ шею, и тяжелыя жемчужины слабо блестѣли въ ушахъ, темные, безъ блеска, волосы, чуть завитые и чуть поднятые надъ бѣлымъ матовымъ лбомъ, были перевиты ниткой жемчуга, и блѣдныя, чуть розовѣвшія розы тянулись гирляндой отъ корсажа къ подолу платья. Глаза были большіе и черные и словно горѣли на блѣдномъ лицѣ. Въ рукахъ у нея была маленькая новая книжка, Мирра Валентиновна ходила по комнатѣ и говорила, какъ пѣла, и Даша стояла съ открытымъ ртомъ, и жадно глотала слова:

«Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
«И дрожали ступени подъ ногой у меня».

Артистка все ходила по комнатѣ и говорила-пѣла, потомъ подошла къ зеркалу, смотрѣла на себя, и говорила:

«И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
«И дрожали ступени подъ ногой у меня».

Матовый жемчугъ мерцалъ въ волосахъ, черные глаза сіяли, и вся она была, какъ царица, гордая и великолѣпная.

Потомъ она долго ходила по комнатѣ усталыми шагами, обмахиваясь вѣеромъ, взяла съ полки книгу, большую старую книгу, и, стоя, читала ее у лампы и снова подошла къ зеркалу. Лицо ея сдѣлалось печальнымъ, губы сложились жалобно, и горестнымъ голосомъ проговорила она:

— «Работай! работай! работай!»

Она снова смотрѣла въ большую старую книгу и говорила:

— «Работай! работай! работай!»

Потомъ Даша видѣла, какъ артистка сняла и бросила на кушетку великолѣпную гирлянду блѣдно-розовыхъ розъ, сняла съ себя кольца и жемчугъ, воткнула въ волосы одну, только одну красную гвоздичку и осталась въ бѣломъ платьѣ безъ украшеній, осіянная тихимъ сіяніемъ красной гвоздички, и еще печальнѣе сказала въ зеркало:

— «Работай! работай! работай!»

Сердце Одарки дрожало, и большіе синіе глаза ея не отрывались отъ бѣлой фигуры съ красною гвоздичкой въ черныхъ волосахъ.

Въ дверь постучались, въ комнату вошелъ дочернинъ мужъ въ золотыхъ эполетахъ, съ серебряными шпорами. Даша не могла уйти въ свою комнату—это было выше ея силъ—и осталась въ корридорчикѣ, слушала и смотрѣла.

— Пора ѣхать—говорилъ мужской голосъ.—Это вы на bis?

Даша уже знала что значитъ bis.

— И охота вамъ шевелить старую ветошь.

Печальное лицо артистки было уже не печально, черные глаза сіяли, и розовыя губы задорно смѣялись и говорили:

— Много вы понимаете!

Даша видѣла, какъ онъ, въ золотыхъ эполетахъ, съ звенящими шпорами, запрокинулъ назадъ темную головку съ красною гвоздичкой и цѣловалъ ее въ губы, и говорилъ:

— Я не понимаю?.. Я понимаю...

И снова цѣловалъ, и снова говорилъ:

— Я понимаю... Я очень понимаю...

Она цѣловала его и маленькими, затянутыми въ бѣлую перчатку, пальчиками трогала его за усъ и шептала:

— Ничего... Ничего... Ничего...

IV

Барынина племянница накинула на себя боа, надѣла шляпу съ бѣлыми страусовыми перьями и уѣхала. За нею уѣхали барынина дочь и мужъ ея, и господинъ, въ черномъ сюртукѣ, и старая барыня, и въ домѣ стало пусто и тихо.

Даша заперла дверь, вернулась къ большому трюмо, передъ которымъ одѣвалась артистка, долго стояла и смотрѣла на себя въ зеркало, и брови ея сдвинулись и лицо поблѣднѣло. Она все смотрѣла упорно, не отрываясь, смотрѣла на себя, а руки ея шарили по столу, нашли жемчужныя серьги и вдѣли въ уши; она все продолжала смотрѣть на себя и, такъ же не отрываясь отъ зеркала, разстегнула и спустила юбку, гнѣвнымъ пинкомъ ноги отбросила ее въ уголъ, сбросила кофточку и надѣла бѣлое блестящее платье артистки, которое та въ послѣднюю минуту отдумала надѣвать. На шеѣ у нея былъ жемчугъ, волосы у нея были перевиты жемчугомъ, гирлянда розъ протянулась отъ корсажа къ подолу и былъ вѣеръ въ рукахъ. Тогда она ушла отъ трюмо, отворила настежь двери, зажгла свѣтъ во всѣхъ комнатахъ и ходила граціозными плывущими шагами по анфиладѣ комнатъ. Глаза ея сіяли, она улыбалась и, когда проходила мимо зеркала, кланялась себѣ и протягивала руку для поцѣлуя, а потомъ снова вернулась къ трюмо и снова долго смотрѣла на себя. Глаза ея померкли, лицо стало печальное и усталое и голосомъ тоски и печали, напряженнымъ голосомъ, проговорила она: «Работай! работай! работай!..»

Она вздрогнула и обернулась. Въ дверяхъ стояла кухарка и громко разсмѣялась.

— На-кось! Какая принцесса... Увидитъ барыня, задастъ тебѣ!

Тогда дѣвушка въ бѣломъ платьѣ окинула, какъ принцесса, презрительнымъ взглядомъ стоявшую въ дверяхъ раздѣтую, заспанную, нечистую кухарку и строго и надменно сказала ей:

— А ты на что? Иди, стереги!

И было что-то въ лицѣ ея и въ голосѣ, отчего Арина перестала смѣяться и словно сконфузилась, покорно пошла на балконъ стеречь и тихо шептала:

— Мнѣ что? Развѣ я што-нибудь... Постерегу.

Но дѣвушкѣ въ бѣломъ уже было скучно, она скинула съ себя платье, надѣла свою кофточку и кое-какъ натянула валявшуюся въ углу юбку. Она ушла, потушила огонь въ комнатахъ, снова вернулась и начала раскладывать вещи такъ, какъ онѣ лежали раньше. Медленно и трудно кольцо, за кольцомъ, снимала она со своихъ пальцевъ, и когда осталось на мизинцѣ самое маленькое колечко съ синенькимъ камешкомъ, она не сняла его. И когда раскладывала на столѣ жемчугъ, долго смотрѣла на него и перебирала пальцами—жемчугъ слабо шуршалъ и переливался матовымъ блескомъ и отдѣлила одну нитку ,ту самую, которая была въ волосахъ,—спрятала на груди у сердца, за лифомъ.

Изъ театра долго не возвращались. Даша сидѣла на кровати маленькой комнаты для прислуги, подобравъ подъ себя ноги, какъ кошка, и смотрѣла прямо передъ собою на греческаго полководца, висѣвшаго предъ нею на стѣнѣ. Глаза у нея были мутные и усталые, лицо сѣрое и скучное, и не было больше принцессы, а была только бидна дивчина, худенькая и тоненькая. Арина, какъ всегда, говорила свои тягучія, скучныя слова и обижалась, что Даша не поддерживаетъ обычнаго разговора.

— Опять двѣ тарелки разбила... Терпитъ, терпитъ барыня, да и прогонитъ. Кто тебя возьметъ? Попадешь къ кущу...

Даша молчала и смотрѣла на греческаго полководца.

— И объ чемъ ты, глупая, думаешь?

— О чемъ?—Даша вздохнула.—Коли-бъ я знала, о чемъ...

Ея мизинцу было неловко и тѣсно, она все прятала лѣвую руку за спиной и клала ее такъ, чтобы мизинцу было легче и свободнѣе, и когда мѣняла положеніе, слышала, какъ жемчугъ шуршалъ у сердца, и потому сидѣла неподвижно и все смотрѣла на греческаго полководца.

— Коли-бъ я знала...—снова выговорила она и снова вздохнула.

Кухарка была орловская, и умъ у нея былъ орловскій—серьезный и положительный—и все говорила она слова благоразумныя и разсудительныя.

— Глупа ты, дѣвка! ума-то у тебя мало... Тоже разодѣлась барыней! Знаешь свою линію и веди её... И живи, какъ люди живутъ...

Мизинецъ сдѣлался горячій, и ему было тѣсно, Даша положила

руку съ синенькимъ камнемъ на мизинцѣ на столъ, ей сдѣлалось легче, и сердце часто и сильно билось о жемчугъ.

— Коли-бъ я могла жить, какъ люди живутъ? Мамынька моя ридна!—Крикнула она и замолчала. Глаза ея были мутны, лицо сдѣлалось дикимъ и грубымъ.—Я-жъ знаю, какъ люди живутъ... Я-жъ понимаю, какой разговоръ, какое обращеніе у настоящихъ людей...—Она вздохнула всею грудью и смотрѣла большими глазами прямо въ лицо кухаркѣ.—Къ купцу!..—Захочу, буду барыня, и все будетъ у меня.

Кровать шаталась подъ смѣявшеюся кухаркой, и хриплый голосъ говорилъ:

— Да кто тебѣ дастъ, дура!

Даша ужъ устала и отвѣтила скучнымъ и равнодушнымъ голосомъ:

— Карапетъ...

Кухарка перестала смѣяться, поднялась на локтѣ и съ широко открытыми глазами спросила:

— Карапетка? Процентщикъ? Старикъ?

— Онъ.

Въ передней раздался громкій звонокъ. Даша вскочила съ кровати и задрожала, долго стояла, вытянувшись, съ неподвижными глазами, и прежде нежели выйти, наклонилась къ кухаркѣ и тяжело, сдавленнымъ шопотомъ, проговорила:

— Я-жъ не можу... Я-жъ не можу...

V.

Она не могла. Сначала старая барыня получила письмо отъ племянницы, уѣхавшей на другой день послѣ театра, письмо, съ просьбой поискать забытыя ею нитку жемчуга и кольцо съ сапфиромъ. Племянница прибавляла, что она не увѣрена, не украли ли у нея вещи въ гостинницѣ въ другомъ городѣ, гдѣ она останавливалась по дорогѣ.

Старая барыня послала ей двадцатипятирублевую бумажку, найденную Дашей въ сору послѣ ея отъѣзда, но писала, что вещей не оказалось. Потомъ дочь просила въ письмѣ прислать боа, забытое, какъ она думаетъ, въ минуту отъѣзда въ передней на вѣшалкѣ.

Тогда старая барыня обезпокоилась и стала пересматривать свои вещи. Деньги, которыя часто не запирались, и серебро, бывшее на отвѣтственности Даши, оказались въ цѣлости, но пропала брошка съ крупнымъ рубиномъ, дорогая барынѣ по воспоминаніямъ, не оказалось еще нѣсколькихъ мелкихъ бездѣлушекъ.

Вмѣстѣ съ Дашей онѣ перерыли всѣ комоды и старыя шкатулки, и нигдѣ пропавшихъ вещей не нашлось. Старая барыня рѣшила, что украла вещи портниха, которую брали на домъ, когда жила барынина дочь, и дѣло, вѣроятно, заглохло бы, если бы кухарка, вспомнившая сапфиръ на мизинцѣ Даши и винившая ее въ охлажденіи дворника Василія, съ которымъ она жила, какъ въ законѣ, не разсказала барынѣ о сценѣ съ переодѣваніемъ и о сапфирѣ и не высказала рѣшительнаго мнѣнія, что украла вещи Даша. Когда вскорѣ Даша нашла въ углу комоднаго ящика брошку съ рубиномъ, барыня приказала ей найти всѣ вещи и сказала, что пошлетъ за полиціей, если все не окажется налицо. Пять дней Даша рылась по комодамъ и шкафамъ и постепенно были найдены и боа, и кольцо съ сапфиромъ, и мелкія драгоцѣнности, даже такія, о которыхъ барыня не помнила, и лицо у Даши становилось все печальнѣе, но нитки жемчуга не было найдено. И чѣмъ больше находилось вещей, тѣмъ сердитѣе становилось лицо старой барыни, и голосомъ, какимъ она никогда не говорила, она повторила, что пошлетъ за полиціей. Еще полъ дня металась Даша, какъ дикая, съ безумными глазами, открывала всѣ шкафы и всѣ шкатулки, и свой сундукъ, чтобы барыня видѣла, что нигдѣ нѣтъ и не можетъ быть нитки жемчуга, и только черезъ полъ дня принесла жемчугъ, и крупныя слезы капали на жемчугъ изъ глазъ Даши.

Въ домѣ появилась другая Даша, но былъ грустенъ и молчаливъ пустынный домъ, и стало еще болѣе пусто и холодно въ сердцѣ старой барыни. Она разъ на всегда запретила кухаркѣ сообщать какія-нибудь свѣдѣнія о Дашѣ, которыя кухаркѣ такъ хотѣлось сообщить—старая барыня не хотѣла знать.

Однажды она была за городомъ, впереди ея ѣхала коляска, и старой барынѣ видны были сѣдой широкій армянскій затылокъ и одѣтая въ бѣлое худенькая женская фигура, показавшаяся знакомою. На шеѣ было боа, бѣлокурые волосы вились изъ-подъ бѣлой шляпы со страусовыми перьями. Старая барыня была не увѣрена,—она не хотѣла быть увѣренною.

VI.

То лѣто было жаркое и сухое, и народилось много бабочекъ, маленькихъ бѣленькихъ бабочекъ. Когда спускалась надъ горами и моремъ, черная, густая, плотная южная ночь, безчисленное количество бѣленькихъ бабочекъ наполняло балконъ, гдѣ сидѣла старая барыня, и вились онѣ тучами около лампы, падали въ лампу, падали мертвыми на полъ, и тучами выметала горничная по утрамъ

мертвыя бабочкины тѣла. Старой барынѣ было жалко бабочекъ, ей хотѣлось знать, что ихъ тянетъ, зачѣмъ летятъ онѣ къ лампѣ, нужно ли имъ тепло, или только свѣтъ, только красота свѣта. Она унесла лампу въ комнату, поставила за двойныя рамы въ окно, выходившее на балконъ, и убѣдилась, что наружное стекло было холодно. Бабочки снова летѣли на балконъ, и холодное стекло потемнѣло отъ множества бабочекъ, облѣпившихъ его и сидѣвшихъ неподвижно, словно прилипшихъ къ стеклу. И старой барынѣ казалось, что онѣ смотрятъ на свѣтъ тамъ, за двумя рамами, большими расширенными глазами, и бабочкины сердца бьются тревожно и напряженно.

Горе повисло надъ сѣдою головой старой барыни, сонъ покинулъ ее, и длинными часами сидѣла она по ночамъ въ креслѣ на своемъ балконѣ. Черная бездна ночи окружала ее, глухіе, тяжкіе вздохи неслись изъ глубины бездны, и думала старая барыня, что ей пора уходить въ эту густую плотную, безпредѣльную ночь...

А изъ глубины черной ночи, трепеща бѣлыми крылышками, какъ хлопинки снѣга, все неслись и неслись бѣленькія бабочки къ тому свѣту за двумя рамами, къ тому керосиновому свѣту, и садились все на то же потемнѣвшее стекло, и приникали къ стеклу, и сидѣли долго и недвижимо.

И такъ же умирали, и такъ же горничная выметала по утрамъ мертвыя тѣльца съ поникшими бѣлыми крылышками.

С. Елпатьевскій.

РОСЫ.

(Изъ Красинскаго).

Пали, пали рòсы чистыя,
Задымились въ теплой мглѣ
Слезы свѣтлыя, лучистыя
Въ небесахъ и на землѣ.

Засверкали ели стройныя,
Иглы темныя зажгли
И купаютъ вѣтви хвойныя
Въ діамантовой пыли.

Сѣетъ звѣзды въ изобиліи
Ночь въ лазури, на листахъ...
Тише, другъ! Блѣднѣютъ лиліи,
Соловей замолкъ въ кустахъ.

Только рѣютъ тихострунные
Звуки пѣсни неземной,
Будто эльфы въ ночи лунныя
Надъ заснувшею волной.

Рѣютъ тѣни невозвратныя
Въ зыбкомъ сумракѣ ночей...
Слезы, слезы благодатныя,
Лейтесь, лейтесь изъ очей!

Здѣсь, внизу—тропы огнистыя;
Путь алмазный—надо мной.
Пали, пали росы чистыя,
Небеса слились съ землей.

К. Бархинъ.

МОЛОХЪ.

Романъ **Якова Вассермана.**

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой.*

(*Продолженіе*) *).

10.

У конюшенъ накладывали навозъ на телѣги, а въ саду съ ранняго утра чинили заборъ. Садовникъ же требовалъ двухъ рабочихъ для перекопки грядъ подъ овощи. Такъ какъ свободныхъ людей не оказывалось, то Арнольдъ вызвался самъ исполнить эту работу, взялъ лопату и въ одномъ жилетѣ принялся на осеннемъ солнышкѣ копать грядки. Въ воздухѣ носились бѣлыя нити; кошка, поднявъ кверху хвостъ, съ мяуканьемъ терлась у его ногъ; онъ обливался потомъ, а надъ его головой съ жужжаніемъ носилась цѣлая масса мухъ, досаждая ему. Онъ же копалъ себѣ да копалъ, переворачивалъ черные земляные пласты и ни о чемъ не думалъ и ни на что не смотрѣлъ. Время отъ времени подходилъ къ нему садовникъ, останавливался на минутку, съ усмѣшкой косился на его работу, перебрасывался словечкомъ, другимъ, а потомъ, переложивъ трубочку изъ одного угла рта въ другой, вновь принимался за собственное дѣло. Куры съ кудахтаньемъ со всѣхъ сторонъ собрались около Арнольда, такъ какъ по вспаханной землѣ извивались красные дождевые черви. Когда солнце начало садиться, Арнольдъ бросилъ лопату, натянулъ куртку и, спросивъ у Урсулы кусокъ хлѣба, отправился въ Падолинъ, по дорогѣ утоляя голодъ.

Его шагами управляла невѣдомая ему самому сила. Придя въ село, онъ съ удивленіемъ началъ раздумывать, куда же собственно онъ собрался идти.

Смеркалось. На улицѣ было мало народу. Мимо прошелъ человѣкъ, черезъ плечо котораго была перекинута палка, а на ней за ноги подвѣшены два козленка. Оба они попеременно кричали, точно жалуясь или вопрошая о чемъ-то другъ друга. Арнольдъ съ равнодушнымъ любопытствомъ посмотрѣлъ этому человѣку вслѣдъ; въ это время за

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь, 1903 г.

его спиной раздался стукъ въ окно. Обернувшись онъ увидалъ Шпехта. Учитель отворилъ окно крохотнаго трактирчика, въ которомъ сидѣлъ, и сталъ звать Арнольда составить ему компанію. Тотъ не сразу послѣдовалъ приглашенію, но потомъ все же вошелъ въ душное и темное помѣщеніе и молча сѣлъ рядомъ со Шпехтомъ. Когда хозяинъ трактира поставилъ передъ нимъ стаканъ чая, онъ утвердительно кивнулъ головой. Кромѣ ихъ, двоихъ, никого не было. На скамьѣ, рядомъ со Шпехтомъ, лежала маленькая собачка-крысоловка; она было подняла голову и заворчала, но потомъ сейчасъ же опять заснула. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ Максимъ Шпехтъ видимо боролся съ собою, но, наконецъ, не выдержалъ и сказалъ:

— Сегодня у меня очень скверно на душѣ: я узналъ нѣчто очень нехорошее. Слушайте: можетъ быть, когда-нибудь, я раскаюсь въ своей болтливости, но чортъ побери тѣхъ людей, что могутъ все таить внутри себя.

Арнольдъ насторожился и съ напряженіемъ слѣдилъ за губами учителя.

— Вѣдь вы знаете Беату?

При этихъ словахъ тотъ отвернулся и равнодушно кивнулъ головой. Шпехтъ положилъ ему руку на плечо и произнесъ:

— Я не преувеличиваю, Арнольдъ, но если есть на свѣтѣ воплощенная безсовѣстность, такъ это она, эта семнадцатилѣтняя колдунья. Что я вынесъ изъ-за нея! Но теперь баста! Впереди меня ждетъ совсѣмъ другое. И онъ ухватился рукою за лобъ, губы его дрожали, а въ глазахъ и теперь уже свѣтились стыдъ и раскаяніе за свою откровенность. Лицо внезапно приняло холодное выраженіе, и весь его свѣтскій лоскъ особенно ярко выступилъ наружу, когда онъ произнесъ:

— Надѣюсь вы съумѣете молчать. Мы не имѣемъ права подвергать женщину даже пересудамъ, тогда какъ онѣ насъ доводятъ до сумасшествія.—И горько усмѣхаясь, онъ сталъ теребить свои тонкіе, бѣлокурые усики.

Арнольдъ, которому были совершенно непонятны такого рода огорченія, слушалъ его разсѣянно. Ему казалось, что изъ-за тоненькой малокровной дѣвушки доводить себя до краски стыда совершенно не стоитъ, и ему было стыдно за Шпехта.

Съ четверть часа просидѣли они молча; хозяинъ зажегъ лампу. Наконецъ Арнольдъ нагнулъ голову впередъ, взялся двумя пальцами за подбородокъ и спросилъ:

— Когда же отдадутъ приказъ освободить дѣвушку?

— Какую дѣвушку?—вздрогнувъ, переспросилъ учитель.—Вы говорите о дочери Алассера? Не знаю.

Онъ чувствовалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что Арнольдъ больше интересовался постороннимъ происшествіемъ, нежели его лично, Максима Шпехта, дѣломъ.

— А кто, какъ вы полагаете, отдастъ здѣсь подобное приказаніе?— иронически спросилъ онъ.

— Думаю, судъ,—возразилъ Арнольдъ, всѣмъ корпусомъ поворачиваясь къ нему.

— Повидимому, вы и понятія не имѣете о томъ, съ какими силами придется тягаться въ этомъ дѣлѣ?—Шпехтъ злобно улыбался, точно самъ онъ состоялъ въ союзѣ съ этими силами, а не боролся противу нихъ. Поведеніе Арнольда злило его, вызывало досаду, подзадоривало.

Пораженный до послѣдней крайности, Арнольдъ засмѣялся и сказалъ:

— Да вѣдь дѣло идетъ о нарушеніи правъ.

Шпехтъ хихикнулъ.

— Смотря по тому чьихъ. Развѣ мы живемъ въ раю? Развѣ всякое нарушенное право находитъ своего защитника? А если таковой и найдется, то еще вопросъ, добьется ли онъ справедливости.

— Вы или глупы, или чертовски злы—отвѣтилъ Арнольдъ, сверкнувъ глазами, поднялся съ мѣста и однимъ движеніемъ руки отодвинулъ отъ себя столъ. Собачонка проснулась и бѣшено залаяла. Страшно удивленный и перепуганный, учитель посмотрѣлъ на Арнольда, который молча положилъ деньги на столъ и вышелъ.

Шпехтъ вздохнулъ, задумчиво закрылъ глаза и сталъ думать о своихъ любовныхъ огорченіяхъ. Вскорѣ и онъ отправился въ путь. Бродя вдоль темной сельской улицы, онъ очутился у забора дома Ханка, прислонился тамъ къ садовой калиткѣ и началъ меланхолически посвистывать, повидимому безъ всякаго намѣренія, а просто углубясь въ собственныя размышленія.

«Какіе странные бываютъ люди на свѣтѣ», думалъ онъ, очевидно подразумѣвая Арнольда. «Что ему за дѣло до Алассера? Для него жизнь жирный пирогъ; садись и кушай, когда вздумается. Что онъ, отчета, что ли, собирается требовать отъ курицы,—что несетъ для него яйца,—чисты ли ея нравы?»

Въ домѣ распахнулось окно и звонкій голосъ крикнулъ:

— Шпехтъ, господинъ Шпехтъ, войдите! Что вы стоите на улицѣ и посвистываете?

Колѣни учителя дрожали, когда онъ послѣдовалъ этому приглашенію. Беата съ Агнесой сидѣли у стола и, повидимому, только что отужинали. Молодая дѣвушка пристально посмотрѣла на Шпехта. Лицо ея выражало высокомѣрную насмѣшливость и приказывало молчать, вся его юношеская привлекательность исчезла безъ слѣда. Шпехтъ довольно церемонно раскланялся, слегка улыбнулся, сѣлъ и вѣжливо справился о здоровьѣ Агнесы Ханка. Та по своему обыкновенію стала поспѣшно и привѣтливо угощать его остатками ужина, но онъ, хотя и былъ голоденъ, покачалъ головой и шутливо указалъ на свой желудокъ. Беата, не мигая, твердо смотрѣла на учителя. Она играла газетой и

вдругъ произнесла точно про себя, безъ малѣйшаго страха быть услышанною Агнесой:

— Если ты не будешь благоразуменъ, то...—и она рѣшительно, съ многозначительнымъ взглядомъ, разорвала листокъ пополамъ.

— Если позволите, я все-таки отрѣжу себѣ кусочекъ сыру,—сказалъ Шпехтъ, обращаясь къ Агнесѣ, и та радостно стала пододвигать къ нему хлѣбъ, масло, вино и колбасу, а потомъ принялась разсказывать, какъ ее безпокоитъ братъ Александръ, но почему безпокоитъ, она врядъ ли съумѣла бы объяснить. Впрочемъ, въ послѣднемъ своемъ письмѣ онъ обѣщаетъ ей пріѣхать на Рождество въ Падолинъ и даже на довольно продолжительное время. Когда Агнеса говорила, все ея милое лицо озарялось улыбкой, которою она какъ бы извинялась за свою болтовню, отнимающую у другого столько времени.

Шпехтъ спросилъ, чѣмъ собственно занимается Александръ Ханка.

Агнеса задумалась, нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, чего-нибудь, чѣмъ бы занимался ея братъ, но потомъ робко заявила:

— Ничѣмъ.

Учитель многозначительно улыбнулся.

— Живетъ на свои средства,—отрѣзала Беата, наморщивъ лобъ. Онъ достаточно богатъ для этого. Можетъ быть, это не дозволяется?

— Къ сожалѣнію, не только дозволяется, но и одобряется,—отвѣтилъ Шпехтъ.

Агнеса принесла учителю письмо брата. Повидимому, ей хотѣлось, чтобы кто-нибудь разъяснилъ ей самой, что собственно въ его жизни такъ безпокоитъ ее и утѣшилъ въ этомъ, а потому наивно и съ полнымъ довѣріемъ обращалась за этимъ даже къ совершенно постороннему человѣку. Шпехтъ разсѣянно посмотрѣлъ на безпорядочный и разгонистый почеркъ, большія буквы походили по колья забора, а маленькія на кроликовъ, пріютившихся подъ ними.

11.

Получивъ изъ Вѣны извѣстіе о вторичной женитьбѣ своего брата Барромео, госпожа Анзорге лишь покачала головой. Судя по присланной фотографіи, будущая невѣстка обладала раскошною, цвѣтущею фигурой и красивыми чертами лица, но взглядъ у нея былъ холодный, властный.

— Хорошаго въ этомъ мало, особенно въ лѣтахъ брата,—сказала госпожа Анзорге сыну. Онъ въ это время разсматривалъ фотографію и никакъ не могъ себѣ представить, что это изображеніе живого человѣка.

Въ то же утро Арнольдъ получилъ отъ Максима Шпехта письмо и газету. Въ газетѣ было напечатано сообщеніе учителя о похищеніи **Ютты Алассеръ**. Арнольдъ прочелъ его, и оно произвело на него уди-

вительно странное впечатлѣніе,—оно показалось ему, не то что ложнымъ, но какимъ-то фальшивымъ, точно человѣкъ взялъ, да и надулъ щеки. Изъ близкаго, правдиваго и непосредственнаго вся исторія превратилась во что-то чуждое, раздутое, крикливое.

Письмо гласило: «Если вамъ угодно, зайдите ко мнѣ завтра, въ 7 часовъ утра. Начальникъ полиціи здѣшняго округа поручилъ дѣло Алассера одному изъ своихъ комиссаровъ, съ которымъ я лично знакомъ. Этотъ комиссаръ разрѣшаетъ вамъ и мнѣ присутствовать при свиданіи Алассера съ дочерью въ монастырѣ. Отъ этого свиданія зависитъ исходъ дѣла, ибо нельзя подыскать основаній, на которыхъ онѣ и послѣ него отказались бы возвратить ребенка отцу; хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что будетъ именно послѣднее. Ихъ цѣль такъ или иначе протянуть время, пока Юттѣ исполнится 14 лѣтъ, и она будетъ считаться совершеннолѣтнею въ вопросахъ религіи. Тогда власть Самуила Алассера, какъ отца, падаетъ само собою и замѣнится властью опекуна. Слѣдовательно, никто уже не будетъ препятствовать крещенію Ютты, потому что вѣдь хочетъ или не хочетъ этого сама дѣвушка—никогда не сдѣлается извѣстнымъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что золъ не я, а обстоятельства, милый другъ. А глупъ я развѣ только потому, что впутываюсь въ это дѣло и жажду передѣлать свѣтъ. А послѣднее не просто глупо, а безумно. Не забывайте преданнаго вамъ Шпехта».

Арнольду показалось, что это ловушка. Онъ не только прочелъ, но изучилъ письмо; долго вертѣлъ онъ его въ рукахъ и, наконецъ, растопталъ. Цѣлый день онъ не могъ ничѣмъ заняться какъ слѣдуетъ, а вечеромъ рѣшилъ во что бы то ни стало развлечься. Съ этою цѣлью, какъ во время о́но, когда еще былъ мальчикомъ, онъ прокрался подъ окно комнаты Урсулы и сквозь щель въ ставнѣ сталъ смотрѣть, какъ старуха станетъ ложиться спать. Впродолженіи многихъ лѣтъ, изо дня въ день, она сопровождала эту процедуру однѣми и тѣми же странностями. Снявъ съ себя все до сорочки, она становилась на скамеечку, вплотную пододвинутую къ кровати, и, послѣ минутнаго колебанія, прямо спиною, бросалась во всю длину на матрацъ. При этомъ, вслѣдствіе тяжести тѣла, ее нѣсколько разъ подбрасывало кверху, что доставляло ей, повидимому, громадное наслажденіе, и она радостно смѣялась.

Ночью Арнольду приснился странный сонъ. Будто онъ подошелъ къ высокому садовому забору со стороны длинной улицы. Около забора, другъ передъ другомъ, стояли двѣ лошади, одна маленькая, другая большая. Обѣ имѣли видъ, точно ихъ выкрасили мѣдянкой. На шеѣ, головѣ, животѣ и спинѣ у нихъ было множество разныхъ украшеній того же цвѣта, какъ и кожа самихъ животныхъ, только выпуклыя. Сами же лошади не были похожи на живыхъ, а на искусственныхъ, но въ то же время жили. На заборѣ висѣла дощечка съ

надписью: «Эти лошади могутъ говорить». Хотя любопытство мучило Арнольда, однако онъ довольно долго колебался, раньше чѣмъ рѣшился бросить имъ монету. Тогда за оградой раздался тихій звонъ колокольчика, и лошадь, что побольше, подняла голову, широко раскрыла ротъ, точно собралась заговорить. Но въ ту же минуту Арнольда охватилъ такой неизъяснимый ужасъ, что онъ бросился прочь черезъ дорогу. Проснувшись утромъ, онъ припомнилъ сонъ, и тотъ показался ему чрезвычайно глупымъ; несмотря на это, рѣдкій воздухъ, садовый заборъ, одинокая улица, грустная морда зеленаго коня, собиравшагося заговорить, все это было настолько странно, что онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія.

Ровно въ семь Арнольдъ былъ уже у Максима Шпехта. Когда они отправились въ путь, было еще совершенно темно. По дорогѣ Арнольдъ закусывалъ хлѣбомъ, а Шпехтъ молчалъ. Арнольду чудилось, что теперь-то онъ и заглядываетъ въ самую глубину самого себя и что эта, его собственная глубина, имѣетъ сходство съ окружающею природой; все небо заволокло облаками, и они, эти облака, боролись между собою... Пока еще ни миръ, ни покой кругомъ не нарушены, но уже весь воздухъ находится въ движеніи и каждымъ клочкомъ земли овладѣло предчувствіе чего-то новаго, что должно наступить...

У входа въ монастырь имъ пришлось обождать. Только когда утренняя заря зажгла первыя облака, на мѣсто прибылъ полицейскій комиссаръ съ жандармомъ. Немного позади шелъ Алассеръ съ раввиномъ изъ Ломница. Комиссаръ позвонилъ. Сестра привратница впустила ихъ и, указавъ на узенькую дверцу слѣва, сама заковыляла на своихъ костыляхъ въ другую сторону и исчезла. Растворивъ указанную дверь, мужчины очутились въ длинномъ корридорѣ, на противоположномъ концѣ котораго горѣла свѣча, вставленная въ фонарь; но ея огонь едва, едва разгонялъ царившую кругомъ тьму. Дальше находилось обширное, похожее на просторныя сѣни, помѣщеніе; тамъ, на низенькой скамеечкѣ, сидѣла заспанная послушница; она молча указала имъ на стеклянную дверь слѣва. Мужчины вошли въ слѣдующую комнату, нѣчто въ родѣ зала, съ перекрещивающимися сводами вмѣсто потолка. На длинной скамьѣ стояли два серебряныхъ канделябра, въ три свѣчи каждый, а надъ ними висѣло бронзовое распятіе. На задней стѣнѣ зіяло темное отверстіе, загороженное рѣшеткой изъ бѣлыхъ палочекъ. Алассеръ съ раввиномъ молча встали поодаль, они смотрѣли въ пространство прямо передъ собою; добродушное лицо раввина и измученное лицо Алассера выражали въ эту минуту одно и то же: страхъ, озлобленіе, упрямство и усталость.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, которымъ, казалось, не будетъ и конца, и впродолженіи которыхъ Арнольдъ явственно слышалъ даже тиканье собственныхъ часовъ, въ углу скрипнула другая дверь и на порогѣ появились четыре монашенки. Алассеръ вытянулъ шею—Арнольдъ

вспомнилъ при этомъ видѣнную во снѣ лошадь, собиравшуюся заговорить—и впился глазами въ дверь, но она снова захлопнулась. Дочери его все еще не было. Внезапно мрачное отверстіе за рѣшеткой озарилось пламенемъ свѣчей и тамъ показалась какая-то фигура, двигавшаяся вдоль рѣшетки, а за нею другая. Вдругъ первая повернула назадъ и протянула впередъ руки, точно желая привлечь къ свѣту какой-то тяжелый предметъ. Опять раздался скрипъ дверей и въ то же мгновеніе плачъ и громкое рыданіе, производившіе тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе, что нарушили тишину внезапно, точно упала какая-то стѣна. Вытянутыя руки задвигались еще проворнѣе, потомъ, повидимому, къ нимъ на помощь подоспѣла еще вторая пора рукъ, но плачъ и рыданія ничѣмъ уже нельзя было заглушить, и они, все усиливаясь, попрежнему наполняли все пространство. Свѣчи затушили, за рѣшеткой вновь наступилъ мракъ, вновь раздался скрипъ двери, затѣмъ шарканье ногъ по посыпаннымъ пескомъ доскамъ, и все опять сразу же смолкло.

Алассеръ сдѣлалъ шагъ впередъ. Онъ весь дрожалъ, размахивалъ во всѣ стороны руками... на лбу у него выступали капельки пота, съ губъ срывались какіе-то хриплые звуки; раввину вмѣстѣ съ жандармомъ пришлось поддержать его за плечи. Но когда за рѣшеткой наступили мракъ и тишина, и онъ также сразу затихъ.

Нѣсколько минутъ раздавалось только тихое потрескиваніе пламени свѣчей на скамейкѣ. Благочестивая сестра выказывала выработанное привычкой и развитое упражненіемъ равнодушіе. Казалось, вся ихъ внутренняя жизнь сосредоточилась въ какомъ-то затаенномъ прислушиваніи, о чемъ свидѣтельствовали движенія однѣхъ только вѣкъ. Шпехтъ стоялъ весь блѣдный. Арнольдъ наблюдалъ и за нимъ; въ мутномъ полусвѣтѣ выплывали разныя фигуры, точно фантомы,—едва можно было различить, спятъ онѣ или бодрствуютъ.

Наконецъ вторично отворилась боковая дверь и вошла сама настоятельница. Шпехтъ, полицейскій комиссаръ и жандармъ почтительно поклонились. Настоятельница окинула ихъ сбоку ледянымъ взглядомъ, а потомъ съ удивленіемъ и нѣмымъ вопросомъ посмотрѣла на Арнольда, который не шевельнулся, не поклонился ей и помутившимися глазами смотрѣлъ на распятіе. Наконецъ, она отвернулась, твердыми шагами направилась къ комиссару и сказала:

— Къ сожалѣнію, г-нъ Алассеръ не можетъ видѣть своей дочери—она больна.

Съ быстротою молніи поднялъ Алассеръ обѣ руки, прижалъ ихъ къ сердцу и, повидимому, хотѣлъ что-то сказать, такъ какъ его борода двигалась взадъ и впередъ, хотѣлъ было подойти къ настоятельницѣ, но, съ одной стороны, его боязливо удерживалъ раввинъ, съ другой—не пускалъ жандармъ. Казалось, онъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы хоть словами нарушить обступающую его со всѣхъ сторонъ коварную

тишину... Полицейскій комиссаръ взялъ его сторону и робко замѣтилъ, что мать ребенка тяжело больна и желаетъ его видѣть передъ смертью. Онъ надѣялся этою хитростью тронуть сердце настоятельницы.

Но та торжественно подняла руки къ небу и медленно, какъ бы силой заставляя слушать себя, произнесла:

— Она увидитъ ее на небесахъ.

Послѣ этого она сдѣлала знакъ монашкамъ и въ сопровожденіи ихъ покинула залъ.

Арнольдъ неподвижно уставился въ полъ, всѣ его чувства какъ бы притупились для всякихъ ощущеній, и раздававшійся теперь со всѣхъ сторонъ шумъ шаговъ по каменнымъ плитамъ, казалось, поглощаетъ все его вниманіе. Но, наконецъ, и онъ повернулся, чтобы идти. Двое людей, какъ и раньше, все еще возились съ Алассеромъ, но и онъ постепенно пересталъ сопротивляться, вздохнулъ—этотъ вздохъ надолго запечатлѣлся въ памяти Арнольда,—поправилъ свою сбившуюся на сторону праздничную одежду и затѣмъ, съ лицомъ, искаженнымъ мукой, но выражавшимъ на этотъ разъ твердую рѣшимость, началъ было:

— Какъ Богъ святъ...—но замялся и вышелъ.

Комиссаръ съ Максимомъ Шпехтомъ направились къ селу, но учитель по дорогѣ распрощался со своимъ спутникомъ, оглянулся, гдѣ Арнольдъ, и сталъ поджидать его.

12.

Поровнявшись съ нимъ, Арнольдъ такъ крѣпко стиснулъ его руку, что Шпехту пришлось собрать всѣ силы, чтобъ не обнаружить боли.

— Не такъ бурно,—сказалъ онъ, слабо улыбаясь; но пылающій взглядъ Арнольда мгновенно заставилъ исчезнуть и эту улыбку. Вокругъ рта молодого человѣка что-то подергивалось, онъ глубоко вздохнулъ и потомъ медленно перевелъ глаза съ нерѣшительнаго, но серьезнаго лица Максима Шпехта на окружающую ихъ картину; затѣмъ, какъ-то весь вспыхнувъ вдругъ, отрывисто покачалъ головой, и не кланяясь, быстрыми шагами направился поперекъ поля. Вѣтеръ съ воемъ дулъ ему прямо въ лицо, солнце то проглядывало, то опять исчезало; начинался дождь, и вихрь крутилъ и подгонялъ падающія капли, а затѣмъ, вновь, холодное и блѣдное, проступало сквозь облако солнце. Далеко кругомъ раскинулись молчаливые луга и поля. Арнольдъ былъ недоволенъ собою, и это ощущеніе сбивало его съ толку.

«Для чего эти колебанія?» думалъ онъ, и мало-по-малу ему становилось стыдно за свои сомнѣнія, и лобъ его медленно прояснялся. Потому что такое очевидное и явное нарушеніе неотъемлемыхъ правъ Алассера казалось ему столь же немыслимымъ, какъ если бы солнце исчезло навѣки, потому что на него набѣжало облачко.

Былъ уже полдень, когда онъ вернулся домой. На дворѣ Урсула разговаривала съ докторомъ изъ Падолина; отъ нихъ Арнольдъ узналъ, что старика садовника хватилъ параличъ. Его мать, которую онъ засталъ сидящею въ креслѣ, уже знала объ этомъ; но ея мрачность и молчаливость обусловливались не этимъ, а исключительно перемѣной, происшедшею за послѣднее время въ Арнольдѣ, и тѣмъ, что онъ такъ всецѣло ушелъ въ самого себя.

Всѣ мѣстныя партіи очень скоро приняли то или другое участіе въ происшествіи въ Падолинѣ. Но шумъ производился вовсе не для возбужденія общественнаго вниманія, а лишь ради него самого. Каждый дергалъ веревку того колокола, который разглашалъ со множествомъ различныхъ оттѣнковъ его же собственныя желанія и политическія вожделѣнія. Общественное броженіе обратною волной вновь вернулось въ тотъ же Падолинъ, но уже какъ нѣчто чуждое и пришлое издалека.

Арнольдъ чутко прислушивался ко всему и жилъ все время, какъ бы насторожившись, но по временамъ ему все же казалось, что событія какъ-то ускользаютъ отъ него. Онъ никому не рѣшался задавать вопросовъ, потому что ему казалось, что даже самое невинное слово въ устахъ какъ доброжелателей, такъ и враждебно настроенныхъ людей какъ-то моментами теряетъ свой первоначальный смыслъ. Въ это время Шпехтъ прислалъ ему второй № газеты, въ которой сотрудничалъ, и Арнольдъ прочелъ тамъ слѣдующее: «Новѣйшія извѣстія изъ Падолина. Самуэль Алассеръ, благодаря помощи и поддержкѣ своихъ сородичей, движимыхъ въ данномъ случаѣ негодованіемъ и общими опасеніями, пригласилъ для веденія своего дѣла адвоката, доктора правъ Штейнбахера изъ Кракова. На основаніи статьи 145 свода гражданскихъ законовъ, ими была подана жалоба въ полицейское окружное правленіе. Вышеупомянутый параграфъ весьма ясно гласитъ, что родители имѣютъ право розыскивать исчезнувшихъ дѣтей, скрывшихся требовать обратно, бѣглыхъ, съ помощью властей, водворять въ свой домъ, и однако, начальникъ полиціи отклонилъ отъ себя всякое посредничество въ данномъ дѣлѣ и съ удивленіемъ воскликнулъ: «Что бы я да сталъ требовать изъ монастыря дѣвушку?!» Страшно безпокоясь за здоровье своей дочери, такъ какъ сама настоятельница внушила ему опасенія за него, Самуэль Алассеръ потребовалъ докторскаго освидѣтельствованія. Послѣ долгихъ и напрасныхъ хлопотъ и безконечныхъ переговоровъ, въ монастырь были, наконецъ, отправлены судейскій врачъ и профессоръ университета докторъ Вёрингъ. Оба врача пришли къ убѣжденію и единогласно удостовѣрили, что Ютта Алассеръ вполнѣ здорова. Послѣдовали новыя еще болѣе настоятельныя требованія отца. Наконецъ, полицейскому комиссару было поручено формально, въ силу закона, потребовать отъ монастыря, по крайней мѣрѣ, свиданія родителей съ дѣвушкой. Настоятельница отвѣтила: «Черезъ семь дней отецъ увидитъ ее». Пришлось удовольствоваться этимъ, и

занести отвѣтъ въ протоколъ. Въ назначенный день Самуэль Алассеръ вновь является въ полицейское управленіе, гдѣ ему передаютъ письменное заявленіе сестры-казначеи, что Ютта два дня тому назадъ бѣжала изъ монастыря. Вотъ изложеніе голыхъ фактовъ. Остается только удивляться тому, что сестра-казначея употребила выраженіе—бѣжала. Бѣжала? Куда? Куда ей бѣжать, если не къ родителямъ. Почему сестра казначея не употребила болѣе правдивое и точное выраженіе—увезена? Вѣдь дѣвушку за это время уже видѣли въ монастырѣ Лаливники подъ Подгорцемъ».

Арнольдъ молча подалъ газету матери и прикусилъ губу, пока она ее читала. Окончивъ чтеніе, госпожа Анзорге покачала головой и лишь произнесла:

— Поднимающій руку—неправъ.

Арнольдъ выслушалъ ее молча. Ему казалось, что всякія возраженія излишни: ни она его, ни онъ ее не только не поймутъ, они не въ состояніи даже ясно видѣть другъ друга. Что до нея, то она совсѣмъ не знала, что ей съ нимъ дѣлать. Все его поведеніе доказывало такое сознаніе своего превосходства, такую самостоятельность воли и богатство внутренней жизни, что она окончательно перестала разбираться въ его душѣ. Пока онъ еще только ощупью пытался постичь то, что лежало внѣ его круга, но все, что можетъ заставить мужчину жить полною жизнью, уже тайно бродило въ его груди. Опасенія и предчувствія матери все возрастали, находя себѣ подтвержденіе во всемъ, а главное въ ея же собственныхъ размышленіяхъ и предположеніяхъ. Не рѣшаясь придавать рѣшающаго значенія своимъ тайнымъ наблюденіямъ, которыя сама же считала униженіемъ для себя и почти что воровствомъ по отношенію къ сыну, она не переставала доискиваться причинъ и источниковъ этой перемѣны въ немъ. Она изучала его не столько на основаніи его поступковъ, сколько на основаніи того, о чемъ онъ умалчивалъ и что раздѣляло ихъ стѣной. Она думала: настаетъ время, когда надо будетъ волей-неволей предоставить ему свободу дѣйствій, какъ мужчинѣ, но подобное рѣшеніе удовлетворяло ее не болѣе, чѣмъ на часъ. Когда она перебирала въ умѣ то, на чемъ раньше возстроила свои планы, на чемъ съ такою спокойною увѣренностью воздвигала зданіе всего будущаго, ей теперь стало сдаваться, что основанія, принятыя ею тогда за незыблемыя, недостаточно тверды и непоколебимы. Еще немного, и ея душевное равновѣсіе было бы нарушено. Чувство участія и дѣятельнаго состраданія лишь не надолго овладѣвали ею, чтобы исчезнуть безъ слѣда при первомъ же дуновеніи воспоминанія о неизгладимомъ днѣ, раздѣлившемъ всю ея жизнь на два различныхъ и по цѣлямъ и по содержанію періода. Такимъ образомъ она требовала отчета у самой себя, сравнивала свое настоящее я съ прежнимъ, сомнѣвалась въ возможности перемѣны, мысленно вступала въ споръ съ самимъ временемъ и старалась въ воображеніи

стать на мѣсто Арнольда, перенестись въ искусственно созданную жизненную обстановку, и все это она переживала молча, тая въ себѣ. Все поминутно убѣждало ее въ томъ, что въ душѣ сына что-то зрѣетъ и когда оно, это неизвѣстное, достигнетъ зрѣлости, то неизбѣжно захватитъ и унесетъ его съ собою. Она страдала и отъ его измѣнившейся походки, и отъ сдержаннаго выраженія лица, и отъ обращеннаго внутрь себя взгляда... Тутъ только она начала замѣчать его умъ, умѣнье схватывать на лету чужія мысли, способность увлекаться; раньше же эти качества, несмотря на ея неустанныя наблюденія, не внушали ей ровно никакихъ опасеній. Правда, она скоро поняла, что сынъ находится въ какомъ-то странномъ періодѣ выжиданія, но, помимо нѣсколькихъ, блеснувшихъ, какъ молнія, вспышекъ просвѣтленія, она продолжала ровно ничего не понимать въ его душевномъ состояніи. Ея наблюдательность обострилась, почти удесятерилась. Мало-по-малу она убѣдилась, что ни разочарованія ни вражды къ жизни въ немъ нѣтъ, скорѣе наоборотъ: каждая вещь пріобрѣла для него новую окраску, новое значеніе, новый размѣръ. Она начала вступать съ нимъ въ разговоры о людяхъ и общественныхъ отношеніяхъ, причемъ касалась даже того, что давнымъ давно умерло въ ней самой. Часто изъ своихъ воспоминаній о пережитомъ, уже успѣвшихъ такъ сказать, отстояться, она выводила мудрыя заключенія; между тѣмъ, еще за минуту до того она сама не подозрѣвала, что можно ихъ вывести. Въ концѣ концовъ ей все-таки выяснилось, что за молчаніемъ Арнольда кроется какая-то тайна; это ее опечалило и разсердило, и она рѣшилась заговорить съ нимъ объ этомъ.

— У меня нѣтъ тайны, мать,—возразилъ Арнольдъ, качая головой и задумчиво слѣдя глазами за снѣжною мятелью за окномъ.—Дай срокъ, потерпи... сейчасъ мнѣ нечего сообщить тебѣ.

Наконецъ, онъ какъ бы принялъ рѣшеніе. Онъ вышелъ изъ дому, отправился въ Падолинъ, свернулъ въ знакомый переулокъ и вошелъ въ домъ Алассеровъ. Тамъ, повидимому, ничто не измѣнилось; новорожденный лежалъ все на той же скамьѣ около печки, пеленки висѣли на тѣхъ же веревкахъ. Ни самого Алассера, ни другихъ дѣтей не было видно. Женщина лежала на старомъ диванѣ и спокойно смотрѣла на закопченный потолокъ. При входѣ Арнольда, она поднялась, и лицо ея приняло отвратительно-злобное выраженіе.

— Гдѣ господинъ Алассеръ?—кротко спросилъ Арнольдъ.

— А гдѣ же ему надо быть!—отвѣчала женщина угрюмо и устало прислонила голову въ уголъ дивана.

— Какія у васъ извѣстія объ Юттѣ?— снова спросилъ Арнольдъ, въ которомъ поднималось чувство отвращенія и къ самой еврейкѣ, и ко всей этой безпорядочной обстановкѣ.

Женщина молчала.

— Я слышалъ, что она въ Подгорцѣ,— спокойно продолжалъ Арнольдъ.

— А почему бы ей и не быть тамъ?—насмѣшливо возразила женщина, пожимая плечами. Вдругъ она вскочила на ноги, точно кровь переполнила ея артеріи и онѣ вотъ-вотъ лопнутъ, поспѣшно бросилась черезъ комнату къ Арнольду и закричала:

— Что вы смѣетесь что ли надо мной, милостивый государь?—При этомъ она посмотрѣла на него такъ, будто онъ повиненъ въ самомъ ужасномъ лицемѣріи.

— Знаете что, добрый господинъ, я хочу вамъ сказать?—продолжала она.—Вы честный человѣкъ—что же вы идете ко мнѣ узнавать то, о чемъ даже воробьи чирикаютъ на крышахъ? Да! Ютта въ Подгорцѣ, туда ее увезли ночью въ каретѣ двѣ монашенки. Алассеръ пошелъ въ Подгорцу и тамошніе жандармы узнали, что Ютта была въ монастырѣ. Но, сказали они, ими не получено приказанія вмѣшиваться въ это дѣло. Тогда Алассеръ отправился къ начальнику подгорцкаго округа, а начальникъ округа отправилъ его къ господину графу-губернатору, а когда онъ вернулся, наша Ютта уже исчезла изъ Подгорца. И Алассеръ отправился въ монастырь въ Бинцице, а потомъ въ монастырь въ Моравицахъ и еще въ монастырь въ Волоюстовскѣ и потомъ въ Виловицъ, и во всѣхъ-то нихъ перебывала наша Ютта и отовсюду ее опять увозили, и вездѣ начальство отказывалось помочь намъ, и только что узнавали о новомъ мѣстопребываніи нашей дочери, какъ ее сейчасъ же перевозили въ другое мѣсто. И только въ Кенти господинъ бургомистръ оказалъ должную помощь, и вотъ его третьяго дня арестовали за нарушеніе порядка. Такъ-то, господинъ! Желаете еще что-нибудь знать?

И женщина смотрѣла на него сверкающими глазами и хохотала, не раскрывая рта. Что скажешь на это, обвиняемый? казалось, вопрошалъ ея взоръ. Арнольдъ опустилъ голову и медленно покинулъ домъ.

13.

Всю долину занесло снѣгомъ, такъ что добраться до Падолина и то было затруднительно. Но такъ какъ Максимъ Шпехтъ прислалъ мальчика звать къ себѣ Арнольда, то тотъ и отправился къ нему, хотя уже было довольно поздно. Когда онъ добрался до квартиры учителя, совсѣмъ стемнѣло. Шпехтъ сидѣлъ у стола и читалъ, а передъ нимъ въ котелкѣ кипѣла вода для чая. Въ комнаткѣ было уютно; учитель облекся въ халатъ дѣдовскаго покроя и курилъ длинную трубку. Облака табачнаго дыма медленно расползались по комнатѣ и лишь надъ лампой, быстро крутясь, поднимались къ потолку.

Шпехтъ сообщилъ, что его корреспонденціи такъ понравились редакціи столичной газеты, что ему предложили въ ней постоянныя занятія. И конечно, онъ не преминетъ принять это предложеніе и еще до Рождества переберется въ Вѣну, хотя новое мѣсто получаетъ лишь

съ января. Но тамъ придется многое устроить, побѣгать, да и отъ нетерпѣнія ему дольше не усидѣть въ Падолинѣ.

— Я вѣдь безумно счастливъ, дорогой другъ! Наконецъ-то! Если бы вы знали только, сколько во мнѣ бродитъ всего. Чего только я ни собираюсь сдѣлать! Тамъ рукъ не хватаетъ, тогда какъ здѣсь и со своими двумя не знаешь куда дѣваться. Наконецъ-то, я смогу вздохнуть свободно!

Арнольдъ кивнулъ головой. Никогда еще учитель не былъ ему такъ симпатиченъ, какъ сегодня, и никогда еще онъ такъ хорошо не понималъ душевнаго состоянія другого человѣка. Свободно дышать! И онъ взглянулъ на лицо хозяина, потомъ на его необыкновенно опрятную комнатку, книги по стѣнамъ и на столѣ. Максимъ Шпехтъ уже привыкъ къ молчаливости своего собесѣдника и былъ радъ случаю дать полную волю своей радости. Даже его очевидное самодовольство не было лишено нѣкоторой доли привлекательности. Онъ налилъ чаю; Арнольдъ развалился въ креслѣ и смотрѣлъ въ пространство. Въ немъ также заявляло свои требованія стремленіе къ высшей жизни. То, что раньше по привычкѣ казалось ему близкимъ, теперь далеко отодвигалось и передъ нимъ раскрывались новые горизонты, освѣщенные пока невидимымъ для него пламенемъ.

— Вы должны ради меня хоть немного послѣдить за Беатой,—говорилъ Шпехтъ, предаваясь радостнымъ думамъ и не особенно взвѣшивая свои слова.—Хотя между нами все кончено, но то, что было когда-то дорого, слѣдуетъ охранять. Можетъ быть, вы изрѣдка будете посѣщать Ханка? Къ вамъ я питаю почти, такъ сказать, метафизическое довѣріе. Да, да! — вздохнулъ онъ съ наслажденіемъ, дѣлая глотокъ чая, и не безъ сентиментальности всматриваясь въ облака табачнаго дыма. — Такъ-то проходитъ любовь, и на ея мѣсто выступаетъ сама жизнь.

Арнольдъ потянулся за одною изъ книгъ на полкѣ. Это было томъ исторіи Гиббона, паденіе римской имперіи.

— Теперь она вступила въ связь съ крестьяниномъ рабочимъ изъ имѣнія Рандомірова,—продолжалъ Шпехтъ, какъ бы про себя, точно не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ этой темы разговора.—Довольно печально! Мнѣ жаль бѣднаго Ханка. Онъ изъ жалости пріютилъ ее у себя и теперь воображаетъ, что обладаетъ цвѣткомъ невинности.

Арнольдъ попросилъ Шпехта одолжить ему на нѣсколько дней его историческія книги и обѣщалъ вернуть ихъ, когда тотъ начнетъ укладываться. Внезапный интересъ къ подобнаго рода сочиненіямъ былъ вѣрнѣе всего самообманомъ, попыткой отвлечься отъ своего внутренняго міра. Единственное мѣсто въ перелистываемой книгѣ привлекло его вниманіе, то, гдѣ рѣчь шла о законодательствѣ Ѳеодосія. Раньше онъ никогда не чувствовалъ потребности въ подобномъ чтеніи: простота его воспитанія не вызывала въ немъ этого желанія, но и не

подавляла его искусственно. Прошедшее земли и ея обитателей никогда не служило матеріаломъ для заполненія прорѣхи въ его памяти, но никогда также оно не становилось для него чѣмъ то живымъ. Теперь же, дома, углубляясь въ изученіе исторіи паденія цѣлой націи, его нетронутый умъ съ крайнимъ изумленіемъ тотчасъ же подмѣтилъ, что судьбы человѣчества всегда стоятъ выше воли отдѣльныхъ лицъ. Благодаря этому въ первую минуту вся исторія показалась ему ни на чемъ неосновательною сказкой и имъ овладѣвала то злоба, то равнодушіе. Но преисполненный благороднаго стремленія познать истину, онъ все-таки читалъ страницу за страницей и старался прочувствовать каждое событіе. Нерѣдко, когда, въ концѣ концовъ, что-либо разрѣшалось совершенно иначе, чѣмъ онъ представлялъ себѣ раньше, онъ разражался насмѣшливымъ хохотомъ. Люди, дѣйствовавшіе въ прошломъ, казались ему жуками, безсмысленно ползающими по неровной изборожденной землѣ, вмѣсто того чтобы бѣжать по гладкой, освѣщенной солнцемъ дорогѣ; когда они страдали, они казались ему комарами, безразсудно и тупо залетающими въ крохотныя тенета, тогда какъ вокругъ весь воздухъ свободенъ. Удивительно было то увлеченіе, съ какимъ онъ относился ко всему этому; странно и то, что онъ переносилъ дѣянія давно исчезнувшихъ и превратившихся въ тлѣнъ поколѣній на современную почву и распоряжался ихъ судьбами. Голова его горѣла, онъ терялъ послѣдовательную связь и, благодаря путаницѣ понятій и своему упрямству, думалъ, что онъ на мѣстѣ каждаго изъ этихъ героевъ или не героевъ съумѣлъ бы прекрасно распорядиться грядущимъ. Его фантазія превращала наиболѣе отдаленныя событія въ нѣчто непосредственно близкое ему, онъ то съ ненавистью отталкивалъ отъ себя новые образы, то вновь, страстно ища правды, возвращался къ нимъ.

Но также какъ въ атмосферѣ, переполненной испареніями, вокругъ каждаго пламени образуется разноцвѣтный кругъ, такъ и его исканія не были тѣмъ настоящимъ, что наполняло его душу, но лишь отраженіемъ его. Онъ читалъ, впадалъ въ противорѣчія, вдумывался, ободрялся, боролся, приводилъ въ систему, обозрѣвалъ и все это въ сущности вовсе не было результатомъ его ученія.

Послѣ короткой болѣзни старикъ садовникъ скончался. Арнольдъ проводилъ гробъ на кладбище въ Падолинъ, разсѣянно и равнодушно присутствовалъ при погребеніи, а потомъ одинъ, прямо по снѣгу, отправился въ село. Его дорога шла мимо маленькаго, отдаленнаго шинка, невдалекѣ отъ такъ называемой польской мельницы. Прозябнувъ на кладбищѣ, онъ зашелъ туда и потребовалъ стаканъ вина. Случайно его взглядъ упалъ въ освѣщенную сальною свѣчей боковую комнату; тамъ сидѣла Беата и нѣжно прижималась къ гунноподобному работнику, съ которымъ плясала на ярмаркѣ. Арнольдъ не обратилъ на это особаго вниманія. Онъ взялъ со стола газету «Моравскій Сельскій Вѣстникъ» и сталъ равнодушно пробѣгать ее, пока взглядъ

не упалъ на телеграфное сообщеніе о томъ, что еврей Алассеръ принятъ въ аудіенціи министромъ юстиціи. Больше не было ни слова, но и это уже до такой степени удовлетворило Арнольда, что онъ, весело насвистывая, продолжалъ свой путь. Близь почты, на главной площади, онъ увидалъ Шпехта. Учитель поджидалъ барышню, служащую на почтѣ, обѣдавшую тутъ же рядомъ въ трактирѣ.

— Какъ поживаете?—спросилъ онъ Арнольда съ такимъ преувеличенно любезнымъ выраженіемъ лица, что тотъ удивленно и недовѣрчиво покосился на него. Слово «поживаете» учитель словно раздавилъ языкомъ.

— Алассеръ былъ у министра юстиціи—вы это знаете?—сказалъ Арнольдъ. Онъ стоялъ, нѣсколько нагнувшись впередъ, и глаза его хитро и проницательно смотрѣли на учителя. Въ такой позѣ онъ показался Максиму Шпехту страшно смѣшнымъ и тотъ сказалъ:

— Давнымъ давно былъ.

— Что же, освободили Ютту?—спросилъ Арнольдъ.

— Освободили? Вы въ самомъ дѣлѣ серьезно спрашиваете, освободили ли?—Шпехту показалось это забавнымъ до послѣдней крайности, и онъ расхохотался. Но замѣтивъ, что лицо Арнольда вновь принимаетъ то гнѣвное выраженіе, котораго онъ побаивался, онъ поспѣшно прибавилъ:—министръ велъ себя очень хорошо, очень. Онъ похлопалъ несчастнаго отца по плечу—министры всегда это дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ—и отпустилъ со словами: «Спокойно поѣзжайте домой, вашъ ребенокъ будетъ вамъ возвращенъ».

Арнольдъ кивнулъ головой, точно онъ и не ждалъ ничего иного. Насмѣшку въ разсказѣ учителя онъ не понялъ.

— Вы кажется совершенно довольны,—продолжалъ Шпехтъ, какъ будто сообщаемыя имъ событія были изъ числа самыхъ отрадныхъ явленій жизни.—Но слушайте дальше: министръ поручаетъ прокурору мѣстнаго суда начать дѣло о похищеніи ребенка. Далѣе онъ требуетъ, чтобы судъ сдѣлалъ законное распоряженіе о выдачѣ похищенной и чтобы оное было своевременно вручено монастырю. И что же, вы думаете, получается въ результатѣ? Высшая инстанція ландсгерихта весьма просто и наотрѣзъ отклоняетъ отъ себя исполненіе требованій господина министра.

— Но вѣдь вамъ это неизвѣстно,—съ досадой перебилъ его Арнольдъ. Онъ не понялъ того, что Шпехтъ ради живости изложенія замѣнилъ прошедшее время настоящимъ.

Лицо учителя приняло торжествующее выраженіе.

— Что за несчастье, Арнольдъ, что вы еще до такой степени молоды!—воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками.—Во всякомъ случаѣ предвидѣть всего этого я не могъ, потому что самый отчаянный пессимистъ и тотъ не придумалъ бы ничего подобнаго. Но это случилось, поймите, уже случилось.

Арнольдъ молчалъ. Онъ до странности пытливо смотрѣлъ на учителя, точно и въ данную минуту все еще сомнѣвался въ его словахъ. Потомъ онъ задумчиво опустилъ глаза въ землю и покачалъ головой.

— И это еще не все, другъ мой,—продолжалъ Шпехтъ, понижая голосъ и отводя Арнольда немного въ сторону, подальше отъ сосѣднихъ домовъ.—Адвокатъ Алассера потребовалъ у суда ознакомленія съ приговоромъ, которымъ постановлено это рѣшеніе. По закону онъ имѣетъ право на это, ибо такимъ путемъ можно узнать основаніе извѣстнаго рѣшенія суда. Вѣдь въ концѣ концовъ не мѣшало бы каждому изъ насъ знать, почему судъ отказывается исполнить требованія министра юстиціи. Но адвокату отказали даже въ этомъ.—Шпехтъ, волнуясь, пошарилъ въ карманахъ, вытащилъ оттуда какую-то бумажку, развернулъ ее и сказалъ:—съ этой бумаги я досталъ копію. Слушайте!

Арнольдъ вплотную подвинулся къ Шпехту, такъ что при свѣтѣ ручного фонаря могъ вмѣстѣ съ нимъ читать, то, что тотъ бормоталъ про себя: «Господину адвокату, доктору Штейнбахеру. Не предрѣшая вопроса о томъ, слѣдуетъ ли признать въ данномъ дѣлѣ Самуэля Алассера частнымъ лицомъ...»

— Что это значитъ?—перебилъ его Арнольдъ.

— Это? Переливаніе изъ пустаго въ порожнее, которому никто на свѣтомъ свѣтѣ не подберетъ ни малѣйшаго оправданія. Видите ли, не рѣшено еще, пишутъ они, есть ли дѣло Алассеру до того, что у него украли дочь. И такъ далѣе: слѣдуетъ ли признать... «судъ постановилъ отказать вамъ въ ознакомленіи съ приговоромъ по дѣлу Ютты Алассеръ, ибо этому препятствуютъ весьма важныя причины.» Шпехтъ вновь повернулъ свою бумажонку.

— Важныя причины? — спросилъ Арнольдъ; которому все еще не вѣрилось, а отгадать причину лжи онъ не былъ способенъ. Внѣ себя, не спуская глазъ, смотрѣлъ онъ на учителя и наконецъ понемногу началъ постигать, что важныя причины только и заключаются въ этихъ двухъ словахъ.

— Ну, начинаете теперь постигать наши порядки,—сказалъ Шпехтъ съ искреннею горечью, потому что не только договорился на словахъ до нея, но успѣлъ внушить себѣ и самое чувство.—Сегодня у меня былъ господинъ фонъ-Гröденъ, судейскій чиновникъ изъ Ломница. Ему поручено отъ правительства навести справки о состояніи общественнаго мнѣнія среди нашихъ землевладѣльцевъ по поводу всей этой исторіи. Я кое на что открылъ ему глаза и само собою разумѣется больше всего толковалъ о васъ.

Но Арнольдъ уже не слушалъ его. Онъ, казалось, раздумывалъ, по какой дорогѣ ему идти, чтобы не повстрѣчаться съ ужасными привидѣніями, выплывавшими изъ ночного мрака.

14.

Алассеръ.

Вернувшись на хуторъ, Арнольдъ, вмѣсто того, чтобы прямо пройти въ домъ, свернулъ въ паркъ и нѣкоторое время прогуливался между занесенными снѣгомъ деревьями. Съ долины дулъ рѣзкій вѣтеръ и крутилъ снѣжную пыль. Но его это нисколько не смущало. Онъ прогуливался не по одному и тому же направленію, слѣды его не образовывали тропинки,—наоборотъ, они все время скрещивались и путались. «Почему всѣ противъ одного?» бормоталъ онъ. «Вѣдь вотъ никто не идетъ противъ меня? Говорятъ, изъ-за вѣры. Но тутъ вѣра нарушаетъ право. Въ чемъ же ихъ вѣра? Въ чемъ ихъ право? И что мнѣ за дѣло до всего этого? Что со мною дѣлается? Развѣ я судья имъ? Почему же я не отношусь ко всему спокойно и не выжидаю, что будетъ? Скошенная трава превращается въ сѣно; изъ полнаго вымени льется молоко; когда въ судѣ все выяснено—правосудіе неизбѣжно совершается; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Какъ въ природѣ, такъ и у людей». Внутри его шла борьба, а онъ едва сознавалъ это и чувствовалъ лишь глухое отраженіе ея, какъ древесные корни въ землѣ, когда стволъ потрясаютъ бури. Онъ не такъ близко принималъ къ сердцу самый фактъ, вокругъ котораго группировались его думы, какъ все, что таинственно скрывалось за нимъ. Въ его душу запало недовѣріе къ окружающему его непробудному покою, хотя онъ все еще сомнѣвался и все еще никакъ не могъ повѣрить приближенію бури, уже отравившей природу. Для себя лично онъ не могъ представить иной жизни, кромѣ той, какую велъ раньше. Когда все выяснено—правосудіе неизбѣжно совершится—въ этомъ состояла конечная точка его размышленій, и онъ отправился домой.

Въ сѣняхъ онъ увидалъ шедшую впереди Урсулу; она не замѣтила его; догнавъ ее, онъ разсмѣялся, такъ какъ у нея сзади, изъ-подъ платья, тянулась длинная тесемка. Черная ли, бѣлая ли тесемка, но какая-нибудь да всегда волочилась за нею.

— Мать не совсѣмъ здорова,—сказала она,—съ часъ тому назадъ она слегла въ постель.

Арнольдъ настойчиво не спускалъ глазъ съ тесемки; тогда старушка рѣшительнымъ движеніемъ ноги подбросила ее кверху, такъ что она, словно ящерица въ расщелинѣ скалы, исчезла подъ юбкой. Урсула также была на кладбищѣ, и лицо у нея было печальное.

— Вотъ и зарыли нашего старичка, теперь ему покойно тамъ, подъ землей,—сказала она.

«Почему покойно?» подумалъ Арнольдъ и постарался возобновить въ своей памяти картину похоронъ: равнодушныхъ провожатыхъ, но-

ваго священника, бросившаго нѣсколько словъ на вѣтеръ, угрюмаго и продрогшаго могильщика... Затѣмъ, такъ какъ онъ былъ голоденъ, то просунулъ голову въ кухонную дверь, потянулъ носомъ воздухъ и щелкнулъ языкомъ.

Госпожа Анзорге лежала на своей низкой широкой, постели, временно помѣщенной между окнами и печью. Когда сынъ вошелъ въ комнату, она повернула въ его сторону голову и, не выжидая вопроса, заявила, что по всѣмъ вѣроятіямъ простудилась, но что безпокоиться нечего. Потомъ она заговорила о старикѣ садовникѣ, но какъ-то странно, съ примѣсью досады, будто онъ все еще возится въ саду и никакъ не можетъ угодить ей. И пилъ-то онъ, по ея мнѣнію, черезчуръ много, и курилъ не переставая, да и пялилъ глаза на молодыхъ дѣвокъ... Въ этотъ день, въ первый разъ за всю шестнадцатилѣтнюю вѣрную службу садовника, госпожа Анзорге стала перечислять его недостатки.

Рѣшительный стукъ въ дверь прервалъ ея рѣчь; вошелъ Максимъ Шпехтъ, весь красный отъ мороза и возбужденія; на плечахъ и на шапкѣ у него лежалъ снѣгъ. Онъ извинился, что является вечеромъ, но это его прощальный визитъ: только что, совершенно неожиданно для себя, онъ получилъ очень важное извѣстіе, и теперь ему приходится сломя голову летѣть въ Вѣну. Арнольдъ подалъ учителю стулъ, самъ сѣлъ напротивъ и пристально, какъ на нѣчто совершенно ему чуждое, сталъ смотрѣть ему въ лицо.

— Что съ вами?—спросилъ Шпехтъ хозяйку дома съ подкупающею заботливостью въ голосѣ. Госпожа Анзорге закрыла глаза руками, губы ея беззвучно шевелились. Шпехтъ вопросительно взглянулъ на Арнольда, но тотъ не понялъ и улыбнулся.

— Само собою разумѣется, что теперь вы начнете передѣлывать весь свѣтъ на свой ладъ?—спросила его госпожа Анзорге, вперивъ ясные, лихорадочные блестящіе глаза въ лицо молодого человѣка.

— Вы предубѣждены противъ меня, а потому и не довѣряете,—отвѣтилъ Шпехтъ, искренно огорченный. Такъ какъ въ его жизни наступалъ поворотъ къ лучшему, то у него явилось желаніе оставить позади себя друзей.

Все его существо дышало самою чарующею любезностью, когда онъ продолжалъ:

— Я понимаю, что вы имѣете основаніе не довѣрять мнѣ, но тѣмъ не менѣе мнѣ очень жаль, что я произвожу именно такое впечатлѣніе.

Арнольду стало ясно, что надежда высоко подняла учителя надъ прежнимъ его *я*.

— Вы правы, извините меня,—отвѣтила ему хозяйка слабымъ голосомъ.—Смотрите, съумѣйте сохранить то, чѣмъ уже обладаете; не обкрадывайте себя, какъ это дѣлаютъ очень многіе. Перваго друга—еще туда-сюда, берите; относительно второго—подумайте, а съ третьимъ

всему конецъ.—Она со стономъ перевернулась на бокъ, но тотчасъ же закусила губы.

Шпехтъ внимательно и озабоченно посмотрѣлъ на нее, а потомъ шепотомъ сказалъ Арнольду, что, по его мнѣнію, необходимо позвать врача. Тотъ, крайне удивленный, окинулъ мать испытующимъ взглядомъ. Учитель всталъ, наклонился надъ госпожей Анзорге, лежавшей съ закрытыми глазами, и, когда вошла Урсула, вызвался прислать изъ села доктора. Говорилъ онъ сдержаннымъ шепотомъ; потомъ сталъ прощаться.

Арнольдъ вышелъ проводить его. Онъ все еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходитъ, точно его способности пониманія все еще поглощали тѣ же мысли, что и часъ тому назадъ. Въ сѣняхъ горѣла лампа; Максимъ Шпехтъ остановился и задумчиво глядя на блестящій снѣгъ у подъѣзда, сказалъ:

— У меня къ вамъ большая просьба, и онъ неувѣренно вытащилъ изъ кармана пальто коричневый конвертъ.—Не сходите ли вы къ Ханка и не передадите ли вотъ это Беатѣ? только ей самой, и безъ свидѣтелей? Согласны? И еще передайте Агнесѣ Ханка мой сердечный привѣтъ.

Арнольдъ въ отвѣтъ кивнулъ головой и взялъ конвертъ.

— А теперь, милѣйшій, прощайте, — сказалъ Шпехтъ, подавая руку.—Если когда-нибудь судьба закинетъ васъ къ намъ, вы знайте, что у васъ тамъ есть другъ. Всего хорошаго, Арнольдъ. Тяжелѣе всего мнѣ разставаться съ вами.

И быстро отвернувшись, онъ вышелъ. Входя въ комнату, Арнольдъ уронилъ коричневый конвертъ и изъ него выпала карточка Беаты съ надписью: «На память о чудно проведенномъ днѣ седьмого ноября». Фотографія эта была снята въ селѣ, а потому весьма далека отъ совершенства, и все же очень похожа; несмотря на голую шею и полуобнаженныя плечи, миловидное личико дышало невинностью. Изъ-подъ тонкихъ бровей, точно звѣзды изъ-подъ арокъ, свѣтились глаза. Арнольдъ не могъ подавить въ себѣ презрительнаго чувства къ Максиму Шпехту за то, что онъ изъ мести оставилъ конвертъ незапечатаннымъ и за то еще, что онъ придавалъ всей этой исторіи такое громадное значеніе.

15.

Александръ Ханка сильно проигрался въ карты. Когда онъ, наконецъ, въ одно прекрасное воскресенье, рѣшительно приступилъ къ подсчету проигрыша, то даже испугался значительнаго уменьшенія своего состоянія, столь ярко свидѣтельствовавшему противъ него и его времяпрепровожденія. Къ тому же оно обусловливалось постоянными встрѣчами съ цѣлой галлереей уже тысячи разъ видѣнныхъ физіономій, хожденіемъ по тѣмъ же улицамъ и площадямъ, по которымъ тысячи разъ проходилъ, видомъ предметовъ, до которыхъ тысячи разъ касался,

тысячи разъ произнесенныхъ и ничего не значущихъ словъ, тысячи разъ возникавшихъ безсильныхъ мыслей. Каждую ночь, ложась спать, онъ мечталъ о томъ, что приметъ необходимое рѣшеніе, но всегда что-нибудь да манило его въ будущемъ. Наступало утро и онъ катился по тѣмъ же рельсамъ привычки, дѣлая тѣ же остановки, что и наканунѣ.

Въ такихъ случаяхъ мысли его, сами собою, начинали уноситься за предѣлы города и парить въ высотѣ точно мотыльки, высвободившіеся изъ оболочекъ кокона. Тогда безусловное одиночество пустыни начинало ему казаться болѣе сноснымъ, нежели одиночество среди цѣлаго моря домовъ, и онъ вновь переносился воображеніемъ въ моравское имѣньице, и фантазія рисовала ему его своеобразные ландшафты: тянущіеся въ даль холмы, покрытые хвойнымъ лѣсомъ; печальную, гладкую поверхность рѣки, повидимому, слишкомъ утомленной, чтобы катить впередъ свои волны; извивающуюся среди зеленѣющихъ луговъ желтой лентой длинную и узкую дорогу; глубокіе, молчаливые рвы, заросшіе шиповникомъ; скромныя, молчаливыя села, безъ признака тѣни.

Правда, онъ тутъ же вспомнилъ, что и тамъ должно быть давнымъ давно наступила зима, но несмотря на это его воображеніе продолжало рисовать тѣ же привлекательныя, даже красивыя картины и подъ снѣжнымъ покровомъ. И онъ отправился туда, не предупреждая Агнесы, потому что не любилъ подготовленныхъ къ встрѣчѣ физіономій. Но дорогой имъ овладѣло недовольство; ему даже казалось, что какая-то внутренняя сила предостерегаетъ его, или удерживаетъ отъ чего-то. Чужія лица встрѣчныхъ, выражавшія скуку, любопытство и сытость, подни мали въ немъ желчь. Маленькій человѣчекъ, странный, остриженный на подобіе какаду, не переставая говорилъ о состояніи хлѣбной биржи. Никто не слушалъ его, никто не отвѣчалъ и его нескончаемыя рѣчи напоминали надоѣдливое жужжаніе пчелъ. Ханка съ досады попытался развлечься созерцаніемъ голубоватыхъ снѣжныхъ ландшафтовъ, а потомъ принялся вторично перечитывать полученныя письма. Одно изъ нихъ позабавило его: въ сущности въ немъ не было ровно никакого содержанія, но зато оно было написано въ свѣтскомъ, шутливо-обидчивомъ тонѣ и словно тонкой иглой еле намѣчало узоръ многаго. Ханка усмѣхнулся—передъ нимъ, какъ живая, предстала его подруга, маленькая, изящная и безпокойная Натали.

Агнеса поблѣднѣла, когда въ дверяхъ кухни появилась длинная фигура брата. Какъ бы для того, чтобы убѣдиться, точно ли это онъ, она дрожащею рукою поднесла къ его лицу лампу. Ханка разсмѣялся, широко раскрылъ черные, близорукіе глаза и съ комическимъ восторгомъ сталъ смотрѣть на яблочный тортъ, стоявшій тутъ же, недалеко отъ плиты. Тогда, убѣдясь, что брата заставило пріѣхать къ нимъ не какое-нибудь несчастіе, и что онъ именно таковъ, какимъ ей хотѣлось, его видѣть, Агнеса въ свою очередь разсмѣялась. Вошла Беата, ея видъ поразилъ Ханка. Она была блѣдна, движенія стали сдержаннѣе,

хотя временами, какъ и раньше, то въ пожатіи плечъ, то въ хохотѣ прорывалось что-то вульгарное. Но за нѣсколько послѣднихъ недѣль она точно созрѣла, и манеры ея стали утонченнѣе. Теперь ея улыбка, повороты головы, всѣ ея позы и движенія хотя, попрежнему порывистыя и даже страстныя, не были лишены женственности. Она усвоила себѣ что-то особенное, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Ханка; какой-то отпечатокъ, который съ перваго же взгляда выдѣлялъ ее изъ всѣхъ остальныхъ. Первый вечеръ Ханка былъ нѣсколько молчаливъ, но съ первыхъ же словъ было рѣшено, что онъ останется въ деревнѣ нѣсколько недѣль. Ему необходимъ покой, говорилъ онъ. Агнеса, по свойственной ей скромности, затаила въ себѣ радость, но странное поведеніе Беаты возбудило вниманіе Ханка. Она часто вставала изъ-за стола, стараясь скрыть свое лицо, или придать ему выраженіе полнаго равнодушія; но въ то же время она вся дрожала отъ нетерпѣнія и безпокойства. Дѣло въ томъ, что до этого дня, она ежедневно исчезала изъ дому въ эти часы. Агнеса ложилась спать рано, ужинали они недолго. Теперь же ей приходилось ждать—на плитѣ все еще что-то готовили, и пока они успѣютъ отъужинать, будетъ поздно. Ей не хотѣлось совершать какой-либо неосторожности, и потому, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, вся горя отъ желаній, обсуждая одинъ планъ за другимъ и въ воображеніи несясь по снѣгу и по вѣтру къ сараю рандомірскаго помѣстья, она испытывала и затаивала внутри себя неизъяснимую ненависть и бѣшенство. Но по мѣрѣ того, какъ время подвигалось, и ея благоразуміе и уваженіе къ Ханка все болѣе расплывалось; медленно покинула она комнату, точно ей было безразлично оставаться ли въ ней или уйти; но въ передней, когда она лихорадочно накидывала на себя пальто и калоши, лицо ея приняло почти дикое выраженіе. Она бѣгомъ бросилась къ мѣсту свиданія, чтобы тамъ вымолить себѣ отсрочку, спѣшной лаской увѣрить возлюбленнаго въ своей любви, потому что ею руководилъ болѣе страхъ, нежели любовь.

Ея отсутствіе было отчасти даже на руку Ханка; отъ какихъ бы то ни было подозрѣній на ея счетъ онъ былъ далекъ, онъ готовъ былъ видѣть во всемъ нѣчто хорошее для Беаты, и нѣчто пріятное для себя. Въ концѣ концовъ онъ видѣлъ въ ней лишь то, что хотѣлъ изъ нея сдѣлать, а не то, что изъ нея вышло, въ дѣйствительности, вслѣдствіе недостаточныхъ заботъ объ ней. Онъ собирался отнестись къ ней, какъ отецъ, если ужъ не какъ дядя—деревенскій покой сбилъ его нѣсколько съ толку и лишилъ его сужденія, присущей имъ въ обыкновенное время осторожности. У него явилось желаніе переговорить съ Агнесой о Беатѣ, поэтому онъ во весь ростъ растянулся на диванѣ, причемъ его длинныя ноги, начиная съ колѣнъ, болтались на воздухѣ,—и попросилъ сестру сѣсть рядомъ.

Агнеса созналась, что въ сущности ей ровно ничего неизвѣстно

относительно Беаты. Но, какъ старательно, словомъ и тономъ, она ни отклоняла отъ себя роль судьи, сколько доброты ни вкладывала въ свои сужденія о молодой дѣвушкѣ, все же изъ ея разговоровъ выяснилось, что настоящей близости между ними никогда не существовало. Ни на что дурное Агнеса не могла указать въ ней, но и ни на что такое, что завоевало бы ея мягкое, полное снисхожденія къ людямъ, сердце. Когда-то оно съ радостью исполнило желаніе Александра, тогда идея, сулившая такъ много хорошаго въ будущемъ, захватила ее и привела въ полный восторгъ. Но хотя ея жизнь съ Беатой протекала мирно, все же между ними не возникло той горячей дружбы, какая временами связываетъ женщинъ, всѣ надежды и помыслы которыхъ сосредоточены на одномъ и томъ же третьемъ существѣ. Получалось впечатлѣніе, какъ будто дитя, выращенное ею, принадлежитъ по происхожденію къ чуждому и гордому племени, а изъ нея хотятъ сдѣлать чуть ли не рабыню; но въ душѣ оно остается все такимъ же неукротимымъ и тайно лелѣетъ надежду на освобожденіе и могущество. Ея жажду наслажденій ничѣмъ нельзя было удовлетворить,— сообщала Агнеса;—временами она вдругъ притихала, хитрила, но зато въ другое время проявляла крайнюю необузданность, почти грубость; Ко всему этому она часто лжетъ. Но, несмотря на это, съ нею можно ладить, она быстро уступаетъ. Кто знаетъ, можетъ быть все это лишь отголосокъ темнаго дѣтства, можетъ быть, для нея черезчуръ поздно наступила свѣтлая полоса жизни и нельзя забывать мрака, изъ котораго ее вырвали.

Александръ Ханка слушалъ все это и радовался откровенности Агнесы, сближавшей его не только съ нею, но и съ Беатой. Онъ меньше цѣнилъ добродѣтель, нежели то, что называется личностью и иногда въ нарушеніи ходячихъ нравственныхъ правилъ видѣлъ качество, способное повысить жизненный уровень. И по мѣрѣ того, какъ все дольше раздавался мягкій голосъ сестры, всячески старавшейся лишь слегка скользить по всѣмъ шероховатостямъ, сгладить углы, оправдать дурное, ему стало представляться, что у Беаты налицо всѣ признаки самобытной личности. Подобно тому, какъ земледѣльцы относятся къ суровымъ вѣтрамъ, временами проносящимся надъ обрабатываемыми ими плодородными полями, такъ и онъ сталъ относиться къ рѣзкимъ выходкамъ Беаты.

Когда накрыли на столъ, Агнеса хватилась молодой дѣвушки и спросила объ ней служанку, но какъ разъ въ это время та вернулась; вошла она все съ тою же небрежною медлительностью, съ которою вышла, и съ такимъ видомъ, будто ходила въ сосѣднюю комнату за носовымъ платкомъ.

Половину ночи Ханка провелъ безпокойно. Нѣжные порывы были ему чужды, но будущность начинала казаться заманчивою, и онъ все дальше уходилъ въ свои мечты. Рано по утру онъ отправился гулять,

такъ какъ ему хотѣлось побыть одному; не для того, чтобы придти къ какому-нибудь заключенію, а наоборотъ, отдѣлаться отъ неотвязныхъ думъ и отдалить рѣшеніе, которое само собою напрашивалось, когда онъ находился подъ однимъ кровомъ съ Беатой.

Въ это же время Агнеса отправилась на базаръ въ Падолинъ. Беата одна осталась въ комнатѣ и съ помощью мѣднаго трафарета рисовала на полотнѣ узоры для вышиванья. Въ дверь постучали и вошелъ Арнольдъ. Онъ поздоровался съ нею безъ малѣйшаго стѣсненія, сѣлъ и, убѣдившись, что они одни, передалъ конвертъ съ карточкой точь-въ-точь въ такомъ видѣ, какъ ему вручилъ Шпехтъ. Беата молча посмотрѣла на фотографію, потомъ на Арнольда, сдвинула брови, презрительно сморщила лобъ и ротъ, затѣмъ подошла къ печкѣ, стала передъ нею, широко разставивъ ноги, разорвала карточку на куски и бросила ихъ въ огонь. Покончивъ съ этимъ, она нахально спросила:

— Вы за этимъ явились?

Арнольдъ отвѣтилъ утвердительно.

— Стоило того!—насмѣшливо произнесла она.

— Я тоже нахожу, что вовсе не стоило такъ церемониться съ вами,—сухо возразилъ ей Арнольдъ.

Беата поблѣднѣла, сдѣлала шага два впередъ и боязливо стала переводить глаза съ одной двери на другую. Она спасовала передъ спокойною увѣренностью гостя и никакъ не могла понять, чего же онъ еще ждетъ? Наконецъ, прикрывъ глаза рукой, притворилась плачущею. Тогда Арнольдъ спросилъ, скоро ли вернется госпожа Ханка?

— Максимъ Шпехтъ поручилъ мнѣ передать ей поклонъ. У него не хватило времени лично проститься съ нею.—Арнольдъ счелъ нужнымъ буквально выполнить свое порученіе.

Изъ этихъ словъ и невинно-вопросительнаго взгляда, которымъ они сопровождались, Беата поняла, до чего напрасны были ея опасенія; въ ней вновь проснулась обычная самоувѣренность, и, разразясь насмѣшливымъ хохотомъ, она повернулась, чтобы уйти. Уже на порогѣ она сказала:

— До свиданія —и захлопнула дверь.

Арнольдъ остался ждать Агнесы не потому только, что считалъ очень важнымъ самому передать поклонъ Шпехта, но также и потому, что черезъ нѣсколько минутъ уже совершенно забылъ, что находится въ чужомъ домѣ. Какъ только онъ остался одинъ, въ немъ съ новою силой забродили все тѣ же неизмѣнныя мысли. Помимо этого, здѣсь онъ постепенно освобождался отъ гнетущаго настроенія, охватывавшаго его дома. Вышелъ онъ оттуда вмѣстѣ съ докторомъ, который наговорилъ ему цѣлую кучу разныхъ разностей по поводу болѣзни матери. Арнольдъ, котораго ничто такъ не раздражало, какъ безцѣльная болтовня, очень быстро покинулъ его.

Въ то время какъ онъ весь ушелъ въ свои думы, въ сѣняхъ разда-

лись широкіе шаги и на порогѣ появился Александръ Ханка, по своей привычкѣ настежь распахнувъ двери. Увидавъ въ комнатѣ незнакомаго человѣка, онъ широко раскрылъ глаза, потомъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, отвѣсилъ церемонный поклонъ и назвалъ свое имя, но тотчасъ же замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ соблюденіе свѣтскихъ приличій неумѣстно. Арнольдъ же съ удивленіемъ поглядывалъ на него, такъ какъ никогда еще не встрѣчалъ столь длинноногихъ и худыхъ людей. Не менѣе его удивленный Ханка разсмѣялся, но видя, что это нисколько не смущаетъ чужого человѣка, самъ смутился. Арнольдъ почувствовавъ въ вопросительной гримасѣ на лицѣ Ханка настойчивый вопросъ, понялъ наконецъ, что надо сказать свое имя, поднялся съ мѣста, назвалъ себя и объявилъ, что имѣетъ порученіе къ госпожѣ Агнесѣ отъ учителя Шпехта, уѣхавшаго вчера въ Вѣну.

Ханка сейчасъ же припомнилъ имя Арнольда. Какъ ни равнодушно слушалъ онъ тогда разсказъ Шпехта и Беаты, кое-что изъ него все-таки осталось у него въ памяти, точно въ силу рѣшенія его внутренняго я, вовсе не склоннаго вообще интересоваться внѣшними событіями. Ханка понравилось его открытое, загорѣлое и суровое лицо, каштановые, гладкіе волосы, выпуклый, сухой лобъ и спокойно выглядывающіе изъ-подъ него свѣтло-сѣрые глаза; нравилась и его хорошо сложенная фигура безъ малѣйшихъ признаковъ ожирѣнія или болѣзненности.

16.

Ханка ставилъ вопросы, а Арнольдъ послушно давалъ на нихъ самые точные отвѣты. Ханка поразилъ его; благодаря врожденной проницательности, онъ быстро подмѣтилъ въ немъ странную смѣсь добродушія и грусти.

— А чѣмъ же вы занимаетесь?—спросилъ онъ его.

— Ничѣмъ,—говорилъ Ханка.—Я ничего не дѣлаю.

— Ровно ничего?

— Наблюдаю.—У Ханка въ рукахъ еще оставалась трость и теперь, перегнувшись впередъ, онъ постукивалъ ею по полу.

— Да развѣ вы ничему не учились?—вновь съ удивленіемъ спросилъ Арнольдъ.

Ханка громко разсмѣялся.

— Какъ же!—отвѣтилъ онъ.—Я обучался юриспруденціи, но именно поэтому-то и не занимаюсь ею на практикѣ.—Онъ слегка привиралъ, но прощалъ себѣ эту ложь, на томъ основаніи, что во всей ея массѣ была же хотя крупица правды. Слова эти заставили глубоко задуматься Арнольда. Но раньше чѣмъ онъ нашелся, что отвѣтить, въ комнату вошла Агнеса, и онъ, выполнивъ порученіе, собрался уходить. Агнеса была ему рада и очень благодарна за поклонъ учителя.

— Онъ милѣйшій человѣкъ—сказала она;—можетъ быть, теперь вы почаще будете навѣщать насъ, господинъ Анзорге?

Говорила она вообще громко, на прощанье крѣпко пожала гостю руку, глаза ея при этомъ свѣтились кротостью. Всякая охота допрашивать сразу пропала у Арнольда, и онъ чувствовалъ къ ней лишь симпатію. Беата, вошедшая вслѣдъ за Агнесой, состроила гримасу, но, почуствовавъ на себѣ взглядъ Ханка, тотчасъ же стала смотрѣть на гостя благосклоннѣе.

Арнольдъ распрощался. Придя домой, онъ нашелъ на столѣ газету, органъ католической партіи, съ описаніемъ похищенія жидовки. Въ немъ взывалось къ общественнымъ идеаламъ, призывалось имя Божіе, но во всемъ этомъ не было ни капли истины, она оставалась въ сторонѣ и прятала руки въ карманы. Арнольда поперемѣнно бросало то въ холодъ, то въ жаръ; его увѣренность начинала колебаться; вслѣдствіе этого онъ совсѣмъ забылъ о матери, такъ какъ вообще относился къ ея болѣзни не серьезно и никакихъ опасеній на ея счетъ не питалъ, тѣмъ болѣе, что она сама не выказывала своихъ страданій.

Но ночью его разбудили непрерывные, глубокіе стоны; онъ испугался, когда понялъ, кто ихъ испускаетъ, и уже съ этой минуты его спокойствіе было нарушено. Онъ потребовалъ разъясненій у доктора. Тотъ нѣсколько нерѣшительно заявилъ, что у больной почки не въ порядкѣ и что хорошо бы вызвать изъ столицы спеціалиста. Арнольдъ подумалъ, подумалъ и заразъ протелеграфировалъ и написалъ дядѣ Барромео, чтобы тотъ немедленно принялъ нужныя для этого мѣры. Отправивъ депешу, онъ не торопясь прошелъ по площади до того мѣста, гдѣ на нее выходилъ переулокъ, въ которомъ жилъ Алассеръ. Онъ зналъ, что тамъ люди каждую минуту дня и ночи, каждое мгновеніе сознательнаго существованія, борятся за свое право... и все его собственное существо затрепетало отъ стремленія разрѣшить эти вопросы.

На углу площади стоялъ Ураваръ; несмотря на холодъ рукава его рубашки были засучены. Многозначительно усмѣхаясь, онъ уставился на Арнольда и проводилъ его взглядомъ.

Въ домикѣ еврея царствовала полнѣйшая тишина. Дверь въ жилую комнату была притворена. Арнольдъ постучалъ, но отвѣта не послѣдовало. Нажавъ на ручку, онъ пріоткрылъ дверь и заглянулъ въ образовавшуюся щель; у круглаго стола сидѣлъ мальчикъ, подперевъ голову руками и уставившись въ книгу. Тогда Арнольдъ совсѣмъ вошелъ въ комнату; мальчикъ, которому могло быть около тринадцати лѣтъ (онъ былъ слѣдующій за Юттой), испуганно поднялъ голову, узналъ Арнольда, но не рѣшался двинуться съ мѣста. Не отходя отъ двери, чтобы еще больше не перепугать его, Арнольдъ спросилъ, есть ли кто-нибудь, кромѣ него, дома?

— Никого,—отвѣтилъ мальчикъ, причемъ его изрытое оспой лицо и глаза засвѣтились упрямствомъ.

— Отецъ въ городѣ,—медленно продолжалъ онъ отвѣчать на дальнѣйшіе разспросы, нѣсколько смягченнымъ голосомъ,—мать по дѣламъ ушла въ сосѣднее село, а остальныя дѣти у раввина въ Лолнирѣ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Арнольдъ.

— Моисей.

Подойдя къ столу, Арнольдъ мелькомъ заглянулъ въ раскрытую книгу, сѣлъ противъ мальчика на деревянный табуретъ и спросилъ глухимъ голосомъ:

— А Ютта? Развѣ она не вернулась?

— Господинъ еще спрашиваетъ,—насмѣшливо отвѣтилъ мальчикъ, стараясь говорить какъ можно чище по-нѣмецки.—Вернулась! Да скорѣе воскъ превратится въ желѣзо, а я въ пророка!

Арнольдъ былъ пораженъ и молча смотрѣлъ на мальчика. Онъ чувствовалъ себя какъ-то странно, точно самъ былъ виноватъ. Ему стало душно; медленно поднявшись съ мѣста, онъ подошелъ къ крохотному оконцу—черезъ него снаружи доносился шумъ многихъ голосовъ; онъ распахнулъ его и увидалъ на углу площади толпу человѣкъ въ двадцать, тридцать.

Равнодушно закрывъ окно, онъ задумчиво поглядѣлъ на мальчика съ старческимъ выраженіемъ лица, но тотъ смотрѣлъ прямо передъ собою въ пространство. Арнольдъ ничего не могъ ему сказать, къ тому же его почему-то потянуло домой. Онъ подалъ ребенку руку, причемъ у того на губахъ мелькнула покровительственная улыбка, точно онъ владѣлецъ какого-нибудь замка и милостиво отпускаетъ своего друга и гостя. Выйдя изъ дому, Арнольдъ увидалъ, что на углу улицы и площади все еще толпится народъ; повидимому, его теперь скопилось больше, чѣмъ раньше, появились даже женщины и дѣти, и оттуда несся глухой шумъ, точно ропотъ, подавляемый и сдерживаемый чьимъ-то приказаніемъ. Въ самомъ переулкѣ никого не было, но выходъ изъ него былъ буквально запруженъ. И всѣ эти люди, словно развернувшаяся боевая колонна, чего-то выжидали. Чѣмъ ближе подходилъ Арнольдъ, тѣмъ больше лицъ, какъ по предварительному уговору, обращались въ его сторону и, наконецъ, разступившись, образовали узкій проходъ, который ему надлежало пройти Но эти дѣйствія скорѣе походили на дѣйствія непріятеля, нежели на вѣжливость.

Ураваръ находился въ центрѣ одной изъ кучекъ и подобно часовой пружинѣ, хотя и еле замѣтно, но все же руководилъ движеніемъ толпы. Арнольдъ былъ очень далекъ отъ мысли, что это скопище народа относится къ нему.

Когда онъ подошелъ, толпа смолкла и всѣ лица съ выраженіемъ тупости, любопытства, злобы или коварства уставились на него; пораженный до крайности, онъ невольно остановился; передъ нимъ тотчасъ же образовалось нѣчто въ родѣ бухточки, а посреди нея онъ увидалъ новаго священника.

Служитель церкви стоялъ, скрестивъ руки на груди и высоко поднявъ голову, а была она у него могучая, величиною съ бычачью, и съ торчащими во всѣ стороны волосами; изъ-за очковъ возбужденно вспыхивали зеленые глазки. Въ ту же минуту раздался одинокій, тоненькій и рѣзкій голосокъ, бросившій въ лицо Арнольда оскорбленіе:

— Жидовскій прихвостень!—вслѣдъ за этимъ вновь поднялся шумъ и становился все громче и грознѣе.

Священникъ, якобы съ огорченіемъ, опустилъ голову.

Арнольдъ оглянулся—въ немъ клокоталъ гнѣвъ, дѣлавшій его какъ бы неприступнымъ для толпы; безстрашно отыскивалъ онъ глазами человѣка, нанесшаго ему оскорбленіе, и всѣ стоявшіе поблизости невольно моментально прикусывали языки. Потомъ онъ спокойно продолжалъ путь; но уже теперь онъ чувствовалъ въ себѣ больше силъ и болѣе сознательно относился къ нимъ, чѣмъ раньше, а это заставляло его трепетать отъ предчувствія предстоящей борьбы.

Госпожа Анзорге очень плохо провела ночь. Арнольдъ легъ спать въ девять, а около полуночи проснулся и вмѣстѣ съ Урсулой до утра не отходилъ отъ ея постели. Больная совсѣмъ не говорила, но когда открывала глаза, дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы улыбнуться. Затѣмъ наступилъ періодъ, когда она впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, не переставая, со стономъ металась на низкой кровати. Урсула въ промежуткѣ, когда больной не требовалось ея услугъ, шопоткомъ читала молитвенникъ. Арнольдъ сидѣлъ, опустивъ голову; иногда онъ устремлялъ взглядъ на пламя свѣчи, иногда всматривался въ наружную тьму, точно желая допросить о чемъ-то свѣтъ или разсѣять мракъ. Но и эта ночь кончилась, какъ все на свѣтѣ кончается. Къ десяти часамъ пришелъ сельскій врачъ, чтобы встрѣтить вѣнскаго доктора, который долженъ былъ прибыть съ утреннимъ поѣздомъ.

Желѣзнодорожная станція была довольно далеко, но, несмотря на это, вскорѣ послѣ одиннадцати подъѣхала деревенская карета съ двумя сѣдоками.

Арнольдъ, находившійся въ это время въ конюшнѣ, встрѣтилъ пріѣзжихъ на дворѣ. Брата матери онъ узналъ сейчасъ же, хотя не видѣлъ его съ самаго дѣтства. Докторъ Барромео, подавая племяннику руку, окинулъ его непроницаемымъ и въ то же время довольно равнодушно-критическимъ взглядомъ, затѣмъ представилъ ему доктора, еще молодого и очень элегантнаго человѣка, и всѣ они втроемъ отправились къ больной.

При видѣ брата и съ нимъ чужого человѣка, госпожа Анзорге сдѣлала надъ собою нечеловѣческое усиліе и подавила лихорадку и бредъ,—такъ казалось по крайней мѣрѣ. Въ ней сразу воскресли тысячи воспоминаній изъ того прошлаго, когда она въ послѣдній разъ видѣла Фридриха и когда вся ея прежняя жизнь и прежнія чувства были поражены на смерть. Всѣ промежуточные годы куда-то рухнули

и теперешнія страданія слились съ тѣми, что она переживала тогда и уже наполовину забыла. Поздоровались они коротко и безъ словъ. Докторъ Барромео сдѣлалъ знакъ Арнольду и Урсулѣ выйти изъ комнаты, и въ ней остались только оба врача. Арнольдъ повелъ дядю въ пустовавшее у нихъ помѣщеніе позади кухни, гдѣ стояла старинная мебель, на которую время наложило свою печать. Барромео плотнѣе запахнулся въ шубу и, слегка раскачиваясь, устало принялся ходить взадъ и впередъ. Та же усталость сквозила и въ его манерахъ, и въ выраженіи лица, она чувствовалась даже въ мимоходомъ брошенныхъ словахъ, улыбкѣ, голосѣ. Черная борода закрывала подбородокъ и ротъ; видно было, что онъ ее очень холитъ, и она казалась накрахмаленною. Вся верхняя часть лица носила отпечатокъ чисто женской мягкости, глаза были въ высшей степени правдивые, лобъ меланхолическій.

— Что ты думаешь относительно своего будущаго, Арнольдъ?— спросилъ онъ, на минуту пріостановивъ свое хожденіе взадъ и впередъ. Говорилъ онъ медленно и задумчиво, такъ что уже въ самомъ тонѣ вопроса можно было предугадать недовѣріе и равнодушіе къ отвѣту.

Но вопросъ поразилъ Арнольда, и онъ нѣсколько нерѣшительно взглянулъ на дядю. Самъ не зная, почему онъ ощущалъ какую-то смутную жалость къ этому человѣку.

— Буду жить—сухо отвѣтилъ онъ.

Барромео осторожно, еле дотрогиваясь, точно боясь растрепать ее, провелъ ладонью по бородѣ.

— Ты полагаешь, что это такъ легко?—громко и грустно отвѣтилъ онъ. Арнольдъ разсмѣялся.

— Будто уже такъ трудно?—съ удивленіемъ, въ свою очередь, задалъ онъ вопросъ.—Неужели тебѣ пришлось испытать такъ много тяжелаго?

Онъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ и подбородкомъ прижимался къ его спинкѣ.

— Думаю, что иначе не могло и быть,—отвѣтилъ Барромео. Улыбка, которою сопровождались эти слова, ясно говорила о его снисходительной жалости къ племяннику, а тотъ никакъ не могъ разобраться въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ. Простота обращенія доходила у него почти до сухости, вмѣстѣ съ тѣмъ проглядывало боязливое желаніе ничѣмъ не бросаться въ глаза; ему было сорокъ пять лѣтъ, а по выраженію лица его можно было принять за старика; глаза большею частью неподвижно смотрѣли въ пространство, точно видѣли тамъ все, что происходитъ въ душахъ людей. Но по временамъ въ нихъ вспыхивалъ огонекъ, доказывавшій несокрушимую вѣру этого человѣка въ существованіе на свѣтѣ добра. Арнольду хотѣлось бы разспросить его, ему казалось важнымъ пріобрѣсти его довѣріе, но что то, что съ первой же минуты, выросло между ними, закрывало ему ротъ. И странно: въ то самое время, какъ у него явилось желаніе, чтобы этотъ человѣкъ узналъ его именно такимъ, какой онъ есть, понялъ его стремленія, оцѣнилъ его взгляды, онъ внезапно почувствовалъ, что то

«нѣчто», стоявшее между ними, вынуждаетъ его сначала самому вдуматься въ свой внутренній міръ. Это ощущеніе было для него ново и дѣйствовало далеко не успокоительнымъ образомъ. Ему казалось, что благодаря этому обстоятельству частица его *я*, хотя временно, стала въ зависимость отъ чего то посторонняго, а не только отъ него самого, и его собственной воли.

17.

Доктора давали мало надежды—исхода болѣзни нельзя было предсказать. Вслѣдствіе этого Барромео, взявъ съ Арнольда обѣщаніе тотчасъ же написать ему, если наступитъ ухудшеніе, уѣхалъ обратно, такъ какъ въ городѣ у него были неотложныя дѣла. Затѣмъ докторъ-спеціалистъ далъ самыя подробныя указанія своему деревенскому коллегѣ, когда можно будетъ приступить къ операціи и нужно будетъ его вызвать вторично.

Госпожа Анзорге предчувствовала, что ее ожидаетъ. Каждую недѣлю она съ тоской припоминала, насколько лучше себя чувствовала въ прошедшую. Въ присутствіи сына она крѣпилась изо всѣхъ силъ: если знала, что онъ находится поблизости или ждала его прихода, то уста ея замыкались, словно желѣзныя ворота. Скрывала она свои страданія не для того, чтобы щадить его, или окружить себя въ его глазахъ ореоломъ героини, а потому, что мыслила и чувствовала съ нимъ заодно. Ихъ отношенія радикально измѣнились: она, бывшая наставница и руководительница, теперь сама, словно школьникъ, все время чувствовала свою полную зависимость отъ того образа матери въ душѣ сына, который сама же создала. Она боялась, и вполнѣ основательно, чтобы въ немъ не заговорила жалость къ ней, а потому съ безпримѣрнымъ самообладаніемъ всячески подавляла въ себѣ даже мысль о своихъ тѣлесныхъ мученіяхъ. Ея сознаніе, то просвѣтлявшееся, то затемнявшееся, благодаря болѣзни, подсказывало ей, однако, что этимъ путемъ она испытываетъ силу воспитательнаго вліянія своего примѣра. Она не хотѣла, чтобы изъ него вышелъ мягкосердечный мечтатель, расположеніе котораго вызывается состраданіемъ. «Здоровое сердце жестоко», говорила она себѣ, а потому глубоко затаивала въ себѣ боль, чтобы ничѣмъ не омрачать горизонта его будущности и чтобы память о ней сохранилась у него въ видѣ образа какой-то недоступной страданію богини.

Съ братомъ она обсудила все касающееся дѣлъ. Такъ какъ капиталъ не только остался нетронутымъ, но даже шедшіе на него проценты всегда причислялись къ нему же, потому что имѣніе постепенно стало вполнѣ окупать себя, то Арнольдъ оказывался теперь обладателемъ довольно значительнаго состоянія. И мать не видѣла въ этомъ никакой опасности, такъ какъ онъ никогда не относился къ деньгамъ иначе, какъ къ средству справедливымъ путемъ пріобрѣтать все необходимое.

*

Благодаря наступившей послѣ раннихъ заморозковъ дождливой погодѣ, одиночество больной еще удвоилось. Лишь одна Урсула безотлучно находилась при ней. Только теперь госпожа Анзорге почувствовала, что значитъ имѣть около себя людей, съ которыми связываетъ долгая привычка. Она ни по комъ не скучала, такъ какъ для этого была слишкомъ тверда духомъ, и, однако, ее радовало, когда Агнеса Ханка, напр., присылала справляться объ ея здоровьѣ. При этомъ Арнольдъ вспоминалъ, что обѣщалъ какъ-нибудь побывать у нихъ, но перспектива встрѣчи съ чужими людьми и необходимость, въ силу пустыхъ общественныхъ требованій, вести съ ними безсодержательные разговоры, вовсе не улыбалась ему,—къ этому времени ему уже стало яснымъ, что на свѣтѣ существуетъ цѣлая масса разныхъ безсмысленныхъ общественныхъ условій. Кромѣ того, ему смутно чудилось, что на первыхъ порахъ ему не слѣдуетъ переступать границу узко очерченнаго около него круга, онъ долженъ раньше подготовиться и собраться съ силами. Въ деревнѣ онъ постоянно наталкивался на затаенную вражду и выжидающую ненависть. Даже среди своихъ работниковъ онъ замѣчалъ сдержанное, трусливое озлобленіе противъ себя. Крестьяне на базарѣ, и тѣ выказывали ему скрытую злобу.

«Въ чемъ собственно я виноватъ?» думалъ Арнольдъ. «Они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, яростно становятся на защиту явной несправедливости—почему? Почему не заступаются они за право?»

Между тѣмъ, Агнеса Ханка продолжала ежедневно узнавать о здоровьи больной, поэтому Арнольдъ, въ концѣ концовъ, рѣшилъ все-таки сходить къ нимъ.

— Какъ ты думаешь, мать?—спросилъ онъ ее.

— Дѣлай, какъ знаешь,—прошептала она слабымъ голосомъ и протянула ему пылающую руку. Все ея тѣло подергивалось судорогами.

Въ Падолинѣ Арнольдъ увидалъ группы людей съ газетами въ рукахъ; всѣ лица казались возбужденными. Передъ почтой расхаживалъ Александръ Ханка и просматривалъ полученныя письма. Арнольдъ вдругъ неожиданно разсердился на самого себя: на какомъ основаніи собирался онъ легкомысленно расточать безполезныя слова, вмѣсто того чтобы сосредоточить и сберечь свои силы, чтобы впослѣдствіи сильнѣе выразить то, что грозно и властно выростало передъ нимъ? Онъ повернулъ назадъ.

Ханка отложилъ свой отъѣздъ до Рождества. Онъ увѣрялъ себя, что удерживаютъ его тишина и однообразіе деревенской жизни. Но развѣ раньше онъ, съ своимъ характеромъ, съ своею вѣчною жаждой пустыхъ, свѣтскихъ развлеченій, которыя онъ въ то же время презиралъ, развѣ бы онъ выдержалъ подобную жизнь? Развѣ онъ могъ бы раньше удовольствоваться такими ничтожными занятіями, такимъ однообразнымъ, лишеннымъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ событій, времяпрепровожденіемъ? Иногда, раздумывая о себѣ, онъ качалъ головой, но лишь какъ человѣкъ, теперь страстно хватающійся за то

благо, которое раньше самъ же презиралъ. Агнеса была счастлива, Беата съумѣла приноровиться къ новому обществу, и хотя Ханка въ ея глазахъ попрежнему оставался очень смѣшнымъ, но врожденная проницательность подсказывала ей, что это умный и искренно расположенный къ ней человѣкъ. Къ тому же съ тѣхъ поръ, какъ молодой работникъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на другую, на нее напало смиреніе. Напрасно она бѣгала къ нему, плакала, грозила, бѣсновалась... Но все это она съумѣла сохранить въ глубочайшей тайнѣ, и даже глаза, съ любовью слѣдившіе за нею, ничего не примѣтили. Кончилось тѣмъ, что она почувствовала стыдъ; сначала его вызвало отчаяніе, желаніе сдѣлать что-нибудь такое, чтобы сохранить уваженіе къ себѣ; потомъ наступилъ и настоящій стыдъ, терзавшій тѣло, отравлявшій кровь, дѣлавшій пищу безвкусною, лишавшій сна... Въ своей комнатѣ она каталась по полу, прижималась къ нему губами, представляя себѣ лицо, которое такъ часто осыпала поцѣлуями, жаждая еще одинъ только, послѣдній разъ, покрыть его ласками, а затѣмъ растерзать когтями...

Послѣ этого она сходила въ столовую, блѣдная, но съ улыбкой на губахъ, садилась рядомъ съ Ханка, невинно перебрасывалась съ нимъ въ картишки, и, чувствуя его расположеніе къ себѣ, его постоянную снисходительность и внимательную доброту, ея душа постепенно отходила, но въ тоже время она начала строить свои собственные, хитрые планы, казалась какъ бы кротче, преданнѣе, откровеннѣе и ровнѣе, нежели раньше.

О своихъ городскихъ друзьяхъ Ханка почти не имѣлъ извѣстій. Живя теперь внѣ ихъ круга, онъ уподобился игроку, пропустившему ставку. Одна Натали Остербургъ еще писала ему—ее снѣдало любопытство узнать все, что такъ или иначе касается дѣла Элассера. Въ обществѣ ни о чемъ иномъ теперь не говорятъ, и она просила Ханка подробно сообщить ей, какова наружность этой знаменитой Ютты, какъ она себя держитъ, одѣвается, какого цвѣта у нея глаза и т. д. Ей это необходимо знать какъ можно скорѣе, хотя бы ради того, чтобы насладиться завистью, которую вызовутъ ея таинственныя свѣдѣнія. А такъ какъ онъ, Ханка, находится у самаго источника событій, то ему стоитъ лишь шевельнуть пальцемъ, чтобы узнать все, что такъ важно для нея. А что до остальнаго, то пусть онъ не откладываетъ въ долгій ящикъ своего возвращенія, такъ какъ она получила изъ Гамбурга свѣжіе ананасы. «Въ этомъ письмѣ рисуется вся Натали, вся какъ есть», подумалъ Ханка, которому оно доставило немалое удовольствіе

18.

Долго бродилъ Арнольдъ по берегу рѣки; повидимому, погода вновь мѣнялась. Дождь пересталъ и наступалъ холодъ. Рѣка лѣниво катила свои густыя, красножелтыя отъ примѣси тины и песку, волны. Сѣрые

и холодные порывы вѣтра хлестали путника и въ лицо, и въ затылокъ, и когда онъ, подъ конецъ, рѣшилъ отправиться въ Падолинъ, то весь, до колѣнъ выпачкался въ грязи. На площади стояли кучки людей и о чемъ-то горячо спорили. Вновь присланный помощникъ учителя, блѣдный, съ недовольнымъ выраженіемъ лица человѣчекъ, слегка прихрамывавшій на одну ногу, углубился въ разговоръ съ почтовымъ чиновникомъ. На углахъ, по стѣнамъ домовъ были расклеены громадныя афиши, а передъ ними толпились и женщины, и даже дѣти; они разбирали ихъ по складамъ, причемъ всѣ кричали въ одинъ голосъ. Рѣчь шла о какихъ-то выборахъ и говорилось, что отъ нихъ зависитъ все будущее благо народа и конецъ его нищеты; а какъ на причину всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ его бѣдствій указывалось на жидовъ.

Изъ церкви показалась процессія и, поровнявшись со школой, заполнила всю середину улицы. Когда Арнольдъ посторонился, чтобы пропустить ее, за его спиной раздался грозный гулъ, заглушившій громкое машинальное выкрикиваніе молитвъ. Повернувшись, онъ увидалъ шедшаго по направленію изъ Ломница Алассера съ тяжелымъ тюкомъ товаровъ на спинѣ. Слесарный подмастерье, по имени Павликъ, бросился на еврея и однимъ взмахомъ руки сбилъ съ головы безащитнаго жалкую шляпчонку; описавъ громадную дугу, она упала на порогъ одного изъ сосѣднихъ домовъ. Гнѣвный ропотъ толпы превратился въ одобрительный. Алассеръ остановился, пошевелилъ губами, точно собираясь показать зубы, робко обвелъ глазами землю вокругъ себя, будто ожидая, что шляпа сама собою вновь взлетитъ на его голову, такъ какъ руки у него были заняты. Онъ уже собирался спустить свой товаръ на землю, причемъ униженно улыбался, какъ будто желая показать окружающимъ, что вовсе и не думаетъ обижаться, а ему только немного трудно сдѣлать то. Лицо Арнольда вспыхнуло отъ негодованія, глаза потемнѣли; мѣра несправедливости казалась ему переполненною. Онъ откинулъ голову, спустилъ странный гортанный звукъ, оскалилъ зубы, заскрежеталъ ими; казалось—еще секунда, и онъ перестанетъ сознавать, что дѣлаетъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ портной Виттекъ, нѣмецъ, глупо таращившій глаза на происходящее; Арнольдъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь броситься на него и швырнуть въ остальную толпу, но въ то же мгновеніе передъ нимъ предсталъ неземной посредникъ, его другъ и Богъ, и мудро и гордо призвалъ его къ лучшему.

— Развѣ твое право заключается въ силѣ?—вопрошалъ онъ его.—Что изъ того, если ты даже накажешь виновнаго? Духъ повинуется не ударамъ кулака, а лишь духу же.

Пораженная и удивленная толпа мрачно подалась назадъ. Онъ повернулся отъ нея, перешелъ улицу, поднялъ съ порога брошенную шляпу и надѣлъ ее на голову Алассера. При этомъ онъ встрѣтилъ взглядъ еврея, взглядъ побитой собаки. Съ тою же рабскою улыбкой осмотрѣлъ Алассеръ и на зрителей и потомъ медленно удалился.

Арнольдъ также тронулся съ мѣста. Но только что онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ черезъ его плечо, мимо уха, пролетѣлъ камень, величиною съ яблоко. Онъ оглянулся назадъ, потому что его удивила подобная смѣлость. Какой-то старикъ въ ту же минуту опустилъ руку, уже поднимавшую второй камень.

Наступили сумерки и стали быстро сгущаться.

Арнольдъ остановился и сталъ раздумывать. Какая-то мысль искала въ немъ выраженія, какое-то намѣреніе—исполненія. Онъ почти механически свернулъ въ переулокъ, въ которомъ жилъ Алассеръ. Ночная тишина казалась ему болѣе глубокою, нежели всегда, и какою-то необычной. Онъ подошелъ къ окну подвальнаго этажа и заглянулъ въ нищенскую комнату, но на этотъ разъ она приняла какой-то странный, полуторжественный, полупещерный видъ. Въ ней теперь замѣчалось больше довольства, нежели раньше, точно нравственныя страданія принесли обитателямъ матеріальное благосостояніе. Дѣти внимательно смотрѣли на что-то лежащее на столѣ; жена Элассера и маленькій чужой человѣчекъ, стоя, молились у другого столика, покрытаго бѣлою скатертью; на немъ горѣло нѣсколько восковыхъ свѣчей. Только что вернувшійся Алассеръ опустилъ на полъ свой тюкъ съ товаромъ, и всѣ направились къ нему. Дѣти, и тѣ повскакали съ мѣстъ, а старшій мальчикъ, котораго Арнольдъ уже зналъ, что-то громко произнесъ, но что именно, разобрать было нельзя. Чужой человѣкъ, съ снисходительно-добродушнымъ выраженіемъ лица, кивнулъ ему головой. На видъ ему могло быть около семидесяти лѣтъ, бороды не было вовсе, а голова была до смѣшного маленькая.

Арнольдъ закрылъ глаза рукою, онъ точно достигъ той точки, что находится надъ событіями, точки покоя. Картины, до ощутительности яркія, какъ бы проскальзывали подъ его руку и насильно навязывались глазамъ. Онъ видѣлъ передъ собою Ютту и ея страданія, потому что право попиралось ногами, видѣлъ, что тѣ, въ домѣ, колеблятся и трусятъ, точно насмѣхаясь надъ законностью, вопреки разуму... Неужели же требуется столько время, чтобы правда восторжествовала? И гдѣ человѣкъ, на чьей обязанности лежало бы и кому была бы охота совершить дѣло правосудія. И пусть бы Ютта погибла послѣ долгихъ лѣтъ страданій, но не можетъ и не должна погибнуть вмѣстѣ съ нею справедливость. И не потому ли не произносится должный приговоръ, что никто не желаетъ ради этого даже рукой пошевелить или разинуть ротъ. Почему они сидятъ тамъ у себя въ комнатѣ, почему всѣ притихли, почему допускаютъ нарушать свои права съ такимъ же равнодушіемъ, будто съ нихъ скатываются капли воды? Развѣ они забыли? Въ его же душѣ каждый часъ выжигалъ новое напоминаніе о совершившемся, онъ не могъ забыть. Скорѣе онъ забылъ бы ѣсть, пить, спать... Вся душа трепетала страстнымъ вопросомъ, который, все усиливаясь, точно звукъ колокола подъ куполомъ, заполнялъ ее все больше и больше...

Впродолженіи немногихъ секундъ, проведенныхъ подъ окномъ еврея, онъ мысленно окинулъ взглядомъ вселенную и поставилъ себѣ вопросъ—существуетъ ли гдѣ-либо на свѣтѣ духъ справедливости, на котораго можно и слѣдуетъ полагаться, или же нужно ея домогаться, вымаливать, торопить... Никогда еще Арнольдъ не чувствовалъ себя столь тѣсно связаннымъ, единымъ, почти претвореннымъ съ какою-то внутреннею силой, дѣйствующею въ немъ скрытно. И въ то же время онъ ясно сознавалъ, что слѣдуетъ подавить въ себѣ и чувство, и воображеніе, и что именно теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, крайне важно обсудить и взвѣсить все хладнокровно.

Послѣ короткаго колебанія, онъ прислонился къ забору напротивъ окна, раздѣлявшему дворъ между двумя домами. Никто его не замѣтилъ. Чтобы увидать хоть кусочекъ неба и звѣздъ, ему пришлось запрокинуть голову. На срединѣ небосклона стоялъ мѣсяцъ и разливалъ вокругъ свой ясный свѣтъ.

Но то, что дѣлалось надъ землей, не привлекало его—онъ весь содрогался отъ присутствія въ себѣ чуждой силы, претворявшей въ дѣйствіе то, что онъ едва еще осмѣливался желать.

Ему казалось, что за тусклымъ стекломъ движется не Алассеръ,—въ этомъ презираемомъ всѣми и не уважающемъ самого себя существѣ кроется какъ бы частица его, Арнольда.

Въ то время какъ всѣ ужинали за круглымъ столомъ, Алассеръ сидѣлъ отдѣльно за небольшимъ, покрытымъ бѣлою скатертью. Арнольдъ видѣлъ, какъ гость нѣсколько разъ подходилъ къ нему, но Алассеръ всякій разъ, сжимая въ кулакѣ свою бороду, лишь качалъ головой. Жена сидѣла неподвижно, вся уйдя въ себя. Когда дѣти, точно молодой отпрыскъ цѣлаго племени, повалили въ сосѣднюю комнату, чтобы лечь спать, она, приложивъ младенца къ тощей груди, мрачно уставилась на огонь лампы. На улицѣ никто не показывался, и лишь на площади временами раздавался шумъ шаговъ. Чужой человѣкъ и Алассеръ вступили между собою въ разговоръ и до ушей Арнольда донеслось какое-то бормотанье. Но какъ бы чувствуя, что за ними наблюдаютъ, они точно стѣснялись, движенія ихъ становились все сдержаннѣе, а подъ конецъ даже безпричинная боязнь заставила ихъ совсѣмъ умолкнуть. Чужой человѣкъ, пожавъ руку женщинѣ, собрался проститься съ самимъ хозяиномъ, но тотъ вызвался его проводить. Входная дверь скрипнула и на порогѣ появились оба мужчины. Увидавъ напротивъ на свѣтломъ треугольникѣ, бросаемомъ луннымъ свѣтомъ, выдѣляющуюся темную человѣческую фигуру, они сдѣлали испуганное движеніе. Арнольдъ тотчасъ же подошелъ къ нимъ и напрямикъ спросилъ:

— Какъ дѣла? Вернется Ютта?

Послѣдовало долгое молчаніе. Алассеръ вглядывался въ лицо Арнольда съ удивленіемъ, возраставшимъ съ каждою секундой. Наконецъ,

обращаясь къ своему спутнику, взглядъ котораго выражалъ, повидимому, обычное для него благоволеніе и кротость, онъ сказалъ:

— Это тотъ господинъ, что желаетъ намъ добра.

Старикъ покачалъ головой. Несмотря на ея малые размѣры, она казалась обременительною ношею для его плечъ. Въ глазахъ его свѣтилась великая житейская опытность, которая столько же походитъ на мудрость, насколько снѣгъ долинъ походитъ на снѣгъ горныхъ вершинъ.

— Я слышалъ,—сказалъ онъ,—что иногда Всеблагій допускаетъ, обрести намъ защитника и среди вражескаго стана.—Слова эти сопровождались странными сокращеніями лицевыхъ мускуловъ.

— Такъ какъ же дѣло?—съ нетерпѣніемъ переспросилъ Арнольдъ, котораго все это весьма мало интересовало.

— Плохо,—отвѣтилъ Алассеръ. Ни одна рука не поднимается для защиты. Говорятъ, производится дознаніе и меня, какъ собаку, таскаютъ по судамъ; теперь велѣно ждать. Ну я и жду; всѣ мы давно уже ждемъ, если вамъ угодно знать! Черезъ четыре недѣли Юттѣ минетъ 14 лѣтъ, и тогда уже не останется ни малѣйшей надеждѣ.

— Въ писаніи сказано,—прервалъ его другой,—пусть да совершится неправда во всемъ ея объемѣ.

— Чудное писаніе!—съ негодованіемъ произнесъ Арнольдъ.—Чего вы хотите дождаться? Пока съ васъ не сорвутъ головы?

Алассеръ широко развелъ руками.

— Господинъ,—сказалъ онъ,—право, мнѣ кажется, вы похожи на того еврея, который отказывался учиться по-нѣмецки, думая что весь свѣтъ іудейскій. Но свѣтъ не іудейскій, господинъ, право существуетъ, но для васъ, а не для насъ.

Они всѣ втроемъ медленно спустились къ самому берегу рѣки. Арнольдъ швырнулъ ногою въ рѣку камень; всею душой негодуя на предположеніе Алассера, онъ воскликнулъ:

— Да какъ же вы можете въ такомъ случаѣ спокойно стоять здѣсь или спокойно спать по ночамъ? Да развѣ нарушеніе вашего права не есть въ то же время нарушеніе права императора? Или моего? Его вовсе не надо заслуживать, оно уже есть, существуетъ и принадлежитъ каждому. И всѣ равно имѣютъ право на правосудіе.

Сказавъ это, Арнольдъ принялъ болѣе спокойную позу. Когда онъ не находилъ подходящихъ выраженій во время разговора, то его губы подергивало, пока онъ ихъ не подыскивалъ.

Снова наступило молчаніе; потомъ заговорилъ Алассеръ, постепенно разгорячаясь, какъ плохой фитиль, поднесенный къ факелу.

— Къ сожалѣнію, господинъ позабылъ объ одномъ. Право налицо; и судьи налицо, и книги, въ которыхъ все это написано, то же. Но правосудіе? Его нѣтъ!

Арнольдъ съ презрѣніемъ плюнулъ на землю и съ крайней враждебностью произнесъ:

— Вы лѣнтяй и лжецъ.

Чужой человѣкъ стоялъ, опустивъ голову. Все его міросозерцаніе, проникнутое сознаніемъ необходимости безусловной покорности и терпѣнія, въѣвшееся ему и въ душу, и въ тѣло, вдругъ пришло въ таинственное броженіе. За долгіе годы своей жизни онъ довольнотаки видѣлъ нарушеній всяческихъ правъ, видѣлъ кровавыя раны, наносимыя невиннымъ, полную поддержку со стороны власть имущихъ тиранніи другъ друга, и это только ради того, чтобы въ подставномъ мстителѣ найти себѣ послѣднее оправданіе.

Даже причиной эпилептическихъ подергиваній рукъ и головъ, повидимому была безконечная цѣль смѣняющихъ одно другимъ чужихъ страданій. И вдругъ надъ нимъ сверкнула молнія и ударила прямо въ грудь, давно уже окаменѣвшую для всевозможныхъ ощущеній. И совершили это не слова Арнольда,—что для старца значили всяческія слова?—даже и не несчастье его родственника Алассера, хотя коварное оттягиваніе рѣшенія, злобное укрывательство, беззастѣнчивый грабежъ, открытая подлость и трусость, выказанныя въ этомъ дѣлѣ, взволновали даже самыхъ равнодушныхъ. Но для него новы была чувства Арнольда, пробудившія и его одряхлѣвшую душу; его неукротимый идеализмъ какъ бы опьянилъ старика, одушевилъ его, и онъ вспомнилъ свою собственную разбитую юношескую вѣру. Словно водопадъ, стремящійся со скалы на скалу, смываетъ съ своего пути и песокъ, и грязь, такъ и теперь печальный опытъ и всѣ колебанія старца были смыты до основанія.

— Да, Самуилъ,—началъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, ты обязанъ выполнить свой долгъ. Мы предстанемъ передъ лицомъ монарха. Я охотно ссужу тебя нужными средствами, потому что они пойдутъ на благое дѣло. Нами уже получено извѣщеніе о томъ, что намъ будетъ дарована аудіенція и что его величество лично выслушаетъ насъ.

— И тогда-то право восторжествуетъ,—сказалъ Арнольдъ вполнѣ удовлетворенный.

— Не скажу—восторжествуетъ, возразилъ старикъ съ тонкою улыбкой, но скажу—можетъ быть, и да. Итакъ ѣдемъ въ Вѣну, Самуилъ.

Алассеръ взволнованно смотрѣлъ въ даль. Пока старики продолжали еще сговариваться между собою, Арнольдъ опустился на колѣни около самой воды, снялъ шапку и окутывавшій его шею шарфъ, до локтя засучилъ рукава и облилъ ледяною водой лицо, руки и шею. Мѣсяцъ освѣщалъ капли, стекавшія съ его мокрыхъ волосъ, и онѣ казались серебряными. Послѣ этого онъ почувствовалъ себя освѣженнымъ и бодрымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поэма Гоголя „Мертвыя души“ и современная ей русская повѣсть.

I.

Вопросъ о „первомъ“ русскомъ реальномъ. романѣ. Права на первенство Пушкина, Лермонтова и Гоголя.—Психологическій романъ того времени: Лермонтовъ, Герценъ, Марлинскій, Ганъ и Жукова.—Нравоописательный романъ.—Романы Квитки.—Разные общественные круги въ изображеніи нашихъ беллетристовъ.—Свѣтскій и дворянскій кругъ въ столицѣ и въ деревнѣ—въ повѣстяхъ Лермонтова, кн. Одоевскаго, Марлинскаго, гр. Соллогуба, Загоскина, Сенковскаго, Булгарина, Даля и Гребенки.—Военные типы въ повѣстяхъ Лермонтова, Марлинскаго, Даля, Полевого и Павлова. Типы чиновниковъ у Даля, Бѣгичева и Гребенки.—Жизнь литераторовъ въ изображеніи Полевого, Сенковскаго и Загоскина.—Повѣсти изъ быта мѣщанскаго, купеческаго и крестьянскаго.—Положеніе занимаемое повѣстями Гоголя среди всѣхъ этихъ памятниковъ.

Нерѣдко возникалъ вопросъ, съ какого литературнаго памятника мы должны начинать исторію нашего реальнаго романа. Вопросъ былъ поставленъ не совсѣмъ правильно, такъ какъ едва ли можно указать вообще на какой-либо памятникъ, который не имѣлъ бы своего предшественника,—и такимъ образомъ исторію русскаго реальнаго романа пришлось бы начинать съ очень отдаленнаго времени. Если нѣсколько видоизмѣнить этотъ вопросъ и спросить, въ какомъ изъ романовъ наша дѣйствительность нашла себѣ впервые художественное и болѣе или менѣе полное отраженіе, то отвѣтить на такую постановку вопроса будетъ легче. Но едва ли и въ этомъ случаѣ можно остановиться на какомъ нибудь одномъ памятникѣ, который, въ смыслѣ реализма, былъ бы и наиболѣе полнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе художественнымъ отраженіемъ нашей жизни.

Могло случиться, что одинъ писатель умѣлъ, какъ реалистъ, довести до большого совершенства художническую технику своего созданія, тогда какъ другой, уступая ему въ техникѣ, могъ обладать бо̀льшимъ чутьемъ и интересомъ къ дѣйствительности, его окружающей, и дать картину несравненно болѣе полную и широкую, чѣмъ его соперникъ. Оба въ данномъ случаѣ имѣли бы право претендовать на славу перваго реалиста, одинъ въ виду превосходства своего, какъ техника, другой въ виду болѣе широкаго кругозора. Конечно и тотъ и другой

должны быть художниками прежде всего, и разница здѣсь можетъ быть только въ извѣстныхъ степеняхъ таланта, трудно измѣримыхъ, но все-таки достаточно ясныхъ.

Когда спорятъ о томъ, кого должно признать «отцомъ» нашего реальнаго романа, то имѣютъ въ виду обыкновенно двухъ писателей, между которыми никакъ не хотятъ подѣлить этого почетнаго званія Одни склонны приписать всю заслугу Пушкину, имѣя въ виду прежде всего, его «Евгенія Онѣгина», а затѣмъ его повѣсти—другіе отдаютъ преимущество Гоголю, какъ творцу «Мертвыхъ Душъ». Существуетъ также мнѣніе, что настоящій реальный романъ началъ свою жизнь у насъ лишь съ конца сороковыхъ годовъ, съ первыхъ созданій Тургенева, Гончарова и Достоевскаго, но съ этимъ мнѣніемъ едва ли нужно считаться, потому что всѣ эти писатели открыто признавали себя учениками и Пушкина, и Гоголя.

Кому же изъ этихъ двухъ или трехъ, если къ нимъ присоединить ихъ младшаго современника Лермонтова, должна быть приписана честь перваго учителя?

Что Пушкинъ по времени былъ первый, который достигъ сочетанія правды въ жизни съ правдой въ искусствѣ—это несомнѣнно. Что онъ, какъ художникъ-реалистъ, не имѣлъ себѣ равнаго—это тоже вѣрно. Большою техникой реалиста обладалъ въ своей очень замкнутой сферѣ и Лермонтовъ. Обладалъ ли ею Гоголь?

Не въ той равной степени, въ какой ею обладали Пушкинъ и Лермонтовъ. Не говоря уже о томъ, что во многихъ изъ своихъ повѣстей Гоголь никакъ не могъ отдѣлаться отъ романтической привычки брать дѣйствительность всегда октавой выше, идеализировать и людей, и природу, или наоборотъ иногда слишкомъ подчеркивать въ своихъ типахъ ихъ житейскую прозаичность,—онъ и въ своихъ шедеврахъ нерѣдко обобщалъ свои типы настолько, что они становились собирательными и превращались въ общіе образы, жизненные безспорно, но не живущіе, т.-е. не развивающіеся на нашихъ глазахъ, а неподвижно передъ нами стоящіе. Такими, напримѣръ, были Маниловы, Собакевичи, Плюшкины и другіе Конечно, отмѣчая эту характерную черту въ реальномъ воспроизведеніи дѣйствительности у Гоголя, нужно помнить, что она не мѣшала ему создать цѣлую галлерею иныхъ типовъ, въ высокой художественной жизненности которыхъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; стоитъ намъ только вспомнить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ его комедій, Чичикова, Ноздрева, Акакія Акакіевича и многихъ другихъ. Сказать, что Гоголь какъ художникъ-реалистъ *всегда* слабѣе или ниже Пушкина и Лермонтова было бы несправедливою. Но сказать, что во всей его манерѣ реально воспроизводить жизнь замѣтно нѣкоторое колебаніе, нѣкоторая неустойчивость письма, замѣтно частое покушеніе уклониться въ сторону идеализаціи или обобщенія,—сказать это можно, ничуть не умаляя поэта. Но высказавъ такое суж-

деніе, нельзя уже настаивать на томъ, что въ исторіи нашего реализма въ литературѣ ему, какъ художнику, принадлежитъ по времени первое мѣсто. Пушкинъ опередилъ его во времени и въ силѣ, а Лермонтовъ не отставалъ отъ него.

Но на этотъ-же вопросъ можно взглянуть и съ иной стороны. При оцѣнкѣ художественнаго произведенія можно принять за исходную точку умѣнье писателя улавливать господствующее настроеніе окружающей дѣйствительности, ея внутренній смыслъ, основныя черты характера своей національности, внутренній строй общественной жизни, ея темпераментъ, ея главнѣйшія отрицательныя или положительныя стороны. Если требовать отъ художника, чтобы онъ на нашихъ глазахъ заставилъ биться пульсъ жизни не единичнаго какого-нибудь лица, а цѣлаго разношерстнаго общества – то тогда, конечно, сочиненіямъ Гоголя и въ частности «Мертвымъ Душамъ» придется отвести первое мѣсто въ ряду всѣхъ предшествующихъ и современныхъ имъ повѣстей, и признать именно ихъ за первый по времени «реальный» романъ, который помогъ читателю уловить смыслъ переживаемаго имъ историческаго момента. Въ самомъ дѣлѣ, старые наши «нравоописательные» романы гнались въ большинствѣ случаевъ лишь за описаніемъ внѣшнихъ сторонъ нашей жизни, мало вникая въ ея смыслъ; а такія художественныя произведенія, какъ «Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего времени» ставили себѣ цѣлью разъясненіе и описаніе психическаго міра лишь нѣкоторыхъ болѣе или менѣе замѣтныхъ единицъ, людей съ особеннымъ, даже мало распространеннымъ, образомъ мыслей, съ исключительнымъ настроеніемъ и характеромъ. На обрисовкѣ господствующихъ рычаговъ и мотивовъ общей жизни эти повѣсти почти не останавливались.

Комедіи Гоголя и «Мертвыя Души» заполняли въ данномъ случаѣ одинъ изъ важнѣйшихъ пробѣловъ въ литературѣ. Городничіе и ихъ сослуживцы, Хлестаковы, Ноздревы, Чичиковы, Маниловы, Собакевичи, даже Плюшкины и Коробочки—если умолчать о цѣлой массѣ другихъ второстепенныхъ лицъ—были не единичными явленіями, а самою Русью, съ ея повсемѣстно распространенными не личными только, а общественными привычками, стремленіями, мыслями и программами жизни—хотя эта Русь и была изображена лишь съ одного бока. Авторъ имѣлъ право на названіе художника-реалиста не потому только, что реально изобразилъ этихъ русскихъ людей, а потому, что уловилъ реальную сущность русской жизни, потому что съумѣлъ въ одномъ типѣ воплотить массу душевныхъ состояній и многія жизни. Понятно, что на такой «реальный» романъ могли опереться всѣ недовольные тѣмъ строемъ жизни, который дѣлалъ такіе типы возможными или вполнѣ правдоподобными, и авторъ противъ своей воли долженъ былъ примириться съ тѣмъ, что поклонники его таланта въ осужденіи русской дѣйствительности пошли гораздо дальше, чѣмъ

онъ, и для излеченія ея предлагали иныя средства, чѣмъ тѣ, въ которыя вѣрилъ авторъ.

Если среди современниковъ Гоголя многіе обладали столь же зоркимъ взглядомъ, проникающимъ въ самую сущность нашей жизни, если, быть можетъ, нѣкоторые были вооружены даже болѣе острымъ зрѣніемъ, то никто не сумѣлъ такъ ясно обнаружить эту зоркость въ художественномъ произведеніи, какъ Гоголь.

Намъ станетъ это ясно, когда мы окинемъ хотя бы самымъ бѣглымъ взглядомъ содержаніе тѣхъ повѣстей и романовъ, которые появлялись на нашемъ литературномъ рынкѣ одновременно съ сочиненіями Гоголя.

Наша повѣствовательная литература тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ была отнюдь не бѣдна содержаніемъ. Много самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни успѣла она отмѣтить, и писатель обнаруживалъ наблюдательность, литературный навыкъ, нерѣдко и крупный литературный талантъ. Но этотъ въ общемъ наблюдательный взглядъ писателя скользилъ какъ то по поверхности жизни, мало проникая въ глубину ея.

Если и случалось кому изъ тогдашнихъ художниковъ заглянуть поглубже въ людскую душу, то объектомъ такихъ наблюденій бывалъ чаще всего самъ художникъ, его внутренній психическій міръ, и повѣсть носила тогда характеръ автобіографическаго признанія. Лучшіе по техникѣ разсказы тѣхъ годовъ были именно такими признаніями, въ которыхъ много говорилось о разныхъ тонкихъ чувствахъ, настроеніяхъ и сложныхъ мысляхъ самого писателя и очень мало объ окружающей его жизни.

Къ числу такихъ признаній нужно, напримѣръ, отнести многіе повѣсти Марлинскаго, гдѣ главнымъ дѣйствительнымъ лицомъ былъ онъ самъ—идеалистъ александровскаго времени*). Въ этотъ же разрядъ повѣстей должно зачислить и романтическія повѣсти Н. Полевого, въ которыхъ онъ такъ много говорилъ о своей любви къ искусству **). Особую группу повѣстей съ такимъ же автобіографическимъ значеніемъ составляютъ и сборники разсказовъ двухъ писательницъ, которыя задались цѣлью познакомить читателя съ психологіей именно женскаго сердца и главнымъ образомъ, конечно, съ психологіей и патологіей любви. Сочиненія «Зенеиды Р—вой» (г-жи Ганъ)***) пользовались въ свое время большимъ успѣхомъ, и писательница могла съ нѣкоторымъ правомъ претендовать на званіе русской Жоржъ-Зандъ, такъ какъ задачей своей поставила оборону женскаго сердца противъ мужскаго наси-

---

*) „Онъ былъ убитъ“, „Журналъ Вадимова“, „Путь до города Кубы“.

**) „Эмма“, „Блаженство безумія“, „Живописецъ“ вышли подъ общимъ заглавіемъ „Мечты и жизнь“. Москва 1833. VI части.

***) „Сочиненія Зенеиды Р—вой“. Спб. 1843. 4 части.

лія *). Она не рисовала сильныхъ героическихъ женскихъ натуръ, какъ это дѣлала ея предшественница на западѣ, она наоборотъ стремилась разжалобить читателя въ пользу униженной, оскорбленной и обманутой женщины, и эта тактика ей удалась вполнѣ. Ея повѣсти наводили читателя на весьма серьезные вопросы, но, конечно, вопросы исключительно личные и семейные. За сочиненіями г-жи Ганъ осталась впрочемъ одна крупная заслуга: тогдашняя повѣсть, не говоря уже о поэмахъ, избѣгала рисовать женщину въ обыденной обстановкѣ или, если и рисовала, то въ обрисовкѣ женскаго характера предпочитала романтическую недосказанность и идеализацію — жизненной правдѣ. Г-жа Ганъ не избѣгла этихъ романтическихъ условностей, но все таки въ ея женскихъ типахъ было гораздо больше плоти и крови, чѣмъ во многихъ женщинахъ, отъ которыхъ были безъ ума наши романтики. Однородную тему избрала тогда и М. Жукова для своихъ разсказовъ **). Кровавыя сцены немотивированной ревности, мужская черствость насчетъ мягкости преданнаго женскаго сердца, затаенная любовь, нежданно прорвавшаяся наружу и своимъ волненіемъ поразившая женщину на смерть, наконецъ, страданія обманутой, несчастной любви, нашедшей передъ смертью опору въ томъ человѣкѣ, котораго она раньше не оцѣнила—вотъ несложные сюжеты очень драматично разработанные нашей писательницей въ интересахъ торжества гуманной идеи. Большой литературной стоимости нельзя, впрочемъ, признать за повѣстями Жуковой, но ихъ должно отмѣтить какъ удачный образецъ повѣсти, занятой постановкой и рѣшеніемъ чисто психологической задачи.

Если бы мы пожелали однако указать на истинно-художественный примѣръ такой повѣсти, то обходя всѣ вышеупомянутые опыты, мы могли бы остановиться лишь на «Героѣ нашего времени» Лермонтова. По этому памятнику трудно судить объ эпохѣ, когда онъ былъ написанъ: такъ мало въ немъ картинъ и типовъ, имѣющихъ общественное значеніе. Но зато ни въ одномъ романѣ тѣхъ годовъ не обрисовалась такъ рельефно личность самого писателя. А такъ какъ этотъ писатель въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ и чуткихъ людей своего поколѣнія, то и исповѣдь его пріобрѣла значеніе и личнаго признанія, и историческаго документа. Такимъ же интимнымъ признаніемъ была и первая повѣсть А. И. Герцена «Записки одного молодого человѣка» ***). Уже по этимъ краткимъ отрывкамъ, въ которыхъ авторъ разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ и юности можно было судить о той литературной силѣ, которая съ такимъ блескомъ развернулась въ сороковыхъ годахъ. Художественная форма и глубина идеи слились въ этой повѣсти въ одно

*) „Идеалъ", „Медальонъ", „Теофанія Аббіаджіо", „Судъ свѣта".

**) *М Жукова.* „Вечера на Карповкѣ". Москва. 1838. 2 части.

***) Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ 1840—1841 г. Декабрь 1840 и Августъ 1841 г.

цѣлое, и такъ какъ авторъ ея былъ также выразитель думъ цѣлаго кружка, былъ носителемъ очень яркой общественной идеи, то и эти интимныя рѣчи должны быть приняты въ разсчетъ, когда говоришь объ умственныхъ теченіяхъ и о настроеніи того времени. Сентиментальныя движенія сердца, романтическій взглядъ на міръ, гуманный идеализмъ на почвѣ отвлеченнаго умозрѣнія, культъ Шиллера, въ особенности маркиза Позы, мечты о всемірной любви, вычитанныя изъ «писемъ Юліи и Рафаила», клятва отдать себя въ жертву на благо человѣчеству, и затѣмъ душевныя тревоги, сомнѣнія и первыя пессимистическія мысли въ борьбѣ съ еще неуступчивымъ сердцемъ—вся эта внутренняя жизнь молодого человѣка, о которой такъ остроумно и тепло разсказываетъ Герценъ — была пережита не имъ однимъ, а всѣми людьми, кто въ сороковыхъ годахъ составлялъ соль нашей земли. Историческая цѣнность «Записокъ одного молодого человѣка» повышается также и удивительно яркой и сжатой картиной нравовъ и жизни провинціальнаго города Малинова, т.-е. Вятки, куда Герценъ былъ сосланъ. Этихъ страницъ немного, и рѣчь Герцена не могла быть пространна, но то, что онъ успѣлъ сказать, передаетъ физіономію провинціальнаго города не менѣе вѣрно, чѣмъ любая картина Гоголя, у котораго, какъ у художника, Герценъ, конечно, многому научился.

Таково было въ общихъ чертахъ наличное богатство русскаго «психологическаго», если такъ можно выразиться, романа, т.-е. такого, который гнался не за полнотой и широтой художественнаго воспроизведенія жизни, а за глубиной мотивировки разныхъ душевныхъ состояній, настроеній и мыслей. Всѣ эти повѣсти и разсказы продолжали дѣло, начатое еще Пушкинымъ въ его «Евгеніи Онѣгинѣ» *); Гоголь на эту дорогу не вступалъ и съ первыхъ же шаговъ интересовался въ своихъ созданіяхъ болѣе окружающей жизнью, чѣмъ своимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ, разнообразіемъ уловленныхъ имъ типовъ, чѣмъ детальною разработкой какого-нибудь одного изъ нихъ. Въ его творчествѣ замѣчается вообще нѣкоторый недостатокъ въ подробномъ развитіи типовъ; художникъ беретъ лишь самыя главныя черты характера, останавливается на самомъ общемъ направленіи мыслей того лица, которое считаетъ наиболѣе типичнымъ: онъ спѣшитъ какъ можно большимъ числомъ лицъ заполнить свою картину и, уловивъ въ этихъ лицахъ все самое характерное, онъ предоставляетъ читателю догадываться, что долженъ чувствовать и думать этотъ человѣкъ въ разныя минуты жизни. Есть цѣлые психическіе міры, которыхъ Гоголь только еле-еле коснулся, хотя бы, напр., психическій міръ женщины и ребенка, чтобы взять лишь самыя общія рубрики. Даже свою собственную внутреннюю жизнь, необычайно богатую и

*) Если не считать „Рыцаря нашего времени“ Карамзина.

сложную, единственную въ своемъ родѣ, онъ стремился утаить отъ читателя. Правда, ему не удавалось этого достигнуть: всегда неожиданно у него вырывались лирическія признанія иногда совсѣмъ некстати; случалось также, и нерѣдко, что онъ довѣрялъ тому или другому вымышленному лицу отдѣльныя свои мысли и чувства, но у него въ цвѣтущую пору его дѣятельности не хватило рѣшимости — можетъ быть не хватило и таланта — занять читателя своею въ высшей степени оригинальною особой; и это тѣмъ болѣе странно, что у него было непреодолимое желаніе напоминать всѣмъ о себѣ, желаніе, чтобы всѣ слушались его какъ человѣка, надѣленнаго особой властью и призваннаго свершить великое дѣло. Когда во вторую половину своей жизни онъ наконецъ рѣшился обнаружить передъ соотечественниками всѣ тайники своей мысли и сердца—онъ не смогъ уже этой покаянной рѣчи придать художественную литературную форму, и богатый и сложный психологическій матеріалъ былъ утраченъ для литературы.

Во всякомъ случаѣ, когда ищешь въ литературѣ того времени художественнаго рѣшенія трудныхъ психологическихъ задачъ или художественнаго возсозданія сложныхъ душевныхъ состояній, то находишь ихъ не у Гоголя, а у Пушкина и Лермонтова, и даже у многихъ гораздо менѣе талантливыхъ художниковъ, чѣмъ нашъ сатирикъ и бытописатель. А потому если оцѣнивать заслугу Гоголя, то надо сравнивать его созданія съ такими, которыя преслѣдовали ту же цѣль, т.-е. стремились дать поэтическій синтезъ окружающей ихъ жизни, а не художественный анализъ души самого автора или нѣсколькихъ лицъ, надъ душевнымъ міромъ которыхъ онъ задумался.

Если обозрѣть наличность повѣстей и романовъ, въ которыхъ писатель стремился именно синтетировать свои наблюденія надъ разными сторонами нашей дѣйствительности, то такое обозрѣніе наглядно покажетъ намъ, насколько Гоголь былъ болѣе зорокъ, чѣмъ всѣ современные ему беллетристы.

Среди такихъ повѣстей и романовъ нельзя указать ни на одно произведеніе крупнаго размѣра. Писатель какъ-то не рѣшался рисовать большія полотна и усложнять дѣйствіе своихъ разсказовъ. Онъ покинулъ старую манеру письма, которая ему очень нравилась въ двадцатыхъ годахъ, когда въ такомъ году были длинные романы въ родѣ «Выжигиныхъ», «Семейства Холмскихъ» и всевозможныхъ «Жилблазовъ». Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ ихъ мѣсто заняла довольно краткая повѣсть; и то, что прежде описывалось въ одномъ романѣ, теперь раздробилось на отдѣльные разсказы. Отъ этого повѣсть вообще выиграла въ законченности и въ обработкѣ деталей. Изъ романовъ относительно пространныхъ можно упомянуть только

о «Семейныхъ Хроникахъ», изданныхъ Квиткой-Основьяненко подъ заглавіемъ «Похожденія Столбикова» и «Панъ Халявскій» *). Изъ нихъ «Панъ Халявскій» пользовался въ свое время вполнѣ заслуженной извѣстностью, которую сохранилъ за собой и до нашихъ дней. Въ сущности это потѣшная исторія одной малороссійской усадьбы и ея обитателей, исторія комическая, полная шаржа и невѣроятныхъ положеній, но въ основѣ своей все-таки правдивая. Всѣ не очень мрачные пороки старой дворянской жизни, какъ-то: лѣнь, тунеядство, обжорство, списаны авторомъ очевидно съ натуры—такъ много въ нихъ жизни и колорита. Необычайно комичные разсказы о первоначальномъ воспитаніи и обученіи дворянскихъ дѣтей совсѣмъ по простаковской системѣ, конечно, тоже не вымышленная картина, и развѣ только разсказъ о невѣроятно глупыхъ приключеніяхъ Халявскаго въ столицѣ придуманъ авторомъ въ веселую минуту.

Въ этомъ постоянно смѣшливомъ настроеніи, въ какомъ находится самъ авторъ и въ какомъ онъ держитъ читателя, заключена, безспорно, извѣстная грація разсказа, но въ этомъ же и его слабость. За исключительно смѣшными положеніями, въ какія авторъ ставитъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, почти совсѣмъ не чувствуется та серьезная мысль, на какую такая картина должна навести читателя, да и самъ авторъ, кажется, съ этою серьезною мыслью не хотѣлъ считаться. Во всякомъ случаѣ при всѣхъ своихъ достоинствахъ, «Панъ Халявскій» скорѣе сборникъ веселыхъ анекдотовъ, чѣмъ связное и художественное воспроизведеніе быта одного изъ очень характерныхъ уголковъ нашей жизни. Если этотъ романъ по внѣшнимъ размѣрамъ стоитъ впереди всѣхъ бытовыхъ очерковъ и разсказовъ своего времени, то въ нихъ, при всей ихъ краткости, собранный художникомъ матеріалъ сгруппированъ съ меньшей односторонностью и большей точностью.

Пересмотрѣвъ этотъ матеріалъ вкратцѣ, мы убѣдимся, однако, что и онъ, какъ бы онъ ни былъ точенъ и старательно собранъ, не соотвѣтствовалъ своему назначенію, и не давалъ вѣрнаго и исчерпывающаго представленія о богатствѣ и разнообразіи той жизни, изъ которой былъ взятъ.

Для удобства мы можемъ расположить этотъ матеріалъ по тѣмъ общественнымъ кругамъ, въ которыхъ его выискивалъ писатель.

Наибольшею популярностью должны были пользоваться, конечно, повѣсти изъ свѣтской жизни, которая всегда составляла приманку для средняго читателя. И такихъ повѣстей въ тридцатыхъ годахъ было написано очень много. Почти не было разсказа, въ которомъ не появлялось бы титулованное лицо, въ особенности женскаго пола, лицо

*) „Жизнь и похожденія Петра Степановича, сына Столбикова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVII вѣка". Спб. 1841 г. 3 части. „Панъ Халявскій". Спб. 1840 г.

иногда эпизодическое, иногда главное, но всегда выдвинутое писателемъ и эффектно поставленное.

За рѣдкими исключеніями такія свѣтскія лица, въ столицахъ или въ деревняхъ, были почти всѣ безъ лица, т.-е. ничего характернаго не представляла ни ихъ жизнь, ни образъ ихъ мыслей. Въ нихъ было очень мало типичнаго и всѣ дворяне въ самыхъ различныхъ положеніяхъ были до неузнаваемости другъ на друга похожи. Нельзя сказать, что авторы принимали близко къ сердцу сословные интересы: они столько же хвалили этотъ свѣтскій кругъ за хорошія манеры, вѣжливое обращеніе, хорошую рѣчь, за культурность и образованность, сколько и порицали за гордыню и надменность, за пристрастіе къ внѣшнему блеску, за отсутствіе искренности, вообще за все то, что тогда называлось «пустотой и черствостью свѣтскаго круга». Въ общемъ порицанія раздавались даже чаще, чѣмъ похвалы, но надо помнить, что громадное число обличителей было само неравнодушно къ приманкамъ этого «свѣта» и согласилось бы обжечься и сгорѣть, лишь бы подойти къ нему поближе. Основной недостатокъ многихъ изъ этихъ бытописателей свѣтской жизни заключался, дѣйствительно, въ томъ, что они стояли слишкомъ далеко отъ той среды, которую описывали. Ихъ повѣсти и разсказы были въ большинствѣ случаевъ сатирическими или сентиментальными разсужденіями на тему о положеніи привиллегированнаго сословія среди другихъ. Это положеніе могло, конечно, дать богатый матеріалъ для живописца даже и не совсѣмъ подробно освѣдомленнаго, но пользоваться этимъ матеріаломъ въ тѣ годы было трудно. Цензура николаевскаго царствованія была строже цензуры царствованія предшествующаго, и потому повѣсть изъ жизни высшихъ слоевъ общества, да и вообще всякая картина современныхъ нравовъ должна была съузить кругозоръ своего зрѣнія и то, что она проигрывала въ широтѣ, наверстывать въ разработкѣ чисто интимныхъ, частныхъ сторонъ описываемой жизни. Такъ и поступала тогдашняя свѣтская повѣсть. Отъ освѣщенія разныхъ общественныхъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ высшее сословіе играло такую выдающуюся роль, наша свѣтская повѣсть заранѣе отказалась—и салонная интрига стала ея любимымъ мотивомъ. Этотъ мотивъ мало-по-малу поглотилъ все вниманіе писателя и читателя, и чиновникъ дворянинъ на высокомъ посту, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, въ разговорѣ со своими подчиненными, въ бесѣдѣ съ самимъ собой о вопросахъ государственныхъ, этотъ же дворянинъ въ тѣсномъ общеніи съ крестьяниномъ и со своимъ дворовымъ человѣкомъ—сталъ совсѣмъ невидимъ, или появлялся лишь въ гостиныхъ и на балахъ, гдѣ велъ самыя невинныя рѣчи. Писатель сталъ даже побаиваться людей въ чинахъ и на отвѣтственномъ посту, почему въ своихъ повѣстяхъ охотнѣе говорилъ о молодыхъ людяхъ, а всего охотнѣе о женщинахъ, такъ какъ въ бесѣдѣ съ ними всего меньше было шансовъ заговорить о чемъ-нибудь въ общественномъ смыслѣ серьез

номъ. Вотъ почему намъ и пришлось ждать такъ долго настоящихъ романовъ изъ свѣтской жизни, въ которыхъ человѣкъ высшаго круга былъ изображенъ и понятъ не какъ человѣкъ вообще, а какъ продуктъ и факторъ культурной среды въ опредѣленный историческій моментъ. Только въ романахъ Тургенева, С. Аксакова, Л. Толстого, Гончарова и въ сатирѣ Салтыкова развернулась передъ нами поучительная картина жизни того общественнаго слоя, который, въ виду всѣхъ его преимуществъ, былъ поставленъ жизнью какъ будто бы въ поученіе всѣмъ прочимъ.

Изъ общей массы романовъ и повѣстей, въ которыхъ тогда изображалась жизнь свѣтскаго круга, придется выдѣлить очень немногіе.

Имена Лермонтова, князя Одоевскаго, Марлинскаго и графа Соллогуба должны быть поставлены въ данномъ случаѣ на первое мѣсто. Помимо таланта, эти писатели имѣли то преимущество передъ другими, что свѣтская жизнь была имъ родная жизнь, среди которой они выросли и воспитались, и потому ихъ повѣстями можно пользоваться, какъ показаніями очевидцевъ.

Серьезнѣе и глубже всѣхъ былъ взглядъ Лермонтова, несмотря на то, что поэтъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ былъ очень субъективенъ. Его желчный саркастическій взглядъ на все окружающее помогъ ему разоблачить тайники приличіемъ дисциплинированнаго, но въ сущности очень черстваго свѣтскаго сердца мужского и женскаго... Человѣкъ высшаго тона и круга, ухаживатель, любовникъ, мужъ ревнивый и довѣрчивый, отецъ любящій или черствый, честолюбецъ или индифферентъ и рядомъ съ нимъ предметъ его страсти, невѣста и жена—эти свѣтскіе типы вполнѣ удались Лермонтову и были типами безспорно живыми, но ихъ психическій міръ былъ очень несложенъ, и драматическія положенія, въ какія ихъ ставила жизнь, были положенія довольно обычныя, общечеловѣческія. Въ жизни русскаго барина Лермонтовъ отмѣтилъ лишь нѣсколько самыхъ эффектныхъ моментовъ, очень любопытныхъ съ психологической стороны, но далеко не самыхъ характерныхъ для обрисовки того вѣками сложившагося уклада жизни, какимъ жило наше столичное или провинціальное дворянство *).

То же самое можно сказать и про повѣсти кн. Одоевскаго, Марлинскаго и Соллогуба. И въ ихъ разсказахъ свѣтскій человѣкъ показанъ въ нѣсколькихъ эффектныхъ роляхъ, но опять такихъ, которыя могъ бы одинаково хорошо сыграть человѣкъ не свѣтскаго круга и даже не русскій.

Кн. Одоевскій былъ по преимуществу философъ и моралистъ, и

*) Самые характерные типы даны Лермонтовымъ въ его юношескихъ драмахъ (которыя въ тридцатыхъ годахъ напечатаны не были): „Menschen und Leidenschaften“ 1830 г., „Странный человѣкъ“. 1831, „Маскарадъ“. 1834, „Два брата“. 1836, а также и въ повѣстяхъ „Княгиня Лиговская“. 1836 и въ „Героѣ нашего времени“. 1838—1841 гг.

затѣмъ уже художникъ, почему въ его повѣстяхъ всегда звучала дидактическая нота. Большой поклонникъ чистыхъ и нравственныхъ движеній сердца и смѣлаго благомыслящаго ума, онъ обличалъ разные сердечные пороки у тѣхъ лицъ, которыя имѣли къ своимъ услугамъ всѣ цѣнности жизни, чтобы воспитать въ себѣ нравственнаго человѣка. Погрѣшности ненормальнаго небрежнаго воспитанія дѣтей, лукавыя приманки паркета для дѣвицъ и юношей, міръ свѣтскихъ сплетенъ по преимуществу, хищническая борьба не за существованіе, а за свѣтскій успѣхъ—вотъ какіе общеизвѣстные мотивы развивалъ нашъ моралистъ въ своихъ повѣстяхъ, и если онѣ тогда очень нравились, то только потому, что были разсказаны съ талантомъ и были написаны тѣмъ легкимъ граціознымъ стилемъ, какимъ безспорно владѣлъ Одоевскій *). Знакомясь со свѣтскими вертопрахами или прямо негодяями, съ юными, подававшими надежды идеалистами, у которыхъ однако свѣтская жизнь вытравила всякій идеализмъ изъ сердца, съ несчастными женщинами—жертвами скуки, злословія или душевной пустоты, читатель выносилъ хорошій нравственный урокъ и нѣкоторое знаніе человѣческаго сердца, но эти знанія были отрывочны и слишкомъ общи, чтобы по нимъ можно было судить о складѣ жизни цѣлаго сословія. Во всѣхъ повѣстяхъ Одоевскаго было много ума, остроумія, наблюдательности, но слишкомъ мало типичнаго. Наиболѣе интересною и типичною личностью въ его разсказахъ оставался онъ самъ—онъ идеалистъ-философъ среди поклонниковъ золотого тельца и разныхъ свѣтскихъ призраковъ.

Ничего особенно типичнаго не даютъ и повѣсти Марлинскаго, наиболѣе популярныя изъ всѣхъ въ тѣ годы ходкихъ разсказовъ. Тема та же, что и у Одоевскаго: обличеніе свѣтскихъ предразсудковъ, преимущественно салонныхъ и сердечныхъ **). Марлинскій только болѣе справедливъ къ тому кругу, въ которомъ онъ выросъ: въ его повѣстяхъ моральная тенденція заслонена желаніемъ какъ можно ближе подойти къ правдѣ, почему онъ и занятъ прежде всего психологическою мотивировкой тѣхъ разнообразныхъ чувствъ, съ какими молодые люди свѣтскаго круга вступаютъ въ жизнь, чтобы найти въ ней удовлетвореніе всевозможныхъ страстямъ, которыми щедро надѣлилъ ихъ авторъ—самъ человѣкъ очень порывистый и страстный. Жизнь свѣтской молодежи—вотъ чѣмъ почти исключительно интересовался Марлинскій и потому выборъ темъ въ его повѣстяхъ былъ однообразенъ и ограниченъ. Правда, его повѣсти были написаны съ большимъ чутьемъ къ жизненной правдѣ, въ нихъ было много блестковъ неподдѣльнаго юмора, но и они только скользили по самымъ любопытнымъ сто-

---

*) Изъ повѣстей *кн. Одоевскаго* самыми популярными были „Черная перчатка“—1838, „Княжна Мими“—1834, „Княжна Зизи“—1839.

**) Повѣсти „Испытаніе“ 1830, „Романъ въ семи письмахъ“ 1824, „Фрегатъ Надежда“ 1832.

ронамъ свѣтскаго быта, оставляя въ тѣни генезисъ тѣхъ понятій вкусовъ и настроеній, которые изображали такъ живо и интересно.

Разсказы гр. Соллогуба должны быть поставлены выше повѣстей Марлинскаго. Типы, выведенные Соллогубомъ, болѣе разнообразны, хотя отъ этого картина въ общемъ не становится шире. Графъ Соллогубъ былъ большой знатокъ свѣтской жизни и большой ея цѣнитель. Онъ любилъ дышать атмосферой гостиныхъ, салоновъ, раутовъ, баловъ и концертовъ и въ своихъ повѣстяхъ онъ довелъ изображеніе этой свѣтской парадной обстановки до совершенства. Если въ какихъ повѣстяхъ читатель могъ, дѣйствительно, очутиться въ избранномъ свѣтскомъ обществѣ и притомъ среди живыхъ людей, а не манекеновъ, такъ это именно въ разсказахъ Соллогуба *). Моральная, обличительная тенденція сказывалась въ нихъ не такъ ясно, какъ въ словахъ другихъ писателей, быть можетъ, потому, что самъ Соллогубъ едва ли бы призналъ недостаткомъ то, что въ глазахъ другихъ являлось недочетами аристократизма. Онъ съ любовью вырисовывалъ свои типы, именно съ любовью, чего нельзя сказать про другихъ обличителей, и когда онъ велъ тонкую дипломатическую бесѣду, всю построенную на любовной интригѣ, или давалъ почувствовать ту пропасть, которая ложится между людьми неравнаго происхожденія, когда онъ разсказывалъ, какъ энергія и талантъ безъ свѣтскихъ заручекъ бьются напрасно, чтобы отстоять свою позицію въ сердцѣ свѣтской женщины, когда, наконецъ, онъ вводилъ за собою въ свѣтское общество какого-нибудь «медвѣдя» съ доброю и честною душой, предоставленнаго для травли,—то онъ былъ хозяиномъ во всѣхъ этихъ нерѣдко очень драматическихъ положеніяхъ, и склоняясь передъ побѣжденными, онъ необычайно заманчиво рисовалъ побѣдителей, въ особенности женщинъ, настоящихъ львицъ или такихъ, которыя готовились со временемъ занять это амплуа.

При всѣхъ своихъ безспорныхъ литературныхъ достоинствахъ повѣсти Соллогуба грѣшили однако общимъ для всѣхъ такихъ повѣстей недостаткомъ: и они брали свѣтскую жизнь лишь съ ея внѣшней стороны, устраняя массу самыхъ существенныхъ вопросовъ, съ которыми свѣтскому человѣку безспорно приходилось считаться не въ гостиныхъ, конечно, а въ своемъ кабинетѣ, на мѣстѣ службы или у себя въ деревнѣ.

Если таковы были въ общемъ разсказы лицъ, хорошо знакомыхъ со свѣтскою жизнью, которую они описывали, то объ остальныхъ безчисленныхъ повѣстяхъ съ неизбѣжными свѣтскими героями придется сказать очень мало.

Хорошій матеріалъ далъ Загоскинъ въ своихъ сборникахъ «Москва

*) Повѣсти: „Мятель“ 1840, „Исторія двухъ калошъ“ 1840, „Большой свѣтъ“ 1840, „Медвѣдь“ 1842, „Аптекарша“ 1841.

и Москвичи *)»—въ маленькихъ сценкахъ, написанныхъ въ повѣствовательной и драматической формѣ, въ которыхъ нашъ патріотъ описывалъ недавнее прошлое своей возлюбленной первопрестольной столицы. Рядомъ съ довольно скучными описаніями московскихъ достопримѣчательностей и древностей здѣсь попадались историческія картинки изъ жизни московскихъ дворянъ, старой и современной, — типы московскихъ старожиловъ, для которыхъ вся вселенная сошлась на Москвѣ, сценки семейныя, типы кисейныхъ барышень, которыхъ надо было пристроить, описаніе старинныхъ баловъ въ Москвѣ, описаніе нравовъ англійскаго клуба съ очень живыми портретами, очевидно списанными съ натуры, и т. п. мелочи московской жизни, необработанныя художественно, но цѣнныя своею правдою,—во всякомъ случаѣ болѣе цѣнныя, чѣмъ та довольно широкая по размѣрамъ картина свѣтской жизни, которую Загоскинъ хотѣлъ нарисовать въ своемъ романѣ «Искуситель» **)—въ этомъ скучномъ, но въ автобіографическомъ смыслѣ любопытномъ, произведеніи.

Шаблонные, по литературному трафарету нарисованные свѣтскіе типы попадались въ изобиліи и въ повѣстяхъ Булгарина и Сенковскаго, которые, примѣняясь къ требованіямъ средней публики, любили щегольнуть типами изъ высшаго свѣта, съ которымъ они сами были знакомы очень поверхностно. Искать живыхъ людей въ тѣхъ многочисленныхъ нравоописательныхъ сценкахъ, въ которыхъ Сенковскій изощрялъ свое остроуміе—напрасно. Какъ фельетонистъ съ довольно большой снаровкой, Сенковскій писалъ живо и умѣлъ смѣшить, но уже его современники оцѣнили этотъ смѣхъ по достоинству и не относились къ нему серьезно. Его сатира, въ томъ числѣ и сатира на свѣтское общество ***), была всегда цѣлымъ рядомъ общихъ мѣстъ, которыя читались только потому, что иногда бывали пикантно изложены. Когда же Булгаринъ брался говорить объ аристократахъ, то даже этого малаго достоинства его слова не имѣли. Они были до нельзя безцвѣтны, хотя авторъ и стремился запутанностью интриги вознаградить читателя за шаблонность своихъ типовъ. Наиболѣе обстоятельно говорилъ онъ о свѣтской жизни въ своемъ большомъ романѣ «Записки Чухина» ****), въ которомъ разсказывалъ о похожденіяхъ одного благороднаго юноши изъ низшаго слоя общества. Этотъ скиталецъ сталъ случайнымъ свидѣтелемъ цѣлой запутаннѣйшей семейной драмы въ одномъ барскомъ домѣ, и своею жизнью долженъ былъ доказать, что не рожденіе краситъ человѣка. Характеры свѣтскіе автору совсѣмъ не удались, и лучшія страницы въ романѣ—опи-

*) *М. Н. Загоскинъ.* «Москва и Москвичи». Часть I и II. 1842 и 1844.

**) *М. Н. Загоскинъ.* „Искуситель". Москва, 1836, 3 части.

***) Напр. „Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ". 1833.

****) *Ѳ. Булгаринъ.* „Памятныя записки титулярнаго совѣтника Чухина или простая исторія обыкновенной жизни». Спб. 1835. 2 части.

санія тѣхъ притоновъ нищеты и тѣхъ тюремъ, куда судьба занесла героя этого благонамѣреннаго разсказа.

Итакъ, если объединить весь матеріалъ, который писатели съумѣли собрать при своихъ наблюденіяхъ надъ жизнью высшихъ классовъ нашего тогдашняго общества, то однообразіе и нехарактерность этого матеріала бросится въ глаза сразу. Уловлена была лишь самая внѣшняя сторона этой любопытной жизни, а ея скрытыя пружины не были обнаружены. Казнены были пороки самые общіе; люди показаны были лишь въ самыхъ обыденныхъ положеніяхъ и позахъ; обнаружены были только тѣ чувства, которыя приводили въ движеніе личную жизнь, а вся жизнь общественная оставалась въ полной тѣни.

Несмотря на то, что наблюденія надъ этою жизнью производились современниками, мы въ настоящее время узнаемъ о ней больше изъ романа «Война и Миръ», чѣмъ изъ всѣхъ повѣстей написанныхъ въ тѣ годы.

Не менѣе скудны по содержанію и не менѣе однообразны, чѣмъ эти картины дворянской жизни въ столицѣ, были разсказы, въ которыхъ писатель знакомилъ насъ съ провинціальною и деревенскою жизнью дворянства. Тема была благодарная, но выполненіе ея было связано со многими неопреодолимыми трудностями. Не говоря уже о цензурныхъ затрудненіяхъ, которыя накладывали извѣстный односторонній отпечатокъ на все, что писатель могъ сказать объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьяиину, требовалась большая наблюдательность, чтобы уловить характерныя черты провинціальной жизни, во многомъ столь патріархальный и самобытной. Чтобы разсказъ о ней былъ правдивъ и полонъ жизни, необходимо было знаніе массы мелкихъ деталей очень важныхъ для характеристики этой стоячей и косной жизни, необходимо было знакомство съ самою интимною ея стороной. Такихъ знаній у писателя тогда не было и онъ ограничивался опять общими положеніями, которыя обращали его разсказъ не то въ блѣдную сатиру на отсталыхъ оригиналовъ и чудаковъ, не то въ идиллію, блещущую разными ординарными семейными добродѣтелями.

Но всетаки кое-какія любопытныя наблюденія были сдѣланы и въ этой области. Много бытовыхъ сценокъ изъ жизни дворянской усадьбы дано было, напр., въ мелкихъ разсказахъ В. И. Даля (казака Луганскаго), которые разсѣяны въ разныхъ журналахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ *). Эти разсказы не претендовали ни на полноту, ни на художественную законченность; возникали они случайно, изъ анекдотовъ или наблюденій самого автора, но зато они были правдивы; и хотя авторъ и говорилъ въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, о пустячкахъ, о разныхъ смѣшныхъ сторонахъ помѣ-

*) Они собраны въ полномъ изданіи его сочиненія 1897 (изд. М. О. Вольфа). Томы IV и V.

щичьей жизни, но эта жизнь съ ея своевольною скукой и барскимъ чудачествомъ всетаки выдавала кое-какія свои тайны. Въ данномъ случаѣ въ особенности любопытенъ довольно большой разсказъ Даля: «Павелъ Алексѣевичъ Игривый», въ которомъ не безъ романтическихъ условностей описана жизнь скромнаго помѣщика-тюленя, добродушнѣйшаго смертнаго, неспособнаго составить свое личное счастье и, между тѣмъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, имѣющаго на него право.

Вмѣстѣ съ Далемъ эти темы разрабатывалъ въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ начинавшій входить въ моду писатель Е. Гребенка. Не лишенный таланта, наблюдательный и хорошо знавшій жизнь малороссійскій усадьбы, онъ, идя во слѣдъ Гоголю, описывалъ укромные уголки провинціальной жизни, давая, какъ и его предшественникъ, попеременно волю то своему юмору, то патетическому настроенію *). Встрѣчаемся мы у него съ добряками, которые первому встрѣчному готовы довѣрить судьбу своей дочери, съ сосѣдями, проводящими все свое время въ тяжбахъ и въ обоюдномъ услажденіи другъ друга всякими пакостями, съ цѣлою толпой уѣздныхъ обывателей, живущихъ пересудами и кляузами,—и знакомясь съ ними, мы не скучаемъ, хотя и не особенно ими интересуемся. Все это типы довольно заурядные. Не блещетъ оригинальностью въ данномъ смыслѣ и романъ Загоскина «Тоска по родинѣ» **). Въ этомъ двухтомномъ разсужденіи на тему о скукѣ, которую русскій человѣкъ испытываетъ за границей, авторъ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, вывелъ нѣкоего Кузьму Петровича Кукушкина, полу-богатаго полу-просвѣщеннаго и полу-знатнаго русскаго дворянина, который топорщился, пыхтѣлъ и надувался, чтобы не отстать отъ своей братіи вельможъ, и велъ поэтому у себя въ усадьбѣ жизнь довольно занятную, подражая вельможамъ въ разныхъ барскихъ выдумкахъ. Страницы, на которыхъ Загоскинъ разсказалъ жизнь этого чудака, хоть и каррикатурны въ деталяхъ, но все-таки странички изъ жизни.

Но все-таки сколько бы мы ни собирали такихъ литературныхъ крохъ—жизнь провинціи того времени остается для насъ тайной.

Наряду съ жизнью свѣтскаго общества писателя тѣхъ годовъ интересовала также и жизнь военнаго круга, по преимуществу тоже свѣтскаго. Военный свѣтскій человѣкъ появлялся въ тѣхъ самыхъ салонныхъ разказахъ, о которыхъ мы говорили, и въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ массы общихъ свѣтскихъ типовъ. Мало было повѣстей, которые бы его изображали въ иной, болѣе ему свойственной обстановкѣ, гдѣ бы онъ могъ развернуть именно

---

*) *Е. П. Гребенка.* „Какъ люди женятся“ 1838. „Горевъ“ 1839 „Братья“ 1839. „Куликъ“ 1840. „Сеня“ 1841. „Прудъ“ 1842.

**) *М. Н. Загоскинъ.* „Тоска по родинѣ“. Москва. 1839. 2 части.

свою военную душу. Очень пестрые типы военныхъ александровскаго царствованія представителей въ литературѣ не имѣли, да и болѣе однообразный типъ николаевскаго служаки былъ плохо представленъ. Многихъ вопросовъ, связанныхъ съ жизнью этого сословія, нельзя было совсѣмъ коснуться, а для освѣщенія другихъ невинныхъ и незатѣйливыхъ нужно было опять знаніе, которое могло быть пріобрѣтено только личнымъ опытомъ. Поэтому лучшее, что было сказано о военныхъ того времени, было сказано самими же военными. Въ повѣстяхъ Лермонтова, Марлинскаго и Даля (который одно время былъ полковымъ докторомъ) жизнь военнаго человѣка была впервые описана на основаніи нагляднаго наблюденія и потому кое-какія стороны этой своеобразной души и открылись читателю; и—что важнѣе всего—рядомъ со свѣтскимъ военнымъ появился въ литературѣ и смиренный армеецъ, и солдатъ.

Въ «Героѣ нашего времени» Лермонтовъ не ставилъ себѣ цѣли рисовать картину военнаго быта, но тѣмъ не менѣе въ этомъ романѣ попадался и бытовой матеріалъ. У кого изъ памяти могъ изгладиться Максимъ Максимовичъ, докторъ Вернеръ, Грушницкій и все военное общество, собранное на кавказскихъ водахъ? Хотя появленіе такихъ типовъ въ литературѣ бросало свѣтъ лишь на нѣкоторые уголки военной жизни, но зато исчерпывало все ихъ духовное содержаніе. Лермонтовъ въ данномъ случаѣ продолжалъ, впрочемъ, дѣло, начатое раньше его; и однимъ изъ его прямыхъ предшественниковъ и притомъ очень талантливымъ былъ Марлинскій, сначала блестящій столичный офицеръ, а затѣмъ простой рядовой на Кавказѣ.

Онъ зналъ военную жизнь лучше, чѣмъ всѣ его современники-писатели, и въ его повѣстяхъ читатель впервые познакомился съ русскимъ офицеромъ и солдатомъ какъ съ людьми, обладающими своеобразнымъ міросозерцаніемъ и многими очень тонкими чувствами. Не говоря о томъ, что Марлинскій въ своихъ разсказахъ дѣлалъ часто личныя признанія и нарисовалъ свой собственный портретъ—портретъ одного изъ образованнѣйшихъ военныхъ людей александровскаго царствованія, онъ, какъ чуткій и наблюдательный человѣкъ, сблизилъ насъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, мимо которыхъ мы тогда проходили, не удостоивая ихъ вниманія. Офицеръ въ провинціальномъ городѣ, на посту въ глухихъ мѣстечкахъ, въ гостяхъ у горцевъ, на бивуакѣ, при штурмѣ ауловъ, офицеръ на веселой пирушкѣ,—или на смертномъ одрѣ былъ центральною фигурой многихъ драматичныхъ разсказовъ Марлинскаго. И рядомъ съ этою типичною фигурой начальника въ повѣстяхъ нашего автора появлялся впервые и солдатъ, не для того, чтобы стоять, какъ молчаливая декорація, а для того, чтобы и чувствовать, и думать, и говорить на нашихъ глазахъ. Въ этомъ ознакомленіи читателя съ психическимъ міромъ солдата въ самыя рѣшительныя минуты его трудной жизни, на морѣ, въ дикихъ ущельяхъ горъ, въ снѣжныхъ долинахъ,

заключалась главная заслуга Марлинскаго, какъ бытописателя. Въ этой области онъ въ свое время былъ новаторъ *).

Одновременно съ нимъ, но съ меньшимъ талантомъ, разсказывалъ разные анекдоты изъ военной жизни и В. И. Даль. Походная жизнь была ему знакома, онъ видѣлъ и слыхалъ много и, обладая хорошею литературной сноровкой, пытался настоящія «были» превращать въ болѣе или менѣе закругленныя повѣсти. Пока онъ разсказывалъ, онъ былъ хорошій разсказчикъ, когда же начиналъ «сочинять», то недостатокъ воображенія давалъ себя чувствовать. Лучшее, что онъ создалъ были его «Солдатскіе досуги» **)—хрестоматія для солдатскаго чтенія—рядъ короткихъ, простыхъ, но иногда колоритныхъ анекдотовъ. Много хорошихъ страницъ попадаются и въ его воспоминаніяхъ о походѣ въ Турцію ***), наконецъ, есть у него и нѣсколько болѣе законченныхъ и отдѣланныхъ типовъ, иной разъ очень трогательныхъ, какъ, напр., типъ отставного солдата всю жизнь прожившаго въ деньщикахъ и наканунѣ смерти возвращавшагося въ родную деревню, гдѣ у него нѣтъ ни кола, ни двора и гдѣ его ждутъ новыя печали; типъ несчастнаго офицера «Ивана Невѣдомскаго», Богъ вѣсть отъ кого на свѣтъ появившагося, всю жизнь чувствовавшаго себя неловко и, наконецъ, послѣ одной жаркой схватки съ горцами пропавшаго безъ вѣсти. Встрѣчаются и типы комическіе, какого-нибудь капитана Пѣтушкова, которому въ присутствіи дамъ никакъ не удается сказать въ попадъ ни одного слова, мичмана Поцѣлуева, сентиментальнаго юноши, прямо изъ мирнаго гнѣзда попавшаго въ военную передѣлку ****). Хоть всѣ такіе типы и незамысловаты, хоть комизмъ и трагизмъ такихъ разсказовъ въ большинствѣ случаевъ вытекаетъ не изъ ихъ характеровъ, а изъ положеній, все-таки разсказы Даля изъ военной жизни—правдивые документы, а не условный вымыселъ. Автору можно поставить въ упрекъ только одно, что онъ недостаточно глубоко вникъ въ трагедію военной дисциплины, въ особенности солдатской. А впрочемъ, можетъ быть, онъ и вникъ въ нее и вполнѣ сознательно къ ней относился, но только былъ безсиленъ ввести эту трагедію въ свои повѣсти.

Нашлись, однако, писатели, которыхъ опасность такой темы не устрашила.

Двѣ трогательныхъ повѣсти разсказалъ Н. Полевой *****) о солдат-

*) „Аммалатъ-Бекъ“ 1831. „Вечера на бивуакѣ“ 1823. „Лейтенантъ Бѣлозоръ“ 1831. „Онъ былъ убитъ“ 1834. „Письмо изъ Дагестана“ 1831. „Подвиги Овечкина и Щербины“ 1834. „Путь до города Кубы“. 1834 „Разсказъ офицера бывшаго въ плѣну у горцевъ“ 1834. „Фрегатъ Надежда“ 1832.

**) „Солдатскіе досуги“. Въ VI томѣ полнаго собранія сочиненій.

***) „Небывалое въ быломъ“.

****) „Отставной“, „Иванъ Невѣдомскій“, „Женихъ“, „Расплохъ“, „Мичманъ Поцѣлуевъ“.

*****) *Н. Полевой.* „Мечты и жизнь“, Москва, 1833, т. IV. „Разсказы русскаго солдата“.

ской жизни. Собственно, это повѣсти изъ крестьянскаго быта, и этимъ онѣ особенно цѣнны. Показать, какую нравственную ломку испытываетъ крестьянинъ, мѣняя одно подневольное положеніе на другое, значило затронуть одинъ изъ важнѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ того времени и притомъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ для обсужденія. Полевой довольно смѣло его коснулся.

Солдатъ, который разсказываетъ, какъ ему жилось въ нищенской крестьянской обстановкѣ, гдѣ онъ питался гречневою шелухой съ лебедой и мякиной, гдѣ онъ работалъ сверхъ силъ, среди полупьяныхъ братьевъ, гдѣ онъ выстрадалъ цѣлую семейную драму, когда женился на Дуняшѣ противъ воли ея отца, наконецъ, гдѣ онъ потерялъ и эту Дуняшу и полуживой стоялъ у ея гроба и слушалъ, какъ бабы, попивая сивуху, голосили—этотъ мрачный разсказъ, въ которомъ, однако, ясно слышится жалобная нота сожалѣнія объ этомъ непроглядномъ прошломъ, хорошая поправка къ обычнымъ восхваленіямъ солдатской жизни, о которой съ такимъ бодрымъ паѳосомъ любили говорить наши патріоты. Заставляетъ задуматься и другая повѣсть Полевого, въ которой онъ стремится пояснить намъ иную солдатскую печаль,—то давящее чувство одиночества, которое испытываетъ отслужившій солдатъ, когда возвращается домой въ деревню, гдѣ у него не осталось въ живыхъ ни одной родной души и гдѣ ему впервые приходитъ мысль, что на склонѣ своей унылой и трудовой жизни ему остался одинъ выходъ—стать бродягой.

Еще болѣе смѣлый вопросъ, поднялъ Н. Ф. Павловъ въ своей повѣсти «Ятаганъ»*). Для автора и для цензора, который ее пропустилъ, эта повѣсть стала источникомъ крупныхъ непріятностей; иначе и быть не могло, такъ какъ она слишкомъ откровенно обнажила одну сторону военной жизни, именно—злоупотребленіе силой у человѣка, имѣющаго власть надъ другими и утратившаго власть надъ самимъ собой. Въ повѣсти описано любовное соперничество одного бурбона-полковника и его подчиненнаго... Полковникъ проигрываетъ свою партію и вымещаетъ свой проигрышъ на счастливомъ любовникѣ. Месть его вызываетъ въ молодомъ человѣкѣ вполнѣ понятный протестъ и когда начальникъ за этотъ протестъ подвергаетъ его тѣлесному наказанію, несчастный юноша идетъ на крайнее. Онъ убиваетъ своего начальника среди бѣлаго дня, и приговоръ военнаго суда заканчиваетъ эту кровавую драму. Надо помнить времена, когда эта повѣсть была написана, чтобы понять, что она значила. Частный случай легко можно было обобщить, и одинъ изъ устоевъ господствующаго режима могъ стать предметомъ раздумья.

Какъ видимъ, о военномъ бытѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ го-

---

*) *Н. Ф. Павловъ.* „Три повѣсти“. М. 1835.

дахъ говорилось нерѣдко и говорилось талантливо и даже иногда смѣло. Но и этотъ литературный матеріалъ далеко не покрывалъ собою дѣйствительности и оставлялъ въ тѣни массу самыхъ интересныхъ сторонъ жизни.

Нельзя сказать, чтобы и міръ чиновный давалъ литературѣ возможность близко подойти къ дѣйствительности, такъ какъ описаніе его быта, не ограничивающееся одними лишь внѣшними деталями или сердечными исторіями, должно было также завлечь художника въ разсужденія, на которыя онъ не былъ уполномоченъ. Если оставить въ сторонѣ комедіи и повѣсти Гоголя—самый смѣлый обвинительный актъ противъ бюрократіи—то трудно указать хоть на одну повѣсть, болѣе или менѣе оригинальную и характерную, въ которой чиновникъ стоялъ бы передъ нами живой въ своей обстановкѣ и со своимъ міросозерцаніемъ. О болѣе или менѣе высокихъ чиновныхъ кругахъ свободной и открытой рѣчи быть не могло, и если объ этихъ сановникахъ до статскаго совѣтника включительно рѣшался говорить авторъ, то онъ всегда говорилъ лишь въ самомъ благонамѣренномъ тонѣ и начальникъ былъ для него всегда олицетвореніемъ правосудія и строгой доброты. На растерзаніе литераторамъ были отданы лишь чиновники мелкіе, и литература, дѣйствительно, расправлялась съ ними довольно жестоко. Но такую расправу едва ли можно счесть за общественную заслугу или за вѣрное пониманіе дѣйствительности. Чиновничьи сплетни, подсиживанія, угожденіе начальству, плутни, взяточничество и всякія упущенія по службѣ, все это, конечно, не было вымысломъ, а правдой, но только правдой внѣшнею, за которою крылась другая—общая правда всей бюрократической системы; коснуться ея въ тѣ годы было невозможно, и писатель былъ вынужденъ либо обличать дозволенные къ обличенію пороки, либо, что было гораздо болѣе плодотворно и справедливо, заинтересовывать насъ въ пользу грѣшныхъ и виновныхъ, объясняя узость ихъ умственнаго и нравственнаго кругозора тѣми условіями жизни, въ какихъ этимъ людямъ приходилось вырастать и бороться за существованіе.

Повѣсть изъ чиновничьей жизни была, такимъ образомъ, въ тѣ годы повѣстью сатирическою или элегическою, смотря по тому, оттѣнялъ ли авторъ порочное или трогательное въ жизни своего героя.

Изъ сатирическихъ повѣстей такого типа едва ли можно указать хоть на одинъ разсказъ, въ литературномъ смыслѣ цѣнный. Въ краткихъ нравоописательныхъ повѣстяхъ Булгарина и Сенковскаго попадались очень часто типы чиновниковъ (конечно почти всегда очень низко поставленныхъ) и благомыслящій авторъ казнилъ ихъ безпощадно во славу истинной служебной честности не замѣчая, что еще задолго до казни въ нихъ небыло и признака жизни. За Булгаринымъ и за Сенковскимъ пошли многіе другіе, которыхъ прельщалъ такой дешевый способъ проповѣдничества. Въ видѣ исключенія можно

указать развѣ только на кое-какіе мелкіе разсказы В. И. Даля *), впрочемъ мало обработанные, и на попытку Д. Бѣгичева **) въ драматической формѣ представить разносъ всѣхъ губернскихъ чиновниковъ, учиненный однимъ благомыслящимъ губерна торомъ, съ быстротой молніи пріѣхавшимъ во ввѣренную ему губернію и въ сообществѣ съ не менѣе его благороднымъ предводителемъ дворянства произведшимъ ревизію всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Этотъ комическій эпизодъ, разсказанный Бѣгичевымъ, не можетъ, конечно, претендовать на литературное значеніе, тѣмъ болѣе что очень многія и самыя комическія сцены почти списаны авторомъ съ «Ревизора» Гоголя, но за нимъ остается всетаки значеніе нѣкотораго историческаго документа. Бѣгичевъ—самъ довольно высоко поставленный чиновникъ—зналъ хорошо жизнь своей среды и въ его «Сценахъ» рядомъ со скучнѣйшей моралью попадаются живыя картинки чиновныхъ порядковъ, которые должны однако возбудить въ читателѣ полное довѣріе къ начальству высшему и заставить вздох нуть о грѣхахъ начальства низшаго, которое ведетъ себя въ осо бенности нагло съ беззащитными неграмотными крестьянами.

Повѣсти изъ чиновнаго быта съ элегическимъ оттѣнкомъ встрѣчались въ тѣ годы такъ же не рѣдко. Лучше другихъ умѣлъ ихъ писать Е. П. Гребенка. Малороссіянинъ, не лишенный юмора и умѣнья схватывать истинно комическое въ жизни онъ, еще до выхода въ свѣтъ «Шинели» Гоголя бралъ въ своихъ повѣстяхъ ***) эту элегическую жалобную ноту, которая должна была возбудить въ насъ состраданіе къ нищему и духомъ, и тѣломъ, къ этому чернорабочему при государственной машинѣ, для котораго весь міръ сошелся на его департаментѣ. Описаніе этого царства бумаги, этихъ душныхъ комнатъ, въ которыхъ царятъ одновременно гордыня и надменность, низкопоклонничество и ябеда, и въ которыхъ совершается медленное убійство ума и чувства, придаетъ въ общемъ очень незатѣйливымъ повѣстямъ Гребенки серьезное значеніе. Иногда картина становится очень жалостной и всѣ эти мелкіе чиновники, женатые на своихъ кухаркахъ, молодые люди, съ розовой мечтой пріѣхавшіе искать «дѣла» въ Петербургѣ и закисшіе въ департаментахъ, вся эта вереница поневолѣ злыхъ и ничтожныхъ людей, производитъ на насъ впечатлѣніе чего-то очень грустнаго, хотя авторъ и смѣшитъ насъ нерѣдко своими остротами и многими удавшимися юмористическими фигурами.

Въ общемъ, однако, всѣ эти сценки изъ жизни чиновниковъ — и

---

*) Лучшій разсказъ Даля изъ чиновничьяго быта вплетенъ имъ въ его романъ „Вакхъ Сидорычъ Чайкинъ“, смтр. главы гдѣ разсказана исторія семейства Калюжиныхъ.

**) *А. И. Бѣгичевъ.* „Провинціальныя сцены“. Сочиненія автора „Семейства Холмскихъ“. Спб. 1840.

***) *Е. П. Гребенка.* „Лука Прохоровичъ“ 1838. „Вѣрное лекарство“ 1839. „Записки студента“ 1840. „Сеня“. 1841.

обличительныя, и элегическія—мелочь, если вспомнить не только о тѣхъ вопросахъ, на которые чиновничья жизнь могла навести наблюдателя, но хотя бы о томъ, что объ этой жизни успѣлъ сказать Гоголь.

Можно было бы думать, что положеніе и нравы самой пишущей братіи дадутъ обильный матеріалъ для литературной обработки. Что недостатка въ этомъ матеріалѣ не было, и что жизнь писателя, какъ такового—публициста, поэта, журналиста, театральнаго дѣятеля,—представляла большой интересъ и была обильна всевозможными эпизодами, имѣвшими не только частное, но и общественное значеніе—въ этомъ насъ легко могутъ убѣдить опубликованныя теперь въ изобиліи мемуары литераторовъ. Но мы напрасно стали бы искать въ тогдашней литературѣ хоть намековъ на интересныя стороны писательской жизни. Въ этомъ, конечно, сами писатели были виноваты лишь отчасти. Ждать отъ литератора откровеннаго разсказа объ его мытарствахъ, объ его общественномъ подневольномъ положеніи, объ его безгласной борьбѣ съ цензурой было невозможно. Самая любопытная въ общественномъ смыслѣ страница его жизни была недоступна для обсужденія. Оставались, правда, иныя страницы, тоже не лишенныя интереса, но онѣ не останавливали на себѣ вниманія писателя.

Единственно ходкою темой тѣхъ лѣтъ былъ разсказъ о житейскихъ и душевныхъ страданіяхъ поэта или художника, обреченнаго на тягостное столкновеніе съ прозой жизни и съ толпой, которая его не понимаетъ. Романтики любили эту тему, разрабатывали ее еще въ двадцатыхъ годахъ, но мало заботились о совпаденіи своего вымысла съ правдой жизни, почему по ихъ повѣстямъ и нельзя судить о настоящихъ реальныхъ условіяхъ, въ какихъ жилъ русскій писатель хотя бы въ частной своей жизни и въ обществѣ. Отмѣтить можно развѣ только повѣсть Соллогуба «Воспитанница». Это была одна изъ первыхъ и очень удачныхъ попытокъ разработать вполнѣ реально одну любимую романтическую тему о борьбѣ таланта съ заѣдающими его условіями трудовой жизни. Соллогубъ разсказалъ очень трогательно исторію одной дворовой дѣвушки, воспитанной въ барскомъ домѣ во всѣхъ дворянскихъ традиціяхъ и оставшейся на улицѣ послѣ смерти своей благодѣтельницы. Эта дѣвушка была одарена необыкновеннымъ драматическимъ талантомъ, но талантъ не спасъ ее отъ униженія и страданія, и она погибла жертвой грубыхъ провинціальныхъ сплетенъ и грубаго обращенія со стороны «поклонниковъ искусства».

Личная жизнь талантливаго человѣка, жизнь, полная униженій и страданій, могла бы пробудить въ писателѣ и пафосъ, и сарказмъ, но даже эта скромная тема осталась въ тѣ годы совсѣмъ незамѣченною. Все что мы узнаемъ изъ текущей литературы того времени о писательской жизни сводится къ незначительнымъ анекдотамъ о невѣжествѣ литераторовъ, самомнѣніи, ложномъ образованіи, просто глупости и нахальствѣ, или къ пересказу ихъ журнальныхъ пикиро-

вокъ, ихъ кабинетныхъ сплетенъ. Читая такіе разсказы, невольно останавливаешься передъ вопросомъ—зачѣмъ было писателямъ выносить весь этотъ соръ изъ избы и подрывать въ публикѣ довѣріе къ своей дѣятельности, которая и безъ того не пользовалась тогда должнымъ признаніемъ? Но литераторы съ настоящимъ талантомъ, которымъ въ этихъ вопросахъ принадлежалъ бы рѣшающій голосъ, избѣгали такихъ темъ pro domo sua, и самооплеваніе писательской братіи въ литературѣ объясняется тѣмъ, что писатели сводили свои личные счеты и не находили для этого лучшаго пріема, какъ сатирическіе очерки, часто сбивавшіеся прямо на пасквиль. Кто знакомъ подробно съ исторіей журналистики того времени, тому иногда не трудно указать въ этихъ очеркахъ прямо на оригиналы, съ которыхъ списаны дѣйствующія лица.

Конечно, среди этихъ литературныхъ очерковъ можетъ быть установлена извѣстная градація, смотря по тому, насколько автору удавалось обобщить выставленныя имъ лица и факты. Такъ, напримѣръ, тѣ разсказы изъ жизни литераторовъ, которые помѣщалъ Полевой въ своемъ «Новомъ Живописцѣ» были въ литературномъ отношеніи значительно выше всѣхъ имъ подобныхъ произведеній, потому что въ обрисовкѣ типовъ и положеній сатирикъ достигалъ извѣстной образности и общности. Наиболѣе бойкіе очерки въ этомъ родѣ принадлежали перу Сенковскаго. Онъ самъ былъ однимъ изъ большихъ литературныхъ интригановъ, зналъ хорошо закулисныя дѣла журналистики и имѣлъ причины гнѣваться на своихъ собратьевъ по перу, которые въ долгу у него не оставались. Много нелестнаго сказалъ онъ о нихъ въ своихъ сатирическихъ статейкахъ *), которыя тогда очень нравились, такъ какъ мѣстами бывали, дѣйствительно, очень смѣшны, хотя и не комичны въ настоящемъ смыслѣ. Перечислять тѣ литераторскіе пороки, которые осмѣивалъ Сенковскій, было бы очень скучно, такъ какъ реестръ ихъ давно составленъ, чуть ли не со временъ Кантеміра. Среди этихъ пороковъ нѣкоторые безспорно заслуживали осмѣянія, какъ, напримѣръ, авторское самомнѣніе въ разныхъ видахъ и всевозможныя потуги таланта, но были и такія стремленія, которыя можно было осмѣивать лишь при полномъ отсутствіи серьезнаго взгляда на жизнь. И Сенковскій, у котораго такого серьезнаго взгляда не было, смѣялся часто самымъ буфоннымъ смѣхомъ надъ тѣмъ, что заслуживало полнаго сочувствія. Онъ позволялъ себѣ, напр., самыя обидныя глумленія по адресу тѣхъ писателей, въ которыхъ находилъ хоть малѣйшее тяготѣніе къ умозрѣнію. Онъ былъ безсильнымъ, но самымъ крикливымъ врагомъ всѣхъ философскихъ теченій его времени и, какъ часто бываетъ, увлекалъ своимъ площаднымъ гаерствомъ тѣхъ, кому эта, имъ обруганная, философія стре-

*) *О. Н. Сенковскій.* „Выходъ у сатаны“ 1832, „Осенняя скука“ 1833, „Похожденія одной ревизской души“ 1834, „Превращеніе головъ въ книги“ 1839, „Чинъ-Чунъ или авторская слава“ 1834.

милась привить истинное пониманіе изящнаго въ жизни. Само собою разумѣется, что по его сатирическимъ статьямъ нельзя себѣ составить хоть приблизительно вѣрнаго представленія о томъ, что такое была литературная жизнь его времени и кто были эти «романтики» и «философы», надъ которыми онъ потѣшался.

По стопамъ Сенковскаго одно время шелъ и Загоскинъ; и онъ, какъ представитель старшаго поколѣнія литераторовъ, считалъ нужнымъ обличать литераторовъ молодыхъ—романтиковъ и въ особенности «гегелистовъ». Самъ онъ не могъ понять ихъ настоящихъ стремленій и потому его сатира обратилась въ настоящій фарсъ, въ сборище карикатуръ, въ которыхъ никто не узнаетъ настоящихъ представителей нашей молодой словесности, хотя именно въ нихъ-то старикъ и мѣтилъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности характерна его сатира «Литературный вечеръ» *), въ которой онъ облилъ грязью Бѣлинскаго, выставивъ его въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ и какъ писателя, и, что́ хуже, какъ человѣка.

Если подвести итогъ всѣмъ этимъ сатирамъ и очеркамъ, въ которыхъ должны были быть изображены литературные нравы стараго времени, то кромѣ обличенія самыхъ обыденныхъ писательскихъ пороковъ, кромѣ неумѣстныхъ шутокъ надъ тѣмъ, что самому сатирику было непонятно, кромѣ неумѣлыхъ нападокъ на литературную новизну и наконецъ кромѣ сведенія личныхъ счетовъ—мы не найдемъ ничего въ историческомъ или литературномъ смыслѣ цѣннаго.

Спускаясь изъ этихъ культурныхъ круговъ въ слои менѣе культурные, переходя къ тѣмъ повѣстямъ, въ которыхъ рисуется жизнь нашего купечества и мѣщанства, мы должны еще больше ограничить наши ожиданія и требованія. Жизнь этихъ круговъ въ тѣ романтическіе годы считалась по существу еще менѣе любопытной, чѣмъ жизнь крестьянская, которую можно было идеализировать по образцу старыхъ описаній «естественнаго» быта или старой сентиментальной идилліи. Литература тѣхъ лѣтъ почти совсѣмъ игнорировала «среднія состоянія» нашего общества или довольствовалась самымъ шаблоннымъ типомъ практическаго богобоязненнаго честнаго купца и смышленнаго работника-мѣщанина. Внѣшняя и внутренняя жизнь этихъ темныхъ или полу-темныхъ людей открылась читателю уже послѣ Гоголя, въ годы расцвѣта такъ называемой «натуральной школы». Было бы, однако, несправедливо умолчать о предшественникахъ этой школы, какъ бы ни была скромна ихъ работа.

В. И. Далю принадлежитъ среди этихъ скромныхъ наблюдателей первое мѣсто. Въ своихъ мелкихъ разсказахъ и анекдотахъ онъ давалъ временами очень живые портреты мастеровыхъ, мелкихъ и

*) „Москва и москвичи“, часть II.

крупныхъ коммерсантовъ, лавочниковъ и иныхъ сѣрыхъ людей, отъ которыхъ литература тогда отвертывалась. Что съ нимъ очень рѣдко случалось—ему удалось даже удачно использовать этотъ матеріалъ въ повѣстяхъ довольно большого объема.

Съ безспорнымъ знаніемъ купеческой жизни написанъ, напримѣръ, очеркъ «Отецъ съ сыномъ» *)—старая исторія объ отцахъ и дѣтяхъ, возникшая въ средѣ, гдѣ традиція требовала полнаго повиновенія отъ младшихъ,—исторія, въ которой, однако, носитель этихъ традицій—старикъ, обнаруживаетъ, вопреки ожиданіямъ, глубоко гуманную душу и умъ, умѣющій стать на чужую точку зрѣнія. Трагикомическій эпизодъ женитьбы одного купеческаго сынка на дочери нѣмецкаго колбасника разсказанъ Далемъ также очень живо въ повѣсти «Колбасники и бородачи». Въ повѣсти «Жизнь человѣка или прогулка по Невскому проспекту» была нашимъ авторомъ очень трогательно описана безотрадная жизнь одного несчастнаго ремесленника, подкидыша-горбуна, который, состоя подмастерьемъ въ разныхъ лавкахъ и домахъ, расположенныхъ по Невскому проспекту, тридцать девять лѣтъ бѣгалъ по нему и ни разу не видалъ Невы и на смерть перепугался, когда однажды случайно былъ завезенъ на Петербургскую Сторону.

Какъ образцы хорошихъ «физіологическихъ» очерковъ, нужно отмѣтить разсказы «Петербургскій дворникъ» и «Деньщикъ», а также и довольно ярко написанныя странички «Чухонцы въ Питерѣ» **).

Поставленныя рядомъ съ повѣстями Даля другіе однородные съ ними разсказы проигрываютъ въ живости и вѣрности изображенія; изъ нихъ можно указать развѣ только на романъ Башуцкаго «Мѣщанинъ» ***) Романъ довольно широко задуманъ: авторъ хотѣлъ въ немъ разсказать полную невѣроятныхъ приключеній, жизнь «мѣщанина изъ отпущенныхъ», который въ чувствахъ своихъ и въ своемъ образованіи опередилъ любого представителя высшаго круга. Романъ написанъ въ романтическомъ стилѣ и почти на всѣхъ страницахъ отклоняется отъ возможнаго и вѣроятнаго, и только описаніе толкучаго рынка имѣетъ литературную и историческую цѣнность и взято, безспорно, изъ портфеля ученика «натуральнаго» класса.

Сколько бы мы ни отмѣчали, однако, такихъ живыхъ страницъ, онѣ все-таки говорятъ намъ очень мало о жизни нашихъ среднихъ сословій и изъ цѣлой массы своеобразныхъ типовъ, живущихъ въ своеобразной обстановкѣ, лишь самая ничтожная часть всплывала наружу, и то только дразнила, а не удовлетворяла любопытство читателя.

---

*) Напечатанъ въ I-мъ томѣ его сочиненій.

**) Всѣ эти повѣсти напечатаны въ III-мъ томѣ полнаго собранія его сочиненій (изд. Вольфа).

***) *А. Башуцкій.* „Очерки изъ портфеля ученика натуральнаго класса". „Тетрадь первая. Мѣщанинъ." 2 части. Спб. 1840.

Неудовлетворено было это любопытство и тогда, когда читатель хотѣлъ узнать, какими идеалами, умственными и нравственными, живетъ нашъ простой крестьянскій народъ и каковы внѣшнія условія его быта.

Что касается этихъ внѣшнихъ условій, то литература издавна о нихъ повѣствовала и въ своемъ разсказѣ выработала извѣстные стереотипные пріемы. Часто въ угоду идиллическому настроенію души писателя, крестьянская жизнь изображалась въ мягкихъ и пріятныхъ краскахъ. Нельзя сказать, конечно, что въ этихъ идилліяхъ все отъ перваго слова до послѣдняго было ложью: могло статься, что среди многихъ милліоновъ рабовъ и было нѣсколько, которые съ утратой свободы жили покойно и въ довольствѣ, но, во всякомъ случаѣ, такія исключительныя картины не давали никакого понятія объ общемъ ходѣ крестьянской жизни. Гораздо болѣе близки къ истинѣ были тѣ—въ александровскую эпоху болѣе, а въ николаевскую менѣе—многочисленные писатели, которые свой интересъ сосредоточили на мрачныхъ сторонахъ народнаго быта. Эти мрачныя стороны были исчислены и описаны довольно вѣрно, насколько, конечно, позволяла тогдашняя цензура, но во всѣхъ этихъ разсказахъ чувствовалось, что народное міросозерцаніе и душа народа были для писателя закрытою книгой. Въ лучшемъ смыслѣ онъ уступалъ мужику на время свои собственныя скорбныя или протестующія думы и рѣчи.

Наша литература не скоро дождалась, когда народъ заговорилъ самъ на ея страницахъ и когда писатель настолько проникъ въ сущность народной жизни, что, знакомя насъ съ низшею братіей, могъ не знакомить съ самимъ собою.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ вниманіе писателя все еще было устремлено на внѣшнюю сторону народной жизни и онъ собиралъ, коллекціонировалъ матеріалъ. Когда же ему случалось обрабатывать этотъ матеріалъ, онъ привносилъ въ него много условнаго и субъективнаго. Такъ дѣлалъ Загоскинъ, когда выдвигалъ въ своихъ романахъ мужика, какъ носителя и выразителя истинно-русскихъ началъ жизни *), такъ поступалъ Полевой, прививая мужику свой сентиментальный образъ мысли и рѣчи **), такъ дѣлалъ и Гребенка ***) въ своихъ фантастическихъ и сентиментальныхъ повѣстяхъ.

---

*) Лучшее, что въ этомъ родѣ написано Загоскинымъ, это—маленькій очеркъ „Добрый Ванька“ въ его сборникѣ „Москва и москвичи“. Выходъ II-й.

**) Наиболѣе удачный очеркъ Полевого изъ народнаго быта—разсказъ „Мѣшокъ съ золотомъ“, „Мечты и жизнь“, часть IV, но и онъ не свободенъ отъ сентиментальной приторности.

***) *Е. Гребенка.* „Разсказы пирятинца“ (1836) и въ особенности разсказъ „Куликъ“ (1840).

Нельзя назвать близкими къ жизненной правдѣ и очень нравившіеся тогда малороссійскія повѣсти Грицька Основьяненки, такъ какъ и онѣ не что иное, какъ лишь сентиментальныя и романтическія варіаціи на народные мотивы *).

Изъ всего, что тогда писалось о народной жизни, нужно отдать преимущество опять таки разсказамъ Даля. Это преимущество было справедливо отмѣчено еще тогдашнею критикой, которая думала найти въ нихъ то, чего она такъ искала, именно—русскую «народность». Если требовать отъ разсказа полнаго совпаденія съ жизнью въ обрисовкѣ внѣшнихъ деталей, токритика была права: Даль хорошо изучилъ эту жизнь, обладалъ единственнымъ въ своемъ родѣ знаніемъ народной рѣчи; ему не было нужды выдумывать, и онъ, дѣйствительно, разсказывалъ «быль», но талантъ его, какъ художника, былъ очень скроменъ и потому всѣ его повѣсти остались анекдотами. Въ нихъ нѣтъ ни натяжекъ, ни условностей, ни невѣрностей: все согласно съ правдой; въ нихъ масса народныхъ изреченій, прибаутокъ, пословицъ, много чисто народныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, но въ нихъ нѣтъ образовъ, нѣтъ типовъ, нѣтъ развитія въ народной мысли и въ движеніяхъ сердца. Люди какъ будто сфотографированы моментально; мы видимъ ихъ въ опредѣленныхъ и единственныхъ позахъ, но мы не живемъ съ ними.

Какъ собраніе матеріаловъ, повѣсти Даля представляютъ безспорный интересъ, но едва ли читатель того времени могъ по нимъ разгадать хоть отчасти трудную загадку—что думаетъ и какъ чувствуетъ нашъ народъ, тѣмъ болѣе, что и Даль не всегда былъ свободенъ отъ дидактической тенденціи и подбиралъ свои анекдоты съ цѣлью оттѣнить одну какую-нибудь нравственную истину или достойно наказать того, кто ея ослушался **).

Итакъ, если оглянуть бѣглымъ взоромъ всѣ повѣсти и разсказы, въ которыхъ писатель тѣхъ годовъ ставилъ себѣ задачей художественное воспроизведеніе окружавшей его дѣйствительной жизни, то, безспорно, придется констатировать быстрый и богатый приростъ наблюденій, сдѣланныхъ писателемъ надъ самыми разнообразными слоями русскаго общества. Много было уловлено деталей, много выведено типовъ, но частью по винѣ автора, а еще чаще по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, всѣ эти наблюденія въ большинствѣ случаевъ

---

*) „Малороссійскія повѣсти“, разсказываемыя Г. Основьяненкомъ. 2 части. Москва. 1834 и 1837.

**) „Ракита“, „Безчестіе“, „Петруша съ Параней“, „Выемка“, „Крестьянка“, „Ваша воля, наша доля“, „Вдовецъ“, „Прадѣдовскія ветлы“ и др.

касались чисто внѣшнихъ сторонъ жизни и не пытались или не могли проникнуть въ глубь ея. Масса самыхъ характерныхъ типовъ, и самыя интересныя житейскія положенія легли внѣ поля зрѣнія тогдашняго литератора.

Исключеніе въ данномъ случаѣ составлялъ одинъ только Гоголь. Его взглядъ на русскую жизнь былъ шире и глубже взгляда другихъ писателей и его комедіи и повѣсти были наиболѣе полною галлереей характерныхъ и общихъ типовъ.

Были, конечно, области жизни, которыми Гоголь не то что не интересовался, а о которыхъ онъ умолчалъ въ своемъ творчествѣ по неизвѣстнымъ причинамъ. Такъ, напр., онъ, хорошо знавшей жизнь свѣтскаго круга, вращавшійся среди аристократовъ, высшихъ чиновниковъ и всевозможныхъ именитыхъ людей, не обмолвился о нихъ почти ни единымъ словомъ. Молчалъ ли онъ изъ деликатности или по отсутствію смѣлости—рѣшить трудно. Былъ онъ очень скрытенъ и во всемъ, что касалось нравовъ того сословія, къ которому онъ самъ принадлежалъ, т.-е. сословія писателей. Своему собрату по перу онъ говорилъ много колкостей въ своихъ журнальныхъ и критическихъ статьяхъ, но онъ почему-то пощадилъ его въ своей сатирѣ.

Но за исключеніемъ этихъ двухъ пробѣловъ, которые въ творчествѣ Гоголя даютъ себя очень чувствовать — въ остальномъ онъ самый разносторонній и тонкій бытописатель нашей жизни. Онъ очень кратко, но необычайно мѣтко схватываетъ главныя очертанія жизни очень многихъ круговъ и слоевъ нашего общества.

Яркость картины достигается Гоголемъ, повидимому, пріемами очень простыми, и эти пріемы художника становятся истинно изумительны, когда двумя тремя штрихами онъ набрасываетъ передъ нами цѣлый типъ, который поясняетъ иногда жизнь цѣлаго сословія лучше, чѣмъ длинный рядъ портретовъ аккуратно списанныхъ съ натуры въ подходящей обстановкѣ.

Въ чемъ тайна того впечатлѣнія, которое на насъ производятъ всѣ эти образы, эти люди, съ которыми насъ авторъ сводитъ почти всегда лишь на очень короткое время?

Тайна заключена, конечно, прежде всего, въ талантѣ автора. Онъ, какъ большой художникъ, творитъ людей словами и они стоятъ, какъ живые, передъ нами, но, кромѣ этой жизненности и жизнеспособности эти люди обладаютъ и еще однимъ качествомъ, которымъ они обязаны тому же таланту автора, но главнымъ образомъ, его зоркому и серьезному взгляду на жизнь. Это качество—ихъ типичность. Они всѣ типичны, т.-е. ихъ умственный складъ, темпераментъ, ихъ привычки, образъ ихъ жизни не есть нѣчто случайное, или исключительное, нѣчто лично имъ принадлежащее; весь ихъ внутренній міръ и вся обстановка, которую они создаютъ вокругъ себя—художественный итогъ внутренней и внѣш-

ней жизни цѣлыхъ группъ людей, цѣлыхъ круговъ, классовъ, воспитавшихся въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ; и эти условія не скрыты отъ насъ и пояснены намъ именно благодаря «типичности» тѣхъ лицъ, которыхъ авторъ выставилъ, какъ художественный синтезъ всѣхъ своихъ наблюденій надъ жизнью.

Возьмемъ ли мы помѣщичьи типы и мы сразу видимъ, что въ нихъ дана вся патологія дореформеннаго дворянства съ его маниловщиной на чужомъ трудѣ, съ кулачествомъ Собакевича, не отличающаго одушевленнаго раба отъ неодушевленнаго, съ ноздревщиной, которая знаетъ, что въ силу дворянскаго своего положенія она всегда съумѣетъ вывернуться и не погибнетъ, съ самодурствомъ Кошкарева, который учреждалъ министерства и департаменты въ своей усадьбѣ, мня себя самодержавнымъ или, наконецъ, съ благомысліемъ и добродушіемъ Тентетникова, который прѣлъ на корню, избавленный отъ необходимости къ чему-либо приложить свою волю и энергію.

Остановимся ли мы на такихъ лишь бѣгло набросанныхъ типахъ, какъ напр., Копейкинъ, и тогдашняя армейская нищета духа и тѣла предстанетъ передъ нами воочію, и мы поймемъ, что такое была дореформенная солдатская жизнь—въ ея главныхъ наиболѣе общихъ очертаніяхъ, жизнь, такъ много требовавшая отъ службы и такъ мало цѣнившая человѣка въ служиломъ. Такъ же точно при знакомствѣ съ добродушнымъ городничимъ и его сослуживцами, при встрѣчѣ со всѣми «милыми» чиновниками того губернскаго города, въ которомъ временно проживалъ Чичиковъ, при знакомствѣ съ Акакіемъ Акакіевичемъ—развѣ мы не чувствуемъ и не понимаемъ, что передъ нами лица, которыхъ вскормилъ, а затѣмъ вознесъ или принизилъ именно тогдашній бюрократическій строй, прививавшій всякому начальству своеволіе и убивавшій всякую свободную волю въ подчиненномъ.

Вѣрно, хотя только въ двухъ-трехъ штрихахъ, съумѣлъ обрисовать Гоголь и домашнюю интимную жизнь купеческой семьи, и когда затѣмъ Островскій разсказалъ намъ исторію этой жизни подробно во всѣхъ деталяхъ, то оказалось, что устои ея — ея косность, мракъ ума и погоня за счастьемъ въ самой матеріальной формѣ, указаны были вѣрно еще нашимъ сатирикомъ.

Почти въ каждомъ изъ гоголевскихъ типовъ можно найти такую типичность. Всегда выведенное имъ лицо интересно и само по себѣ, какъ извѣстная разновидность человѣческой природы, и кромѣ того, какъ цѣльный образъ, по которому можно догадаться о культурныхъ условіяхъ, среди которыхъ онъ выросъ. Въ этомъ смыслѣ Гоголь для своей эпохи былъ единственный писатель: ничей взоръ не проникалъ такъ вглубь русской жизни, никто не умѣлъ придать такую типичность своимъ образамъ и если въ оцѣнкѣ художественнаго разсказа выдвигать на первый планъ эту способность писателя обнаруживать тайныя

пружины окружающей его жизни, показывать намъ, какими общими теченіями мысли, какими чувствами, стремленіями, среди какихъ привычекъ живетъ не одно какое-нибудь лицо, а цѣлыя группы лицъ, изъ которыхъ слагается общественный организмъ—если эту способность цѣнить въ бытописателѣ-реалистѣ, то, безспорно, исторію русскаго реальнаго романа придется начинать съ Гоголя.

Его громадная роль въ этой исторіи теперь ясна каждому, но ее, хоть и смутно, понимали уже первые его читатели.

Критическими отзывами о сочиненіяхъ Гоголя и главнымъ образомъ о «Мертвыхъ Душахъ» легче всего провѣряется вся необычность и своеобразность его творчества для его времени. О всѣхъ романистахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ современная серьезная критика высказывалась болѣе или менѣе согласно. Въ сужденіяхъ о Гоголѣ она никакъ не могла придти къ соглашенію.

Однимъ слова Гоголя показались простой шуткой, легкой болтовней, потому что сама литература не пріучила еще критика связывать вымыселъ непосредственно съ самой жизнью, которая подсказывала художнику его измышленія: другіе, которые поняли глубокій смыслъ гоголевскихъ твореній были такъ поражены этимъ смысломъ, что на первыхъ порахъ не разобрались въ немъ и потому высказались о немъ не вполнѣ опредѣленно.

Н. Котляревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ**.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской**.

(*Продолженіе* *).

Глава XV.

Послѣ долгой бесѣды съ лордомъ Лэкинтономъ, результата ея порывистаго признанія, Жюли провела тревожный вечеръ и еще болѣе тревожную ночь. Проснулось ли въ ней старое горе, боль за судьбу своихъ родителей? Нѣтъ, это было другое.

Оставшись одна послѣ ухода лорда Лэкинтона, она безцѣльно опустилась въ кресло и еще со слезами на глазахъ, вызванными воспоминаніями о матери, вся ушла въ свои мрачныя думы; правду сказать, единственнымъ предметомъ этихъ думъ былъ Уорквортъ, и его утренній визитъ.

Зачѣмъ она такъ обошлась съ нимъ? Она зашла слишкомъ далеко—черезчуръ далеко; но она просто не могла вынести этой самонадѣянности, развязности, этой полной увѣренности, что его примутъ съ раскрытыми объятіями. Нѣтъ, она покажетъ ему, что она для него не игрушка, которую можно по произволу взять или бросить. Безпечно, добродушно-насмѣшливое выраженіе въ его глазахъ послѣ всего, что она пережила—нѣтъ, это ужъ слишкомъ много!

Судя по его письмамъ къ ней съ острова Уайта, онъ, повидимому, даже не подозрѣвалъ, что она переживаетъ кризисъ. А между тѣмъ, по обращенію маленькой герцогини, когда она прощалась съ нимъ въ тотъ злополучный вечеръ, онъ могъ бы понять, что случилось что-то неладное, могъ бы вспомнить, что миссъ Лаурсенъ близкій другъ Моффатовъ.

Вѣдь онъ почти помолвленъ съ этой хорошенькой наслѣдницей,—неужели же онъ думаетъ, что полуформальное обѣщаніе, данное ему, несмотря на протестъ опекуновъ, глупой болтуньей матерью Эйлинъ

*) Начало романа помѣщено въ 1902 г. Новые подписчики могутъ получить начало, приславъ своевременно заявленіе и три семикопѣечныя марки.

могло остаться неизвѣстнымъ?—что онъ можетъ скрывать его отъ свѣта и отпираться передъ нею,—Жюли?

У нея вся душа изболѣла; какъ ее измучила герцогиня своими просьбами въ этотъ несчастный вечеръ!

— Жюли, я не могу удержаться. Я знаю, что это нескромность съ моей стороны, но, Жюли, милочка, ради Богда выслушайте меня! Какое право имѣетъ мужчина такъ ухаживать за вами, какъ онъ, когда... Ну, конечно, онъ ухаживаетъ за вами; какъ же это иначе назвать? Берти получилъ сегодня отъ леди Генри отвратительное письмо. Ужъ, конечно, безъ этого не обошлось! И, конечно, она пишетъ такія письма всѣмъ, кому только можетъ. Но это бы все ничего, если бъ только... Но, Жюли, голубчикъ, вѣдь вы дѣйствительно страшно хлопотали за него. А его обращеніе съ вами—(герцогиня вспыхнула и Жюли невольно спросила себя, не подглядѣла ли она случайно долгаго поцѣлуя руки) и, что онъ тогда пришелъ первымъ къ леди Генри—вѣдь надо же было этому случиться!.. О, Жюли, онъ негодный человѣкъ, увѣряю васъ, онъ негодный человѣкъ! Разумѣется, онъ влюбленъ въ васъ, это вполнѣ понятно, но все время, понимаете, все это время... Эми разсказалъ мнѣ всю эту исторію отъ начала до конца, онъ регулярно переписывается съ этой дѣвочкой; и она, и ея мать, несмотря на опекуновъ, считаютъ это форменной помолвкой, и всѣ ихъ друзья думаютъ, что онъ твердо рѣшилъ жениться на ней—изъза денегъ. Можете считать мое вмѣшательство гнуснымъ, Жюли,—это ужъ какъ хотите—но я прямо убила бы его, если бъ могла, съ наслажденіемъ убила бы!

И ни явное недовольство, ни видъ оскорбленнаго достоинства, ни то смѣшное положеніе, въ которое она ставила предполагаемую жертву, ни гнѣвные взгляды Жюли, ни насмѣшки, срывшіяся съ ея дрожавшихъ губъ—ничто не могло остановить потока словъ герцогини, оскорбленной въ своихъ лучшихъ привязанностяхъ. *Ея* Жюли обманываютъ, надъ ней издѣваются, и если она такъ слѣпа, такъ ослѣплена, что не видитъ этого, она должна по крайней мѣрѣ понять, какъ на это смотрятъ другіе.

Она высказалась до конца и Жюли волей неволей должна была спорить и защищаться. Даже больше, герцогиня выманила у нея обѣщаніе. Блѣдная, и вся натянутая, какъ струна, но твердо рѣшившая дѣлать видъ, что все это для нея только шутка, она дала герцогинѣ что-то въ родѣ обѣщанія на будущее время быть осторожнѣе съ Уорквортомъ.—Онъ мой другъ, и что бы кто ни говорилъ, останется моимъ другомъ,—отвѣчала она съ улыбающимся упорствомъ, прикрывавшимъ нѣчто такое, передъ чѣмъ герцогиня спасовала.—Но, конечно, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе, Эвелина,—вы знаете, что я всегда рада сдѣлать вамъ пріятное!

Но она никогда не обѣщала, не хотѣла, не думала лишить себя его

общества, изгнать его изъ своего новаго дома. Она предпочла бы отказаться отъ всѣхъ своихъ друзей, и отъ этого дома, и отъ видовъ на будущее, чѣмъ принять на себя такое обязательство. Этого Эвелинѣ отъ нея никогда не добиться!

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ, на видъ занятая только устройсткомъ новой квартиры, она все время переходила отъ страха къ надеждѣ и обратно. Она чистила, обметала, вытирала пыль, переставляла мебель, и все время думала только объ одномъ—безумно ждала перваго письма отъ него. Ужъ, конечно, въ немъ проглянетъ тревога, страхъ, откровенныя нотки, борьба между расчетомъ и—любовью...

Но ничего подобнаго! Его первое письмо было письмомъ человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ томъ, къ кому онъ пишетъ, и въ томъ, какъ примутъ его письмо,—человѣка, чувствующаго подъ ногами твердую почву. Въ каждой фразѣ свѣтилась счастливая внутренняя увѣренность въ своихъ правахъ. Такъ могъ писать влюбленный, для котораго пора сомнѣній уже миновала.

Письмо это подняло страшную бурю въ душѣ Жюли. Контрастъ между тѣмъ, какъ онъ позировалъ въ письмахъ, и дѣйствительностью, которую онъ лукаво скрывалъ отъ нея, пробудилъ въ ней страшную ревность и ненависть, не столько къ Уорквортy, сколько къ этому невѣдомому ей маленькому созданьицу, которое безъ труда, безъ заслугъ брало надъ нею перевѣсъ и въ дѣтской самоувѣренности спокойно ждало, пока предметъ его желаній вернется къ нему. Можно ли жалѣть её, за что? Жюли не чувствовала по отношенію къ ней никакихъ угрызеній совѣсти.

Миссъ Лауренсъ разсказывала еще многое: что объ Уорквортѣ говорили, будто онъ намѣренно компрометировалъ дѣвушку въ Симлѣ, заставляя ее продѣлывать такія вещи, которыя въ тамошнемъ обществѣ считаются не принятыми и неприличными, и находили такое поведеніе некорректнымъ съ его стороны; что опекуны очень сердились, наконецъ вмѣшались и взяли съ него обѣщаніе, теперь нарушенное, благодаря потворству мамаши, не видѣться и не переписываться съ Эйлинъ, пока она не достигнетъ совершеннолѣтія, т.-е. въ теченіе двухъ лѣтъ. Но что было до всего этого Жюли? Что значило это въ ея глазахъ? Развѣ она когда-нибудь предполагала, что Уорквортъ въ отношеніи денегъ и своей карьеры руководствовался какими-нибудь высшими, а не обыкновенными житейскими соображеніями? Она отлично знала, что онъ не святой и не аскетъ. Эти обвиненія совсѣмъ не ужасали ее. Она давно разгадала его характеръ, его слабости, его эгоизмъ и примирилась къ ними. Несмотря на это—можетъ быть, даже вслѣдствіе этого—она страстно любила его.

Что касается женитьбы или, по крайней мѣрѣ, ухаживанья изъ-за денегъ, это не внушало ей никакого отвращенія. Жюли по своему была очень романтична; но, въ виду экономическихъ взглядовъ на

бракъ, и въ особенности на приданое, французовъ и бельгійцевъ, среди которыхъ она провела свою юность, ей и въ голову не приходило порицать Уоркворта за то, что онъ, раздумывая о бракѣ, ставитъ на первый планъ деньги. Она походила на знаменитыхъ *amoureuses* XVIII столѣтія, которыя въ письмахъ къ любимому человѣку, не имѣя возможности сами выйти за него замужъ, совѣтовали ему жениться для поправленія своихъ обстоятельствъ и предлагали различныя соблазнительныя партіи. Напримѣръ, «*une jeune personne* шестнадцати лѣтъ, ни отца, ни матери, только братъ. По выходѣ замужъ ей будутъ выдавать по 13.000 фр. въ годъ, и тетка будетъ очень счастлива, если молодая на время останется у нея». А если это не подходитъ — «я знаю человѣка, который былъ бы въ восторгѣ назвать васъ своимъ зятемъ, но дочери его всего 11 лѣтъ; зато она единственная дочь и будетъ *очень* богата. Вы знаете, мой другъ, что у меня на первомъ планѣ ваше счастье и устроить его—главная задача моей жизни.»

Жюли привыкла смотрѣть на вещи именно такимъ образомъ, хотя передъ другими болѣе или менѣе скрывала это, и въ ней это уживалось съ болѣе высокими идеями и чувствами, унаслѣдованными ею отъ родителей, насколько это вообще возможно въ представителяхъ латинскихъ расъ.

Безъ сомнѣнія, въ Жюли примѣшивался къ этому, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась у леди Генри, другой, англійскій взглядъ на замужество, ставящій на первое мѣсто въ бракахъ личный выборъ и подчиняющій всякіе расчеты таинственному духовному сродству, которое англичане зовутъ любовью. Всю эту зиму Жюли надѣялась, въ концѣ концовъ, заставить Уоркворта жениться на себѣ. Онъ бѣденъ и потому, конечно, ищетъ денегъ. Но тайный голосъ шепталъ ей, что ея положеніе въ обществѣ, ея вліяніе на вліятельныхъ лицъ стоятъ не меньше денегъ, и онъ пойметъ это.

И что же? Она все время была довѣрчивою дурочкой, и онъ обманывалъ ее. Зотъ въ чемъ его преступленіе, а не въ томъ, что онъ искалъ приданаго и хотѣлъ жениться на деньгахъ. Онъ лгалъ ей, чтобы держать ее въ заблужденіи, лжетъ и теперь. Онъ пишетъ такъ, какъ будто любитъ ее. Можетъ быть, и любитъ. Но въ то же время Жюли ясно читала въ этомъ письмѣ безмолвное, но твердое рѣшеніе сохранить Эйлинъ Моффатъ и ея деньги; а сердечному другу онъ могъ предложить только болѣе или менѣе двусмысленную связь такъ годика на два, пока не будетъ оглашена его помолвка.

Глухая и горькая злоба поднималась въ душѣ Жюли. Вспоминая, какъ онъ въ первое время уклонялся отъ отвѣтовъ на ея вопросы, она почти соглашалась съ герцогиней. Дѣйствительно, этотъ человѣкъ издѣвался надъ нею, относился къ ней, какъ къ ребенку. Она не отвѣтила ему на первое письмо, а когда пришло второе, не позволила себѣ даже распечатать его. Она положила его на письменный столъ,

потомъ вечеромъ перенесла его на маленькій столикъ возлѣ кровати; чуть свѣтъ ея дрожащіе пальцы потянулись сами собой къ этому письму и сунули его подъ подушку. Когда совсѣмъ разсвѣло, она уже не могла удержаться—распечатала и читала, и перечитывала его, обливая его своими слезами.

Но злоба ея не улеглась, и когда Уорквортъ появился въ дверяхъ, она вдругъ прорвалась очень ярко. Жюли хотѣла дать ему понять, что у нея есть друзья—могущественные друзья,—и главное, что у нея есть Делафильдъ.

И вотъ это сдѣлано. Она оттолкнула своего возлюбленнаго; она была при немъ особенно мила и любезна съ Делафильдомъ. Теперь Уорквортъ уйдетъ отъ нея и, можетъ быть, будетъ радъ такому удобному случаю вернуться цѣлымъ и невредимымъ къ своей невѣстѣ.

Она сидѣла въ темнотѣ, припоминая и взвѣшивая каждое слово, каждый взглядъ. Въ комнату, крадучись, вошла Тереза.

— Mademoiselle, le souper sera bientôt prêt.

Жюли устало поднялась; дѣвочка захватила ея руку своею худенькой ручкой.

— J'aime tout ce vieux monsieur, — выговорила она нѣжно, — je l'aime tant!

Жюли вздрогнула. Ея мысли витали далеко отъ лорда Лэкинтона.

Поднимаясь наверхъ, въ свою спаленку, она чувствовала укоры совѣсти. Въ объясненіи съ нею старикъ выказалъ большую чуткость, деликатность, полную раскаянія нѣжность, которой даже трудно было ожидать отъ такого избалованнаго и причудливаго существа. Отъ потрясенія, вызваннаго ея неожиданнымъ признаніемъ, еще глубже врѣзались морщины въ это лицо, на которое время уже наложило печать не иной и новой, но увядающей красоты. Отпирая ему, уже въ сумеркахъ, входную дверь, Жюли искренно хотѣлось пойти вмѣстѣ съ нимъ, усладить ему его одинокій вечеръ. Жена его умерла; холостой сынъ, Уильямъ, не всегда жилъ вмѣстѣ съ отцомъ; леди Бланшъ рѣдко пріѣзжала въ Лондонъ, и большую часть времени старикъ жилъ одинъ въ своемъ роскошномъ домѣ на Сентъ-Джемекомъ скверѣ, о которомъ она столько слышала отъ матери.

Жюли ему нравилась—понравилась съ перваго взгляда. Какъ естественно было бы ей освѣтить и согрѣть его старостю, какъ естественно и какъ невозможно! Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы пойти на затрудненія и непріятности, неизбѣжно связанныя съ неожиданнымъ появленіемъ въ домѣ его незаконной внучки. Да и сама Жюли, гордясь своею новорожденною независимостью, не рѣшилась бы на такой шагъ. Но её тянуло къ дѣду; сердце ея жаждало родной ласки.

Нѣтъ, любовь, родные—все это не для нея. Входя въ маленькую, почти пустую комнатку надъ воротами, которую она только начала наполнять книгами, бумагами и всѣми принадлежностями литературной

профессіи, она горестно убѣждала себя довольствоваться тѣмъ, что давалось ей такъ легко и безъ риска. Свѣту угодно находить, что она одарена замѣчательными общественными талантами. Она должна сосредоточить весь свой умъ и энергію на борьбѣ съ леди Генри и попробовать, нельзя ли все-таки привить *салонъ* на англійской почвѣ. У нея было литературное чутье и умѣнье выражать свои мысли; она должна зарабатывать свой хлѣбъ... Она посмотрѣла на лежавшую на столѣ наполовину написанную статью и со вздохомъ взялась за книги, ища въ нихъ спасенія.

Въ этотъ вечеръ Тереза, обожавшая ее, все время слѣдила за нею своимъ печальнымъ и пристальнымъ взглядомъ. Ея кумиръ былъ какъ-то странно печаленъ и блѣденъ; но дѣвочка не задавала вопросовъ. Она только окружала mademoiselle своими нѣжными ненавязчивыми услугами, пока mademoiselle не ушла къ себѣ, а затѣмъ, лежа въ постели съ открытыми глазами, все прислушивалась къ каждому звуку въ комнатѣ напротивъ, пока тамъ все не стихло, тогда только, тѣша свою нѣмую и робкую преданность надеждой, что Жюли спитъ, она уснула сама.

Спала Жюли или не спала, но на другой день она встала рано. Еще до прихода почтальона, она уже одѣлась и хотѣла спуститься внизъ, въ кухню, гдѣ онѣ всѣ три, по старинному обычаю жителей Брюгге, пили вмѣстѣ утренній кофе. Мнѣніе леди Генри, будто Жюли нѣженка, сластоѣшка и не въ состояніи обходиться безъ роскоши, было до нелѣпости далеко отъ истины. Послѣ столькихъ лѣтъ роскошной жизни и услугъ множества челяди въ домѣ леди Генри, дѣвушка сразу вернулась къ скромнымъ привычкамъ бельгійцевъ безъ всякихъ усилій и даже съ удовольствіемъ. Утромъ она помогала Леони и Терезѣ въ уборкѣ дома. Ея ловкіе пальчики мыли, чистили, обтирали пыль; меньше чѣмъ черезъ недѣлю она знала наперечетъ каждую рюмку и чашку въ китайскомъ шкафчикѣ кузины Мэри, и онѣ вдвоемъ съ Терезой держали обѣ гостиныя въ безукоризненной чистотѣ. Жюли, сразу обратившая слугъ леди Генри въ своихъ друзей и послушныхъ рабовъ, теперь, у себя въ домѣ, дѣлала все сама, принимая только самыя необходимыя услуги. По утрамъ, правда, являлась поденщица для черной работы, но въ десять она уже уходила, и Жюли, madame Борнье и дѣвочка оставались въ домѣ полными хозяйками. Маленькая, съ приплюснутымъ носомъ, молчаливая Леони ходила за провизіей и готовила имъ обѣдъ. Она постоянно жаловалась на грабительскія цѣны англійскихъ fournisseur'овъ, но Жюли все же казалось, что она побѣдоносно выходитъ изъ этой борьбы. Она торговалась, какъ умѣютъ торговаться только французскіе бѣдняки, насколько ей это позволяли обычаи Вестъ-Энда, и Жюли скоро замѣтила, что, хотя онѣ и живутъ въ центрѣ Мэйфера, расходы ихъ будутъ невѣроятно малы. Въ виду этого, она чувствовала себя полною госпожей своей судьбы. Да, она

своими руками прокормитъ себя и своихъ, и еще будетъ каждый годъ откладывать понемножку, никому ничѣмъ не одолжаясь. Если черезъ полгода она не въ состояніи будетъ платить герцогу за наемъ помѣщенія,—предполагая, что онъ позволитъ ей и дольше жить здѣсь,—она перемѣнитъ квартиру.

Когда она спустилась въ переднюю, въ своемъ утреннемъ старомъ саржевомъ платьѣ, вывезенномъ изъ Брюгге, ее встрѣтила Тереза съ письмами.

Жюли пересмотрѣла ихъ, повернулась и пошла обратно въ свою комнату. Она ждала письма отъ Уоркворта, и оно пришло; теперь надо найти въ себѣ мужество прочесть его.

Оно начиналось безъ обращенія:

«Васъ, вѣроятно, не удивитъ мое письмо. Я хочу спросить васъ, не можете-ли вы объяснить мнѣ ваше сегодняшнее поведеніе. Я снова и снова перебираю въ памяти случившееся и ничего не понимаю. Вы какъ будто вычеркнули изъ своей жизни шесть мѣсяцевъ нашей дружбы; обошлись со мною такъ, какъ будто я для васъ простой, случайный знакомый. Не можетъ быть, чтобы я ошибся. Вы хотѣли показать мнѣ—и другимъ?—наглядно показать—что?—что я недостоинъ болѣе вашей дружбы, что вы совсѣмъ порвали съ человѣкомъ, которому такъ неосторожно подарили ее?

«Другъ мой, что я сдѣлалъ? Въ чемъ провинился? Можетъ быть, эта кислая дама, разспрашивавшая меня о вещахъ, до которыхъ ей нѣтъ никакого дѣла, наговорила вамъ всякаго вздора и настроила васъ противъ меня? Но какое же отношеніе имѣетъ то, что происходило—или могло происходить—въ Индіи, къ нашей дружбѣ, выросшей въ силу совершенно опредѣленныхъ причинъ и ставшей такою дорогой—не правда-ли?—намъ обоимъ? Я не образецъ добродѣтели, видитъ Богъ!—далеко нѣтъ. Въ моей жизни много такого, чего я могъ бы стыдиться. И, главное, вспомните, что въ прошломъ году я еще не зналъ васъ; если бы мы встрѣтились раньше, многое могло бы быть иначе.

«Но какъ могу я защищаться, когда я такъ безконечно обязанъ вамъ! Развѣ уже это одно не говоритъ вамъ, какъ велика ваша власть надо мною, какъ легко вамъ обидѣть меня и какъ мало у меня возможности сопротивляться? Вы можете унижать меня безъ конца — у меня нѣтъ противъ васъ ни правъ, ни оружія.

«Я самъ не знаю, что говорю. Уже очень поздно; пишу послѣ обѣда въ клубѣ, заданнаго мнѣ нашимъ офицерствомъ, чтобы спрыснуть мое назначеніе. Все это пріятели, славные малые. Обѣдъ давался въ честь меня, и я думалъ весело провести время. Но полчаса, проведенные въ вашей гостиной, убили во мнѣ всякую тѣнь веселья. Я былъ скученъ, несносенъ, и мы рано разошлись. Возвращаясь домой по пустымъ улицамъ, я всѣмъ сердцемъ жаждалъ очутиться далеко отъ Англіи, въ пустынѣ. Не могу не сказать вамъ этого. Не очень-то хорошо для

меня какъ разъ теперь, когда мнѣ нужно владѣть всѣми своими способностями, впасть въ такое уныніе и отчаяніе. На васъ теперь лежитъ нѣкоторая отвѣтственность за мою жизнь и карьеру; вы не могли бы снять ее съ себя, если бы и хотѣли. Нельзя сказать, чтобы вы прибавили вашему другу шансовъ на успѣхъ въ его трудной задачѣ.

«Вы видите, какъ я сдерживаю себя. Я могъ бы писать такъ же безумно, какъ чувствую сейчасъ—безумно и дико. Но мы намѣренно ввели наши отношенія въ извѣстныя рамки, придали имъ извѣстный тонъ, и я стараюсь, по крайней мѣрѣ, держаться этого тона, хотя бы прелесть мелодіи и исчезла. Но ради Бога зачѣмъ, зачѣмъ ей исчезать? Почему вы отвернулись отъ меня? Вы вняли голосу клеветы; вы втайнѣ подвергали меня испытаніямъ, которыя не входили въ нашъ уговоръ; и осудили меня, не выслушавъ, даже не спросивъ ни о чемъ. Могу только сказать вамъ, что мнѣ очень больно.

«Пока я не стану больше навѣщать васъ, когда у васъ будутъ гости. Вы отодвинули мсня на почтительную дистанцію — пусть такъ; въ этомъ есть свое благородство; даже отъ васъ я не приму ничего иного. Но—если только между нами не легла непроходимая бездна, если птичка не улетѣла навсегда, — позвольте мнѣ придти къ вамъ, когда вы будете однѣ! Тогда обвиняйте меня, въ чемъ хотите. Я очень цѣню мірскія блага, пробивалъ себѣ дорогу въ жизни, какъ могъ, и, пока не встрѣтился съ вами, несомнѣнно, пользовался для этого иногда не очень-то красивыми средствами. Я не философъ, не идеалистъ, съ блестящими надеждами, какъ Делафильдъ. Я знаю только одинъ этотъ грубый и суетный міръ; для меня и онъ хорошъ, и съ меня довольно любить въ немъ друга, какъ — клянусь Богомъ Жюли!—я любилъ васъ.

«Ну вотъ вырвалось и вы ужъ простите. Я не могъ удержаться. Я слишкомъ несчастливъ.

«Но...

«Не хочу больше писать. Завтра буду дома до двѣнадцати. Вы должны отвѣтить мнѣ поскорѣе».

Жюли положила письмо и оглядѣлась вокругъ съ какимъ-то отчаяніемъ—съ отчаяніемъ узника, который думалъ, что освободился, но вмѣсто того только запутался въ новыхъ и еще болѣе крѣпкихъ сѣтяхъ. Ни честолюбіе, ни литературное дарованіе не могли заглушить въ ней голоса чувства, этого стремленія «моли къ звѣздѣ», и Жюли была безсильна противостоять ему. Ахъ, зачѣмъ онъ не примирился сразу съ своею отставкой, не разсорился съ нею разъ навсегда!

Она прекрасно поняла это письмо, что оно обѣщало и въ чемъ безъ словъ отказывало. Интимная и увлекательная дружба на два года. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ готовъ удѣлять время, остающееся у него отъ тайной переписки съ ея кузиной, этой романической, интересной, но невыгодной привязанности. А затѣмъ?

Она опять перечитала письмо. Въ немъ все-таки есть новая нотка, рѣзкая, надорванная. Безумная радость охватила ее. Ей казалось, что она уже много мѣсяцевъ ждала именно этой нотки—напрасно.

Она становится ему необходимою; онъ страдалъ черезъ нее. Никогда раньше она не могла этого сказать себѣ. Она давала ему радость, но не страданіе, а только страданіемъ испытывается и освящается любовь...

Что?.. Скорѣе отвѣтъ. Онъ былъ коротокъ:

«Мнѣ очень жаль, что вы сочли мое обращеніе за умышленную невѣжливость. Я очень устала отъ разговоровъ и возни съ распаковкой, отъ своей литературной, да, правду сказать, и отъ домашней работы. Вѣдь я уже теперь не свѣтская дама и должна все дѣлать сама. Меня угнетала также мысль о предстоявшемъ мнѣ объясненіи съ лордомъ Лэкинтономъ, которое и состоялось, какъ только вы всѣ трое ушли. Вы были очень добры, что написали мнѣ, и я искренно вамъ благодарна. Что касается вашего назначенія и карьеры, вы никому ничѣмъ не обязаны. Все въ вашихъ собственныхъ рукахъ. Я радуюсь вашей удачѣ и прошу васъ не тревожить себя мнимыми обязательствами по отношенію ко мнѣ.

«Сегодня въ пять часовъ если вы можете простить мнѣ, вы застанете меня дома. Утромъ мнѣ нужно быть въ британскомъ музеѣ изъ-за своей работы».

Она отправила письмо и принялась за свои обычныя домашнія дѣла, все время чувствуя умственную и нравственную тошноту. Она мыла, чистила, вытирала, въ ней росла любовь настоящей хозяйки къ этому маленькому старомодному домику, нѣчто въ родѣ нѣмого сближенія между ними: домикъ какъ будто признавалъ ее своею хозяйкой, а она взамѣнъ этого окружала его нѣжною заботой; и все время думала о томъ, какъ бы она была счастлива въ своей новой жизни, еслибъ эта жизнь началась годомъ раньше. Обязанности, возложенныя на нее Мередитомъ нравились ей и не требовали большого труда. Умственный трудъ, литературные успѣхи—все это она способна была любить и добиваться ихъ и ко всему этому ей былъ загороженъ путь. Что же удерживало ее?

На старинную фарфоровую чашечку, которую она держала въ рукахъ упала слеза. Въ ея привязанности къ Уорквортy было что-то материнское. Всю эту зиму она поддерживала его и боролась за него. И теперь она, какъ мать, не могла оторвать отъ своего сердца недостойнаго, хотя теперь все безуміе ихъ псевдо-дружбы и ея тайныхъ надеждъ выяснилось для нея вполнѣ.

Уоаквортъ пришелъ ровно въ пять, уже въ сумеркахъ, немного блѣдный, съ откинутою назадъ красивою головой, съ полуудивленнымъ, робкимъ выраженіемъ большихъ голубыхъ глазъ—этимъ обманчивымъ

выраженіемъ, заставлявшимъ его казаться еще совсѣмъ мальчикомъ, когда ему этого хотѣлось.

Когда онъ вошелъ, Жюли стояла у окна. Она обернулась и увидѣла его передъ собою; нѣжность и раскаяніе волной прихлынули къ ея сердцу. Вѣдь онъ уѣзжаетъ. Что, если она никогда больше его не увидитъ?

Она вздрогнула и быстро пошла къ нему навстрѣчу. Онъ понялъ значеніе этого движенія, прочелъ въ ея лицѣ и, съ силой сжавъ ея руки, такъ что ей стало больно, вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ,—выговорилъ онъ, тяжело дыша,—вы сдѣлали меня такимъ несчастнымъ?

Кровь быстрѣе побѣжала по ея жиламъ. Это были новыя для нея слова и новый тонъ.

— Не будемъ упрекать другъ друга,—сказала она.—Намъ нужно о многомъ переговорить. Сядьте.

Сегодня опьяняющій весенній воздухъ уже не врывался въ окно. Въ каминѣ весело трещалъ огонь, окна были закрыты.

Запахъ нарциссовъ наполнялъ комнату—герцогиня каждый день присылала свѣжіе цвѣты. Эта старомодная, аристократически просто убранная комната, скрашенная только цвѣтами и книгами, чрезвычайно подходила къ своей хозяйкѣ—Жюли, казалось, наконецъ, нашла себѣ надлежащую рамку. Въ своемъ строгомъ черномъ платьѣ, открытомъ спереди на легкомъ бѣломъ жилетѣ, стройная, съ граціей музы, съ вѣнцомъ изъ дивныхъ черныхъ волосъ надъ блѣднымъ прелестнымъ лбомъ, никогда еще не казалась ему такою прекрасною. Въ каждомъ ея движеніи было какое-то особенное очарованіе, и никогда еще Уорквортъ не чувствовалъ его такъ сильно.

— Неужели вы такъ и не позволите мнѣ больше касаться вчерашняго?—спросилъ онъ, неувѣренно взглядывая на нее.

Въ румянцѣ, вспыхнувшемъ на ея щекахъ, въ ея жестѣ была мольба.

— Вы знаете, что мнѣ предстояло въ тотъ день, когда вы пришли?

— Нѣтъ. Не могу догадаться. Ахъ да, вы говорили что-то о лордѣ Лэкинтонѣ?

Она колебалась. Краска на ея щекахъ сгустилась.

— Вы не знаете моей исторіи. Вы думаете, если не ошибаюсь, что я бельгійка, съ небольшою примѣсью англійской крови, и леди Генри встрѣтила меня случайно. Вѣдь такъ?

Уорквортъ отодвинулъ свою чашку.

— Я думалъ...

Онъ запнулся въ смущеніи. Глаза его выразили удивленіе.

— Моя мать,—Жюли смотрѣла въ окно, голосъ ея слегка вздрагивалъ,—моя мать была дочерью лорда Лэкинтона.

— Дочерью лорда Лэкинтона?—въ изумленіи повторилъ Уорквортъ.

На него нахлынула масса воспоминаній, сопоставленій—леди Бланшъ, разговоры въ Индіи...

— Не леди Роза Дэланей?—спросилъ онъ взволнованно, наклоняясь къ ней.

Жюли кивнула головой.

— Мой отецъ былъ Маріоттъ Дальримпль. Вы слыхали о немъ? Мнѣ слѣдовало бы называться Жюли Дальримпль, но—они такъ и не могли повѣнчаться—изъ-за полковника Дэланей.

Жюли все еще смотрѣла въ окно, отвернувшись отъ Уорквортa.

А тому мало-по-малу вспоминались подробности знаменитаго скандала, въ свое время надѣлавшаго много шуму. Мало-по-малу его собесѣдница, ея исторія, ея отношенія къ нему и другимъ начинали представляться молодому человѣку въ иномъ свѣтѣ. Такъ она не скромная чужестранка низкаго происхожденія, а родня по крови лучшей англійской аристократіи! Общество, въ которомъ они встрѣтились, наполовину состоитъ изъ ея родныхъ! Безъ сомнѣнія, герцогиня знала,—и Монтрезоръ... Самыя неожиданныя и странныя мысли мелькали въ его головѣ, и въ результатѣ эта стройная дѣвушка, сидѣвшая передъ нимъ, такая неподвижная, затихшая, казалась ему привлекательнѣе и желаннѣе, чѣмъ когда-либо. Тайна ея рожденія окружала ее какимъ-то ореоломъ, и Уорквортъ смутно сознавалъ, что тоже должны были испытывать и другіе.

— Какъ вы могли выносить жизнь въ Бруттонъ-стритѣ?—удивленно прошепталъ онъ.—Леди Генри знала?

— О, да.

— И герцогиня?

— Да, она родственница моей матери.

Молодой человѣкъ вспомнилъ о Моффатахъ. Краска медленно расплывалась по его липу. Нечего сказать, славно онъ запутался!

— Какъ же отнесся къ этому лордъ Лэкинтонъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Онъ, конечно, былъ очень удивленъ, очень растроганъ. Мы долго говорили. Все останется попрежнему. Онъ хочетъ обезпечить меня, выдавать мнѣ ежемѣсячное содержаніе, и если онъ будетъ настаивать, боюсь, что мнѣ нельзя будетъ отказать, не оскорбивъ его. Но пока я отказываюсь. Гораздо пріятнѣе самой зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.—Жюли повернулась къ нему и черные глаза ея вдругъ просіяли.—Вѣдь если лордъ Лэкинтонъ будетъ давать мнѣ деньги, онъ захочетъ давать мнѣ и совѣты, а я предпочитаю слушаться только самой себя.

Уорквортъ съ минуту молчалъ, потомъ вдругъ рѣшился и, коснувшись ея руки, лежавшей у нея на колѣняхъ, молвилъ:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами.

Жюли удивленно обернулась.

— Я не хочу имѣть отъ васъ тайнъ,—заговорилъ онъ, быстро и

тяжело дыша.—Я солгалъ вамъ однажды—я думалъ, что долгъ мой велитъ мнѣ лгать. Здѣсь замѣшана другая особа. Но теперь—я не могу. Жюли! Вы позволите мнѣ называть васъ такъ? Вѣдь это имя уже сдѣлалось,—онъ помедлилъ, потомъ у него вырвалось вдругъ:—частицей моей жизни! Жюли, это правда, что между вашей кузиной Эйлинъ и мною существуетъ извѣстное соглашеніе. Въ Симлѣ я страшно увлекался ею. Однажды въ лѣсу, когда она отличила меня одного изъ всѣхъ—вѣдь мы всѣ за нею ухаживали, я совсѣмъ потерялъ голову и сдѣлалъ ей предложеніе, безъ заранѣе обдуманнаго умысла, такъ по вдохновенію. И она приняла его. Можетъ быть, я не имѣлъ права этого дѣлать. Можетъ быть, слѣдовало дать ей сначала увидѣть свѣтъ. Какъ бы тамъ ни было, вышла цѣлая исторія. Ея опекуны утверждали, что я поступалъ не корректно. Они не могли, конечно, знать всѣхъ подробностей—не мнѣ же было разсказывать! Кончилось тѣмъ, что я долженъ былъ отстраниться на два года.

Онъ смолкъ, тревожно вглядываясь въ ея лицо. Оно стало совсѣмъ бѣлое и, какъ ему казалось, очень строгое и холодное. Но Жюли быстро встала и, посмотрѣвъ на него сверху внизъ, выговорила:

— Все это для меня не ново. Вы думали, я не знала?

И, подойдя къ столу, она налила ему вторую чашку.

И слова, и манеры ея удивили Уоркворта. Онъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Какъ вы догадались?

— Какъ это всегда бываетъ,—она съ улыбкой взглянула на него.—До меня дошли слухи...

— Въ наши дни нѣтъ больше тайнъ,—выговорилъ онъ грустно.—А затѣмъ—миссъ Лауренсъ?..

— Да, затѣмъ миссъ Лауренсъ...

— Вы дурно думали обо мнѣ?

— Почему я должна была дурно думать о васъ? Говорятъ, Эйлинъ очень хорошенькая и...

— И будетъ очень богата? Вы это понимаете?—заговорилъ онъ, стараясь выдержать шутливый тонъ.

— Вѣдь это уже всѣмъ извѣстно.

Онъ сѣлъ, вертя въ рукахъ шляпу. Потомъ съ возгласомъ досады швырнулъ ее на полъ, поднялся и склонился къ дѣвушкѣ.

— Жюли,—выговорилъ онъ голосомъ, отъ котораго она вся затрепетала,—ради Бога, не отрекайтесь отъ меня! Не отнимайте у меня вашей дружбы. Я скоро уѣзжаю. Наши дороги расходятся. Это было рѣшено, увы!..—раньше, чѣмъ мы съ вами встрѣтились. Я связанъ словомъ и не могу освободиться. Но вѣдь эти послѣдніе мѣсяцы мы были счастливы, неправда ли? Теперь осталось только три недѣли. Въ данный моментъ самое чувство въ моемъ сердцѣ, это...

Онъ смолкъ, не найдя подходящаго слова. Жюли смотрѣла въ окно,

въ садъ, неподвижная, какъ изваяніе, но Уорквортъ видѣлъ, какъ дрожали ея губы.

— Что мнѣ сказать вамъ? — продолжалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Мнѣ кажется, что наше положеніе совершенно исключительное. У насъ всего три недѣли—отдайте ихъ мнѣ! Не будемъ больше играть въ недомолвки. Я хочу быть искреннимъ, ничего не скрывать отъ васъ и, въ свою очередь, знать все, чего вы добиваетесь, на что надѣетесь. Такъ, чтобы, когда я уѣду, мы могли сказать другъ другу: «Что же, игра стоила свѣчъ, это были золотые дни, и если мы проживемъ сто лѣтъ, мы не узнаемъ и не увидимъ ничего лучшаго!»

Она обернулась къ нему, изумленная, взволнованная. По лицу ея текли слезы. Никогда еще онъ не былъ ей такъ симпатиченъ. Передъ нею опять былъ тотъ Уорквортъ, котораго она представляла себѣ въ своихъ грёзахъ, Уорквортъ, отстоявшій одинъ важное для Англіи укрѣпленіе, вынесшій изъ битвы товарища подъ градомъ непріятельскихъ пуль.

Напрасно что-то шептало ей: «У этой дѣвушки, съ которою онъ связанъ словомъ, полмилліона приданнаго. Онъ хочетъ получить и ея деньги, и твое сердце». Другой внутренній голосъ, голосъ великодушія, гналъ прочь эту мысль и въ данный моментъ былъ совершенно правъ, такъ какъ Уорквортъ говорилъ вполнѣ искренно. Онъ самъ это чувствовалъ, самъ радовался этому и стоялъ передъ нею, властный, задыхаясь отъ волненія, чувствуя, какъ кровь горячею волной приливаетъ къ его щекамъ.

Съ мрачною страстью, отмѣтившею собою новую эру въ ихъ отношеніяхъ и содержавшей въ себѣ элементы новаго и непредвидѣннаго развитія, она молча глядѣла въ его лицо. Потомъ молча откинулась въ кресло и протянула ему обѣ руки.

Съ крикомъ радости онъ поцѣловалъ обѣ эти руки и сѣлъ возлѣ нея.

— Ну, теперь говорите мнѣ все! Всѣ ваши печали, заботы, мысли будутъ моими, пока судьба не разлучитъ насъ. Мнѣ такъ много нужно сказать вамъ—поблагодарить васъ, посовѣтоваться. У меня не будетъ ни одной мысли — дурной, хорошей или безразличной, которой бы вы не знали, если только вы захотите закопаться въ моей душѣ. Ну, съ чего же мнѣ начать?—со вчерашняго утра, завтрака въ клубѣ, прогулки съ племянницей въ зоологическій садъ?—Онъ засмѣялся, потомъ опять вдругъ сталъ серьезенъ.—Нѣтъ, прежде вы разскажите, вы должны быть со мной откровенны! Я хочу знать все, что касается васъ—ваше прошлое, ваши горести, ваши честолюбивыя мечты—словомъ все!

Все еще не выпуская ея рукъ, онъ склонился къ ней. Со слабою, разбитою улыбкой, даже не пытаясь освободиться, она согласилась. Ей трудно было начать; потомъ трудно было привести въ порядокъ воспоминанія и уже давно стемнѣло, когда Леони, вошедшая, чтобы зажечь лампу и помѣшать въ каминѣ, прервала ихъ интимную друже-

скую бесѣду, въ которой оба въ первый разъ въ жизни были вполнѣ искренни. Однако результаты этого достопамятнаго вечера для Жюли Ле-Бретонъ были совсѣмъ непредвидѣнные.

Когда Уорквортъ ушелъ отъ нея, она заперлась въ своей комнатѣ и долго сидѣла у окна, глядя на темныя деревья въ Кьюретонскихъ садахъ и на мерцающіе вдали огоньки.

Смутныя радужныя надежды, которые она лелѣяла эти полгода, разсѣялись навсегда. Уорквортъ женится на Эйлинъ Моффатъ и съ помощью ея денегъ сдѣлаетъ блестящую карьеру, осуществитъ свои честолюбивые замыслы. Пройдутъ эти три недѣли опасной близости, опасныхъ волненій,—и они разойдутся, какъ чужіе. Онъ будетъ поглощенъ службой, женой—она останется одна доживать свою жизнь.

Её охватилъ внезапный страхъ передъ собственною слабостью. Нѣтъ, она не можетъ быть одна! Она должна поставить преграду между собою и этою страшною угрозой полнаго и непоправимаго крушенія, по временамъ вставшей передъ нею изъ мрака. «У меня нѣтъ предразсудковъ» — сказала она сэру Уэльфриду. И были минуты, когда она гордилась своимъ незаконнымъ происхожденіемъ, этимъ вызовомъ обществу, какъ бы унаслѣдованнымъ ею отъ родителей. Но сегодня ей было страшно.

Если ужъ надо проститься съ любовью, остается власть, возможность удовлетворить свое честолюбіе. Она попробовала представить себѣ будущее, то будущее, которое наступитъ, когда пройдутъ эти три недѣли. Какъ устроить это будущее? Жюли отлично знала, что она не изъ тѣхъ, которыя покоряются судьбѣ и увядаютъ въ безвѣстности.

— Джэкобъ Делафильдъ? Развѣ ужъ это такъ невозможно!

Нѣсколько минутъ она серьезно обдумывала всѣ шансы за и противъ этого брака; потомъ силы измѣнили ей, и она разрыдалась, какъ бывало въ монастырѣ, съ невнятными криками и возгласами, съ такими же невнятными мольбами, полусознательными инстинктивными попытками обращенія къ Богу, въ котораго она вѣрила только наполовину.

Глава XVI.

Делафильдъ шелъ черезъ паркъ къ Викторія-гэтъ, когда около него остановился экипажъ, запряженный парой чудесныхъ буланыхъ. Изъ экипажа ему дѣлала знаки маленькая ручка, и тонкій голосокъ окликнулъ его:

— Джэкобъ! Куда вы? Хотите подвезу?

Молодой человѣкъ снялъ шляпу и поклонился.

— Очень вамъ благодаренъ, но мнѣ нуженъ моціонъ. Послушайте, гдѣ Берти добылъ эту пару?

— Не знаю—онъ мнѣ не хочетъ сказать! Садитесь, Джэкобъ, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Делафильдъ повиновался довольно неохотно, и они поѣхали дальше.

— *J'ai un tas de choses à vous dire,*—начала она тихо и по-французски, чтобы не понялъ лакей. — Джэкобъ, я прямо несчастна изъ-за Жюли!

Делафильдъ нахмурился.

— Почему? Не лучше ли вамъ оставить ее въ сторонѣ.

— О! конечно, я знаю, вы считаете меня болтушкой. Ну и пусть! мнѣ все равно. Вы *должны* выслушать меня. Есть новое... вѣдь это же не сплетня; мы съ вами ея лучшіе друзья. Берти такъ злится на меня изъ-за нея! Джэкобъ, должны же вы хоть немножко помочь и посовѣтовать мнѣ. Вы понимаете, это вашъ долгъ — прямой долгъ христіанина!

И хотя онъ слушалъ очень неохотно, герцогиня все-таки выложила ему все, что ей повѣдала двѣ недѣли тому назадъ миссъ Эмили Лауренсъ.

— Разумѣется,—заключила она свой разсказъ,—вы скажете, что все это мы знали, или догадывались объ этомъ уже давно. Но вѣдь мы не *знали* навѣрное. Это могли быть сплетни. И кромѣ того, тогда она сдвинула брови и понизила голосъ, такъ что онъ едва могъ разслышать ея слова, этотъ ужасный человѣкъ еще не аффишировалъ такъ нашей Жюли и леди Генри не дѣлала такихъ гадостей и... и... вообще, Джэкобъ, я страшно измучилась.

— Совершенно напрасно!—сухо сказалъ Джэкобъ.

— Что за негодное существо!—восклицала герцогиня, не обративъ вниманія на эту реплику.—Говорятъ, бѣдняжка Эйлинъ способна доплакаться до чахотки, если опекуны не сбавятъ срока съ двухъ лѣтъ!..

— Какихъ двухъ лѣтъ?

— Имъ надо ждать два года до ея совершеннолѣтія. Ахъ, Джэкобъ, да вы же знаете!—разсердилась, наконецъ, герцогиня.—Я сто разъ вамъ говорила.

— Дѣла миссъ Моффатъ нисколько меня не интересуютъ.

— Но они должны васъ интересовать, вѣдь это же касается Жюли! Развѣ вы не понимаете, что теперь говорятъ? Леди Генри распустила слухъ, будто Жюли тогда подкупила лакеевъ и устроила вечеръ только для того, чтобы видѣться съ нимъ, что она уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ безсовѣстно флиртировала съ нимъ и при этомъ крайне безцеремонно пользовалась именемъ леди Генри. А теперь вдругъ оказывается, что всѣ хоть краемъ уха да слыхали о его помолвкѣ съ Эйлинъ. Вы понимаете, въ какомъ видѣ это выставляетъ нашу бѣдную Жюли! Давеча вечеромъ въ Чаттонъ-гоузѣ я прямо разсвирѣпѣла. Я убѣдила Жюли поѣхать туда, убѣдила ее, что она должна показы-

ваться въ обществѣ, чтобы не растерять своихъ друзей... Нѣтъ, это было ужасно! Двѣ старыя вѣдьмы, которымъ слѣдовало бы только поблагодарить Жюли за то, что она напомнила о нихъ леди Генри, воротили отъ нея носы и вели себя прямо гнусно. Даже нѣкоторыя милыя барыни измѣнились и я видѣла, что Жюли замѣтила это.

— Все это не можетъ серьезно повредить ей,—довольно презрительно возразилъ Джэкобъ.

— Конечно, нѣтъ! Я знаю, что ея настоящіе друзья никогда не оставятъ ея, никогда, никогда! Но, Джэкобъ,—герцогиня поморщила свой хорошенькій лобикъ,—еслибъ только въ этомъ не было такъ много правды! Она сама...

— Пожалуйста, Эвелина, не разсказывайте мнѣ того, что она говорила вамъ о себѣ!

Герцогиня вспыхнула и гордо отвѣтила.

— Я не выдаю чужихъ тайнъ. Но мнѣ нужно же посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь, кому она дорога. Сегодня у меня завтракалъ д-ръ Мередитъ, и потомъ мы немножко говорили съ нимъ. Онъ тоже очень тревожится и чувствуетъ себя совсѣмъ несчастнымъ. Капитанъ Уорквортъ безвыходно сидитъ тамъ цѣлые дни! Даже я въ послѣднее время почти не вижу ее. Прошлое воскресенье они взяли съ собою хромую дѣвочку и на цѣлый день уѣхали за городъ...

— Да что же тутъ дурного?—воскликнулъ Джэкобъ.

— Я не говорю, что это дурно,—возразила герцогиня, глядя на него полусердито, полусконфуженно. Но это такъ непохоже на нее. Она обѣщала быть въ этотъ день дома для нѣсколькихъ старыхъ друзей, а потомъ уѣхала, ни словомъ не предупредивъ. А наша Жюли всегда такъ любезна, такъ мила! Какія прелестныя записочки она умѣетъ писать, какъ она ненавидитъ огорчать кого-нибудь или разочаровывать! И вдругъ уѣхать, даже не извинившись! И видъ у нея такой нехорошій, блѣдная, пристальный взглядъ, словно все время во снѣ и не можетъ проснуться. Душа болитъ за нее. И подумать только, что онъ все время помолвленъ съ ея кузиной! Я ненавижу, ненавижу этого человѣка!

Маленькая герцогиня въ гнѣвѣ вырвала нѣсколько фіалокъ изъ букета, приколотаго къ ея груди, и швырнула ихъ на землю. Потомъ сердито повернулась къ Джэкобу.

— Конечно, если это васъ ни капельки не интересуетъ, не стоитъ и говорить съ вами объ этомъ!

Молодой человѣкъ словно не замѣтилъ укола; онъ все также спокойно улыбался.

— Вы забываете, милая Эвелина, что Уорквортъ уѣзжаетъ въ глубь Африки не дальше, какъ черезъ двѣ недѣли.

— По мнѣ хоть и черезъ двѣ минуты!

Делафильдъ не сразу отвѣтилъ. Онъ, повидимому, изучалъ эффекты игры блѣднаго солнечнаго луча, только что пробившагося сквозь тучи, на листвѣ деревьевъ. Когда онъ наконецъ повернулся къ своей спутницѣ, лицо его выражало больше сочувствія.

— Мы ничего не можемъ сдѣлать, Эвелина, и не имѣемъ права говорить о своемъ огорченіи или тревогѣ, понимаете: говорить! Это... это нечестно. Простите меня,—поспѣшно прибавилъ онъ,—я знаю, что вы не сплетничаете. Но меня бѣситъ, что это дѣлаютъ другіе!

Его рѣзкость нѣсколько смутила герцогиню, но маленькая женщина быстро оправилась и возразила насмѣшливо, хотя и дрожащимъ голосомъ:

— Ваше бѣшенство не помѣшаетъ имъ сплетничать, м-ръ Джэкобъ! Я думала, что, можетъ быть, ваша дружба найдетъ способъ прекратить толки, но... повліять на Жюли...

— Моя дружба, какъ вы ее называете, здѣсь не при чемъ. Уорквортъ скоро уѣзжаетъ, и если вы и другіе будете стойко защищать миссъ Ле-Бретонъ, толки скоро смолкнутъ. Дѣлайте видъ, какъ будто вы никогда раньше не слыхали имени этого человѣка, съумѣйте посмотрѣть на сплетниковъ такъ, чтобы они сразу прикусили языки. Боже мой! Да есть тысячи способовъ, васъ этому не учить. Но, конечно, если дюжина такъ называемыхъ друзей примется раздувать маленькій огонекъ въ цѣлый пожаръ...

Онъ пожалъ плечами.

Герцогиня не въ состояніи была кротко перенести эту головомойку, да, по совѣсти говоря, и не заслуживала ея.

— Это жестоко и нехорошо съ вашей стороны, Джэкобъ,—сказала она, почти со слезами на глазахъ. — Вы не понимаете — вѣдь это потому, что я сама въ такой тревогѣ...

— Тѣмъ лучше вы должны сыграть свою роль. Даже намъ съ вами не слѣдуетъ больше говорить объ этомъ! Но мнѣ очень хотѣлось бы знать еще одну вещь относительно миссъ Ле-Бретонъ.

Онъ, улыбаясь, нагнулся къ ней, хотя на самомъ дѣлѣ онъ былъ въ эту минуту противенъ самому себѣ, золъ на нее и вообще страшно не въ духѣ.

Герцогиня сдѣлала гримаску.

— Все это прекрасно, но послѣ такого урока я предпочитаю совсѣмъ больше не говорить о Жюли.

— Ну полноте! Я самъ себя стыжусь, хотя и не возьму назадъ ни одного слова—ни единаго! А вы все-таки будьте добренькая и скажите мнѣ, если знаете, говорила она съ лордомъ Лэкинтономъ?

Герцогиня все хмурилась, но еще нѣсколько извиненій и, миролюбивая по природѣ, она простила. Вообще, *бутады* Джэкоба она прощала легко. Она была единственною дочерью и съ того дня, какъ она

въ первый разъ надѣла длинное платье, ея кузенъ замѣнялъ ей брата. Онъ присвоилъ себѣ и братскія права: былъ съ нею откровенненъ, часто рѣзокъ. Она обижалась и прощала, гораздо скорѣе, чѣтъ прощала своему мужу. Правда, въ того она была влюблена.

Въ концѣ концовъ, она соблаговолила сообщить Джэкобу новость, что лордъ Лэкинтонъ наконецъ посвященъ въ тайну, что онъ принялъ это очень хорошо, выказалъ много чувства, и бѣдная Жюли...

Но Джэкобъ съ первыхъ же словъ оборвалъ эти сентиментальныя изліянія, потокъ жалкихъ словъ, которыя такъ любила герцогиня.

— Что же онъ намѣренъ сдѣлать для нея? Думаетъ онъ обезпечить ее? Можно ли устроить такъ, чтобы она жила въ его домѣ, заботилась о немъ?

Герцогиня покачала головой.

— Въ семьдесятъ пять лѣтъ люди не мѣняются такъ круто. Жюли отлично понимаетъ это и сама не хочетъ...

— Ну, а съ деньгами какъ?

— Жюли ничего не говоритъ о деньгахъ. Какой вы странный, Джэкобъ! Я думала, для васъ это послѣдняя вещь.

Джэкобъ не отвѣтилъ. Захоти онъ отвѣтить, онъ, вѣроятно, сказалъ бы, что многое, вредное или безполезное для мужчинъ, можетъ быть необходимымъ для женщинъ, въ виду ихъ слабости. Но онъ промолчалъ, и только пристальный взглядъ и крѣпко сжатыя перекошенныя губы показывали, что умъ его напряженно работаетъ.

Тѣмъ временемъ экипажъ подъѣхалъ къ Викторія-Гэтъ. Делафильдъ велѣлъ кучеру остановиться и соскочилъ на землю.

— Прощайте, Эвелина. Не сердитесь на меня. Вы добрый другъ,— шепнулъ онъ ей на ушко,—истинный другъ. Но только не позволяйте никому говорить съ вами о Жюли, даже и пожилымъ дамамъ съ самыми лучшими намѣреніями! Повторяю: намъ предстоитъ борьба, и лучшее оружіе...—онъ многозначительно приложилъ палецъ къ губамъ, улыбнулся кузинѣ и отошелъ.

Какъ только экипажъ герцогини выѣхалъ изъ парка, Делафильдъ, свернувшій было на тропинку, ведущую по направленію къ Мраморной Аркѣ, быстро повернулъ назадъ, къ Кенсингтонскимъ садамъ. Шла только третья недѣля марта, но на сиреняхъ и тернѣ кое-гдѣ уже показались молодые листочки. Изъ-подъ земли пробивалась зеленая травка; воздухъ былъ полонъ чириканья воробьевъ. На землѣ между деревьями лежали блѣдныя пятна свѣта; голубая дымка тумана, уже не такого унылаго, какъ зимой, окутывала даль, сливаясь съ низко висѣвшими въ воздухѣ серебристыми облаками. Делафильдъ выискалъ уединенное мѣстечко, вдали отъ нянекъ и дѣтей, и долго шагалъ по дорожкѣ, заложивъ руки за спину. Всѣ опасенія, за которыя онъ бранилъ свою кузину, терзали его душу съ удесятеренною силой; онъ мучился и былъ безсиленъ помочь.

Однако, выйдя изъ парка и сѣвъ на извозчика, онъ рѣшительно отогналъ тяготившія его мысли, отнесся къ своей работѣ съ обычнымъ интересомъ и выполнилъ ее блестяще, какъ всегда.

Около пяти часовъ Делафильдъ очутился на Кьюретонъ-стритѣ. Заворачивая за уголъ Герибертъ-стрита, онъ увидалъ впереди кэбъ. Кэбъ остановился у подъѣзда миссъ Ле-Бретонъ; изъ него вышелъ Уоркворть. Дверь моментально отворилась, и онъ вошелъ, даже не оглянувшись на человѣка, стоявшаго на углу и слѣдившаго за нимъ.

Делафильдъ постоялъ въ нерѣшимости, потомъ пошелъ въ свой клубъ на Пиккадилли и сидѣлъ за газетами почти до семи часовъ.

Затѣмъ опять пошелъ на Герибертъ-стритъ.

— Миссъ Ле-Бретонъ у себя?

Тереза посмотрѣла на него; въ ясныхъ глазкахъ засвѣтилось сочувствіе.

— Я думаю, да, сэръ.—И повела его въ гостиную.

Дверь гостиной отворилась. Оттуда вышелъ майоръ Уоркворть.

— А! Это вы! Какъ вы поживаете? — отрывисто произнесъ онъ, словно въ недоумѣніи уставившись на Делафильда. Потомъ торопливо разыскалъ свою шляпу, перчатки, сбѣжалъ съ лѣстницы и былъ таковъ.

— Доложите обо мнѣ, пожалуйста,—властно обратился Делафильдъ къ дѣвочкѣ.—Скажите, что я здѣсь. — И онъ отошелъ отъ открытой двери гостиной. Тереза проскользнула туда и тотчасъ же вернулась.

— Васъ просятъ, сэръ, войдите,—сказала она по обыкновенію застѣнчиво и тихо. Делафильдъ вошелъ. Изъ пріемной онъ мелькомъ видѣлъ Жюли, стоявшую посрединѣ гостиной, неподвижно, какъ статуя, прижимая руки къ груди—воплощеніе нѣмого страданія. Но когда онъ вошелъ, она уже сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, у камина, за пяльцами.

— Могу я войти? Немного поздно...

— О конечно! Вы отъ Эвелины? Что она подѣлываетъ? Я не видѣла ея цѣлыхъ три дня.

Онъ сѣлъ возлѣ нея. Трудно было ему притворяться спокойнымъ, когда въ груди бушевала буря, но онъ умѣлъ владѣть собой.

— Я видѣлъ Эвелину сегодня. Она жаловалась, что вы совсѣмъ забыли ее въ послѣднее время.

Жюли наклонилась надъ своею работой. Ея пальцы такъ дрожали, что совсѣмъ не хотѣли слушаться ея, и онъ это видѣлъ.

— У меня было столько работы... Даже съ этимъ маленькимъ домикомъ много возни. Эвелина забываетъ—у нея цѣлая армія слугъ—у насъ только наши руки и наше время.

Она, улыбаясь, подняла на него глаза. Онъ не отвѣтилъ, и улыбка сбѣжала съ ея лица—внезапно, словно задули свѣчу. Она вернулась, или сдѣлала видъ, что вернулась къ своей работѣ. Но выраженіе ея

лица глубоко взволновало его. Огромные блестящіе глаза съ непомѣрно расширенными зрачками, съ безумною мукой во взглядѣ, были почти страшны; лицо все въ пятнахъ, губы пересохли. Она казалась много старше, чѣмъ двѣ недѣли тому назадъ. И это еще больше бросалось отъ того, что она теперь одѣвалась совсѣмъ иначе, чѣмъ когда жила у леди Генри. Тамъ она носила строгія темныя платья, словно старая дѣва, приноравливаясь къ своему положенію въ домѣ. Теперь на ней было голубое батистовое платьице, еще два года тому назадъ отложенное въ сундукъ, потому что его нашли слишкомъ простенькимъ и молодымъ. Тонкая фигура Жюли казалась въ немъ особенно, по-дѣвичьи трогательно-милой. Но лицо—лицо было ужасно.

Наступило молчаніе; потомъ онъ придвинулся къ ней поближе.

— Знаете ли вы, что у васъ очень нехорошій видъ. Вы совсѣмъ больны.

— Въ такомъ случаѣ моя наружность обманываетъ. Я совершенно здорова.

— Не вѣрится что-то. Когда вы думаете отдохнуть?

— О! очень скоро. Леони, моя экономка, собирается въ Брюгге, чтобы привести тамъ въ порядокъ свои дѣла и перевести сюда свои вещи, стоящія въ складѣ. Я, можетъ быть, поѣду вмѣстѣ съ нею. У меня тоже тамъ есть кое-какое имущество. Кромѣ того, мнѣ не мѣшаетъ повидаться со старыми друзьями, напримѣръ, съ сестрами, у которыхъ я училась въ школѣ. Въ прежнія времена я была ихъ мучительницей, а онѣ—моими тиранками. Но теперь онѣ очень милы со мною, угощаютъ меня *pâtisserie*, ласкаютъ, балуютъ...

И она продолжала безъ умолку говорить о своихъ тамошнихъ друзьяхъ и знакомыхъ, все время, очевидно, думая о другомъ. Наконецъ у него не хватило терпѣнія.

— Не думаю, чтобы все это могло вамъ принести какую-нибудь пользу. Вамъ нуженъ полный физическій и нравственный отдыхъ. Боюсь, что вы сами не знаете, какъ дорого вамъ обошлась вся эта исторія съ леди Генри. Есть раны, которыхъ не замѣчаешь въ тотъ моментъ, когда ихъ наносятъ...

— И отъ которыхъ потомъ внутренно истекаешь кровью?—засмѣялась она.—Нѣтъ, нѣтъ, я не умру отъ тоски по леди Генри. Кстати, что о ней слышно?

— Сэръ Уильфридъ говорилъ мнѣ сегодня, что получилъ отъ нея письмо. Она въ Торквэѣ и находитъ, что тамъ черезчуръ много священниковъ. Настроеніе ея не изъ лучшихъ. Жюли посмотрѣла на него.

— Вы знаете, что она старается въ видѣ наказанія повредить мнѣ? Она писала многимъ.

— Ничего, перемелется, мука будетъ.

— Не знаю. Какъ я была увѣрена одно время, что въ случаѣ на-

шего разрыва леди Генри придется хуже моего! Мнѣ прямо стыдно вспомнить, что я говорила, въ особенности сэру Уильфриду. Я вижу теперь, что въ этомъ маленькомъ замкѣ я не буду особенно удручена посѣтителями.

— Теперь еще слишкомъ рано судить объ этомъ.

— Вовсе нѣтъ. Лондонъ почти полонъ. Эта исторія получила большую огласку. Тѣ, кто на моей сторонѣ, навѣстили бы меня, не такъ ли?

Она говорила съ такою горечью, что Джэкобу больно было ее слушать.

— О, люди не торопятся,—возразилъ онъ умышленно небрежнымъ тономъ.

Она покачала головой.

— Смѣшно, конечно, что меня это волнуетъ. Это, должно быть, просто уязвленное самолюбіе. Эвелина заставила меня разослать приглашенія на новоселье. Она увѣряла, что это необходимо. Она же повезла меня на-дняхъ на раутъ въ Чаттонъ-гоузѣ. Это была большая ошибка. Ко мнѣ поворачивались спиной. И новоселья не слѣдовало бы устраивать—все равно ничего не выйдетъ.

— Вы были такъ добры, что и мнѣ прислали карточку.

— Да, и вы должны быть!

Она посмотрѣла на него съ такой мольбою, что онъ едва не потерялъ самообладанія.

— Конечно, я буду.

— Помните, вы сказали мнѣ въ тотъ ужасный вечеръ, что у меня есть преданные друзья? Посмотримъ!

— Это зависитъ только отъ васъ,—сказалъ онъ ласково, но твердо.

Она вздрогнула и насторожилась.

— Если вы хотите сказать этимъ, что я должна хорошенько постараться, боюсь, что я на это неспособна. Я слишкомъ устала.

И съ невольнымъ, безсознательнымъ вздохомъ она откинулась на спинку кресла.

— Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать,—выговорилъ онъ, помолчавъ.

Она невольно задвигалась въ креслѣ.

— Въ такомъ случаѣ не знаю, что вы хотѣли сказать. Мнѣ кажется, дружескія отношенія всегда зависятъ отъ самой себя.

Она придвинула къ себѣ пяльцы и принялась за вышиваніе, оставивъ его дивиться собственной смѣлости.

— Вы знаете,—сказала она, не отрывая глазъ отъ работы,—что я сказала лорду Лэкинтону?

— Да, мнѣ сообщила Эвелина. Какъ же онъ отнесся?

— О, очень хорошо, очень сердечно. У него уже образовалась привычка «забѣгать» ко мнѣ, когда ему только вздумается. Мнѣ при-

шлось назначить ему особые часы, иначе мнѣ совсѣмъ некогда было бы работать. Онъ сидитъ здѣсь и бредитъ молоденькою м-рсъ Деларей—вы знаете, что онъ пишетъ ея портретъ для альбома красавицъ?—и рисуетъ ея профили на всѣхъ моихъ конвертахъ. Онъ пересказываетъ мнѣ всѣ свои спичи, совѣтуется со мною при стычкахъ со своими управляющими... Словомъ, мы совсѣмъ близки—почти такъ, какъ это должно быть!

Она улыбнулась и опять наклонилась къ работѣ. Но онъ разслышалъ ея вздохъ—долгій вздохъ душевной усталости. Страненъ и страшенъ былъ для него этотъ контрастъ между невольнымъ вздохомъ, вырвавшимся изъ удрученнаго сердца, и ея лѣнивою рѣчью, ея томною улыбкой.

— Говорилъ онъ съ вами о Моффатахъ?—спросилъ онъ, не глядя на нее.

Яркая краска залила ея лицо.

— Не очень много. Они съ леди Бланшъ не особенно въ дружбѣ. И я взяла съ него слово не открывать ей моей тайны, пока я сама не разрѣшу.

— Однако придется же ей когда-нибудь сказать.

— Можетъ быть,—нетерпѣливо отозвалась Жюли.—Можетъ быть, но только не сейчасъ.

Она отодвинула пяльцы, очевидно, не желая больше разговаривать объ лордѣ Лэкинтонѣ. На Джэкоба она производила впечатлѣніе человѣка, задыхающагося отъ недостатка воздуха. А между тѣмъ, руки ея были холодны, какъ ледъ. Она подошла къ камину погрѣться, жалуясь на восточный вѣтеръ и, онъ подбрасывая углей въ каминъ, замѣтилъ, что она дрожитъ.

Какъ мнѣ быть?—думалъ онъ:—Заставить ее сказать мнѣ все?..

Она, должно быть, угадала происходившую въ немъ смутную борьбу. потому что поспѣшила прервать ихъ tête-a-tête, предложивъ ему взглянуть на гравюры, присланныя герцогиней для украшенія столовой. Потомъ позвала Леони и стала совѣтоваться съ нимъ, какъ выгоднѣе помѣстить сбереженія эксъ-гувернантки, такъ какъ бумаги, теперь имѣвшіяся у нея, сильно падали. Она втянула его въ разговоръ съ madame Борнье, а сама стояла у дверей, прислонившись къ косяку и по временамъ совершенно забывая объ ихъ присутствіи. Въ такіе моменты проглядывало ея настоящее душевное состояніе, какъ тонущій предметъ время отъ времени всплываетъ на поверхность. Делафильдъ давалъ совѣты madame Борнье, самъ плохо понимая, что онъ говоритъ, но тѣмъ не менѣе съ обычною своею добросовѣстностью. Наконецъ, Леони вполнѣ удовлетворилась, но въ это время Жюли увидала проходившую черезъ переднюю маленькую хромую и подозвала ее.

— Ну, что, моя милочка, какъ твоя бѣдная ножка?

И, повернувшись къ Делафильду, стала пространно объяснять ему, что Тереза сегодня утромъ слегка вывихнула ногу, подымаясь по лѣстницѣ, все время прижимая къ себѣ дѣвочку, которая такъ и льнула къ ней.

— Сказать мамѣ, чтобы она подождала съ ужиномъ? — шепнула Тереза, взглянувъ на Делафильда.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сейчасъ уйду,—встрепенулся тотъ, оглядываясь гдѣ его шляпа.

— Я бы пригласила васъ,—улыбнулась Жюли,—чтобы похвастаться искусствомъ Леони, но боюсь, что для такого большого мужчины у насъ слишкомъ мало ѣды. И потомъ, вы, вѣроятно, обѣдаете у герцога.

Делафильдъ отказался отъ ужина, и они вернулись въ гостиную за его шляпой и палкой. Жюли все еще не отпускала Терезы, нѣжно обнимая ее. Она, очевидно, не желала оставаться съ нимъ наединѣ, а между тѣмъ, при всей его скромности, онъ чувствовалъ, что ей не хочется, чтобы онъ ушелъ. Она все удерживала его, разсказывая то о своемъ хозяйствѣ, словно хвастаясь ихъ скромной жизнью и экономіей, то о своей литературной работѣ и планахъ на будущее, то о томъ, какъ она обязана Мередиту. Никогда еще она не посвящала его такъ въ свою личную, частную жизнь. Она какъ будто искала опоры въ его дружбѣ, его совѣтахъ, въ самой его близости. И никогда еще ея блѣдное измѣнившееся лицо не казалось ему такимъ прекраснымъ—въ сущности, оно никогда и не казалось ему красивымъ до этого момента. Блестящій умъ и энергія, умѣнье владѣть собой, сила воли, такъ быстро выдвинувшіе ее въ кружкѣ леди Генри, смѣнились кротостью, унынiемъ, затаенною усталостью, и *такой* она ему была несравненно милѣе. Какъ удержаться, чтобы не схватить въ объятія эту печальную красавицу, не образумить, не сдѣлать ее счастливой хотя бы насильно!

— Вы не забудете среды, — говорила она, выходя за нимъ въ переднюю.

— Нѣтъ. Можетъ быть, у васъ есть еще какое-нибудь желаніе, которое я могъ бы исполнить.

— Нѣтъ, ничего. Но если будетъ, я попрошу васъ.

Она подняла на него глаза и отшатнулась передъ его глубокимъ, страстнымъ, укоризненнымъ взоромъ.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Обѣщайте, что вы попросите!

Она пролепетала что-то невнятное и онъ ушелъ.

— Какой онъ добрый!—со вздохомъ сказала она себѣ, вернувшись въ гостиную.—Какой онъ добрый!

И вдругъ она обрадовалась, что онъ ушелъ, что она одна съ своимъ горемъ и не выдала себя при немъ.

И снова ее охватили страсть и мука, улегшіяся было въ бесѣдѣ съ нимъ, давя и заглушая въ ея душѣ все остальное. Какую сцену онъ прервалъ своимъ появленіемъ—горькія обвиненія, жалобы, укоры, не сдерживаемыя даже грозящей близостью разлуки!

Вотъ уже почти недѣлю они ведутъ съ Уорквортомъ эту жестокую игру по правиламъ, установленнымъ ими самими, маскируя и въ то же время обостряя недомолвками и сдержанностью дружбы мучительную, больную, отравленную любовь. Любовь эта съ каждой минутой расла и наконецъ нахлынула на нихъ потокомъ, тираническимъ, бурнымъ, вылившимся въ безумныхъ укорахъ. Волна отхлынула и остались все тѣ же старые, жестокіе, ужасные факты, не измѣненные и не могущіе быть измѣненными.

Уорквортъ былъ немногимъ менѣе несчастливъ, чѣмъ она сама и она это знала. Онъ любилъ ее—къ собственному своему удивленію и досадѣ—и страдалъ, покидая ее, какъ никогда еще не страдалъ отъ привязанности къ кому бы то ни было.

Но въ тоже время рѣшеніе его было непоколебимо, и это она то же знала. Уже почти годъ, какъ онъ привыкъ связывать свои планы на будущее съ разсчетомъ на богатство и семейныя связи Эйлинъ Моффатъ. Еще нѣсколько лѣтъ службы въ арміи, а затѣмъ отставка, привольная жизнь на покоѣ, большія средства, очаровательная жена и мѣсто въ парламентѣ. Этотъ планъ былъ такъ дорогъ ему, такъ хорошо задуманъ и легко осуществимъ, такъ благодѣтельно долженъ былъ отразиться на всей его жизни, что рисковать всѣмъ этимъ ради брака съ Жюли было бы безуміемъ, и онъ никогда серьезно объ этомъ не думалъ. Страдая, онъ въ то же время упорно твердилъ себѣ, что время залѣчитъ раны ихъ обоихъ.

— Одно только было бы для всѣхъ насъ гибелью, если бы я порвалъ съ Эйлинъ!

Для Жюли всѣ эти смутныя мысли, шевелившіяся въ умѣ Уорквортa, были совершенно ясны. Она была безсильна заглушить ихъ, но сегодня она не выдержала и безумно билась о прутья своей клѣтки, хотя и знала, что это напрасно. И она до сихъ поръ не могла опомниться отъ своихъ укоровъ, отъ взрыва страсти, смѣнившагося полнымъ изнеможеніемъ.

Весенняя ночь уже наступила. Въ комнатѣ было жарко; Жюли отворила окно. Подъ окномъ ютилась купа деревьевъ, уже наполовину покрывшихся листьями. Вверху, за туманомъ, разстилавшимся надъ огромнымъ городомъ, мерцало нѣсколько звѣздочекъ; шумъ и гулъ столичной жизни глухо заносились въ этотъ мирный уголокъ.

Жюли напрягала зрѣніе, вглядываясь въ темноту. Отъ слабости и утомленія у нея кружилась голова. Вдругъ она вскрикнула и прижала руки къ сердцу. Изъ мрака передъ нею выдвинулось лицо, такъ рѣзко очерченное, такое живое, что оно навсегда запечатлѣлось въ ея взвол-

нованномъ мозгу. То было лицо Уоркворта, — не такое, какимъ она видѣла его въ послѣдній разъ, но искаженное физическою болью, — вытянувшееся, съ ввалившимися глазами, съ холоднымъ потомъ на лбу: глаза стали стеклянные, намокшіе волосы прилипли къ вискамъ; пересохшія уста раскрылись, точно зовя на помощь. Жюли не могла оторваться отъ этого лица. Потомъ глаза его закатились и она увидала передъ собой агонію.

Жюли застыла на мѣстѣ; все ея существо приковалось къ этому видѣнію. Когда призракъ исчезъ, она, едва держась на ногахъ, добралась до кресла и закрыла лицо руками. Здравый смыслъ подсказывалъ ей, что съ нею сыграли шутку ея переутомленные нервы и больное воображеніе. Но въ то же время ей вспоминался даръ «второго зрѣнія» кузины Мери Лейстеръ и тѣ видѣнія, которыя она видѣла въ этой самой комнатѣ. Безумный страхъ охватилъ ее, ледяной рукой сжалъ ей сердце – она боялась этой комнаты, этого дома, своей собственной пылкой натуры... Вся дрожа, она ощупью выбралась изъ комнаты, радуясь и лампѣ, горѣвшей въ передней, и звукамъ въ домѣ, и больше всего радуясь теплу худенькихъ ручекъ Терезы, такъ любовно прильнувшихъ къ ея рукѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГЛАФИРИНА ТАЙНА.

Повѣсть.

(Продолженіе) *).

VII.

Въ первый разъ, наконецъ, Глафира пожелала выйти изъ спальни. Она была еще очень слаба, и ее вели подъ руки, съ одной стороны, мать, а съ другой — Вѣра.

— Хочу на диванъ, — сказала Глафира.

Тѣ съ осторожностью усадили ее на диванъ.

Она съ любопытствомъ оглядывала знакомыя стѣны и все, что въ нихъ находилось, испытывая странное чувство, похожее очень на то, съ какимъ человѣкъ, который долго былъ въ путешествіи, вернулся на родину. Тамъ, въ тѣхъ чуждыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ скитался, было все, все другое, совсѣмъ не обычное, ни въ чемъ не сходное съ тѣмъ, что онъ оставилъ на родинѣ, и оно заслонило собою всякое воспоминаніе прошлаго. Но вотъ оно опять передъ нимъ, все старое, прежнее, и вдругъ оказывается, что онъ ничего не забылъ, оно оставалось нетронутымъ въ памяти, скрываясь лишь подъ налетомъ иныхъ впечатлѣній, которыя успѣли, однако, въ немъ самомъ совершить перемѣны, будто онъ самъ сдѣлался въ это время другой и смотритъ на все другими глазами.

И Глафирѣ казалось, будто она вернулась изъ какого-то дальняго, особаго міра, гдѣ была долго въ отсутствіи, и теперь, глядя на все это знакомое, прежнее, видитъ, какъ оно стало старо и убого, уменьшилось въ размѣрахъ, понизилось въ ростѣ... Все, все, даже маменька, Вѣра... Вонъ та какая сухая, морщинистая и маленькая-маленькая совсѣмъ старушоночка... Да и сестра стала будто худѣе, и лицо у нея сдѣлалось старше...

Подошелъ бѣлый котъ и потерся о глафирины ноги.

— А, Матросъ... Здравствуй, Матросъ, — привѣтствовала своего любимца, протягивая къ нему слабую, прозрачную руку,

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь, 1903 г.

Глафира, но тотъ пристально на нее посмотрѣлъ зелеными своими глазами, какъ бы не узнавая своей прежней хозяйки, и отошелъ равнодушно.

— Ишь какой скверный, — сказала Глафира, слѣдя за нимъ взоромъ, и ей показалось, что и Матросъ теперь ужъ не прежній красавецъ, что и съ нимъ тоже произошли перемѣны.

— Маменька, кормили безъ меня Матроса попрежнему?— спросила она у Авдотьи Макаровны.

— Какъ не кормить! Извѣстно, кормили.

— Отчего же онъ сталъ худой такой, гадкій?...

— Чѣмъ худой? Такой же, какъ былъ, толстомясый,—возразила старуха и легонько пихнула ногою Матроса.

Глафира нѣсколько минутъ сидѣла задумавшись, потомъ вдругъ сказала:

— Подайте мнѣ, пожалуйста, зеркало.

Авдотья Макаровна сняла съ комода стоящее на точеныхъ столбикахъ зеркало, бережно перенесла его черезъ комнату и поставила на столъ передъ дочерью.

Та медленно наклонилась къ его блестящей поверхности и увидѣла тамъ отраженіе какого-то безбородаго мужского лица, обтянутаго темною кожей и съ остриженнымъ до гола почти черепомъ...

— Ой, какая я морда!—прошептала Глафира, отвертываясь.— Уберите, маменька, зеркало... Неужели я такая противная?—прибавила она, помолчавъ.

— Ты же вѣдь послѣ болѣзни, Глафирушка... Подумай только, въ какой ты опасной болѣзни была!.. Богъ дастъ, вотъ, поправишься, и опять будешь хорошая...—успокоительно говорила Авдотья Макаровна, устанавливая зеркало на прежнее мѣсто.

Посидѣвъ еще минутъ съ десять, Глафира сказала, что ей хочется опять полежать. Авдотья Макаровна предложила устроить ложе ей тутъ же, на этомъ диванѣ, замѣтивъ:

— Вотъ съ нами бы здѣсь и отлично... Тутъ вотъ и я, тутъ и Вѣрушка... Всѣ, значитъ, вмѣстѣ... Чего уже лучше?.. И тебѣ веселѣе.

— Нѣтъ, мнѣ хочется въ спальню,—усталымъ голосомъ возразила Глафира.

— Ну, что же, какъ знаешь,—согласилась въ ту же минуту Авдотья Макаровна.

Тѣмъ же порядкомъ больная отведена была въ спальню и уложена опять на кровать.

Разговоръ и прогулка до дивана изъ спальни чрезвычайно, повидимому, утомили Глафиру, и, очутившись снова на постели, она тотчасъ же закрыла глаза.

Авдотья Макаровна съ Вѣрой немного постояли надъ нею, въ ожиданіи, не выразитъ ли она какихъ-либо желаній, но Глафира не произносила ни слова, лежа неподвижно, съ сомкнутыми вѣками, и тѣ, заключивъ изъ того, что она задремала, тихо вышли изъ спальни.

Но Глафира не испытывала никакого желанія спать. Ей просто хотѣлось остаться одной. И несмотря на то, что глаза ея были закрыты, на лицѣ ея можно бы было подмѣтить присутствіе какой-то сознательной мысли.

Голова ея была еще очень слаба, всѣ мысли находились въ полномъ разбросѣ, и всякія попытки Глафиры связать ихъ въ послѣдовательную, непрерывную цѣпь пока приводили къ тому, что онѣ начинали еще болѣе путаться, а затѣмъ наступало состояніе изнеможенія и пустоты въ головѣ. Но съ новымъ упорствомъ Глафира принималась опять за работу, съ тѣмъ, чтобы снова придти къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ. Однако, какъ бы то ни было, чѣмъ дальше, тѣмъ больше эта работа постепенно, мало-по-малу, уже начинала приносить кое-какіе плоды, и кое-что стало уже проясняться...

Всего труднѣе было Глафирѣ отдѣлить въ туманномъ хаосѣ безсвязныхъ идей одно отъ другого, а именно то, что относилось къ воспоминаніямъ горячечныхъ грёзъ, отъ того, что случилось съ нею въ дѣйствительности.

Сейчасъ, когда сидѣла она на диванѣ въ той комнатѣ, ей вдругъ вспомнилось многое. Голова ея принялась тотчасъ же работать. Задавая вопросы Авдотьѣ Макаровнѣ и дѣлая свои замѣчанія, Глафира не переставала въ то же самое время идти по пятамъ подхватившей ее неожиданно мысли.

Ей вспомнился одинъ поздній вечеръ... Горящая лампа, а передъ нею, въ кувшинчикѣ, букетъ изъ яркихъ цвѣтовъ... Приходъ ея, вмѣстѣ съ Вѣрой, изъ Лѣтняго сада... Передъ этимъ безобразная сцена на улицѣ, разыгравшаяся съ ними обѣими, и горечь жестокой обиды, принесенной ею съ собою домой... Мать сообщаетъ о посѣщеніи Мартына Матвѣича и его сватовствѣ за нее, за Глафиру... Вспоминаются при этомъ кое-какія слова... «Ты уже сама не молоденькая»... Затѣмъ вспоминается угарная, дикая сцена, состояніе безумнаго гнѣва, охватившаго все ея существо... Память не можетъ воспроизвести всѣ ея тогдашнія рѣчи. Помнится лишь жуткое безмолвіе ночи, и сама она, Глафира, лежащая на жаркой постели, въ мучительномъ томленьи безсонницы, устремившая неотводно глаза на противоположную стѣну, гдѣ рѣзко чернѣется крестообразное отраженіе рамы окошка, захватывая яркимъ сіяніемъ мѣсяца полотенце и юбку... И вдругъ что-то кошмарное, страшное—не то сонъ, не то явь... Длинныя улицы и мигающій свѣтъ фонарей... Потомъ всплескъ воды и ощущеніе

цѣпенящаго холода... Тутъ мысли Глафиры туманятся, путаются, и голова, наконецъ, совсѣмъ ужъ отказывается дольше служить.

. . . . . .

Между тѣмъ, выздоровленіе шло своимъ чередомъ, и Глафира ощущала себя крѣпче день ото дня. Она стала уже аккуратно совершать прогулки изъ спальни, откуда было вынесено находившееся тамъ временно кресло и поставлено на своемъ прежнемъ мѣстѣ, близко къ столу, какъ было до болѣзни Глафиры. Въ этомъ креслѣ она всегда пила чай и обѣдала и теперь совершала къ нему свои путешествія, возвращаясь мало-по-малу къ прежнимъ привычкамъ.

Теперь, хотя еще слабо, но она могла бродить уже безъ посторонней поддержки, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было возможно, старалась обходиться безъ помощи, всякій разъ выражая протестъ, когда мать и сестра пытались ее оказать. Каждый признакъ вновь прибывающихъ силъ доставлялъ Глафирѣ замѣтную радость. Волосы страшно лѣзли съ остриженной ея головы, и она носила старый материнъ чепчикъ, страннымъ образомъ мѣнявшій наружность Глафиры.

Жизнь обитателей этой квартиры мало-по-малу вступала въ свою колею, начиная съ того, что такъ называемая «чистая» комната (она же столовая, а равно и гостиная), получившая во время болѣзни Глафиры видъ помѣщенія, куда жильцы только что въѣхали и не успѣли еще разобраться, была возстановлена въ прежнемъ порядкѣ, кровать Вѣры поставлена въ спальнѣ, противъ кровати сестры, также обратно поставлены на старыхъ мѣстахъ и другія, перенесенныя изъ спальни сюда временно, вещи. Только по прежнему на звонки посѣтителей лавочки выходила къ прилавку, кромѣ Авдотьи Макаровны, Вѣра, мало-по-малу привыкшая къ своимъ новымъ обязанностямъ, исполняемымъ прежде старшей сестрою.

Какъ выздоравливающая, Глафира пребывала въ полной бездѣятельности, и это новое ея положеніе, которое въ другое время было бы совсѣмъ нестерпимымъ для ея подвижной и безпокойной натуры, теперь заключало въ себѣ много пріятнаго, какъ бываетъ при физической слабости. Она молча и съ интересомъ слѣдила за всѣмъ, что вокругъ нея дѣлалось—все то же самое, къ чему она давно уже привыкла,—но тогда она была дѣйствующею, а теперь наблюдающею, которой до этого нѣтъ ни малѣйшей заботы. Какъ будто даже ее и ни къ чему не тянуло и ничѣмъ ей не хотѣлось заняться. И это не была лѣнь или апатія, но то настроеніе, съ какимъ человѣкъ, полный своей особой и посторонней заботы, созерцаетъ, что дѣлаютъ люди, которые не могутъ понять и раздѣлить его думъ.

Она была молчалива, спокойна и необыкновенно кротка въ обращеніи и походила на гостью, которая хотя и ощущаетъ себя находящеюся въ кругу ей близкихъ людей, подчиняется съ большою охотой всѣмъ существующимъ въ домѣ порядкамъ и старается всячески не стѣснять никого, но и для себя тоже не хочетъ стѣсненія

По вечерамъ, послѣ того, какъ всѣ напились уже чаю и все со стола было убрано, передъ тѣмъ, какъ запиралась табачная, а потомъ пора было и спать, всѣ трое, вкупѣ и влюбѣ, сидѣли за столомъ, передъ лампой, при своихъ обычныхъ занятіяхъ. Авдотья Макаровна что-нибудь штопала или вязала изъ шерсти чулокъ, а Вѣра, развалившись съ локтями и запустивъ пальцы рукъ въ волосы, поглощала страницы романа, Глафира же, откинувшись въ кресло, неподвижно и молча смотрѣла куда то въ пространство. Молчаніе бывало такое глубокое, мертвое, что, наконецъ, становилось какъ бы даже нѣсколько жуткимъ...

Авдотья Макаровна вскидывала глазами поверхъ своихъ круглыхъ очковъ, державшихся на кончикѣ носа, и устремляла внимательный взглядъ на Глафиру. Та не перемѣняла своего положенія, вся отдавшись во власть своихъ думъ и словно не примѣчая этого взгляда.

— Глафирушка,—произносила старуха.

— А?—разсѣянно откликалась Глафира.

— Не устала ли ты? Не хочешь ли спать?—Заботливо спрашивала Авдотья Макаровна.

Глафира, какъ будто только теперь догадавшись, что все это относится къ ней, отвѣчала:

— Нѣтъ, не хочу.

— Скучно тебѣ?—освѣдотлялась снова старуха.

— Нѣтъ. Отчего же?—недоумѣвала Глафира.

— Да вижу ужъ я. Вотъ что, будемте-ка всѣ въ карты играть! Что въ самомъ дѣлѣ! — восклицала вдругъ Авдотья Макаровна, шаловливо тряхнувъ своимъ чепчикомъ. — Вѣрушка, неси сюда карты.

Молодая дѣвица, отодвинувъ прочь книгу, вставала и приносила колоду засаленныхъ картъ.

— Въ «свои козыри», а? Хочешь, Глафирушка?—спрашивала Авдотья Макаровна, принимаясь ихъ тасовать.

— Ну, въ «свои козыри»,—покорно соглашалась Глафира.

— Въ «мельники» лучше,—возражала сестра. — Правда вѣдь, Глаша?

— Ну, въ «мельники»,—соглашалась и на это Глафира.

Начиналась игра. Она ходила и крыла, отдавала и брала себѣ взятки, серьезно, но съ полнымъ спокойствіемъ подчиняясь всѣмъ

шансамъ игры, между тѣмъ какъ старуха и ея младшая дочь играли съ большою ажитаціей, огорчаясь своею неудачей или радуясь своему торжеству.

Прекращали играть, когда Авдотью Макаровну совсѣмъ уже одолѣвала зѣвота, и тогда она говорила:

— Пора бы и спать.

Обыкновенно Вѣра упрашивала сыграть «еще одинъ маленькій разикъ», чему мать весьма слабо противилась. Глафира же не возражала ни словомъ, и хотя игра затѣвалась единственно для ея развлеченія, однако казалось, будто она принимаетъ участіе въ ней только изъ нежеланія поступать вопреки, ей же самой совсѣмъ безразлично, играть или нѣтъ, какъ безразлично одинаково все, что вокругъ нея дѣется, въ сравненіи съ тѣмъ важнымъ, интереснымъ, особеннымъ, что живетъ въ тайникахъ ея существа,— и передъ этимъ все остальное представляется чѣмъ-то далекимъ-далекимъ и чуждымъ.

Да и все, что произошло съ нею въ прошедшемъ, тоже ей теперь представляется чѣмъ-то очень далекимъ и чуждымъ.

VIII.

Будто совсѣмъ изъ другого, нынѣ для нея посторонняго міра, видится ей и сама она, прежняя, съ тогдашнимъ ея поведеніемъ— со всѣмъ тогдашнимъ строемъ мыслей и желаній—и все это она разбираетъ, оцѣниваетъ, многое теперь осуждаетъ, къ иному относится даже съ большимъ осужденіемъ, къ иному съ насмѣшкой.

Во многомъ даже просто противна ей эта старая, почти тридцатилѣтняя дѣвка, съ тощимъ и некрасивымъ лицомъ, которая воображала себя еще молодою, привлекательною и злилась на тѣхъ, кто не хотѣлъ этого въ ней признавать. И по дѣломъ-же ей за это досталось! Какой-то уличный пьяный нахалъ сказалъ ей въ глаза, что она «морда» и «старая вѣдьма»,—и это было такъ неожиданно-ново, такъ поразительно, что она едва нашла въ себѣ силы молча и съ напряженнымъ спокойствіемъ идти всю дорогу до дому, вмѣстѣ съ сестрой, ничѣмъ не показывая, что у нея на душѣ и собравъ все свое мужество, чтобы не разрыдаться тутъ-же, на улицѣ... А дома, лишь только она успѣла раздѣться и стала приводить свои чувства въ порядокъ, мать съ восторгомъ ей объявляетъ о томъ, что у нихъ только что былъ Мартынъ Матвѣичъ Телѣжниковъ, прогнанный когда-то графскій лакей, важничающій наворованными своими достатками, скверный старикъ, который всегда былъ противенъ Глафирѣ,—и вотъ этотъ то самый Телѣжниковъ задумалъ жениться и приходилъ объявить, что онъ не нашелъ никого, на комъ онъ бы могъ остановить свой выборъ, хуже Глафиры! И, конечно,

онъ былъ увѣренъ, что оказываетъ ей этимъ величайшую честь, и мать отнеслась именно такъ къ его предложенію, т.-е., что это со стороны Мартына Матвѣича величайшая честь, и даже не усумнилась ни на минуту въ радостномъ согласіи Глафиры, ибо, какъ сама она тогда высказалась, Глафира немолода, некрасива, и на ней никто ужъ не женится...

Глафира тогда совсѣмъ обезумѣла. Теперь она сама на себя удивляется, что могла дойти до такого изступленнаго бѣшенства, да и раньше никогда себя не считала на это способною, никогда не думалось ей, что она съ такимъ неистовымъ наслажденіемъ злобы станетъ когда нибудь оскорблять свою старую мать.

Потомъ она жестоко казнилась. Но сдѣланнаго ничѣмъ уже нельзя было поправить. Да она и не хотѣла тогда ничего поправлять, ибо послѣ несчастнаго того объясненія она открыла присутствіе въ себѣ новыхъ, небывалыхъ мыслей.

Она какъ-бы внезапно прозрѣла въ истинный смыслъ отношеній къ ней самыхъ ея близкихъ людей.

И восторгъ, съ которымъ объявила ей мать о сватовствѣ Мартына Матвѣича, и увѣренность въ благопріятномъ отвѣтѣ Глафиры, и то глубокое горе, въ которое ее погрузилъ презрительный глафиринъ отвѣтъ—все это тогда же показало Глафирѣ, что она обманула старуху въ ея самыхъ завѣтныхъ мечтаніяхъ о благополучномъ устройствѣ семьи посредствомъ замужества дочери со старымъ Телѣжниковымъ. Этимъ Глафира всѣхъ-бы ихъ обезпечила, и въ этомъ состояла ея прямая обязанность, за которую она должна была ухватиться съ величайшею готовностью да еще благодарить Господа-Бога, что онъ послалъ ей такого прекраснаго мужа, ибо сама-то она что такое изъ себя представляетъ, и какой другой отъ нея можетъ быть толкъ?.. Вѣра еще молодая, хорошенькая и впереди имѣетъ надежды, тогда какъ на ней, на Глафирѣ, давно поставленъ ужъ крестъ, и она, въ теперешнемъ своемъ положеніи, являетъ собою только одинъ лишній ротъ... Такъ на нее смотритъ мать и такъ же къ ней относится Вѣра. Она была обязана это раньше понять, и показавъ, что она все время на себя глядѣла иначе, конечно должна, была глубочайшимъ образомъ ихъ поразить...

Въ этомъ она убѣдилась на другой-же день утромъ, когда вышла въ столовую, къ чаю. И мать, и сестра отъ нея отворачивались. Между нею и ими не сказано было ни слова, и все чаепитіе протекло въ могильномъ безмолвіи. Глафира черезъ силу тогда досидѣла, послѣ чего ушла въ спальню, быстро одѣлась и отправилась изъ дому.

«Лишній ротъ»... Это гвоздемъ сидѣло у нея въ головѣ. Она рѣшила, что до тѣхъ поръ не будетъ покойна, пока не поставитъ

себя въ положеніе, когда нельзя уже будетъ ей сдѣлать упрекъ въ дармоѣдствѣ, а для этого она должна себя обезпечить какимъ-нибудь заработкомъ, который станетъ отдавать цѣликомъ на пользу семьи.

Послѣ двухдневныхъ упорныхъ исканій, ей посчастливилось, по особому случаю, найти хорошій заказъ на бѣлье, и она ретиво принялась за работу.

Видитъ Богъ ея сердце. Тамъ не было злобы, и она не хотѣла никого уязвлять. Она была вся полна самыхъ добрыхъ намѣреній и, кромѣ того, этотъ спѣшный, поглощающій вниманіе трудъ, который она себѣ отыскала, избавлялъ ее отъ всякихъ столкновеній съ домашними.

Зато многое-многое она тогда передумала... Подъ непрерывный стукъ швейной машины ей вспоминались ея дѣтство и юные годы, мечты о любви, потомъ вся дальнѣйшая безрадостная и тусклая жизнь, никогда не согрѣтая ничьею теплою лаской, но по временамъ еще не лишенная все-таки какихъ-то смутныхъ, но свѣтлыхъ надеждъ, затѣмъ ихъ крушеніе, а тамъ, въ туманной дали—длинный, утомительный рядъ такихъ же тусклыхъ, безрадостныхъ дней, но безъ всякихъ уже упованій, и, въ концѣ — неизбѣжный удѣлъ всѣхъ живущихъ—черная яма могилы.

Со своими домашними она видѣлась лишь за столомъ, когда всѣ сидѣли въ тяжеломъ молчаніи, и во все это время она ощущала словно присутствіе между нею и ими какой-то стѣны, которую всѣмъ хотѣлось разрушить. Она знала, что для этого требуется, съ ея стороны, что-то сдѣлать, что-то сказать, но нужное слово не подвертывалось ей на языкъ, да и, кромѣ того, ей казалось, не пришло еще время... И она спѣшила опять за работу и вновь принималась стучать на своей швейной машинѣ...

По заведенному издавна порядку, въ часъ, обычный для сна, приходила въ ихъ общую съ Глафирою спальню сестра, раздѣвалась, укладывалась и поворачивалась тотчасъ-же къ стѣнѣ. Глафира прекращала въ ту-же минуту работу, въ свою очередь, раздѣвалась, укладывалась и поворачивалась тоже къ стѣнѣ... И то, что стояло между ними, незримое, расплывалось во снѣ.

То-же повторялось и завтра.

Наконецъ, съ работой было покончено. Глафира отнесла ее, куда слѣдуетъ, получила разсчетъ и, съ деньгами, вернулась домой. Это было ужъ въ сумерки. Приближалось время вечерняго чая.

Пройдя прямо въ спальню, Глафира взглянула на опустѣвшій свой столъ, на торчащую праздно машинку и почувствовала вдругъ на душѣ страшную тяжесть сиротства и покинутости... Больше не хватало ужъ силъ. Теперь наступила минута, которая давно ужъ предвидѣлась, когда Глафира должна, наконецъ, повалить

воздвигнутую между нею и домашними стѣну и высказать все, что у нея накопилось на сердцѣ...

Она насторожилась, прислушалась, что происходитъ за дверью... Тамъ собирались пить чай.

Она вынула изъ кармана всѣ принесенныя деньги и, держа ихъ въ рукѣ, не давая себѣ больше раздумываться, стремительно вышла изъ спальни.

Мать, доставававшая чайную посуду изъ шкапчика, остановилась какъ вкопанная. Вѣра, читавшая книгу у лампы, приподняла голову. Обѣ безмолвно, словно застывъ, глядѣли во всѣ глаза на вошедшую...

Какъ будто мать и сестра были непріятно изумлены неожиданнымъ ея появленіемъ, и это ужасно смутило Глафиру. Она какъ-то глупо, растерянно сунула деньги на столъ и, понимая что отъ нея ждутъ объясненія, скороговоркой и путаясь, какъ школьникъ, отвѣчающій внезапно забытый урокъ, пробормотала, что эти деньги назначены въ домъ, на хозяйство, и что отнынѣ она ежемѣсячно будетъ давать, сколько можетъ, выручая работой, причемъ какъ-то совсѣмъ мимовольно выскочили у нея и слова «лишній ротъ»...

Окончательно спутавшись, она хотѣла приступить къ самому главному. Она не знала, какъ у нея это выйдетъ, ни разу она не подумала, въ какихъ выраженіяхъ оно должно будетъ сказаться... У нея лишь существовала потребность сразу и до конца вылить все, что ее нудило и мучило, къ чему привели уединенныя ея размышленія въ эти тягостные послѣдніе дни, и что, приблизительно, можно было-бы выразить таковыми словами:

«Простите меня. Я знаю, что вы считаете меня гадкой и скверной. Правда, я ничѣмъ не заслужила лучшаго мнѣнія. Я была зла и капризна, я постоянно думала лишь о себѣ и никогда не хотѣла понять, какъ вамъ тяжко и трудно живется. Былъ случай, когда я могла облегчить навсегда вашу жизнь, но я оттолкнула его, потому что это было сверхъ моихъ силъ. Не осуждайте меня и не вините за то, что я такъ поступила, ибо я не могу быть лучше того, чѣмъ меня создала природа. Пожалѣйте меня, вѣдь я сама обездоленная! Знайте только одно, что я васъ люблю, а теперь, съ этихъ поръ, когда я о многомъ подумала и погасила въ себѣ всѣ былыя мечты о своемъ личномъ счастіи, я съ охотой, безъ ропота, раздѣлю вмѣстѣ съ вами, насколько станетъ на то моихъ силъ, всѣ тяготы вашей жизни».

Но прежде чѣмъ успѣла она произнести первый звукъ этой рѣчи, мать на нее замахала руками и сказала слова, которыя отпечатлѣлись, словно каленымъ желѣзомъ, въ Глафириной памяти:

— *Не нужно, не нужно мнѣ твоихъ денегъ! Богъ съ нею, съ*

твоею работой! День деньской этотъ стукъ... Голову всю разломило... Измучила насъ ты совсѣмъ, со своею работой... Не нужно, не нужно!

Будто, нежданно-негадано, ей дали пощечину... Она растерянно взглянула на мать и сестру, пытаясь собраться съ мыслями, сообразить, что ей нужно отвѣтить, и тупо еще чего-то ждала, сама не зная, чего... Но мать молча поставила вынутую посуду на столъ, какъ разъ, рядомъ съ положеннымъ тамъ денежнымъ приношеніемъ Глафиры, и опять пошла къ шкафчику... Вѣра, какъ-бы избѣгая взгляда сестры, опять уткнула носъ въ книгу... Чѣмъ-то холодно-враждебнымъ и чуждымъ повѣяло отъ нихъ на Глафиру... Оставаться здѣсь долѣе казалось какъ-то даже и страннымъ... А между тѣмъ требовалось съ ея стороны что-то сказать, и она только и нашла въ себѣ духу, чтобы промолвить, машинально, съ безнадежной покорностію:

— Какъ хотите... Богъ съ вами...

Она повернулась и направилась вонъ. Ее не удерживали.

Теперь, переживая все это въ мысляхъ, она никакъ не можетъ возсоздать въ своей памяти, съ болѣе или менѣе ясной отчетливостью, что за этимъ дальше послѣдовало. Она помнитъ, что лежала въ темнотѣ, въ тишинѣ у себя на кровати... Едва-ли думала она тогда о чемъ либо... Она слышала всѣ малѣйшіе звуки, раздававшіеся изъ за притворенной двери, слышала, какъ Лукерья внесла самоваръ, какъ скрипнулъ стулъ подъ усѣвшейся Вѣрой, какъ зажурчалъ полившійся въ чайникъ кипятокъ изъ подъ крана... Затѣмъ шепотъ между старухой и Вѣрой. Та встала и подходитъ къ дверямъ. Она говоритъ:

— Глаша... Пить чай...

Глафира соображаетъ, что это относится къ ней, и отвѣчаетъ:

— Я не хочу...

Она отвѣчаетъ вполнѣ безотчетно, не потому, что ей, дѣйствительно, не хочется чаю, но по единственной и важной причинѣ, которую она понимаетъ, а именно, что она *не можетъ* тамъ быть, что ей даже *нельзя* оставаться долѣе въ этихъ стѣнахъ, ни сегодня, ни завтра, ни въ отдаленнѣйшемъ будущемъ...

Пустота... пустота... пустота..

Затѣмъ она помнитъ, какъ очутилась вдругъ на ногахъ. Она одѣвается, собираясь уйти... Куда? Она не задается этимъ вопросомъ. Она только знаетъ, что ей нельзя долѣе здѣсь оставаться.

Она выходитъ въ столовую. Вѣра читаетъ, по прежнему, книжку и не поднимаетъ головы на Глафиру. Двѣ десятирублевыхъ бумажки лежатъ на столѣ, на своемъ прежнемъ мѣстѣ... Затѣмъ Глафира проходитъ мимо прилавка. Мать сидитъ, въ очкахъ, на кончикѣ носа, и вяжетъ чулокъ. Графирѣ хочется крикнуть старухѣ: «*прощайте!*» но, вмѣсто того, она замедляетъ

шаги... Въ ней мелькаетъ надежда, что та вдругъ взглянетъ и спроситъ: «Куда ты идешь?». Тогда она все, все объяснитъ ей, а послѣ вернется и ужъ никуда не пойдетъ... О, если бы та ей сказала хоть слово! Но мать молчитъ, словно не видитъ ея, и двигаетъ чулочными спицами... Теперь все кончено, и Глафирѣ нельзя ужъ вернуться. Она дергаетъ дверь и выходитъ на улицу.

Она подвигается безотчетно дальше и дальше. Горятъ фонари. Гремятъ колеса извозчиковъ. Мелькаютъ прохожіе. Передъ иными она сторонится, другихъ пропускаетъ мимо себя, переходитъ улицы и перекрестки, взглядываетъ на освѣщенныя окна колбасныхъ, фруктовыхъ, кондитерскихъ... Передъ нѣкоторыми она останавливается и долго, внимательно смотритъ на какой-либо затѣйливо сдѣланный тортъ или свиную копченую голову, которая, лежа на блюдѣ, щеритъ клыки на прохожихъ... Потомъ Глафира снимается съ мѣста и опять идетъ дальше.

Пустота... пустота... пустота...

Фонтанка. У спуска барки съ дровами, прислоненныя плотно бортами другъ къ дружкѣ. Сколько ихъ? Одна... двѣ... три,—машинально считаетъ зачѣмъ-то Глафира. Всѣ три, онѣ ясно вычерчиваются на темномъ фонѣ воды. На нихъ никого не видать... Глафира прислонилась къ периламъ и смотритъ на барки. Почему на нихъ никого не видать? Должно быть, мужики или спятъ, или всѣ разбрелись... Нѣтъ, куда имъ уйти? вѣроятнѣе, спятъ. Днемъ они возили на тачкахъ дрова, катя ихъ вотъ по этимъ длиннымъ доскамъ, что висятъ, какъ мостъ, надъ водою... Онѣ называются, сходнями,—мелькаетъ въ головѣ у Глафиры, и затѣмъ вспоминается ей, что у всѣхъ барокъ существуютъ такія же сходни, и по нимъ всегда мужики катаютъ тяжелыя тачки, на которыхъ дрова, а не то кирпичи... Тѣ, пожалуй, еще тяжелѣе!.. Должно быть, какъ крѣпко и сладко спится послѣ этой работы... Ничѣмъ отъ такого сна не разбудишь... А, вѣроятно, ужъ очень поздно теперь, и многіе спятъ... Вотъ и маменька съ Вѣрой спятъ тоже, конечно... Впрочемъ, маменька не можетъ скоро заснуть... И если теперь она еще не заснула, то о чемъ-нибудь думаетъ... О чемъ она можетъ думать?.. Думаетъ ли она о ней, о Глафирѣ, въ состояніи ли она догадаться, что та стоитъ сейчасъ вотъ здѣсь, на Фонтанкѣ, и не знаетъ, куда ей идти?.. И тѣмъ мужикамъ, что спятъ на этихъ вотъ баркахъ, тоже не можетъ подуматься, что она находится здѣсь, въ немногихъ шагахъ, и не знаетъ, куда ей идти... И всѣмъ, всѣмъ, кто теперь или спитъ безмятежно, или сидитъ въ гостяхъ, а не то въ ресторанѣ, или пѣшкомъ плетется по улицѣ, или ѣдетъ домой на извозчикѣ,—всему этому огромному, многолюдному городу, всѣмъ этимъ высокимъ, холоднымъ домамъ неизвѣстно и нѣтъ нужды до того,

что она стоитъ здѣсь, одна-одинехонька, и не знаетъ, куда ей идти... И никому, никому нѣтъ нужды до нея, какъ вотъ этой водѣ, что блеститъ при лучахъ фонарей, плещетъ и шевелится, словно живая, и бѣжитъ все впередъ, все впередъ, все впередъ...

И вдругъ новая, нежданная мысль пронзила Глафиру. Вѣдь отъ нея самой зависитъ исходъ! Одинъ мигъ — и все кончится, исчезнетъ все, все, и станетъ не о чемъ думать, забудется прошлое, незачѣмъ будетъ терзаться настоящимъ и будущимъ... Всего одинъ мигъ — и это не трудно, совсѣмъ даже легко, только это нужно сдѣлать сейчасъ, сію минуту, не откладывая, не размышляя, скорѣе, скорѣе, скорѣе...

И она побѣжала по сходнямъ и очутилась на баркахъ, едва касаясь ногами досокъ, перебѣжала первую барку, вторую и третью, повторяя въ мысляхъ: «скорѣе, скорѣе!», какъ бы несомая вихремъ подхватившаго ее внезапно стремленія навсегда, въ одинъ мигъ, все позабыть.

Внизу, подъ ногами, шевелилась, плеща и искрясь серебристыми змѣйками, отъ мерцавшихъ на томъ берегу фонарей, темная влага... Оттуда на Глафиру дохнуло холоднымъ дыханіемъ... Ее шатнуло было назадъ... Но она собрала всю свою волю, крѣпко стиснула зубы, зажмурилась и, вытянувъ руки, ринулась внизъ.

Головокружительный вихрь разныхъ памятныхъ лицъ и событій. Солнечный день, Глафира, маленькою дѣвочкой, сидитъ на колѣняхъ отца, а тотъ ее прижимаетъ рукою, маменька вяжетъ чулокъ въ очкахъ на кончикѣ носа, Вѣра со своею неизмѣнною книжкой, дребезжитъ колокольчикъ надъ дверью въ табачную, музыка играетъ въ Лѣтнемъ саду «Наша честь кувыркомъ, кувыркомъ», а пьяный мужчина съ усами, въ цилиндрѣ, бормочетъ Глафирѣ: «морда, старая вѣдьма»... «Не надо, не надо мнѣ твоихъ денегъ»... Сразу все исчезаетъ въ шумномъ всплескѣ и брызгахъ, а во рту Глафира чувствуетъ холодную воду и раскрываетъ ротъ еще шире, словно ей нужно выпить до дна всю Фонтанку... «Не хочу, не надо, не надо!» старается крикнуть Глафира, въ то время какъ вода заливаетъ ей горло, и она, въ безпамятствѣ, судорожно, изо всей своей мочи, начинаетъ барахтаться, но ее тянетъ съ неодолимою силою книзу... Конецъ!

IX.

— Ай-яй, страсти какія! — воскликнула шопотомъ Вѣра.

Глафира поворачиваетъ на подушкахъ лицо и устремляетъ глаза на сестру, которая, свернувшись калачикомъ подъ своимъ одѣяломъ, жадно читаетъ предъ свѣчкой, стоящей на стулѣ и

заслоненной перекинутымъ черезъ спинку его полотенцемъ, чтобы свѣтъ не безпокоилъ Глафиру.

— Что такое?—освѣдомляется та, прерывая нить своихъ думъ.

Вопросъ произнесенъ тоже шопотомъ (всѣ въ домѣ уже улеглись), но Вѣра испуганно вздрагиваетъ, словно пойманная на преступномъ дѣяніи, и робкимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Ты развѣ не спишь?

— Нѣтъ,—медленно отвѣчаетъ Глафира.

— Прости, Глашенька, я, право, не знала. Тебѣ свѣчка мѣшаетъ, я сейчасъ погашу.

— Ничего, читай на здоровье, я спать не хочу,—возражаетъ кротко Глафира.

— Правда? ей-Богу?.. А знаешь, просто нельзя оторваться! Такъ интересно!

— Это «Ледяной домъ» ты читаешь?

— Да, его начала... Ужасъ, какъ интересно! Тутъ есть одно мѣсто... Какой это мерзавецъ Биронъ! Хочешь, прочту?

— Ну, читай,—сказала Глафира.

— Это одного хохла его слуги пытаютъ!—принялась пояснять, съ увлеченіемъ, Вѣра. — Одинъ хохолъ на Бирона императрицѣ доносъ написалъ, какъ онъ ее надуваетъ и какъ онъ ненавидитъ всѣхъ русскихъ... ну, словомъ, вообще, какой онъ мерзавецъ... а Биронъ про это пронюхалъ и велѣлъ узнать, во чтобы ни стало, куда хохолъ доносъ этотъ спряталъ... И вотъ надъ нимъ дѣлаютъ пытку, голаго, на морозѣ, водой обливаютъ!

— Водой обливаютъ?—задумчиво переспросила Глафира.

— Ну, да, на морозѣ, представь! Морозъ въ сорокъ градусовъ, а онъ совсѣмъ голый, привязанъ, и его изъ ушатовъ окачиваютъ... затѣмъ, чтобъ признался!.. Изъ одного ушата его окатили—не хочетъ признаться! Изъ другого потомъ окатили—молчитъ! Каковъ молодчина?.. Слушай теперь, какъ въ третій разъ его окатили...

Тутъ Вѣра облокотилась рукой о подушки и, блистая глазами, вздрагивающимъ отъ волненія голосомъ, прочитала, съ большимъ выраженіемъ:

«Послѣ третьяго ушата хохолъ повисъ назадъ, какъ ледяная сосулька, черепъ покрылся новымъ блестящимъ черепомъ, глаза слились, руки приросли къ туловищу, вся фигура облачилась въ серебряную мантію съ пышными сборами; мало-по-малу ноги пустили отъ себя ледяные корни по землѣ. Еще жизнь вилась легкимъ паромъ изъ устъ несчастнаго; кое-гдѣ съткою лопалась ледяная епанча, особенно тамъ, гдѣ было мѣсто сердца; но вновь ушатъ воды надъ головою, и малороссіянинъ сталъ одной неподвижной, мертвой глыбой».

Вѣра перевела съ усиліемъ духъ и спросила:

— Страшно? Не правда ли?

И, приподнявшись съ подушекъ, она бросила взглядъ на сестру, ища въ ней сочувствія. Глафира молчала, лежа, не шевелясь, на боку, съ застывшимъ задумчиво взоромъ, точно представляя въ мысляхъ разсказанную въ книгѣ исторію.

Не дождавшись отвѣта, Вѣра опять приникла къ подушкамъ и жадно впилась въ свой романъ, послѣ чего не произнесла больше ни слова. Старшая сестра пребывала въ своей прежней позѣ, только закрыла глаза, и, вслѣдствіе падавшей на лицо ея тѣни отъ устроеннаго изъ полотенца экрана и придававшей чертамъ неподвижность, казалось, что Глафира погружается въ сонъ.

Но этого не было. Какъ бы въявь она переиспытывала тѣ ощущенія, когда жуткій холодъ страшной громады воды объемлетъ все тѣло, цѣпенитъ всѣ движенія и словно заливаетъ всю душу. Все погибло, есть только сознаніе, что вотъ она—смерть, и не видится ни откуда пощады, и... о, какъ хочется жить!..

Съ ней это было, и она это помнитъ. И вотъ теперь, въ мягкихъ нѣдрахъ согрѣтой теплотою ея собственнаго тѣла постели, въ отрадной тиши ночного покоя, въ сосѣдствѣ близкихъ людей, Глафирѣ хотѣлось бы, съ какою-то особенною, жуткою сладостью, просмаковать воспоминаніе пережитаго ужаса, со всяческой мелкой подробностью, какъ послѣ привидѣвшагося страшнаго сна, отъ котораго такъ радостно бываетъ проснуться... Но такого сна нельзя воспроизвести цѣликомъ, моментъ за моментомъ, и Глафира вспоминаетъ только въ видѣ клочковъ, почему-то удержавшихся въ памяти, тогда какъ все остальное сплылось въ нѣкій безобразный сумбуръ, гдѣ трудно разобрать и отдѣлить одно отъ другого, что было въ дѣйствительности и что примерещилось въ горячечныхъ грёзахъ.

Было все какъ-то нелѣпо и странно, что произошло послѣ того, какъ она бросилась въ воду и рѣшила въ мысляхъ: «это смерть!» Передъ нею тѣ же барки, мерцающіе огоньки фонарей, чугунныя перила Фонтанки, а она сама сидитъ тутъ же, на тумбѣ, ощущая, что мокрое платье облѣпило все ея тѣло и понимая только одно: *она снова живетъ*... Какъ это случилось? Ее вытащили и посадили сюда мужики, о которыхъ она давеча думала, мужики съ этихъ барокъ... И вотъ они всѣ стоятъ и галдятъ, окружая Глафиру, и она не знаетъ, о чемъ они разсуждаютъ, да ей и не любопытно совсѣмъ, она чувствуетъ только, что ей очень холодно и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдно, какъ бываетъ, когда человѣка раздѣли и съ любопытствомъ разсматриваютъ... Стыдно, ужаснѣйшимъ образомъ стыдно — вотъ что Глафира испытываетъ пуще всего! Словно она чѣмъ-то провинилась предъ всѣми и должна понести наказаніе,

потому что, кромѣ мужиковъ, она замѣчаетъ городового и дворника, которые хотятъ посадить ее на извозчика и говорятъ о полиціи... Что она сдѣлала имъ, что они такъ злы на нее, да и зачѣмъ, зачѣмъ это все, какое имъ дѣло до нея, до Глафиры, съ какой стати къ ней они лѣзутъ, когда ей только и нужно остаться одной и посидѣть, отдохнуть здѣсь, на этой вотъ тумбѣ?.. Ей враждебны и страшны всѣ эти люди, но она не въ силахъ съ ними бороться... Они готовы уже ее одолѣть...

И вдругъ чей-то властный и грозный, одиноко раздавшійся голосъ побѣждаетъ весь этотъ галдежъ злыхъ голосовъ. Она понимаетъ, что это ея другъ, избавитель... Споръ длится недолго и кончается тѣмъ, что Глафира оказывается вдругъ на свободѣ, рядомъ со своимъ нежданнымъ спасителемъ, который куда-то везетъ ее... Неизвѣстно куда, но ей все равно.

Онъ что-то ей говоритъ, но что именно — она не можетъ понять, ибо колеса подъ ними громко стучатъ, и она не въ состояніи сосредоточить вниманіе — такъ все это дико, такъ странно, такъ похоже на сонъ...

«Гдѣ вы живете?» спрашиваетъ ее незнакомецъ... Это только одно она и разслышала, и этотъ вопросъ обдаетъ ее ужасомъ... Домой? къ маменькѣ? къ Вѣрѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ, это страшнѣе всего, легче назадъ, опять въ воду!.. И прозрѣвая въ мысляхъ незнакомца предательство, она уже соскакиваетъ было съ пролетки, чтобы бѣжать безъ оглядки, но тотъ успѣваетъ ее удержать и въ одну минуту ее успокоиваетъ. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ ее доставить домой, онъ сдѣлаетъ все, что она пожелаетъ, и онъ ее не покинетъ. Глафира спокойна и готова во всемъ его слушаться.

Но все это чрезвычайно похоже на сонъ, и только лишь потому, что ей страшно холодно и мокрое платье облѣпляетъ ей спину и ноги, Глафирѣ извѣстно, что это происходитъ въ дѣйствительности. Клочки какихъ-то безсвязныхъ и туманныхъ мыслей мелькаютъ въ ея головѣ, какъ бываетъ при настоящей дремотѣ, и все представляется словно сквозь сонъ. Словно сквозь сонъ она слышетъ, какъ ея охранитель крикнулъ что-то извозчику; словно сквозь сонъ рисуются въ туманной мглѣ фонарей бронзовые кони Аничкина моста, потомъ зданія Невскаго, какая-то вывѣска съ огромными французскими литерами, зіяющій рядъ черныхъ оконъ, ворота, затѣмъ перекрестокъ — и вдругъ остановка. Нужно сойти. Неужели пріѣхали? Такъ скоро? Какъ это странно.

Подъѣздъ со стеклянною дверью и швейцаромъ со свѣтлыми пуговицами, ступеньки наверхъ, площадка, снова ступеньки, все выше и выше, потомъ корридоръ, длинный-длинный и узкій, какія-то двери, какой-то человѣкъ, во фракѣ, накинутомъ поверхъ ситцевой полосатой рубашки, и съ голою грудью, щелкнувъ ключомъ, отворяетъ одну

изъ дверей и вводитъ ихъ въ темноту. Тамъ онъ зажигаетъ пару свѣчей, и Глафира замѣчаетъ диванъ, съ овальнымъ столомъ передъ нимъ, кресла и зеркало. Все время ея избавитель сердито кричитъ и командуетъ, топаетъ даже ногами, и она понимаетъ, что дѣлается это все для нея, и она покорно всему подчиняется, ибо онъ этого хочетъ, и это такъ нужно, хотя она и не знаетъ зачѣмъ, но это ей все равно, такъ какъ у нея у самой нѣтъ ни желаній, ни воли, ни силъ... Потомъ входитъ какая-то женщина, съ ворохомъ бѣлья и платьемъ въ рукахъ, и приглашаетъ Глафиру перейти въ сосѣднюю комнату, гдѣ помогаетъ ей совлечь съ себя все мокрое свое одѣяніе и одѣться въ сухое

И вотъ Глафира сидитъ на диванѣ. Ей тепло и уютно. Она вдвоемъ съ незнакомцемъ.

«Вамъ чаю нужно скорѣе!»—говоритъ онъ ей, бросаясь къ столу, гдѣ стоитъ уже чайный приборъ и бутылки, и наливаетъ въ стаканъ ей изъ чайника.—«И коньяку непремѣнно! Это васъ подкрѣпитъ и согрѣетъ! И вина! вина обязательно!»—И онъ наливаетъ коньяку и вина, повторяя: «Вы непремѣнно, непремѣнно выпить должны!»

Свѣчки стоятъ на столѣ, и огонь ихъ ударяетъ ей прямо въ глаза. Замѣтивъ, что онѣ ей мѣшаютъ, онъ переноситъ ихъ къ зеркалу, потомъ становится противъ Глафиры и принимается снова ее уговаривать, чтобы она выпила вина, потомъ чаю, ибо ей нужно согрѣться.

Сколько доброты и участія къ ней звучитъ въ его голосѣ!.. Сквозь туманъ, окутывавшій мысли Глафиры, передъ нею впервые вдругъ ярко встало все, все, что случилось до этого... Ей почудилось, что тотъ тяжелый, холодный комокъ, называемый сердцемъ, который все время, какъ камень, давилъ ея грудь, вдругъ растопился. Что-то горячей волною поднялось изъ глубины ея существа, залило душу, подхватило и бросило ничкомъ на диванъ, и затѣмъ изъ глазъ ея хлынули слезы... Казалось, конца имъ не будетъ, этимъ слезамъ, и онѣ все лились и лились, неудержимымъ потокомъ, а грудь разрывалась рыданіями, вызывая стоны и вопли и сотрясая въ конвульсіяхъ все тѣло Глафиры...

Онъ испугался, старался ее успокоить, взялъ ее за руку... Глафира быстро схватила ее, эту руку, горячо прижала къ губамъ и излила въ безсвязныхъ словахъ свою благодарность. Послѣ этого она стала спокойнѣе. Она даже выпила вина и горячаго чаю, ибо ему это было пріятно.

Вдругъ онъ всталъ и сказалъ, что долженъ оставить ее. Онъ говорилъ, что завтра опять сюда явится, но теперь ему нужно уѣхать. Это было для нея совсѣмъ неожиданно. Мысль опять остаться одной, всѣми покинутой, обдала ее ужасомъ.

«Вы боитесь?» спросилъ онъ ее.

«Да, мнѣ здѣсь страшно,» прошептала Глафира и услыхала въ отвѣтъ:

«Хорошо, я останусь...»

О, добрый и милый!

И онъ остался, дѣйствительно. Онъ сѣлъ близко къ ней, въ кресло, а она сидѣла на прежнемъ мѣстѣ дивана. Тогда она хорошо его разсмотрѣла. Помнится, свѣчи стояли попрежнему тамъ же, у зеркала, гдѣ были поставлены, и свѣтъ отъ нихъ падалъ сзади на незнакомца, но Глафира видѣла ясно лицо его, его красивую черноволосую голову, такую же бороду и черные, выразительные, большіе глаза... Эти глаза словно впивались въ нее, словно притягивали, и она не могла отъ нихъ оторваться...

Можетъ быть, она была тогда ужъ больна... То, что она теперь въ состояніи припомнить, представляется ей какъ бы происходившимъ въ бреду, между тѣмъ какъ то было дѣйствительностью, теперь она навѣрное знаетъ, что было дѣйствительностью, но такою необыкновенною, особенною, что и тогда ей казалась похожею на грёзу... Можетъ быть, и вино произвело свое дѣйствіе.

Вѣдь она его выпила цѣлый стаканъ, пила и чай съ коньякомъ... Никогда такъ много она не пила, и выпитое ей ударило въ голову. По временамъ глаза ея какъ бы застилало туманомъ, послѣдовательное теченіе мыслей прерывалось, и это можно объяснить опьяненіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей казалось, будто передъ нею открывается какая-то новая жизнь, міръ какихъ-то особенныхъ, необычайныхъ идей начинаетъ наполнять ея голову, все старое, что когда-то занимало и мучило, кажется такимъ ничтожнымъ и жалкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь она ощущаетъ, такими ничтожными, жалкими выступаютъ моментами въ памяти люди, коихъ до сихъ поръ она знала, въ сравненіи съ нимъ, съ этимъ вотъ самымъ, невѣдомо откуда появившимся передъ нею человѣкомъ, умнымъ, великодушнымъ, красивымъ, котораго ей послала судьба.

Онъ сидѣлъ близко, совсѣмъ рядомъ съ нею, держалъ ея руки въ своихъ и много ей говорилъ и разсказывалъ... Теперь она ничего не можетъ припомнить, такъ какъ въ то время сознаніе ея затмевалось и въ головѣ вдругъ взметались и вихрились свои особыя мысли, но она все время смотрѣла на него неотводно, слушала звукъ его голоса, ощущала на себѣ горящій взоръ его глазъ, и все ея существо влеклось къ нему беззавѣтно. Онъ говорилъ о себѣ, о томъ, что никто его не можетъ понять, что ни разу, во всю свою жизнь, онъ не встрѣтилъ самоотверженной женской души, которая могла бы для него все забыть, все отдать, заставить его испытать настоящее счастье, и это его мучитъ, томитъ, безъ этого онъ не въ состояніи долѣе жить и думаетъ

даже покончить съ собою... О, какъ все это было похоже на то, что когда-то терзало тоже Глафиру!

«Когда-нибудь я разможжу себѣ черепъ!» воскликнулъ онъ напослѣдокъ, съ мрачнымъ отчаяніемъ.

Это словно перевернуло въ Глафирѣ всю душу. Она увидала себя вдругъ какъ бы стоящею въ преддверіи новаго міра... Вотъ она, наконецъ, эта столь долго исканная, столь алчно желанная и готовая открыться ей тайна!.. Никогда иль теперь!

«Нѣтъ, жить! Нужно жить!» вскричала она, чувствуя, будто мчится стремглавъ съ какой-то горы. «Если бы я только могла! Еслибъ отъ меня это зависѣло!.. О, мнѣ теперь все равно!»

И она простерла къ нему свои руки. Онъ сжалъ ее отвѣтно въ объятіяхъ...

Вслѣдъ затѣмъ наступившее было похоже на какой-то бурный, палящій и безумно-сладостный сонъ, который невозможно потомъ пережить и представить въ мысляхъ... Въ немъ потонула всякая память себя и всего окружающаго.

Потомъ забытье. То было не покой, не забвеніе, а что-то тяжелое, неизобразимо-гнетущее... Словно всю ее придавили какою-то холодною плитою, которая сжимала ей сердце и голову, тѣснила дыханіе и не давала ей шевельнуться, собрать всѣ свои силы, чтобы сбросить съ себя эту тяжесть... По временамъ она какъ бы приходила въ себя, сознавая, что она лежитъ и не спитъ гдѣ-то, не дома, уткнувшись лицомъ въ какую-то стѣну съ мягкой обивкой, на которой слабо дрожитъ отраженіе мерцающаго гдѣ-то, сбоку огня... Тогда ей казалось, что она проснулась въ гробу, она производила попытку пошевелиться и встать, но руки и ноги не слушались, сознаніе гасло, и наступало опять ощущеніе той же тяжко-давящей холодной плиты...

Неизвѣстно, какъ долго длилось таковое ея состояніе, пока, наконецъ, она не пришла совершенно въ себя. Первое, что ей метнулось въ глаза—это незнакомая женщина, державшая въ рукахъ какіе-то свертки.

Глафира испуганно вскинулась, сѣла и увидѣла незнакомыя стѣны, съ обоями темнокраснаго цвѣта съ золотыми узорами, похожими на массу вытаращенныхъ человѣческихъ глазъ, съ мягкою, обтёрханною мебелью, съ такою же обивкой, какая была на этомъ диванѣ, на которомъ она пробудилась, и овальнымъ столомъ, заставленнымъ пустыми бутылками и чайною посудой... Въ высокія окна смотрѣло дождливое утро.

Она не понимала, гдѣ она и что съ нею. Голова ея жестоко болѣла, все тѣло знобило, и страшная слабость всѣхъ членовъ тянула ее повалиться спять на диванъ. Но она скрѣпилась изъ

всѣхъ своихъ силъ, чтобы сообразить и понять, что вокругъ нея происходитъ.

Та же незнакомая женщина (Глафирѣ показалась она молодою и похожею на горничную) говорила что-то о платьѣ, въ которое нужно одѣться Глафирѣ, упоминала о какомъ-то мужчинѣ, который недавно уѣхалъ и снова пріѣдетъ... Глафира слушала словно сквозь сонъ, понимая лишь то, что она въ первый разъ въ этой комнатѣ, что на ней почему-то чужая одежда, которую ей необходимо тотчасъ же скинуть, и что ей нельзя долѣе здѣсь оставаться. Какими судьбами она здѣсь очутилась—голова отказывалась ей отвѣчать, да Глафира и не задавалась этимъ вопросомъ, ибо это ей было совсѣмъ безразлично, какъ и все, рѣшительно все было ей безразлично. Въ ней отсутствовали всякія чувства и мысли, кромѣ одной неодолимой потребности сна и покоя.

Минутами ей казалось, что она уже готова лишиться сознанія, и она собирала всю свою волю, чтобы скрѣпиться и удержать только мысль, что слѣдуетъ ей отвѣчать и что нужно ей дѣлать.

Машинально, какъ бы сквозь сонъ, она переодѣлась, при помощи горничной, вся, до нижняго бѣлья и чулокъ; машинально, какъ бы сквозь сонъ, дала отвѣтъ на разспросы о своемъ мѣстожительствѣ; и тоже машинально, какъ бы сквозь сонъ, двинулась къ выходу. Ее вели подъ руки та же самая женщина и какой-то мужчина.

Въ дверяхъ вышла задержка. Возникъ вопросъ о шляпѣ Глафиры, которой нигдѣ не нашлось. При этомъ кто то сказалъ, что на ней совсѣмъ и не было шляпы. Затѣмъ кто-то повязалъ ея голову какимъ-то платкомъ. Дальнѣйшее уже шло безпрепятственно. Переходъ былъ длиненъ и труденъ, по какимъ-то корридорамъ и лѣстницамъ, причемъ все время вели ее подъ руки.

На минуту въ ней вспыхнуло ясно сознаніе, когда она очутилась на улицѣ и подъ нею застучали колеса извозчичьихъ дрожекъ, а затѣмъ наступило опять состояніе полу-сна, полу-бдѣнія, вплоть до момента, когда она увидѣла вдругъ передъ собою ворота знакомаго дома и тутъ ей сказали, что она должна заплатить и сойти. Она сдѣлала то и другое, отыскавъ портмонэ и доставъ оттуда, безъ счета, какую-то мелочь, а затѣмъ устремилась въ ворота. Она хорошо различила дорогу, узнала знакомый подъѣздъ и знакомую дверь, отворила ее и вошла.

Въ кухнѣ на нее во всѣ глаза воззрилась и даже попятилась какъ бы съ изумленіемъ кухарка Лукерья, испуганнымъ голосомъ что-то воскликнула маменька, тоже воскликнула что-то и Вѣра... Она прошла мимо всѣхъ трехъ, достигла постели, но тутъ силы покинули ее уже окончательно, и затѣмъ обступилъ міръ горячныхъ грёзъ...

*

Видѣнія были мучительны и исполнены ужасовъ, въ видѣ всевозможныхъ, угрожавшихъ Глафирѣ напастей. То она тонула въ водѣ, то видѣла себя объятою пламенемъ. Около нея тѣснились разные знакомые люди, съ жестокими и враждебными лицами, и между ними маменька, Вѣра... Отъ нихъ ей приходилось спасаться, потому что они всѣ хотѣли ей зла. Отъ нихъ она хоронилась въ темнотѣ пустыхъ барокъ, мчалась стремглавъ по длиннымъ, извилистымъ корридорамъ и лѣстницамъ, гдѣ, въ концѣ, ее ждали городовые и дворники, чтобы отправить въ полицію, ибо всѣмъ стало извѣстно, чрезъ когда-то любимаго ею Аркашу, что она старая вѣдьма и у ней растетъ хвостъ... Въ то же самое время она переживала глубокую тоску одиночества, сиротства и оброшенности. Иногда, когда ей грозила уже бѣда неминучая, неожиданно появлялся черноволосый мужчина съ повелительнымъ голосомъ и сверкающимъ взоромъ. Онъ продирался къ ней изъ толпы, которая передъ нимъ разступалась, или плылъ по водѣ, простирая къ ней руки... Но онъ появлялся лишь на мгновеніе и всегда исчезалъ, когда онѣ, эти руки, готовы уже были коснуться Глафиры. Это былъ ея самоотверженный другъ и хранитель, который постоянно къ ней стремился на помощь, но его всегда отъ нея оттѣсняли враждебные люди. Въ минуты возвращавшагося къ Глафирѣ сознанія она видѣла знакомыя стѣны, узнавала мать и сестру и догадывалась въ то же самое время, что *онъ* гдѣ-то здѣсь, близко, но только не можетъ открыться, тогда какъ всѣ, кто хотѣли ей зла, безпрепятственно и упорно къ ней лѣзли. Мартынъ Матвѣичъ Телѣжниковъ въ одно мгновеніе ока преображался въ оскорблявшаго ее пьянаго нахала на улицѣ, который оказывался переодѣтымъ въ маменькины платье и чепчикъ, и насмѣшливо протягивалъ Глафирѣ букетъ, составленный изъ вытаращенныхъ человѣческихъ глазъ... А онъ, этотъ самый вѣрный и преданный другъ, скрывался тутъ же, близко, въ квартирѣ, не имѣя возможности передъ нею обнаружиться, потому что Лукерья заперла его подъ замокъ, въ чуланѣ, подъ лѣстницей, гдѣ хранятся дрова и прячется оставшаяся отъ обѣда провизія—и тогда на Глафиру нападали тоска и отчаяніе.

. . . . . .

Огонь вдругъ потухъ. Начитавшаяся досыта Вѣра дунула и погасила свѣчу, и непроницаемый мракъ водворился въ спальнѣ обѣихъ сестеръ.

Младшая немного поворочалась еще на постели, испустила два-три сладкихъ зѣвка и скоро затихла. Старшая еще долго смотрѣла во тьму, гдѣ едва вырисовывалось мутнымъ квадратомъ окошко, и продолжала возстановлять въ своей памяти спутанный міръ дикихъ и ужасающихъ образовъ, недавно витавшихъ вотъ здѣсь, вокругъ ея изголовья, съ проходившею постоянно одною и

тою же фигурой, къ которой рвалась всею своею, объятою безумiемъ бреда, душою Глафира...

Она и теперь къ ней стремилась. Но то, что было такъ явственно и рельефно въ бреду, нельзя было сосредоточить въ мысляхъ. Словно каждая частица этой фигуры имѣла отдѣльное свое бытiе въ глафириной памяти и—странное дѣло!—при первой попыткѣ сплотить ихъ въ одинъ цѣльный образъ, всѣ онѣ расплывались въ пространствѣ, оставляя послѣ себя нѣчто неуловимо, измѣнчивое, какъ на картинѣ, колеблемой вѣтромъ, мѣшающимъ глазу установить порядокъ деталей.

А между тѣмъ, если приведется имъ свидѣться, она его сразу узнаетъ. Въ этомъ Глафира была непоколебимо увѣрена, и также была непоколебимо увѣрена въ томъ, что *она должна неизбѣжно съ нимъ свидѣться*.

X.

«*Осмотрѣвъ ледяную статую, Зуда и арабъ похоронили ее въ снѣжномъ сугробѣ на берегу Невы*».

Этими словами заканчивалась первая часть знаменитаго романа Лажечникова. Дочитавъ ее на другой день за утреннимъ кофеемъ, Вѣра захлопнула и положила на столъ растрепанный томикъ, потомъ вздохнула и глубоко задумалась.

— Интересная книга?—спросила Глафира, допивъ свою первую чашку и протягивая ее Авдотьѣ Макаровнѣ, чтобы та налила ее повторительно.

— Чрезвычайно!—воскликнула Вѣра.—Этого Биронишку подлаго я бы въ клочки растерзала! А Волынскiй... Ахъ, какой это чудный Волынскiй!

— Это они кто же такiе?—спросила Авдотья Макаровна, передавая обратно налитую кофеемъ чашку Глафирѣ.

— Министры.

— Что-жъ они сдѣлали?—интересовалась старуха.

— Ахъ, маменька, это скучно разсказывать, — возразила было съ неудовольствiемъ Вѣра, но все-таки разсказала про того и другого, со всѣми яркими красками, запечатлѣвшимися въ памяти юной читательницы, и съ особенною выразительностью передавъ сцену обливанiя на морозѣ хохла, прочитанную вслухъ ею сегодняшней ночью Глафирѣ.

— И все это было взаправду?—спросила, покачавъ головой Авдотья Макаровна.

— А то какъ же еще? Конечно, взаправду! У насъ, въ Петербургѣ.

— Хм... Когда-жъ это было?

— Больше ста лѣтъ назадъ это было. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ.

— Хм... Ну, развѣ что больше ста лѣтъ...—согласилась старушка и со вздохомъ прибавила:—тоже и врутъ часто въ книжкахъ то.

— Господи! Да вѣдь это романъ историческій! Какъ не стыдно вамъ, маменька, такъ говорить!—съ горячностью воскликнула Вѣра.

— Барыня, подите-ка ко мнѣ на минутку!—позвала Авдотью Макаровну выглянувшая изъ кухни Лукерья.

Старушка поднялась и вышла изъ комнаты, благодаря чему литературный споръ прекратился. Почти вслѣдъ за этимъ въ лавочкѣ задребезжалъ колокольчикъ, возвѣстивъ приходъ покупателя, и Вѣра поспѣшно пошла за прилавокъ.

Оставшаяся одна за самоваромъ, Глафира потянула къ себѣ растрепанный томикъ и стала разсматривать. Онъ носилъ общій видъ книжекъ, выдаваемыхъ публикѣ изъ «библіотекъ для чтенія», т.-е. имѣлъ ярлычокъ съ обозначеннымъ крупно чернилами номеромъ, налѣпленный наверху корешка, и штемпель, оттиснутый синею краской между крупными строками заглавія. По разбухшимъ и захватаннымъ пальцами страницамъ романа можно было судить, что онъ прошелъ по рукамъ, по крайней мѣрѣ, трехъ поколѣній подписчиковъ. Разсмотрѣвъ все внимательно, Глафира принялась перелистывать книжку, надъ кое-чѣмъ останавливаясь.

— Ты сегодня понесешь ее въ библіотеку?—спросила она вернувшуюся въ комнату Вѣру.

— Да, вторую часть надо взять,—отвѣтила та.—А что?

— Такъ... Мнѣ бы хотѣлось прочесть...

— Какъ! Ты хочешь прочесть?—переспросила сестра въ изумленіи.

— Да... Что же такое?.. А коли нельзя, такъ неси, Богъ съ тобою.

— Да отчего же, я могу и оставить. У меня вѣдь есть что читать... «*Госпожа де Монсоро*»... Я вѣдь по двѣ книжки беру.

— Значитъ, можно оставить?

— Можно, конечно... Вотъ никакъ я не думала, что ты захочешь читать!—вновь прибавила Вѣра.

Дѣйствительно, выраженіе такого желанія было отъ Глафиры совсѣмъ неожиданно. Она никогда не интересовалась романами и едва ли прочитала какой-либо изъ нихъ до конца. Увидавъ иногда гдѣ-нибудь валявшуюся книжку сестры, она небрежно брала ее въ руки и, прочитавъ изъ середины нѣсколько строкъ, тутъ же ее оставляла, съ зѣвотой.

А теперь, тотчасъ послѣ кофея, Глафира засѣла въ уго-

дивана и углубилась въ растрепанный томикъ, тихо поглаживая одною рукою Матроса, развалившагося у нея на колѣнахъ. Проходившая суетливо изъ кухни зачѣмъ то къ чайному шкафчику Авдотья Макаровна покосилась на это странное зрѣлище. Спустя нѣсколько времени, старушка опять прошла черезъ комнату. Глафира сидѣла въ прежнемъ своемъ положеніи, положивъ одну руку на спину спавшаго сладко кота, а въ другой держа предъ глазами раскрытую книжку, не отрывая ихъ отъ страницъ, съ сосредоточенно наморщеннымъ лбомъ. Тутъ же, у края стола сидѣла и Вѣра, по всегдашней привычкѣ широко развалившись локтями, погруженная въ чтеніе «Госпожи де Монсоро»...

Старушка даже пріостановилась въ дверяхъ и издали поглядѣла съ минутку на эту картину обѣихъ сестеръ, слившихся такъ согласно въ единомъ занятіи. Послѣ этого она почему то вздохнула и скрылась.

А обѣ читательницы продолжали сидѣть, какъ замороженныя, и въ тишинѣ только изрѣдка слышался шелестъ переворачиваемой тою или другою страницы, да, время отъ времени, издавала тоненькую, протяжную нотку висѣвшая подъ потолкомъ канарейка, постукивая о донышко клѣтки, откуда то и дѣло на полъ сыпались зерна.

Иногда вдругъ раздавшееся стремительно дребезжаніе колокольчика въ лавкѣ отрывало Вѣру отъ книги, вызывая къ прилавку, послѣ чего она снова кидалась къ оставленному мѣсту романа. Глафира въ этихъ случаяхъ сохраняла спокойствіе, и лицо ея не мѣняло ни на минуту сосредоточеннаго своего выраженія. Въ противоположность сестрѣ, беззавѣтно, всѣмъ существомъ, отдававшейся міру вымышленныхъ лицъ и событій, она медленно, вдумчиво брела, такъ сказать, между ними, какъ гуляющій по извилистымъ тропкамъ въ лѣсу, гдѣ ежеминутно то или другое привлекаетъ вниманіе. Иногда она вдругъ отрывалась отъ книги и, опустивъ ее на колѣни, застывала на нѣсколько времени взоромъ въ неопредѣленномъ пространствѣ... Въ одну изъ таковыхъ минутъ самоуглубленнаго своего состоянія она встала съ дивана, вслѣдствіе чего разоспавшійся на ея колѣняхъ Матросъ грузно шлепнулся на полъ и, оскорбленный таковымъ вѣроломствомъ хозяйки, встряхнулся и съ достоинствомъ удалился во владѣнія Лукерьи. А Глафира подошла и встала къ окошку, откуда долго смотрѣла во дворъ, не шевелясь, въ сосредоточенной думѣ... Повидимому, книжка была совершенно забыта. Но, когда Лукерья стала накрывать на столъ для обѣда, Глафира заботливо схватилась за растрепанный томикъ и, загнувъ уголокъ на раскрытой страницѣ, унесла книжку къ себѣ. Послѣ обѣда она снова за нее принялась и читала до сумерокъ, когда стало уже трудно читать, такъ же опять загнула

страницу, спрятала книжку и въ остальную часть дня уже не прикасалась къ ней больше.

На другой день повторилось все то же. Напившись утромъ въ молчаніи кофею, она дождалась, когда убрали все со стола и принялась снова за чтеніе, такъ же, по вчерашнему, время отъ времени прерывая его, вставая съ дивана и думая свои тайныя думы. Потомъ она не отрывалась отъ «Ледяного дома» до сумерокъ, даже пересѣла къ окошку и тамъ дочитала послѣднія строчки. Закрывъ книжку, она положила молча ее на подоконникъ, передъ сидѣвшею тутъ же сестрою, трудившею глаза надъ «романомъ Дюма», потомъ ушла въ спальню, гдѣ долго лежала, въ потемкахъ, не зажигая огня, и вышла лишь къ чаю.

Затѣмъ появилась вторая часть романа Лажечникова. Терпѣливо дождавшись, когда Вѣра съ нею покончила, Глафира завладѣла ею немедленно и прочитала, также какъ первую, въ теченіе полуторыхъ дней. Вечеромъ, когда мать и сестра усѣлись вокругъ самовара пить чай, она вынесла книжку изъ спальни и такъ же, какъ въ первый разъ, молча положила ее передъ Вѣрой.

Та спросила:

— Прочла?

Глафира кивнула головой утвердительно.

— Ну что? Хорошо?

Глафира пошевелила плечами, повела одною бровью и тѣмъ ограничилась.

— Неужели совсѣмъ не понравилось?—огорченно изумилась сестра.

— Нѣтъ, ничего... занимательно...—сказала Глафира и, какъ бы подумавъ немного, прибавила:—очень жалко цыганку...

— Маріулу?—подхватила съ живостью Вѣра.—Да, ужасно, ужасно!.. Представьте, маменька, какая несчастная! Она была раньше красавица и нарочно испортила себѣ все лицо! Нарочно сдѣлала такъ, чтобы на нее противно было глядѣть! Кислотой обожгла!

— Это кто же такъ сдѣлалъ?—переспросила Авдотья Макаровна, держа передъ ртомъ на растопыренныхъ пальцахъ блюдечко съ чаемъ и подувая на него, чтобы горячій напитокъ остылъ.

— Цыганка одна. Ей хотѣлось, чтобы дочь ее не узнала.

— Зачѣмъ же хотѣлось ей, чтобы дочь ее не узнала?—съ недоумѣніемъ переспросила старушка.

— Изъ-за материнской любви!—съ горячностью отвѣтила Вѣра.—Дочь ея жила во дворцѣ и считалась молдаванской княжной. А была она лицомъ въ мать, совсѣмъ вылитая... И вдругъ всѣ-бы узнали, что мать у нея простая цыганка! А она сама тоже не знала, кто ея мать, даже не знала, что она существуетъ на свѣтѣ,—и вдругъ-бы ей стало извѣстно, чья она дочь!.. Такъ вотъ,

чтобы дочери за нее не было стыдно, мать и обожгла себѣ лицо кислотой...

— Какъ? Это чтобы дочери за мать-то не было стыдно?—снова переспросила старушка.—Хороша дочка! Отличная!

— Ахъ, маменька, да поймите, что она вѣдь княжна!—заступилась Вѣра за свою героиню.

— Такъ что же? А по моему пусть даже прынцесса! Какъ! Чтобы дочь за родную мать свою стала стыдиться?! Ужъ это совсѣмъ послѣдняя вещь! Небось и ты бы такъ сдѣлала?

— Что сдѣлала?

— А такъ же вотъ, какъ эта княжна? Напримѣръ, я къ тебѣ бы пришла... Ты меня тоже бы стала стыдиться?..

— Ахъ, маменька, какъ вы не хотите понять...

— Все я понимаю отлично! Скверная твоя эта княжна, да и цыганка эта самая дура! И прекрасно, что она себѣ морду кислотой обожгла! Очень рада! Я бы плетьми еще ее отодрала! — съ гнѣвомъ воскликнула Авдотья Макаровна и даже закашлялась.— Дура! Чистая дура! Да и дочку бы слѣдовало...

— Да чего же вы сердитесь, маменька? — подала, наконецъ, свой голосъ Глафира и прибавила успокоительнымъ тономъ: — вѣдь это же только въ книгѣ написано. На то и романъ, сочиненіе...

— И сочинитель дуракъ, что глупости пишетъ! — сурово отрѣзала Авдотья Макаровна, и дрожащей отъ волненія рукою стала наливать себѣ новую чашку.

На этомъ литературный споръ прекратился, а затѣмъ, когда послѣ чаю столъ былъ очищенъ, сыграли нѣсколько партій въ «зѣваки», въ которыхъ почти постоянно приходилось оставаться Авдотьѣ Макаровнѣ, пока, наконецъ, она съ досадой бросила карты, воскликнувъ:

— Не хочу! Что это, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ!.. Да и спать ужъ пора.

На этотъ разъ, какъ всегда, мирно закончился вечеръ.

Такъ протекали всѣ дни, похожіе одинъ на другой.

Глафира была теперь почти совсѣмъ ужъ здорова, но еще не выходила на воздухъ, даже не появлялась и за прилавкомъ, при звонкахъ покупателей. По общему голосу всѣхъ домашнихъ, ей еще нужно было беречься, а въ лавочкѣ она могла простудиться, такъ какъ отворявшаяся съ улицы дверь впускала каждый разъ струю холоднаго воздуха.

Да она, повидимому, и не тяготилась своею бездѣятельностью. Время ея теперь наполнялось чтеніемъ книгъ, приносимыхъ изъ библіотеки Вѣрой, и, судя по тому, какъ она теперь непрерывно, отъ доски до доски, поглощала романы, можно было подумать, будто она задалась обѣщаніемъ наверстать за этотъ періодъ до-

суга всѣ сдѣланныя въ предыдущее время на этотъ счетъ упущенія. Въ этомъ отношеніи она даже не отставала теперь отъ сестры, и пока та успѣвала упиться до дна всею сладостью котораго-нибудь изъ «Семи смертныхъ грѣховъ» Евгенія Сю, Глафира высвобождалась уже изъ дебрей «Брынскаго лѣса» Загоскина, послѣ чего между сестрами происходилъ взаимный обмѣнъ прочтенными книгами.

Что касается Вѣры, то ей теперь приходилось читать только урывками, благодаря тому, что роль продавщицы въ табачной, отъ которой была освобождена совершенно Глафира, какъ выздоравливающая, лежала теперь на плечахъ юной дѣвицы, днемъ же даже, можно сказать, исключительно, ибо Авдотья Макаровна до обѣда возилась вмѣстѣ съ Лукерьей на кухнѣ. Теперь эта обязанность, вначалѣ такъ ужасавшая и временами даже приводившая Вѣру въ отчаніе, стала ей совершенно привычною. Молодая дѣвица даже отрѣшилась отъ своей прежней застѣнчивости съ незнакомыми лицами, быстро отыскивала и отпускала нужный предметъ, сосчитывала и отдавала сколько слѣдуетъ сдачи и дѣловито записывала каждую выручку въ книгу прихода. Даже измѣнилась манера ея обращенія съ публикой, раньше держа ней ее во все время въ состояніи тупого смущенія и какъ бы боязни, что вотъ-вотъ придется ей оскандалиться или, пожалуй, того и гляди, ее могутъ обидѣть... Теперь, когда нужно, она отвѣчала свободно, развязно, даже улыбалась на шуточки или любезныя фразочки, на которыя склонны бываютъ многіе изъ покупательской публики, въ тѣхъ случаяхъ, когда продавщица молода и хорошенькая.

Впечатлѣнія дня служили иногда темою разговоровъ во время вечерняго чая, когда Вѣра вспоминала какой-нибудь случай, почему-либо оставшійся въ памяти юной дѣвицы.

Напр.:

— Къ намъ теперь какой-то фертикъ повадился... Каждый день ходитъ. И такъ странно держитъ себя.

— Чѣмъ странно? — спрашивала Авдотья Макаровна.

— Да какъ-то такъ... Чортъ его знаетъ, чего ему нужно. Все по десятку папиросъ покупаетъ.

— Такъ что-жъ тебѣ до того?

— Да онъ непріятный какой-то. Спроситъ, подашь ему, ну и уходи, значитъ, а онъ стоитъ да таращитъ глаза, и какъ-то особенно... И глаза при этомъ такіе противные, масляные...

— Что же онъ дѣлаетъ? — допрашивала Авдотья Макаровна.

— Да ничего онъ не дѣлаетъ, стоитъ да молчитъ... И такая поганая, нахальная рожа! Я сперва прежде думала, что онъ подъшефѣ постоянно.

— Да вѣдь онъ ничѣмъ тебя не обидѣлъ?

— Еще бы обидѣлъ! А только не могу его выносить и такъ рада бываю, когда онъ, наконецъ, уберется!

— А ты сама не обращай на него вниманія и не гляди на него — вотъ и кончено.

— Да я и то не гляжу, а все-таки такъ вотъ и чувствую, какъ онъ словно тебя хочетъ съѣсть своими глазищами-то! Да еще при этомъ сопитъ... Ужасный дуракъ! — воскликнула возмущенная Вѣра.

Разъ она сообщила, обращаясь къ Глафирѣ.

— А знаешь, тобой интересуются, спрашиваютъ!

— Кто? — спросила та быстро, выходя изъ задумчивости, и даже при этомъ вздрогнула...

— А вотъ этотъ чиновникъ, что давно ужъ къ намъ ходитъ... бритый такой, съ бабьимъ лицомъ...

— Не знаю, про кого ты говоришь... — разсѣянно отвѣчала сестра.

— Еще всегда нюхательный бергамотный табакъ покупаетъ... Ружели не помнишь?

— А, этотъ... — безучастно протянула Глафира.

— Отчего, говоритъ, давно вашей сестрицы не видно...

— Ты ему что же отвѣтила? — спросила Авдотья Макаровна.

— Была больна, говорю, а теперь поправляется.

— Что же онъ?

— А онъ ничего. Простился, ушелъ.

— Все-таки обратилъ, значитъ, вниманіе... — тряхнула знаменательно головою старушка. — Вишь онъ какой... Это хорошо... Ну, а еще когда кто-нибудь спрашивалъ, такъ же вотъ, что, молъ, ее давно не видать? — освѣдомилась она, помолчавъ.

— Нѣтъ, никто больше не спрашивалъ. — отвѣтила Вѣра.

XI.

Какъ-то утромъ, Авдотья Макаровна, по обыкновенію, вернувшись съ Сѣнной и сдавъ Лукерьѣ всю принесенную оттуда для обѣда провизію, собрала на столъ посуду изъ чайнаго шкафчика, затѣмъ дождалась, когда Лукерья подала самоваръ, и стала заваривать кофей, послѣ чего предстояло будить обѣихъ дѣвицъ. Между тѣмъ, Лукерья, поставивъ на столъ самоваръ, пошла было обратно къ себѣ, но уже у самыхъ дверей, какъ будто вдругъ что-то вспомнивъ, тихохонько вернулась назадъ и, нагнувшись изъ-за спины Авдотьи Макаровны, шепнула ей на ухо:

— Барыня...

Это было такъ неожиданно, что старушка содрогнулась всѣмъ

тѣломъ, чуть не выронивъ кофейникъ изъ рукъ. Она даже схватилась за сердце, не въ силахъ произнести ни единаго слова, и только отдохнувъ съ полъ-минуты, воскликнула:

— Фу-у!

И тотчасъ же съ негодованіемъ повернулась къ Лукерьѣ.

— Экая дурища! Господи! Какъ ты меня испугала!.. Чего тебѣ нужно?

Лукерья молча стояла надъ нею и таинственно косилась на дверь въ спальню дѣвицъ.

— Да ну, что тебѣ? — нетерпѣливо допытывалась Авдотья Макаровна.

Лукерья медленно нагнулась опять къ ее уху и шепнула, какъ раньше:

— Подите-тка со мной на минутку...

И съ этимъ сама пошла вонъ изъ комнаты.

— Да ну, что такое? — недоумѣвала Авдотья Макаровна, невольно подчиняясь этой таинственности и говоря тоже шепотомъ.

— Да ужъ идите, идите, вамъ говорятъ...—настойчиво повторила кухарка и скрылась за дверью.

Старушка бросила заваривать кофей и, преисполнившись вся какой-то смутной тревоги, поспѣшно пошла вслѣдъ за нею.

Лукерья дождалась, когда барыня была уже въ кухнѣ, притворила дверь въ комнаты и шепнула съ тою же таинственностью:

— Вотъ послушайте-ка, что вамъ скажу...

Глаза ея были торжественно выпучены, какъ передъ сообщеніемъ чего-то особенно важнаго и даже, пожалуй, ужаснаго... У Авдотьи Макаровны захолонуло на сердцѣ и задрожали колѣни... Вся ослабѣвъ, она опустилась на табуретку, въ углу, гдѣ стоялъ рукомойникъ, и прошептала съ испугомъ:

— Ну, ну?.. Что такое?..

Лукерья съ осторожностью пріотворила немного дверь въ комнаты, посмотрѣла издали на затворенную дверь въ спальню обѣихъ дѣвицъ, какъ бы съ намѣреніемъ убѣдиться, что туда ничего не можетъ быть слышно, утерла губы концомъ своего грязнаго фартука и, послѣ уже всѣхъ этихъ приготовленій, сообщила прежнимъ таинственнымъ шепотомъ:

— Тутъ аномнясь одинъ черный баринъ про нашу барышню спрашивалъ...

— Какъ? что?.. Какой черный баринъ?.. Про какую барышню?.. Да говори ты мнѣ толкомъ, ради Христа!

— Да я и говорю тебѣ толкомъ... Про старшую барышню, слышь... Про Глафиру Андревну... Про кого же еще?

— Да кто же? Что спрашивалъ?—лепетала въ смятеніи Ав-

дотья Макаровна.—Господи Боже! Ты меня, кажется, совсѣмъ съ ума свести хочешь, Лукерья!

— Вы сами стрекочете, слова не даете сказать!.. Дворникъ нашъ, Алексѣй, принесъ намъ даве воды, покамѣсть ты на рынокъ ходила, и мнѣ про этого барина сказывалъ. Позавчера, кажись, говорилъ Алексѣй-то, подходитъ къ нему подъ воротами баринъ и спрашиваетъ, знаетъ ли онъ, Алексѣй-то, нашу барышню Глафиру Андревну... Нѣтъ, вру, не такъ онъ сказалъ... Погоди, какъ онъ разсказывалъ?.. Да!.. «Знаешь ли ты, говоритъ, старушку, что въ вашемъ домѣ табачную лавочку держитъ?» (про тебя это, значитъ). «Извѣстно, какъ же не знать-то, Алексѣй ему говоритъ, коли эта лавочка въ нашемъ домѣ находится». «И дочку ейную знаешь?» «Обѣхъ даже знаю, потому въ нашихъ жильцахъ состоятъ.» «Нѣтъ, ту, говоритъ, котора въ болѣзни находится?» «И ту, молъ, хорошо тоже знаю.» «Ну, что, какъ она теперича въ своемъ положеніи?» (все это баринъ-то спрашиваетъ). «Ничего теперича, слава-Богу, совсѣмъ ужъ поправимшись,» говоритъ Алексѣй. «Здорова?» «Совсѣмъ ужъ здорова», опять ему Алексѣй... Тутъ баринъ въ карманъ, сейчасъ портмонѣ, вынулъ двугривенный и подаетъ Алексѣю. «Это тебѣ за то, говоритъ, что я тебя утрудилъ...» И пошелъ... Прошелъ эдакъ онъ шага съ два или съ три, снова ворочается и опять къ Алексѣю. «А какъ ее, спрашиваетъ, по имени-отчеству звать?» Больно ужъ это чудно ему, Алексѣю-то, стало, только онъ все же сказалъ: «Глафирой Андревною звать...» Да и самъ, не будь глупъ, барина спрашиваетъ: «Вы, молъ, сами-то, господинъ хорошій въ какихъ все это смыслахъ желаете знать? Потому какъ я вижу теперича, совсѣмъ вы съ ней незнакомы, то съ какой стати для васъ антиресно?» А такъ, говоритъ, потому я видалъ ее въ одномъ мѣстѣ и принимаю участіе...» Это баринъ-то въ отвѣтъ Алексѣю. А самъ достаетъ изъ портмонѣ еще пятіалтынный и суетъ Алексѣю. «Вотъ, молъ, возьми еще за труды и, пожалуйста, чтобы это былъ промежъ нами секретъ. Не говори никому, что у меня былъ съ тобой разговоръ...» Сказалъ да вдругъ живо-живо таково отъ Алексѣя изъ-подъ воротъ да на улицу... Пошелъ было Алексѣй-то за нимъ, поглядѣть, куда тотъ пойдетъ, анъ его и слѣдъ ужъ простылъ!

Закончивъ на этомъ мѣстѣ разсказъ свой, на сей разъ не прерванный ни единымъ замѣчаніемъ барыни, Лукерья умолкла.

Авдотья Макаровна тоже безмолвствовала, совершенно подавленная. Все это, что привелось ей услышать, было такъ неожиданно, необычайно и странно, что старушка лишь чувствовала, какъ всегда съ нею бывало въ случаяхъ подобнаго рода, полную растерянность всѣхъ своихъ мыслей и неспособность сообразить что-нибудь. Нѣсколько времени она только глядѣла на разсказчицу

тупымъ и безпомощнымъ взоромъ, пока, наконецъ, смогла пролепетать машинально:

— Что-жъ это значитъ?.. Кто-бъ это могъ быть?. А?.. Лукерья?.. Что это за баринъ такой?..

— Баринъ совсѣмъ настоящій, Алексѣй говоритъ... Хорошо такъ одѣвшись, въ шляпѣ, въ пальтѣ... Изъ себя такой черный.

— Черный?—переспросила Авдотья Макаровна.

— Какъ есть совсѣмъ черный. И глаза, и волосы черные. Съ бородой... И борода тоже черная... Да это не все еще, слышь!—продолжала, вновь оживляясь, Лукерья.—Вотъ еще, что разсказалъ Алексѣй-то. «Ушелъ, говоритъ, этотъ баринъ, а у меня говоритъ, такъ все и сидитъ въ головѣ, что я его раньше ужъ видѣлъ»... А потомъ вдругъ и вспомнилъ, что онъ уже былъ на нашемъ дворѣ, баринъ-то этотъ, вскорости какъ-то, когда барышня уже захворала, и тоже про нее все разспрашивалъ.. Только Алексѣй, хоша и зналъ ужъ тогда, что она заболѣвши, одначе ничего не могъ ему объяснить. Про то сказывалъ барину Иванъ Аверьяновъ, сапожникъ... Знаешь, аль нѣтъ?.. Что въ низку тоже живетъ, рядомъ съ нами сейчасъ, какъ разъ подъ лѣстницей-то... Подслѣповатенькій такой, малость щербатый... Знаешь, аль нѣтъ, тебя спрашиваю?

— Ну, знаю... Какже не знать...—убитымъ голосомъ подтвердила Авдотья Макаровна.

— Такъ вотъ тогда Иванъ Аверьяновъ все и сказалъ этому самому барину... Какъ, значитъ, барышня наша дома не ночевала тогда и какъ захворала потомъ...

— Всѣ знаютъ про то... Всѣ-то, всѣ уже знаютъ...—молвила, качая головою уныло, старушка. — Страмъ-то, страмъ-то какой!

— Ужъ и страмъ! Каки пустяки!.. Ну что-жъ, хоша бы и знаютъ? На чужой ротокъ не накинешь платокъ, говорится... Большая бѣда!.. Нѣтъ, ты мнѣ лучше скажи, что этому черному барину нужно? Ты вотъ что лучше скажи.

— Не знаю... Господи, Господи! Ничего, ничего я не знаю... Ничего не могу и придумать...—растерянно лепетала старушка.— Ужо Алексѣя нужно еще обо всемъ разспросить... А ты молчи, слышишь?.. Сохрани тебя Богъ брякнуть при Глашѣ... Слышишь, что я тебѣ говорю? Ни-ни, ни полъ-слова!

— Эвося! Небось, тоже не дура. Смѣкаемъ.

— А я Алексѣя сама еще разспрошу... Господи Боже, и что-жъ это будетъ?! Вѣдь ты, Лукерья, меня ровно обухомъ... Ахъ, Глаша, Глаша, и что ты со мной только дѣлаешь!

— Ну чего ты, чего, помилуй-скажи, убиваешься-то?.. Какая бѣда-то случилась? — успокоительно шептала надъ нею Лукерья.—Уходите-ка вотъ лучше теперя отседа... Вонъ тамъ ужъ,

поди-ка, наши проснулись,—прибавила она, сторожко устремивъ одно ухо къ дверямъ.

— И то! — испуганно схватилась съ табуретки Авдотья Макаровна, и, спустя полъ-минуты, уже сидѣла, какъ ни въ чемъ не бывало, опять за столомъ, гдѣ за то время, пока хозяйка съ кухаркой шептались, самоваръ успѣлъ ужъ остыть, и старушка крикнула въ кухню:

— Лукерья! Возьми-ка разогрѣть самоваръ. Съ чего это онъ совсѣмъ ужъ какъ будто холодный?..

Послѣдній вопросъ сдѣланъ былъ самымъ невиннѣйшимъ тономъ. На это Лукерья таковымъ же тономъ отвѣтила, унося съ собою самоваръ:

— А песъ его знаетъ. Надо быть, мало углей положила...

Діалогъ этотъ произошелъ потому, что въ спальнѣ дѣвицъ слышался явственно шорохъ, изъ чего можно было понять, что онѣ въ самомъ дѣлѣ проснулись и теперь одѣваются.

— Какъ? Еще нѣтъ самовара?— съ непріятнымъ удивленіемъ замѣтила матери Вѣра, проходя умываться на кухню.

Авдотья Макаровна ничего не отвѣтила и только сдѣлала видъ, будто не слышитъ.

Однако къ тому времени, когда обѣ сестры, совсѣмъ уже прибранныя, засѣли за столъ, кофей былъ сваренъ и все происходило своимъ обычнымъ порядкомъ.

Если бы обѣ дѣвицы не были заняты своими мыслями, онѣ могли бы замѣтить разстройство старушки, ясно написанное у нея на лицѣ и выражавшееся въ какой-то особенной ея молчаливости, вмѣстѣ съ разсѣянностью, благодаря которой она заставляла повторять себѣ по два раза вопросы. И все у нея въ это утро не ладилось: уронила и раскокала вдребезги чашку и едва не обварила себѣ руки кипяткомъ.

Въ головѣ ея сидѣлъ сиднемъ лукерьинъ разсказъ, и она старалась всячески въ немъ разобраться.

Хотя она и сказала Лукерьѣ, что намѣрена разспросить еще Алексѣя про этого загадочнаго «чернаго барина», однако теперь она мучилась мыслью, хорошо ли, ловко ли выйдетъ, если она это сдѣлаетъ... Все же, какъ ни на есть, простой мужикъ, дворникъ— и вдругъ она будетъ съ нимъ объясняться о такой деликатной матеріи... Что и тотъ про нее послѣ того можетъ подумать, когда она о дѣлахъ своей родной дочери съ посторонними языкомъ станетъ шлепать?.. Вотъ и то уже по двору объ этомъ толкуютъ... Нѣтъ, не хорошо, не годится!

Къ довершенію горя, она должна была одиноко таить про себя свои чувствованія, ибо не предстояло ни малѣйшей возможности подѣлиться ими съ младшею дочерью, какъ привыкла къ этому Авдотья Макаровна во время болѣзни Глафиры. Тогда это

много ее облегчало. Теперь же, когда та была совершенно здорова и сидѣла безвыходно дома, всякая попытка завести такой разговоръ, который не долженъ былъ касаться ушей ея, казалась старушкѣ прямо немыслимой. Если бы даже Глафира сидѣла отдѣльно или доставила случай къ тайной бесѣдѣ, уйдя въ сосѣднюю комнату, то и тогда невозможно бы было этого сдѣлать, благодаря малому пространству квартиры, гдѣ было слышно каждое слово.

Все утро Авдотья Макаровна была какъ на угольяхъ, время отъ времени бросая отчаянные взгляды на Вѣру, не подозрѣвавшую ни мало о скрытыхъ терзаніяхъ матери. Даже и это старушка продѣлывала тайкомъ отъ Глафиры, опасаясь возбудить ея подозрѣнія. Наконецъ, уже совсѣмъ изстрадавшись, она остановилась на слабой надеждѣ, что авось, можетъ быть, Глафира сегодня пораньше уляжется спать, а Вѣру удастся какъ-нибудь задержать... Наконецъ, даже прямо можно будетъ шепнуть ей, чтобы она дождалась, когда Глафира заснетъ и затѣмъ вышла бы къ ней, Авдотьѣ Макаровнѣ. Чѣмъ дальше думала объ этомъ своемъ планѣ старушка, тѣмъ болѣе онъ казался ей исполнимымъ.

Наконецъ, она даже улучила минуту воспользоваться тѣмъ, что Вѣра вышла при звонкѣ покупателя въ лавочку, дождалась, когда колокольчикъ задребезжалъ повторительно, означая, что покупатель ушелъ, и, не давъ времени Вѣрѣ выйти обратно, перехватила ее на порогѣ и, дернувъ за платье, вернула въ прилавку.

Должно быть, въ чертахъ Авдотьи Макаровны очень ужъ явственно обозначалось нѣчто особенное, потому что Вѣра спросила:

— Что такое случилось?

Вопросъ сдѣланъ былъ громко, и старушка вздрогнула словно отъ выстрѣла.

— Шш... Не кричи...—шепнула она и боязливо оглянулась назадъ.

— Да я совсѣмъ не кричу, что вы хотите сказать? — недоумѣвала въ своемъ простодушіи Вѣра.

Авдотья Макаровна въ отчаяніи махнула рукой и повернулась обратно.

— Ахъ, Боже мой, да скажите же мнѣ, наконецъ! — допытывалась, входя вслѣдъ за нею въ комнату, молодая дѣвица. — Что вы мнѣ хотѣли сказать?

— Отвяжись! ничего! — съ досадой бросила ей Авдотья Макаровна и спѣшнымъ шагомъ отправилась въ кухню.

Вѣра въ недоумѣніи пожала плечами и спросила сидѣвшую тутъ же, на диванѣ, Глафиру:

— Не знаешь ли, что такое случилось?

— Не знаю. Кажется, ничего не случилось... А что?

— Не понимаю, чего маменька на меня разсердилась..

И войдя въ кухню, Вѣра спросила:

— За что вы на меня разсердились?

Мать обернула къ ней отъ плиты свое, все пылающее отъ смущенія и гнѣва лицо и вскричала:

— Отстань! Уходи!

— Какая нелѣпость!—пробормотала Вѣра, возвращаясь назадъ, и сказала съ досадой Глафирѣ, принимаясь за книжку: — ей-Богу, маменька у насъ совсѣмъ ошалѣла!

Авдотьѣ Макаровнѣ оставалось возложить всѣ надежды на ночь.

По обыкновенію, послѣ вечерняго чаю, всѣ вкупѣ и влюбѣ сидѣли за круглымъ столомъ, но теперь между ними чуялось что-то натянутое.

Въ послѣднее время вошло какъ бы въ правило посвящать послѣдніе часы передъ сномъ игрѣ въ карты, и Вѣра, какъ всегда, вынула и положила на видное мѣсто колоду.

— Во что будемъ сегодня? Въ мельники развѣ?—спросила она.

Но Авдотья Макаровна вдругъ самымъ категорическимъ образомъ выразила неохоту играть. Она достала свою, нѣсколько дней ужъ заброшенную работу—вязанье шерстяного чулка, и, ни мало ни медля, принялась двигать вязальными спицами, въ сосредоточенномъ и угрюмомъ молчаніи.

— А ты?—спросила Вѣра сестру.—Въ зѣваки можно вдвоемъ.

— Нѣтъ, мнѣ тоже не хочется,—отвѣтила та, затѣмъ встала и принесла изъ спальни работу—нужно было заштопать кое-что изъ бѣлья—и, не нарушая молчанія, замахала иголкой.

Вѣра стала огорченно раскладывать карты.

Авдотья Макаровна находилась явно не въ духѣ. Она не произносила ни слова и только время отъ времени глубоко и протяжно вздыхала. Вѣра не вытерпѣла.

— Какъ это скучно! Чего вы вздыхаете?

— А тебѣ что? Какая печаль до того?—холодно отозвалась на это старуха.

— Да непріятно васъ слушать...

— Ну, и не слушай, коли тебѣ непріятно,—тѣмъ же тономъ возразила Авдотья Макаровна.

Вѣра припомнила давишнюю, такъ и оставшуюся для нея непонятною сцену, когда мать, неизвѣстно за что на нее закричала, и, связавъ это съ теперешнимъ ея поведеніемъ, снова спросила:

— Скажите, за что вы на меня дуетесь, маменька?

— Кто дуется?—откликнулась Авдотья Макаровна.

— Вы дуетесь... Только не знаю, за что.

— Никто на тебя дуться не думаетъ...

— Вотъ еще, я развѣ не вижу?.. А за что—сказать не хотите. Это, ей-Богу ужъ дико .. Что такое я сдѣлала?

— Ахъ, отстань ты отъ меня, Христа-ради!—страдальчески воскликнула Авдотья Макаровна.—Вотъ привязалась!

— Ну, ладно, отстану,—молвила Вѣра и тоже надулась.

Старушка опять тяжко и глубоко вздохнула. Глафира все время не подымала глазъ отъ работы, невозмутимо откидывая въ воздухъ руку съ иголкой.

Снова надолго водворилось молчаніе. Вѣра все дулась. Глафира работала съ наморщеннымъ лбомъ. Авдотья Макаровна испускала попрежнему глубокіе вздохи.

Раза два или три она взглянула украдкою на старшую дочь, какъ бы собираясь и не рѣшаясь что-то сказать ей, но та, углубившись въ работу, ничего не замѣтила. Наконецъ, старуха, собравшись окончательно съ духомъ, сказала:

— А что, Глафирушка, не пора ли и спать?

— Развѣ вамъ захотѣлось?—спросила Глафира.

— Да я не про себя... Тебѣ не пора ли?

— Мнѣ? Почему же?

— Да вотъ мнѣ все думается, не вредно-ль тебѣ такъ долго сидѣть? Ты вѣдь все-таки еще послѣ болѣзни...

— Богъ съ вами, маменька! Я очень хорошо себя чувствую.

— Право, послушалась бы... Все лучше, кабы ты пораньше легла...

— Да я и не хочу еще спать.

— Мало ли что... Оно для здоровья полезнѣе. Ты на насъ не смотри. Вонъ Вѣра привыкла уже полуночничать, а ты—дѣло другое...

— Вотъ теперь еще нужно къ другимъ привязаться...—пробормотала вполголоса Вѣра.

— А? Право, пошла бы...—продолжала свое Авдотья Макаровна.

— Ахъ, маменька, какая вы! Да мнѣ же, право, не хочется!—съ нетерпѣніемъ сказала Глафира и, усмѣхнувшись, прибавила:—что вы хотите непремѣнно сегодня меня уложить, точно дитятку маленькую?

— Богъ съ тобою, съ чего тебя мнѣ укладывать?—возразила съ смущеніемъ Авдотья Макаровна. — Я такъ только сказала... Сиди на здоровье, я развѣ мѣшаю?

— Только другихъ хочется непремѣнно разстроить... — пробормотала опять вполголоса Вѣра.

Снова всѣ замолчали. Каждый былъ занятъ своимъ. Протекло нѣсколько минутъ тишины, и вдругъ Авдотья Макаровна заявила рѣшительно:

— Ну, какъ вы тамъ себѣ знаете, а мнѣ хочется спать! Я ужъ лягу.

— Почему же вы раньше такъ не сказали? — удивилась Глафира.—Чего же вы мучились?

— Сказали бы раньше, и кончено,—присовокупила и Вѣра.— А то сидите, вздыхаете...

— Да, ужъ я лягу... Что-то сегодня я больно устала,—говорила старушка, свертывая и убирая чулокъ.

Тотчасъ же всѣ разошлись и принялись раздѣваться.

— Сегодня маменька удивительно странная,—замѣтила Вѣра, укладываясь и доставая со столика раскрытую книжку романа.

— Вѣроятно, ей нездоровится,—отозвалась на это Глафира.

Затѣмъ обѣ не прибавили больше ни слова. Глафира повернулась къ стѣнкѣ лицомъ и затихла. Вѣра читала.

Такъ протекло около часа. Глафира лежала недвижимо, въ одномъ положеніи. Вѣра перевертывала тихонько страницы.

Вдругъ чуть слышно скрипнула дверь... Молодая дѣвица приподнялась и взглянула. На порогѣ стояла Авдотья Макаровна, въ юбкѣ и кофтѣ, неподвижно и безшумно, какъ призракъ...

— Господи, какъ вы меня испугали...—воскликнула шопотомъ Вѣра.—Что вамъ? Отчего вы не спите?

— Шш...—прошипѣла старуха и погрозила ей пальцемъ. Потомъ она, крадучись и тихо, какъ кошка, приблизилась, наклонилась надъ Вѣрой и спросила чуть слышно, кивнувъ на Глафиру:

— Спитъ? а? Ты не знаешь?..

Обѣ посмотрѣли, прислушиваясь, на покрытую одѣяломъ спину Глафиры и ея одѣтый въ бѣлый чепчикъ затылокъ...

— Кажется, спитъ,—прошептала молодая дѣвица.

Авдотья Макаровна, боязливо косясь въ сторону спящей, прошептала, въ свою очередь, Вѣрѣ, таинственно кивая ей пальцемъ:

— Поди-ка ко мнѣ...

— Зачѣмъ?

— Нужно сказать тебѣ одну вещь...

— Что такое?—всполошилась та, приподнимаясь съ постели.

— Шш... не разбуди ты ее, Бога ради... Встань, нужно сказать тебѣ...

— Что вы тамъ шепчетесь?—вдругъ спросила изъ подъ одѣяла Глафира...

Авдотья Макаровна вся обмерла и даже присѣла...

— Это вы тутъ, маменька, шепчетесь?—соннымъ голосомъ продолжала Глафира и обернула къ нимъ голову.—Зачѣмъ вы пришли?

— Ничего, ничего, прости, Христа ради... — пролепетала растерянно Авдотья Макаровна.—Я думала, ты ужъ заснула... Мнѣ вотъ было Вѣрушкѣ нужно...

— Да что такое? О чемъ вы шептались?

— Говорю, ничего. Спи себѣ съ Богомъ... Прости, что я тебя потревожила. Завтра ужъ, завтра!

И Авдотья Макаровна исчезла изъ спальни.

*

— Что такое? Зачѣмъ она сюда приходила?—спросила, переворачиваясь на другой бокъ, Глафира.

— Право, не знаю. А ты не спала?

— Только что стала дремать... А о чемъ вы шептались?

— Она спрашивала, засыпала ли ты... Сказать что-то хотѣла.

Обѣ сестры помолчали. Старшая закрыла глаза.

— Нѣтъ, ей-Богу, она положительно меня удивляетъ!—замѣтила Вѣра.

Глафира ничего не сказала...

XII.

Съ того дня когда Емельянъ Иванычъ Самострѣловъ, обитатель мезонина шеколаднаго дома, сдѣлался хранителемъ тайны своего пылкаго друга, послѣдній сталъ навѣщать его почти каждый вечеръ.

Въ эти часы Самострѣловъ благодушествовалъ за своимъ самоваромъ, передъ тѣмъ какъ засѣсть за ночную работу.

Онъ самъ бы затруднился сказать, какъ давно онъ повелъ эту своеобразную жизнь превращенія ночи въ день и обратно.

Въ то время, когда дневная жизнь кипѣла во всю, полная движенія, звуковъ, здѣсь царствовалъ полный покой. Подойдя снаружи ко входу въ обиталище Емельяна Иваныча и напрягая самымъ сосредоточеннымъ образомъ ухо, можно бы было разслышать раздающійся тамъ, за этою запертою дверью, мѣрный храпъ спящаго крѣпчайшимъ сномъ человѣка.

Самъ человѣкъ былъ невидимъ.

Только изъ огорода, примыкавшаго къ садику и состоявшаго, какъ и этотъ послѣдній, въ общемъ владѣніи жильцовъ шеколаднаго дома, если бы встать на край длинной доски находившихся въ томъ огородѣ качелей и дать ей самый широкій размахъ, когда плоскость доски приходится совсѣмъ вертикально къ столбу перекладины, можно бы было увидѣть моментами, направляя взглядъ въ окно мезонина, часть скошеннаго по бокамъ потолка, лампу подъ абажуромъ изъ зеленой бумаги, уголъ оклеенной сѣрыми обоями комнаты, — но ни малѣйшаго признака находящагося тамъ обитателя.

Такъ бывало до трехъ часовъ дня.

Около этого времени ведшая въ гробообразную комнату дверь медленно поворачивалась на своихъ скрипучихъ петляхъ и обнаруживала всклокоченную фигуру Емельяна Ивановича, въ лѣтней крылаткѣ, накинутой поверхъ ночного бѣлья, и въ туфляхъ, который шелъ черезъ сѣни, пріотворялъ дверь въ кухню хозяйки, вдовы придворнаго гофъ-фурьера Роскошниковой, и, уловивъ тамъ присутствіе дѣвушки Ѳени, причемъ самъ оставался невидимъ, произносилъ густымъ басомъ сквозь щель:

— Дайте помыться...

А самъ тотчасъ же отрядывалъ вспять.

Приходила хорошенькая дѣвушка Ѳеня, съ кувшиномъ воды, и помогала жильцу совершать его омовеніе, послѣ чего Самострѣловъ, въ той же крылаткѣ и огромныхъ ладьеобразныхъ туфляхъ, но съ расчесанными тщательно длинными, падавшими на плечи, волосами и широкою, во всю грудь, бородою опускался въ мягкое кресло и принимался прихлебывать медленно изъ большого граненаго стакана кофе со сливками, которое принесла ему Ѳеня, вмѣстѣ съ парой сладкихъ сухариковъ или трехкопеечной плюшкой. Потомъ онъ бралъ со стола коротенькую черную трубку, набивалъ ее табакомъ изъ стоящей тутъ же жестяной коробки изъ-подъ монпансье и наполнялъ все пространство комнаты дымомъ, пока Ѳеня убирала постель и мела щеткою полъ, сотрясая по временамъ его кресло и ерзая даже этою щеткой у него подъ ногами, потомъ схватывала со стола самоваръ, со всѣми его принадлежностями, заночевавшій съ вечера у Емельяна Иваныча, и, унеся все это изъ комнаты, тѣмъ заканчивала здѣшнее свое пребываніе.

Самострѣловъ сидѣлъ передъ своимъ стынущимъ кофе, вперившись глазами въ ломберный столъ, исполнявшій назначеніе письменнаго, съ керосиновою лампой, ворохомъ книгъ и бумагъ, чернильницей, перьями въ вазочкѣ и разною дрянью, въ видѣ пузырьковъ съ выдохшимися лекарствами, мотковъ лесы изъ конскаго волоса, крючковъ для уженья въ газетной бумажкѣ, пряжки отъ ременнаго пояса, краснаго пасхальнаго яйца, Богъ вѣсть съ какого времени здѣсь сохранявшагося, бѣлой заношенной женской перчатки, неизвѣстно какими путями попавшей сюда, и пр., и пр., и, созерцая все это, курилъ, прихлебывалъ медленно кофе и думалъ...

Обыкновенно, покончивъ съ кофе, онъ вслѣдъ за этимъ вставалъ и принимался облачаться для выхода, а затѣмъ, заперевъ дверь на ключъ, уходилъ со двора, за Неву. Чаще всего онъ возвращался къ обѣду, который ему приносила, всѣ блюда заразъ, и ставила тутъ же на столъ та же дѣвушка, Ѳеня. Но случалось, что дѣла задерживали Емельяна Иваныча въ городѣ на болѣе долгое время, и тогда онъ ѣлъ что-нибудь разогрѣтое, а то и вовсе не ѣлъ. Но, какъ бы то ни было, вечеромъ онъ находился обязательно дома, о чемъ свидѣтельствовало свѣтившееся въ темнотѣ огорода, подобно всевидящему оку, окно съ опущенною шторой, отражая свѣтъ лампы, передъ которой стоялъ и шумѣлъ самоваръ, а передъ самоваромъ сидѣлъ и курилъ Самострѣловъ, въ туфляхъ и крылаткѣ.

Въ эту-то пору въ дверь его комнаты слышался стукъ и входилъ Иванъ Еремѣичъ.

Пріятели безмолвно здоровались, и гость садился вблизи

отъ хозяина, на единственный имѣвшійся въ комнатѣ стулъ, или протягивался во весь ростъ на кровати.

Обыкновенно оба нѣкоторое время проводили въ полномъ молчаніи.

Прежде, обыкновенно, Иванъ Еремѣичъ начиналъ тотчасъ же, при входѣ, какой-нибудь живой разговоръ, но съ тѣхъ поръ, какъ Самострѣловъ выслушалъ отъ пріятеля его тяжелую исповѣдь, поведеніе Ивана Еремѣича глубоко измѣнилось. Да онъ и самъ измѣнился, по крайней мѣрѣ во внѣшности: поблѣднѣлъ и осунулся, сдѣлался мраченъ, угрюмъ.

Тотъ вечеръ, когда Иванъ Еремѣичъ приходилъ къ Самострѣлову повѣдать ему свою тайну и вмѣстѣ съ нимъ обдумать дальнѣйшія дѣйствія, не доставилъ никакихъ результатовъ, въ смыслѣ какихъ-либо плановъ, могущихъ послужить руководствомъ.

— Нужно годить,—сказалъ тогда Самострѣловъ.

И когда Иванъ Еремѣичъ, бія себя въ грудь и обрушивая на свою виновную голову тучу самыхъ жестокихъ проклятій, развернулъ передъ нимъ картины всевозможнѣйшихъ бѣдствій, Емельянъ Иванычъ, выслушавъ это все до конца, возразилъ ему успокоительнымъ тономъ:

— Зачѣмъ упреждаешь событія? Не нужно никогда упреждать ихъ.

— Но послѣдствія! Ты только вникни, какія быть могутъ послѣдствія!—вопіялъ Иванъ Еремѣичъ.

— Не упреждай, говорю, никогда. Не упреждай, прошу тебя объ одномъ!—бубнилъ упорно свое Самострѣловъ.

Такъ всегда бывало и раньше, когда Равальякъ повѣрялъ Самострѣлову что-нибудь его сильно волнующее и, по увлекательности своей пылкой натуры, изображалъ передъ нимъ въ яркихъ краскахъ, разсчитанныхъ проникнуть пріятеля важнымъ значеніемъ факта и заставить и его взволноваться, а вмѣсто того получалъ какой-нибудь спокойный отвѣтъ, произносимый глухимъ, ровнымъ басомъ Емельяна Иваныча.

Вначалѣ, пока еще Иванъ Еремѣичъ не привыкъ къ этой манерѣ, это глубоко его возмущало, прямо выводило его изъ себя.

— Да ты выслушалъ все? Понялъ, о чемъ я тебѣ говорилъ?—кипятился Иванъ Еремѣичъ.

— Выслушалъ... Понялъ...—медленно отвѣчалъ Самострѣловъ, глядя пристально въ уголъ.

— Удивляюсь тебѣ! Чортъ тебя знаетъ!

Емельянъ Иванычъ молчалъ.

— Ты пень! Ты вотъ что такое!—прибавлялъ Иванъ Еремѣичъ, стуча рукой объ стѣну.

Емельянъ Иванычъ вздыхалъ.

— Нѣтъ, не понимаю... Ей Богу, не понимаю я подобныхъ людей...—уже нѣсколько тише продолжалъ Иванъ Еремѣичъ.

Самострѣловъ не возражалъ и на это, продолжая смотрѣть пристально въ уголъ.

— Есть же такіе счастливцы, которые ко всему равнодушны...

— Ну, ну, успокойся,—произносилъ, наконецъ, Самострѣловъ.

— Да, хорошо тебѣ говорить: успокойся!—вскидывался снова Иванъ Еремѣичъ, но это бывала уже послѣдняя вспышка, какъ случается съ пламенемъ, который пожралъ весь матеріалъ и сейчасъ долженъ потухнуть.—У тебя рыбья, холодная кровь... А я не могу...—прибавлялъ онъ уже кротко.

Послѣ того онъ утихалъ окончательно, и разговоръ продолжался спокойно.

Таковыя бесѣды, вплоть до того послѣдняго случая, когда Иванъ Еремѣичъ излилъ передъ пріятелемъ свою потрясенную роковымъ событіемъ душу, происходили чаще всего по поводу какого-нибудь недоразумѣнія по службѣ или съ домашними. Съ нѣкоихъ поръ все чаще и чаще приходилось выслушивать Емельяну Иванычу его горькія жалобы на неудовлетворенность и скуку его личной жизни, на то, что никто его не понимаетъ въ семьѣ, что жена, Анна Егоровна, никогда не раздѣляла его идеальныхъ порывовъ, что человѣкъ, который рано женился и обвязался дѣтьми, долженъ считаться погибшимъ, несчастнымъ, ибо онъ никогда не испытываетъ равновѣсія духа, но постоянно томится и ищетъ чего-то и не можетъ облегчить свою душу, опутанную будничными дрязгами жизни...

— Отчего я сдѣлался золъ, раздражителенъ?—восклицалъ Иванъ Еремѣичъ.—Все оттого, что у меня сухая, идіотская служба, и я не могу ее бросить, потому что не имѣю права думать лишь о себѣ, долженъ заботиться о женѣ, о семьѣ...

И, въ концѣ концовъ, переходилъ къ Самострѣлову.

— Вотъ ты! Отчего ты постоянно спокоенъ, доволенъ и тебѣ хоть трава не расти? Одинокъ и счастливъ поэтому... Я тебѣ страшно завидую!

Емельянъ Иванычъ на это не возражалъ ничего, глядя по обыкновенію въ уголъ...

Тѣмъ не менѣе, Иванъ Еремѣичъ не промѣнялъ бы своего хладнокровнаго друга на кого бы то ни было. Самострѣловъ, въ отношеніи храненія тайны, былъ, какъ говорится, могила. Одно уже то, что его нельзя было ничѣмъ потрясти, взволновать, дѣйствовало чрезвычайно успокоительнымъ образомъ. При немъ можно было вслухъ думать, мечтать, строить самые невѣроятные планы, даже признаться въ замышляемомъ какомъ-нибудь преступленіи,— онъ слушалъ все это терпѣливо, не перебивая никакимъ возраженіемъ, не охлаждая насмѣшливымъ словомъ, хотя бы даже улыбкой. Когда Иванъ Еремѣичъ, имѣвшій, между прочимъ, наклонность находить у себя самые разнообразные недуги, неизвѣ-

стные еще въ медицинѣ, открылъ какъ-то разъ, что онъ страдаетъ «засыханіемъ мускуловъ» и рѣшилъ, что противъ этого можетъ помочь токарный станокъ, Самострѣловъ сказалъ: «доброе дѣло», а когда потомъ самъ же первый Иванъ Еремѣичъ признался, что «это все чепуха», а станокъ послалъ къ чорту, Емельянъ Иванычъ замѣтилъ: «ну и отлично!» Когда Иванъ Еремѣичъ почувствовавъ разъ наклонность къ химическимъ опытамъ, обзавелся цѣлымъ арсеналомъ необходимыхъ для этой цѣли приборовъ и ходилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней съ обожженными разными кислотами пальцами и перепортилъ все платье, возбуждая своими занятіями неодобреніе и страхъ въ Аннѣ Егоровнѣ, при полномъ отсутствіи интереса къ химическимъ опытамъ мужа, Емельянъ Иванычъ одинъ узнавалъ, шагъ за шагомъ, какъ Иванъ Еремѣичъ добывалъ водородъ, и когда это кончилось тѣмъ, что Иванъ Еремѣичъ чуть не отравилъ кухарку, одобрилъ рѣшеніе пріятеля бросить работы по химіи. Былъ еще случай, когда Иванъ Еремѣичъ задумалъ изобрѣсти ликеръ изъ моркови, и когда таковой былъ приготовленъ, выпилъ самоотверженно рюмку, между тѣмъ какъ Анна Егоровна наотрѣзъ отказалась даже попробовать изобрѣтеніе мужа и назвала пренебрежительно гадостью... Да мало ли еще было случаевъ, когда Самострѣловъ оказалъ себя на высотѣ настоящаго дружества, способнаго понимать чужія увлеченія и даже ошибки!

Все это, конечно, могъ прекрасно цѣнить Иванъ Еремѣичъ и потому привыкъ повѣрять ему все, что таилось въ самыхъ отдаленныхъ изгибахъ души своей, въ увѣренности, что тотъ ничего не осудитъ и не обольетъ презрительнымъ ядомъ насмѣшки.

Одно уже то, что Иванъ Еремѣичъ могъ сидѣть и молчать, предаваясь своимъ мрачнымъ думамъ, вполнѣ безпрепятственно и не раздражаясь никакимъ праздным вопросомъ хозяина, при сознаніи, что онъ понимаетъ его и сочувствуетъ его состоянію, дѣйствовало чрезвычайно умиротворяющимъ образомъ на душу пріятеля Емельяна Иваныча.

Совершено не то было дома.

Только человѣкъ, который носитъ въ груди терзающую его преступную тайну и принужденъ находиться подъ наблюденіемъ сторожащихъ внимательно глазъ, отъ коихъ не былъ до сихъ поръ сокровенъ ни одинъ поступокъ его, могъ бы понять, какъ долженъ былъ себя чувствовать въ своемъ домашнемъ кругу Иванъ Еремѣичъ. И, что всего хуже, онъ былъ убѣжденъ, что Анна Егоровна подозрѣваетъ, что отъ нея что-то скрываютъ, что она замѣчаетъ происшедшую въ немъ перемѣну, даже мотаетъ на усъ, какъ говорится, ежедневныя посѣщенія имъ Самострѣлова, отъ которыхъ Иванъ Еремѣичъ не имѣлъ силъ отказаться, а главное, конечно, уже носитъ въ мысляхъ кучу разныхъ догадокъ, можетъ

быть, самыхъ ужасныхъ, которыя, въ свою очередь на яву сосебя ..

Теперь, когда она, послѣ родовъ, встала съ постели, и вся жизнь вошла въ прежнюю свою колею, день-ото-дня все замѣтнѣе выступали черты воцарившагося въ домѣ разлада, выражавшагося, главнѣйшимъ образомъ, въ томъ, что хозяинъ семьи пользовался всяческимъ случаемъ, чтобы не оставаться глазъ-на-глазъ съ женою. Утромъ онъ съ нарочитою поспѣшностью собирался на службу и хотя уходилъ въ обычный свой часъ, но уже по одному тому, какъ онъ цѣловалъ на прощанье руку Анны Егоровны и потомъ устремлялся въ прихожую, можно было судить о его нетерпѣніи вырваться изъ дому... Вернувшись со службы, онъ сидѣлъ за обѣдомъ молчаливый, подавленный, и въ то время, какъ вокругъ него шумѣло и болтало юное его поколѣніе, очевидно, мысли его витали далече...

— Ты сегодня ночью что-то особенно спалъ неспокойно...— замѣтила какъ-то Анна Егоровна мужу, сидѣвшему съ задумчиво вытаращенными глазами надъ дымившеюся передъ нимъ тарелкою супу.

Иванъ Еремѣичъ быстро оторвалъ глаза отъ тарелки, скользнулъ взглядомъ по Аннѣ Егоровнѣ и внимательно уставился въ стѣну.

— Бредилъ...—пояснила Анна Егоровна, и Иванъ Еремѣичъ, продолжая созерцать п[illegible]стально узоръ на обояхъ, чувствовалъ въ то же самое время, что взоръ жены пытливо на немъ тяготѣетъ...

Сердце его мучительно сжалось, какъ предъ грозящею опасностью, вся краска сбѣжала съ лица, и Иванъ Еремѣичъ какимъ-то страннымъ, совсѣмъ не своимъ (онъ про себя это самъ тотчасъ же отмѣтилъ), точно задавленнымъ голосомъ вымолвилъ:

— О чемъ же я бредилъ?..

— Да нельзя было ничего разобрать... Всего нѣсколько словъ. Будто о чемъ-то съ Емельяномъ Иванычемъ спорилъ. Сердился... А главное, ужъ очень стоналъ. Хотѣла было тебя разбудить, только ты потомъ успокоился, да, признаться, я и сама задремала.

На томъ разговоръ и покончилъ.

Иванъ Еремѣичъ не всегда предавался послѣобѣденному отдыху, но съ извѣстныхъ поръ онъ усвоилъ это въ привычку и отъ стола тотчасъ же сталъ уходить въ кабинетъ, гдѣ и лежалъ на диванѣ вплоть до вечерняго чая. Такъ онъ поступилъ и теперь.

Онъ лежалъ, глядѣлъ въ потолокъ, перебирая въ мысляхъ слова Анны Егоровны, и тревожно шепталъ:

«Вонъ оно что... По ночамъ бредить ужъ началъ... Что же, наконецъ, будетъ потомъ?» терзался онъ дальше. «Вѣдь такъ, чего добраго, кончится тѣмъ, что я когда-нибудь возьму да и разскажу все во снѣ... Нѣтъ, долѣе невозможно такъ жить!»

стные еще въ 7 часъ послѣ чаю, онъ по обыкновенію ушелъ къ «засыханіемъ» помощь.

Первымъ дѣломъ, конечно, онъ сообщилъ Емельяну Иванычу свой разговоръ съ Анной Егоровной, съ выраженіемъ своего опасенія, что онъ когда-нибудь этакимъ образомъ все разскажетъ во снѣ.

— Я думаю даже, не лучше ли будетъ, если я стану спать въ кабинетѣ,—прибавилъ Иванъ Еремѣичъ.—Можно придумать отличный предлогъ. Въ нашей спальнѣ теперь тоже помѣщается маленькій. По ночамъ онъ пищитъ, жена должна вставать, его успокоивать... Все это для меня крайне несносно... Развѣ я не въ своемъ правѣ, скажи мнѣ на милость?

— А онъ дѣйствительно много пищитъ по ночамъ?—спросилъ Самострѣловъ.

— Положимъ, самъ-то я никогда не слыхалъ... Сплю, какъ убитый.

— Ну, значитъ, неудачно придумано,—рѣшилъ Самострѣловъ.

— Чѣмъ неудачно? Почему жена можетъ знать, просыпался я или нѣтъ?

— Все это напрасно,—упорно стоялъ на своемъ Самострѣловъ.

— Да ты же пойми, повторяю, что я могу себя выдать во снѣ по рукамъ и ногамъ. Въ романахъ развѣ тебѣ не приходилось читать, да и въ дѣйствительной жизни, конечно, случается... Представь, мужъ имѣетъ любовницу, жена, понятно, объ этомъ не знаетъ... И вотъ онъ видитъ во снѣ ее, вслухъ разговариваетъ, и такимъ образомъ женѣ все открыто... Я даже помню, какъ разъ такой именно случай былъ разсказанъ въ какомъ-то англійскомъ романѣ...

— Эхъ-хе-хе... въ романѣ, въ романѣ...—со вздохомъ повторилъ Самострѣловъ.—Мало ли чего не напишутъ въ романѣ...

— А развѣ романы не изображаютъ дѣйствительность?—горячо возразилъ Иванъ Еремѣичъ.—Не захочешь ли ты еще противъ этого спорить?

— Охъ-хо-хо, ничего я не спорю... Только вотъ ты все упреждаешь событія... Ну, хорошо, пусть по твоему. Что же ты можешь во снѣ увидать?

— Да рѣшительно все. Какъ эта женщина бросилась въ воду, какъ я привезъ ее въ номеръ... Ну, все, словомъ—*все*!

— Хм... Мало ли что намъ можетъ присниться... Я вотъ позавчера видѣлъ во снѣ, будто меня хотѣли повѣсить... А то еще какъ-то на воздушномъ шарѣ летали...

— Это положимъ...—сознался Иванъ Еремѣичъ и на нѣсколько секундъ погрузился въ безмолвную думу.—Да, я не спорю, что намъ можетъ присниться чортъ знаетъ что,—заговорилъ онъ опять;—въ этомъ ты правъ... Но согласись, что если я называю

дѣйствительно существующихъ лицъ, воспроизвожу на яву совершившійся фактъ...

— А какъ ее звать, эту дѣвицу-то? Помнишь?..

— Представь!—вдругъ, словно озаренный, воскликнулъ Иванъ Еремѣичъ.—Представь, что вѣдь я, честное слово, не знаю! Да и лица-то ея совершенно не помню!.. Вѣдь я же разсказывалъ, въ какомъ я былъ тогда состояніи... Сколько разъ вѣдь старался припомнить, какая она изъ себя... Не могу, хоть зарѣжь ты меня... Кажется только, что порядочная-таки мордимондія!.. Да, должно быть, самъ чортъ устроилъ тогда всю эту штуку!—прибавилъ уныло Иванъ Еремѣичъ.

— Эхъ-хе-хе,— вздохнулъ, какъ бы про себя, Самострѣловъ, потомъ набилъ трубку, закурилъ ее и, медленно высвободивъ свою фигуру изъ кресла, сталъ шагать взадъ и впередъ, послѣ чего снова усѣлся, налилъ себѣ новый стаканъ чаю и обратился къ пріятелю:— а что, не плеснуть ли тебѣ тоже горяченькаго?

— Ну его, къ Богу!—отмахнулся Иванъ Еремѣичъ, вставая со стула и направляясь къ кровати хозяина, разлегся тамъ навзничь, съ ногами, и затихъ, словно заснулъ.

Емельянъ Иванычъ не нарушалъ тишины, медленно выпуская клубы дыма изъ трубки и созерцая задумчиво налитый чаемъ стаканъ. Мѣрно и глухо постукивалъ въ своемъ стеклянномъ футлярѣ маятникъ висѣвшихъ на стѣнкѣ часовъ, слабо поблескивая въ полумракѣ своимъ мѣднымъ кругомъ... Иванъ Еремѣичъ, подложивъ обѣ руки себѣ подъ голову, молчалъ и не шевелился, какъ мертвый... Самострѣловъ тоже не шевелился въ своемъ продавленномъ креслѣ, не спуская глазъ съ одной точки...

— Ну, однако, прощай! — раздалось внезапно съ кровати, вмѣстѣ со стукомъ сброшенныхъ ногъ, и Иванъ Еремѣичъ подошелъ и протянулъ хозяину руку.

Тотъ молча пожалъ эту руку, скользнулъ искоса взглядомъ по коротенькой фигурѣ пріятеля и спросилъ, устремивъ глаза въ уголъ:

— Что же? Гдѣ же надумался спать?..

— А, чортъ, ерунда!—досадливо махнулъ рукой Иванъ Еремѣичъ, нахлобучилъ на свою косматую голову легонькую лѣтнюю каскетку и вышелъ изъ комнаты.

Самострѣловъ, по уходѣ его, посидѣлъ еще нѣсколько времени въ глубокой задумчивости, потомъ протянулъ руку къ остывшему совершенно стакану, кряхтя, съ разстановками, осушилъ его въ нѣсколько пріемовъ до дна, поставилъ обратно на блюдечко и произнесъ со вздохомъ, вполголоса:

«Съ жиру... Все это съ жиру»...

Потомъ онъ поднялся изъ кресла, отодвинулъ въ ст самоваръ, со всѣми его принадлежностями, и, очистивъ т

образомъ на столѣ свободное пространство съ квадратный аршинъ, потянулъ изъ бумажнаго вороха нѣсколько листовъ, въ видѣ длинныхъ полосокъ съ печатными строчками, испещренныхъ на поляхъ корректурными знаками, потомъ досталъ изъ того же самаго вороха какую-то рукопись, разложилъ предъ собою то и другое и, испустивъ новый вздохъ, пододвинулъ къ себѣ ближе чернильницу...

А Иванъ Еремѣичъ, впущенный, послѣ повтореннаго два раза звонка, въ квартиру сонной Афимьей, тихо, на цыпочкахъ, прошелъ въ свою супружескую опочивальню.

Лампадка въ углу, передъ образомъ, ярко горѣла, озаряя всю спальню своимъ кроткимъ, умиротворяющимъ свѣтомъ... Новорожденный сынъ Леонидъ безмятежно покоился въ маленькой кроваткѣ съ перильцами, гдѣ, во дни своего ранняго дѣтства, вкушало въ свой чередъ сладкіе маки безгрѣшнаго сна все потомство Ивана Еремѣича и Анны Егоровны...

Иванъ Еремѣичъ взглянулъ на закутанную въ одѣяло фигуру жены. Лицо ея, обращенное къ горящей лампадкѣ, съ сомкнутыми плотно рѣсницами и открытымъ нѣсколько ртомъ, имѣло всѣ признаки спокойнаго сна.

Мужъ обошелъ, словно крадучись, уголъ кровати, съ той стороны, гдѣ между нею и стѣной былъ оставленъ проходъ, присѣлъ осторожно на край и, стараясь не произвести ни малѣйшаго шороха, сталъ раздѣваться.

И когда онъ безшумно улегся и накрылъ себя одѣяломъ, сейчасъ почему-то сильнѣе, чѣмъ во все предыдущее время, ощутилъ онъ присутствіе чего-то незримаго, что вотъ уже нѣсколько дней какъ воздвиглось между нимъ и рядомъ, бокъ-о-бокъ, лежавшей женою...

Теперь, послѣ бесѣды съ Емельяномъ Иванычемъ, онъ уже не боялся выдать во снѣ свою тайну. Теперь онъ даже совсѣмъ не думалъ объ этомъ... Вмѣсто того, Богъ вѣсть въ который ужъ разъ, онъ старался представить въ мысляхъ черты незнакомки, доставившей ему столько терзаній... Но это опять не привело ни къ чему. Усиленно созданный воображеніемъ образъ исчезалъ въ одно мгновеніе ока, какъ исчезаетъ туманное пятнышко, сдѣланное дыханіемъ на поверхности зеркала... Затѣмъ мысли его стали туманиться, путаться, и Иванъ Еремѣичъ перешелъ незамѣтно въ міръ грезъ.

А окно съ опущенной шторой въ комнатѣ Емельяна Иваныча ще долго продолжало свѣтиться въ ту ночь во тьмѣ огорода...

XIII.

а другой день, вечеромъ, въ обычный свой часъ, Иванъ Еремѣ, пришелъ къ Самострѣлову.

По одному ужъ тому, какъ гость поздоровался съ Емельяномъ Иванычемъ и потомъ опустился на стулъ, хозяинъ тотчасъ же понялъ, что тотъ принесъ съ собою какія-то новости, которыя готовится ему сообщить. Видъ Равальяка былъ возбужденный и, если можно такъ выразиться, какъ бы приподнятый.

По обыкновенію, не задавая самъ первый вопроса, Самострѣловъ устремилъ глаза въ уголъ и ждалъ.

— Во-первыхъ, угости меня чаемъ,—началъ Иванъ Еремѣичъ.— Дома я выпилъ всего одинъ только стаканъ. Торопился къ тебѣ.

Емельянъ Иванычъ, не спѣша, вылѣзъ изъ кресла, досталъ съ комода чистый стаканъ, вмѣстѣ съ блюдечкомъ, перенесъ то и другое на столъ, налилъ чаемъ стаканъ, опустилъ туда два куска сахару, подвинулъ пріятелю и опустился на прежнее мѣсто.

Иванъ Еремѣичъ размѣшалъ, прихлебнулъ и неожиданно выпалилъ:

— Сегодня я навелъ справки о *ней!* Совершенно поправилась!

Тутъ онъ сдѣлалъ паузу, торопливо, въ три-четыре глотка, наливая на блюдечко, расправился съ чаемъ и отодвинулъ пустой стаканъ въ сторону.

— Еще? — спросилъ Самострѣловъ.

— Нѣтъ. Больше не буду, — отказался отрывисто Иванъ Еремѣичъ и такъ же отрывисто приступилъ къ прежней темѣ. — Да. Такъ вотъ, говорю, я сегодня узналъ. Поѣхалъ со службы. Разыскалъ, первымъ долгомъ, ихъ дворника. Сейчасъ его за бока. Приступилъ прямо, съ бацу. Такъ и такъ, молъ, знаешь такихъ-то жильцовъ? «Знаю». — «Поправляется старшая барышня?»—«Совсѣмъ ужъ поправилась».—«Не выходитъ еще?»— «Нѣтъ, не выходитъ»... И ужасно ехидная бестія — дворникъ!— «Съ чего, говоритъ, это для васъ антиресно, коли вы ихъ не знаете?» Каковъ?.. А надо сказать, что я спросилъ ея имя... Глупо, положимъ, дѣйствительно. Ну, да что дѣлать! Знать, въ сыщики я не гожусь! Какъ бы то ни было, узналъ, что было мнѣ нужно, а также и имя: *Глафира Андреевна.* Фамилія пока неизвѣстна, ну, да можно будетъ потомъ на доскѣ посмотрѣть. И самую табачную лавочку видѣлъ. Войти пока не рискнулъ. Маленькая, въ одно окошко, въ подвалѣ. Ну, и вотъ, пока все! — заключилъ Иванъ Еремѣичъ, вставая, и протянулъ хозяину руку.

Это было такъ неожиданно, что, не взирая на все свое хладнокровіе, Самострѣловъ во всѣ глаза посмотрѣлъ на пріятеля и, недоумѣвая, спросилъ:

— Что-жъ ты? Сейчасъ и уходишь?

— Да. Я къ тебѣ на минуту. Зашелъ только, чтобы сообщить. Женѣ сказалъ, что отправляюсь къ Чепыгину. Развѣ не видишь, что я совсѣмъ по походному?

И Иванъ Еремѣичъ сталъ облекаться въ пальто и калоши, нахлобучилъ на голову шляпу и взялъ въ руки зонтикъ.

— Погода мерзѣйшая. Дождь такъ и хлещетъ, — пояснилъ онъ при этомъ.

— Развѣ такъ необходимо къ Чепыгину? — задалъ вопросъ Самострѣловъ, продолжая съ недоумѣніемъ смотрѣть на пріятеля.

— Это я женѣ такъ сказалъ. Врядъ ли къ нему попаду. А погода — чортъ съ ней! Оно даже лучше, что дождь. Иногда я это люблю. Теперь для меня особенно кстати. Головѣ, знаешь, полезно. Мысли яснѣе, свѣжѣе. Нужно о многомъ, о многомъ подумать! Ну, да ладно, все это къ чорту! Одно скажу только: въ головѣ у меня словно въ котлѣ. Все кипитъ и бурлитъ. Кажется, я спячу съ ума!.. Ну, да все это глупости. Къ чорту! Прощай.

И, стиснувъ хозяину руку, Иванъ Еремѣичъ торопливо исчезъ...

Еще долго по уходѣ его Самострѣловъ разбирался въ своихъ впечатлѣніяхъ, сидя въ креслѣ, какъ каменный, и устремивъ тупо глаза въ одну точку..

Все поведеніе и рѣчи пріятеля, весь его возбужденный, «приподнятый» видъ, таинственныя его недомолвки, съ зловѣщимъ предсказаніемъ, что онъ «спятитъ съ ума» — все это могло хоть кого озадачить... Емельянъ Иванычъ не понималъ ничего.

И все это Иванъ Еремѣичъ успѣлъ натворить въ какія-нибудь десять минутъ!

Если онъ могъ когда-либо похвастаться, что вывелъ, наконецъ, Самострѣлова изъ состоянія философскаго его равнодушія, то именно въ сегодняшнее свое посѣщеніе.

Емельянъ Иванычъ все сидѣлъ и думалъ о немъ, вспоминая многое, прежнее... А онъ не забывалъ никогда ничего... Вспоминалъ онъ его увлеченія разными разностями, химіей, живописью, токарнымъ станкомъ... Вспоминалъ его ликеръ изъ моркови, изобрѣтеніе какой-то особенной ваксы, попытку вырастить въ цвѣточномъ горшкѣ ананасъ... Много тутъ было смѣшного, нелѣпаго и въ то же самое время все это невольно приходило на память, по поводу его послѣдней исторіи съ покушавшеюся покончить съ собою незнакомкой, несмотря на всю трагичность этой исторіи.

И опять, какъ вчера, Емельянъ Иванычъ закончилъ свои размышленія тѣмъ, что произнесъ самъ себѣ вслухъ.

«Съ жиру... Все это съ жиру... Охъ-хо-хо, Боже мой!»

Затѣмъ онъ отодвинулъ прочь самоваръ, очистилъ на столѣ свободное мѣсто и разложилъ передъ собою корректуры.

И опять долго за полночь его окно съ опущенной шторой продолжало свѣтиться во тьмѣ огорода...

Мих. Альбовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СОНЕТЪ.

Нашъ міръ усталъ. Былыхъ вѣковъ гряда нѣмая,
Какъ кряжъ недвижный горъ, какъ волнъ застывшихъ рядъ,
Стоитъ нахмурившись, а мы, изнемогая
Подъ тяжестью сѣдыхъ, безжизненныхъ громадъ,

Въ безсиліи, въ тоскѣ на небеса взирая,—
Мы чуда ждемъ... Но нѣтъ! Небесъ не озарятъ
Закатные лучи невѣдомаго рая,
Поруганныхъ святынь они не оживятъ.

Вкругъ насъ—развалины, и долгій путь за нами,
Но дальше нѣтъ пути. И нѣтъ жрецовъ во храмѣ,
И вѣщій взоръ боговъ предсмертной мукой полнъ,

И вѣры нѣтъ ни въ комъ, и нѣтъ нигдѣ забвенья,
И прошлые вѣка стоятъ, какъ привидѣнья,
Какъ кряжъ недвижный горъ, какъ рядъ застывшихъ волнъ.

С. Маковскій.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ДЕМОКРАТІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Можетъ случиться, что искусство умретъ, но немыслимо, чтобы оно могло жить, раболѣпствуя передъ богатствомъ и глумясь надъ бѣдностью.

В. Моррисъ.

I.

Толстой въ «Севастопольскихъ разсказахъ» мимоходомъ отмѣчаетъ любопытную психологическую черту, что раненымъ сраженіе всегда кажется проиграннымъ. Справедливость этого наблюденія далеко не исчерпывается военнымъ бытомъ. Въ генеральной битвѣ общественныхъ классовъ въ теченіе почти всего минувшаго вѣка, въ приличномъ разстояніи отъ боевой линіи, то и дѣло раздаются жалобныя причитанія о томъ, что все гибнетъ, а иногда и отчаянные вопли: «спасайся, кто можетъ!» Возгласы эти, впрочемъ, не дѣйствуютъ деморализующимъ образомъ на сражающихся, потому, что они большею частью раздаются не во всеуслышаніе, а изливаются на бумагу въ формѣ изящной прозы или тонко отчеканенныхъ стиховъ, затѣмъ печатаются болѣе или менѣе нарядною книжкой и читаются тѣми, кто въ самой битвѣ непосредственнаго участія не принимаетъ. Вся же масса сражающихся не имѣетъ ни времени, ни охоты, а чаще всего и средствъ, чтобы покупать эту пессимистическую литературу и углубляться въ нее. Пишущая и мыслящая братія во всѣ времена не скупилась на «проклятія вѣку», но никогда они не сливались въ такой единодушный хоръ, какъ въ XIX столѣтіи. Въ XVIII вѣкѣ, пока писатели были застрѣльщиками въ исторической борьбѣ, они глядѣли впередъ «безъ страха и сомнѣнія» и даже мечтали сохранить за собой навсегда роль просвѣщенныхъ руководителей человѣчества. Литература, наука, искусство также страдали отъ наслѣдственныхъ привиллегій и неподвижныхъ рамокъ стараго режима, какъ и среднее сословіе, и неудивительно поэтому, что въ дѣлѣ разрушенія феодальныхъ учрежденій и предразсудковъ буржуазія и интеллигенція дѣйствовали заодно и въ полной гармоніи. Но вотъ старый режимъ похороненъ. Послѣ смутныхъ десятилѣтій имперіи и реставраціи, когда смыслъ и результаты переворота были затемнены,

комбинація общественныхъ силъ вполнѣ выяснилась. Всю арену жизни захватили «дѣловые люди», банкиры, спекулянты, купцы, промышленники; высшіе классы стараются еще сохранить въ своихъ рукахъ остатки старыхъ помѣстій или съ грѣхомъ пополамъ, отложивши въ сторону барскую спѣсь, пускаются въ аферы. Крестьянство, выдѣливъ изъ себя слой зажиточныхъ мелкихъ собственниковъ, разжившихся при скупкѣ изъ рукъ государства бывшихъ сеніоріальныхъ и духовныхъ земель, продолжало свое прежнее горькое существованіе во тьмѣ невѣжества и въ нищетѣ, дешево поставляя контингентъ городского пролетаріата, необходимый для расцвѣтающей фабричной промышленности. Эта рабочая масса, уже довольно значительная въ Парижѣ и нѣсколькихъ другихъ промышленныхъ центрахъ, не играла никакой роли въ теченіи государственныхъ дѣлъ и вызывала къ себѣ не болѣе вниманія, чѣмъ простое орудіе производства.

Какая же судьба постигла интеллигенцію? Она боролась за права и свободу личности и получила ихъ. Безконечно далекимъ казалось то время, когда художникъ былъ немногимъ выше королевской челяди и прихлебателемъ гранъ-сеньоровъ, когда какой-нибудь украшенный гербами неучъ безнаказанно подымалъ палку на Вольтера и Бомарше или предоставлялъ эту расправу своимъ лакеямъ, когда въ угоду фавориткѣ запрещали пьесу, сжигали цѣлое изданіе, а автора сажали въ тюрьму. Но вмѣстѣ съ личной независимостью, писатель, артистъ попалъ въ совершенно новыя экономическія условія. Въ дореформенное время искусство пользовалось покровительствомъ великихъ міра сего. Вельможи не стѣсняли своего права и не проявляли уваженіе къ личностямъ, но очень часто были тонкими цѣнителями красоты и соперничали другъ передъ другомъ меценатствомъ. Никто конечно не могъ существовать литературнымъ или художественнымъ трудомъ, но начинающему таланту въ большинствѣ случаевъ не трудно было найти себѣ вліятельнаго и богатаго «благодѣтеля» или попасть въ милость ко двору, выхлопотать себѣ пенсію, номинальную должность или доходную привиллегію. Въ новомъ обществѣ личныя отношенія между производителемъ и потребителемъ духовныхъ цѣнностей прекратились. Артистъ, литераторъ очутились лицомъ къ лицу передъ безличной массой «публики», ихъ произведенія уже не окупались щедротами давальцевъ, а должны были искать сбыта въ сложныхъ и гадательныхъ условіяхъ рынка. Потребителемъ являлся исключительно средній классъ, который относился къ высшей интеллектуальной культурѣ совершенно иначе, чѣмъ старая знать. Тѣ и другіе видѣли въ искусствѣ только роскошь и украшеніе жизни, но для высшаго дворянства прежнихъ временъ весь смыслъ въ жизни заключался въ роскоши и вся привлекательность въ украшеніяхъ, тогда какъ новые фараоны прекрасно обходились безъ изящества и цѣнили только грубую матеріальную пользу; ихъ вкусы, не воспитанные вѣковою наслѣдственностью, были формально консер-

вативны или антиэстетичны. Тяжело было подчиняться гордости и чувственнымъ инстинктамъ прежнихъ господъ, но неизмѣримо тяжеле стало угождать глупому тщеславію и неприкрытому изяществомъ разврату толстосумовъ и неотесанныхъ лавочниковъ. Тяжесть эта усугублялась тѣмъ, что чувство собственнаго достоинства въ интеллигентной средѣ достигло высокаго развитія подъ вліяніемъ идей 1789 года.

Тогда-то и началась непримиримая вражда артистовъ всѣхъ родовъ оружія къ буржуазіи, которая наполняетъ всю исторію французскаго искусства и литературы, начиная съ 1830 года. Нѣтъ такого презрительнаго обозначенія, нѣтъ такого изощреннаго ругательства, нѣтъ такой злобной каррикатуры, которыя бы казались достаточно выразительными для эгоизма, жадности, глупости, безвкусія этой ненавистной плутократіи, отъ чего она, надо сказать, ни на волосъ не похудѣла и ни на минуту не потеряла аппетита. По контрасту, художники приписали себѣ значеніе единственныхъ представителей всего великаго и возвышеннаго, духовныхъ героевъ, царство которыхъ не отъ міра сего.

Типическое романтическое міросозерцаніе, какъ оно на этой почвѣ выработалось малу-по-малу къ 40-мъ годамъ и преемственно передавалось впродолженіи полувѣка, а отчасти дожило и до нашихъ дней, заключало двѣ крупныхъ оптическихъ ошибки: буржуазія такъ занимала всѣ помыслы людей художественныхъ профессій, что заслоняла въ ихъ глазахъ все человѣчество; черты ея безъ дальнихъ околичностей были перенесены на всѣ слои общества, и слова «толпа», «чернь» стали синонимами народа, а плутократія, охлократія и медіократія считались равнозначущими съ демократіей. Съ другой стороны, какъ психологическое слѣдствіе индивидуализма, интеллигенція не чувствовала между собою взаимной солидарности общественнаго класса, а каждый художникъ считалъ себя одинокимъ, единственнымъ, Прометеемъ или Фаустомъ, лучезарною вершиной, «беззаконною кометой среди разсчитанныхъ свѣтилъ». Изъ безчисленныхъ свидѣтельствъ подобнаго рода возьмемъ у поэтовъ нѣсколько типичныхъ отрывковъ, не ручаясь впрочемъ, что это самые выразительные. При этомъ мы передадимъ ихъ прозой, хотя нѣкоторые существуютъ и въ переводѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ намъ важна не художественная форма, а точная передача мыслей авторовъ.

«Вы живете подло, безъ мечты, безъ цѣли, вы дряхлѣе, чѣмъ эта безплодная земля; преступный вѣкъ съ колыбели выхолостилъ васъ отъ всякой могучей и глубокой страсти. Вашъ мозгъ пустъ такъ же, какъ ваше сердце, и вы загрязнили этотъ жалкій міръ такою испорченною кровью, такимъ тлетворнымъ дыханіемъ, что только смерть можетъ произрастать въ этомъ чудовищномъ болотѣ. О люди, убійцы боговъ, недалеко то время, когда, валяясь въ какомъ-нибудь углу на огромной кучѣ золота, источивъ землю - кормилицу до каменныхъ основъ, не заботясь о томъ, день или ночь на свѣтѣ, утонувъ въ

безднѣ всеобъемлющей скуки, вы нелѣпо будете умирать, наполняя свои карманы» (Leconte de Lisle: «Aux modernes»). Такъ негодуетъ поэтъ противъ всѣхъ «современниковъ», не замѣтивъ, что большинству изъ нихъ некогда скучать и не грозитъ опасность умереть на кучѣ золота.

Другой поэтъ рисуетъ сильную по выразительности картину, какъ больной старикъ, изнывая отъ безконечнаго безобразія больничныхъ стѣнъ съ ихъ отвратительнымъ запахомъ, прицѣпляется къ окну, освѣщаемому чудными цвѣтами заката. «Такъ и я, полный отвращенія къ человѣку съ его жесткимъ сердцемъ, утопающему въ благополучіи, въ которомъ участвуютъ только его плотскіе аппетиты (опять картина матеріальнаго довольства, не примѣнимая къ «человѣку» вообще), такъ и я бѣгу и цѣпляюсь за всѣ окна, откуда можно повернуться спиной къ жизни, и въ ихъ стеклахъ, омытыхъ росою вѣчности, позолоченныхъ чистою зарею безпредѣльности, пусть этимъ окномъ будетъ искусство, будетъ мистицизмъ, счастливецъ, я вижу себя ангеломъ! (Вспомнимъ, что Ж. Зандъ говорила, что она не желаетъ смотрѣть на міръ черезъ мутныя стекла, въ которыхъ отражается только свой собственный носъ). Я умираю и возрождаюсь, украшенный своею мечтой, какъ діадемой, въ томъ небѣ минувшаго, гдѣ цвѣтетъ красота! Но, увы! Этотъ низменный міръ превозмогаетъ: онъ иногда навязчиво преслѣдуетъ меня и вызываетъ тошноту даже въ этомъ вѣрномъ убѣжищѣ, и мерзкая блевотина глупости заставляетъ меня затыкать носъ передъ небесною лазурью. Есть ли возможность разбить стекло, загрязненное чудовищемъ, и унестись на моихъ крыльяхъ безъ перьевъ, подъ рискомъ падать всю вѣчность?» (Mallarmé: «Les fenêtres»).

Въ сравненіи съ этимъ самовозвеличеніемъ довольно скромнымъ кажется извѣстный сонетъ Боделера, гдѣ онъ сравниваетъ поэта съ альбатросомъ: «Поэтъ подобенъ царю облаковъ, который любитъ бурю и смѣется надъ стрѣлкомъ; когда же онъ заблудится на землѣ среди насмѣшекъ и издѣвательствъ, его гиганскія крылья мѣшаютъ ему ходить».

Откуда же эти писатели почерпаютъ свои наблюденія надъ человѣчествомъ? Гдѣ они сталкиваются съ «жизнью», отъ которой они такъ старательно ограждаются? Они сами даютъ намъ матеріалъ для сужденія объ этомъ: «Наивный поэтъ, который размышляетъ, прежде чѣмъ писать, удивляется, какія вещи вызываютъ въ наше время смѣхъ. Въ театрѣ иногда онъ оборачивается и, видя, какъ веселье зѣвакъ изъ-за плоскаго каламбура разливается отъ ложъ до партера (партеръ, т.-е по нашему мѣста за креслами, когда-то составлялъ демократическую часть во французскомъ театрѣ), онъ чувствуетъ себя вдругъ такимъ одинокимъ среди этихъ толстыхъ весельчаковъ съ сіяющими животами, онъ убѣгаетъ украдкой, если можетъ, не ожидая занавѣса» (Sully-Prudhomme: «Le peuple s'amuse»).

*

«Въ воскресеніе, въ салонъ въ перегонку устремляется пестрая толпа изумленныхъ буржуа, которые каждый годъ являются на ярмарку искусствъ безполезно услаждать свои незрячіе глаза. Чернь, темная создательница славы, проходитъ съ разинутымъ ртомъ и съ пустыми взорами передъ красотой, которая ее не трогаетъ, подобно стадамъ барановъ, блеющихъ на солнце» (Sully-Prudhomme: «Damnation»). Замѣтимъ, что авторъ этихъ рѣзкихъ тирадъ вообще очень скромный, добродушный и меланхоличный поэтъ, и только профанированіе искусства выводитъ его изъ себя.

Итакъ, отношенія художника къ обществу сводятся на отношенія производителя къ потребителю. Живописецъ пишетъ картину, вкладываетъ въ нее лучшую часть своей души, съ трудомъ добивается, чтобы ее приняли въ салонъ, а праздная нарядная толпа равнодушно проходитъ мимо и останавливается передъ какою-нибудь кровавой сценой или передъ голой, но напомаженною нимфой. «Стоитъ ли имѣть талантъ, когда «люди» увлекаются бездарностью?» думаетъ разочарованный художникъ. Писатель ставитъ драму, въ которой онъ старался дать рѣшеніе всѣмъ проклятымъ философскимъ и общественнымъ вопросамъ, публика скучаетъ и не идетъ въ театръ. Зато какой-нибудь глупый, но весьма декольтированный фарсъ собираетъ полную залу. Въ ложахъ дамы въ бальныхъ платьяхъ, въ креслахъ «дѣловые люди» во фракахъ, въ партерѣ чиновники, приказчики, студенты покатываются со смѣху при каждой неприличной выходкѣ развязной примадоны. «Вотъ чѣмъ забавляется самодержавный народъ!» рѣшаетъ неудавшійся драматургъ и становится врагомъ всеобщаго избирательнаго права. Но при этомъ онъ чувствуетъ себя одинокимъ, и бороться съ тенденціей времени ему не подъ силу. Онъ только съ тоской и ужасомъ наблюдаетъ все разгорающуюся «зарю того дня, когда великій художникъ станетъ чѣмъ-то устарѣвшимъ, почти безполезнымъ» (Ренанъ).

Ненависть къ демократіи естественно влекла за собою отвращеніе къ политикѣ вообще. Старый режимъ былъ еще недостаточно забытъ, чтобы можно было искренно его идеализировать. Новый режимъ былъ основанъ на ненавистномъ принципѣ, яко бы противоположномъ интересамъ искусства. Отсюда выводъ: поэтъ, вообще художникъ при всѣхъ политическихъ формахъ подверженъ «непрерывному остракизму» (Альфредъ де-Виньи). Историческій опытъ Франціи въ XIX столѣтіи давалъ слишкомъ много основанія для политическаго пессимизма. Онъ особенно усилился послѣ кроваво-опереточной «республики адвокатовъ» 1848 года. Впервые весь народъ былъ призванъ взять въ свои руки свою судьбу. Печальное фіаско этого перваго опыта и слѣдовавшій за симъ темный періодъ плебисцитарной монархіи глубоко поразили всѣхъ мыслящихъ людей далеко за предѣлами Франціи. Настроеніе же лучшей части французскаго общества было похоже на па-

нику общественной мысли. Тогда сложился холодный скептицизмъ Тэна; тогда Ренанъ подмѣтилъ черты демократіи, которыя онъ послѣ соединилъ въ образѣ Калибана. Тогда литература отреклась отъ жизни: поэзія завернулась въ «парнасскую» тогу, а проза ограничила свой кругозоръ физіологіей человѣка-звѣря. Катастрофа 1870—71 года и новое пораженіе демократическаго принципа, приведшаго на дѣлѣ къ самой типичной плутократіи, еще увеличили растерянность общественной мысли. Поколѣніе, воспитанное подъ этими безрадостными впечатлѣніями, оказалось лишеннымъ всякихъ устоевъ. На смѣну Флоберамъ и Гонкурамъ пришли Бурже, Прево, Барресы. Они довели свой диллетантскій скептицизмъ до отрицанія науки и бросились одни въ мистицизмъ, другіе къ вѣрѣ въ спасительный авторитетъ католицизма, третьи наконецъ, въ поискахъ за сильнымъ чувствомъ, потрясаютъ тупымъ мечомъ націонализма, благо этотъ флагъ избавляетъ отъ всякой принципіальности. Ничто лучше не доказываетъ презрѣнія этихъ интеллигентовъ къ обществу, какъ блажь Мориса Барреса, позволившаго избрать себя депутатомъ въ парламентъ. Что онъ будетъ тамъ дѣлать, какую онъ окажетъ пользу своимъ избирателямъ, онъ не интересовался; ему хотѣлось только испытать эту не совсѣмъ обыденную сенсацію и потѣшиться въ глубинѣ души надъ довѣрчивыми избирателями. Они, впрочемъ, оказались не такими безнадежно глупыми, какъ онъ предполагалъ, и на ближайшихъ выборахъ возвратили ему независимость.

II.

Мы говорили до сихъ поръ о тѣхъ представителяхъ французской интеллигенціи, которые своими именами характеризуютъ эпохи. Какъ бы они ни будировали, какъ бы ни щелкали по носу публику, они своими талантами завоевали себѣ, одни раньше, другіе позже, почетное имя, распространеніе своихъ идей, а иногда и сбытъ своихъ произведеній. За этими единицами стоитъ густая толпа ихъ собратьевъ по профессіямъ, которые не достигли ни извѣстности, ни обезпеченнаго куска хлѣба. Въ большинствѣ случаевъ эти безымянные были и одарены въ меньшей степени, но далеко не всегда. Исторія французской литературы знаетъ романтиковъ изъ поколѣнія 30-хъ годовъ, которые погибли почти безвѣстными, между тѣмъ болѣе чѣмъ черезъ полвѣка ихъ талантъ былъ оцѣненъ весьма высоко, чуть не наравнѣ съ прославленными корифеями. Таковъ, напр., Геренъ и Луи Бертранъ (Gaspard de la Nuit). Нельзя себѣ также представлять, чтобы весь классъ людей умственной и духовной дѣятельности рѣзко раздѣлялся на двѣ части— одну, состоящую изъ нѣсколькихъ десятковъ лучезарныхъ талантовъ, другую — изъ сѣрой массы безличностей, неудачниковъ и ремесленниковъ. Пропасти между этими двумя категоріями нѣтъ. Геніевъ, которые бы стояли неизмѣримо выше всего остального, какъ Гёте, какъ

Шекспиръ и Байронъ, французское искусство XIX вѣка не можетъ указать. Всѣхъ остальныхъ, начиная отъ В. Гюго и Мюссе до послѣдняго газетнаго репортера, отъ Делакруа и Энгра до послѣдняго пачкуна, носящаго съ геніальнымъ видомъ свою широкополую шляпу и грязный ящикъ съ красками, можно было бы распредѣлить непрерывнымъ рядомъ по нисходящимъ степенямъ талантовъ. Общее число лицъ свободныхъ профессій, съ увеличеніемъ въ XIX вѣкѣ подвижности общественныхъ рамокъ, быстро возрастало. Уже въ 30-хъ годахъ кабачки Латинскаго квартала были полны аспирантовъ на всемірную славу. Длинноволосыхъ юношей въ эксцентричныхъ костюмахъ, которые демонстративно апплодировали драмамъ В. Гюго, переругиваясь съ бритыми и упитанными буржуа, была цѣлая армія.

Но жить театральными скандалами или грезами (de rêve), какъ любятъ выражаться французы, очень трудно. Весьма большой процентъ этихъ бунтующихъ титановъ мало-по-малу становились смиренными слугами вкусовъ той самой толстокожей буржуазіи, съ которою они стояли въ такомъ антагонизмѣ. Уже Боделеръ изображаетъ печальную долю продажной музы, которая составляетъ такой контрастъ съ гордыми романтическими представленіями о достоинствѣ художника. «Чтобы добыть себѣ хлѣбъ на каждый вечеръ, тебѣ, какъ мальчику-хористу, приходится махать кадиломъ и пѣть хвалебные гимны, которымъ ты не вѣришь, или, подобно голодному скомороху, выставлять на показъ свое тѣло и свой смѣхъ, облитый невидимыми слезами, чтобы у черни заиграла селезенка». («La muse vénale»). Эти-то податливые артисты запрудили Европу бульварными романами, они довели до виртуозности сенсаціонный репортажъ, они фабрикуютъ для Америки неизсякаемое количество плохихъ картинъ и рисунковъ, подписанныхъ прославленными именами, а у себя дома безконечное число разъ «вдохновляются» сюжетомъ Леды съ лебедемъ, Сусанны или Вирсавіи въ купальнѣ. Но только немногіе, и то обыкновенно самые бездарные, достигаютъ этимъ путемъ славы въ извѣстной средѣ и богатства. Большинство изъ нихъ находятся въ тискахъ подозрительныхъ издателей, спекулянтовъ и скупщиковъ, проводятъ жизнь въ нищетѣ и умираютъ нищими. Сколько изъ нихъ имѣли отъ природы недюжинное дарованіе, только не имѣли характера!

Что талантъ и даже извѣстность не гарантируютъ отъ борьбы съ нуждой, тому можно привести много примѣровъ. Жюль Дюпре (1811—1889), одинъ изъ прославленныхъ нынѣ родоначальниковъ французскаго пейзажа, котораго теперь можно видѣть въ Луврѣ, когда-то расписывалъ экраны для каминовъ по 15 франковъ штука. Тассаръ (Tassaert, 1800—1874), весьма цѣнимый теперь коллекціонерами колористъ, жилъ въ нищетѣ, спился и кончилъ самоубійствомъ на восьмомъ десяткѣ. Его движимость была продана за 38 франковъ. Дегасъ (род. въ 1834), который теперь продаетъ свои маленькія картинки по нѣс-

кольку десятковъ тысячъ франковъ, долгое время не могъ добиться, чтобы его приняли въ салонъ,—теперь онъ въ отместку самъ никогда не посылаетъ туда картинъ,—а скупщики такъ его эксплуатировали, что платили ему 35 франковъ за картину, которую въ тотъ же день перепродавали за 3000 фр. Но самый яркій примѣръ жестокой судьбы интеллигентнаго пролетарія представляетъ Милле (1814—1875), одинъ изъ крупнѣйшихъ художниковъ XIX вѣка. Теперь его «Angelus» за баснословную цѣну въ 550 тысячъ франковъ откупленъ государствомъ изъ Америки. Картинъ его въ продажѣ нельзя найти, но рисунки его такъ цѣнятся коллекціонерами, что поддѣлкой ихъ живетъ не одинъ горемычный мазилка. Самъ онъ продавалъ ихъ отъ 1 до 5 фр., а когда получалъ 10, то считалъ себя счастливымъ. Этотъ бретонскій крестьянинъ, человѣкъ чистѣйшей жизни, поэтъ крестьянскаго труда, долгое время долженъ былъ писать на продажу голыхъ женщинъ, такъ какъ другіе сюжеты не продавались, а между тѣмъ надо было накормить шесть человѣкъ дѣтей (позднѣе ихъ стало девять). Одинъ пріятель засталъ однажды моментъ, когда онъ и жена два дня ничего не ѣли; дѣти еще не были голодны, но на завтра уже не оставалось ничего. Отчего Золя не выбралъ этотъ человѣческій документъ для своего «Плодородія»? И при этихъ условіяхъ у Милле хватило духа по соглашенію съ женой разъ на всегда прекратить писать наготу, чтобы отдаться тѣмъ сюжетамъ, которые его влекли. Не выдержавъ парижской жизни, онъ бѣжалъ въ деревню, въ знаменитый въ лѣтописяхъ французской живописи Барбизонъ, гдѣ и провелъ всю жизнь въ простой крестьянской обстановкѣ, работая не покладая рукъ. Нѣкоторые изъ посѣщавшихъ его тамъ парижанъ, впослѣдствіи изображали эту жизнь райской идилліей *), но изъ подлинныхъ писемъ художника видно, какимъ потомъ и кровью облита была эта идиллія. Уже имя Милле стало произноситься съ уваженіемъ, уже находились иногда покупатели крупныхъ картинъ, уже у него были вѣрные поклонники и цѣнители, а демократическая публицистика находила въ его картинахъ соціалистическія идеи, чему онъ искренно дивился; между тѣмъ, самая крутая нужда не выпускаетъ его изъ тисковъ. Онъ не перестаетъ просить друзей раздобыть ему взаймы 100 франковъ или «сколько можно», деревенскій мясникъ не разъ прекращаетъ отпускать ему товаръ до уплаты стараго счета, не разъ по требованію этого грубаго кредитора судебный приставъ описываетъ кровати, посуду и картины несчастнаго художника, и Милле имѣлъ полное основаніе говорить, что «въ искусство нужно вкладывать свою шкуру».

Положеніе интеллигентнаго работника не улучшилось къ концу вѣка. Напротивъ, предложеніе художественнаго и умственнаго труда

*) *Alexander Piedagnel.* «J.-F. Millet, souvenirs de Barbizon». P. 1876.

все болѣе обгоняетъ спросъ. Однихъ живописцевъ во Франціи насчитывается болѣе 22.000. Въ двухъ главныхъ парижскихъ весеннихъ салонахъ ежегодно выставляется по нѣсколько тысячъ номеровъ, т. е. въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ третьяковской галереѣ (около 1500 произведеній). Кто-то высчитывалъ, что, если положить всѣ эти исписанные холсты рядомъ, то можно доѣхать куда-то очень далеко. Если принять среднюю цѣну выставленныхъ произведеній въ 300 франковъ (на самомъ дѣлѣ она вѣроятно гораздо выше), то окажется, что только на этихъ двухъ «ярмаркахъ искусства», какъ говоритъ Сюлли Прюдомъ, нужно было бы затратить около 2 милліоновъ франковъ, чтобы покрыть предложеніе. Но въ салоны принимается только одна пятая посылаемыхъ туда произведеній; въ свою очередь художники посылаютъ на выставки конечно далеко не все, что они наработаютъ за годъ. Кромѣ салоновъ есть еще масса выставокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя въ количественномъ отношеніи мало имъ уступаютъ. Наконецъ, многіе художники совсѣмъ не выставляютъ своихъ произведеній, а продаютъ ихъ изъ мастерской. Если принять все это во вниманіе, то станетъ очевиднымъ, что страна только въ весьма незначительной степени можетъ потребить производимую артистами работу.

То, что сказано о пластическихъ искусствахъ, справедливо конечно относительно всѣхъ формъ интеллектуальнаго труда. Правда, въ области литературы, благодаря дробленію цѣнъ при помощи печатнаго станка, кругъ потребителей несравненно шире, тѣмъ не менѣе положеніе писателя, живущаго литературнымъ заработкомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ справедливо или нѣтъ прославленныхъ авторовъ, которыхъ можно перечесть по пальцамъ, едва ли выше положенія порядочнаго фабричнаго рабочаго. Недавно извѣстный философъ А. Фулье, полемизируя съ однимъ молодымъ талантливымъ публицистомъ (Marius Arg Leblond), о которомъ намъ придется упоминать ниже, высказалъ банальный тезисъ, что несправедливо было бы, да и невозможно оцѣнивать произведеніе артиста, мыслителя и т. п. по количеству затраченнаго на него труда, какъ произведеніе простого рабочаго. На это оппонентъ очень резонно отвѣтилъ, что внѣ вопроса о справедливости и несправедливости (по его мнѣнію, только при этомъ условіи артистъ можетъ быть дѣйствительно независимъ) настоящіе художники, все равно какой профессіи, и теперь не зарабатываютъ больше *). Можно было бы сказать гораздо больше, что для весьма многихъ, въ томъ числѣ и несомнѣнно талантливыхъ работниковъ интеллигентныхъ профессій, и такой масштабъ вознагражденія является недостижимымъ благополучіемъ.

Года четыре тому назадъ появилась очень интересно составленная коллективная работа нѣсколькихъ молодыхъ писателей объ интелли-

*) „Rev. Soc.“ 1902, avril.

гентномъ пролетаріатѣ во Франціи *). Впрочемъ, наименованіе «пролетарій» употребляется въ этой книгѣ въ ограниченномъ смыслѣ: здѣсь имѣются въ виду только тѣ, «которые, живя исключительно своею заработною платой, не могутъ прожить ею». Это уже собственно неудачники, которымъ грозитъ нищенство. Тѣмъ не менѣе справедливо, что «въ настоящее время во Франціи, какъ и въ Германіи, нѣтъ такой степени образованія, какъ бы она высока ни была, которая бы гарантировала отъ нищеты или, по крайней мѣрѣ, отъ стѣсненнаго матеріальнаго положенія, иногда болѣе мучительнаго, чѣмъ нищета». Люди, не имѣющіе средствъ, могутъ быть трудолюбивы, вести правильный образъ жизни, накопить значительныя познанія, и все-таки вмѣсто того, чтобы занять то мѣсто въ общественныхъ рамкахъ, на которое они считаютъ себя въ правѣ претендовать, сообразно своему высшему образованію, остаются кандидатами на голодъ. Многочисленными фактами и цыфрами, приводимыми въ книгѣ, выясняется, что въ матеріальномъ отношеніи всѣ интеллигентныя профессіи болѣе или менѣе въ одинаковомъ положеніи: врачи, адвокаты, политики, журналисты, поэты, художники, музыканты, если они не имѣютъ другихъ рессурсовъ, кромѣ своихъ двухъ рукъ и талантовъ, имѣютъ громадные шансы остаться за флагомъ конкуренціи. Общество, при томъ складѣ, въ какомъ оно живетъ въ настоящее время, съ расточительною роскошью вознаграждаетъ нѣсколько сотенъ своихъ случайныхъ любимцевъ, эти уже утрачиваютъ въ большинствѣ случаевъ матеріальную и нравственную связь со своими собратьями и вступаютъ въ ряды привиллегированныхъ классовъ, затѣмъ извѣстной категоріи доставляетъ съ грѣхомъ пополамъ необходимый для существованія заработокъ, гораздо бо́льшую массу держитъ впроголодь, а остальныхъ безъ церемоніи выбрасываетъ на улицу. «Сколькіе изъ насъ,—говорится въ манифестѣ одной группы прогрессивно настроенныхъ студентовъ,—сколькіе изъ насъ, врачи, учителя, адвокаты, чиновники, фармацевты, химики, инженеры, архитекторы, живописцы, скульпторы и т. д., испытываютъ, вмѣстѣ съ неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, обезчещивающее закрѣпощеніе и унизительное рабство!» Такимъ образомъ, если мы, сообразно нашей задачѣ, преимущественно занимаемся артистами и писателями, то всѣ соображенія общаго характера въ одинаковой мѣрѣ должны быть примѣнимы ко всѣмъ интеллигентнымъ профессіямъ.

Литераторъ, журналистъ съ нѣкоторою извѣстностью можетъ заработать въ Парижѣ 3.000—5.000 франковъ. Музыкантъ, художникъ «полузнаменитый» 2.500—5.000. Сюлли-Прюдомъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ поэтовъ, никогда не зарабатывалъ своими стихами болѣе

*) «Les prolétaires intellectuels en France» par Henry Bérenger, Paul Pottier, Pierre Marcel, P. Gabillard, M. A. Leblond. Paris (безъ даты).

3.000 фр. въ годъ. Цезарь Франкъ, одинъ изъ музыкальныхъ знаменитостей въ Парижѣ, никогда не достигалъ и этой цыфры. Въ обществѣ «Association des journalistes républicains» треть членовъ (134 изъ 372) не имѣетъ занятій; въ другомъ обществѣ—«Парижскихъ журналистовъ» болѣе четверти членовъ (96 изъ 296) не имѣютъ куска хлѣба. Въ области изобразительныхъ искуствъ дѣло обстоитъ еще печальнѣе. Бѣда начинается еще въ школѣ. Въ то время, какъ студенты Сорбонны и различныхъ высшихъ техническихъ заведеній, по большей части дѣти обезпеченныхъ семей, составляютъ аристократію Латинскаго квартала, будущіе художники преимущественно бѣдняки, понадѣявшіеся на свое призваніе. Это легко замѣтить и на глазъ. Студенты одѣваются, какъ свѣтскіе люди, носятъ цилиндръ, перчатки и пальто и обѣдаютъ въ приличныхъ ресторанахъ; художники носятъ плисовыя куртки и таковыя же широкіе штаны, мягкую шляпу и короткій плащъ, въ родѣ пелерины, въ какой бы ни было морозъ, а ѣдятъ въ кабачкахъ по 1 фр. 15 сант. за обѣдъ или варятъ у себя въ мастерской постный супъ за все, про все. Архитектора еще могутъ кое-что заработать и въ школѣ, нанимаясь на строительныя работы или чертя архитектурныя детали. Вообще архитектора по своей спеціальности ближе къ инженерамъ, нежели къ художникамъ. Живописцы и скульпторы почти не имѣютъ заработковъ: первые иногда не брезгуютъ писать вывѣски. Художественно-промышленное образованіе мало развито, по крайней мѣрѣ до весьма недавняго времени оно было въ самомъ жалкомъ видѣ. Академіи и частные профессора внушаютъ своимъ ученикамъ, что только чистое искусство, le grand art, достойно художника. Каждый «готовится стать Рафаэлемъ и пренебрегаетъ стать Челлини». Но вотъ школа осталась позади. Если молодой художникъ не получилъ «римской преміи», обезпечивающей ему казенные заказы, если онъ не подчинялся безлично рутинной указкѣ профессора, который можетъ привлечь къ нему вниманіе меценатовъ или министра, если онъ не рѣшается пуститься въ откровенную порнографію или не умѣетъ пустить публикѣ пыль въ глаза, то ему предстоитъ весьма тяжелый періодъ борьбы. Если онъ обладаетъ исключительнымъ талантомъ, если онъ Эдуардъ Мане, Дегасъ, если онъ даже Пювисъ де-Шаваннъ, Родэнъ, тѣмъ хуже для него: двадцать, тридцать лѣтъ его будутъ ненавидѣть всѣ признанные авторитеты, бездарные, но фразистые фельетонисты будутъ изощрять на немъ свое остроуміе, а публика искренно смѣяться передъ его произведеніями, пока, наконецъ, слѣпая богиня не пошлетъ ему американскаго милліонера или пока какой-нибудь спекулянтъ не «откроетъ» въ немъ великаго таланта и не устроитъ вокругъ его имени рекламы. Но если онъ хочетъ выгоднѣе всего пристроить свои картины или статуи, ему нужно умереть въ нищетѣ и одиночествѣ. Чтобы покрыть похоронные расходы, полиція назначитъ аукціонъ его произведеній, за неимѣніемъ другой движимости. На такіе аукціоны,

какъ вороны на падаль, слетаются коллекціонеры и скупщики. Поспѣвшіе первыми за безцѣнокъ скупятъ все, что такъ безнадежно загромождало унылую мастерскую, черезъ нѣсколько дней въ десяти газетахъ появятся воодушевленные статьи о новоявленномъ геніѣ съ желчными выходками противъ черствости и безвкусія современниковъ, не умѣющихъ цѣнить своихъ великихъ людей, черезъ мѣсяцъ будетъ устроена спеціальная выставка посмертныхъ произведеній покойнаго, нарядно одѣтая публика будетъ съ благоговѣніемъ восторгаться тѣми самыми вещами, надъ которыми она такъ весело смѣялась прежде; государство пріобрѣтетъ нѣсколько вещей для Люксембургскаго музея, а остальное расхватаютъ меценаты по баснословнымъ цѣнамъ.

Такихъ, конечно, немного. Масса состоитъ изъ среднихъ дарованій, которымъ не предстоитъ посмертная слава, но которыя, тѣмъ не менѣе могли бы служить для многихъ источникомъ эстетическихъ радостей, если бы они имѣли возможность спокойно работать безъ страха за завтрашній обѣдъ. Менѣе выдающемуся художнику, который не шокируетъ своеобразнымъ пониманіемъ природы, легче попасть въ салонъ—мечта всѣхъ молодыхъ артистовъ. Но что толку? Скромная по размѣрамъ картинка (большую не примутъ), подписанная невѣдомымъ именемъ, потонетъ въ морѣ окружающихъ полотенъ. Повѣсятъ ее гдѣ-нибудь подъ потолкомъ или за дверью, критика не обмолвится о ней даже мимолетнымъ порицаніемъ, большинство зрителей ее, навѣрное, даже не увидитъ, о покупателяхъ и говорить нечего: «любитель», являющійся на выставку съ намѣреніемъ истратить нѣсколько тысячъ на «пополненіе коллекціи», стремится купить громкое имя. Бугеро или Каролюсъ Дюранъ могутъ выставить пятидесятое повтореніе своихъ безсмысленныхъ мотивовъ, и всегда найдется банкиръ, достаточно лишенный вкуса, который найдетъ ихъ восхитительными. Салонъ закрывается, затаенныя мечты о славѣ или, по крайней мѣрѣ, о солидномъ кушѣ денегъ (de la galette, какъ называютъ въ Парижѣ презрѣнный металлъ) разбиты, и тутъ во всей силѣ становится вопросъ, какъ существовать? Если не поможетъ случай, женитьба, протекція, богатый пріятель, въ перспективѣ рисуется голодъ.

Пьеръ Марсель, авторъ статьи объ артистическомъ пролетаріатѣ въ упомянутой выше книгѣ, подробно разсказываетъ, какъ низко падаетъ художественная дѣятельность подобныхъ горемыкъ. Въ Парижѣ есть извѣстное въ артистическомъ мірѣ посредническое агентство, hôtel Drouot, гдѣ время отъ времени происходятъ аукціоны произведеній различныхъ знаменитостей всѣхъ эпохъ и школъ. Рѣдко какая крупная сдѣлка, особенно въ продажѣ старыхъ мастеровъ, минуетъ эту художественную биржу. Тутъ же есть зала, гдѣ выставленъ для продажи съ вольной цѣны всякій хламъ. Цѣны начинаются отъ 5, 10, 20 франковъ, смотря по размѣрамъ картины, независимо отъ ихъ качества. За такія картины художникъ получаетъ отъ посредника

$2^1/_2$—3 фр., изъ которыхъ, по вычисленію автора, за вычетомъ расходовъ производства, художнику очищается за самую работу не болѣе 1 фр. Такихъ картинъ нельзя сдѣлать болѣе четырехъ въ сутки, и то надо работать сразу по два полотна, чтобы не мыть кистей, т.-е. чтобы краска и время не пропадало. И къ этому заработку прибѣгаютъ не одни подвальные живописцы, тутъ можно встрѣтить художниковъ, выставляющихъ въ салонѣ, имѣющихъ почтенную репутацію. Разумѣется, картины, посылаемыя въ hôtel Drouot, художникъ не подписываетъ своимъ именемъ, но ставитъ псевдонимъ, такъ какъ и тамъ покупатель любитъ получить подписанное полотно, и тамъ нѣкоторыя подписи пріобрѣтаютъ популярность. Легко понять, какъ такой характеръ работы отражается на самоуваженіи художника, не говоря уже о гибели техники. Но этотъ способъ заработка еще не послѣдняя степень паденія для художника. Есть такіе, которые работаютъ у торговцевъ, реставрируютъ, а при нуждѣ и поддѣлываютъ,—для этого тоже еще нужна извѣстная доля искусства. Наконецъ, есть «художники», когда-то начинавшіе съ гордыми надеждами, дошедшіе до рисованія «моментальныхъ» портретовъ въ ресторанахъ, на ярмаркахъ, просто на улицѣ. Ниже этого уже остается нищенство или преступленія.

Въ сферѣ поэтическихъ и музыкальныхъ талантовъ оригинальный рынокъ сбыта представляютъ такъ называемые cabarets artistiques. Эти увеселительныя заведенія въ значительной степени вытѣснили собой прежніе cafés chantants, перекочевавшіе изъ Парижа во всѣ большіе и малые «центры» культурной Европы. Здѣсь уже нѣтъ знаменитыхъ французскихъ шансонетокъ, нѣтъ декольтированныхъ «звѣздъ», восхищающихъ публику нелѣпымъ задираніемъ ногъ, даже куплеты на злобы дня отступили далеко на второй планъ. Ихъ исполняютъ въ началѣ вечера, чтобы заполнить время, пока соберется публика. Но вотъ собралось человѣкъ 20—30, а въ воскресеніе человѣкъ 50 и больше, тогда начинается артистическая часть программы. Режиссеръ объявляетъ, что «notre gracieuse camarade m-lle N. доставитъ намъ удовольствіе исполненіемъ своихъ прелестныхъ пѣсенъ». Аннонсированная пѣвица не имѣетъ ничего общаго съ оголенными, раскрашенными, гримасничающими «пѣвичками» нашихъ загородныхъ ресторановъ. Въ темномъ домашнемъ платьѣ, въ не особенно даже свѣжихъ перчаткахъ, она безъ жеманства подходитъ къ роялю, какъ гостья въ семейномъ домѣ. Ей лѣтъ 35—40, и она вовсе не скрываетъ этого. У нея не первоклассный, но хорошій голосъ и солидная школа. Болѣе счастливыя подруги ея по консерваторіи поютъ въ оперѣ или даютъ въ провинціи уроки пѣнія. Ей не повезло, у нея не было покровителя, не хватало терпѣнія дожидаться и энергіи интриговать. Это, несомнѣнно выброшенный за бортъ нормальной жизни пролетарій, но она не утратила человѣческаго достоинства, не пустилась во всѣ тяжкія, она не спекулируетъ на дурные инстинкты толпы. Ея репертуаръ мелодическіе,

изящные романсы лирическаго или драматическаго содержанія, какихъ масса во французской музыкѣ. Этотъ жанръ создала извѣстная Иветтъ Гильберъ и сдѣлала на немъ карьеру, тогда какъ ея продолжательницы, которыхъ масса, съ трудомъ зарабатываютъ себѣ жалкій кусокъ хлѣба.

Вслѣдъ за пѣвицей возвѣщается, что публика будетъ имѣть удовольствіе услышать поэта (имя рекъ) въ его произведеніяхъ. Выступаетъ молодой человѣкъ въ рыжемъ пиджакѣ; съ рѣшительнымъ видомъ заложивъ обѣ руки въ карманы, онъ съ трудомъ скрываетъ свою застѣнчивость. У него прекрасный въ техническомъ отношеніи, выразительный стихъ (французскіе поэты вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ не пишутъ плохихъ стиховъ). По содержанію его стихотворенія напоминаютъ «Chansons des gueux» Ришпена и «Chansons de la rue» Аристида Брюана: это жаргонъ парижскаго жулика, который въ монологической формѣ излагаетъ свои соціальные взгляды. Этому Аристиду Брюану пришла геніальная мысль: онъ придалъ своему кабачку видъ воровского притона, и когда входилъ гость, мирный буржуа, его встрѣчали неистовымъ кошачьимъ концертомъ и площадною руганью, когда же новоприбывшій усаживался за свою кружку пива, то хозяинъ, изображавшій предводителя всей шайки, распѣвалъ свои пѣсни, гдѣ «порядочные господа» опять трактовались въ такомъ анархическомъ стилѣ, какой создали только парижскіе бродяги и карманщики. Этотъ жанръ имѣлъ такой успѣхъ и именно среди буржуазной публики, что изобрѣтатель его могъ подъ старость купить себѣ замокъ и живетъ въ немъ на полномъ покоѣ. Теперь его мѣсто занялъ другой кабачокъ «Bruant Alexandre», въ который, говорятъ, заглядываютъ нерѣдко пріѣзжіе принцы и даже коронованные особы. Встрѣчаютъ всѣхъ одинаково любезно... Но, кромѣ прямого подражанія, самое содержаніе пѣсенъ Ар. Брюана создало цѣлую поэтическую школу, которая далеко не лишена литературнаго интереса. Къ ней, очевидно, принадлежалъ и тотъ молодой поэтъ, о которомъ шла рѣчь выше. За первымъ стихотвореніемъ слѣдовало другое на нормандскомъ деревенскомъ нарѣчіи; въ живыхъ образахъ, съ ѣдкою ироніей изображалась судьба деревенской простушки, соблазненной какимъ-то щеголемъ. Отъ насмѣшекъ и преслѣдованій лицемѣрныхъ сосѣдей она бѣжала въ Парижъ, здѣсь потеряла всякій стыдъ и совѣсть, сдѣлалась кокоткой, обобрала нѣсколькихъ старичковъ и вернулась въ родныя мѣста богатою помѣщицей, которая своею благотворительностью и набожностью снискала уваженіе всей округи; когда она умерла, ея гробъ несли деревенскія дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, и кюре сказалъ прочувствованное слово. Третьимъ номеромъ (всѣ артисты «кабачковъ» исполняютъ по три номера) юный поэтъ объявилъ стихотвореніе «Безсонная ночь» и прибавилъ «въ первый разъ». Публика насторожилась. Это была лирика чистѣйшей воды. «Завтра (мы передаемъ содержаніе на память, и за точность не ру-

чаемся), завтра мнѣ придется потѣшать равнодушную толпу тою пѣсней, которую сегодня съ болью рождаетъ моя душа. Завтра, какъ продажная женщина свое тѣло, я понесу на рынокъ свое вдохновеніе,— быть можетъ, его осмѣютъ, быть можетъ, наградятъ апплодисментами. Пусть! Среди свистковъ или рукоплесканій оно останется незапятнаннымъ; люди не могутъ изнасиловать мою душу, какъ нечистыя испаренія земли не могутъ запачкать луннаго свѣта, какъ дерзкіе шквалы не могутъ проникнуть въ тайную глубь океана...» Это былъ явный бунтъ крѣпостного противъ гнета рабовладѣльцевъ, безсильная злоба звѣря, посаженнаго въ желѣзную клѣтку. Слушатели, въ спокойной увѣренности, что клѣтка крѣпка, что власть ихъ надъ артистомъ отъ его бутады не поколеблется, воодушевленно апплодировали неожиданному номеру. Бисировать его авторъ, впрочемъ, не захотѣлъ.

Послѣднимъ явился, запыхавшись, торопливыми мелкими шажками толстенькій человѣчекъ съ развѣвающимися сѣдыми волосами, маленькой эспаньолкой, краснымъ носомъ и добродушно насмѣшливыми глазками. На ходу онъ извинился, что опоздалъ (онъ опаздывалъ каждый день), что его задержали въ другомъ мѣстѣ. Это былъ любимецъ публики пѣвецъ-композиторъ, который ухитрялся за одинъ вечеръ выступать въ нѣсколькихъ кабачкахъ. Голосъ у него былъ довольно сиплый, но онъ умѣлъ съ большою экспрессіей декламировать свои романсы. Въ музыкальномъ отношеніи они не представляли ничего особенно выдающагося, но нѣкоторые изъ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, были не хуже Гуно и Массене. При этомъ тексты всегда были очень удачно выбраны изъ новѣйшихъ поэтовъ. Ему между прочимъ принадлежитъ музыка къ извѣстнымъ «Chansons rouges» Мориса Буке, одного изъ немногихъ французскихъ поэтовъ, которые умѣли извлечь прекрасные лирическіе мотивы изъ соціальныхъ темъ.

III.

Выходя изъ такого «артистическаго кабачка», испытываешь впечатлѣніе, точно всѣ эти элементы какого ни на есть искусства выброшены не на улицу, гдѣ бы они могли не пропасть безъ всякой пользы,—а въ помойную яму. Неужели общество такъ насыщено красотой, что можетъ расточать его по трактирамъ, въ Hôtel Drouot и въ тому подобныхъ свальныхъ мѣстахъ? Неужели и въ области искусства можетъ существовать перепроизводство? Это печальное слово, изобрѣтенное XIX столѣтіемъ, дѣйствительно, повидимому, также примѣнимо къ созданію духовныхъ благъ, какъ и къ производству матеріальныхъ цѣнностей. Какъ бы это ни возмущало тѣхъ, кто видитъ въ искусствѣ огонь, сошедшій съ неба, духъ, который вѣетъ, гдѣ захочетъ (spiritus flat ubi vult), оно производится руками человѣческими и раздѣляетъ судьбу всего, что происходитъ на этой бренной землѣ.

Primo vivere, deinde philosophari. Художникъ, великій какъ и малый, не перестаетъ быть человѣкомъ со всѣми его слабостями и потребностями. Совсѣмъ не касаясь здѣсь труднаго психологическаго вопроса, можетъ ли художникъ говорить безъ мысли о воспринимающемъ субъектѣ, можно вполнѣ утвердительно сказать, что онъ не въ состояніи говорить, если матеріальный результатъ его творчества (книга, картина, статуя и т. п.) не находитъ потребителя. Такимъ образомъ, какъ это первый, кажется, утверждалъ Прудонъ *), искусство имѣетъ матеріальныя условія существованія, которыя ставятъ его въ рядъ съ другими производствами и оправдываютъ распространеніе на него законовъ экономики.

Но если производитель извѣстнаго продукта разоряется, не находя на рынкѣ сбыта, значитъ ли это, что въ обществѣ не ощущается потребности въ этомъ продуктѣ? Изъ того, что зерновой хлѣбъ падаетъ въ цѣнѣ, вовсе не значитъ, что на всемъ земномъ шарѣ люди сыты по горло. Напротивъ, милліоны людей истощаются и дегенерируютъ отъ недоѣданія. Существуетъ ли и въ этомъ отношеніи аналогія между промышленностью и интеллектуальною дѣятельностью? Иначе говоря, нуждается ли въ искусствѣ то громадное большинство людей, которое въ настоящее время его лишено? На этотъ вопросъ существуютъ самые разнообразные отвѣты. Одни говорятъ:

Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ.

Искусство существуетъ лишь для избранниковъ, отмѣченныхъ божественнымъ перстомъ. Они признаютъ, что это составляетъ условіе несчастья для художника, но гордятся этимъ роковымъ несчастіемъ, какъ жалованной свыше грамотой на духовное благородство. Другіе говорятъ, что для наслажденія искусствомъ нужно имѣть за собой цѣлый рядъ поколѣній, воспитанныхъ въ извѣстной степени культуры и комфорта или по крайней мѣрѣ съ дѣтства находиться въ соприкосновеніи съ красотой, чтобы усвоить себѣ потребность въ ея созерцаніи. Третьи признаютъ, что нѣкогда эстетическое чувство было присуще всѣмъ, даже низшимъ народнымъ слоямъ, въ средѣ которыхъ проявлялись даже творческія способности. Но современная матеріальная цивилизаціи, направляя всѣ человѣческія усилія на чисто практическія цѣли, убило какъ народное искусство, такъ и потребность въ красотѣ, и будущее грозитъ совершеннымъ атрофированіемъ вкуса къ изящному. Намъ нужно остановиться на этихъ мнѣніяхъ.

Итакъ, кто же такіе эти исключительно одаренныя натуры, которымъ однимъ принадлежитъ право имѣть сужденіе въ вопросахъ искусства? Это прежде всего, конечно, сами художники, которые всю свою

*) „Du Principe de l'Art ef de sa Destination Sociale». P. 1875.

жизнь посвящаютъ красотѣ и знаютъ по опыту, какія безчисленныя формы она можетъ принимать. Мы имѣли случай присутствовать на «конференціи» одного остроумнаго критика (Frantz Jourdain), который, между прочимъ, доказывалъ оригинальный тезисъ, что никто не питаетъ такой ненависти къ красотѣ, какъ художники. На первый взглядъ это кажется вывернутою на изнанку истиной, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этотъ парадоксъ кажется весьма пріемлемымъ. Художники соединяются въ общество, съ цѣлью способствовать развитію искусства, и для оцѣнки достоинствъ произведеній, поступающихъ на выставку, избираютъ изъ своей среды лицъ, конечно, наиболѣе компетентныхъ и преданныхъ искусству. И вотъ это учрежденіе, состоящее изъ однихъ художниковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе систематически и безжалостно изгоняетъ все, что впослѣдствіи признается славой и гордостью искусства: Делакруа, Дюпре, Бари (скульпторъ), Тройонъ, Теод. Руссо, Діазъ, Коро, Милле, Курбе, Пювисъ де-Шаваннъ, Эдуардъ Манэ, Клодъ Моне, Дегасъ, Роденъ, Рафаэлли и многіе, многіе другіе, которые составляютъ теперь украшеніе Лувра или Люксембургскаго музея, или совсѣмъ не могли попасть въ салонъ, или попадали туда лишь послѣ долгихъ лѣтъ остракизма, когда за нихъ высказывалось уже общественное мнѣніе. Уставъ бороться съ непріиманіемъ признанныхъ авторитетовъ, отвергаемые художники, въ свою очередь, составили общество и открыли свой салонъ. Казалось бы, на собственномъ опытѣ они могли воспитать въ себѣ уваженіе къ свободѣ исканія красоты, но за десять лѣтъ существованія этого новаго салона онъ такъ постарѣлъ и такъ недружелюбно сталъ относиться къ художественному прогрессу, что оказалось необходимымъ основать новое общество и новый салонъ «независимыхъ», гдѣ, во избѣжаніе ошибокъ, совсѣмъ нѣтъ жюри. Черезъ нѣсколько лѣтъ, быть можетъ, и тамъ вернутся къ практикѣ старшихъ обществъ. Но, скажутъ, тутъ виноватъ не недостатокъ пониманія красоты, а просто конкуренція. Тѣмъ хуже: это значитъ, что жрецы искусства больше любятъ деньги, чѣмъ искусство. Можно еще возразить, что общество, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, это все-таки толпа, хотя бы и толпа художниковъ. Большинство ихъ—и быть, можетъ, подавляющее большинство—составляютъ тѣ, для которыхъ искусство то же, что для чиновниковъ департаментъ, т. е. источникъ наживы, орденовъ, поприще корысти и тщеславія. Это тѣ артисты, которые «всѣхъ ничтожнѣй» «среди дѣтей ничтожныхъ міра», хотя они не хуже другихъ говорятъ о боговдохновенности художника, о тупости и утилитаризмѣ толпы. Итакъ занесемъ себѣ въ записную книжку: артисты въ массѣ обладаютъ тѣми низменными качествами, которыя каждый изъ нихъ приписываетъ толпѣ непосвященныхъ, и припомнимъ эту мысль, когда услышимъ о мечтахъ интеллигентовъ составить новый аристократическій классъ. Но если припомнить тѣхъ немногихъ Божіею милостью

артистовъ, которые своими руками создали исторію искусства, то и на этихъ вершинахъ мы найдемъ ту же пыль большихъ дорогъ. Оставимъ въ сторонѣ нравственныя свойства—зависть, тщеславіе, корыстолюбіе и т. п. И великіе художники только люди, и ничто человѣческое имъ не чуждо, часто, къ сожалѣнію, даже въ весьма значительной степени, но гораздо поразительнѣе та необыкновенная узость въ пониманіи искусства, которая у нихъ наблюдается почти у всѣхъ. Всякій прогрессъ въ искусствѣ, всякое расширеніе его области возмущаетъ ихъ, какъ нарушеніе ихъ самодержавія. Извѣстно, напр., какъ Энгръ, одинъ изъ значительнѣйшихъ мастеровъ французскаго искусства, глубоко негодовалъ на новшества Делакруа. И совершенно также, какъ этотъ классикъ съ фанатическою ненавистью относился къ романтизму, такъ романтики относились къ реализму, реалисты къ импрессіонизму и т. д. Нужно ли прибавлять, что эта черта присуща не однимъ живописцамъ и скульпторамъ, а въ равной мѣрѣ литераторамъ, музыкантамъ и пр. Можно даже принять за общее правило, что тѣ, которымъ искусство болѣе всего обязано въ своемъ развитіи, безпощаднѣе всѣхъ враждуютъ съ нимъ, когда оно ихъ перерастаетъ. Гдѣ же тѣ избранники, которые настолько любятъ искусство, чтобы не укорачивать его роста, которые способны чувствовать красоту *) всюду, гдѣ бы она ни проявлялась и какія бы формы ни принимала?

Посмотримъ теперь, много ли выигрываетъ искусство отъ покровительства такъ называемаго образованнаго общества. Несомнѣнно, что наше крайне усложнившееся искусство доступно только тѣмъ, кто владѣетъ цѣлымъ арсеналомъ предварительныхъ свѣдѣній, историческихъ, географическихъ, техническихъ. Художникъ не популяризаторъ, онъ изображаетъ интересующее его явленіе или состояніе, не соображаясь съ тѣмъ, какимъ умственнымъ багажомъ обладаетъ его читатель, зритель, слушатель. Не художникъ долженъ спускаться до ихъ горизонта, а они должны стараться подняться на ту высоту, съ которой онъ смотритъ на міръ. Но какія высоты доступны тѣмъ господамъ въ цилиндрахъ, которые мнятъ себя знатоками, потому что слѣдятъ за всѣми литературными новинками, рекламируемыми въ газетахъ, не пропускаютъ ни одной выставки, ни одного перваго представленія, такъ же какъ и скачекъ? Они впрочемъ, считаютъ себя непогрѣшимыми судьями. Одинъ такой образованный цѣнитель, французскій сенаторъ, при открытіи въ 1892 г. памятника Клоду Желе (Лоррену) работы Родена сказалъ: «Мы находимъ эту статую пло-

*) Во избѣжаніе неопредѣленности оговариваемся, что подъ словомъ „красота“ мы понимаемъ не какой-нибудь метафизическій абсолютъ, а больше всего склоняемся къ тому, какъ понималъ это слово Милле: „Красота заключается не столько въ тѣхъ предметахъ, которые изображаются, сколько въ потребности художника ихъ изобразить, и эта потребность создаетъ и степень силы ихъ изображенія“.

хою, а между тѣмъ, мы вѣдь не дураки». У этихъ цѣнителей путемъ многолѣтняго повторенія впечатлѣній создаются извѣстныя привычки въ области искусства, которыми они и мѣряютъ всякое новое впечатлѣніе. Всякое новое, оригинальное, глубокое явленіе, которое вызываетъ у знатоковъ-спеціалистовъ негодованіе, знатоковъ-любителей заставляетъ хохотать до упаду. Когда въ началѣ 50-хъ годовъ появились первыя геніальныя произведенія Пювисъ-де-Шаванна, отвергнутыя салономъ и выставленныя въ частной выставкѣ рядомъ съ Курбе, публика заливалась смѣхомъ передъ обоими: послѣдняго называли буйнымъ, а перваго тихимъ сумасшедшимъ. Одинъ изъ этихъ образованныхъ любителей, литераторъ Эдмонъ Абу еще въ 1883 г. писалъ о томъ же Пювисъ де-Шаваннѣ, величайшемъ изъ всѣхъ французскихъ художниковъ XIX вѣка: «Когда адъ надо будетъ вымостить заново, то это предпріятіе, конечно, поручатъ Пювисъ-де-Шаванну. Этотъ художникъ по преимуществу человѣкъ добрыхъ намѣреній и широкихъ замысловъ. Болѣе двадцати лѣтъ онъ обѣщаетъ себѣ и намъ создать шедевръ, который онъ никогда не исполнитъ, ибо онъ не умѣетъ ни писать, ни рисовать и гордо разгуливаетъ по всѣмъ угламъ въ царствѣ искусства со своимъ энциклопедическимъ невѣжествомъ. Недостатокъ первоначальнаго образованія, къ несчастью, неисправимъ; ни смѣлость, ни настойчивость, ни даже извѣстная возвышенность ума не помогутъ создать эпическую поэму въ двѣнадцати пѣсняхъ мечтателю, который не былъ въ начальной школѣ и не знаетъ не только просодіи, но даже самой низменной орѳографіи». Какой великолѣпный testimonium paupertatis для людей, которые чванятся знаніемъ орѳографіи и просодіи и думаютъ, что Гомеръ имѣлъ аттестатъ объ окончаніи начальной школы! Теперь за полвѣка глазъ подобныхъ знатоковъ привыкъ къ оригинальности Пювисъ-де-Шаванна, и всякій изъ нихъ дастъ голову на отсѣченіе, что у него классическій рисунокъ и геніальное письмо. За то тѣ же или такіе же знатоки еще не могутъ помириться съ рѣзкою оригинальностью Родена: его извѣстный «Бальзакъ», заказанный обществомъ литераторовъ («Société des gens de lettres»), былъ торжественно отвергнутъ заказчиками. За то всякая крикливая посредственность, которая съумѣетъ прикрыть внутреннюю банальность своихъ произведеній яркою внѣшностью, можетъ всегда разсчитывать на успѣхъ. Лучшій тому примѣръ популярность ничтожнаго Ростана. Артисты такого калибра по плечу той публикѣ, которая видитъ въ искусствѣ только пріятное развлеченіе, нарядную бездѣлушку, необходимую для хорошаго тона, а не источникъ счастія. Словомъ, именно эта публика знатоковъ и цѣнителей и внушила французскимъ артистамъ священный ужасъ передъ толпой и ненависть къ демократіи.

Гдѣ же художнику искать нравственной и матеріальной поддержки? Гдѣ найти среду, въ которой бы онъ чувствовалъ любовь и интересъ

къ своей дѣятельности, которая бы встрѣчала его произведенія безъ банальныхъ шаблоновъ и придирчивыхъ предразсудковъ, среду, въ которой бы онъ былъ не отшельникъ, не скоморохъ, не парія, а уважаемый членъ? Неужели въ этой грубой, сѣрой массѣ, которая имѣетъ лишь одну мечту—наѣсться досыта, а праздничныхъ эмоцій ищетъ въ кабакахъ и ярмарочныхъ балаганахъ? Самое предположеніе чего-нибудь подобнаго кажется дикимъ. Припомнимъ однако, что недалеко еще то время, когда столь же дикимъ казалось удѣлить этой сѣрой массѣ участіе въ общественной жизни. Самая крайняя либеральная оппозиція наканунѣ іюльской революціи не считала возможнымъ искать поддержку «въ другой націи, кромѣ той, которая читаетъ газеты, которую волнуютъ перламентскіе дебаты, которая располагаетъ капиталами, управляетъ промышленностью и владѣетъ землей». Это именно та «нація», которая теперь считаетъ эстетическій вкусъ своею монополіей. Только легкомысленный или недобросовѣстный политическій дѣятель могъ «спуститься до низшихъ слоевъ населенія, гдѣ уже нельзя встрѣтить общественнаго мнѣнія, гдѣ едва найдется хоть немного политическаго смысла, и гдѣ тысячами кишатъ добрыя, прямодушныя и простыя существа, которыхъ легко обмануть и привести въ ярость, которыя живутъ со дня на день и, борясь съ нуждой въ каждый моментъ своей жизни, не имѣютъ ни времени, ни необходимаго физическаго и нравственнаго покоя, чтобы подумать иногда о томъ, какимъ образомъ управляются государственныя дѣла» («Le National», 22-го іюля 1830 г.). И между тѣмъ, независимо отъ желанія или нежеланія либеральныхъ доктринеровъ, эти темные люди заставили считаться со своими взглядами въ области политики, и если не всѣ охотно дѣлятъ политическую власть съ тѣми, кому не принадлежитъ ни капиталъ, ни промышленность, ни земля, то уже никому во Франціи не приходитъ на умъ оспаривать ихъ право воздѣйствовать на управленіе страны.

Если политическій смыслъ развивается въ народныхъ массахъ только постепенно, въ силу необходимости взять въ свои руки защиту своихъ интересовъ, которые игнорировались обезпеченными классами, то стремленіе къ удовлетворенію эстетическаго чувства гораздо древнѣе. Ни археологія, ни этнографія не знаютъ такого первобытнаго состоянія людей, когда бы они не культивировали и не цѣнили искусства. Стремленіе къ художественному творчеству и къ наслажденію творчествомъ другихъ нужно признать однимъ изъ самыхъ коренныхъ свойствъ породы homo sapiens. Въ числѣ функцій человѣческаго организма есть такія, удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть прервано ни на одну минуту, дыханіе, кровообращеніе, химическая работа веществъ; другія, какъ питаніе и весь пищеварительный процессъ, могутъ отсутствовать болѣе или менѣе продолжительное время; есть и такія, какъ, напр., половыя функціи, которыя могутъ прерываться на неопредѣленное время и даже въ отдѣльныхъ индивидуумахъ совсѣмъ

атрофироваться, но зоологическій видъ неизмѣнно страдаетъ отъ подавленія какой-нибудь изъ физіологическихъ потребностей организма. Въ психической сферѣ человѣкъ такъ же не можетъ прекратить чувствовать или мыслить, но многіе другіе запросы человѣческаго духа гораздо растяжимѣе, къ этому числу относится и потребность эстетическихъ эмоцій. Она можетъ оставаться долгое время безъ удовлетворенія, можетъ даже казаться окончательно выродившеюся въ цѣлыхъ поколѣніяхъ и въ цѣлыхъ общественныхъ классахъ, но это не можетъ не отзываться вредно на психической расѣ, и общество не можетъ не стремиться къ возстановленію нормальной жизни своихъ органовъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ основанія безнадежно смотрѣть на отсутствіе эстетическаго вкуса въ широкихъ кругахъ нынѣшнихъ демократій и, главное, нельзя думать, что между художникомъ и народною массой искони вѣковъ существуетъ какая-то роковая непроходимая пропасть. Не надо забывать, что пропасть эта продуктъ сравнительно недавнихъ процессовъ, и что было время, когда артистъ и народъ прекрасно уживались и понимали другъ друга. Изъ того времени мы сохранили даже представленіе о національномъ искусствѣ,—представленіе, которое въ наше время стало анахронизмомъ, безсодержательною и лицемѣрною оффиціальною фикціей. Въ XIV и XV вѣкахъ каждая итальянская община гордилась своимъ городскимъ художникомъ. Когда заказная и давно ожидаемая картина или статуя была готова, весь городъ въ торжественной процессіи сопровождалъ ее на предназначенное ей мѣсто, и съ этого момента въ представленіи каждаго гражданина она неразрывно соединялась съ роднымъ городомъ, составляя его красу и святыню. Эстетическія эмоціи у зрителя не отдѣлялись отъ религіознаго благоговѣнія, также какъ самое творчество казалось художнику актомъ богопоклоненія. Такое тѣсное единеніе между творцомъ и публикой обусловливалось, конечно, единообразіемъ міросозерцанія и соціальною близостью всѣхъ членовъ общества. На сѣверѣ искусство имѣло тотъ же болѣе или менѣе всенародный характеръ. Всѣ слои городского населенія участвовали своею лептой въ возведеніи какого нибудь собора и въ теченіе цѣлыхъ поколѣній съ интересомъ слѣдили за ростомъ своего грандіознаго дѣтища, сравнивая и соревнуя съ сосѣдями. Въ прекрасномъ Германскомъ музеѣ въ Нюренбергѣ есть нѣсколько цѣликомъ сохраненныхъ комнатныхъ обстановокъ того времени. Надо видѣть, какъ жили баварскіе или тирольскіе крестьяне XV, XVI вѣковъ, чтобы понять, какую большую роль въ ихъ ежедневномъ обиходѣ играло искусство. Въ жилой комнатѣ, какъ и въ спальнѣ, нѣтъ ни одного предмета, который бы казался слишкомъ прозаическимъ для артистической обработки. Искусство не было рѣдкостью, которую ставятъ подъ стекло въ музеяхъ и въ домахъ богатыхъ меценатовъ; каждый хотѣлъ видѣть вокругъ себя красивыя

вещи и отчасти каждый самъ удовлетворялъ этой потребности. Въ такой средѣ великіе художники находили пониманіе и поддержку, и никому въ голову не приходило съ презрѣніемъ говорить о безвкусіи толпы.

Намъ, конечно, не зачѣмъ излагать общеизвѣстный процессъ, который не только лишилъ рабочую массу интеллектуальной культуры, но въ значительной степени атрофировалъ въ ней даже потребность въ духовныхъ радостяхъ. Тотъ же процессъ отдалъ всѣ умственныя силы общества во власть высшихъ классовъ, а это привело къ тому, что искусство сдѣлалось «господскимъ», по выраженію Л. Н. Толстого, т.-е по своему содержанію и формѣ приноровилось къ вкусамъ и интересамъ единственныхъ потребителей. Такимъ образомъ, если бы народная масса даже почувствовала вдругъ жажду эстетическихъ впечатлѣній, она бы весьма мало удовлетворилась произведеніями новыхъ художниковъ, особенно тѣми, которыя болѣе всего пользуются популярностью нынѣшняго общественнаго мнѣнія. Надо понаблюдать, на какихъ бездарныхъ холстахъ чаще всего останавливаются черепаховые лорнеты свѣтскихъ дамъ, какое ничтожество исторгаетъ больше всего ихъ возгласы восторга и самоувѣренно-глубокомысленныя замѣчанія «цѣнителей», къ какимъ никому ненужнымъ вещамъ приторговываются любители изъ банкировъ, чтобы понять, какіе запросы предъявляетъ къ искусству вкусъ теперешней «образованной» публики.

Мы, однако, не рѣшаемся, вмѣстѣ съ Толстымъ, дѣлить искусство на хорошее и дурное. Какимъ бы идеаламъ оно ни служило, если оно порождаетъ художественныя произведенія, оно сохраняетъ извѣстную цѣнность на всѣ времена. Намъ чужды католическіе идеалы Мурильо, а его Мадонны такъ же прекрасны теперь, какъ во времена Филиппа IV испанскаго; мы не имѣемъ ничего общаго съ міромъ французскихъ маркизовъ XVIII вѣка, но на картины Ватто смотримъ съ наслажденіемъ; мы переросли первобытныя народныя воззрѣнія на міръ, но народныя сказки, пѣсни и сказанія останутся вѣчно живою поэзіей, которая будетъ еще не разъ обновлять нашу литературу. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что если къ пользованію искусствомъ будутъ когда-нибудь призваны другіе слои народа, кромѣ буржуазіи, они не снесутъ въ подвалы, не сдадутъ въ макулатуру все искусство и всю литературу XIX вѣка.

Во всякомъ художественномъ произведеніи кромѣ чертъ преходящей современности, которыя могутъ интересовать въ будущемъ только изслѣдователей прошлаго, заключаются также не старѣющіе элементы. Эти элементы могутъ быть незамѣтны для современниковъ, и даже авторъ можетъ считать ихъ второстепенными, но потомство не справляется съ тѣмъ, что авторъ хотѣлъ, а очень часто цѣнитъ въ немъ какъ разъ то, чего онъ вовсе не хотѣлъ.

Итакъ, мы видѣли, что рознь между художникомъ и народными массами

нельзя приписывать свойствамъ толпы, какъ таковой, ибо и во времена Чимабуэ и Джіотто толпа была толпой, а розни этой не ощущалось. Не обусловливается она также слишкомъ возвышенными качествами новѣйшихъ геніевъ,—въ этомъ отношеніи, увы! исторія не знаетъ прогресса. Рознь произошла отъ исторически обусловленныхъ соціальныхъ причинъ, поставившихъ подавляющее большинство людей въ необходимость направить всѣ свои физическія и духовныя силы на борьбу за простое существованіе и сдѣлавшихъ наиболѣе одаренныхъ членовъ общества простыми зрителями общественнаго процесса. Чтобы эта рознь уничтожилась, если ей суждено уничтожиться, должно произойти движеніе съ обѣихъ сторонъ: съ одной стороны, нужно, чтобы интеллигенція сознала вредъ своего индифферентизма и изолированности, чтобы она поняла, что будущность ея, какъ производительницы всѣхъ духовныхъ цѣнностей, зависитъ отъ объединенія въ самостоятельный классъ, интересы котораго ни въ одномъ пунктѣ не противорѣчатъ интересамъ производителей матеріальныхъ цѣнностей, а во многихъ пунктахъ совпадаютъ съ ними, чтобы она захотѣла искать въ широкихъ демократическихъ кругахъ воспріимчивости къ продуктамъ ея дѣятельности и помогла бы имъ пріобрѣсти необходимую для этого степень образованія; съ другой стороны, нужно, чтобы въ демократіи возродилась потребность болѣе полной духовной жизни, чтобы она стремилась утилизировать въ своихъ интересахъ тѣ умственныя силы, которыя въ настоящее время находятся въ монопольномъ пользованіи высшихъ классовъ.

Вв. Дегенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОПЕЧАТКА:

Въ № 1, Январь, Въ статьѣ „Жизнь въ почвѣ“ (отд. I) вкрались слѣдующія опечатки: на стр. 3, строка 20-я снизу, вмѣсто: „Этимъ мы обязаны, главнымъ образомъ русскому ученому“, надо читать: „Этимъ мы обязаны русскому ученому“.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Проблемы идеализма“, сборникъ статей.—Исходный пунктъ современнаго стремленія къ идеализму.—Выступленіе на сцену новыхъ общественныхъ наслоеній и то новое, что они несутъ съ собой.—Статьи гг. Булгакова, Бердяева, Кистяковскаго, Франка и др.—Отличительная черта современнаго идеализма — его активность.

Въ самомъ концѣ прошлаго года появился сборникъ статей нравственно-философскаго и соціологическаго содержанія, подъ общимъ многознаменательнымъ заглавіемъ «Проблемы идеализма». На протяженіи послѣднихъ лѣтъ это уже не первая попытка такъ или иначе отмѣтить то новое стремленіе къ идеализму, которое несомнѣнно составляетъ очень и очень замѣтную черту въ настроеніи современнаго общества. Мы не будемъ говорить о блѣдной и бѣдной по содержанію книгѣ г. Волынскаго «Борьба за идеализмъ», въ которой было весьма мало идеализма и очень много заядлой борьбы съ разными противниками этого непризнаннаго борца за идеализмъ. Но не можемъ не указать на статью г. Бердяева «Борьба за идеализмъ», появившуюся на страницахъ нашего журнала года два тому назадъ и послужившую надолго предметомъ злыхъ нападокъ на автора и на журналъ со стороны какъ позитивистовъ, такъ и ортодоксальныхъ сторонниковъ марксизма. Не меньшую затѣмъ ярость вызвала небольшая статья г. П. Б. «Къ вопросу о морали», затрогивающая тѣ же вопросы главнымъ образомъ съ этической стороны. Въ сборникѣ мы встрѣчаемъ тѣ же имена и тѣ же вопросы, но постановка послѣднихъ и глубже, и шире. Объединенные общей умѣлой редакціей, вопросы и задачи идеализма въ сборникѣ представляютъ своего рода «идеалистическую платформу», въ которой дана какъ бы программа новаго направленія. Къ ней намъ придется, вѣроятно, возвращаться не одинъ разъ, а пока мы попытаемся познакомить читателей лишь съ нѣкоторыми изъ затронутыхъ въ сборникѣ идеями, потому что охватить все богатство содержанія сборника въ бѣглой журнальной замѣткѣ невозможно.

«Особенность этого новаго направленія,—говоритъ редакоръ сборника г. Новгородцевъ,—состоитъ въ томъ, что оно, являясь выраженіемъ нѣкоторой вѣчной потребности духа, въ то же самое время возникаетъ въ связи съ глубокимъ процессомъ жизни, съ общимъ стремленіемъ къ нравственному обновленію. Но всѣ формы жизни представляются теперь уже не простымъ требованіемъ цѣлесообразности, а категорическимъ велѣніемъ нравственности, которая ставитъ во

главу угла начало безусловнаго значенія личности». Въ этихъ словахъ вѣрно указана та исходная точка современнаго возрожденія идеализма, которая рѣзко отличаетъ идеалистическіе порывы нашихъ дней отъ прежняго туманно-расплывчатаго идеализма, бывшаго выраженіемъ неопредѣленнаго настроенія, весьма далекаго отъ текущей дѣйствительности. Мы думаемъ, что самая враждебность, съ которою у насъ раньше встрѣчался идеализмъ и отголоски которой и до сихъ поръ слышны въ спорахъ о немъ, основана на этой отчужденности прежняго идеализма отъ жизни и ея злободневности. Сторонники того идеализма и сами сильно повинны въ этомъ, такъ какъ они особенно подчеркивали свое отчужденіе отъ практики жизни и яростно нападали на все, что казалось имъ профанирующимъ вторженіемъ «улицы» въ чистые и свѣтлые чертоги идеализма, будь то въ области искусствъ, или этики, или философіи. Идеалистъ представлялся намъ стоящимъ въ сторонѣ отъ яростной борьбы текущаго дня, со взорами, вперенными въ надзвѣздную высь, и презрительнымъ равнодушіемъ къ житейской грязи, въ которой такъ много пролито самой чистой крови. И этого мы не могли ему простить. Но вотъ измѣнилось кореннымъ образомъ отношеніе тѣхъ силъ, которыя до сихъ поръ боролись на жизненной аренѣ. Если въ прежнемъ идеализмѣ было аристократическое отношеніе къ жизни и желаніе найти себѣ уютное убѣжище отъ ея невзгодъ, то современный стимулъ къ идеализму совершенно иной: страстное желаніе найти опору въ борьбѣ, которая требуетъ теперь уже иныхъ стимуловъ, чѣмъ раньше. Цѣль борьбы не измѣнилась, не измѣнилось и отношеніе къ ней, но измѣнилось нѣчто внутри силъ, борющихся во имя этой цѣли.

И теперь страданіе народа, благо человѣчества, борьба за права трудящихся массъ служатъ центромъ жизни и нисколько не утратили значенія для борцовъ. Но современный дѣятель иначе понимаетъ и борьбу за нихъ, и свое отношеніе къ ней. Онъ уже не можетъ дѣйствовать во имя ея, побуждаемый только однимъ стимуломъ—отдать долгъ народу. Прежде личность, втиснутая въ рамки долга народу, искажалась въ самомъ существѣ своемъ и гибла, не выполнивъ всего того, что въ возможности заключалось въ ней, отчего не менѣе страдалъ и самый долгъ народу. Современный дѣятель, вступая на тотъ же путь борьбы, влечется въ эту сторону, прежде всего, всеобъемлющимъ нравственнымъ сознаніемъ, что иначе онъ не можетъ жить, такъ какъ всѣ стороны его нравственной личности не могутъ быть удовлетворены, пока не будутъ осуществлены тѣ новыя высшія формы жизни, которыя сливаются съ его идеаломъ, подсказаны имъ и въ немъ находятъ свое оправданіе. Только при такомъ условіи его цѣльность, какъ законченной личности, получаетъ въ его глазахъ высшую цѣнность, во имя которой онъ вступаетъ въ борьбу.

Измѣнилось и еще нѣчто очень важное. По мѣрѣ выступленія на арену борьбы широкихъ слоевъ, по мѣрѣ того, какъ движеніе захватываетъ болѣе широкіе круги общества и народа, все больше начинаетъ ощущаться недостаточность сухихъ формулъ, сводящихъ все, такъ сказать, къ частичнымъ завоеваніямъ завтрашняго дня. Чувствуется потребность широкой перспективы, вѣры въ нѣчто выше и дальше лежащее, чѣмъ вопросы о заработной платѣ, о стра-

хованіи отъ болѣзни и старости и пр. Въ свое время марксизмъ порѣшилъ окончательно съ соціальнымъ утопизмомъ, и это было огромнымъ шагомъ впередъ, приведшимъ къ блестящимъ завоеваніямъ въ области практическихъ задачъ и создавшимъ огромное общественное движеніе, вліяніе котораго сказывается на всѣхъ областяхъ жизни. Но затѣмъ отсутствіе утопическаго элемента и практицизмъ, если можно такъ выразиться, начали подрывать самое движеніе, какъ бы потерявшее душу, и отсюда то возрожденіе идеализма, стремленіе къ высшимъ нравственнымъ задачамъ. «Рѣчь идетъ не о томъ,—какъ говоритъ г. Булгаковъ въ первой статьѣ сборника «Основныя проблемы теоріи прогресса», чтобы уступить или понизить хотя одно изъ практическихъ требованій современнаго соціальнаго движенія, а о томъ, чтобы возвратить ему нравственную силу и религіозный энтузіазмъ, поднять его на высоту нравственной задачи». Для новаго человѣка, поднимающагося на поверхность со «дна жизни» необходима твердая, какъ скала, вся «правда истина», которая «есть Богъ свободнаго человѣка». Стремленіе къ этому Богу и отличаетъ новыя поколѣнія, идущія изъ самыхъ глубинъ народной жизни, которымъ нужна вѣра, и они несутъ ее съ собой. Такимъ образомъ разочарованіе интеллигенціи въ позитивизмѣ и стремленіе къ идеализму идетъ навстрѣчу теченію изъ народной среды. Конечно, мы рѣшаемся теперь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ намѣчать это обоюдное стремленіе къ сліянію, которое пока лишь начинается и трудно предвидѣть, что оно дастъ въ будущемъ.

Сборникъ даетъ много очень цѣннаго, хотя и нѣсколько трудно усвояемаго матеріала для пониманія того идеалистическаго настроенія, которое все съ большей силой захватываетъ современнаго человѣка. Начинается сборникъ упомянутой статьей г. Булгакова, въ которой разбирается теорія прогресса и указывается необходимость существенной поправки позитивной теоріи прогресса. Авторъ исходитъ изъ положенія, что «человѣкъ не можетъ удовлетвориться одной точной наукой, какой думалъ ограничить его позитивизмъ; потребности метафизики и религіи неустранимы и никогда не устранялись изъ жизни человѣка. Точное знаніе, метафизика и религія должны находиться въ нѣкоторомъ гармоническомъ отношеніи между собою, установленіе такой гармоніи и составляетъ задачу философіи каждаго времени». Теорія прогресса позитивизма и стремилась «поглотить и метафизику, и религіозную вѣру, точнѣе она хочетъ быть тріединствомъ науки, метафизики и религіознаго ученія».

Какъ и всякая религія, по словамъ г. Булгакова, теорія прогресса имѣетъ и свое «вѣрованіе въ то, что нѣкогда исполнятся ея чаянія, утолится религіозная жажда, осуществится религіозный идеалъ». Разница та, что позитивная теорія прогресса «хочетъ вселить убѣжденіе въ несомнѣнномъ наступленіи этого будущаго царства научнымъ путемъ», и такое прозрѣніе въ будущее приписывается соціологіи, чѣмъ и объясняется необыкновенное значеніе, какое придается этой наукѣ въ XIX вѣкѣ. Возражая противъ возможности предвидѣнія, находя, что «всевѣдѣніе не подъ силу человѣку», авторъ, однако, дѣлаетъ необходимую оговорку, «что человѣчество никогда не перестанетъ думать о завтрашнемъ днѣ и въ свои представленія о немъ вводить то пониманіе нынѣш-

няго и вчерашняго дня, которое даетъ соціальная наука. Такъ же точно никто не можетъ обойтись безъ того, чтобы на основаніи здраваго смысла и научнаго опыта не составить себѣ извѣстнаго сужденія не только о настоящемъ, но и ближайшемъ будущемъ, для котораго каждый изъ насъ работаетъ. Если называть и это предсказаніемъ, то дѣлать предсказанія о будущемъ въ этомъ смыслѣ есть право и обязанность каждаго сознательнаго человѣка».

Разбирая представленія и теоріи о будущемъ прогрессѣ человѣчества, г. Булгаковъ къ нимъ относится отрицательно и въ заключеніе приходитъ къ выводу—вѣрить, «что наши нравственныя дѣянія и помыслы имѣютъ не преходящее значеніе». «Нужно убѣжденіе въ существованіи объективнаго нравственнаго міропорядка, царства нравственныхъ цѣлей, въ которомъ найдетъ свое мѣсто и наша скромная жизнь». Этотъ центральный пунктъ статьи, къ сожалѣнію, очень слабо обоснованъ, и въ доказательство г. Булгаковъ ничего не приводитъ, кромѣ необходимости вѣры. Насколько онъ сильно и остроумно доказываетъ слабость позитивной вѣры въ прогрессъ, настолько же онъ бездоказателенъ въ этомъ пунктѣ, кончая чуть не доказательствами отъ Писанія. Не думаемъ, поэтому, чтобы положительная часть его статьи много утвердила его читателей въ вѣрѣ вообще и въ частности убѣдила ихъ въ правотѣ самого г. Булгакова, по мнѣнію котораго, наше участіе въ современной соціальной борьбѣ «будетъ мотивироваться не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а явится религіозной обязанностью, абсолютнымъ приказомъ нравственнаго закона, велѣніемъ Бога».

Если научная вѣра въ прогрессъ человѣчества, побуждающая насъ работать въ извѣстномъ направленіи съ энтузіазмомъ и горячимъ желаніемъ внести и свою лепту въ общее дѣло совершенствованія, не можетъ быть обоснована, то и вѣра г. Булгакова еще менѣе обоснована Онъ и самъ признаетъ это, говоря, что «классической формулой психологіи вѣры въ этомъ смыслѣ являются слова евангельскаго разсказа: Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію». Но какъ же быть тѣмъ, кому не дано счастіе вѣрить? А вѣдь въ наше время (какъ и прежде) не мало такихъ. Для нихъ научная теорія прогресса во всякомъ случаѣ давала и даетъ много благороднѣйшихъ стимуловъ къ борьбѣ во имя добра, въ чемъ, между многимъ прочимъ, и заключается великое значеніе этой теоріи, такъ рѣзко ниспровергаемой теперь г. Булгаковымъ. Не думаемъ, чтобы многихъ привлекла проповѣдь г. Булгакова. Мистическая окраска его идеализма par excellance скорѣе оттолкнетъ ихъ, такъ какъ слишкомъ многое припоминается при этомъ въ прошломъ, начиная съ костровъ инквизиціи и до изгнанія философовъ и ученыхъ изъ университета за «невѣріе», разъ они осмѣливались отклониться отъ предписаннаго шаблона вѣры. Мистицизмъ г. Булгакова, его странное отношеніе къ наукѣ,—боимся сказать, презрительное, что очень чувствуется въ его подчеркнутомъ противопоставленіи науки и вѣры,—его проповѣдь о необходимости страданія для нравственнаго совершенствованія («Страданіе необходимо для человѣка. «Крестъ»—есть символъ страданія и освященія»), все это такъ странно звучитъ для насъ, людей XX-го вѣка, и невольно вызываетъ реминисценціи далекаго, казалось бы, навѣки похороненнаго прошлаго. Правда, онъ то и дѣло

оговаривается, что ни отъ чего не отказывается, что «позитивная наука имѣетъ совершенно опредѣленное и притомъ огромное значеніе, она есть въ настоящее время, можно сказать, sine qua нравственнаго дѣянія». И тутъ же подчиненіе науки вѣрѣ, безсиліе науки и проч... Мы себѣ представляемъ, что обѣ эти области должны быть вполнѣ самостоятельны, и современный идеализмъ не можетъ пренебрежительно относиться къ наукѣ, подчинять ее чему бы то ни было, видѣть въ ней что-то въ родѣ «служанки теологіи». Всякое посягательство идеализма на науку убьетъ его самого въ корнѣ и безповоротно, такъ какъ перестать научно мыслить мы уже не можемъ и не хотимъ. Вотъ почему мистическая окраска всей статьи г. Булгакова (и не только этой, а всѣхъ почти его работъ послѣдняго времени; наполнимъ его статью въ «Литературномъ дѣлѣ», о которой намъ пришлось говорить въ іюньскихъ «Критическихъ замѣткахъ» прошлаго года; см. также ниже «Изъ русскихъ журналовъ») дѣлаетъ страннымъ появленіе ея въ настоящемъ сборникѣ. Не столько содержаніемъ, сколько «настроеніемъ» эта статья рѣзко выдѣляется среди остальныхъ. Мы бы меньше удивились, встрѣтивъ ее на страницахъ «Новаго пути», рядомъ съ «глаголами» гг. Мережковскаго, Минскаго, Розанова, чѣмъ съ тѣми авторами, о которыхъ будемъ говорить сейчасъ.

Минуя статью кн. Трубецкаго «Къ характеристикѣ ученія Маркса и Энгельса о значеніи идей въ исторіи», въ которой изложена критика взглядовъ основателей марксизма на значеніе идей, остановимся на оригинальной статьѣ г. П. Г. «Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія». Поводомъ для статьи послужила работа г. Ранскаго: «Соціологія Н. К. Михайловскаго», вышедшая года два тому назадъ и какъ-то мало обратившая на себя вниманіе читателей, хотя изъ массы критическихъ работъ, посвященныхъ трудамъ Н. К. Михайловскаго, именно эта работа наиболѣе безпристрастна и основательна. «Въ изложеніи г. Ранскаго г. Михайловскій выступаетъ живой и цѣликомъ, со всѣми существенными и яркими чертами своей писательской индивидуальности. Съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ,—говоритъ г. П. Г., — можно констатировать и на книгѣ г. Ранскаго, что на нѣкоторыя стороны соціологической доктрины г. Михайловскаго начинаетъ вырабатываться и укрѣпляться устойчивая и сполна объективная точка зрѣнія, которая, очевидно, призвана смѣнить и вытѣснить, съ одной стороны, наивныя восхваленія лицъ, видящихъ въ ученіи издателя «Русскаго Богатства» предвосхищеніе чуть ли не всѣхъ пріобрѣтеній современной философской и соціологической мысли, съ другой стороны, огульное отрицаніе за нимъ всякаго значенія въ развитіи нашей соціально-философской мысли». Дальше авторъ очень убѣдительно и талантливо устанавливаетъ значеніе Н. К. Михайловскаго въ развитіи нашей философской мысли, въ выработкѣ «цѣлостнаго міросозерцанія». Въ сжатой, не поддающейся передачѣ формулировкѣ авторъ даетъ исторію развитія русской философіи, въ которой почетное мѣсто отводитъ г. Михайловскому, столько сдѣлавшему для выясненія дву-сторонней правды — «правды—истины и правды—справедливости». «Въ предъявленномъ имъ требованіи системы правды, сочетающей правду—истину съ правдой—справедливостью, онъ формулировалъ

недоступную положительной наукѣ философскую проблему цѣлостнаго воззрѣнія, объединяющаго сущее и должное въ одномъ построеніи. Эта проблема по существу своему принадлежитъ метафизикѣ. Ошибка г. Михайловскаго, осудившая его на почти полное философское безплодіе, состояла въ томъ, что онъ метафизическую проблему выражалъ въ понятіяхъ положительной науки и думалъ разрѣшить ея средствами. Соціологія, хотя-бы и субъективная, конечно, не могла дать отвѣта на грандіозный предъявленный къ ней метафизическій запросъ. Въ лицѣ философствовавшаго г. Михайловскаго оказались два существа, не опознавшія себя и не размежевавшіяся между собою, а потому другъ другу только мѣшавшія. Положительная наука у него извращалась безсознательно метафизической мыслью, а метафизическую мысль тяготило, связывало и обезпложивало ея подчиненіе «положительной наукѣ». Какъ-бы то ни было, г. Михайловскій займетъ въ исторіи русской философской мысли мѣсто рядомъ съ П. Л. Лавровымъ, какъ блестящій выразитель первой смутной, почти безсознательной реакціи неустранимой «метафизической потребности» противъ позитивизма и притомъ—реакціи, вышедшей изъ нѣдръ самого же позитивизма... Идея г. Михайловскаго о должномъ, какъ категоріи, независимой отъ сущаго въ опытѣ и потому имѣющей самобытную цѣнность, признана тѣми писателями марксистами, которые отъ критическаго позитивизма пришли или перешли къ метафизикѣ. Но ими же подчеркнуто, что постановка этого вопроса въ рамкахъ положительной науки и въ ея терминахъ незаконна и не имѣетъ смысла, что она есть некритическое смѣшеніе метафизики съ опытнымъ знаніемъ, или положительной наукой. Такимъ образомъ невѣрно, что у такихъ метафизиковъ-идеалистовъ, какъ Струве, нѣтъ ничего общаго въ философскомъ направленіи ихъ мысли съ г. Михайловскимъ, но еще менѣе вѣрно, что это вышедшее изъ марксизма теченіе капитулировало передъ субъективной соціологіей».

Послѣднее положеніе, главнымъ образомъ, выясненіе вопроса, что такое «русская соціологическая школа», составляетъ тему обстоятельнѣйшей и чрезвычайно ясной статьи г. Кистяковскаго въ настоящемъ сборникѣ—«Русская соціологическая школа и категорія возможности при рѣшеніи соціально-этическихъ проблемъ». Этой важной и высоко-цѣнной работой рѣшенъ безповоротно вопросъ о томъ, кому дѣйствительно приходится «капитулировать»—новому ли идеалистическому направленію, или старому «субъективному методу» въ соціологіи. Путемъ подробнаго и щепетильнаго анализа этого метода авторъ устанавливаетъ, что «русскіе соціологи обосновываютъ идеалъ и прогрессъ на идеѣ возможности», и «высшимъ критеріемъ нравственной оцѣнки считаютъ желательность или нежелательность». «Русскіе соціологи,—говоритъ онъ въ заключеніи,—гордятся тѣмъ, что они внесли этическій элементъ въ пониманіе соціальныхъ явленій и заставили признать, что соціальный процессъ нельзя разсматривать внѣ одухотворяющихъ его идей добра и справедливости. Но какая цѣна тому этическому элементу, высшимъ критеріемъ котораго является возможность? Понятно, что представители новаго теченія въ соціологіи должны были, прежде всего, покончить съ разсмотрѣніемъ соціальныхъ явленій съ точки

зрѣнія возможности или невозможности. Вмѣсто этихъ точекъ зрѣнія ими были выдвинуты два принципа—необходимость и долженствованіе. Эти два принципа не противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ долженствованіе вмѣщаетъ въ себѣ необходимость и возвышается надъ нею. Признавая необходимо - совершающееся въ соціальномъ процессѣ, человѣкъ познаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалъ, по отношенію къ которому, и границы, въ которыхъ онъ долженъ исполнять свой долгъ. Мы добиваемся осуществленія нашихъ идеаловъ не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять ихъ повелительно требуетъ отъ насъ и отъ всѣхъ окружающихъ насъ сознанный нами долгъ»!

Этотъ-то кардинальный вопросъ о должномъ тщательно разработанъ въ статьѣ г. Бердяева «Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма», въ которой авторъ выясняетъ современное идеалистическое пониманіе долга и нравственности. «Этика начинается противоположеніемъ сущаго и должнаго, только вслѣдствіе этого противоположенія она возможна. Отрицаніе должнаго, какъ самостоятельной категоріи, независимой отъ эмпирическаго сущаго и не выводимой изъ него, ведетъ къ упраздненію не только этики, но и самой нравственной проблемы. Этика въ единственномъ достойномъ смыслѣ этого слова не есть научное изслѣдованіе сущей нравственности, нравовъ и нравственныхъ понятій: нравственная проблема, съ которой она имѣетъ дѣло, лежитъ по ту сторону обыденной, условной житейской морали и эмпирическаго добра и зла съ ихъ печатью сущаго». Указавъ въ сжатой критикѣ невозможность вывести законъ нравственности путемъ эволюціоннымъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что «нравственность есть, прежде всего, внутреннее отношеніе человѣка къ къ самому себѣ, исканіе и осуществленіе своего духовнаго «я», торжествомъ «нормативнаго» сознанія въ сознаніи «эмпирическомъ». На обыкновенномъ языкѣ это и называется развитіемъ личности въ человѣкѣ». «Нравственный законъ есть автономное законодательство нравственно-разумной природы человѣка, онъ не навязанъ ему извнѣ, онъ составляетъ самое существо его духовной индивидуальности». Такимъ образомъ, «основная, господствующая идея этики есть идея «я», изъ нея должна быть выведена вся нравственность». Здѣсь выступаетъ вопросъ объ отношеніи между «я» и «ты», но «давно уже пора уничтожить эту этическую фикцію «ты», «другихъ», которая только мѣшаетъ правильной постановкѣ и рѣшенію этической проблемы. Отношеніе человѣка къ человѣку этически производно изъ отношенія человѣка къ самому себѣ; обязанности должны быть выведены изъ правъ, только право положительно, обязанность есть не что иное, какъ требованіе, чтобы право было признано; человѣкъ обязанъ не только уважать право, но и содѣйствовать его осуществленію. Признать и уважать въ «другомъ» человѣка, относиться къ нему гуманно, это значитъ видѣть въ немъ «я», т.-е. цѣнность, подобную своему «я». Быть гуманнымъ значитъ быть человѣкомъ, т.-е. развить въ себѣ духовную личность, такъ какъ не быть гуманнымъ, не признавать въ каждомъ «я» безусловной цѣнности значитъ быть звѣремъ, т.-е. не дорости еще до того состоянія, которое мы называемъ человѣческой личностью. И высшее нравственное сознаніе требуетъ, чтобы каждый человѣкъ относился къ каждому другому

человѣку не какъ къ «ты», изъ состраданія къ которому онъ долженъ жертвовать своимъ «я» или жертвовать, приспособляясь къ требованію «другихъ», а какъ къ «я», къ такой же цѣли самой въ себѣ, какъ и онъ самъ. Высшая человѣчность требуетъ равенства отношеній, котораго еще нѣтъ въ плоскомъ альтруизмѣ. Безусловное уваженіе къ человѣческой личности, къ ея автономіи, къ ея праву на самоопредѣленіе—вотъ основная черта развиваемой нами этической точки зрѣнія. Та духовная индивидуальность человѣка, во имя которой ведется вся жизненная борьба, которой оправдывается все соціальное движеніе, къ которой тяготѣютъ всѣ прогрессивныя стремленія человѣчества, эта индивидуальность для позитивизма вообще и въ частности гедонизма и общественнаго утилитаризма просто не существуетъ, она приносится въ жертву (въ сферѣ теоретической мысли) общественной пользѣ, историческому приспособленію и т. п. Нравственное освобожденіе человѣческой личности требуетъ признанія слѣдующей, элементарной на нашъ взглядъ, истины: нравственная проблема не есть проблема стадности, какъ это, къ сожалѣнію, склонны думать не только реакціонеры, но и многіе прогрессисты, и не рѣшается ни государствомъ, ни общественнымъ процессомъ, ни судомъ людей, это—внутренняя индивидуальная проблема человѣческаго «я», стремящагося къ идеальному совершенству».

Въ чемъ же заключается это идеальное совершенство? Въ томъ, чтобы «должное» гармонично сливалось съ свободными требованіями нашего внутренняго «я», отдающагося только велѣніями совѣсти, а не долгу, извнѣ повелѣвающему поступать такъ, а не иначе. «Нравственный долгъ человѣка есть самоосуществленіе, развитіе своего духовнаго «я» до идеальнаго совершенства; слѣдовать долгу и слѣдовать своей нравственно-разумной природѣ понятія тожественныя. Только мѣщанская мораль понимаетъ долгъ, какъ что-то внѣшнее человѣку, навязанное со стороны, враждебное ему. Сознаніе долга или, что то же самое, нравственнаго закона есть сознаніе своего истиннаго «я», своего высокаго человѣческаго предназначенія. Калѣчить свое «я», свою человѣческую индивидуальность во имя долга—вотъ слова, которыя для насъ не имѣютъ никакого смысла. Мы исповѣдуемъ мораль абсолютнаго долга, выполняющаго высшее духовное благо, но слово «долгъ» не имѣетъ у насъ непріятнаго историческаго привкуса. Противоположеніе «долга» и «я» съ этической точки зрѣнія абсурдъ, такъ какъ «долгъ» есть законодательство «я». Это человѣкъ суроваго долга, часто слышимъ мы, онъ никогда не слѣдуетъ своимъ влеченіямъ, онъ постоянно борется съ собой и насилуетъ себя, онъ всегда поступаетъ такъ, какъ повелѣваетъ ему долгъ, а не такъ какъ онъ самъ хочетъ. Вотъ обыденное психологическое представленіе о долгѣ. Философская этика должна возвыситься надъ этимъ обыденнымъ пониманіемъ долга, она даже можетъ рѣзко осудить такого «человѣка долга», можетъ констатировать въ немъ отсутствіе сколько-нибудь развитого самосознанія и даже признать безнравственнымъ выполняемый имъ долгъ, если этотъ долгъ погашаетъ его человѣческое «я» во имя традиціонныхъ предписаній извнѣ, если онъ не «гуманенъ». «Гуманность, т.-е. осуществленіе «человѣка» въ себѣ и уваженіе къ «человѣку» въ другомъ есть высшій долгъ, и степенью ея осуществленія

прежде всего измѣряется нравственный уровень. Въ человѣкѣ всегда происходитъ борьба добра со зломъ, высокаго съ низкимъ, борьба духовнаго «я» съ хаотическимъ содержаніемъ эмпирическаго сознанія, въ которомъ столько сторонніхъ нечеловѣческихъ и нечеловѣчныхъ примѣсей. Этимъ путемъ вырабатывается «личность» и совершается нравственное развитіе. Но нравственно высокъ и прекрасенъ не тотъ человѣкъ, который творитъ добро со скрежетомъ зубовнымъ, ограничивая и урѣзывая свою человѣческую индивидуальность, а тотъ, который, творя добро, радостно сознаетъ въ этомъ самоосуществленіе, утвержденіе своего «я».

Все это, могутъ сказать читатели, старо, какъ міръ, и нѣтъ тутъ ничего новаго,—и это правда. Новое заключается въ современномъ пониманіи этихъ обычныхъ истинъ и отношеніи къ нимъ. «Кантъ,—говоритъ далѣе авторъ,—держался еще того традиціоннаго воззрѣнія, что человѣческая природа грѣховна и испорчена, и потому пришелъ къ цѣлому ряду ложныхъ этическихъ положеній, въ корнѣ отрицающихъ діонисовское начало жизни. Правъ онъ былъ только въ томъ отношеніи, что считалъ нравственный законъ закономъ воли, а не чувства. Мы хотѣли бы освободить жизнь чувства, жизнь непосредственную. Чувственная природа сама по себѣ не зло, она этически нейтральна, она становится зломъ только тогда, когда препятствуетъ развитію личности, когда затемняетъ высшее самоосуществленіе». Эта реабилитація чувственной природы придаетъ современному идеализму особую яркость и жизнерадостность, которыя идеализмъ позаимствовалъ у Ницше. «Въ человѣкѣ есть безумная жажда жизни, интенсивной и яркой, жизни сильной и могучей, хотя бы своимъ зломъ, если не добромъ. Это необыкновенно цѣнная жажда и пусть она лучше опьяняетъ человѣка, чѣмъ отсутствуетъ совсѣмъ. Это богъ Діонисъ даетъ о себѣ знать, тотъ самый, которому Ницше воздвигъ такой прекрасный памятникъ во всѣхъ своихъ твореніяхъ, и онъ властно призываетъ къ жизни, къ ея росту. Нравственная задача заключается не въ ограниченіи этой жажды, а въ ея соединеніи съ утвержденіемъ и развитіемъ духовнаго «я».—Какъ далека эта жизнерадостная окраска современнаго идеализма отъ проповѣди «креста» г. Булгакова! Не можемъ не подчеркнуть еще разъ различія между аскетическимъ настроеніемъ послѣдняго и здоровымъ стремленіемъ къ полнотѣ существованія, отличающимъ современный идеализмъ, которому совершенно чужда идея страданія. Ставя цѣлью всестороннее развитіе личности, идеализмъ словно раскрываетъ настежъ двери и окна въ застоявшейся атмосферѣ нашего духовнаго «я» и открываетъ чудную перспективу свободной, высокой жизни, гдѣ каждая сторона нашей личности получитъ возможность къ совершенствованію и подъему.

Отсюда намъ становится понятной связь идеализма съ такимъ, казалось бы, противоположнымъ направленіемъ, какъ ученіе Ницше. Исходя изъ стремленія къ всестороннему развитію личности, идеализмъ не могъ оставаться глухимъ къ мощному призыву автора «Заратустры» къ освобожденію «я» отъ мертвящихъ оковъ натурализма и утилитаризма. Въ статьѣ С. Франка развита идеалистическая точка зрѣнія на «любовь къ дальнему» Ницше. По нашему мнѣнію, это самая блестящая статья сборника, хотя этика Ницше здѣсь сильно «приспособлена» къ идеалистиче-

скому пониммнію нравственности. Авторъ противопоставляетъ «любви къ ближнему», т.-е. непосредственно насъ окружающему во времени и пространствѣ, «любовь къ дальнему», т.-е. къ идеалу. «Мы можемъ охарактеризовать ее, какъ чувство, испытываемое по отношенію ко всему «дальнему», ко всему, что отдалено отъ насъ либо пространственно, либо временно, либо, наконецъ, морально-психологически и потому дѣйствуетъ не непосредственно, не при помощи аффекта состраданія, а черезъ посредство болѣе отвлеченныхъ моральныхъ импульсовъ. Въ этомъ широкомъ значеніи «любви къ дальнему» въ нее будетъ включена какъ любовь къ болѣе отдаленнымъ благамъ и интересамъ тѣхъ же «ближнихъ», такъ и любовь къ «дальнимъ» для насъ людямъ—нашимъ согражданамъ, нашимъ потомкамъ, человѣчеству; наконецъ, сюда подойдетъ и любовь ко всему отвлеченному—любовь къ истинѣ, добру, къ справедливости, словомъ, любовь ко всему, что зовется «идеаломъ», или, какъ выражается Ницше, «любовь къ вещамъ и призракамъ...» «Соотвѣтственно широтѣ понятія «любви къ дальнему» антитеза между этимъ чувствомъ и чувствомъ «любви къ ближнему» можетъ принимать самыя разнообразныя формы. Зародышъ ея можно наблюдать въ оттѣнкахъ материнской любви. Любовь къ ребенку, стремящаяся удовлетворить всѣмъ его желаніямъ и избавить его отъ всякихъ страданій, можетъ въ качествѣ «любви къ ближнему» быть противопоставлена «любви къ дальнему»—любви, направленной на обезпеченіе отдаленныхъ благъ для ребенка, хотя бы цѣною обильныхъ его страданій и лишеній въ настоящемъ. Та же антитеза болѣе рѣзко обнаруживается въ отношеніи къ больному со стороны сестры милосердія и врача (примѣръ, приводимый самимъ Ницше): мягкая, сострадательная любовь первой, стремящаяся къ облегченію моментальныхъ страданій больного и къ его душевному успокоенію, есть типичный образецъ «любви къ ближнему», тогда какъ направленная на обезпеченіе будущаго блага больного твердая любовь врача, который ради отдаленныхъ интересовъ больного долженъ побороть въ себѣ чувство состраданія и подвергать своего паціента жестокимъ мукамъ, даетъ намъ типъ «любви къ дальнему». Еще болѣе рѣзко та же антитеза проявляется въ тѣхъ обильныхъ большихъ и малыхъ, прошлыхъ и настоящихъ трагедіяхъ, которыя разыгрываются на почвѣ коллизіи между общественными интересами и личными привязанностями: борьба между «любовью къ ближнему»—чувствомъ состраданія и непосредственной близости къ окружающимъ близкимъ людямъ—и «любовью къ дальнему»—къ любимому дѣлу, къ партіи, родинѣ, человѣчеству—исчерпываетъ содержаніе всѣхъ этихъ трагедій. Но и въ предѣлахъ сферы общественныхъ интересовъ повторяется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ все та же антитеза: всѣмъ извѣстна, напр., противоположность между двумя типами патріотизма, изъ которыхъ одинъ есть любовь, такъ сказать, къ отечеству «ближнему», другой—любовь къ отечеству будущему, «дальнему»; еще Чаадаевъ указывалъ на эту антитезу, противопоставляя «патріотизмъ самоѣда»—«патріотизму англичанина». Наконецъ, на высшей ступени развитія нравственныхъ чувствъ возможно столкновеніе между общественными интересами и абстрактными моральными побужденіями, напр., если любовь къ партіи или къ отечеству вступаетъ въ коллизію съ любовью къ справедливости, къ истинѣ и т. п., здѣсь мы опять-таки находимъ анти-

тезу между любовью къ ближнему и любовью къ дальнему, въ наиболѣе отвлеченной и характерной формѣ».

Остроумнымъ и умѣлымъ подборомъ цитатъ изъ Ницше г. Франкъ обосновываетъ этотъ свой взглядъ на мораль Ницше, но, намъ кажется, онъ далеко не вполнѣ совпадаетъ съ общей философіей Ницше и его представленіемъ о «сверхчеловѣкѣ», какъ мощномъ, жестокомъ «бѣлокуромъ звѣрѣ», съ его аристократическимъ презрѣніемъ ко всему слабому, угнетенному, жалкому. Но стремленіе Ницше къ освобожденію личности и ея духовному всестороннему развитію даетъ достаточную основу для сближенія его съ новымъ идеализмомъ, который тоже кладетъ въ основу морали личное совершенствованіе. Тѣмъ болѣе, что Ницше скорѣе художникъ, чѣмъ строгій философъ, излагающій свое ученіе въ законченныхъ догмахъ, не допускающихъ толкованія. По указанію г. Франка, и самъ Ницше не разъ высказывался противъ рабскаго отношенія къ его идеямъ, настаивая на духовнотворческомъ ихъ воспріятіи. Его творенія, какъ истинно-художественныя произведенія, даютъ возможность каждому брать изъ нихъ то, что ему ближе всего.

Могутъ возразить, а что же отношеніе этой совершенствующейся личности къ обществу, къ современнымъ злобамъ дня и стѣсняющимъ условіями жизни? Тѣмъ-то и отличается новое идеалистическое направленіе, что оно выдвигаетъ борьбу за «соціальность» на первый планъ, такъ какъ безъ такой борьбы не мыслимо совершенствованіе личности. Это — идеализмъ активный, ищущій въ своихъ нравственныхъ устояхъ стимула для борьбы общественной. «Борьба за соціальность,—говоритъ г. Бердяевъ,—т.-е. за форму общественнаго сотрудничества, этически всегда подчинена борьбѣ за «гуманность», т.-е. борьбѣ за человѣка, и ею санкціонируется, но нельзя достаточно сильно осудить тѣхъ, которые изъ высшихъ гуманитарныхъ соображеній приходятъ къ проповѣди соціально-политическаго индифферентизма. Это, прежде всего, недомысліе. Философскій и этическій идеализмъ долженъ одухотворить и облагородить соціально-политическую борьбу, вдохнуть въ нее душу живу, но онъ никакъ не можетъ привести къ пассивному отношенію къ окружающему міру, къ терпѣливому созерцанію насилія и надругательства надъ человѣкомъ, надъ его духовною природою... Я хотѣлъ бы, чтобы было наложено клеймо позора на тѣхъ, кто нагло и беззастѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе—признаніе за человѣческимъ духомъ безусловной цѣнности, съ одной стороны, и оправданіе гнета, эксплуатація и нарушенія элементарныхъ правъ человѣка — съ другой. Тотъ духъ, который несетъ съ собой идеализмъ, есть духъ свободы, духъ свѣта, онъ зоветъ впередъ, къ борьбѣ за право человѣчества безконечно совершенствоваться... Реакціонеры привыкли встрѣчаться съ матеріалистическимъ обоснованіемъ и оправданіемъ освободительныхъ стремленій, но гораздо сильнѣе и чувствительнѣе будетъ вызовъ идеализма. Идеализмъ обнаруживаетъ полнѣйшую духовную нищету всякой реакціонной идеологіи: христіанинъ проповѣдуетъ звѣрское насиліе надъ людьми, спиритуалистъ тащитъ за всякое проявленіе духа въ полицейскій участокъ... То новое идеалистическое направленіе, къ которому я съ гордостью себя причисляю, выводитъ необходимость освободительной борьбы за «естественное право» изъ духовнаго голода интеллигент-

ной души... Нужно быть человѣкомъ и своего права на образъ и подобіе божества нельзя уступить ни за какія блага міра, ни за счастье и довольство свое или хотя бы всего человѣчества, ни за спокойствіе и одобреніе людей, ни за власть и успѣхъ въ жизни; нужно требовать признанія и обезпеченія за собой человѣческаго права на самоопредѣленіе и развитіе всѣхъ своихъ духовныхъ потенцій. А для этого, прежде всего, должно быть на незыблемыхъ основаніяхъ утверждено основное условіе уваженія къ человѣку и духу — свобода». Эти энергичныя и прекрасныя мысли должны лечь, по нашему мнѣнію, въ основу современнаго идеалистическаго направленія, чтобы по возможности яснѣе отмежевать его отъ тѣхъ «идеалистовъ», которые такъ старательно подъ флагомъ идеализма проводятъ въ жизни весьма низменныя желанія, въ видѣ закрѣпленія существующаго, смиренія и преклоненія предъ нимъ и упованія за все это на награду въ будущемъ, лучшемъ мірѣ. Идеализмъ стремится къ улучшенію здѣшняго міра, въ немъ долженъ бороться за право человѣка быть лучше и выше, чѣмъ онъ есть теперь, и работать надъ созданіемъ условій для такого улучшенія. Чтобы проявить скрытыя въ немъ силы, идеализмъ долженъ спуститься на землю, выйти изъ замкнутой сферы философствованія въ «самую гущу жизни», не чуждаясь никакихъ столкновеній, и только тогда мы признаемъ въ немъ жизнеспособное, творческое начало, несравненно болѣе для насъ важное, чѣмъ «синтезъ идеи богочеловѣка и человѣкобога», который мы охотно уступили бы гг. Мережковскимъ, Розановымъ и К°. Безъ такого дѣйственнаго проявленія идеализмъ останется мертвымъ и кромѣ узкаго круга любителей отвлеченнаго мудрованія не привлечетъ себѣ общественныхъ симпатій. Даже напротивъ, безъ практическаго осуществленія своихъ высокихъ стремленій, онъ можетъ повести къ самымъ нежелательнымъ недоразумѣніямъ.

Перефразируя прекрасное окончаніе стихотворенія Надсона, которое онъ посвятилъ памяти величайшаго русскаго идеалиста Герцена *), мы желали-бы, чтобы идеализмъ

„Совѣсть будилъ въ насъ, чтобъ звалъ на работу,
Чтобъ звалъ насъ сплотиться тѣснѣй,
И былъ ненавистенъ насилью и гнету
Языкъ его сильныхъ рѣчей".

Мы лишь въ очень бѣглыхъ чертахъ отмѣтили богатое содержаніе этого замѣчательнаго сборника, не коснувшись такихъ капитальныхъ статей, какъ «Нравственный идеализмъ и философія права» г. Новгородцева, «Основные принципы соціологической доктрины О. Конта» г. Лаппо-Данилевскаго и другихъ. Но мы хотѣли, прежде всего, указать читателямъ тѣ стороны въ новомъ теченіи, которыя особенно для него характерны и рѣзко подчеркиваютъ его отличіе отъ прежняго идеализма, съ которымъ иные такъ охотно готовы его смѣшивать.

А. Б.

---

*) „На могилѣ Герцена"; изъ „Недопѣтыхъ пѣсенъ", 1902 г., изд. „Литературн. Фонда".

СТОЛѢТІЕ ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА (1802—1902 г.)*).

(Докладъ, читанный въ кіевскомъ санитарномъ обществѣ 17-го дек. 1902 г.).

Бывшій дерптскій, нынѣ юрьевскій, университетъ 12-го декабря, въ день св. *Разумника*, праздновалъ столѣтіе своего существованія подъ русскою державою. Университетъ этотъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ Европы и достоинъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ.

Основанный Ярославомъ Мудрымъ г. Юрьевъ, впослѣдствіи нѣмецкій Дерптъ (Dorpat), стяжавшій себѣ названія «Города музъ на берегу Эмбаха» или «Эстонскихъ Аѳинъ», является интереснымъ историческимъ мѣстомъ, главная гордость и достопримѣчательность котораго—университетъ. Послѣдній долгое время оставался среди своихъ русскихъ собратьевъ самымъ своеобразнымъ учрежденіемъ, представляя многія особенности. Расположенный въ небольшомъ городкѣ Прибалтійскаго края, университетъ этотъ уже потому носилъ на себѣ особый отпечатокъ, что въ остзейскихъ провинціяхъ, кромѣ нѣмцевъ, много эстовъ и латышей, попадаются также русскіе, поляки и евреи. Каждая изъ перечисленныхъ народностей посылала своихъ сыновей въ дерптскій университетъ, во главѣ котораго въ прежніе годы стояли нѣмцы, хорошіе учителя, любившіе науку, большіе знатоки своего дѣла, имѣвшіе возможность постоянно освѣжать научныя силы изъ Западной Европы.

Интересны историческія судьбы дерптскаго университета, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго бѣглаго очерка. Честь основанія въ Дерптѣ университета принадлежитъ шведскому герою, королю *Густаву-Адольфу*. Этотъ замѣчательный монархъ, въ разгаръ тридцатилѣтней войны, въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, собираясь сразиться съ *Валленштейномъ*, 30-го іюня 1632 года подписалъ актъ о преобразованіи основанной имъ за 2 года передъ тѣмъ гимназіи въ Дерптѣ въ университетъ съ цѣлью: «das martialische Livland zu Tugend und Sittsamkeit zu bringen» (навести воинственную Лифляндію на путь добродѣтели и благонравія). Такъ возникла *Academia Gustaviana*, первымъ кураторомъ которой былъ генералъ-губернаторъ *Скиттъ* (Skytte), открывшій университетъ 15-го октября 1632 г., по обычаю того схоластическаго времени латинскою рѣчью. Единственный слушатель—шведъ, 10 профессоровъ, среди нихъ 4 теолога, вотъ зародышъ того высшаго учебнаго заведенія, которое впослѣдствіи пережило много тяжелыхъ и славныхъ годовъ.

---

*) Предлагаемый читателямъ краткій очеркъ составленъ на основаніи слѣдующихъ матеріаловъ: 1) „Geshichte Liv,-Est-und Kurlands“ von *E. Seraphim*. Bd.-I и II. Reval. 1895—1896 г. 2) *П. Лакманъ*. „Юрьевскій университетъ“. („Орловскій Вѣстникъ“ 1896 г. № 319). 3) Собственныя воспоминанія за время студенчества въ Дерптѣ съ 1879—1888 г. 4) Malerische Ansichten aus Livland-Estland-Kurland“ von D-r *E. Seraphim*. Riga. 1901 г. 5) Д-ръ мед. *В. О. Демичъ*. „Столѣтній юбилей дерптскаго университета („Кіевская Газета„ 1902 г. 12-го дек.). 6) Столѣтіе юрьевскаго университета. („Нива“ 1902 г. № 49). 7) „Русскія Вѣдомости“ 1902 г. 12-го дек.

Юный университетъ сначала влачилъ жалкое существованіе и даже по временамъ замиралъ. Такъ, въ 1659 г., послѣ занятія Дерпта русскими, профессора и студенты разбѣжались «куда глаза глядятъ», а типографія и библіотека университета были замурованы въ церковномъ подвалѣ, гдѣ и оставались 30 л. До тѣхъ поръ въ Дерптѣ было имматрикулировано 1.016 слушателей. Теперь часть университета бѣжала въ Ревель, гдѣ оставалась до 1665 г. съ небольшимъ числомъ студентовъ (около 60). Въ 1670 г. Дерптъ былъ снова въ рукахъ шведовъ, а въ 1690 г. король шведскій Карлъ XI колеблется, какой изъ 3-хъ городовъ — Ригу, Перновъ или Дерптъ—сдѣлать университетскимъ. Снова послѣдній получаетъ университетъ подъ именемъ *Academia Gustaviana Carolina* и новый періодъ его длится до 1710 г. и насчитываетъ всего лишь 28 профессоровъ и 586 студентовъ. Въ 1700 г., въ виду надвигающейся грозы со стороны Россіи, университетъ самъ мирно эмигрировалъ въ Перновъ. Съ наступленіемъ сѣверной войны, съ 1699—1700 г., жизнь университета опять замираетъ. Тогда Лифляндія была крайне обезсилена продолжительною войною, наука естественно отошла на задній планъ. Въ 1710 г. русскія войска подступили къ Пернову; чтобы спасти пребывавшій тогда здѣсь университетъ, лифляндское дворянство, «въ аккордныхъ пунктахъ», просило Петра I-го о сохраненіи «академіи». Царь согласился пощадить её на условіи, что университетъ, при взятіи города, не окажетъ сопротивленія. Интересно отмѣтить слѣдующее: Петръ I дозволилъ «рыцарству вмѣстѣ съ верховнымъ консисторіумомъ назначать и предлагать искусныхъ профессоровъ», а самъ присылалъ особаго профессора славянскаго языка. Это была первая попытка руссификаціи университета. Впрочемъ, онъ скоро пересталъ жить, такъ какъ шведы-профессора покинули Дерптъ.

Такъ дѣло стояло до конца XVIII столѣтія, въ теченіе котораго нѣмецкая молодежь штудировала въ Германіи, по преимуществу въ Кёнигсбергѣ. Французская революція, такъ или иначе, дала толчокъ образовательнымъ стремленіямъ и у насъ въ Россіи. Въ 1798 г. Павелъ I-й дѣлаетъ распоряженіе, чтобы всѣ русскіе подданные, штудировавшіе за границей, подъ угрозой тяжкаго штрафа, въ 2-хъ-мѣсячный срокъ возвратились на родину. Русское правительство, уже владѣвшее прибалтійскимъ краемъ и сознававшее необходимость учрежденія здѣсь научнаго центра, избираетъ его резиденціей все тотъ же Дерптъ, имѣвшій за собою длинное историческое университетское прошлое. Идея основанія въ Дерптѣ университета, задуманная Павломъ I, была осуществлена императоромъ Александромъ Благословеннымъ. Старый дерптскій университетъ былъ возрожденъ снова къ жизни, въ 1802 г., съ цѣлью *расширенія человѣческихъ знаній въ нашемъ отечествѣ.*

Наступила новѣйшая эра жизни университета, который 8-го сентября 1803 г. получилъ первый русскій уставъ, дававшій привилегію «имѣть свою внутреннюю расправу и полное начальство надъ всѣми членами своими, подчиненными, равно надъ ихъ семействами». Вообще, *университету были даны широкія гражданскія и уголовныя юрисдикціи.* Университетская корпорація состояла изъ профессоровъ, избирающихъ ректора и всѣхъ должностныхъ лицъ. Во главѣ

ея стоялъ «совѣтъ», непосредственно подчиненный только министру народнаго просвѣщенія. Для основанія университета мѣстное дворянство пожертвовало 40.000 р. и потому имѣло на него свое вліяніе. Университетъ имѣлъ собственную цензуру своихъ сочиненій и безконтрольно выписывалъ изъ-за границы необходимыя книги. Въ число студентовъ, по выдержаніи *искуса*, принимались люди всякаго званія и состоянія, русскіе и иностранцы. Хотя жизнь студентовъ уставомъ регламентировалась до мелочей, она скоро вышла изъ узкихъ рамокъ устава и сложилась по своему. Уже въ 1808 г. возникла студенческая корпорація «Curonia», а за время съ 1821—1823 г. образовались новыя общества—«Estonia», «Livonia» и «Fraternitas-Rigensis». Въ 1820 г. старый уставъ былъ смѣненъ новымъ, существенно отличавшимся отъ прежняго.

Такъ жилъ университетъ до царствованія Александра III, который въ 1891 г. преобразовалъ его въ юрьевскій...

Въ теченіе вѣкового существованія подъ русскою властью дерптскій университетъ пережилъ разные періоды. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ, по составу профессоровъ, признанъ настолько научно высокимъ, что съ 1828—1838 г. получилъ значеніе института для подготовки профессоровъ въ другіе университеты. Въ краткомъ очеркѣ трудно дать даже приблизительную картину заслугъ дерптскаго университета въ дѣлѣ культурнаго развитія Россіи. Не касаясь современнаго юрьевскаго періода, я позволю себѣ остановиться хоть на важнѣйшихъ обстоятельствахъ, относящихся до б. дерптскаго университета, питомцемъ котораго я имѣлъ честь быть съ 1879—1888 г. Уже въ 1867 г., по поводу 75-ти-лѣтія этого университета, въ петербургской прессѣ было отмѣчено, что дерптскій университетъ, пользуясь большею свободою, чѣмъ его русскіе собраты, «съумѣлъ развить высокую научную дѣятельность», выпустилъ изъ своихъ стѣнъ много научныхъ силъ и являлся образцовымъ въ постановкѣ учебнаго дѣла для другихъ университетовъ. Особенно хорошо были поставлены въ Дерптѣ практическія занятія, такъ какъ въ этомъ отношеніи его университетъ всегда шелъ наряду съ другими университетами Германіи.

Несомнѣнно, что дерптскій университетъ главное образовательное значеніе имѣлъ для прибалтійскаго края, но и для Россіи университетъ принесъ много пользы, въ подтвержденіе чего можно привести длинный рядъ фактовъ. Дерптскій проф. *Эверсъ* былъ 1-мъ изслѣдователемъ въ области исторіи русскаго права, какъ особой науки, *Пироговъ* учился въ дерптскомъ профессорскомъ институтѣ и отзывался о немъ съ похвалою въ своихъ знаменитыхъ «Посмертныхъ запискахъ». По окончаніи слабо поставленнаго медицинскаго факультета въ Москвѣ, *Пироговъ*, вмѣстѣ съ другими стипендіатами, въ числѣ которыхъ находились будущія свѣтила—*Иноземцевъ* и *Рѣдкинъ* (юристъ), былъ посланъ для усовершенствованія въ Дерптъ, гдѣ пытливый умъ знаменитаго хирурга и педагога нашелъ больше удовлетворенія, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Дерптѣ Пироговъ произвелъ свои замѣчательныя анатомическія изслѣдованія на замороженныхъ трупахъ, получилъ профессуру и началъ гремѣть на всю Европу. Дерптскіе профессора съ гордостью называли его «Unser berühmter Pyrogow» (нашъ знаме-

нитый П.). Дерптская факультетская операціонная украшена портретами Пирогова и лучшаго современнаго нѣмецкаго хирурга проф. *Бергмана*. Другіе русскіе университеты получили изъ Дерпта цѣлые десятки профессоровъ, среди которыхъ достаточно упомянуть такого колосса, какимъ былъ Карлъ Эрнстъ фонъ-*Беръ*, основатель современной эмбріологіи. Не мало сдѣлали дерптскіе ученые и въ области научнаго изслѣдованія нашего отечества: астрономъ *Струве* руководилъ замѣчательными по своему протяженію измѣреніями дуги меридіана въ предѣлахъ Россіи, отъ Лапландіи до Бессарабіи. Физика, химія, анатомія, физіологія, отчасти историческія и юридическія науки (не исключая русской исторіи, которою усердно занимался *Брюкнеръ*) имѣли въ Дерптѣ своихъ крупныхъ представителей. Новѣйшая фармакологія не мало подвинулась впередъ благодаря *Бухгейму*, *Шмидебергу* и *Коберту*, изъ которыхъ 2 послѣдніе понынѣ пользуются широкою извѣстностью по своей плодотворной дѣятельности въ Германіи.

Даже многія литературныя имена и нѣкоторыя произведенія русскихъ писателей тѣсно связаны съ дерптскимъ университетомъ. По мнѣнію проф. литературы, *П. А. Висковатова*, *Пушкинъ* въ *Ленскомъ* далъ намъ портретъ дерптскаго студента *Вольфа*, съ которымъ нашъ величайшій поэтъ былъ знакомъ. Въ Дерптѣ живалъ *Жуковскій*: туда его привлекала бывшая возлюбленная, супруга проф. хирургіи Майера. Лучшая біографія Жуковскаго написана на нѣмецкомъ языкѣ другомъ поэта, питомцемъ дерптскаго университета, д-ромъ *Зейдлицемъ*. На могилѣ рано умершей *Маріи Майеръ*, похороненной на русскомъ дерптскомъ кладбищѣ, Жуковскій сочинилъ одно изъ прекраснѣйшихъ своихъ стихотвореній. Въ Дерптѣ получилъ степень д-ра медицины извѣстный лексикографъ *В. Даль*. Здѣсь же провелъ свои студенческіе бурные годы поэтъ *Языковъ*, покинувшій университетъ, послѣ 5-ти-лѣтняго пребыванія, «бездипломнымъ студентомъ». Нынѣ здравствующій плодовитый писатель *Боборыкинъ* учился въ Дерптѣ и живо обрисовалъ въ романѣ «Въ путь-дорогу!» жизнь буршей въ былые годы. Надѣлавшій большую сенсацію своими «Записками врача» *Вересаевъ*—питомецъ дерптскаго университета. А сколько вышло отсюда менѣе извѣстныхъ скромныхъ труженіковъ на почвѣ распространенія научныхъ знаній въ безпредѣльной Россіи!..

Дерптскій университетъ, не безъ основанія, гордится своею старинною библіотекою, побывавшею, какъ мы раньше видѣли, въ церковныхъ подвалахъ, а теперь расположенною (съ 1806 г.) въ реставрированной алтарной части живописныхъ руинъ собора св. Діонисія XIII столѣтія. Эта памятная мнѣ библіотека *), производившая на меня особенное впечатлѣніе, имѣетъ образцовый

*) Филологъ *Евгеній Дегенъ* въ своихъ „Воспоминаніяхъ дерптскаго студента“ („Міръ Божій“ 1902 г., мартъ) посвящаетъ университетской библіотекѣ слѣдующія, тепло написанныя строки: „Съ особеннымъ чувствомъ симпатіи и признательности вспоминаю я эту прекрасно организованную библіотеку, въ которой я провелъ много чудныхъ часовъ. Эти строгія, грандіозныя колонны, гулкіе своды, стрѣльчатыя окна и стоптанныя плиты пола производили на меня неотразимое впечатлѣніе, которое испытываешь въ средневѣковыхъ

порядокъ, удобный карточный каталогъ и хранитъ въ своихъ готическихъ стѣнахъ, десятки тысячъ томовъ, автографы извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей, тетрадь, писанную собственноручно поэтомъ *Виландомъ*, нѣсколько писемъ *Лютера*, маску *Пушкина* и т. д. Изъ другихъ достопримѣчательностей университета стоитъ упомянуть богатый ботаническій садъ, содержащій растенія всѣхъ климатовъ обширной Россіи, въ количествѣ, если не ошибаюсь, 15.000 экземпляровъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ интересно собраніе птицъ изъ южнаго полушарія. Въ минералогическомъ кабинетѣ, кромѣ многихъ драгоцѣнностей, находятся большіе слитки золота и малахита, подаренные Александромъ I-мъ, который, какъ извѣстно, былъ друженъ съ ректоромъ университета *Парротомъ*, выдающимся гуманистомъ своего времени. Въ обсерваторіи, на живописномъ *Вышгородѣ* («Domberg»—университетская гора съ паркомъ, на которой расположены руины св. Діонисія, клиники и Anatomicum) красуется первый въ мірѣ рефракторъ—произведеніе знаменитаго мюнхенскаго механика *Іосифа Фраунгофера*.

Вѣроятно, ни въ одномъ русскомъ университетѣ не жилось такъ весело и привольно, какъ въ Дерптѣ въ 80-ые годы, когда я изучалъ медицину. Число студентовъ достигало тогда до 2-хъ тысячъ. Здѣсь все располагало къ наукѣ, а профессора были не только люди талантливые, прекрасные лекторы, но и отличались удивительною добросовѣстностью и наилучшимъ отношеніемъ къ слушателямъ. Это были для насъ глубокоуважаемые старшіе товарищи, память о которыхъ сохраняется на долгіе годы. Любовь къ дѣлу, аккуратность, трудолюбіе, корректность въ отношеніи къ ученикамъ, поразительное умѣніе учить, благодаря чему студенты пріобрѣтали умѣніе цѣлесообразно учиться, не разбрасываясь, не охладѣвая къ начатому, вотъ главныя черты профессоровъ бывшаго дерптскаго университета. Медицинскій факультетъ въ мое время имѣлъ много почтенныхъ профессоровъ, стяжавшихъ имя въ наукѣ, какъ, напр., *А. и К. Шмидты*, *Драгендорфъ*, *Кобертъ*, *Эмингаусъ*, *Крепелинъ*, *Рунге*, *Тома*, *Густавъ Бунге* и т. д. Мы, медики не только съ любовью и усердно посѣщали Collegia (лекціи), тщательно все записывали, но порою насъ тянуло заглянуть въ аудиторіи философа *Тейхмюлера*, историка *Брюкнера* и замѣчательнаго оратора-теолога *А. Эттингена*, извѣстнаго подъ именемъ «лифляндскаго папы» (Der livländische Papst). Послѣдній привлекалъ и своимъ краснорѣчіемъ, и поразительнымъ знаніемъ европейской литературы, а особенно Шекспира.

Университетъ самъ выбиралъ себѣ ректора, декановъ и профессоровъ, имѣлъ свой судъ, обладалъ широкою автономіею и прямо таки господствовалъ надъ городомъ. Студенты пользовались большимъ почетомъ въ глазахъ обывателей Прибалтійскаго края, а корпораціи, которыхъ въ мое время было 7, придавали

церквахъ. Каждая архитектурная линія съ безсознательною геніальностью разсчитана на то, чтобы освободить помыслы пришельца отъ всего мелочнаго, суетнаго и направить ихъ па великое и вѣчное".

особенный колоритъ студенческой жизни, которая была исполнена веселья, поэзіи и свѣтлыхъ, живыхъ красокъ. Дерптскіе студенты хорошо помнили изреченіе Лютера: «Wer nie liebte Wein, Web und Gezang, der bleibt ein Narr sein Leben lang» (кто не любилъ вина, женщинъ и пѣсень, тотъ остается дуракомъ на всю жизнь). Корпораціи представляли тѣсносплоченныя землячества, объединенныя одною общею идеей и сильныя своею солидарностью. Горе было тому, на кого налагался запретъ. Слѣдуетъ упомянуть, что около половины студентовъ не жило активною корпораціонною жизнью и называлось «дикими» (Wilder»). Дерптскіе студенты любили проказы и проказничали не безъ остроумія, а жители смотрѣли на такія вещи своеобразно, поговаривая: «Jugend hat keine Tugend» (у молодежи нѣтъ добродѣтели). О недостаткахъ корпорацій писалось достаточно, и я не буду касаться этого вопроса. Скажу лишь, что корпораціонная жизнь, несомнѣнно, представляла и много хорошаго,* недаромъ старые бурши вспоминаютъ ее съ благоговѣніемъ, а поэтъ (*Fr Hinze*, бывшій корпорантъ) восторженно говоритъ:

„Freunde, denkt ihr noch der Tage
Unser frohen Burschenzeit?
Jener fröhlichen Gelage
Voller Lust und Herzlichkeit?
Alle waren wir da Brüder,
Gross und klein, und arm und reich;
Alle sangen gleiche Lieder,
Alle Herzen schlugen gleich“ *).

Корпораціи, преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, широкая автономія Университета, долго сохранявшаго хорошія традиціи своихъ германскихъ собратьевъ—все это придавало особенный характеръ бывшему дерптскому университету. Кромѣ того, дерптскій студентъ не безъ основанія пѣлъ пѣсни съ припѣвомъ «Frei ist der Bursch»! такъ какъ имѣлъ значительную академическую свободу (academische Freiheit). Будучи зачисленъ въ число слушателей, онъ получалъ въ нѣкоторомъ родѣ magnam chartam libertatum—матрикулу, содержащую ла-

---

*) „Вспоминается-ли, други,
Вамъ студенчества пора?
Золотыхъ годовъ досуги
Съ дружной пѣсней до утра?
Слившись въ дружескомъ объятьи,
Жили мы семьей большой,
Какъ товарищи и братья
Съ общимъ сердцемъ и душой“.
(Переводъ д-ра *Е. И. Тарнавскаго*).

Болѣе точный переводъ:

„Друзья, вспоминаете-ли вы еще дни нашего веселаго студенчества и тѣ радостныя пирушки, которыя были исполнены веселья и сердечности? Всѣ мы были тамъ братья, великъ и малъ, бѣднякъ и богачъ, всѣ пѣли тѣ-же пѣсни, всѣ сердца бились одинаково“.

тинскій текстъ за подписью ректора. Теперь студентъ былъ не только «juvenis ornatissimus», но и получалъ извѣстныя права: онъ состоялъ въ вѣдѣніи Университета, гарантировавшаго ему нѣкоторый кредитъ и ограждавшаго его жизнь отъ вмѣшательства полиціи. Даже обыски производились жандармами при участіи представителей университета. Студенты имѣли собственный судъ (Burschen gericht), право сходокъ и разныхъ коллективныхъ дѣйствій, изъ которыхъ самыми поэтичными и красивыми являлись факельныя шествія (Fackel-Zuge), устраеваемыя въ честь любимыхъ профессоровъ и попечителей, въ дни ихъ юбилея или ухода изъ Дерпта.

Въ мое время наиболѣе многолюдные факельцуги были устроены въ честь попечителя *Сабурова*, назначеннаго въ восьмидесятыхъ годахъ, управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и профессоровъ—анатома *Штиды* и физіолога Густава *Бунге*, по поводу ихъ перехода въ Кенигсбергъ и въ Базель. Дивное зрѣлище представляли эти шествія, происходившія обыкновенно по вечерамъ. Длинною вереницею, по два въ рядъ, соблюдая полный порядокъ, шли студенты съ ярко горящими факелами въ рукахъ по главнымъ улицамъ и собирались въ одну колонну у квартиры виновника торжества. Старый студентъ, испытанный ораторъ, говорилъ рѣчь, ему отвѣчалъ чествуемый профессоръ. Всѣ сердца въ это время бились учащенно, у иныхъ слезы выступали при мысли о разлукѣ съ любимымъ учителемъ... Затѣмъ студенты пѣли вѣчно юную пѣсню «Gaudeamus igitur» съ непремѣннымъ куплетомъ «Vivat Academia, Vivant Professores!» Разставшись съ героемъ дня, шествіе возвращалось назадъ, мимо главнаго университетскаго зданія, у котораго снова раздавалось «Vivat Academia!» Наконецъ, всѣ шли къ подошвѣ «Domberg'a» (вышгорода), къ площадкѣ, надъ которою высились живописныя руины св. Діонисія. Подходя къ площадкѣ, студенты живописно бросали факелы въ одинъ большой костеръ, вокругъ котораго образовывался тѣсный кругъ студентовъ, снова пѣвшихъ нѣсколько своихъ поэтичныхъ пѣсень. Пламя костра ярко освѣщало воодушевленныя лица пѣвцовъ, а вверху величественно и спокойно красовались руины и какъ бы прислушивались...

Дерптскихъ буршей упрекали за попойки. Но пьянства, въ полномъ смыслѣ этого слова, не существовало. Бурши пили больше пиво. Правда, я зналъ товарищей, говорившихъ: «Ich trinke meine 28 Flaschen täglich, nicht mehr, aber auch nicht weniger» (я пью ежедневно 28 бутылокъ—не больше, но и не меньше). Зато, когда нужно было заниматься, бурши преображались: цирушки забывались, а на дверяхъ прежняго гуляки появлялась надпись: «Ich bin nicht zu sprechen» (меня нельзя видѣть). Еще *Пироговъ* писалъ, что «бурши кутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождались, начинали работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру».

То же самое было и въ мое время. Легенда о легкости въ Дерптѣ экзамена на доктора медицины обусловливалась незнаніемъ истинной постановки дѣла въ

*

дерптскомъ университетѣ и поддерживалась тенденціозными корреспонденціями прессы извѣстнаго пошиба, которая и теперь замалчиваетъ и столѣтній юбилей университета, и его великія культурныя заслуги, а отмѣчаетъ ежедневно подвиги каждаго живого и мертваго генерала... Въ Дерптѣ легко было держать экзаменъ тому, кто прилежно работалъ въ году; профессора хорошо знали насъ и наши познанія. Мы готовились и къ практическимъ занятіямъ, и къ разбору больныхъ въ клиникѣ; у насъ часто бывали своего рода экзамены предъ цѣлою аудиторіей, которая не любила лѣнтяевъ, дававшихъ несуразные отвѣты. Такимъ порядкомъ, уже въ теченіе курса, было ясно, какъ для профессоровъ, такъ и для товарищей, кто выдержитъ экзаменъ «doctormässig» (на доктора) и кто «arztmässig» (на лѣкаря). На экзаменахъ же прилежные студенты встрѣчались съ профессорами, какъ хорошіе знакомые, долго мирно бесѣдовали, а плохо подготовленные не менѣе мирно «пятились назадъ» («Zogen sich Zurück»).

Старый дерптскій университетъ сдѣлался достояніемъ исторіи, которая въ надлежащее время скажетъ о немъ свое вѣское, правдивое и безпристрастное слово, а пока я увѣренъ, что всѣ бывшіе питомцы бывшаго дерптскаго университета шлютъ ему искренній привѣтъ и съ глубокою благодарностью вспоминаютъ святые завѣты прежнихъ профессоровъ въ духѣ свѣта, истины и свободы.

Д-ръ мед. **В. Ѳ. Демичъ.**

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи. 28-го декабря п. г. въ Москвѣ открылся съѣздъ представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія. Мысль о созывѣ такого съѣзда подало въ началѣ 1900 г. калужское общество вспомоществованія учащимъ, а выполненіе мысли приняло на себя аналогичное московское общество. Это послѣднее выработало программу съѣзда и возбудило надлежащее ходатайство. Какъ водится, однако, ходатайство залежалось гдѣ-то въ министерской канцеляріи и было удовлетворено лишь въ концѣ 1901 г., почему созывъ съѣзда пришлось отложить еще на годъ. На призывъ съѣзда откликнулись всѣ учительскія общества въ Россіи, числомъ до 76, приславшія на съѣздъ до 200 делегатовъ. Кромѣ того, въ Москву съѣхалось множество учителей и учительницъ, заинтересованныхъ работами съѣзда. Съѣздъ открылся въ большомъ залѣ дворянскаго собранія при многочисленномъ и разнородномъ составѣ публики. Открывавшіе съѣздъ предсгавители министерства народнаго просвѣщенія въ своихъ рѣчахъ настойчиво рекомендовали съѣзду сдержанность, умѣренность и воздержаніе «отъ прискорбныхъ увлеченій и недоразумѣній, предвидимыхъ самими правилами о съѣздѣ и способныхъ помѣшать столь желанному успѣху». Для противодѣйствія «увлеченіямъ» участниковъ съѣзда отъ министерства были назначены особые многочисленные наблюдатели, надѣленные самыми широкими полномочіями.

Вслѣдъ за открытіемъ съѣзда произведены были выборы должностныхъ лицъ. Предсѣдателемъ съѣзда избранъ кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, кандидатомъ—кн. Петръ Д. Долгоруковъ, товарищами предсѣдателя съѣзда — проф. М. В. Духовской и Е. П. Ковалевскій. По I-й секціи, по общимъ вопросамъ объ улучшеніи быта учащихъ, избраны: предсѣдателемъ—гр. П. С. Уваровъ, кандидатомъ—К. К. Мазингъ. По II-й секціи, по вопросамъ матеріальнаго положенія учащихъ, поддержанія ихъ здоровья и призрѣнія: предсѣдателемъ—г. Никольскій, кандидатомъ — Кильвейнъ. По III-й секціи, по вопросамъ труда и самообразованія учащихъ и образованія лицъ, принадлежащихъ къ составу ихъ семействъ: предсѣдателемъ—В. А. Гольцевъ, кандидатомъ—Д. И. Тихомировъ.

По IV-й секціи, по вопросамъ практики учительскихъ обществъ и объединенія ихъ дѣятельности: предсѣдателемъ—Петръ Д. Долгоруковъ, кандидатомъ—Э. Э. Маттернъ.

Отмѣтимъ наиболѣе существенныя постановленія съѣзда по секціямъ, пользуясь для этого отчетами, опубликованными въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ московскихъ газетахъ.

По вопросу о необходимости общенія учителей между собою 1-я секція выработала слѣдующія постановленія: 1) признать, что безъ организованныхъ способовъ общенія между собою учителей, особенно сельскихъ, невозможно правильно поставить школьное дѣло, такъ какъ въ тѣсномъ общеніи между собою учителя находятъ для себя нравственную поддержку, а при разобщенности они опускаютси умственно и морально; 2) ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, чтобы со стороны правительства не встрѣчалось препятствій не только при организаціи курсовъ и съѣздовъ, но и при устройствѣ частныхъ приуправскихъ и другихъ собраній учителей, при организаціи кружковъ сосѣднихъ сельскихъ учителей и при учрежденіи въ городахъ учительскихъ клубовъ и библіотекъ; 3) признать желательнымъ, чтобы общества взаимопомощи и улучшенія быта учащихъ ходатайствовали передъ городами и земствами объ организаціи какъ вышепоименованныхъ въ п. 2-мъ, такъ и другихъ способовъ общенія учителей, а также будили бы въ этомъ направленіи и частную иниціативу; 4) признать желательнымъ и необходимымъ, чтобы земство приходило возможно широко съ матеріальною помощью при организаціи собраній, учителей и отдѣльныхъ учительскихъ кружковъ какъ при управахъ, тамъ и въ другихъ помѣщеніяхъ, а города—при устройствѣ учительскихъ клубовъ-библіотекъ; 5) признать желательнымъ и необходимымъ, чтобы городскія общества устраивали для учителей своего вѣдомства библіотеки-клубы, отводя съ этою цѣлью помѣщенія изъ нѣсколькихъ комнатъ въ центральной части города и ассигнуя ежегодно извѣстную сумму на пополненіе библіотеки; а чтобы сдѣлать починъ въ развитіи этого дѣла, ходатайствовать передъ московской городской думой объ устройствѣ такой библіотеки-клуба для учащихъ въ московскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ. Во время преній А. А. Стаховичъ, въ виду того, что совѣщанія учителей въ Ельцѣ были воспрещены, предлагалъ возбудить ходатайство, о разъясненіи, какія учительскія совѣщенія могутъ быть допускаемы и какія воспрещаемы. К. К. Мазингъ указалъ на разницу между русскими и заграничными учительскими съѣздами: на послѣднихъ обыкновенно идетъ рѣчь объ измѣненіи закона или объ изданіи новыхъ законоположеній, а на нашихъ — о выясненіи циркуляровъ, которые въ различныхъ мѣстахъ понимаются различно. Такъ, лѣтъ 20 назадъ, циркуляръ о подготовительныхъ классахъ реальныхъ училищъ въ московскомъ округѣ былъ понятъ въ смыслѣ ихъ закрытія, а въ петербургскомъ, наоборотъ, стали открывать эти классы. Если о чемъ ходатайствовать, то нужно, прежде всего, ходатайствовать, чтобы циркуляры излагались въ понятной для всѣхъ формѣ.

По вопросу объ участіи учителя начальной школы въ будущей мелкой земской единицѣ секціей была предложена слѣдующая резолюція: 1) желательно,

чтобы составители проектовъ будущей мелкой земской единицы имѣли въ виду участіе въ ней учителей въ качествѣ полноправныхъ членовъ; 2) съѣздъ выражаетъ увѣренность, что учащіе согласятся на обложеніе ихъ земскимъ сборомъ; 3) учительницъ желательно привлечь къ участію въ мелкой земской единицѣ наравнѣ съ учителями; 4) ближайшее завѣдываніе хозяйственной частью школъ можетъ быть передано въ вѣдѣніе мелкой земской единицы; 5) желательно, чтобы учительскія общества взаимопомощи обратились въ соотвѣтствующія земства съ ходатайствомъ о томъ, чтобы при разработкѣ проекта о мелкой земской единицѣ имѣлось въ виду привлеченіе къ участію въ ней учащихъ.

Въ видахъ самаго широкаго общенія учащихъ съ населеніемъ, безъ чего школа не можетъ стать жизненною и родственною для него, секція признала желательнымъ, чтобы и при наличныхъ условіяхъ учащимъ не ставилось препятствій къ участію ихъ въ общественныхъ дѣлахъ и чтобы учащіе получили право участія въ волостныхъ и сельскихъ сходахъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Всѣ эти резолюціи секціи были поддержаны общимъ собраніемъ съѣзда.

По докладу делегата учительскаго общества Кубанской области г-жи Е. Д. Вагнеръ въ 1-й секціи былъ поднятъ вопросъ о правовомъ положеніи народныхъ учителей, вызвавшій весьма оживленные дебаты. Одинъ изъ делегатовъ, характеризуя правовое положеніе народнаго учителя, отмѣтилъ, что учитель изъ крестьянскаго сословія можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, а на основаніи 61-й ст. Полож. о земскихъ начальникахъ можетъ быть оштрафованъ безъ всякаго суда по усмотрѣнію земскаго начальника. *И. Н. Сахаровъ* заявилъ, что въ числѣ лицъ, изъятыхъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія, значатся и учителя, состоявшіе на службѣ, но необходимо навести справку о томъ, распространяется ли этотъ законъ на учителей изъ крестьянскаго сословія, оставившихъ службу. *Г-жа Соловьева* добавила, что такимъ образомъ учитель крестьянскаго происхожденія, который прослужилъ 25 лѣтъ и получилъ пенсію, не гарантированъ по выходѣ въ отставку отъ тѣлеснаго наказанія и можетъ быть награжденъ еще за свою долговременную службу сѣченіемъ розгами. *Г. Чеховъ*, касаясь вопроса о возбужденіи ходатайства объ освобожденіи учителей изъ крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія, находилъ, что нѣтъ основанія выдѣлять однихъ учителей изъ общей массы крестьянскаго населенія, и ходатайство объ освобожденіи народнаго учителя отъ тѣлеснаго наказанія должно быть связано съ ходатайствомъ объ освобожденіи отъ него всѣхъ крестьянъ. *М. М. Борисовскій* считалъ необходимою коренную реформу учительскаго быта. По вопросу о правовомъ положеніи учащихъ была избрана особая комиссія, которая и представила затѣмъ свой докладъ, сведенный къ 32 тезисамъ.

Главныя основанія доклада сводились къ слѣдующему: признать несовмѣстимость функцій руководителей учебною частью съ полицейскими функціями надзора за политическою и нравственною благонадежностью учителей народныхъ школъ, такъ какъ первое требуетъ взаимнаго довѣрія руководителей и руко-

водимыхъ, а второе подрываетъ и уничтожаетъ такое довѣріе; директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ, руководя учебною частью, должны оказывать воздѣйствіе на учителей путемъ нравственнаго авторитета, а не путемъ авторитета, основаннаго на власти и внѣшнемъ положеніи; при назначеніи учителей инспекторъ долженъ руководиться не секретными свѣдѣніями, а только свѣдѣніями, подлежащими оглашенію; желательно, чтобы учитель начальнаго училища могъ быть уволенъ отъ должности только по суду; желательно, чтобы контроль за учебною частью въ училищахъ былъ переданъ особымъ совѣщательнымъ органамъ при земскихъ учрежденіяхъ, организуемымъ изъ земскихъ дѣятелей и учащихъ; въ виду того, что въ школѣ воздѣйствіе учителя на дѣтей проявляется въ видѣ гуманныхъ мѣръ, а между тѣмъ по окончаніи курса воспитанникъ ея можетъ быть подвергнутъ унизительнѣйшему изъ наказаній—тѣлесному, налагаемому волостными судами,—желательно освобожденіе бывшихъ воспитанниковъ школы отъ тѣлеснаго наказанія; безрезультатный обыскъ, произведенный въ квартирѣ учителя, не долженъ служить поводомъ къ его увольненію; желательно, чтобы всѣ свои сообщенія о школахъ и учащихъ директора предварительно представляли училищнымъ совѣтамъ и земскимъ учрежденіямъ; признать неудовлетворительнымъ составъ училищныхъ совѣтовъ, такъ какъ въ училищные совѣты назначаются по должности лица отъ разныхъ вѣдомствъ, часто не имѣющія никакого отношенія къ школьному дѣлу; желательно, чтобы предсѣдатель училищнаго совѣта избирался самимъ совѣтомъ; на основаніи заявленій мѣстнаго духовенства о неаккуратномъ исполненіи учителемъ церковныхъ обрядовъ, учитель не долженъ быть увольняемъ отъ должности; желательно, чтобы на законоучителѣ лежала только обязанность преподаванія Закона Божія въ школѣ и съ него снята была обязанность по наблюденію за нравственностью учителя; попечители школъ должны завѣдывать только хозяйственною частью; желательно, чтобы учитель въ учебное время бралъ отпускъ только отъ учрежденія или лица, содержащаго школу, а не отъ инспектора, а въ каникулярное время пользовался отпускомъ уже безъ всякаго разрѣшенія; желательно, чтобы чины инспекціи по дѣламъ школы сносились не непосредственно съ учителемъ, а съ земскими управами, которыя должны быть посредниками между инспекторомъ и школой.

Докладъ этотъ, однако, былъ снятъ предсѣдателемъ секціи съ очереди и, не смотря на горячій и единодушный протестъ участниковъ секціи, обсужденію не подвергался. Тѣмъ не менѣе даже и при такихъ условіяхъ, работа секціи оказалась въ высокой степени производительною. На заключительномъ собраніи съѣзда было отмѣчено, что доклады секціи касались самыхъ разнообразныхъ и наболѣвшихъ вопросовъ быта учащихъ. Въ докладахъ и преніяхъ высказалось прежде всего единодушное стремленіе учителей къ общенію между собою и единенію съ народомъ. Что касается докладовъ объ общественномъ положеніи учителя, то выяснилось, что онъ не хочетъ быть узкимъ профессіональнымъ работникомъ, а желаетъ работать вмѣстѣ съ другими гражданами, добивается участія въ общественной дѣятельности.

2-я секція (по вопросамъ матеріальнаго положенія учащихъ), по характе-

ристикѣ предсѣдателя ея, «пришла къ заключенію, что общественныя учрежденія должны обратить особое вниманіе на положеніе народнаго учителя и оказать содѣйствіе улучшенію этого положенія, -а правительству слѣдуетъ увеличить бюджетъ по народному образованію. Средства найдутся, если будетъ ясно сознана необходимость придти на помощь народному учителю». Между прочимъ, на общемъ собраніи съѣзда громкими апплодисментами принято было предложеніе секціи—признать, что положеніе народныхъ учителей въ Сибири можетъ быть кореннымъ образомъ улучшено только тогда, когда будутъ введены земскія учрежденія въ этой окраинѣ. По предложенію нѣкоторыхъ членовъ съѣзда единогласно дополнено это постановленіе выраженіемъ пожеланія, чтобы для улучшенія положенія учителя и народной школы земскія учрежденія были введены на общихъ основаніяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ и въ другихъ окраинахъ Россіи.

Много поработала надъ своею задачей и 3-я секція, характеръ дѣятельности которой вполнѣ опредѣляется произнесенною однимъ изъ членовъ ея В. П. Вахтеровымъ рѣчью о томъ, чего ждутъ по данному вопросу отъ съѣзда учителя, разбросанные въ глухихъ и далекихъ углахъ Россіи. Задача начальной школы сводится не къ буквѣ ѣ, не къ оваламъ и полуоваламъ каллиграфіи, не къ таблицѣ умноженія и вообще не къ механическимъ навыкамъ, не къ исполненію экзаменаціонныхъ требованій, не къ натаскиванью дѣтей къ экзамену. Педагогика, это—искусство, учитель, это—художникъ, школа—художественная студія. Но если учитель—художникъ, то долженъ быть предоставленъ извѣстный просторъ его самодѣятельности, извѣстная свобода его педагогическому творчеству. Если учитель — художникъ, то это такой художникъ, который воспитываетъ дѣтей по своему образу и подобію. Онъ самъ служитъ для нихъ наглядьнымъ пособіемъ, притомъ наиболѣе важнымъ наглядьнымъ пособіемъ. Но для этого надо, чтобы учитель самъ чувствовалъ себя образованнымъ и развитымъ человѣкомъ. Помочь его образованію могутъ и учительскіе курсы, особенно по общеобразовательнымъ предметамъ, но желательно, чтобы они устраивались при университетахъ и другихъ высшихъ школахъ, потому что тамъ есть библіотеки, кабинеты, лабораторіи, тамъ есть и преподаватели въ лицѣ профессоровъ. Ораторъ закончилъ словами: «Только тупыя головы могутъ бояться образованнаго учителя». Рѣчь эта вызвала долгіе единодушные апплодисменты.

Вотъ, между прочимъ, постановленія секціи по поводу педагогическихъ курсовъ: 1) Учителя народныхъ школъ нуждаются въ пополненіи своихъ знаній по предметамъ какъ педагогическимъ, такъ и общеобразовательнымъ: соотвѣтственно этому съ точки зрѣнія интереса учащихъ желательна организація двухъ родовъ курсовъ: педагогическихъ и общеобразовательныхъ. 2) Общеобразовательные курсы соотвѣтствуютъ не только насущной потребности учительскаго персонала, но и цѣлаго ряда лицъ разнообразныхъ званій и профессій. Въ виду этого болѣе цѣлесообразнымъ является устройство курсовъ не спеціально учительскихъ, а общедоступныхъ. 3) Право учрежденія курсовъ должно принадлежать какъ общественнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ, педагоги-

ческимъ, просвѣтительнымъ и другихъ обществамъ, а также обществамъ взаимопомощи учащихъ. 4) Для облегченія устройства курсовъ желательно устройство лекціонныхъ бюро во всѣхъ городахъ, гдѣ есть высшія учебныя заведенія, ученыя общества и тому подобныя учрежденія, по примѣру московскаго бюро при обществѣ распространенія коммерческихъ знаній. 5) Желательно, чтобы земства и другія общественныя учрежденія, которыя почему-либо сами не могли устроить курсы, командировали учащихъ на курсы въ другія губерніи по соглашенію съ ихъ учредителями, приходя имъ на помощь своими средствами въ видѣ постоянныхъ пособій. Кромѣ курсовъ, организованныхъ какъ самостоятельныя учрежденія, желательно устройство общедоступныхъ курсовъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладающихъ обширными помѣщеніями, лабораторіями, библіотеками и наглядными пособіями. 6) Желательно, чтобы разрѣшенія на учрежденіе курсовъ и утвержденіе лекторовъ давались своевременно безъ излишней регламентаціи и стѣсненій. Комиссія считаетъ самымъ благопріятнымъ условіемъ для безпрепятственнаго развитія дѣла народнаго образованія явочную систему при учрежденіи общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсовъ и лекцій. Но такъ какъ необходимо пока считаться съ существующими въ учебномъ вѣдомствѣ традиціями, то комиссія представила проекты положеній о курсахъ на случай, если бы явочная система не была допущена. По проекту выработанныхъ коммиссіей правилъ общеобразовательныхъ курсовъ, они устраиваются земствами, городскими и другими сословными учрежденіями, обществами взаимопомощи учащихъ, просвѣтительными и другими обществами, а равно и частными лицами. Курсы находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, если они устраиваются, какъ самостоятельныя учрежденія, и разрѣшаются тогда властью попечителя учебнаго округа. Если же курсы организуются при учебныхъ заведеніяхъ, то они состоятъ въ вѣдѣніи того министерства, которому подчинено данное учебное заведеніе, и разрѣшаются тѣмъ порядкомъ, который будетъ установленъ въ данномъ вѣдомствѣ. Курсы предназначаются или для учащихъ обоего пола, или вообще для лицъ, желающихъ пріобрѣсти познанія въ общеобразовательныхъ предметахъ. Ближайшее завѣдываніе учебною частью курсовъ возлагается на особаго завѣдующаго, избираемаго учредителями курсовъ и утверждаемаго попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ избираются учредителями и утверждаютея попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ, а равно и представители отъ учрежденій составляютъ педагогическій совѣтъ съ выборнымъ предсѣдателемъ для обсужденія и рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся веденія учебнаго дѣла курсовъ. Педагогическіе курсы, по проекту коммиссіи, устраиваются тѣмъ же порядкомъ, какъ и общеобразовательные. Выборъ учебныхъ предметовъ принадлежитъ учредителямъ курсовъ, программы же преподаванія составляются самими руководителями по соглашенію съ учредителями и утверждаются попечителемъ учебнаго округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ секція выработала главныя основанія правилъ для устройства учительскихъ съѣздовъ. Учительскіе съѣзды могутъ созываться: или 1) самими учителями, причемъ пока у учителей не будетъ организованнаго корпоративнаго устройства, извѣстная, опредѣленная часть всего количе-

ства учителей той территоріи, для которой созывается съѣздъ, подаетъ письменное заявленіе о созывѣ съѣзда или учительскому обществу взаимопомощи, или общественнымъ учрежденіямъ, содержащимъ школы, или же училищному совѣту, или учебному комитету; или 2) учительскими обществами взаимопомощи, или другими учительскими организаціями; или 3) общественными учрежденіями, содержащими школы, если въ данной мѣстности нѣтъ учительскихъ обществъ; или 4) училищнымъ совѣтомъ или учебнымъ начальствомъ. Учрежденія, созывающія съѣздъ, опредѣляютъ ихъ составъ, срокъ, продолжительность, программу и вырабатываютъ инструкцію, касающуюся порядка съѣзда. Открываются съѣзды явочнымъ порядкомъ, посредствомъ заявленія попечителю учебнаго округа.

Четвертая секція, по удачному замѣчанію ея предсѣдателя на заключительномъ собраніи съѣзда, старалась «построить тотъ мостъ для народнаго учителя, по которому онъ перейдетъ изъ области упованій и пожеланій въ лучшую дѣйствительность». Главнымъ вопросомъ, занимавшимъ секцію, надо признать вопросъ объ организаціи всероссійскаго союза учительскихъ обществъ взаимопомощи. Одинъ изъ докладчиковъ по этому вопросу московскій делегатъ г. Архангельскій отмѣтилъ, что учитель не огражденъ отъ произвола не только въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ, но даже и въ чисто личныхъ дѣлахъ. Такъ, бывали случаи, когда простыя товарищескія вечеринки принимались вслѣдствіе недоразумѣній за запрещенныя собранія и учитель—хозяинъ вечеринки—подвергался увольненію. Это показываетъ, какъ бдительно слѣдятъ за жизнью учителя и какъ трудно учителю развить свою самодѣятельность и самопомощь. Необходимо ходатайствовать объ освобожденіи учителей отъ такого усиленнаго надзора и отъ такой бдительной надъ ними опеки и приравнять учительскую профессію ко всякой другой интеллигентной профессіи. Но если для учителей необходимы независимость и самостоятельное положеніе, то они должны стремиться къ осуществленію своей жизни, принципа взаимопомощи на широкихъ основаніяхъ. Этому принципу не удовлетворяютъ существующія учительскія общества взаимопомощи, такъ какъ: 1) нормальный уставъ этихъ обществъ, утвержденный министромъ народнаго просвѣщенія 5-го іюля 1894 г., въ значительной степени съузилъ рамки дѣятельности обществъ, давъ возможность оказывать учащимъ только одну матеріальную поддержку и обративъ ихъ въ сущности въ общества попеченія объ учителяхъ, такъ какъ въ составъ правленія обществъ включено на правахъ члена лицо по назначенію отъ мѣстнаго директора народныхъ училищъ; 2) въ составъ обществъ взаомопомпщи вступаютъ далеко не всѣ учитоля, развиваются они слабо, для усиленія своихъ матеріальныхъ средствъ привлекаютъ новый, совершенно неподходящій къ понятію взаимопомощи элементъ благотворительности и, наконецъ, какъ между самими обществами, такъ и между членами отдѣльныхъ обществъ существуетъ крайняя разъединенность. Въ виду этого докладчикъ, считая необходимымъ пересмотръ и измѣненіе нормальнаго устава обществъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ съѣзду обсудить вопросъ объ организаціи всероссійскаго союза учительскихъ обществъ взаимопомощи съ цѣлью поднятія уровня духовнаго развитія

и матеріальнаго обезпеченія учителей, причемъ входящія въ составъ союза общества, дѣйствуя въ предѣлахъ своего района самостоятельно, должны быть по отношенію къ союзу какъ бы филіальными его отдѣленіями. Секція признала необходимымъ образованіе всероссійскаго союза учительскихъ обществъ взаимопомощи.

Съѣздъ былъ закрытъ 6-го января. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено обратиться, путемъ печати, съ приглашеніемъ къ учителямъ основать общества взаимопомощи лицъ учительскаго званія тамъ, гдѣ такихъ обществъ не существуетъ.

Похороны А. И. Герцена. Пользуясь матеріалами (вырѣзками изъ иностранныхъ газетъ), переданными недавно Герценомъ-сыномъ въ московскій Румянцевскій музей, г-жа Е. Некрасова набрасываетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ день годовщины смерти писателя общую картину смерти знаменитаго русскаго покойника.

А. И. Герценъ скончался въ Парижѣ 9-го января (21-го н. с.) 1870 г., а 11-го января, часовъ въ 10 утра, къ дому pavillon Rohan, № 172, на улицѣ Риволи, подъѣхала и стала у крыльца просто задрапированная, безъ перьевъ и пышныхъ украшеній, траурная колесница, запряженная всего только въ двѣ лошади. Провожатыхъ еще не было видно. Родственники и близкіе друзья уже всѣ были въ салонѣ, возлѣ гроба.

Въ парижскихъ газетахъ еще наканунѣ появилось поразившее всѣхъ своею неожиданностью и внезапностью объявленіе о смерти *Александра Герцена.* Это извѣстіе многихъ поразило вдвойнѣ, такъ какъ не больше двухъ-трехъ недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Ивановичъ успѣлъ перебраться на жительство въ Парижъ, и потому объ его пребываніи здѣсь знали только весьма немногіе, — самые близкіе друзья, и вдругъ газеты извѣщаютъ, что *Герценъ умеръ*, умеръ въ Парижѣ, въ pavillon Rohan!.. Пришлось добиваться, разспрашивать, разузнавать.

Оказалось, что дней семь тому назадъ послѣ русскаго Новаго года, вечеромъ, 5-го января, Герценъ почувствовалъ недомоганье. Не придавая этому серьезнаго значенія, онъ подумалъ, не лучше ли будетъ пройтись, чтобы поразмять члены, и пошелъ въ кафе читать газеты, какъ это дѣлалъ всегда. Но прогулка только утомила его. Онъ вернулся домой съ сильнымъ ознобомъ и колотьемъ въ боку.

Организмъ больного былъ надорванъ діабетомъ, потому ему не подъ силу было справиться съ такой серьезной болѣзнью, какъ воспаленіе (лѣваго) легкаго.

О томъ, что Герценъ боленъ и боленъ опасно, въ Парижѣ знали очень немногіе.

Другіе знакомые узнали прямо о смерти Герцена изъ газетныхъ объявленій. Въ этихъ объявленіяхъ говорилось, что выносъ тѣла назначенъ 11-го января (23-го по нов. ст.), въ 12 часовъ дня.

И всѣ, кто прочелъ эту тяжелую новость и кто желалъ принести послѣднюю дань уваженія человѣку, отдавшему всю свою жизнь на служеніе родинѣ, не спѣшили стекаться къ pavillon Rohan раньше назначеннаго часа.

Между тѣмъ вдругъ совершенно неожиданно для всѣхъ гробъ съ тѣломъ Герцена вынесли на улицу, поставили на траурную колесницу, прежде чѣмъ на башенныхъ часахъ Парижа успѣло пробить одиннадцать, и траурная колесница вдругъ заколыхалась, двинулась впередъ и затѣмъ тотчасъ пустилась быстрой рысью, совсѣмъ неприличной для похоронной процессіи. Никто изъ провожатыхъ, конечно, этого не ожидалъ. Захваченные врасплохъ, пустились въ бѣгъ за колесницей, стараясь принудить кучера замедлить шагъ.

Но кучеръ былъ только орудіемъ исполненія воли хозяина процессіи, который, въ свою очередь, тоже поступалъ по чужому приказанію... Родные же въ это время настолько были погружены въ чрезмѣрное горе, постигшее ихъ, что даже и не замѣтили всѣхъ несообразностей и всей происшедшей путаницы. А между тѣмъ, вслѣдствіе такой странной перемѣны назначеннаго въ газетахъ часа, многіе изъ желавшихъ проводить Александра Герцена до могилы не успѣли принять участія въ похоронной процессіи, и потому за погребальной колесницей знаменитаго русскаго писателя, пользовавшагося европейской извѣстностью и славой, слѣдовалала толпа всего только въ пятьсотъ человѣкъ, а вслѣдъ за этой немноголюдной толпой медленно двигался одинъ рядъ каретъ.

«Характеръ толпы,—какъ писалъ въ «Neue Freie Presse» дня черезъ четыре одинъ изъ участниковъ процессіи, нѣкто Густавъ Рашъ, глубоко уважавшій и цѣнившій Герцена не только за его колоссальный умъ и талантъ, но и за его любвеобильное сердце, — былъ смѣшанный; блузники со своими дѣтьми на рукахъ, богато одѣтыя дамы, мужчины разныхъ состояній, женщины изъ народа». У всѣхъ лицъ, составлявшихъ похоронный кортежъ, на груди виднѣлись букетики изъ красныхъ иммортелей.

Изъ толпы, окружавшей могилу, вышелъ впередъ одинъ изъ соотчественниковъ покойнаго, горячо любившій и уважавшій Александра Ивановича, г. Вырубовъ.

«Граждане,—началъ Вырубовъ взволнованнымъ голосомъ,—семья Герцена, согласуясь съ желаніемъ покойнаго, которое онъ много разъ выражалъ, не хочетъ, чтобы на его могилѣ произносились рѣчи. Несмотря на всю такую необычайность и—я прибавлю—на всю муку такого нѣмого прощанія съ человѣкомъ, который былъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей среди европейской демократіи, отнесемся съ уваженіемъ къ его желанію. Хоронить мертвыхъ такъ, какъ они желаютъ быть похороненными,—это значитъ уважать покойниковъ. И потому я совсѣмъ не буду произносить рѣчи, а выскажу только тѣ чувства, которыя переполняютъ меня настолько, что выходятъ изъ краевъ,—чувства, которыми я бы желалъ подѣлиться съ присутствующими... У Россіи былъ только одинъ голосъ... И этотъ голосъ замеръ, и мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что никакой другой голосъ не сможетъ замѣнить его. Послѣ смерти этого великаго писателя, который такъ много сдѣлалъ для своего отечества и которому мы пришли отдать послѣдній долгъ, Россія не облечется въ трауръ; только одни друзья, оставшіеся ему вѣрными, будутъ носить этотъ трауръ въ своихъ сердцахъ. Но настанетъ день, когда вспомнятъ объ этой одинокой могилѣ и придутъ сюда для того, чтобы надъ надгробной плитой возд-

вигнуть памятникъ великому писателю и гражданину. А теперь, граждане, отъ имени семьи покойнаго, отъ имени нѣкоторыхъ изъ его соотечественниковъ, отъ имени его друзей, которые пришли сюда, я благодарю всѣхъ, кто сопровождалъ его гробъ; особенно благодарю парижскихъ демократовъ, которые двадцать лѣтъ тому назадъ съ такою симпатіей приняли его и въ средѣ которыхъ онъ сохранилъ столько друзей, и эти друзья пришли оказать ему послѣднее выраженіе своей симпатіи...»

Ораторъ закончилъ свою рѣчь надеждой, что не только Россія, но, можетъ быть,—правда, въ весьма отдаленномъ будущемъ,—и человѣчество признаетъ заслуги покойнаго.

Рѣчью закончилось печальное торжество. Провожатые засыпали красными иммортелями могилу и только послѣ этого начали расходиться,—каждый пошелъ своею дорогою, у каждаго было свое дѣло.

Сынъ Герцена взялъ на себя сложныя хлопоты по перевозкѣ тѣла отца въ Ниццу, на то кладбище, гдѣ уже давно покоилась его жена Наталья Александровна и двое дѣтей. Получивъ пропускъ, Герценъ-сынъ вручилъ эту бумагу Огаревой и, упросивъ ее лично присутствовать при отправкѣ гроба, самъ вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями отправился впередъ въ Ниццу, чтобы приготовить все къ пріему покойника.

Когда гробъ прибылъ, его встрѣтилъ Александръ Александровичъ вмѣстѣ съ близкими друзьями. Затѣмъ было совершено погребеніе тѣла Герцена рядомъ могилою его жены, на томъ изъ ниццскихъ кладбищъ, которое высоко лежитъ на зеленомъ холмѣ, близъ стараго замка (Château) надъ моремъ.

Могила Герцена не стоитъ на виду, не бросается въ глаза, какъ могила Гамбетты: она скрыта, вся ушла въ тѣсноту другихъ могилъ—съ одной стороны, а съ другой—ее совсѣмъ заслоняетъ отъ взора высокая земляная насыпь уступа. Да и добраться до нея не легко: для этого надобно пройти мимо могилъ отца и матери Гарибальди такъ, чтобы онѣ остались влѣво отъ васъ, и и начать спускаться внизъ, держась опять же все лѣвѣй и лѣвѣй, по зеленымъ уступамъ, на нижнія маленькія площадки. И въ лѣвой сторонѣ вскорѣ обратитъ вниманіе посѣтителя высокій, пышный, темный кипарисъ, а полѣвѣе, невдалекѣ отъ него, притянетъ вниманіе бронзовая, темносѣраго цвѣта статуя Герцена во весь ростъ, стоящая на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ съ привычнымъ жестомъ скрещенныхъ на груди рукъ...

Хотя статуя и принадлежитъ работѣ русскаго художника, но не ему удалось вполнѣ хорошо передать черты великаго писателя: благородство лица Герцена, его чудный лобъ, его фамильный носъ съ горбинкой, также какъ вся его духовная сила и мощь въ выраженіи лица много лучше переданы иностраннымъ художникомъ Sprink'омъ, успѣвшимъ сдѣлать снимокъ (d'aprs nature, какъ сказано на сохранившихся экземплярахъ) съ мертваго Герцена. Отъ этого портрета не хочется оторвать глазъ: какая красота всей головы! Какой лобъ! сколько силы, ума въ выраженіи лица и сколько красоты въ этомъ спокойномъ отдыхѣ смерти утомленнаго, измученнаго жизнью борца! При видѣ же его одинокой могилы на этомъ чужомъ намъ кладбищѣ, въ чужомъ, дале-

комъ городѣ, при видѣ этой бронзовой статуи съ устремленнымъ въ родную даль взоромъ, сжимается сердце и помимо воли приходятъ на память стихи:

„Такъ вотъ гдѣ, боецъ, утомленный борьбою,
Послѣдній пріютъ ты нашелъ!..“

Крѣпостное рабство въ Дагестанѣ. Подъ покровомъ присущаго будто бы намъ уваженія къ обычному праву, среди подчиненныхъ Россіи восточныхъ инородцевъ удерживаются, а иногда даже благополучно развиваются правоотношенія, которымъ давно уже, казалось бы, не должно быть мѣста въ культурномъ государствѣ. Для иллюстраціи воспользуемся слѣдующими интересными свѣдѣніями, полученными «Бакинскими Извѣстіями» о существованіи въ Дагестанѣ крѣпостного права.

Сословія въ Дагестанской области — явленіе совершенно новое, начавшее свое существованіе только съ покореніемъ области. Древняя родовая организація не была благопріятна развитію общественнаго неравенства. Тогда были всѣ равны и всѣ одинаково пользовались землей, находящейся въ общественномъ владѣній. За исключеніемъ немногочисленнаго сословія рабовъ, присущаго всякому первобытному обществу, сословій въ древнемъ Дагестанѣ вовсе не было. Первымъ образовалось сословіе бековъ. Званіе бека въ прежнія времена давалось ханомъ, которому всѣ беки обязывались въ военное время выступать на помощь со своими силами. Съ водвореніемъ русской власти въ Дагестанѣ ханская власть не была ограничена, но бекское достоинство среди жителей области считалось самымъ высшимъ потому, что беки имѣли право надѣлять свое воинство землей, а слѣдовательно дѣлать изъ рабовъ самостоятельныхъ владѣльцевъ! Когда произошли нѣкоторыя волненія во владѣніяхъ хановъ, послѣдніе въ наказаніе непокорности рабовъ отдали ихъ въ распоряженіе бековъ, а эти сдѣлали ихъ крѣпостными и назвали раятами. Оказывается, что раяты эти и до сего времени существуютъ въ Дагестанѣ и находятся въ зависимости отъ бековъ, соотвѣтствуя, такимъ образомъ, бывшимъ крѣпостнымъ помѣщиковъ. Этихъ несчастныхъ раятъ существуетъ въ Дагестанѣ около 30 тыс. человѣкъ, и жизнь ихъ поставлена въ самыя тяжелыя условія. Раяты не живутъ у бековъ, такъ какъ наши беки далеко не состоятельны, но зато они отбываютъ бекскія повинности и притомъ весьма разнообразныя. Они платятъ бекамъ денежные сборы, отбываютъ подворную повинность: ремесленники издѣліями, земледѣльцы произведеніями земли и т. д. Словомъ, раяты несутъ самую древнюю повинность—дань. Сами по себѣ, они народъ въ высшей степени миролюбивый, что и даетъ возможность бекамъ держать ихъ въ своихъ рукамъ. Нерѣдко случается, что въ самый разгаръ полевыхъ работъ является всадникъ въ деревню раятъ и заставляетъ неспособныхъ къ труду стариковъ и старухъ отбывать бекскія повинности на поляхъ. Всѣ наши окружные и сельскіе суды завалены дѣлами о бекскихъ несправедливостяхъ, но существующіе адаты (обычаи) пока еще не потеряли силу, и злосчастные раяты такъ и не могутъ выйти изъ крѣпостной зависимости. На этихъ адатахъ основаны всѣ права бековъ, и разъ адатъ

не существуетъ на бумагѣ, то существованіе его подтверждается голословнымъ заявленіемъ старожиловъ Дагестана. Несправедливость бековъ къ раятамъ развивается не по днямъ, а по часамъ. Поводомъ къ этому послужило опредѣленіе сословныхъ и поземельныхъ правъ въ законодательномъ порядкѣ. Предчувствуя потерю раятъ, беки употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы захватить въ свое пользованіе владѣнія раятъ, и въ этомъ успѣли достичь неограниченныхъ размѣровъ. Часть раятъ, проживающихъ въ Кюринскомъ округѣ, попыталась уйти на заработки въ Черноморскую губернію, но дѣти и старики подверглись необычайной работѣ у бековъ. Словомъ, раяты связаны по рукамъ и ногамъ, и нерѣдко случается, что цѣлыя деревни, въ полномъ смыслѣ, голодаютъ, благодаря своимъ властелинамъ.

Конфликтъ земства съ печатью. Извѣстный общественный дѣятель М. А. Стаховичъ, много разъ свидѣтельствовавшій освоемъ глубокомъ уваженіи къ либеральнымъ принципамъ, нечаянно «обмолвился», вскрывъ для всѣхъ неожиданно свое внутреннее «я». Въ качествѣ предсѣдателя орловскаго губернскаго земскаго собранія онъ обидѣлся на мѣстную газету «Орловскій Вѣстникъ» за искаженіе будто бы отчетовъ собранія и не нашелъ иного пути для возстановленія истины, какъ *исходатайствованіе у администраціи скорпіоновъ для газеты.* Послѣ этого редакція «Орловскаго Вѣстника» прекратила печатаніе отчетовъ о земскомъ собраніи и обратилась къ гласнымъ съ открытымъ письмомъ, изъ котораго заимствуемъ нѣкоторыя выдержки:

«Засѣданіе 12-го декабря было открыто извѣстнымъ вамъ, гг. гласные, заявленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, указывалось, что отчетъ о засѣданіи собранія, помѣщенный въ № «Орловскаго Вѣстника» отъ 12-го декабря, не соотвѣтствуетъ истинѣ и тѣмъ условіямъ приличія, которыя приняты даже въ частной, интимной бесѣдѣ. Далѣе, въ этомъ заявленіи говорилось о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты въ цѣляхъ предупрежденія въ будущемъ этого двойного нарушенія. На сдѣланное заявленіе никакихъ возраженій не послѣдовало, что даетъ поводъ редакціи «Орловскаго Вѣстника» обратиться къ гг. гласнымъ съ настоящимъ открытымъ письмомъ.

«Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько вышеупомянутый отчетъ соотвѣтствовалъ истинѣ, такъ какъ никѣмъ изъ гг. гласныхъ ни въ этомъ засѣданіи, ни послѣ не было сдѣлано никакого точнаго указанія въ этомъ отношеніи, мы находимъ нужнымъ остановиться лишь на второй части заявленнаго противъ насъ обвиненія.

«Приличіе, конечно, каждый можетъ понимать и толковать по своему. Одно только несомнѣнно, что всякій предубѣжденный человѣкъ, который прочтетъ отчетъ, помѣщенный въ № «Орловскаго Вѣстника» отъ 12-го декабря, вынесетъ лишь одно впечатлѣніе—это явное несоотвѣтствіе между силами губернскаго собранія, назначеніе котораго—обсужденіе вопросовъ обще-губернскаго характера, притомъ существеннаго значенія,—съ тѣми докладами, которые ему, т.-е. собранію, по той или иной причинѣ приходилось заслушивать.

«Силы собранія, такимъ образомъ, признавались выше тѣхъ, которыя тре-

бовала производившаяся до того времени собраніемъ работа. Что-жъ тутъ оскорбительнаго для собранія, противъ чего, слѣдовало бы принимать какія бы то ни было мѣры?

«Далѣе, въ тѣхъ стѣнахъ, которыя не разъ слышали всякія указанія на тѣ стѣсненія, которыя вносятся у насъ цензурой, въ которыхъ не разъ раздавались рѣчи въ защиту свободнаго слова, собраніе своимъ молчаливымъ согласіемъ одобрило мѣру, какъ разъ противоположную принципамъ, по существу своему неотдѣлимымъ отъ принциповъ общественной самодѣятельности.

«Въ виду такого отношенія собранія, въ связи съ тѣми рѣзкостями, которыя были сдѣланы въ вышеуказанномъ заявленіи по адресу «Орловскаго Вѣстника», редакціи не оставалось ничего другого, какъ только прекратить печатаніе отчетовъ собранія. Редакція «Орловскаго Вѣстника».

Въ отвѣтъ на это письмо отъ г. Стаховича послѣдовало слѣдующее разъясненіе:

«По поводу сдѣланнаго 12-го декабря заявленія вы напечатали открытое письмо къ гг. губернскимъ гласнымъ въ № 334, отъ 18-го декабря, т.-е. на другой день, какъ собраніе было закрыто и всѣ гласные разъѣхались, о чемъ наканунѣ въ № 333 было напечатано въ нашей хроникѣ.

«Это принуждаетъ меня, какъ предсѣдателя, отвѣтить за распущенное собраніе. Возражая, постараюсь убѣдить васъ и безпристрастныхъ читателей, поэтому воздержусь отъ всякихъ ядовитыхъ намековъ или выходокъ.

«Поговоримъ серьезно.

«Отчету 12-го декабря предшествовало нѣсколько статей, полныхъ насмѣшекъ и укоровъ земскому собранію. За что? Не за бездѣйствіе, потому что за 4 дня было заслушано 96 докладовъ, серьезно обсужденныхъ, разсмотрѣнныхъ и рѣшенныхъ. Всѣ они созданы необходимостью ежедневной хозяйственной жизни, всѣ требуютъ санкціи губернской земской коллегіи и потому вызывали среди гласныхъ больше справокъ, чѣмъ споровъ; все это близкое, каждому знакомое дѣло. Такое обсужденіе безъ ристалища бываетъ неинтересно для посторонней публики; но серьезный публицистъ долженъ къ этой добросовѣстной будничной работѣ относиться съ уваженіемъ, а не съ язвительными упреками, тѣмъ болѣе, что вы знали, что крупные, связанные съ принципіальными вопросами, доклады въ это время подготовлялись въ коммиссіяхъ.

«Наконецъ въ отчетѣ, замѣтьте, что въ отчетѣ, а не въ фельетонѣ «Искрахъ» «Зигзагахъ» и другихъ отдѣлахъ вашей газеты, передача бывшаго въ засѣданіи была замѣнена язвительными разсужденіями о томъ или другомъ уѣздѣ, о томъ или другомъ гласномъ. Не называя доклада, не передавая его сущности, вы отмѣчаете, что такой-то соскучился молчать и что-то поговорилъ, между тѣмъ рѣчь этого гласнаго, можетъ быть, не краснорѣчивая, была несомнѣнно дѣльная, а предметъ ея—срокъ открытія выставки—серьезный, хотя и прозаичный, непосредственно связанный съ десятитысячною затратой земскихъ денегъ... Кромѣ несимпатичныхъ вамъ гласныхъ и докладовъ, вы, повидимому, рѣшились «отдѣлать» все собраніе и заявили въ отчетѣ, что не станете перечислять его занятій, «боясь привить своимъ читателямъ морскую болѣзнь». Еслибъ эти описа-

нія, повторяю, были въ неоффиціозныхъ отдѣлахъ газеты, завѣдомо выражающихъ болѣе или менѣе остроумно отношеніе редакціи къ отдѣльнымъ вопросамъ и явленіямъ, собраніе могло бы ихъ игнорировать, или восхищаться—по вкусу каждаго. Но помѣщенныя въ оффиціозномъ отчетѣ, просматриваемомъ обыкновенно отвѣтственными лицами, они являлись уже искаженіемъ дѣла, пріобрѣтали значеніе факта, а не газетной остроты.

«Вотъ почему я *заявилъ г. орловскому губернатору*, что собраніе считаетъ такіе отчеты искаженіемъ истины и неприличіемъ и почему онъ, убѣдившись, *просилъ меня принять трудъ просматривать отчеты раньше, чѣмъ они пойдутъ къ нему на цензуру.*

«Такая провѣрка компетентнымъ лицомъ протоколовъ, журналовъ, отчетовъ практикуется—смѣю завѣрить васъ—во всѣхъ странахъ и есть требованіе правдиваго безпристрастія, а не притѣсненіе, такъ какъ сужденія редакціи или публициста могутъ найти себѣ мѣсто и внѣ отчета. Требованіе отъ протокола наличности правды и отсутствіе неприличныхъ выходокъ вполнѣ согласимо—увѣряю васъ—со свободой слова и мнѣній.

«Собраніе единогласно осудило отчеты вашей газеты, и вотъ, какъ сами пишете, «оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько упомянутый отчетъ соотвѣтствовалъ истинѣ» и считая, что «приличіе, конечно, каждый можетъ понимать и толковать по своему», вы находите, что вамъ оставалось только прекратить печатаніе отчетовъ, въ виду такого отношенія собранія, что вы и сдѣлали.

«Разсердившись на собраніе, вы гласно и печатно высказали свое осужденіе ему. Согласитесь же, что губернское земское собраніе только предупредило васъ также гласно, въ открытомъ засѣданіи, высказавъ несогласіе со взглядами редакціи какъ на отношенія къ истинѣ, такъ и къ приличіямъ.

«Предсѣдатель собранія *М. Стаховичъ*.»

Едва ли это письмо г. Стаховича можетъ кого-нибудь убѣдить въ корректности его поступка. Оно показываетъ только одно, а именно, что г. Стаховичъ, прибѣгнувъ (правда, нѣсколько поздно) къ печатному разъясненію, очень хорошо, оказывается, знаетъ, что, кромѣ административныхъ скорпіоновъ, есть и другіе пути для возстановленія нарушенной истины.

Крестьяне о своихъ нуждахъ. Ковровскій комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности разослалъ въ свое время многимъ жителямъ уѣзда, главнымъ образомъ, крестьянамъ, вопросные бланки, касающіеся положенія сельскаго хозяйства. «С.-Петербургскія Вѣдомости», сгруппировавъ полученные отвѣты, даютъ интересный матеріалъ для оцѣнки отношенія къ современному сельскохозяйственному кризису со стороны различныхъ группъ уѣзднаго населенія. Мы остановимся здѣсь на отвѣтахъ крестьянъ, а отвѣтовъ представителей другихъ группъ коснемся лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ отвѣтахъ священниковъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ причины обѣднѣнія крестьянъ, выставляются семейные раздѣлы, удаленіе молодыхъ силъ на сторону, роскошь (?) и щегольство въ одеждѣ и столѣ и въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ—лѣность. Что касается вопроса о нуждахъ крестьянъ, то, кромѣ

обычнаго недостатка луговъ или вообще земли, есть такія показанія: «Побольше бы просвѣщенія во всѣхъ его видахъ, уменьшеніе податей—для подъема духа бѣдняковъ (съ фабрикантовъ можно наверстать)».

Отвѣты волостныхъ писарей, въ общемъ, не блещутъ оригинальностью и жизненностью. Вотъ одинъ отвѣтъ на вопросъ о мѣрахъ къ поднятію благосостоянія: правительственныя распоряженія и строгій надзоръ со стороны начальства. Начальническою же опекой пропитанъ и отвѣтъ волостныхъ старшинъ.

Болѣе интересными, богатыми по своему разнообразію и жизненными являются отвѣты крестьянъ. Ихъ—24. Отмѣтимъ въ нихъ въ особенности общіе принципіальные вопросы.

На вопросъ о причинахъ бѣдности цѣлый рядъ отвѣтовъ констатируетъ отсутствіе образованія, невѣжество крестьянъ. «Главная и важная причина бѣдности—это то, что крестьяне не получаютъ никакого образованія и нигдѣ ничему не учатся». «Научите мужика уму-разуму и тогда посмотрите, какой изъ него выйдетъ хозяинъ». Какъ причина обѣднѣнія, отмѣчается существованіе круговой поруки, благодаря которой у крестьянъ, заплатившихъ подати, продаютъ имѣніе за недоимки тѣхъ, кого и въ деревнѣ-то нѣтъ давно. Такою же причиною является развитіе кулачества, противовѣсомъ которому рекомендуется учрежденіе крестьянскихъ банковъ и ссудныхъ кассъ. Какими средствами поднять благосостояніе? Нужно земледѣльческое и общее образованіе, введеніе всеобщаго обученія и школъ съ 4-хъ-годичнымъ курсомъ, уменьшеніе налоговъ и взысканіе ихъ тогда, когда у крестьянина есть деньги, организація мелкаго кредита, рабочихъ артелей, нужно знакомство съ существующими узаконеніями и установленіе нормальныхъ отношеній, при которыхъ отсутствовала бы «боязнь начальниковъ».

Вотъ отвѣты крестьянина Н. Въ чемъ главнѣйшая причина бѣдности крестьянъ? Онъ отвѣчаетъ: «Въ раздѣлахъ, которые вызываются уходомъ молодыхъ членовъ семьи на фабрики и заводы. Эти лица до ухода въ большинствѣ не получили никакого образованія и не знаютъ семейныхъ обязанностей, также гражданскихъ правъ и обязанностей предъ правительствомъ, поступаютъ на фабрики и заводы подростками и здѣсь также не получаютъ никакого образованія (хотя бы въ воскресныхъ и вечернихъ классахъ). Попадаютъ они въ среду фабрично-заводскихъ массъ, въ корнѣ испорченныхъ, начиная съ среднихъ членовъ администраціи фабрикъ и заводовъ и кончая послѣднимъ рабочимъ. Для устраненія всего этого требуется не временное мѣропріятіе, а постоянныя законодательныя реформы, именно:

«1. Ввести обязательное всеобщее образованіе съ расширеніемъ программы низшей школы.

«2. Не принимать на фабрики и заводы лицъ сельскихъ обществъ моложе 16 лѣтъ.

«3. Установить строгую отвѣтственность за лицами администраціи фабрично-заводской за допущеніе случаевъ, ведущихъ къ нравственному разстройству рабочихъ, а тѣмъ болѣе содѣянныхъ самими лицами администраціи.

«4. Обязать фабрикантовъ устроить для дѣтей рабочихъ низшія общеобра-

зовательныя школы и техническіе классы по спеціальности фабрики. Для взрослыхъ рабочихъ устроить воскресныя и вечернія школы. Это требованіе вполнѣ будетъ законно, такъ какъ для созданія своихъ дивидендовъ гг. фабриканты берутъ изъ рабочихъ массъ много нравственныхъ и физическихъ силъ, въ корнѣ разстраиваютъ нравственное благостояніе семьи, взамѣнъ всего этого ничего не даютъ.

«5. Основать на каждую губернію или уѣздъ пенсіонную кассу для фабрично-заводскихъ рабочихъ. Для образованія кассъ употребить штрафные капиталы, отчисленія отъ годовыхъ доходовъ фабрикантовъ и заводчиковъ нѣкоторыхъ суммъ, а также часть отпустить изъ средствъ казны и вычитать изъ жалованья и заработной платы рабочихъ. Касса эта для потерявшихъ здоровье на работѣ. Масса рабочихъ, проработавъ на фабрикѣ нѣсколько лѣтъ, теряетъ здоровье и такъ какъ не оставляетъ себѣ матеріальнаго обезпеченія, то является въ деревни безъ всякихъ средствъ къ существованію и безъ способности къ труду и становится, такимъ образомъ, плохимъ плательщикомъ податей, а тѣмъ болѣе земледѣльцемъ».

«6. Установить обязательное всеобщее государственное страхованіе рабочихъ для крупной и мелкой фабрично-заводской промышленности».

Для улучшенія сельскаго хозяйства необходимо, по мнѣнію г. Н., во-первыхъ, основать общество сельскихъ хозяевъ на всемъ протяженіи рѣки Клязьмы и ея притоковъ, при поддержкѣ министерства земледѣлія, и, во-вторыхъ, упростить покупку земель и угодій для тѣхъ обществъ, которыя имѣютъ недостатокъ въ нихъ; въ-третьихъ, основать волостныя, сельскія, городскія ссудо-сберегательныя кассы, чтобы для недостаточныхъ людей всегда имѣлась возможность достать небольшую сумму денегъ, а не идти къ ростовщику. Для поддержанія благосостоянія крестьянъ-ремесленниковъ основать среди нихъ артели съ ссудами отъ земства и установить надзоръ за правильностью отношеній хозяевъ къ рабочимъ въ мелкой промышленности.

По отношенію къ существующимъ административнымъ и общественнымъ учрежденіямъ г. Н. считаетъ нужнымъ слѣдующія мѣропріятія:

1. По земскимъ учрежденіямъ. Предоставить одинаковое право для всѣхъ сословій.

2. По администраціи. Мѣсто нахожденія камеръ гг. земскихъ начальниковъ, приставовъ, слѣдователей и прочихъ лицъ администраціи имѣть въ центрѣ ихъ участковъ для болѣе скораго и удобнаго сношенія крестьянъ съ административными лицами и устраненія безполезной траты времени на ходьбу.

3. По волостному правленію. Улучшить персоналъ волостныхъ писарей.

Самымъ важнымъ мѣропріятіемъ г. Н. считаетъ измѣненіе 61-й ст.

Интересны отвѣты крестьянина Г. А. Асташева. Впрочемъ, большая записка, поданная имъ въ комитетъ, не вноситъ чего-нибудь новаго сравнительно съ тѣмъ, что выдвинулъ въ своихъ отвѣтахъ г. Н. Асташевъ также говоритъ о необходимости равноправія крестьянъ съ другими сословіями, которое ставитъ въ основаніе всѣхъ мѣропріятій, о необходимости образованія для крестьянъ. Въ частности, онъ говоритъ, что въ библіотеки-читальни должны быть допу-

щены всѣ книги, которыя разрѣшены цензурою. «Почему это образованный человѣкъ, купецъ, чиновникъ можетъ читать всякія книги, а крестьянинъ нѣтъ?» Не нужно, такъ сказать, силой пріучать крестьянина къ чтенію книгъ по сельскому хозяйству, заполняя ими библіотеки... Ему нужно общее образованіе, а потомъ онъ и самъ будетъ знать, какой отдѣлъ ему болѣе полезенъ.

За мѣсяцъ. Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1903 годъ, забалансированная на этотъ разъ огромной суммой свыше двухъ милліардовъ рублей, мало чѣмъ отличается отъ росписей послѣднихъ лѣтъ.

Въ роспись на 1903 годъ внесено:

Государственные доходы:

Обыкновенные	1.897.032.678 р.
Чрезвычайные	2.500.500 »
Изъ свободной суммы наличности государственнаго казначейства	172.134.794 »
Всего	2.071.667.472 р.

Государственные расходы:

Обыкновенные	1.880.405.229 р.
Чрезвычайные	191.262.243 »
Всего	2.071.667.472 р.

Какъ и въ прошломъ году, слѣдовательно, роспись составлена съ дефицитомъ, который будетъ покрытъ изъ такъ называемой «свободной наличности». или, точнѣе, изъ оставшихся въ запасѣ суммъ, полученныхъ путемъ займовъ. Какъ и въ прошломъ году, культурныя потребности страны занимаютъ въ росписи несоотвѣтственно ничтожное мѣсто, причемъ поясняющій роспись всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ не подаетъ сколько-нибудь благопріятныхъ въ этомъ смыслѣ надеждъ и въ близкомъ будущемъ, какъ не подаетъ онъ надеждъ и на возможность облегченія падающаго на населеніе тяжелаго податного бремени.

«Къ государственнымъ финансамъ,—читаемъ мы въ докладѣ,—у насъ нерѣдко предъявляются преувеличенныя требованія. Въ неблагопріятныя времена подобныя требованія, по необходимости, выражаются рѣже и тише; но тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе становится дружный напоръ на казну въ благополучное время. За послѣдніе годы дѣйствительное поступленіе обыкновенныхъ доходовъ неизмѣнно превышало у насъ сумму произведенныхъ обыкновенныхъ расходовъ, несмотря на исключительно быстрый ростъ бюджета. Въ теченіе этого времени создалась привычка къ благопріятному положенію финансоваго хозяйства, и постепенно стало ослабѣвать сознаніе необходимости соблюденія экономіи въ государственныхъ расходахъ. Ходатайство о болѣе широкомъ удовлетвореніи самыхъ разнообразныхъ потребностей возбуждаются все настоятельнѣе и въ то же время, порою изъ тѣхъ же круговъ, откуда возникаютъ эти просьбы, раздаются сѣтованія на высоту обложенія и предлагаются мѣры къ сокращенію и отмѣнѣ нѣкоторыхъ сборовъ.

«Стремленія къ расширенію государственной дѣятельности увеличеніемъ отпускаемыхъ на это средствъ, а равно къ пониженію бремени налоговъ, особливо падающихъ на бѣдные классы населенія, не могутъ не вызывать полнаго сочувствія; достиженіе этихъ цѣлей и составляетъ заботу финансоваго вѣдомства. Но потребности безграничны, средства же для ихъ удовлетворенія ограничены. При возбужденіи ходатайствъ нѣтъ особой надобности соразмѣрять нужды съ рессурсами; наоборотъ, при проведеніи въ жизнь новыхъ мѣропріятій это необходимо—въ противномъ случаѣ суровая дѣйствительность, въ формѣ дефицита, не замедлитъ сама напомнить о нарушенномъ равновѣсіи между удовлетвореніемъ потребностей и имѣющимися на это средствами. Поэтому, мысль министра финансовъ постоянно должна быть направлена не только въ благодарную и увлекательную сторону развитія полезной дѣятельности правительства или сокращенія податного бремени населенія, но и на трудное и непопулярное дѣло соразмѣренія расходовъ съ доходами, при которомъ неизбѣжно дѣлать строгій выборъ между государственными нуждами: лишь изыскавъ средства на неотложныя и самыя важныя потребности, возможно обращать остальные рессурсы на другое назначеніе.

«Какая же потрребность всего настоятельнѣе для государства? Очевидно, та удовлетвореніе которой обезпечиваетъ самое существованіе государства, его внѣшнюю неприкосновенность. Слѣдуетъ съ экономической и гуманитарной точекъ зрѣнія сожалѣть о томъ, что человѣчество не прониклось еще великими идеями всеобщаго мира: тѣмъ не менѣе, въ настоящее время необходимо признать, что мы состоимъ подъ дѣйствіемъ желѣзнаго закона—обращать на удовлетвореніе культурныхъ потребностей лишь то, что остается послѣ покрытія расходовъ на оборону страны. Когда требованія объ отпускѣ средствъ на эту потребность обращаются къ министру финансовъ, ему крайне затруднительно, а большею частью и совершенно невозможно входить въ обсужденіе того, насколько тѣ или иныя мѣры необходимы для обороны страны; но разъ ихъ необходимость признана, на немъ лежитъ изысканіе средствъ. Отовсюду проистекаетъ тяжелая обязанность принимать на себя починъ по установленію и увеличенію налоговъ, а также отклонять осуществленіе всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, на которыя, за обезпеченіемъ вышеуказанной самой настоятельной государственной потребности, не достаетъ рессурсовъ».

Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, что при всей категоричности ссылокъ на «желѣзный законъ» обезпеченія внѣшней обороны страны, наши государственные бюджеты послѣднихъ лѣтъ, и въ частности бюджетъ 1903 года, непомѣрно расширяются отнюдь не въ силу этого «закона», а по причинѣ особеннаго увлеченія финансоваго вѣдомства желѣзнодорожнымъ строительствомъ, поглощающимъ огромную часть государственнаго бюджета.

— По словамъ столичныхъ газетъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разработанъ и разосланъ на заключеніе вѣдомствъ проектъ усиленія уѣздной полиціи въ 46-ти губерніяхъ и нѣкоторой ея реорганизаціи. Проектируется должность сотскаго упразднить; учредить взамѣнъ ея должность полицейскаго стражника, въ качествѣ ближайшаго помощника полицейскаго урядника. Страж-

никовъ учреждается 35.000 человѣкъ. Эти новые полицейскіе чины будутъ пѣшими, но имъ предположено предоставить право разъѣзжать въ предѣлахъ ввѣреннаго ихъ наблюденію района на земскій счетъ. Содержанія они будутъ получать нѣсколько меньше полицейскихъ урядниковъ. Должность десятскаго сохраняется, но десятскіе будутъ подчинены сельскому и волостному начальству. На осуществленіе своихъ предположеній объ усиленіи состава уѣздной полиціи, въ томъ числѣ и полицейскихъ урядниковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ испрашиваетъ 9.722.000 рублей.

— На текущій годъ кредитъ на содержаніе полицейской стражи въ Закавказьѣ увеличенъ на 1.600.000 р.

— «Одесск. Новости» передаютъ, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о возстановленіи одесскаго генералъ-губернаторства, упраздненнаго въ 1889 году.

— Донскія газеты сообщаютъ, что въ Ростовѣ-на-Дону предполагается учрежденіе особаго градоначальства, которое, по словамъ кіевскихъ газетъ, учреждается вскорѣ и въ Кіевѣ.

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 17-го января помѣщено: 6-го мая 1902 года въ хуторѣ Тихорѣцкомъ, Кавказскаго отдѣла, Кубанской области, окончила жизнь самоубійствомъ содержавшаяся въ мѣстномъ арестномъ помѣщеніи румынская подданная Татьяна Ивановна Золотова, 19 лѣтъ, обвинявшаяся въ кражѣ у городскаго судьи 3-го участка гор. Симбирска, Добровольскаго, изъ желѣзнодорожнаго поѣзда, совершенной 1-го того же мая, а затѣмъ, 9-го мая, послѣ вскрытія и погребенія Золотовой, въ названномъ хуторѣ, толпою желѣзнодорожныхъ рабочихъ произведены были серьезные безпорядки. По поводу упомянутой выше кражи исправлявшій въ то время должность судебнаго слѣдователя 2-го участка Кавказскаго отдѣла Пусеппъ, по сообщенію желѣзнодорожной жандармской полиціи, приступилъ 2-го мая къ производству предварительнаго слѣдствія по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1651 улож. наказ.

Независимо отъ сего, 8-го мая, вслѣдствіе заявленія отца покойной о томъ, что Золотова лишила себя жизни подъ вліяніемъ насильственныхъ противъ нея дѣйствій чиновъ мѣстной хуторской полиціи, временно исполнявшій обязанности судебнаго слѣдователя упомянутаго выше участка, старшій кандидатъ на судебныя должности Мантулинъ началъ предварительное слѣдствіе о причинѣ смерти названной Золотовой. Вмѣстѣ съ симъ возбуждено было предварительное слѣдствіе и о безпорядкахъ, произведенныхъ рабочими послѣ погребенія Золотовой, причемъ, по предложенію прокурора екатеринодарскаго окружного суда отъ 17-го мая минувшаго года, всѣ три вышепоименованныя слѣдствія были переданы для дальнѣйшаго производства и. д. судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ екатеринодарскаго окружнаго суда Алексѣеву.

19-го іюня 1902 года въ № 164 газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» помѣщена была корреспонденція изъ Царицына о томъ, будто бы 18-лѣтняя дочь чиновника Золотова сдѣлалась жертвой гнуснаго насилія со стороны проживающаго на станціи Тихорѣцкой судебнаго слѣдователя, который, затѣмъ,

приказавъ арестовать ее по мнимому обвиненію въ кражѣ, передалъ ее, уже опозоренную, на поруганіе нижнимъ полицейскимъ чинамъ хутора, во власти коихъ несчастная дѣвушка находилась до 6-го мая, когда съ отчаянія рѣшилась отравиться карболовою кислотой.

Приведенное сообщеніе относительно образа дѣйствій лицъ судебнаго вѣдомства вполнѣ опровергалось доставленными въ Министерство Юстиціи мѣстнымъ прокурорскимъ надзоромъ свѣдѣніями о результатахъ произведенныхъ по тремъ указаннымъ выше дѣламъ разслѣдованій. Однако, въ видахъ всесторонней провѣрки газетныхъ сообщеній и слуховъ относительно дѣйствій чиновъ судебнаго вѣдомства по дѣлу Золотовой, Министръ Юстиціи призналъ необходимымъ въ концѣ іюня 1902 года командировать въ хуторъ Тихорѣцкій товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты, статскаго совѣтника Заруднаго, для производства на мѣстѣ таковой провѣрки. Собранныя названнымъ должностнымъ лицомъ свѣдѣнія, а также данныя, добытыя какъ предварительными слѣдствіями по дѣлу Золотовой, такъ и разслѣдованіями, произведенными на мѣстѣ предсѣдателемъ и прокуроромъ екатеринодарскаго окружного суда, а равно и исправлявшимъ должность прокурора тифлисской судебной палаты, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Леммерманомъ, послужили основаніемъ для помѣщеннаго отъ Министерства Юстиціи въ № 199 газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 24-го іюля 1902 года, подробнаго разъясненія, въ коемъ изложены существенныя обстоятельства настоящаго дѣла.

Между тѣмъ и послѣ оглашенія означеннаго разъясненія газета «С.-Петербургскія Вѣдомости» и нѣкоторые другіе органы печати продолжали обсуждать дѣло Золотовой и высказывать различныя по поводу онаго мнѣнія, направленныя къ колебанію достовѣрности сообщенныхъ Министерствомъ Юстиціи свѣдѣній.

Затѣмъ въ августѣ минувшаго года въ производствѣ судебнаго слѣдователя 4-го участка гор. С.-Петербурга возникло возбужденное по жалобѣ и. д. судебнаго слѣдователя Пусеппа предварительное слѣдствіе по обвиненію имъ редактора газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» князя Ухтомскаго въ клеветѣ въ печати, выразившейся въ опубликованіи завѣдомо ложныхъ и позорящихъ честь и достоинство его, Пусеппа, свѣдѣній по дѣлу Золотовой. Слѣдствіе это, производящееся въ порядкѣ частнаго обвиненія, въ виду несостоявшагося примиренія между сторонами, продолжается и нынѣ не приведено еще къ окончанію.

Что же касается упомянутыхъ выше предварительныхъ слѣдствій о причинѣ смерти Татьяны Золотовой и о кражѣ ею вещей изъ вагона, то слѣдствія эти уже окончены и опредѣленіемъ екаринодарскаго окружного суда отъ 7-го января сего года прекращены въ порядкѣ, указанномъ ст. 277 уст. угол. суд., первое—за отсутствіемъ признаковъ преступнаго дѣянія, а второе—за смертью Татьяны Золотовой. Дѣло же о безпорядкахъ рабочихъ въ хуторѣ Тихорѣцкомъ заканчивается и въ непродолжительномъ времени будетъ направлено съ обвинительнымъ актомъ о преданіи суду лицъ, изобличенныхъ въ сихъ безпорядкахъ.

Нынѣ въ № 15 газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 16-го текущаго января помѣщено письмо въ редакцію князя Михаила Андроникова и статья

подъ заглавіемъ «Нельзя молчать», за подписью «Мечтатель», въ которыхъ, между прочимъ, содержится категорическое указаніе на то, что Татьяна Золотова не сама отравилась карболовою кислотою, а была умышленно лишена жизни, чтобы «скрыть слѣды насилій нѣсколькихъ десятковъ лицъ, которыми она была замучена», причемъ «карболовую кислоту влили въ ротъ Золотовой уже мертвой».

Хотя озваченныя указанія находятся въ полномъ противорѣчіи съ результатами произведенныхъ по настоящему дѣлу предварительныхъ слѣдствій и со всѣми другими имѣющимися въ распоряженіи министерства юстиціи подробными и тщательно провѣренными по сему дѣлу свѣдѣніями, министръ юстиціи тѣмъ не менѣе призналъ нужнымъ, въ цѣляхъ окончательнаго разслѣдованія приведенныхъ выше указаній на убійство Золотовой, предложить судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ с.-петербургскаго окружного суда, дѣйствительному статскому совѣтнику Бурцову произвести предварительное слѣдствіе о насильственномъ лишеніи жизни Татьяны Золотовой, съ возложеніемъ особаго наблюденія за этимъ слѣдствіемъ на прокурора тифлисской судебной палаты, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ковалевскаго.

По окончаніи этого предварительнаго слѣдствія, все производство по оному будетъ опубликовано.

Некрологъ. Во второй половинѣ декабря настоящаго года скончался извѣстный беллетристъ-бытописатель *Илья Александровичъ Саловъ*. Сынъ помѣщика, Саловъ родился (въ 1834 г.) и выросъ въ деревнѣ, которую онъ хорошо зналъ и которой онъ посвятилъ свои лучшія произведенія. Первый литературный дебютъ покойнаго писателя относится къ 1858 г., когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась его первая повѣсть «Пушиловскій регентъ», но расцвѣтъ его литературной дѣятельности и извѣстности приходится на 70-е годы. Въ это время онъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» наиболѣе выдающіяся свои произведенія: «Мельница купца Чесалкина», «Грызуны», «Аспидъ», «Ольшанскій баринъ». Внимательный наблюдатель и занимательный разсказчикъ, Саловъ въ своихъ произведеніяхъ не пытался глубоко проникать во внутренній смыслъ изображаемой имъ жизни. Онъ бралъ жизнь такою, какою она являлась передъ нимъ въ уѣздной глуши во всей безтолочи человѣческихъ отношеній, и безъ какихъ бы то ни было претензій воспроизводилъ ее, противопоставляя безтолково суетящагося человѣка спокойной и прекрасной въ своемъ покоѣ природѣ. Поэтому его повѣсти и разсказы, всегда радушно встрѣчавшіеся читающею публикой, рѣдко захватывали читателя, рѣдко оставляли по прочтеніи сколько-нибудь глубокій, замѣтный слѣдъ, несмотря на то, что Саловъ далъ въ своихъ произведеніяхъ огромную панораму живыхъ типовъ, населяющихъ наши уѣздныя захолустья.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина“—январь.—„Вопросы Философіи и Психологіи“—сентябрь—декабрь.—„Русская Мысль“—декабрь).

Двадцатипятилѣтіе со дня смерти Некрасова вызвало въ нашей печати цѣлый рядъ статей, посвященныхъ памяти русскаго народнаго поэта. Несомнѣнныхъ заслугъ «печальника горя народнаго» передъ русскимъ обществомъ, того безспорно воспитательнаго значенія, которое имѣлъ въ жизни Россіи Некрасовъ, и, наконецъ, оставленнаго имъ въ нѣдрахъ нашего самосознанія глубокаго слѣда не отрицаетъ даже «Новое Время». Да и трудно отрицать фактъ, по самому существу своему отрицанію не поддающійся. День юбилея какого-либо событія долженъ являться днемъ подведенія итоговъ того общественнаго или, еще лучше, всенароднаго значенія, которое имѣло въ жизни страны это событіе. Мы вовсе не принадлежимъ къ тѣмъ, которые требуютъ въ юбилейные дни и непремѣнно юбилейныхъ, сопровождаемыхъ тушами, рѣчей; нѣтъ, въ юбилейный день должна быть подводима *алгебраическая* сумма вліяній даннаго событія на общественную жизнь и общественную мысль, т.-е. должны быть учтены всѣ его плюсы и минусы. Въ характерѣ Некрасова было не мало и тѣневыхъ сторонъ,—отчего не говорить и объ нихъ? Мы вовсе не склонны отрицать наличности ихъ, какъ не склонны вообще «подмалевывать» почему-либо намъ дорогія, хотя и несовершенныя, картины, но намъ всегда,—скажемъ не обинуясь,—въ высокой степени противны тѣ якобы историко-литературныя «изысканія», которыя, не давая рѣшительно ничего для оцѣнки общественнаго значенія того или другого давно успокоившаго свои кости общественнаго дѣятеля, направлены, повидимому, исключительно на то, чтобы—passez moi le mot—съ какимъ-то сладкимъ чувствомъ рыться въ его грязномъ бѣльѣ. Некрасовъ держалъ себя некорректно въ исторіи разрыва Тургенева съ «Современникомъ», Некрасовъ игралъ некрасивую роль въ дѣлѣ съ продажей имѣнія Огарева его женой, Некрасовъ... право, ужъ не помнимъ, какіе тамъ еще грѣхи числятъ за нимъ наши неумолимые литературные прокуроры, наши величавые въ своей безупречной нравственности Катоны, но развѣ въ *этомъ* весь Некрасовъ, развѣ *этимъ* опредѣляется, не говоримъ уже его общественное значеніе, но и основная сущность его моральной личности? И пусть не ссылаются намъ въ этомъ случаѣ на авторитетъ Герцена, относившагося, какъ извѣстно, къ Некрасову съ суровымъ осужденіемъ. У Герцена были на то свои серьезныя причины, онъ произносилъ свои сужденія и осужденія *при жизни* обвиняемаго, предоставляя ему, такимъ образомъ, возможность всякой защиты и всякаго рода парированія ударовъ, онъ, наконецъ, писалъ свой обвинительный противъ Некрасова актъ въ то время (1861 г.), когда нашимъ народнымъ поэтомъ далеко еще не было произнесено его послѣднее слово и, слѣдовательно, далеко еще не внесено въ сокровищницу русскаго самосознанія всѣхъ тѣхъ благъ, которыми она обогатилась отъ Некрасова впослѣдствіи. Но повторять все это теперь, дѣлать изъ некрасовскихъ «грѣховъ»

предметъ спеціальной статьи, пріурочивать ее къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ со времени смерти поэта, не обмолвиться ни единою строкой, которая бы компенсировала удручающее впечатлѣніе, производимое подборомъ бросающихъ тѣнь на Некрасова фактовъ,—воля ваша,—но это свидѣтельствуетъ о чемъ угодно, но только не о желаніи автора статьи служить истинѣ, и даже не о простой его любознательности. Тутъ кроется какая-то специфическая страсть рыться непремѣнно въ грязи... Есть такія натуры, которыхъ хлѣбомъ не корми, а только дай испытать этого рода наслажденіе.

Всѣ эти мысли навѣяло на насъ чтеніе помѣщенной въ январьской книжкѣ «Русской Старины» статьи г. Гутьяра «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Николай Алексѣевичъ Некрасовъ». Напиши подобную статью какой-нибудь г. Гринмутъ или г. Величко, и мы бы прошли ее разумѣется молчаніемъ, но имя г. Гутьяра мы встрѣчали на страницахъ «Вѣстника Европы» и это обстоятельство заставляетъ насъ отличать г. Гутьяра отъ гг. Величекъ и К°. Излагать содержанія статьи г. Гутьяра мы, тѣмъ не менѣе, не будемъ. Скажемъ только, что «по пути»не мало достается отъ г. Гутьяра... Н. Г. Чернышевскому... Какой оказывается, былъ покойникъ мелочной, злобный, способный на «подлости» человѣкъ!.. И г. Гутьяръ утверждаетъ это, что называется, не моргнувъ глазомъ, и притомъ «съ ученымъ видомъ знатока». А знатокъ нашей литературы и нашей общественности онъ, дѣйствительно большой. Вотъ доказательство. Приведя одинъ литературный эпизодъ изъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, г. Гутьяръ пишетъ: «Въ «каррикатурѣ на льва» легко увидали отзывъ о «Рудинѣ» Тургенева, такъ какъ послѣдній не скрывалъ, что для Рудина онъ много взялъ изъ характера своего *университетскаго товарища* Бакунина» (стр. 82). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько содержитъ въ себѣ правды довольно широко распространенное мнѣніе о Бакунинѣ, какъ въ большей или меньшей степени прототипѣ тургеневскаго Рудина (мы что-то не помнимъ, чтобы таково было на этотъ счетъ показаніе самого Тургенева), мы думаемъ, что самому г. Гутьяру не мѣшало бы поразспросить о нѣкоторыхъ, смутно ему извѣстныхъ, фактахъ у любого, интересующагося отечественною литературой и движеніемъ общественной мысли гимназиста. Послѣдній разсказалъ бы г. Гутьяру о томъ, какъ въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ Станкевичъ встрѣтился въ Москвѣ съ *отставнымъ артиллерійскимъ офицеромъ* Бакунинымъ, какъ засадилъ онъ его за изученіе Гегеля, какіе успѣхи сдѣлалъ неофитъ въ области философіи, какъ въ 1845 году онъ уѣхалъ за границу, гдѣ немедленно же погрузился въ бурныя волны тогдашней европейской жизни, какъ въ томъ же году онъ уже познакомился лично съ Марксомъ и другими «лѣвофланговыми» гегеліанцами, а затѣмъ и самъ выступилъ на европейской аренѣ сначала съ перомъ въ рукѣ подъ псевдонимомъ Жюля Элизара, а потомъ и съ другимъ оружіемъ на дрезденскихъ баррикадахъ. Вотъ что дѣлалъ за границей Бакунинъ, а не «университетскимъ товарищемъ» Тургенева тамъ состоялъ. Встрѣчался онъ съ нимъ,—ота правда,—занимался, читалъ, спорилъ, но студентомъ берлинскаго университета не былъ. Разсказалъ бы гимназистъ г. Гутьяру, съ другой стороны, и о томъ, какъ Тургеневъ, по окончаніи курса въ петербургскомъ

университетѣ уѣхалъ довершать свое образованіе въ Берлинъ и какъ тамъ его дѣйствительными «университетскими товарищами» были Станкевичъ, Грановскій, Невѣровъ, а не Михаилъ Бакунинъ. Послѣдній никогда не былъ ни въ одномъ русскомъ университетѣ, не былъ студентомъ и университета берлинскаго,—въ какомъ же смыслѣ называетъ его г. Гутьяръ «университетскимъ товарищемъ» Тургенева? Ошибка, конечно, это и только,—что за бѣда? Но одно дѣло просто ошибка, а другое «ошибка» въ прокурорской рѣчи, а обязанности службы должны бы подсказывать г. прокурору необходимость полнаго знакомства съ «фактами», служащими матеріалами для его громоносныхъ рѣчей...

Свои обвиненія Некрасова г. Гутьяръ основываетъ главнымъ образомъ на отзывахъ Тургенева, но, читая статью г. Гутьяра, невольно припоминаешь извѣстную книгу Головачевой-Панаевой «Русскіе писатели и артисты». Тамъ тоже разсказано много «фактовъ», но если мы будемъ основываться *только* на нихъ, то въ какомъ кривомъ, въ какомъ однобокомъ видѣ явится предъ нами образъ самого Тургенева! И не то, чтобы Панаева выдумала или разсказывала небылицы, нѣтъ, въ ея повѣствованіяхъ находится, безъ сомнѣнія, много правды, но уже таково свойство нѣкоторыхъ «талантовъ», что и правду-то они съумѣютъ передать въ такомъ видѣ, съ такимъ отсутствіемъ всякой перспективы, всякихъ привходящихъ, но весьма существенныхъ элементовъ, что, право, не знаешь, что лучше: подобная правда или чистый вымыселъ? Именно это имѣетъ въ виду одна французская пословица, гласящая, что «не всякая правда правдоподобна». Прочтешь Панаеву,—Тургеневъ мелокъ и жалокъ. Прочтешь г. Гутьяра,— Некрасовъ и Чернышевскій скверные, гаденькіе людишки. Прочтешь и подумаешь: и въ голову, вѣдь, не приходитъ этимъ господамъ, какъ жалки и смѣшны они сами въ своихъ обличеніяхъ великихъ людей...

Тургеневъ поссорился съ Некрасовымъ, но вотъ что писалъ онъ самъ много времени спустя послѣ ссоры:

«Мы были когда-то короткими, близкими друзьями... Но насталъ недобрый мигъ—и мы разстались, какъ враги. Прошло много лѣтъ. И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ и желаетъ видѣться со мною. Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату... Взоры наши встрѣтились. Я едва узналъ его. Боже! Что съ нимъ сдѣлалъ недугъ. Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ... Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно худую, словно обглоданную, руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ—привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли,—кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась и на съеженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки. Сердце во мнѣ упало... Я сѣлъ на стулъ возлѣ него и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку. Но мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая, бѣлая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы... Эта

женщина соединила наши руки... Она *навсегда* примирила насъ. Да... Смерть насъ примирила»...

Г. Гутьяръ приводитъ эти слова Тургенева и ни единымъ словомъ ихъ не коментируетъ. «Бѣлая женщина» примирила «*навсегда*» двухъ замѣчательныхъ писателей земли русской,—какое до этого дѣло г. Гутьяру? Въ наслѣдство русскому народу остался отъ Некрасова огромный духовный капиталъ, процентомъ съ котораго будетъ жить еще не одно поколѣніе,—стоитъ ли толковать о такихъ пустякахъ, не лучше ли заняться исторіей той ссоры Тургенева съ «Современникомъ», которую самъ Тургеневъ называлъ впослѣдствіи «бурей въ стаканѣ воды», не лучше ли продолжать на основаніи этой ссоры и другихъ подходящихъ фактовъ чернить самую память Некрасова и, окончивъ это достойное занятіе, напечатать статью, пріурочивъ ее къ четвертивѣковой годовщинѣ со дня кончины того, чье имя произносится съ глубокою признательностью тысячами и тысячами русскихъ людей? Это называется, вѣроятно, внести и свою лепту въ «некрасовскіе дни». Пожелаемъ г. Гутьяру дальнѣйшихъ успѣховъ на его доблестномъ пути...

Хотѣлось бы намъ остановиться подробно на интересной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, помѣщенной въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Вопросовъ Философіи и Психологіи» за истекшій годъ, статьѣ г. Булгакова «Душевная драма Герцена», но, по нѣкоторымъ причинамъ, останавливаться на этой статьѣ съ тою подробностью, съ которою намъ бы того хотѣлось, мы не будемъ, а ограничимся лишь нѣсколькими по поводу нея замѣчаніями.

Сдѣлаемъ мы эти замѣчанія отрывочно, безъ всякихъ «вступленій».

Говоря о Герценѣ, г. Булгаковъ приводитъ, между прочимъ, такую цитату изъ его произведеній:

«Всѣ партіи и оттѣнки мало-по-малу раздѣлились въ мірѣ мѣщанскомъ на два главные стана: съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, а съ другой неимущіе *мѣщане*, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы, т.-е. съ одной стороны *скупость*, а съ другой *зависть*. (Всѣ курсивы подлинника, но, не имѣя въ данный моментъ подъ руками сочиненій Герцена, не помнимъ хорошенько,—принадлежатъ ли эти курсивы Герцену или г. Булгакову). Такъ какъ дѣйствительно нравственнаго начала во всемъ этомъ нѣтъ, то и мѣсто лица въ той или другой сторонѣ опредѣляется внѣшними условіями состоянія, общественнаго положенія. Одна волна оппозиціи за другой достигаетъ побѣды, т.-е. собственности или мѣста и естественно переходитъ со стороны зависти на сторону скупости».

Приводитъ г. Булгаковъ и еще пару цитатъ на ту же тему, но онѣ касаются или класса буржуазіи, или «общей атмосферы европейской жизни», такъ что въ смыслѣ прямого распространенія понятія о «мѣщанствѣ» и на европейскій пролетаріатъ вышеприведенная цитата, безъ сомнѣнія, самая яркая и характерная. По поводу такого-то обобщенія и ликуетъ г. Булгаковъ, совершенно забывая, что у того же Герцена можно найти множество мѣстъ, доказывающихъ

его не только совершенно различное, но и діаметрально противоположное отношеніе, напр., къ «Парижу съ цензомъ» и «Парижу за цензомъ стоящему». Сколько картинъ изъ чисто будничной, повседневной жизни Парижа послѣдняго рода рисовалъ Герценъ, сколько именно нравственнаго начала усматривалъ онъ въ обычномъ теченіи жизни «блузниковъ». А что касается времени бурнаго, то, какъ думаетъ г. Булгаковъ, извѣстны или неизвѣстны были Герцену, напр., обстоятельства, давшія Тургеневу сюжетъ для его разсказа «Наши послали?» Пусть попробуетъ г. Булгаковъ отрицать наличность «нравственнаго начала» у главнаго дѣйствующаго лица тургеневскаго разсказа. Мы же думаемъ, что примѣровъ такого *нравственнаго величія*, величаваго именно своею простотою, не только не становящагося на ходули, а даже не сознающаго всей своей высоты и видящаго въ немъ лишь самое обыкновенное, ничего особеннаго собою не представляющее, дѣло, не много найдется даже среди самыхъ суровыхъ обличителей «гніющаго Запада»...

Но г. Булгаковъ, проскакивая галопомъ мимо всего того, что характеризуетъ отношеніе Герцена къ «Парижу, за цензомъ стоящему», спѣшитъ воздать хвалу Герцену за то именно обобщеніе, которое явствуетъ изъ приведенныхъ цитатъ. «Для меня,—говоритъ онъ,—ни въ чемъ такъ не познается все величіе Герцена, какъ писателя и человѣка, какъ въ той безтрепетной смѣлости, съ которою онъ высказалъ это обличеніе цивилизаціи, не ослѣпляемый ея блескомъ, не подкупленный ея великимъ историческимъ прошлымъ и современными успѣхами, не остановленный всѣми неизбѣжными разочарованіями. Обличеніе это, и въ этомъ нравственное его значеніе, дѣлается не какимъ-либо принципіальнымъ будочникомъ или узко-партійнымъ человѣкомъ, но однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и внутренно свободныхъ людей, и дѣлается не отъ прихоти или суевѣрія, не изъ мракобѣсія, дѣлается во имя высшаго нравственнаго начала, предъ которымъ должна почтительно склониться европейская и всякая другая цивилизація. Вѣдь, порицая Европу, Герценъ любилъ и дорожилъ ея цивилизаціей, не зналъ никакой другой помимо нея; его обличенія не имѣютъ также ничего общаго съ обычнымъ партійнымъ жаргономъ теперешней соціалъ-домократіи, у которой есть только двѣ краски: черная для имущихъ и розовая для неимущихъ: въ мѣщанствѣ онъ видѣлъ болѣзнь *не сословную, а общесословную*, нравственную, а не экономическую».

Читатель и безъ нашихъ комментарій усмотритъ, какъ стара, стара аргументація г. Булгакова, какъ сильно припахиваетъ она и Страховымъ, и «Борьбою съ Западомъ», и многимъ другимъ въ томъ же родѣ. Впрочемъ, въ той же статьѣ г. Булгакова пока еще не съ «безтрепетною смѣлостью», но все же очень благосклонно дважды упоминается и имя Страхова.

Зато въ какую величественную позу становится г. Булгаковъ, говоря о томъ міросозерцаніи, сторонникомъ котораго онъ былъ еще такъ недавно самъ.

«Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—многіе совершенно серьезно объясняютъ теоретическія блужданія Герцена тѣмъ, что онъ не читывалъ «Капитала» К. Маркса и не былъ знакомъ съ «соціологіей» (сколько, подумаешь, яду въ однѣхъ только этихъ кавычкахъ!) нашего времени. Они мѣряютъ Гер-

цена своимъ аршиномъ, предполагая, что такой свободный и ясный умъ, разрушивъ столько кумировъ и побѣдивъ столько суевѣрій, почтительно остановился бы *предъ суевѣрнымъ преклоненіемъ предъ наукой*» (курсивъ нашъ).

Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что не одни только тѣ «многіе», о которыхъ говоритъ г. Булгаковъ, но и самъ онъ видятъ недочеты въ познаніяхъ Герцена (съ гносеологіей Герценъ былъ незнакомъ, гордо заявляетъ г. Булгаковъ), сопоставимъ эту цитату съ другою изъ той же статьи г. Булгакова.

«И напрасно съ своей точки зрѣнія Герценъ, утверждая господство духовнаго мѣщанства, — пишетъ нашъ духовный дворянинъ — выводилъ отсюда невозможность осуществленія въ Европѣ соціалистическаго строя народнаго хозяйства. Осуществленіе его онъ *свободно могъ и долженъ былъ вполнѣ допустить* (курсивъ нашъ), какъ результатъ дѣйствія того же *механизма хозяйственныхъ интересовъ строя*».

Г. Булгаковъ лишь повторяетъ здѣсь то самое мнѣніе «многихъ», надъ которымъ издѣвался въ предыдущихъ строкахъ. Въ томъ то и дѣло, что, независимо отъ того хорошъ или дуренъ «Zukunftstaat», но его «свободно можно и даже должно было Герцену вполнѣ допустить» въ качествѣ результата извѣстнаго «механизма хозяйственныхъ интересовъ строя». Но вѣрно это лишь при одномъ условіи. Для этого надо было ознакомиться кое съ чѣмъ изъ данной области, а въ томъ числѣ и съ «Капиталомъ». Откуда самъ г. Булгаковъ узналъ о такой возможности, какъ не изъ того же источника? Зналъ ли бы онъ про нее, если бы не «читывалъ» трудовъ Маркса да не ознакомился съ столь третируемой имъ нынѣ «соціологіей нашего времени»? А вѣдь на незнакомство Герцена съ ученіемъ Маркса въ *этомъ смыслѣ* (въ смыслѣ разрѣшенія вопроса: существуетъ ли закономѣрность въ игрѣ «хозяйственныхъ интересовъ строя» *самихъ по себѣ*, или интересы эти только и знаютъ, что играютъ въ чехарду) и указывали тѣ, которые останавливались на «теоретическихъ блужданіяхъ» Герцена. А что соціальный вопросъ не есть только «Magenfrage», то, право, это такая азбучная вещь, которую и повторять то какъ то совѣстно. Разрѣшеніе «Magenfrage» для массъ не есть цѣль, сама себѣ довлѣющая, но это необходимая предпосылка для разрѣшенія другихъ вопросовъ, а въ томъ числѣ и для привлеченія коллективнаго ума человѣчества къ разрѣшенію высшихъ философскихъ проблемъ. Посмотрѣли бы мы, какъ далеко ушелъ бы г. Булгаковъ,—ну хотя бы въ теософіи,—если бы ему пришлось родиться на фабрикѣ, работать на ней по 12—14 часовъ, да тамъ,—а то и на мостовой,—и окончить дни свои... А какъ учесть, сколько геніальныхъ силъ, способныхъ и къ высшему философскому мышленію, пропадаетъ по этой причинѣ для человѣчества совершенно безслѣдно. Этого Герценъ никогда не забывалъ при всемъ своемъ скептицизмѣ и—каковы бы ни были навѣянныя тѣмъ или другимъ настроеніемъ отдѣльныя мѣста въ его сочиненіяхъ—всегда относился и къ «Magenfrage», *какъ таковому*, съ надлежащимъ уваженіемъ... Вотъ г. Булгаковъ—другое дѣло. Онъ прямо называетъ извѣстный стихъ Гейне

Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten

«наивною откровенностью»... Г. Булгаковъ, повидимому, думаетъ, что подъ «Himmelreich» Гейне и другіе такъ таки и понимали его буквальный смыслъ т. е. хотѣли быть на землѣ безплотными духами и т. д. Вольному воля, конечно, толковать и такъ, а потомъ и торжествовать дешевую побѣду надъ такими «наивными» людьми, какъ Гейне и ему подобные. Но ужъ, конечно, *такимъ* скептицизмомъ Герценъ никогда зараженъ не былъ. Не даромъ же, онъ, разочаровавшись въ Европѣ, которая показала по его словамъ, «удивительную неспособность къ перевороту», только перенесъ свои упованія относительно возможности устроить «Himmelreich» съ Запада на Востокъ... Это былъ утопизмъ,—согласны, но у насъ рѣчь сейчасъ идетъ не объ этомъ. Г. Булгакову кажется смѣшною самая мысль представить себѣ Герцена «суевѣрно преклоняющимся предъ наукою». Это Герцена-то! Герцена, до конца проповѣдывавшаго «смиреніе предъ наукою», «рыцарское служеніе истинѣ», преклоненіе передъ «мыслью» Запада! А вотъ мы такъ представляемъ себѣ ясно впечатлѣніе, которое произвело бы на Герцена чтеніе статьи г. Булгакова. О, во что превратилась бы она подъ градомъ герценовскихъ сарказмовъ, если бы... если бы,—что уже совсѣмъ трудно допустить,—Герценъ удостоилъ ее простого вниманія... И неужели г. Булгаковъ серьезно думаетъ, что тотъ «смыслъ жизни», который теперь обрѣлъ онъ послѣ долгихъ,—вѣрнѣе короткихъ,—но безплодныхъ скитаній по нивамъ науки, былъ неизвѣстенъ Герцену?.. Отчего же Герценъ, обливаясь кровью отъ безъисходности положенія, всегда хранилъ презрительное молчаніе или отзывался неиначе, какъ саркастически о томъ «выходѣ», на который теперь, какъ на новооткрытый и единоспасительный, указываетъ перстъ г. Булгакова? Отчего? Въ видѣ отвѣта на этотъ вопросъ мы дадимъ г. Булгакову тему для его новой философской статьи: «О границахъ между вѣрою и суевѣріями»...

Кстати о «смыслѣ жизни». По словамъ г. Булгакова, ему вполнѣ понятны причины увлеченія у насъ западно-европейскимъ строемъ. «Всѣ недочеты нашей жизни, которые сознаются совѣстью, какъ таковые, но на устраненіе которыхъ не хватало до сихъ поръ общественныхъ силъ,—говоритъ онъ,—всѣ они возбуждаютъ *такое острое чувство стыда и неудовлетворенности* (курсивъ нашъ), что простое отсутствіе этихъ недочетовъ, идеалъ отрицательный, начинаетъ казаться намъ положительнымъ». Кому кажется идеаломъ «положительнымъ» простое устраненіе «недочетовъ нашей жизни», мы не знаемъ, но перо г. Булгакова отличается замѣчательною легкостью. Стоитъ предъ нимъ, положимъ, крѣпостной крестьянинъ, истерзанный, загнанный. Слыхалъ, положимъ, этотъ крестьянинъ, что въ Европѣ крѣпостного права не существуетъ. «Вотъ если бы и у насъ то такъ было», радостно мечтаетъ крестьянинъ. «Но пойми же ты, братецъ,—ведетъ къ нему рѣчь г. Булгаковъ,—что твой идеалъ перестать быть крѣпостнымъ, стать гражданиномъ, котораго бы не смѣли, походя, пороть и истязать, только идеалъ» отрицательный»; правда, въ Европѣ крѣпостного права нѣтъ, но за то она насквозь пропитана атмосферою мѣщанства. Если ужъ освобождаться, такъ

освобождаться въ корнѣ и тогда надо начать съ освобожденія нравственнаго, внутренняго, духовнаго человѣка; тогда только освобожденіе будетъ прочно. Поставь себѣ *положительный* идеалъ, а съ «однимъ *отрицательнымъ* далеко не уѣдешь».—«Такъ то оно такъ,—говоритъ крестьянинъ,—а все таки крѣпостное право будто того...» Но г. Булгаковъ не хочетъ и слышать, что «отрицательный идеалъ» *самъ по себѣ* можетъ составлять великое благо; онъ зритъ въ корень вещей и всѣхъ прочихъ третируетъ болѣе чѣмъ свысока..

Но пусть объясненіе г. Булгакова причинъ увлеченія у насъ европейскимъ строемъ правильно, — все же позволительно задать ему такіе вопросы: что если «острое чувство стыда и неудовлетворенности» переходитъ у кого-либо не въ резонированіе о назначеніи человѣка на землѣ «вообще», а въ страстное желаніе устранить «недочеты», о которыхъ идетъ рѣчь; что если желаніе это наполнитъ собою все существо человѣка и породитъ въ немъ опредѣленную «дѣйственную любовь» къ людямъ; что если человѣкъ за свой «идеалъ отрицательный» начинаетъ класть душу свою, — что, будетъ или нѣтъ такой человѣкъ познавать *въ самомъ процессѣ опредѣленной дѣятельности* «смыслъ жизни»?

И сколько вы ни бейтесь, господа, а въ кабинетѣ «смысла жизни» вы не высидите. Онъ обрѣтается лишь дѣйственнымъ участіемъ человѣка въ самой «гущѣ жизни», въ борьбѣ за счастье ближнихъ своихъ (хотя бы только и въ отрицательномъ смыслѣ: накормилъ голоднаго,—эка штука,—говоритъ г. Булгаковъ. Вѣдь тутъ достигнутъ лишь идеалъ чисто отрицательный. Вылѣчилъ больного, т.-е. далъ ему здоровье. Опять то же самое и т. д.), въ безграничной любви къ нимъ. Отъ такого идеала всѣ мы, увы, очень далеки, но несомнѣнно, что лишь по мѣрѣ приближенія къ нему и открывается «смыслъ жизни» или, *что то же самое*, достигаетъ человѣкъ высшаго счастья, доступнаго ему на землѣ.

Зналъ ли такой «смыслъ жизни», напр., Робертъ Оуэнъ? *Да*, зналъ. Подходятъ ли его воззрѣнія подъ ту мѣрку, о которой повѣствуетъ намъ г. Булгаковъ? *Нѣтъ*, совершенно не подходятъ. Что же лучше? Вѣроятно, дѣло вкуса...

Во избѣжаніе недоразумѣній оговоримся, однако, что относясь такимъ образомъ къ статьѣ г. Булгакова, мы не отрицаемъ того, что въ ней есть и кое-что вѣрное и цѣнное. Мы не защищаемъ и осуждаемый имъ позитивизмъ. Но есть осужденіе и осужденіе, какъ il y a fagots et fagots...

Въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли» мы рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей весьма интересную статью г. Бѣлозерскаго «Отъ Петербурга до Нерчинска», содержащую въ себѣ любопытныя данныя для мало извѣстной у насъ біографіи поэта М. Л. Михайлова. На статьѣ этой, однако, по нѣкоторымъ причинамъ, мы останавливаться не будемъ и перейдемъ прямо къ помѣщенной въ той же книжкѣ «Русской Мысли» также очень интересной, хотя уже въ другомъ отношеніи, статьѣ г. Ф. С. «Какъ живетъ домашняя прислуга». Статья эта составлена на основаніи изслѣдованія доктора Оскара Штиллиха (Die Lage der weiblichen Dienstboten in Berlin») о положеніи женской прислуги

собственно въ Берлинѣ, но и такая анкета представляетъ собою много поучительнаго.

«Въ обществѣ упорно держится мнѣніе,—говоритъ авторъ,—что домашней прислугѣ живется очень хорошо, во всякомъ случаѣ несравненно лучше, чѣмъ фабричнымъ работницамъ и женщинамъ, занятымъ въ домашней промышленности. Служанки живутъ въ томъ же помѣщеніи, что и ихъ хозяева, питаются одинаковою съ ними пищей. Работа ихъ по самой природѣ своей требуетъ временныхъ перерывовъ, наузъ, въ противоположность фабричной работѣ, состоящей изъ непрерывной цѣпи тѣхъ или другихъ манипуляцій. Хозяйки сѣтуютъ постоянно на крайне высокую плату прислугѣ, такъ что, повидимому, и съ этой стороны прислуга вполнѣ обезпечена». «У служанки,—пишетъ г-жа Else von-Rauch есть пріютъ, прочное положеніе, хорошее продовольствіе, которое такъ же полезно для ея здоровья, какъ и физическая работа. Она имѣетъ удобный случай пріобрѣсти познанія, которыя очень пригодятся ей, когда она будетъ въ собственномъ домѣ хозяйкой и матерью. Пусть спросятъ всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя, «служили» въ свои дѣвичьи годы; онѣ всѣ будутъ хвалить и благословлять время, проведенное въ услуженіи». Такъ ли это въ дѣйствительности?

Повсемѣстныя наблюденія показываютъ, что дѣвушки вездѣ бѣгутъ отъ «услуженія» и охотно бросаютъ при первой же возможности эту профессію. Если профессія эта такъ привлекательна, какъ рисуетъ ее г-жа Раухъ, откуда же происходитъ подобное явленіе и почему личности съ сколько-нибудь развитыми культурными потребностями упорно ее чуждаются? Массовыя явленія обусловливаются, конечно, не случайными, а общаго характера причинами. Выяснить эти причины посредствомъ массоваго письменнаго опроса самихъ служанокъ и и задумалъ докторъ Штиллихъ. Любопытно отношеніе къ предпріятію Штиллиха берлинскихъ «хозяекъ». «Въ началѣ 1900 года были разосланы по всему Берлину опросные листы въ числѣ 9.000 экземпляровъ. Большая часть посланныхъ хозяйкамъ опросныхъ листовъ исчезла безслѣдно, другая часть вернулась назадъ, но въ какомъ видѣ! Нѣкоторые листы бьи разорваны на мельчайшіе кусочки. Другіе, правда, были цѣлы, но зато испачканы и не только чернилами, но и другими веществами, назвать которыя не позволяло Штиллиху приличіе. Было прислано хозяйками много анонимныхъ писемъ, въ которыхъ заключалось не мало всевозможной грязи и личныхъ оскорбленій. Такъ силенъ былъ гнѣвъ берлинскихъ хозяекъ». Совершенно иначе отнеслись къ анкетѣ служанки: онѣ были благодарны Штиллиху и всячески содѣйствовали исполненію предпринятаго имъ дѣла. Въ результатѣ получилась такая картина:

«Приблизительно половина служанокъ, давшихъ свои показанія г. Штиллиху, а именно 51,5% изъ нихъ, работали ежедневно больше 16-ти часовъ, другая половина работала отъ 12—16 часовъ. Но тяжелый будничный трудъ, можетъ быть, съ избыткомъ вознаграждается праздничнымъ отдыхомъ? Сельскій хозяинъ съ большою неохотою запрягаетъ въ воскресенье свою лошадь, которая работала въ теченіе недѣли. Къ сожалѣнію, опытъ берлинскихъ служанокъ разрушаетъ и здѣсь иллюзію. По закону служанки обязаны работать въ вос-

кресенье столько же, сколько и въ будни, такъ что законъ какъ бы санкціонируетъ истощеніе физическихъ и моральныхъ силъ служанокъ». Заработная плата служанокъ весьма мизерна. «Высокую плату»—приблизительно 240—250 марокъ (120—145 руб.) служанка начинаетъ обыкновенно получать, лишь прослуживъ въ услуженіи 10—15 лѣтъ. До этого времени плата гораздо ниже. «Особую комнату (въ общемъ весьма неудовлетворительную) имѣли изъ давшихъ свои показанія Штиллиху 52%; остальныя (48%) спали въ комнатахъ, предназначенныхъ для другихъ цѣлей: въ корридорахъ, кухнѣ, ванныхъ и т. п.».

«На основаніи данныхъ моральной статистики 70-хъ годовъ Нэтцель справедливо заключаетъ, что нравственное вліяніе хозяйскаго дома на служанокъ ничтожно; оно гораздо слабѣе, чѣмъ вліяніе на фабричную работницу кружка ея подругъ. Постоянное угнетеніе личности, чувство зависимости отъ каприза и произвола другихъ людей систематически подрываютъ самосознаніе служанки и въ высшей степени ослабляютъ нравственную силу сопротивленія. То же вліяніе оказываетъ на служанокъ продолжительная и трудная работа и плохое питаніе. Затѣмъ бѣдность впечатлѣній, постоянное однообразіе и отсутствіе какихъ-либо развлеченій при замкнутой домашней жизни порождаютъ естественную реакцію. На путь проституціи толкаютъ служанокъ нерѣдко сами хозяева и ихъ сыновья. Моральныя воззрѣнія стоятъ здѣсь на невѣроятно низкомъ уровнѣ. По поводу обсужденія lex Heinze союзныя правительства единогласно заявили, что они ни въ коемъ случаѣ не могутъ принять особенно строгаго наказанія работодателей и прислугосодержателей за злоупотребленія послѣднихъ своимъ положеніемъ, какъ хозяевъ, въ половомъ отношеніи. Между тѣмъ еще 26-го января 1900 г. консервативный депутатъ Штремпфъ сказалъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ: «тогда какъ въ Берлинѣ нельзя найти приличной служанки, среди проститутокъ царитъ перепроизводство». Онъ и не подозрѣвалъ, что между уменьшеніемъ числа служанокъ и ростомъ проституціи существуетъ прямая связь. Статистика показала въ 1901 году, то изъ 1.689 берлинскихъ проститутокъ 1.026 были раньше служанками (сдѣлались послѣ того проститутками непосредственно или перешли предварительно черезъ профессіи швей, кельнершъ и т. п.) и 663 изъ дѣвушекъ другихъ профессій. Такимъ образомъ $^3/_5$ всѣхъ зарегистрированныхъ въ 1901 году въ Берлинѣ проститутокъ были раньше прямо или косвенно служанками. Что касается внѣбрачно рожденныхъ дѣтей, то въ Берлинѣ приблизительно одна изъ 20-ти служанокъ имѣетъ внѣбрачное дитя».

На путь проституціи толкаетъ служанокъ и еще одно обстоятельство:

«Многіе хозяева изъ экономіи увольняютъ свою прислугу въ лѣтнее время, когда они совершаютъ какое-нибудь путешествіе, подобно тому, какъ есть хозяева, которые увольняютъ служанку какъ разъ передъ святками, чтобы сберечь рождественскій подарокъ. Лѣтомъ очень трудно найти новое мѣсто. Уволенныя служанки толпятся въ бюро для пріисканія занятій, живутъ на сдѣланныя сбереженія, а если этихъ сбереженій очень мало или даже совсѣмъ нѣтъ, служанкамъ часто не остается ничего иного, какъ идти на улицу...»

«Вполнѣ понятно, что крайне дурныя условія труда и жизни домашней

прислуги побудили служанокъ объединиться съ цѣлью улучшенія условій своей матеріальной и духовной жизни. Самостоятельная организація берлинскихъ служанокъ ведетъ начало съ іюльскихъ собраній въ 1899 году въ Берлинѣ, которыя вызвали страшное негодованіе всѣхъ имущихъ классовъ и буржуазной прессы. Хозяйками овладѣло сильное безпокойство, онѣ повели агитацію противъ ферейна и собраній служанокъ, приглашали даже хозяекъ увольнять всѣхъ тѣхъ изъ служанокъ, которыя посѣщали собранія. Разумѣется, всѣ усилія хозяевъ затормозить возникшее среди служанокъ движеніе оказались безплодны. Г-жа Флора Томпсонъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучала вопросъ о домашней прислугѣ. Въ своей, увѣнчанной преміей, работѣ она, между прочимъ, пишетъ: экономическая организація домашней работы—варварская, и качества этой работы остались почти незатронутыми всеобщимъ промышленнымъ міровымъ прогрессомъ; вслѣдствіе этого положеніе домашней прислуги мало чѣмъ отличается отъ положенія рабовъ. Г-жа Томпсонъ требуетъ широкаго примѣненія механическихъ приспособленій для болѣе тяжелыхъ функцій механической работы. Пусть перестанутъ печь дома хлѣбъ, стирать бѣлье и дѣлать другія работы, которыя исполняются крупною промышленностью такъ же дешево, если не дешевле и лучше. Дѣйствительно, въ современномъ домашнемъ хозяйствѣ все еще производится большое количество работъ, которыя давно уже сдѣлались предметомъ производства особыхъ промышленныхъ предпріятій».

Таково положеніе женской домашней прислуги въ «культурномъ» Берлинѣ. Какъ же живется ей въ городахъ и странахъ другихъ, менѣе культурныхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ самъ собою.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Кризисъ германскаго либерализма. Германскія женщины и законъ объ ассоціаціяхъ (Vereinsgesetz). Нѣмецкіе либералы, совершенно также какъ ихъ политическіе единомышленники въ Англіи, переживаютъ кризисъ, и въ германской печати возникаетъ вопросъ, какъ разрѣшится этотъ кризисъ? Обсужденіе таможеннаго тарифа, завершившееся пораженіемъ либеральной партіи, только выяснило окончательно ея положеніе, которое давно уже было замѣчено посвященными въ политическія дѣла. Во время преній о таможенномъ законѣ, поведеніе либераловъ съ парламентской точки зрѣнія вызвало серьезныя порицанія и дискредитировало ихъ до нѣкоторой степени въ глазахъ германской публики. Но, сравнивая причины, вызвавшія разложеніе либеральной партіи въ Англіи, съ тѣми, которыя дѣйствовали въ Германіи, мы, конечно, не можемъ не замѣтить полнаго несоотвѣтствія тѣхъ и другихъ. Въ Англіи поводомъ къ расколу послужили капитальные вопросы, какъ, напр., ирландскій гомруль, южно-африканская война и т. п., въ Германіи же трудно отыскать серьезные мотивы къ разногласіямъ и поэтому въ органахъ печати, обсуждающихъ положеніе нѣмецкой либеральной партіи, высказывается подозрѣніе, что тутъ играли роль скорѣе

личныя, нежели политическія соображенія. Теперь, когда битва въ парламентѣ окончена, побѣжденные невольно должны были подумать о причинахъ, ихъ пораженія и постараться исправить сколько-нибудь происшедшее зло; поэтому-то германская либеральная печать и воспользовалась парламентскими вакаціями во время рождественскихъ праздниковъ, чтобы обсудить этотъ вопросъ. Манифестъ профессора Момзена взывающій къ объединенію всѣхъ либеральныхъ партій въ Германіи, съ соціалъ-демократами включительно, вызвалъ уже много толковъ въ нѣмецкихъ газетахъ, а теперь новый матеріалъ доставленъ статьею выдающагося юриста профессора Листа, напечатанной въ «Vossische Zeitung».

Профессоръ Листъ—членъ того самого либеральнаго союза, главою котораго состоитъ Бартъ, и поэтому онъ, пожалуй, болѣе старика Момзена принимаетъ участіе въ практической политикѣ. Въ своей статьѣ, озаглавленной «Будущее германскаго либерализма», почтенный профессоръ не стѣсняется высказывать горькія истины своей партіи и указываетъ ей на ея безсиліе, являющееся результатомъ разъединенія. Развѣ можетъ правительство, если только оно не потеряло разсудокъ, говоритъ Листъ, искать поддержки въ парламентѣ у малой партіи, которая оказалась не на высотѣ въ серьезный моментъ національно борьбы? Листъ точно также, повидимому, ничего не ожидаетъ отъ національ-либераловъ, но хотя онъ и не поминаетъ въ своей статьѣ о союзѣ либераловъ съ соціалъ-демократами, тѣмъ не менѣе онъ заимствуетъ многое изъ ихъ программы. Больше всего онъ опасается, что «народное представительство» можетъ обратиться въ «представительство интересовъ», т.-е. что различныя партіи рейхстага будутъ стараться проводить интересы одного класса за счетъ интересовъ общества. Несомнѣнно, что именно такъ и было во время обсужденія таможеннаго тарифа, такъ какъ аграрная правая только и стремилась все принести въ жертву интересамъ сельскаго хозяйства. По мнѣнію же Листа, нѣмецкіе либералы все-таки представляютъ единственную партію въ Германіи, которая можетъ вдохновиться общими интересами, такъ какъ она не представляетъ изъ себя вполнѣ опредѣленный соціальный классъ. Листъ очень прозрачно намекаетъ въ данномъ случаѣ, что соціалъ-демократы не находятся въ такихъ условіяхъ, которыя бы давали имъ возможность быть вполнѣ безпристрастныи, такъ какъ, подобно консерваторамъ и аграріямъ, они также являются продставителями классовой политики. Но чтобы вернуть свое прежнее положеніе, либералы не только должны оставить всѣ свои прекананія, а также серьезно заняться соціальнымъ вопросомъ, чтобы улучшить положеніе крестьянъ, работниковъ и мелкой промышленной буржуазіи. Любопытнѣе однако всего слѣдующій тезисъ, который Листъ выдвигаетъ въ своей статьѣ, въ назиданіе правительству: либералы—единственная партія, которая можетъ содѣйствовать торжеству міровой политики—«Weltpolitik»—Германіи. Эта политика основывается на коммерческомъ распространеніи, нѣмецкая же торговля находится вся въ рукахъ буржуазіи, пополняющей главнымъ образомъ рядъ либеральной партіи. Напротивъ, консервативная партія, которая восторжествовала въ тарифномъ вопросѣ, является представительницей дворянства, дѣятельность котораго вся сосредоточивается внутри Германіи. Итакъ, если правительство будетъ исключительно опираться на земельное дворянство, то оно можетъ, ко-

нечно, пользоваться ею во внутреннемъ хозяйствѣ (Hausswirtschaft), но отъ участія во всемірной экономіи (Weltwirtschaft) ему придется отказаться.

Наиболѣе популярная часть нѣмецкой либеральной партіи, съ «Freisinnige Zeitung» (органомъ Рихтера) во главѣ, отнеслась весьма холодно къ статьѣ проф. Листа и къ его проектамъ объединенія либеральной партіи и это указываетъ, что расколъ все-таки гораздо глубже, чѣмъ это думаетъ почтенный профессоръ.

Вопросъ о правѣ женщинъ посѣщать политическія собранія продолжаетъ служить предметомъ полемики. На послѣднемъ митингѣ, который собрался подъ предсѣдательствомъ г-жи Минны Кауэръ, обсуждалось постановленіе министра фонъ-Гоммерштейна, что женщины могутъ присутствовать на политическихъ собраніяхъ лишь какъ зрительницы, въ отгороженномъ пространствѣ.

Въ рейхстагъ представлено множество петицій, требующихъ отмѣны названнаго закона, и такъ какъ общественное мнѣніе сильно заинтересовано этимъ вопросомъ, то, вѣроятно, онъ будетъ снова подвергнутъ обсужденію въ рейхстагѣ. Между тѣмъ, въ разныхъ городахъ Пруссіи постоянно происходятъ столкновенія между полиціей и общественными собраніями, въ которыхъ участвуютъ женщины. Недавно такое столкновеніе произошло въ Гамбургѣ. Назначено было собраніе, въ которомъ г-жа Гейманъ должна была прочесть докладъ «О женщинахъ и законѣ о союзахъ» (Vereinsgesetz). Но не успѣла г-жа Гейманъ начать свою рѣчь, какъ уже присутствующій на собраніи представитель полиціи пригрозилъ ей, что закроетъ собраніе. Онъ запретилъ ставить на обсужденіе собранія нѣкоторыя темы, и, наконецъ, собраніе, послѣ долгихъ пререканій, избрало тему, на которую было получено согласіе полицейскаго. Тема эта была слѣдующая: «Наша родина, юристы, врачи» («Unser Vaterstadt, der Jurist, der Arzt»), и казалось, что тутъ уже полиціи не будетъ повода къ придиркамъ. Однако, на дѣлѣ вышло иначе. Во время обсужденія этой, повидимому, безобидной темы одна изъ ораторшъ привела нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на невѣжество гамбургскихъ полицейскихъ чиновниковъ и на ихъ придирчивость и злоупотребленіе закономъ о союзахъ, поставившимъ женщинъ въ положеніе несовершеннолѣтнихъ и неправоспособныхъ личностей. Этого было достаточно, конечно, чтобы вызвать тотчасъ же рѣзкое вмѣшательство полицейскаго; онъ закрылъ собраніе и потребовалъ, чтобы присутствующіе разошлись. Дѣло не обошлось, разумѣется, безъ громкихъ и шумныхъ протестовъ, но, въ концѣ концовъ, публика оставила залу. «Frankfurter Zeitung», обсуждая этотъ инцидентъ, говоритъ, что онъ служитъ еще однимъ лишнимъ доказательствомъ ненормальности условій, въ которыя поставлены женщины прусскимъ закономъ о союзахъ.

Недавно въ Берлинѣ состоялся публичный экзаменъ восьми молодыхъ дѣвушекъ на соисканіе званія ученой библіотекарши. Всѣ восемь молодыхъ дѣвушекъ прошли пятимѣсячный теоретическій и практическій курсъ необходимыхъ для библіотекаря знаній. Занятіями руководилъ профессоръ Вольштигъ, главный библіотекарь прусской палаты депутатовъ. Публичный экзаменъ произведенъ былъ изъ латинскаго языка, исторіи, литературы и искусства составленія би-

бліотекъ и каталоговъ. Во многихъ спеціальныхъ библіотекахъ, между прочимъ въ университетской библіотекѣ, уже служатъ ученыя библіотекарши въ качествѣ помощницъ библіотекарей.

Общественная и политическая жизнь въ Англіи.—Конгрессъ ученыхъ въ Родезіи. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся и уважаемыхъ членовъ англійской либеральной партіи Джонъ Морлей произнесъ въ «National Liberal Club» рѣчь, въ которой англійская печать видитъ новыя указанія на современныя условія англійскаго либерализма. Еще до окончанія южно-африканской войны, внесшей расколъ въ либеральной партіи, появились симптомы, подтверждающіе возможность новаго объединенія либераловъ. Число этихъ симптомовъ увеличилось съ окончаніемъ войны, тѣмъ болѣе, что школьный вопросъ сплотилъ всѣхъ либераловъ противъ консервативно-уніонистскаго правительства и заставилъ оппозицію вспомнить, что у нея есть общіе интересы, которые она должна отстаивать, и что она можетъ разсчитывать на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если прекратитъ внутренніе раздоры. Уже рѣчь лорда Розбери, произнесенная въ Эдинбургѣ вызвала предположеніе, что школьный законъ сыграетъ для либеральной партіи роль цемента и соединитъ разрозненныя частицы. Такое же впечатлѣніе произвела и рѣчь Морлея. Въ числѣ вопросовъ, вызывающихъ разногласія либеральной партіи, первое мѣсто занимаютъ имперіализмъ и ирландскій вопросъ, но если сравнить обѣ послѣднія рѣчи, Розбери и Морлея, то оказывается, что никакихъ непримиримыхъ разногласій въ этомъ отношеніи не существуетъ между либеральными въ сущности только личные вопросы раздѣляютъ либераловъ. Дѣло сводится къ тому, кого признавать главой либеральной партіи, въ случаѣ, если бы между обѣими враждебными фракціями произошло примиреніе. Традиціонные либералы, конечно, стоятъ за сэра Кэмпбелля Баннермана, другіе же желаютъ имѣть своимъ главой лорда Розбери. Морлей хотя и не говорилъ прямо объ этихъ пререканіяхъ, но все-таки намекнулъ на это, замѣтивъ, что «спасеніе партіи зависитъ вовсе не отъ одного какого-нибудь человѣка, не отъ ея главарей или какихъ-нибудь опредѣленныхъ личностей, а отъ ея принциповъ и вѣрности этимъ принципамъ. Надо только заботиться о сохраненіи этихъ принциповъ и о томъ, чтобы они имѣли какъ можно больше союзниковъ, тогда успѣхъ ихъ обезпеченъ».

Заговоривъ о южно-африканской войнѣ, Джонъ Морлей сказалъ, что это была «большая ошибка», но что эта ошибка все-таки доказала, какою громадною энергіею, стойкостью и рѣшительностью обладаетъ британскій народъ, который, избравъ какую-нибудь политику, уже не отступаетъ отъ нея и доводитъ ее до конца. Но тѣмъ не менѣе Джонъ Морлей все-таки осуждаетъ войну, хотя она и помогла обнаруженію многихъ блестящихъ качествъ британскаго народа. О южно-африканской миссіи Чэмберлена Морлей высказался довольно сочувственно и это вызвало нѣсколько горячихъ протестовъ въ его аудиторіи, но тѣмъ не менѣе Морлей все-таки еще разъ повторилъ, что онъ ожидаетъ хорошихъ результатовъ отъ этой миссіи, которая должна хоть отчасти испра-

вить сдѣланное зло. Во всякомъ случаѣ, Морлей не сказалъ ничего такого относительно колоніальной и внѣшней политики Великобританіи, что указывало бы на непримиримыя разногласія въ средѣ либеральной партіи.

Недавно либеральная партія праздновала блестящую побѣду на дополнительныхъ выборахъ въ Ньюмаркетѣ. Дѣйствительно эти выборы представляютъ весьма знаменательный фактъ, такъ какъ, менѣе чѣмъ въ два года, произошла радикальная перемѣна во взглядахъ избирателей, подававшихъ свои голоса за консервативнаго депутата и теперь вотировавшихъ въ пользу либеральнаго кандидата мистера Розъ, который получилъ на 1,196 голосовъ больше прежняго. Результаты этихъ выборовъ вызвали много толковъ въ газетахъ, тѣмъ болѣе, что они не представляютъ единичнаго факта. Въ короткое время въ семи округахъ, включая Ньюмаркетъ, произошло перемѣщеніе голосовъ въ пользу либераловъ. Консервативная печать, конечно, старается умалить значеніе этого факта, но тѣмъ не менѣе ясно, что консервативное правительство теряетъ почву. Крайности британскаго имперіализма, несомнѣнно, утомили общественное мнѣніе. Южно-африканская война стоила слишкомъ много жизней и денегъ и мало этого! она заставила пожертвовать многими принципами и нанесла тяжелый ущербъ британскому престижу. Непріятное впечатлѣніе вызвала и готовность британскаго министра иностранныхъ дѣлъ лорда Лонсдоуна идти на буксирѣ у императора Вильгельма. Общественное мнѣніе очень осуждаетъ венецуэльскую авантюру и недовольно тѣмъ, что Англія связалась съ Германіей. Экономическая и фискальная политика правительства также вызываютъ строгое порицаніе многихъ и сильные нападки печати. Милліарды, брошенные въ бездну, которую представляютъ изъ себя бюджеты военный и морской, чрезмѣрныя субсидіи, выдаваемыя крупнымъ землевладѣльцамъ и англиканскому духовенству, хлѣбный налогъ и, въ довершеніе всего, школьный законъ—все это поддерживаетъ неудовольствіе, которымъ должна воспользоваться либеральная партія, и выборы въ Ньюмаркетѣ подтверждаютъ это.

Всемірно извѣстный союзъ британскихъ ученыхъ «British Association» недавно получилъ отъ пресловутой африканской промышленной компаніи «Chartered Compapy» приглашеніе устроить свой конгрессъ въ 1905 году у водопадовъ Викторія въ Замбезе. Власти Родезіи готовы предоставить 7.000 фунтовъ въ распоряженіе британской ассоціаціи на расходы, но по словамъ «Daily News» расходы все-таки должны превышать эту сумму въ довольно значительной степени. Тѣмъ не менѣе полагаютъ, что британская ассоціація приметъ это приглашеніе, хотя, вѣроятно, не всѣ ея члены поѣдутъ такъ далеко. Прежніе конгрессы ассоціаціи бывали только въ предѣлахъ Великобританіи и Ирландіи и лишь одинъ разъ члены британской ассоціаціи отправились въ Монреаль, въ Канаду. До сихъ поръ еще въ Африкѣ не бывало конгрессовъ ученыхъ и только въ этомъ году въ первый разъ состоялся медицинскій конгрессъ въ Каирѣ. Конгрессъ на берегахъ Замбезе будетъ весьма интереснымъ нововведеніемъ въ южной Африкѣ и, конечно, вызоветъ въ Родезіи большое оживленіе. Англійскіе корреспонденты, побывавшіе въ Родезіи, утверждаютъ, что эта страна имѣетъ всѣ данныя для прекраснаго будущаго. Когда знамени-

тый проектъ покойнаго Родса будетъ, наконецъ, приведенъ въ исполненіе, то, разумѣется, Родезія много выиграетъ отъ этого и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, начнетъ развиваться даже быстрѣе, чѣмъ развивалась сѣверная Америка. Сесиль Родсъ отлично понялъ это, когда рѣшилъ завладѣть огромною и пустынною территоріей, носящей теперь его имя. Но и трансваальскіе буры также понимали это и поэтому Крюгеръ организовалъ экспедицію для завладѣнія этою мѣстностью. Однако, Родсъ, во главѣ маленькой группы своихъ соотечественниковъ, предупредилъ его. Онъ одинъ, безъ всякой свиты, отправился прямо въ лагерь Булувайо, къ негрскому королю Лобенгулѣ, одному изъ самыхъ кровожадныхъ деспотовъ въ южной Африкѣ, и предложилъ ему торгъ. Смѣлость и стремительность Родса такъ подѣйствовали на Лобенгулу, что онъ согласился уступить свою территорію и удалиться къ сѣверу отъ Замбезе взамѣнъ 1.000 ружей, 100.000 патроновъ и маленькаго пароходика. Когда буры явились, то было уже поздно, торгъ былъ заключенъ и страна принадлежала смѣлому англичанину, который, впрочемъ, дѣйствовалъ безъ всякихъ полномочій отъ Англіи. Сесиль Родсъ явился въ Капштадтъ и предложилъ колоніальному парламенту присоединить богатую область, которую онъ пріобрѣлъ отъ Лобенгулы. Парламентъ отказался. Тогда Родсъ отправился къ англійскому губернатору колоніи и развилъ передъ его глазами самую блестящую картину будущности Родезіи. Но губернаторъ колебался, и, какъ извѣстно, Родсъ предложилъ тогда учредить компанію, которая бы заняла эту страну отъ имени Англіи. На это послѣдовало согласіе колоніальнаго департамента и была основана знаменитая «Charteged Company». Теперь на мѣстѣ лагеря негрскаго короля находится городъ Булувайо, съ 7.000 жителей, но городъ распланированъ, по крайней мѣрѣ, для 300.000 жителей. Улицы широкія, по типу американскихъ авеню, освѣщены электричествомъ. Въ центрѣ оставлены большія пространства для парковъ. Желѣзная дорога соединяетъ Булувайо съ Капштадтомъ, и прекрасные поѣзда въ три дня доставляютъ путешественниковъ изъ Капа въ столицу Родезіи. Родсъ мечталъ сдѣлать изъ Булувайо новый Чикаго и обратить Капъ въ портъ Булувайо. Изъ Булувайо уже строится желѣзная дорога, которая со временемъ должна соединить этотъ городъ съ Каиромъ. Черезъ полтора года поѣзда будутъ ходить до Замбезе, и останется только построить еще 1.300 миль желѣзной дороги, чтобы достигнуть Каира, такъ какъ остальная часть пути пройдетъ водой, по озерамъ и Нилу. Одинъ изъ корреспондентовъ намѣчаетъ линію этого великаго пути, который долженъ соединить берега Средиземнаго моря съ мысомъ Доброй Надежды: Капъ, Булувайо, Замбезе, озеро Танганайка, бельгійскій Конго, Фашода, Каиръ. Родсъ умеръ, но его широкіе замыслы продолжаютъ жить и развиваться, и, вѣроятно, мечта его жизни: созданіе южноафриканскихъ штатовъ и непосредственное соединеніе Южной Африки съ Европой—будетъ осуществлена въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Въ настоящее время англійскія газеты съ большимъ оживленіемъ обсуждаютъ вопросъ о женской эмиграціи въ Южную Африку. Еще до окончанія войны Чэмберленъ предсказывалъ на митингѣ «British Women's Emigration Association» (британской женской эмиграціонной ассоціаціи), что какъ только дѣла въ

Южной Африкѣ будутъ улажены, то эта страна поразитъ своимъ быстрымъ развитіемъ всѣхъ. «Мы будемъ посылать туда мужчинъ, и притомъ лучшихъ и наиболѣе энергичныхъ, десятками и сотнями тысячъ!» воскликнулъ онъ и тутъ же добавилъ, что для успѣха Южной Африки необходимо, чтобы и женская эмиграція совершалась въ такихъ же размѣрахъ. По вычисленію «Morning Post» нужно, по крайней мѣрѣ, 70.000 женщинъ, чтобы установить нормальное отношеніе половъ въ Южной Африкѣ. Англійскіе газеты и журналы пропагандируютъ устройство курсовъ для образованія женщинъ-колонистокъ, которыя, подобно мужскимъ колонистамъ, обладали бы нужными познаніями для устройства самостоятельнаго дѣла и фермерскаго хозяйства въ колоніяхъ. Общество поощренія женской колонизаціи намѣрено оказать наивозможно широкую поддержку женщинамъ, которыя отправятся въ британскія колоніи Южной Африки.

Американскіе промышленные синдикаты (трёсты). Гигантскій ростъ американскихъ трёстовъ, число которыхъ въ 1897 г. не превышало 63, а по статистикѣ 1900 года достигло уже 185, не на шутку тревожитъ общественное мнѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ, тѣмъ болѣе, что образованіе мясныхъ, мучныхъ и т. п. трёстовъ повело за собою вздорожаніе жизненныхъ припасовъ. Словно какая-то лихорадка охватила не только крупныхъ, но и всѣхъ мелкихъ американскихъ промышленниковъ и торговцевъ, которые спѣшатъ организовать ассоціаціи, чтобы въ основу всѣхъ своихъ торговыхъ операцій поставить общность интересовъ. Скотоводы въ городѣ Соленаго озера, кирпичные заводчики, солевары, мучные торговцы, огородники и т. п. основываютъ трёсты, которые растутъ и размножаются, какъ грибы. Народъ, не принимающій участія въ трёстахъ, ропщетъ на оказываемое ими давленіе и жалуется на дороговизну жизни. Печать, служащая отголоскомъ этой части общественнаго мнѣнія, поддерживаетъ оппозицію противъ трёстовъ и полемизируютъ съ ихъ защитниками. Само собою разумѣется, что рѣчь президента Рузевельта, открыто ставшаго на сторону противниковъ трёстовъ, подлила масла въ огонь, и полемика сдѣлалась болѣе жаркою. Нѣкоторыя американскія газеты сравниваютъ даже Рузевельта съ Линкольномъ. Ему, какъ и Линкольну, придется серьезно бороться съ антагонизмомъ отдѣльныхъ штатовъ, которые видятъ въ попыткѣ президента ограничить свободу трёстовъ посягательство на ихъ свободу и независимость. Въ одномъ государствѣ Соединенныхъ Штатовъ существуетъ 45 отдѣльныхъ государствъ и каждое изъ нихъ пользуется абсолютною независимостью. Для того, чтобы облечь федеральное правительство новою властью, нужно согласіе двухъ третей штатовъ и такъ какъ реформы конституціи сопровождаются массою формальностей, то проведеніе ихъ весьма затруднительно и представляетъ нѣчто въ родѣ маленькой революціи. Именно такая революція нужна теперь, чтобы дать федеральному правительству право издать новый ограничительный законъ о трёстахъ. Полагаютъ, однако, что Рузевельтъ, поддерживаемый значительною частью общественнаго мнѣнія Соединенныхъ Штатовъ, въ состояніи будетъ произвести такой переворотъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Линкольнъ, объявившій федеральное правитель-

ство нравственно отвѣтственнымъ за существованіе рабовладѣльческихъ штатовъ, хотя принципъ независимости штатовъ и не допускалъ вмѣшательства этого правительства въ ихъ внутреннія дѣла.

Въ ожиданіи, когда противъ нихъ будутъ приняты серьезныя мѣры, трёсты растутъ и развиваются. Однако, любопытно то, что одновременно съ ростомъ трёстовъ наблюдается и ростъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Многія газеты обращаютъ вниманіе на это странное совпаденіе. Число соціалистовъ въ Америкѣ возрастаетъ съ необычайною быстротой и теперь доходитъ уже до трехъ милліоновъ, вмѣсто полумилліона 4 года тому назадъ.

Многіе объясняютъ это явленіе тѣмъ, что, благодаря трёстамъ, американцы, относившіеся прежде несочувственно къ идеямъ коллективизма, теперь скорѣе усваиваютъ себѣ это ученіе, увидѣвъ его практическое примѣненіе въ области промышленности. Соціалисты говорятъ, что организаторы трёстовъ сдѣлались ихъ самыми краснорѣчивыми союзниками и убѣждены, что трёсты помогутъ имъ осуществить соціалистскую программу. «Чѣмъ больше будетъ трёстовъ, тѣмъ лучше!» говорятъ они.

Однако, американскіе трёсты милліардёровъ до нѣкоторой степени заставляютъ общественное мнѣніе примиряться съ собою, потому что многіе изъ этихъ «союзныхъ милліардныхъ королей», какъ ихъ называетъ французскій журналистъ Норвенъ въ «La Revue», оказываются настоящими благодѣтелями своей націи. Во главѣ стоитъ, конечно, Карнеджи, пригоршнями раздающій свои богатства на устройство библіотекъ, учрежденіе университетскихъ стипендій и т. п. Кромѣ того, большинство этихъ милліардёровъ принадлежитъ къ такъ называемымъ «Selfmademen» и американцамъ это нравится. Очень многіе изъ американскихъ королей промышленности, Рокфеллеры, Штольманнъ, Швабъ, Хиллъ и др., даже не получили высшаго образованія и не посѣщали университетовъ. Всѣ свои познанія они почерпнули изъ великой школы жизни. То же самое и Пирпонтъ Морганъ, организаторъ грандіознаго океанскаго трёста, возбудившаго такъ много толковъ въ Европѣ. Къ числу такихъ же грандіозныхъ трёстовъ, возникшихъ въ послѣднее время принадлежитъ и желѣзнодорожный трёстъ. Восемь милліардёровъ: Пирпонтъ Морганъ, Вандербильтъ, Гульдъ, Рокфеллеръ, Гарринсонъ, Шиффъ, Хиллъ и Кассатъ, соединились вмѣстѣ, чтобы захватить въ свои руки всѣ желѣзнодорожныя линіи въ Соединенныхъ Штатахъ, и это почти удалось имъ. Идея такого трёста принадлежитъ Вандербильту, который нашелъ себѣ весьма полезнаго помощника и союзника въ лицѣ Кассата, очень много содѣйствовавшаго реализаціи его плановъ. Удача этого перваго опыта коализаціи желѣзнодорожныхъ интересовъ скоро привела къ желаннымъ результатамъ, и постепенно другія линіи стали присоединяться къ первоначальной коализаціи. Первымъ вступилъ въ эту комбинацію Пирпонтъ Морганъ, а затѣмъ и другіе владѣльцы желѣзнодорожныхъ линій. Желѣзнодорожный синдикатъ, подобно гигантскому спруту, охватываетъ уже своими щупальцами огромное пространство желѣзнодорожной сѣти Соединенныхъ Штатовъ и соперничаетъ въ могуществѣ съ пресловутымъ стальнымъ трёстомъ. Въ Европѣ, несомнѣнно, также ощущаютъ нѣкоторую тревогу при

видѣ этихъ милліардныхъ трёстовъ. Гигантское чудовище, повидимому, стремится протянуть свои щупальцы и на Европу, и нѣкоторые органы европейской печати уже предвидятъ въ недалекомъ будущемъ полное порабощеніе Стараго свѣта Новымъ свѣтомъ въ коммерческомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

Академія Гонкура. Памятникъ Ренану. Въ половинѣ января этого года состоялось въ Парижѣ оффиціальное открытіе академіи Гонкура. Какъ извѣстно, Эдмондъ Гонкуръ, по смерти своего брата и сотрудника Жюля, рѣшилъ завѣщать все свое и своего брата состояніе на образованіе академіи, которая могла бы составить конкуренцію оффиціальной и чрезмѣрно консервативой «Академіи безсмертныхъ». Гонкуръ часто говорилъ своимъ друзьямъ, что онъ хотѣлъ бы противопоставить «великой» академіи Ришелье, куда попадаютъ большею частью «малые умы», маленькую академію, куда попадали бы «великіе умы». Свое состояніе Гонкуръ исчислялъ въ два милліона франковъ, включая и ту сумму, которая могла быть выручена отъ продажи его коллекцій. Его академія должна была состоять изъ десяти членовъ и имѣть годовой доходъ въ 70.000 франковъ. Каждому изъ членовъ онъ назначилъ содержаніе въ 6.000 франковъ, и, кромѣ того, академія должна была выдавать ежегодно литературную премію въ 5.000 франковъ. Къ сожалѣнію, разсчеты Гонкура оказались невѣрными и теперь, по ликвидаціи наслѣдства, академія можетъ разсчитывать не на 70.000 фр. ежегоднаго дохода, а всего лишь на 50.000. Кромѣ того, родные Гонкура оспаривали завѣщаніе и затѣяли процессъ, поглотившій-таки довольно много денегъ, а въ довершеніе всего и продажа коллекцій не оправдала ожиданій—вырученная сумма оказалась ниже той, на которую разсчитывалъ завѣщатель.

Гонкуръ самъ назначилъ при жизни восемь членовъ своей академіи, предоставляя уже имъ избрать еще двухъ для пополненія числа. Первый списокъ, составленный имъ самимъ, включалъ слѣдующіе имена: Флоберъ, Поль де-Сенъ Викторъ, Фромантенъ, Барбе д'Оревильи, Леонъ Кладель, Теофиль Готье, Банвиль де-Шенневріеръ, Луи Вьельо и Валлесъ. Но этотъ первоначальный списокъ затѣмъ много разъ подвергался переработкѣ и въ 1883 году состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Бонвиль, Валлесъ д'Оревильи, Мопассанъ, Бурже, Лоти, Золя, Альфонсъ Додэ, Гюисмансъ и Анри Сеарѣ. Между тѣмъ, Бурже и Лоти вступили въ разрядъ «благочестивыхъ и благонамѣренныхъ писателей» и были избраны въ число «безсмертныхъ»; Бонвилль, Валлесъ, д'Оревильи и Мопассанъ умерли, а Золя разошелся со своимъ старымъ пріятелемъ. Передъ своею смертью Гонкуръ составилъ опять новый списокъ академиковъ: Альфонсъ Додэ, Гюисмансъ, Октавъ Мирбо, Жофруа, Леонъ Генникъ, братья Рони и Поль Марогеритъ. Но Альфонсъ Додэ недолго пережилъ своего пріятеля Гонкура.

Наконецъ, послѣ разныхъ проволочекъ и затрудненій всѣ процессы были выиграны и планы завѣщателя могли быть осуществлены его душеприказчиками. Изъ девяти лицъ, поименованныхъ Гонкуромъ, оставалось въ живыхъ семь и вотъ эти семь академиковъ собрались въ первый разъ 12-го января для избранія трехъ недостающихъ членовъ. Изъ уваженія къ памяти отца былъ

избранъ сынъ Альфонса Додэ, Леонъ Додэ, далеко уступающій въ талантѣ своему отцу, затѣмъ Люсьенъ Декавъ и поэтъ Элемиръ Буржъ, еще мало извѣстный. Но пока еще не приведены окончательно въ порядокъ дѣла новой академіи, она не можетъ, конечно, выплачивать своимъ членамъ положенную пенсію. Полагаютъ, что не раньше пяти-шести лѣтъ можно будетъ привести въ исполненіе планы покойнаго завѣщателя и его академія начнетъ функціонировать правильнымъ образомъ. Однако, къ тому времени составъ ея можетъ еще разъ измѣниться и, пожалуй, она окажется совсѣмъ не такою, какою представлялъ ее себѣ покойный Гонкуръ, когда составлялъ свои списии.

Во Франціи организованы въ настоящее время три комитета для сооруженія памятника Ренану. Первый комитетъ, называемый французскими газетами «Comité de patronage moral», состоитъ исключительно только изъ выдающихся писателей, и предсѣдателемъ его избранъ другъ Ренана, знаменитый ученый Бертело. Статуя Ренану будетъ поставлена на главной площади Трегье, города Бретани, гдѣ находится маленькая семинарія, въ которой обучался Ренанъ. Когда Ренанъ уже состарился, то однажды ему страшно захотѣлось повидать свою «alma mater». «Какъ бы я хотѣлъ, хоть одинъ только разъ, увидѣть снова маленькій дворъ семинаріи и присѣсть на узкую каменную скамью, гдѣ я такъ часто сиживалъ прежде!—говорилъ онъ своимъ друзьямъ.—Мнѣ хочется увидать сѣрыя стѣны, безмолвныя аллеи, низкій и ограниченный горизонтъ—все, что было мнѣ такъ близко когда-то»... Подъ вліяніемъ этого желанія Ренанъ написалъ настоятелю аббату Мандо. Но тотъ отвѣтилъ ему строгимъ письмомъ и, убѣждая своего бывшаго ученика вернуться на путь истины, заявлялъ ему, что лишѣ на такихъ условіяхъ для него откроются двери святой обители. Разумѣется, эти двери никогда не открылись для Ренана.

Замѣчательно, что главными иниціаторами движенія въ пользу сооруженія памятника Ренану, были также трое бывшихъ воспитанниковъ семинаріи въ Трегье, такъ что, очевидно, воспитанники аббата Мандо не были проникнуты духомъ послушанія и смиренія. Статуя должна быть готова къ сентябрю этого года и выполненіе ея поручено скульптору Жану Буше, пользующемуся большою извѣстностью въ настоящее время. Подписка на сооруженіе памятника идетъ очень успѣшно. Кромѣ того вицепрезидентъ второго комитета, Арманъ Дайо, тоже бывшій воспитанникъ семинаріи въ Трегье, обратился къ разнымъ современнымъ французскимъ знаменитостямъ, прося ихъ содѣйствія и полученные имъ отвѣты будутъ собраны и изданы въ видѣ «Золотой книги» (Livre d'or) «во славу великаго французскаго историка», ко дню открытія его памятника. Въ числѣ имѣющихся уже писемъ находится письмо покойнаго Золя. Конечно, всѣ лица, къ которымъ обращался Арманъ Дайо, спѣшитъ выразить свое желаніе и готовность почтить память Ренана.

Таинственная болѣзнь. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ лондонская школа тропической медицины отправила въ Уганду коммиссію, состоящую изъ трехъ врачей, Лоу, Кастеллани и Кристи, для изслѣдованія таинственной болѣзни, которая свирѣпствуетъ эпидемически въ Угандѣ уже около четырехъ

лѣтъ и производитъ большія опустошенія среди жителей Уганды. Эта болѣзнь называется «сонная болѣзнь» (Zleping Ziekness). Изъ трехъ командированныхъ врачей, двое остались въ Угандѣ доканчивать свои бактеріологическія изслѣдованія, а одинъ, докторъ Лоу, вернулся въ Лондонъ и представилъ подробный докладъ о своей командировкѣ. По его словамъ, около 70.000 человѣкъ пали уже жертвами этой странной болѣзни въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Болѣзнь занесена въ Уганду изъ португальскихъ владѣній Западной Африки и въ настоящее около 1.500 туземцевъ поражены этимъ недугомъ, который, почти безъ исключенія, имѣетъ смертельный исходъ и въ особенности же имѣетъ острое теченіе тогда, когда появляется впервые въ какой-нибудь области. Туземцы такъ боятся этой болѣзни, что всѣ бѣгутъ изъ той мѣстности, гдѣ она появилась, такъ что цѣлыя области становятся безлюдными. Въ самомъ началѣ болѣзнь выражается настолько слабыми призраками, что только опытный глазъ негровъ можетъ замѣтить ихъ. Прежде всего примѣчается психическое состояніе больного; онъ становится молчаливымъ, вялымъ и безучастнымъ ко всему. Европейскіе врачи обыкновенно не замѣчаютъ никакой перемѣны въ больномъ, но эта перемѣна не ускользаетъ, однако, отъ его окружающихъ. Мало-по-малу признаки становятся болѣе рѣзкими. Отупѣніе и приступы оцѣпененія усиливаются, бываютъ головокруженія и головная боль. Больной ощущаетъ сильную слабость, которая дѣлаетъ необыкновенно труднымъ для него всякое усиліе, всякое движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются приступы сна. Онъ засыпаетъ внезапно, во всякое время и во всякомъ положеніи и чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ. Онъ засыпаетъ во время игры, разговора, работы или во время ѣды. Когда онъ просыпается, то жалуется на сильную слабость и холодъ и инстинктивно ищетъ солнечныхъ лучей, чтобы согрѣться. Это уже приближеніе конца активной жизни. Больной ищетъ одиночества, избѣгаетъ своихъ соплеменниковъ и старается запрятаться въ укромный уголокъ своей хижины, подальше отъ другихъ. Онъ перестаетъ принимать участіе въ разговорахъ, хотя умственныя способности его нисколько не ослаблены, но онъ постоянно молчитъ и находится въ какомъ-то полудремотномъ состояніи. Однако, изъ этого состоянія его можно вывести насильственнымъ образомъ, заставить ѣсть, ходить и т. д. Но походка его бываетъ какъ у пьянаго или не совсѣмъ проснувшагося человѣка. Иногда онъ засыпаетъ на ходу или во время ѣды и даже не успѣваетъ проглотить пищу, которую положилъ въ ротъ. Впрочемъ у него нѣтъ ни малѣйшаго аппетита, и онъ никогда не попроситъ ѣсть самъ и никогда самъ не заговариваетъ съ окружающими, но на вопросы отвѣчаетъ совершенно здраво и хотя онъ уже тяжко болѣнъ, но при поверхностномъ изслѣдованіи можетъ даже показаться совершенно здоровымъ, такъ какъ онъ нисколько не исхудалъ, и всѣ органы его функціонируютъ вполнѣ правильно. Въ послѣднемъ періодѣ, однако, не только усиливается сонливость, но часто появляется дрожаніе мускуловъ, иногда локализированныя омертвѣнія и вздутіе губъ, которыя не задерживаютъ слюны, вытекающей изо рта. Смерть приближается быстрыми шагами и вывести больного изъ его летаргическаго состоянія очень трудно, такъ что онъ совершенно незамѣтно переходитъ отъ сна къ смерти. Продолжительность болѣзни бываетъ различна: въ острыхъ случаяхъ

четыре-пять мѣсяцевъ, а въ болѣе затяжныхъ—два или три года. Выздоровленіе наблюдается крайне рѣдко. Леченіе неизвѣстно, такъ какъ совершенно неизвѣстны причины, вызывающія болѣзнь. Но она считается заразительною и одинаково поражаетъ какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ обоего пола. Бѣлыхъ она, повидимому, щадитъ. Д-ръ Лоу считаетъ ее болѣзнью нервной системы, слѣдствіемъ пораженія мозга и оболочекъ, но пока не будутъ окончены бактеріологическія изслѣдованія, начатыя докторами Кастеллани и Кристи, до тѣхъ поръ нельзя высказать никакого опредѣленнаго взгляда на эту болѣзнь. Докторъ Кастеллани полагаетъ, что ему удалось открыть въ крови больныхъ микроорганизмъ, вызывающій эту болѣзнь, но еще слишкомъ рано говорить объ этомъ съ положительностью.

Болѣзнь носитъ эпидемическій характеръ и держится большею частью въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, но иногда, что именно и наблюдается теперь, она переходитъ въ настоящую эпидемію и захватываетъ большія пространства, переходя изъ одной деревни въ другую. Замѣчательно, что она наблюдается только у африканскихъ негровъ и порою обнаруживается у нихъ спустя долгое время, даже нѣсколько лѣтъ, послѣ того какъ они покинули мѣстность, гдѣ существуетъ эта болѣзнь. Негръ, уѣхавшій совершенно здоровымъ оттуда, не гарантированъ, однако, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или нѣсколько лѣтъ у него не появится эта болѣзнь, будетъ ли онъ находиться въ это время въ Англіи, Индіи, Австраліи или другихъ мѣстахъ. Во времена американскаго рабства много негровъ, давно вывезенныхъ изъ своего отечества, умирали все-таки отъ этой болѣзни. Въ настоящее время она принимаетъ такіе размѣры, что грозитъ обезлюдить Уганду, и госпиталь, устроенный спеціально для такихъ больныхъ, не вмѣщаетъ и сотой части заболѣвающихъ. Въ колоніальномъ управленіи въ Лондонѣ очень встревожены тѣми размѣрами, которые принимаетъ «сонная болѣзнь» въ Угандѣ, и всѣ взоры обращены теперь на лондонскую школу тропической медицины, въ надеждѣ, что ей удастся побороть этотъ странный недугъ, открывъ тайну его происхожденія.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Европейское мнѣніе о французской печати.—Критика англійскаго общества.—Религія убійства.

Французскій журналъ «Revue Bleue» обратился къ различнымъ иностраннымъ писателямъ съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе о французской печати и теперь печатаетъ полученные отзывы, весьма лестные для французскихъ журналистовъ, но въ тоже время и довольно строгіе. Большинство иностранныхъ журналистовъ упрекаетъ французскую печать въ томъ, что она плохо освѣдомлена и мало интересуется тѣмъ, что дѣлается внѣ Франціи. Во всей Франціи найдется двѣ-три газеты, не болѣе, которыя сообщаютъ своимъ читателямъ свѣдѣнія о европейскихъ дѣлахъ и поддерживаютъ въ нихъ интересъ къ тому, что не относится непосредственно къ Франціи. Президентъ цен-

тральнаго бюро ассоціацій печати, редакторы «Neues Wiener Tageblatt» Вильгельмъ Зингеръ говоритъ, что характерную черту французской печати составляетъ то, что она на все смотритъ съ личной точки зрѣнія и поэтому всѣ разсказы и сообщенія французскихъ газетъ о различныхъ событіяхъ всегда носятъ личный отпечатокъ. Точность воспроизведенія телеграфныхъ или телефонныхъ сообщеній не составляетъ качества французской печати и французскіе журналисты всегда мечтаютъ о роли ораторовъ, пылкихъ, остроумныхъ и дѣйствующихъ на свою аудиторію, но, къ несчастью, далеко не всегда безпристрастныхъ. Европейскія газеты въ большинствѣ случаевъ стараются передать факты, сообщать событія дня, политическія и другія,—французская же печать въ значительной степени проникнута злободневнымъ настроеніемъ и это отражается на всѣхъ ея сообщеніяхъ.

Англійскіе журналисты въ своихъ отзывахъ о французской печати признаютъ, что большія ежедневныя газеты во Франціи, лучше англійскихъ въ литературномъ отношеніи, но за то стоятъ гораздо ниже ихъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ и главнымъ образомъ въ томъ, что онѣ мало освѣдомлены и не стараются заинтересовать своихъ читателей тѣмъ, что творится за предѣлами ихъ отечества. Редакціи французскихъ газетъ очень мало заботятся о томъ, чтобы получать самыя свѣжія новости, иностранныя извѣстія и т. п. и довольствуются въ этомъ отношеніи случайными и далеко не провѣренными сообщеніями. Нѣмецкія, англійскія, итальянскія, бельгійскія, и швейцарскія газеты гораздо лучше освѣдомлены и болѣе содержательны, но зато онѣ плохо написаны и скучны. Парижская газета, хотя и не сообщаетъ ничего или очень мало своимъ читателямъ, но тѣмъ не менѣе заинтересовываетъ ихъ, потому что никто не можетъ сравниться съ французскими журналистами въ блескѣ слога и искусствѣ писать статьи.

«Въ Европѣ не существуетъ журнализма болѣе чистосердечнаго, болѣе пылкаго, отзывчиваго и непосредственнаго, болѣе страстнаго, влюбленнаго въ свое искусство и въ красоту слога и заботящагося о литературной формѣ, нежели французскій журнализмъ, говоритъ Эдуардъ Секреманъ, редакторъ «Gazette de Lausanne»,—но этотъ журнализмъ носитъ исключительно парижскій характеръ и, хотя совершенный по формѣ, онъ долженъ быть контролированъ во всемъ что касается фактовъ».

Въ англійскомъ журналѣ «Leisure Hour» также напечатана статья «О журнализмѣ, какъ профессіи во Франціи». Французскій журнализмъ занимаетъ теперь руководящее положеніе, говоритъ авторъ статьи. Въ числѣ лицъ, избравшихъ эту профессію и постоянно пишущихъ въ газетахъ, находятся министры и видные парламентскіе и общественные дѣятели. Правда, буржуазія или такъ называемые средніе классы все еще смотрятъ съ нѣкоторою подозрительностью на журналистовъ, но это предубѣжденіе уже замѣтно исчезаетъ. Сравнивая французскій и англійскій журнализмъ, авторъ также замѣчаетъ, что «точность не составляетъ добродѣтели французскихъ журналистовъ»; отъ нихъ требуется прежде всего, чтобы они были «остроумы и не были однообразны». «Любопытно было бы видѣть какого-нибудь англійскаго парламентскаго репортера

среди французскихъ журналистовъ въ палатѣ депутатовъ», говоритъ авторъ. Конечно, англійскій журналистъ былъ бы страшно удивленъ поведеніемъ своихъ французскихъ коллегъ, которые почти не слушаютъ того, что говорится, и только заботятся о томъ, чтобы передать свое личное впечатлѣніе въ отчетѣ о засѣданіи палаты, причемъ онъ, въ тоже время, всегда долженъ имѣть въ виду частные политическіе интересы своей газеты. Такимъ образомъ его отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ всегда носятъ индивидуальный характеръ. Если же ему бываетъ нужно цитировать нѣкоторыя мѣста изъ парламентскихъ рѣчей, то онъ обращается къ оффиціальнымъ стенографамъ и заимствуетъ у нихъ свои цитаты. Во французскихъ газетахъ нѣтъ мѣста для подробныхъ парламентскихъ отчетовъ, да французскіе читатели и не нуждаются въ томъ, чтобы имъ передавали слово въ слово то, что говорилось въ палатѣ. У нихъ не существуетъ потребности составить себѣ независимое мнѣніе. Отъ газеты они требуютъ прежде всего, чтобы она ихъ занимала и не противорѣчила ихъ укоренившимся взглядамъ, поэтому то каждый французскій читатель читаетъ преимущественно только ту газету, которая раздѣляетъ его политическія убѣжденія. Обязанность французскаго репортера заинтересовать и позабавить своихъ читателей и эту цѣль онъ долженъ прежде всего имѣть въ виду, описываетъ ли онъ парламентское засѣданіе, уголовное дѣло, политическій митингъ или какое-нибудь уличное приключеніе, но при всемъ этомъ онъ никогда не долженъ упускать изъ вида политическіе интересы своей газеты.

Для характеристики французскаго читателя приводимъ слѣдующее замѣчаніе Вильмессана, основателя и перваго редактора газеты «Figaro»: «Парижане гораздо болѣе интересуются «faits-divers» (хроникой), даже если это будетъ только разсказъ о собакѣ, которую переѣхали на улицѣ, нежели войною между двумя иностранными державами». Поэтому то девять десятыхъ французскихъ газетъ отводятъ главное мѣсто хроникѣ; второе мѣсто въ газетѣ занимаетъ фельетонъ и затѣмъ уже дополненіемъ служатъ иностранная политика, занимающая всегда очень маленькій отдѣлъ. За исключеніемъ одной или двухъ серьезныхъ газетъ, парижская печать нисколько не интересуется внѣшнею политикой, если только она не затрогиваетъ Франціи и большинство распространенныхъ парижскихъ газетъ не имѣетъ политическаго редактора. За исключеніемъ драматическаго критика и судебнаго репортера, въ редакціяхъ парижскихъ газетъ нѣтъ другихъ спеціалистовъ. Каждый сотрудникъ долженъ быть готовъ, по первому требованію, написать отчетъ о засѣданіи въ сенатѣ или о дракѣ на улицѣ. Многіе изъ французскихъ журналистовъ одновременно работаютъ въ трехъ четырехъ газетахъ и въ каждой исполняютъ разныя обязанности. Только поступая такимъ образомъ, журналистъ въ состояніи заработать себѣ средства къ жизни, потому что получаемая имъ плата всегда бываетъ очень скромна. Судебные отчеты пишетъ обыкновенно какой-нибудь адвокатъ, обладающій литературнымъ талантомъ и если предстоитъ разбирательство какого-нибудь громкаго процесса, то въ газетахъ отводится огромное мѣсто судебнымъ отчетамъ. Кромѣ спеціалиста, завѣдующаго судебною хроникой, въ большихъ газетахъ имѣется другой спеціалистъ—тотъ, который описываетъ смертную

казнь. Напримѣръ, Гризонъ изъ «Figaro» одинъ описалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ сто казней!

Самое большое жалованье и по строчную плату получали до сихъ поръ хроникёры или тѣ, которые пишутъ передовую статью. Подъ передовою статьею въ парижской печати подразумѣвается каждая статья, печатающаяся на первой страницѣ, будетъ ли то политическая статья, соціальный очеркъ, коротенькій разсказъ или драматическій діалогъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ духъ американскаго журнализма проникъ и во французскую печать, наиболѣе высокую плату получаютъ репортёры, тѣ, которые доставляютъ сенсаціонныя извѣстія.

Однако, въ журнальной профессіи во Франціи предложеніе до такой степени превышаетъ спросъ, что, несмотря на сравнительно болѣе высокое вознагражденіе, нежели въ другихъ европейскихъ странахъ, французскіе журналисты вынуждены вести тяжелую борьбу за существованіе, вслѣдствіе переполненія профессіи. Притомъ же и плата далеко не вездѣ одинакова. Многія изъ парижскихъ газетъ едва влачатъ свое существованіе и то лишь благодаря субсидіямъ, получаемымъ изъ секретнаго фонда, находящагося въ распоряженіи правительства. Другія существуютъ, благодаря даровому матеріалу, доставляемому имъ писателями, надѣющимися составить себѣ такимъ образомъ литературную репутацію. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ сотрудникамъ уплачиваютъ продуктами. Александръ Дюма, напримѣръ, платилъ сотрудникамъ одной изъ многочисленныхъ газетъ, основанныхъ имъ, продуктами своего огорода!

Парижскія редакціи совершенно не имѣютъ того декорума, который составляетъ непремѣнную принадлежность каждой лондонской редакціи. Въ парижской «Salle de redaction» всегда бываетъ весело и шумно. Нѣкоторыя редакціи обставились очень роскошно и имѣютъ помѣщеніе для фехтованія, гдѣ сотрудники могутъ упражняться въ фехтовальномъ искусствѣ подъ наблюденіямъ профессіональнаго учителя. Умѣть фехтовать столь же необходимо для французскаго журналиста, если онъ хочетъ сдѣлать карьеру, какъ и владѣть перомъ, и тотъ, кто избираетъ эту карьеру, долженъ быть всегда готовъ принять вызовъ на дуэль, которая составляетъ самое обычное явленіе во французской журналистикѣ. Журналистъ, которому не пришлось ни разу выступить въ поединкѣ, составляетъ лишь рѣдкое исключеніе, особенно если онъ занимаетъ мѣсто въ первыхъ рядахъ журнализма.

Ухудшились или нѣтъ нравы англійскаго общества? Недавніе скандальные процессы, бракоразводные и другіе, побудили англійскую печать выдвинуть на сцену этотъ вопросъ и въ англійскихъ журналахъ онъ подвергается серьезному обсужденію. Леди Гвендолинъ Рамсденъ, въ «Nineteenth Century» отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. По ея словамъ, несмотря на внѣшній лоскъ и корректность, въ англійскомъ обществѣ царятъ грубость и распущенность нравовъ. Правда, мужчины пьютъ меньше и не такъ напиваются, какъ въ прежнія времена, но зато женщины пьютъ слишкомъ много и вообще злоупотребляютъ табакомъ и наркотическими средствами. Леди Гвендолинъ выноситъ крайне не лестный приговоръ современному англійскому обществу и находитъ, что

нравы его рѣзко ухудшились за послѣднія тридцать лѣтъ. Въ началѣ царствованія королевы Викторіи нравы англійскаго общества были чище и строже и не такъ безпринципны, какъ теперь. Не было такой погони за роскошью, блескомъ и рекламой и такого поклоненія золотому тельцу. Честь имени, личное достоинство ставились гораздо выше богатства. Леди Гвендолинъ видитъ серьезные признаки упадка и разложенія въ англійскомъ онществѣ.

Другіе авторы не согласны съ нею. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что со времени экономическаго переворота, который совершился въ Англіи лѣтъ тридцать тому назадъ, рядомъ со стариннымъ англосаксонскимъ обществомъ, сохранявшимъ традиціи расы, возникло другое—денежная аристократія, вліяніе и значеніе которой было создано богатствомъ. Въ этомъ новомъ обществѣ не существуетъ никакихъ традицій; роскошь, блескъ, погоня за наслажденіями, реклама и эфемерная извѣстность составляютъ суть жизни. Люди, принадлежащіе къ этому обществу, думаютъ, что имъ все дозволено и что они все могутъ купить. Они такъ много шумятъ, такъ заполняютъ собою пространство, такъ много заставляютъ говорить о себѣ, что заслоняютъ за собою «истинное» (the veritable) англійское общество. Въ Лондонѣ они всюду занимаютъ первое мѣсто, но въ странѣ они все же не имѣютъ ни того значенія, ни того вліянія, которое имъ приписывается заграницей. «Истинное» англосаксонское общество—это старинныя англосаксонскія фамиліи, часто не имѣющія никакихъ титуловъ, обитающія въ своихъ помѣстьяхъ или лондонскихъ домахъ и большею частью избѣгающія общенія съ шумнымъ, моднымъ, космополитскимъ обществомъ, наполняющимъ столицу. Положеніе этихъ «County gentlemen» (провинціальнаго дворянства) теперь измѣнилось къ худшему въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ вслѣдствіе земледѣльческаго кризиса ихъ доходы почти на половину уменьшились, но тѣмъ не менѣе, въ своихъ округахъ они пользуются большимъ вліяніемъ и въ нихъ заключается залогъ будущаго страны. Лондонское общество, состоящее изъ разныхъ титулованныхъ лицъ и еще гораздо большаго числа всевозможныхъ финансистовъ, представителей торговой и коммерческой аристократіи и космополитовъ, стоитъ слишкомъ далеко отъ нуждъ страны и народа. Въ этомъ-то кругу и царитъ безраздѣльно культъ золотого тельца. Этотъ культъ внесъ то разложеніе нравовъ, которое многими считается симптомомъ упадка общества. Но уже начинается реакція и отчасти послѣдняя война, ухудшившая экономическое положеніе страны и заставившая на многое взглянуть другими глазами, вынудила «истинныхъ» англосаксонцевъ встрепенуться. Теперь, когда подводятся итоги только что завершившейся южно-африканской войны, въ «истинномъ» англійскомъ обществѣ все сильнѣе пробуждается желаніе работать, чтобы залѣчить раны, нанесенныя странѣ. Здоровые англо-саксонскіе элементы должны восторжествовать, вытѣснивъ все случайное и наносное въ жизни англійскаго общества. Новыя свѣжія силы вступятъ въ состязаніе съ тѣми разлагающими элементами, которые привели Англію на край гибели, и будутъ способствовать ея возрожденію.

Въ британскомъ музеѣ хранится, по словамъ Жана Фино въ «La Revue», крайне интересный документъ: это карта, составленная въ 1890 году капитаномъ Патономъ для англійскаго правительства, указывающая мѣста въ Индіи, гдѣ знаменитая секта душителей-туговъ убивала и хоронила свои жертвы. Карта эта составлена по указаніямъ нѣсколькихъ религіозныхъ предводителей этой секты. Больше всего убійствъ совершено въ провинціи Оудъ. Сорокъ наиболѣе почтенныхъ и уважаемыхъ лицъ въ этой области принесли въ жертву богинѣ Кали ни болѣе, ни менѣе, какъ 5.200 человѣкъ. Во главѣ ихъ находится нѣкій Бухрамъ, который одинъ отправилъ на тотъ свѣтъ 931 человѣка въ теченіе сорока лѣтъ своей религіозной дѣятельности въ провинціи! Убійства слѣдовали за убійствами; безслѣдно исчезали тысячи индусовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, старыхъ и молодыхъ, и напуганные родственники убитыхъ не осмѣливались жаловаться. Англійскіе статистики увѣряютъ, что ежегодно приносилось такимъ образомъ въ жертву на алтарь богини Кали отъ 30 до 50,000 человѣческихъ жизней. Наконецъ, англійскій капитанъ Сливанъ, возмущенный этими безконечными убійствами, рѣшилъ энергично дѣйствовать противъ туговъ, не смотря на сопротивленіе главарей остъ-индской компаніи. Онъ съумѣлъ такъ взволновать общественное мнѣніе Англіи своими донесеніями, что англійское правительство создало для него въ 1830 году особую должность «начальника операцій противъ туговъ». Капитанъ Сливанъ съ величайшимъ рвеніемъ принялся за дѣло и посвятилъ двадцать лѣтъ на борьбу съ тугами,—борьбу, которая изобиловала, конечно, самыми драматическими инцидентами.

Туги не должны проливать кровь и потому они употребляютъ всевозможныя хитрости, чтобы завладѣть своею жертвой. Жертва только тогда пріятна богинѣ, если смерть произведена посредствомъ задушенія. У туговъ существовало строгое раздѣленіе труда и они всегда работали коллективно; одни изъ нихъ должны были завлекать жертву въ западню, другіе—душить, а третьи обязаны были заготовлять могилу. Убійство совершалось всегда съ необыкновенно холоднымъ фанатизмомъ, не допускающимъ ни жалости, ни пощады. Туги убѣждены, что убійство будетъ вмѣнено имъ въ добродѣтель и что жертва также выиграетъ отъ этого.

— Неужели вамъ не стыдно убивать своихъ ближнихъ?—спросили однажды одного изъ самыхъ знаменитыхъ душителей Индіи, который занималъ въ то же время довольно высокую должность въ общинѣ.—«Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—Не слѣдуетъ стыдиться выполнять волю божества. Только выполняя предписанія божества, люди могутъ быть счастливыми. Каждый человѣкъ, понявшій религію туговъ и выполнявшій ея предписанія, никогда не перестанетъ подчиняться правиламъ этой религіи, до конца дней своихъ. Меня посвятилъ въ нее мой отецъ, когда я былъ ребенкомъ, и я не измѣню ей, хотя бы прожилъ тысячу лѣтъ.»

Руководимые своимъ старшиной, туги слѣпо повинуются приказаніямъ и дѣйствуютъ согласно плану, выработанному ихъ начальниками. Тайна соблюдается ими строжайшимъ образомъ и потому борьба съ ними была такъ трудна,

такъ какъ въ своемъ фанатизмѣ они ни передъ чѣмъ не останавливаются и смерть ихъ не пугаетъ. Происхожденіе этой странной религіи убійства теряется въ очень далекомъ прошломъ. Въ Индіи уже въ XVII вѣкѣ были послѣдователи этой религіи, и число ихъ все возрастало. Туги умѣли фанатизировать населеніе своимъ религіознымъ пыломъ и дѣйствовали на воображеніе своими подвигами, такъ что даже самые мирные индусы присоединялись къ нимъ. Во времена Слимана казнили ежегодно до 2.000 туговъ. Число ихъ, значительно уменьшившееся къ 1895 году, съ этого года снова начало возрастать. Въ 1895 году было осуждено только трое, принадлежность которыхъ къ сектѣ туговъ была доказана, въ 1896 году такихъ оказалось десять человѣкъ, а въ 1897—двадцать пять. Однако, по словамъ путешественниковъ, въ Раджпутанѣ или Гайдерабадѣ число туговъ было гораздо больше.

Туги избѣгаютъ убивать женщинъ и прибѣгаютъ къ такому убійству лишь въ случаѣ крайней необходимости, т.-е. когда женщина была свидѣтельницей преступленія. Вообще же съ женщинами они обращаются по-рыцарски и никогда ни одинъ тугъ не позволитъ себѣ оскорбить женщину. Всѣ они добрые и нѣжные отцы и мужья и услужливые сосѣди. Поведеніе ихъ всегда бываетъ безупречно во всѣхъ отношеніяхъ, и судьи, которымъ приходилось вести слѣдствіе по поводу убійствъ, съ удивленіемъ констатировали это. Тугъ не видитъ въ своей религіи ничего преступнаго, унизительнаго и позорнаго для себя и совершая убійство, увѣренъ, что совершаетъ великое и благое дѣло.

МАЛОРУССКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВО ЛЬВОВѢ.

Среди современныхъ западо-европейскихъ государствъ, быть можетъ, самое интересное—Австрія.

Внутренняя жизнь Австріи движется пестро, шумно и, на первый взглядъ, нелѣпо и не планомѣрно. Событія смѣняются внезапно и необычно, какъ въ калейдоскопѣ; общественная жизнь течетъ неровными, затрудненными струями, не сливающимися въ одинъ мощный потокъ съ углубленнымъ русломъ; центральное правительство мечется изъ стороны въ сторону, ни къ кому не примыкая, никого не направляя и не сдерживая; законодательная дѣятельность нарушена въ своей правильности, и высшее государственное учрежденіе—рейхсратъ обычно оказывается неспособнымъ къ нормальному проявленію своей дѣятельности. Разношерстная имперія Габсбурговъ никогда не остается спокойною; нѣмцы, венгерцы, итальянцы, чехи, словаки, поляки, малороссы, румыны и другія народности, образующія это государство, безпрерывно и неудержимо враждуютъ между собою. Зарево этой вражды, преломляясь въ сложной средѣ экономическихъ вожделѣній и политическихъ притязаній, даетъ картину мрачную и фантастическую, и постороннему наблюдателю, мелькомъ взглянувшему на это грозное зрѣлище, кажется, что онъ присутствуетъ при финалѣ государственной драмы, и что Австрія не сегодня - завтра должна прекратить свое существо-

ваніе, какъ единое государство, и разсыпаться на мелкія составныя части. Такова первая мысль, возникающая при первомъ общемъ взглядѣ на австрійскія дѣла, и эта мысль — необходимо прибавить — пользуется чрезвычайною распроотраненностью въ широкихъ кругахъ европейскаго общественнаго и политическаго мнѣнія.

Вторая мысль, какъ говорятъ, обыкновенно бываетъ много умнѣе первой. Пристальное наблюденіе за домашними австрійскими дѣлами, произведенное à la longue, приводитъ къ выводамъ, въ которыхъ теряются мысли о распаденіи габсбургской монархіи, какъ не идущія къ дѣлу, а намѣчается нѣчто иное, важное и значительное, имѣющее высокій общій интересъ, независимый отъ интересовъ данной минуты. Кто дастъ себѣ трудъ хотя бы бѣгло припомнить внутреннюю исторію австрійскаго гоеударства за послѣднія сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ, тотъ легко пойметъ, что на долю этой нѣмецко-венгерско-славянской имперіи выпало трудное обязательство произвести поставленный въ широкихъ размѣрахъ весьма своеобразный соціологическій опытъ. Содержаніе этого опыта, говоря коротко, можно опредѣлить такъ: дано нѣсколько разнообразныхъ, почти равносильныхъ численно народностей, отличныхъ по языку, культурѣ и экономическимъ разслоеніямъ, съ переплетающимися и противорѣчивыми національными интересами, съ неопредѣленными и сливающимися территоріями; требуется установить для нихъ modus vivendi подъ одною государственною крышей, при условіи сохраненія за всѣми права и реальной возможности развивать свои національныя силы полно и независимо отъ всякаго рода насильственныхъ вліяній.

Теченіе этого опыта въ реальной дѣйствительности осложняется самыми непривлекательными явленіями, начиная съ парламентскихъ дракъ и безоглядnаго политиканства внѣ парламентскихъ стѣнъ и кончая прямыми погромами или даже выстрѣлами въ избирателей, какъ это было въ Галиціи. Эти драки, погромы и выстрѣлы способны внушить подлинное отвращеніе, но они не должны затемнять собою истиннаго хода событій. Осуждая ихъ, надо помнить, что то, что ихъ вызываетъ сейчасъ, вызывало въ свое время потоки крови, несло съ собою всѣ ужасы и бѣдствія войны, разоряло цѣлыя страны и народы. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, для того, чтобы заставить уважать свои національныя права, венгерцы должны были вынести тяжесть народной войны и позоръ пораженія; современные намъ чехи добиваются того же — и, конечно, добьются,—въ вѣнскомъ рейхсратѣ, сражаясь въ крайнемъ случаѣ пюпитрами, портфелями и свертками бумагъ.

Шишка на лбу у всенѣмца Вольфа или синякъ подъ глазомъ у младочеха Крамаржа теряютъ при этомъ освѣщеніи весь свой трагическій колоритъ и кажутся удачною замѣной прежде неизбѣжныхъ въ подобной борьбѣ тяжелыхъ ранъ и увѣчій или прямой смерти на поляхъ народныхъ сраженій.

Въ Галиціи политическіе и національные противники шишками и синяками не довольствуются. Близость къ востоку и сравнительно невысокая культурность населенія и руководящихъ сферъ сказывается здѣсь сильнѣе, чѣмъ

гдѣ бы то ни было въ Австріи; здѣсь еще по временамъ, въ качествѣ подсобныхъ орудій для культурной борьбы, прибѣгаютъ къ ружейному огню, дѣйствуютъ тюремнымъ заключеніемъ, угрожаютъ призывомъ къ рѣзнѣ и возрожденіемъ прямой гайдамацкой эры. Но и здѣсь подобныя средства борьбы безповоротно осуждены общественнымъ мнѣніемъ и практикой жизни и проявляются лишь въ видѣ атавистическихъ вспышекъ въ острые моменты всеобщаго возбужденія. При нормальномъ ходѣ вещей даже въ этой отсталой австрійской провинціи культурныя и политическія цѣли достигаются при помощи дозволенныхъ закономъ и обычаемъ культурныхъ средствъ. Ни Краковская рѣзня, ни бомбардированіе Львова немыслимы теперь, а между тѣмъ, со времени этихъ событій прошло всего только пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ, и горючаго матеріала, способнаго вызвать національныя и иныя страсти, въ Галиціи и по сей день болѣе чѣмъ достаточно. Послѣдній по времени жгучій взрывъ національной вражды въ этой странѣ былъ вызванъ вопросомъ объ основаніи малорусскаго университета въ главномъ городѣ Галиціи—Львовѣ.

Какъ извѣстно, Галиція дѣлится на двѣ части, этнографически различныя: западную часть страны населяютъ поляки, восточную—малороссы, которыхъ насчитывается здѣсь три слишкомъ милліона, и которые вмѣстѣ со своими сосѣдями, русскими малороссами Волынской и Подольской губерній, составляютъ единую этнографическую группу. Въ Россіи мало кто знаетъ о жизни этихъ заграничныхъ малороссовъ, отличающихся отъ своихъ русскихъ соплеменниковъ лишь фактомъ подданства и, конечно, тѣми послѣдствіями, которыя влечетъ этотъ фактъ за собою. Извѣстія о Галиціи и особенно о тамошнихъ малороссахъ, проникающія въ русскіе журналы и газеты, носятъ отрывочный и случайный характеръ и, кромѣ того, зачастую бываютъ такъ извращены, что въ нихъ трудно подчасъ отыскать хотя бы легкое подобіе дѣйствительности. Происходитъ это отъ различныхъ причинъ, среди которыхъ, быть можетъ, главная состоитъ въ томъ, что литературныя и журнальныя сношенія съ австрійскимъ славянствомъ очутились съ русской стороны въ рукахъ такихъ людей, характеристика которыхъ не входитъ въ задачу этой замѣтки. Здѣсь достаточно лишь констатировать тотъ безспорный фактъ, что въ широкихъ кругахъ русскаго общества, въ газетномъ и журнальномъ русскомъ мірѣ существуетъ глубочайшій индифферентизмъ и глубочайшее невѣжество относительно всего, что касается быта и нравовъ австрійскихъ малороссовъ, ихъ общественныхъ надеждъ, культурныхъ стремленій и пріобрѣтеній, политическихъ и національныхъ упованій. А между тѣмъ судьба этой вѣтви многомилліоннаго земледѣльческаго племени, волею судебъ втянутаго въ оборотъ западно-европейской жизни и общественности, представляетъ высокій интересъ и высокую поучительность.

Прежде всего интересна исторія культурнаго и національнаго возрожденія галицкихъ малороссовъ, вѣнецъ котораго они справедливо полагаютъ въ основаніи собственнаго университета. Австрія—классическая страна возрождающихся національностей, но и въ Австріи нельзя найти народности, которая возродилась бы при такихъ исключительныхъ условіяхъ, какія выпали на долю

галицкихъ малороссовъ. Характерною особенностью малорусскаго возрожденія въ Австріи является тотъ фактъ, что оно создано и взлелѣяно единственно усиліями низшихъ слоевъ населенія, преимущественно сельскаго, крестьянскаго.

Для поясненія этого факта, необходимо вернуться нѣсколько назадъ. Какъ извѣстно, Галиція отошла къ Австріи въ 1772 году, послѣ перваго раздѣла Польши. «Изъ числа всѣхъ земель старой Украйны Галиція, благодаря своему положенію вблизи центра польско-шляхетской державы, находилась въ самомъ бѣдственномъ и печальномъ состояніи. Гнетъ соціальный, политическій, національный и религіозный нигдѣ не чувствовался такъ сильно, нигдѣ не принималъ такихъ вопіющихъ формъ, какъ здѣсь. Народъ стоналъ подъ невыносимымъ игомъ рабства и сопряженныхъ съ нимъ бѣдности, невѣжества и темноты; остатки сильнаго когда-то мѣщанства и сельское духенство стояли по своему развитію немногимъ выше народа и, конечно, не могли создать болѣе или менѣе сильнаго культурнаго движенія. Нуждаясь сами въ руководителяхъ, они, конечно, не могли вести народъ къ лучшей жизни. Передъ австрійскимъ правительствомъ стояла въ высшей степени серьезная, трудная и отвѣтственная задача: если не помочь, то хотя дать возможность забитому, угнетенному бѣдностью и тяжелою обстановкой народу воспрянуть къ новой жизни, созданной новыми условіями политическаго и соціальнаго строя» *). Исторія Австріи конца XVIII и первой половины XIX в. извѣстна всѣмъ; попытки соціальныхъ реформъ, задуманныхъ Іосифомъ II, заглохли при его преемникахъ на императорскомъ престолѣ, разорительныя Наполеоновскія войны и послѣдовавшая за ними «система» Меттерниха довершили остальное, и къ 1848 году Галиція находилась въ томъ же обездоленномъ состояніи, въ какомъ она перешла нѣкогда изъ рукъ польскихъ магнатовъ, на попеченіе австрійскихъ чиновниковъ. Все крупное землевладѣніе страны находилось въ рукахъ либо пришлыхъ исконныхъ польскихъ дворянскихъ родовъ, либо мѣстныхъ малорусскихъ, ополяченныхъ въ незапамятныя времена; крупной буржуазіи не существовало вовсе, ремесла и торговля находились въ рукахъ пришлаго городского населенія, еврейскаго, армянскаго и частью польскаго; представителями малорусскаго племени были только «хлопъ да попъ»,—послѣдній съ большими оговорками. На долю галицкаго крестьянства, лишеннаго высшихъ руководящихъ слоевъ общества, выпала тяжелая и почетная обязанность возсоздать свою образованность, оживить и утвердить свое національное существованіе. И галицкій крестьянинъ малороссъ съ честью выполнилъ возложенную на него исторіей, почти непосильную для его ничтожныхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, задачу.

Здѣсь не мѣсто слѣдить шагъ за шагомъ за исторіей малорусскаго возрожденія въ Австріи; по нѣкоторымъ причинамъ это даже и невозможно. Для цѣлей этой замѣтки достаточно будетъ указать лишь на тѣ культурныя пріобрѣтенія, которыя достигнуты галицкимъ малорусскимъ народомъ къ настоящему времени.

---

*) С. Ефремовъ „Въ борьбѣ за просвѣщеніе“. „Кіевская Старина“ 1901 г.

Разслоеніе общественныхъ классовъ въ восточной Галиціи въ общихъ чертахъ и теперь осталось то-же, которое было указано выше; попрежнему представителемъ малорусскаго племени является почти исключительно крестьянское населеніе, но само это населеніе рѣзко измѣнилось за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Прежній неграмотный, безгранично невѣжественный, забитый «хлопъ», приравниваемый къ «быдлу», мало-по-малу превращается въ сознательнаго гражданина своей страны, къ требованіямъ котораго вынуждены прислушиваться власть имущія сферы. Крестьянскіе низы постепенно выдѣлили изъ себя многочисленную интеллигенцію, состоящую преимущественно изъ людей свободныхъ профессій; тщательно заботясь о сохраненіи своихъ связей съ тою средою, откуда она вышла, интеллигенція эта мало по малу заняла мѣсто вождя народа, еще такъ недавно принадлежавшее представителямъ духовенства.

Съ теченіемъ времени явился полный кругъ культурныхъ потребностей, и интеллигентный спросъ вызвалъ интеллигентное предложеніе. До 1848 года въ Галиціи малорусская книжка была величайшею рѣдкостью на книжномъ рынкѣ, періодическихъ изданій не было вовсе; въ настоящее время на малорусскомъ языкѣ существуетъ многочисленная, сильная вліяніемъ пресса, состоящая изъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ, ежедневныхъ большихъ политическихъ газетъ разнообразныхъ направленій и дешевыхъ газетъ для народа, издаются многочисленныя книги литературнаго, общественнаго и научнаго содержанія.

Наряду съ развитіемъ литературы и журналистики шло развитіе образованности и общественности въ народныхъ массахъ. Въ 1867 году было введено въ народныхъ школахъ восточной Галиціи преподаваніе на малорусскомъ языкѣ, что послужило фундаментомъ для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія школьнаго дѣла. До этого времени существовавшія въ Галиціи школы значились больше на бумагѣ, лишь немногія изъ нихъ выполняли свое назначеніе, но и въ этихъ немногихъ преподаваніе шло большей частью неуспѣшно благодаря тому, что его необходимо было вести на чужомъ, мало понятномъ языкѣ; въ настоящее время въ малорусской части страны насчитывается свыше 2.000 школъ, правильно функціонирующихъ.

Параллельно развитію школьнаго дѣла шло развитіе и внѣшкольнаго образованія, широкою волною разлившагося по всей странѣ. Широкая постановка внѣшкольнаго образованія, какъ вообще все прогрессивное въ Галиціи, всецѣло принадлежитъ послѣднимъ десятилѣтіямъ. Благодаря дружной работѣ и совмѣстнымъ усиліямъ крестьянства и интеллигенціи, страна покрылась густой сѣтью обществъ и кружковъ, преслѣдующихъ наряду съ политическими и культурно-просвѣтительныя цѣли; почти каждое село, кромѣ школъ, имѣетъ свою читальню и библіотеку, а также и различныя кооперативныя общества, вокругъ которыхъ группируется почти все мужское и часть женскаго населенія. Кромѣ этихъ мелкихъ, разбросанныхъ по всей странѣ обществъ, существуютъ въ Львовѣ и центральныя для всей Галиціи просвѣтительныя учрежденія, которыя ставятъ своей задачей изданіе популярно-научныхъ книгъ для народа, помощь и под-

держку библіотекъ, читаленъ и вообще всякаго рода культурныхъ начинаній въ широкихъ кругахъ малорусскаго населенія, что и выполняютъ вполнѣ успѣшно и цѣлесообразно. Характерной чертой этихъ центральныхъ учрежденій является тотъ фактъ, что подавляющее большинство ихъ членовъ—крестьяне. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникъ и продолжаетъ функціонировать народный университетъ, предназначенный исключительно для сельскаго населенія; лекціи этого крестьянскаго университета, имѣвшія огромный успѣхъ, посвящены изложенію какъ общихъ наукъ, такъ и агрономическихъ.

Могучее стремленіе народа къ образованію естественно повлекло за собою расширеніе преподавательской сферы малорусскаго языка. Вслѣдъ за учительскими семинаріями, которыя были необходимы для подготовки педагогическаго персонала въ низшихъ школахъ, выросли малорусскія гимназіи, число которыхъ, однако, до сихъ поръ крайне недостаточно, сравнительно съ контингентомъ учащихся малороссовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Полныхъ малорусскихъ гимназій было въ 1899 году въ Галиціи всего четыре, а учащихся малорусскихъ гимназистовъ свыше 3.000 человѣкъ; малороссы полагаютъ, что для полнаго удовлетворенія нуждъ галицкаго населенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ необходимо открыть еще по крайней мѣрѣ 11 гимназій *). Малорусскіе студенты толпами хлынули въ австрійскіе университеты; въ одномъ львовскомъ университетѣ ихъ насчитывается свыше 600 человѣкъ. Малорусская рѣчь зазвучала, наконецъ, и съ профессорскихъ каѳедръ: въ львовскомъ университетѣ существуетъ въ настоящее время семь каѳедръ съ обязательнымъ малорусскимъ преподавательскимъ языкомъ, изъ нихъ двѣ на юридическомъ факультетѣ, три на философскомъ (по нашему—историко-филологическомъ) и двѣ—на богословскомъ **).

Для малорусскихъ ученыхъ этихъ каѳедръ въ скоромъ времени оказалось недостаточно. Не имѣя возможности приложить свои знанія и способности у себя на родинѣ, многіе изъ нихъ покинули навсегда Галицію и заняли профессорскія каѳедры въ различныхъ австрійскихъ и иныхъ университетахъ; другіе, оставаясь на родинѣ, соединились въ ученое общество, которое подъ скромнымъ названіемъ: «Наукове товариство імени Шевченка», въ дѣйствительности представляетъ изъ себя неоффиціальную академію наукъ, въ которой кипитъ самая интенсивная научная дѣятельность. Довольствуясь самыми скромными матеріальными средствами, «Наукове товариство» выпускало въ свѣтъ въ 1901 г. двѣнадцать періодическихъ изданій, посвященныхъ всѣмъ отраслямъ знаній и, кромѣ того, издало около 40 отдѣльныхъ книгъ и брошюръ.

Логическимъ послѣдствіемъ широкаго культурнаго и общественнаго движенія, охватившаго всѣ слои малорусскаго населенія Галиціи, явилось стремленіе создать свой собственный университетъ, свою національную «almam matrem»,

*) *М. Крушельницкий.* Памяткова книжка першого віча студентів. Львів.

**) Внѣ Галиціи малорусскія каѳедры существуютъ въ Черновицкомъ университетѣ (Буковина).

которая сгруппировала бы вокругъ себя по возможности всѣхъ малорусскихъ ученыхъ и всѣхъ студентовъ.

Стремленіе это, съ такой силой прорвавшееся въ послѣднее время, имѣетъ за собой длинную, болѣе, чѣмъ вѣковую, исторію, и исторія эта является, какъ нельзя лучшей иллюстраціей поступательнаго хода общаго національнаго и культурнаго возрожденія австрійскихъ малороссовъ.

Въ 1784 году, черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ присоединенія Галиціи къ Австріи, Іосифъ II основалъ во Львовѣ университетъ, явно предназначенный для малорусскаго населенія страны, такъ какъ уже три года спустя малорусскій языкъ сталъ въ немъ преподавательскимъ. Одинъ изъ тогдашнихъ профессоровъ, Иванъ Гарасевичъ, слѣдующими словами привѣтствовалъ эту мѣру: «День первый мисяця лыстопада року 1787 есть и будетъ всегда памятнымъ въ жыттю народнимъ кожного галыцкаго русына: въ тотъ бодень осуществылося найвысшое ришеніе: на любомудрію (философскомъ факультетѣ) и богословію (богословскомъ факультетѣ) отозвалыся учытели народно-церковно-руськымъ языкомъ» *). Каковъ былъ этотъ малорусскій языкъ, видно по приведенному отрывку. Такое положеніе вещей длилось, однако, не долго. Въ 1805 году, по политическимъ мотивамъ, львовскій университетъ былъ закрытъ и возобновившись въ 1818 г., носитъ уже вполнѣ нѣмецкій характеръ. Ничтожная по численности и вліянію малорусская интеллигенція молча и безъ протеста приняла и закрытіе университета, и перемѣну преподавательскаго языка. Главная же масса населенія — крестьянство, — врядъ ли даже знала объ этихъ событіяхъ.

Въ новый фазисъ вступилъ вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ львовскомъ университетѣ въ 1848 г. Въ этомъ году собрались во Львовѣ ученые и представители малорусскаго народа, почти исключительно священники, которые выставили передъ вѣнскимъ правительствомъ требованіе, чтобы все образованіе населенія восточной части Галиціи велось на малорусскомъ языкѣ. Правительство, нуждавшееся тогда въ малороссахъ, отвѣтило на это требованіе распоряженіемъ, въ которомъ говорилось, что преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ должно продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока не будетъ подготовленъ соотвѣтствующій контингентъ профессоровъ, владѣющихъ малорусскимъ языкомъ. Въ то же время, въ качествѣ немедленной уступки, правительство учредило три каѳедры съ малорусскимъ преподавательскимъ языкомъ. Обѣщаній своихъ вѣнское правительство не выполнило, болѣе того, въ 1858 году во время всеобщей реакціи были уничтожены и тѣ каѳедры, которыя были созданы, какъ уступка вспыхнувшему было малорусскому движенію. И на этотъ разъ среди малорусскаго населенія Галиціи не кому было протестовать противъ такихъ дѣйствій центральной власти; львовскій университетъ снова сталъ исключительно нѣмецкимъ.

Въ 1871 году вѣнское правительство, вступившее на путь децентрализа-

---

*) Ом. Огоновскій. „Исторія литературы русской“. Цитируемъ изъ вышеупомянутой статьи С. Ефремова.

ціоннаго устройства государства, издало распоряженіе, въ которомъ о львовскомъ университетѣ говорилось, что «всѣ ограниченія, служившія до сихъ поръ препятствіемъ для польскихъ и малорусскихъ лекцій на юридическомъ и философскомъ факультетахъ отмѣняются, и впредь на каѳедрѣ этихъ факультетовъ должны быть приглашаемы лишь лица, которыя могутъ читать лекціи на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ» *). Наступила эра польско-малорусскаго соперничества въ дѣлѣ замѣщенія каѳедръ соотвѣтствующими кандидатами. Исходъ этого соперничества не трудно было предсказать: сильные своей культурой, развитой и многочисленной интеллигенціей поляки въ нѣсколько лѣтъ замѣстили всѣ каѳедры львовскаго университета, на долю же малороссовъ достались лишь каѳедры тѣхъ предметовъ, которые по статуту должны были преподаваться на малорусскомъ языкѣ. Выше было указано число этихъ каѳедръ. Университетъ фактически сталъ всецѣло польскимъ.

Въ началѣ малорусская интеллигенція довольно спокойно относилась къ понесенному пораженію въ университетскомъ вопросѣ; народъ, взятый въ цѣломъ, не чувствовалъ этого пораженія вовсе. Но когда прошло три десятилѣтія и уровень культурныхъ потребностей повысился, чувство необходимости національнаго сосредоточія стало ощутительнымъ, и на порядокъ дня сталъ вопросъ о созданіи самостоятельнаго малорусскаго университета. Мысль объ этомъ впервые созрѣла въ средѣ университетской молодежи. Чуткая, какъ всегда, юность первая ощутила насущнѣйшую потребность и громко оповѣстила объ этомъ своихъ старшихъ согражданъ. Въ 1899 году малорусскіе студенты всѣхъ австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеній созвали во Львовѣ митингъ (вѣче), на которомъ единогласно постановили обратиться съ требованіемъ къ центральной власти объ основаніи малорусскаго университета. Требованіе это возбудило необычайный энтузіазмъ во всей странѣ, населеніе которой поспѣшило присоединиться къ постановленію студенческаго митинга. Съ 1899 года и до настоящаго времени по всей восточной Галиціи созываются митинги, состоявшіе изъ представителей малорусской интеллигенціи, рабочихъ и крестьянъ, которые единогласно присоединялись къ студенческому требованію; не осталось, кажется, ни одного сколько-нибудь значительнаго поселенія, жителями котораго публично не было бы высказано сочувственное отношеніе къ дѣлу основанія самостоятельнаго малорусскаго университета. Со всѣхъ концовъ Галиціи и изъ за-границы молодежь получила тысячи привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ отъ различныхъ общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ; для студентовъ, которые годъ тому назадъ въ количествѣ 600 человѣкъ оставили львовскій университетъ, въ теченіе двухъ недѣль было собрано свыше 20.000 кронъ; деньги бѣдное галицкое населеніе собрало буквально по грошамъ. Наконецъ, вслѣдъ за студенческой петиціей въ вѣнскій парламентъ изъ Галиціи за послѣдніе два года было отправлено свыше 1.000 петицій отъ различныхъ обществъ,

*) Observator. „Листи з над. Полтви". III „Литературно-Науковій Вістник". 1899 р.

учрежденій, городовъ, общинъ и т. д., въ которыхъ требовалось основаніе отдѣльнаго малорусскаго университета. Петиціи эти, какъ и все движеніе, послужило поводомъ для малорусскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ для внесенія интерпеляцій, посвященныхъ университетскому вопросу въ Галиціи. Со стороны вѣнскаго правительства на интерпеляціи послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ.

Вопросъ объ основаніи отдѣльнаго національнаго университета объединилъ всѣ слои малорусскаго населенія Галиціи, за успѣхъ этого дѣла агитировали представители всѣхъ безъ исключенія политическихъ партій. Послѣднее особенно знаменательно и на первый взглядъ совершенно необъяснимо. Какъ извѣстно, среди малорусскихъ политическихъ партій, въ общемъ солидарныхъ между собою по вопросу о національномъ возрожденіи, существуетъ маловліятельная, немногочисленная по составу, но сильная матеріальными средствами и посторонней поддержкой партія непримиримыхъ враговъ всего малорусскаго. Партія эта называется москалефильской, или иначе старорусской, твердорусской. Твердоруссы проявляютъ себя величайшимъ презрѣніемъ къ родному языку и къ культурному преуспѣянію родного народа, дѣятельность ихъ сводится преимущественно къ бросанію палокъ въ колеса національнаго малорусскаго возрожденія. Люди эти свой родной языкъ называютъ «языкомъ пастуховъ», сами же стараются писать и говорить на «общерусскомъ» языкѣ, образцы котораго способны вызвать гомерическій хохотъ *).

По университетскому вопросу представители твердоруссовъ въ прежнее время вели себя вполнѣ послѣдовательно: они вообще отрицали необходимость преподаванія на родномъ языкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ достигали профессорской каѳедры и тогда изъ двухъ мѣстныхъ языковъ они выбирали для преподаванія—польскій **).

И вотъ, даже эта партія, единственный raison dêtre которой состоитъ въ противодѣйствіи культурному возрожденію малорусскаго языка и народности, категорически высказалась въ пользу основанія отдѣльнаго малорусскаго университета во Львовѣ. Что могло подвинуть этихъ людей къ такому шагу, остается ихъ партійной тайной; общественныхъ симпатій имъ онъ не принесъ, галицкіе малороссы отвѣтили имъ латинскимъ стихомъ: «Timeo Danaos et dona ferentes!»

Въ заключеніе необходимо хотя бы бѣгло коснуться отношеній польской печати и польскаго общества къ вопросу о малорусскомъ университетѣ. Га-

---

*) Напр.: самый талантливый изъ староруссовъ Иванъ Наумовичъ, нынѣ покойный, возвращаясь въ Галицію изъ Вѣны, написалъ стихотвореніе, начинающееся такъ:

„Слава Богу! Я на возѣ
На востокъ лицемъ,
До домоньку на дорозѣ
До своихъ бѣгцемъ“.

Другіе пишутъ и говорятъ хуже.

**) Такъ поступилъ проф. Шараневичъ.

лицкое польское общество рѣзко дѣлится на двѣ крупныя группы: шляхетско-клерикальную, такъ называемую станчиковскую, и демократическую различныхъ оттѣнковъ; первая группа владѣетъ всѣмъ политическимъ значеніемъ и властью въ Галиціи и находится въ неизмѣнномъ фаворѣ у центральнаго правительства, вторая сильна общественнымъ мнѣніемъ и авторитетомъ въ народныхъ массахъ, но политическое значеніе ея не велико. Соотвѣтственно этому дѣленію общества распадается и пресса. Станчиковская часть общества и пресса съ нескрываемой враждебностью отнеслась къ вопросу основанія самостоятельнаго малорусскаго университета, усматривая въ этомъ угрозу польской культурѣ и польскому вліянію въ Галиціи. Голосъ этой части польскаго галицкаго общества значитъ очень много на вѣсахъ вѣнскаго правительства и способенъ на многіе годы задержать осуществленіе горячихъ стремленій малорусскаго населенія. Демократическая часть польской галицкой прессы, за немногими исключеніями, рѣшительно высказалась въ пользу малорусскихъ требованій, исходя изъ тѣхъ простыхъ основаній, что всякая народность имѣетъ право образованія на своемъ языкѣ. По адресу станчиковской прессы демократическія газеты бросаютъ тяжелое, несправедливое обвиненіе въ томъ, что она слѣдуетъ примѣру прусскихъ гакатистскихъ газетъ, занимающихся неустанною травлей познанскихъ поляковъ. Большинство польскихъ органовъ, издающихся въ Россіи, примкнуло къ мнѣнію демократической галицкой прессы *).

Изъ русскихъ газетъ въ пользу основанія самостоятельнаго малорусскаго университета во Львовѣ высказались «Русскія Вѣдомости», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Кіевская Старина» и многія провинціальныя изданія.

М. Славинскій.

---

*) Отзывы польской прессы. См. „Kraj“ 1901 г., № 50.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Радіоактивность матеріи.

Случается иногда, что въ хорошей буржуазной семьѣ заведется вдругъ странный ребенокъ, совсѣмъ не похожій на остальныхъ: и волосы у него вихрами, и манеръ нѣтъ, и нянька каждый день на него жалуется за ослушаніе, а подростетъ, отдадутъ въ науку—нигдѣ не уживается, изъ всякой школы гонятъ: не укладывается въ рамки мальчонка.

Въ наукѣ тоже бываютъ такія, неизвѣстно откуда взявшіяся, дѣтки: ни въ какую клѣтку ихъ не загонишь; шумятъ и все вверхъ дномъ ставятъ. Важные профессора, изъ тѣхъ, которые за всю жизнь не сдѣлали ни одной путной научной работы, особенно не любятъ такихъ сорванцовъ: и зачѣмъ только они появились, все было въ такомъ порядкѣ, тихо и спокойно и вдругъ скандалъ— старыя педагогическія правила не годятся, и въ курсъ, выкроенный изъ десяти чужихъ учебниковъ, нужно вставлять какой-то совсѣмъ дикій отдѣлъ. Большинство, впрочемъ, совершенно игнорируетъ «неизвѣстно откуда взявшихся» ребятъ и ихъ часто подбираютъ посторонніе люди — самоучки. Много такихъ дѣтей пропадаетъ безъ толку, но нѣкоторыя, наоборотъ, становятся знаменитыми и, возвращаясь въ лоно своей семьи, заводятъ въ ней новые порядки.

Къ числу такихъ незаконнорожденныхъ дѣтей физики принадлежатъ, между прочимъ, явленія фосфоресценціи и флюоресценціи, катодные и рентгеновскіе лучи и радіоактивныя вещества. Впрочемъ, судьба ихъ различна.

Уже въ глубокой древности было извѣстно, что алмазъ, пробывшій нѣкоторое время подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, получаетъ способность свѣтиться въ темнотѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Затѣмъ подобное же свойство было констатировано у сѣрнистыхъ соединеній кальція, стронція и барія. Явленіе было названо *фосфоресценціей*, а тѣла, владѣющія этимъ свойствомъ, *фосфоресцирующими*. Въ настоящее время извѣстно уже громадное количество фосфоресцирующихъ тѣлъ; можно сказать, что почти всѣ, болѣе или менѣе сложныя, твердыя тѣла болѣе или менѣе фосфоресцичны; зато изъ простыхъ тѣлъ фосфоресцируютъ только сѣра и алмазъ. Извѣстно также и нѣсколько фосфоресцирующихъ газовъ, какъ, напр., кислородъ и смѣси азотнаго ангидрида съ сѣрноватистымъ и сѣрнымъ ангидридомъ; но зато до сихъ поръ неизвѣстно фосфоресцирующихъ жидкостей. Различныя вещества испускаютъ и свѣтъ раз-

личной окраски, напр., алмазъ — желтый и синій, сѣрнистыя соединенія щелочно-земельныхъ металловъ—всѣ цвѣта, начиная съ краснаго до фіолетоваго. Е. Беккерель, работавшій надъ фосфоресценціей послѣднихъ соединеній, показалъ, что какъ напряженность, такъ и цвѣтъ лучей, испускаемыхъ ими, зависитъ отъ способа, которымъ были приготовлены эти соединенія, отъ температуры, при которой шла реакція, а также и отъ молекулярнаго состоянія углекислыхъ и сѣрнокислыхъ соединеній, изъ которыхъ готовились сѣрнистыя соединенія. Изъ этого мы видимъ, что характеръ фосфоресценціи зависитъ не только отъ химической молекулы, а также и отъ какихъ-то болѣе тонкихъ молекулярныхъ измѣненій или примѣсей, которыя ускользаютъ отъ обыкновеннаго химическаго изслѣдованія.

По изслѣдованіямъ Вантъ-Гоффа, многія фосфоресцирующія тѣла обязаны этимъ свойствомъ только тому, что въ нихъ находятся постороннія примѣси, что онѣ не чисты въ химическомъ смыслѣ. Къ аналогичнымъ же заключеніямъ пришелъ физикъ М. Отто (1896 г.), изслѣдовавшій фосфоресценцію, являющуюся при дѣйствіи озона на воду. Онъ объясняетъ эту фосфоресценцію присутствіемъ въ водѣ различныхъ органическихъ веществъ животнаго и растительнаго происхожденія; большинство же органическихъ веществъ, какъ показалъ этотъ ученый, способно при дѣйствіи на нихъ озона фосфоресцировать.

Продолжительность фосфоресценціи весьма различна для различныхъ веществъ: такъ, для исландскаго шпата она меньше секунды, для арагонита—до 20 секундъ, для алмаза, какъ мы уже упоминали, нѣсколько часовъ, а для сѣрнистыхъ соединеній кальція и стронція даже больше сутокъ. Свѣтъ, испускаемый фосфоресцирующими тѣлами, несмотря на то, что кажется окрашеннымъ въ тотъ или другой цвѣтъ, разлагается призмой на простые цвѣта.

Интересно то, что не всѣ лучи спектра способны вызвать свѣченіе фосфоресцирующихъ тѣлъ; только ультра-фіолетовые и фіолетовые лучи обладаютъ этимъ свойствомъ, лучи же менѣе преломляемые не вызываютъ фосфоресценціи, а только способствуютъ ея проявленію.

Итакъ, фосфоресцирующія тѣла являются не только трансформаторами однихъ эфирныхъ колебаній въ другія, они въ то же время аккумуляторы энергіи—они тратятъ трансформирующуюся энергію не сразу, а постепенно.

Но есть тѣла, которыя, также владѣя способностью превращать одни колебанія эфира въ другія, сейчасъ же и тратятъ эту трансформированную энергію и по прекращеніи инсоляціи*) перестаютъ свѣтиться; такія тѣла названы *флюоресцирующими*, отъ слова флюоритъ (плавиковый шпатъ), такъ какъ флюоресценція была открыта впервые на этомъ минералѣ. Если помѣстить кристаллы безцвѣтнаго плавиковаго шпата въ темную комнату и въ то же время направить на нихъ пучокъ солнечнаго свѣта, то кристаллы кажутся окутанными какимъ-то бѣлесоватымъ облакомъ, которое испускаетъ свѣтъ, измѣняющійся, смотря по образцамъ кристалловъ, отъ зеленовато-синяго до фіолетоваго;

*) *Инсоляціей* называется освѣщеніе предмета солнечными лучами.

но достаточно прекратить доступъ свѣта — и явленіе пропадаетъ. Извѣстно много флюоресцирующихъ веществъ, какъ твердыхъ, такъ и жидкихъ (отличіе отъ фосфоресценціи), напр., растворы сѣрнокислаго хинина въ разведенной сѣрной или винной кислотѣ, спиртовые растворы хлорофила, лакмуса, водный растворъ эскулина и т. д. Мы намѣренно указываемъ при этомъ перечисленіи на растворителя, такъ какъ растворитель играетъ здѣсь громадную роль: растворы одного и того же вещества, флюоресцирующіе въ спиртовыхъ растворахъ, не флюоресцируютъ въ водныхъ и наоборотъ. Въ настоящее время почти всѣ ученые склоняются къ мнѣнію, что флюоресценція есть та же фосфоресценція, но крайне незначительной продолжительности, меньше чѣмъ 0,001 секунды.

Фосфоресценція не возбуждается лучами съ менѣе короткими волнами, чѣмъ фіолетовые (линія F солнечнаго спектра), превращаются же эти лучи въ лучи *видимые*; такимъ образомъ при фосфоресценціи испускаются болѣе длинныя волны, чѣмъ тѣ, которыя являются ея возбудителями. Относительно же флюоресценціи будетъ осторожнѣе сказать, что волны, испускаемыя флюоресцирующими тѣлами или болѣе длинны, или, по крайней мѣрѣ, равны по длинѣ волнамъ лучей, возбуждающихъ флюоресценцію; это такъ называемый законъ Стокса, подтвержденный также и изслѣдованіями нашего соотечественника Ламанскаго.

Фосфоресенція и флюоресценція могутъ быть объединены подъ однимъ терминомъ *самосвѣченіе*. Нужно отмѣтить, что самосвѣченіе тѣлъ происходитъ не только подъ дѣйствіемъ тѣхъ или иныхъ падающихъ на него лучей, но иногда и подъ вліяніемъ другихъ причинъ, напр., тренія, плавленія, кристаллизаціи, нагрѣванія, различныхъ химическихъ реакцій. Особый интересъ представляетъ самосвѣченіе, происходящее подъ вліяніемъ электрическихъ разрядовъ—оно носитъ названіе *электролюминисценціи* и проявляется при пропусканіи разряда отъ Румкорфовой спирали черезъ такъ называемую Круксову трубку, въ которой воздухъ разрѣженъ въ нѣсколько сотъ тысячъ разъ сравнительно съ атмосернымъ. При такомъ разрѣженіи, когда въ трубкѣ остаются только милліонныя доли находившагося прежде воздуха, стѣнки трубки свѣтятся золотисто-зеленымъ свѣтомъ, особенно сильно вокругъ катода. Нѣмецкій ученый *Гитторфъ* нашелъ, что это сіяніе способно отбрасываетъ тѣнь и распространяется прямолинейно. Англичанинъ *Круксъ* продолжалъ изслѣдованія Гитторфа и доказалъ, что свѣченіе трубки въ такомъ случаѣ производится какъ бы особыми лучами, исходящими изъ катода; лучи эти получили названіе *катодныхъ*.

Для болѣе подробнаго изученія ихъ Круксъ приготовилъ трубки, въ которыхъ катодъ имѣлъ форму чашки или же плоскаго диска. Въ послѣднемъ случаѣ—отъ плоскаго диска лучи устремляются паралельнымъ пучкомъ къ аноду. Отъ чашеобразнаго катода лучи идутъ въ косомъ направленіи вверхъ и внизъ и собираются въ фокусѣ. Если на ихъ пути помѣстить нѣкоторые предметы, то послѣдніе обнаруживаютъ сильную флюоресценцію: рубины свѣтятся алымъ свѣтомъ, болѣе интенсивнымъ даже, чѣмъ тотъ, который они испускаютъ при красномъ каленіи, фенакитъ (минералъ), обожженная раковина сіяютъ

синимъ свѣтомъ. Если около Круксовой трубки держать магнитъ, то видно, какъ катодные лучи *отклоняются* въ сторону.

Установимъ въ такой трубкѣ между плоскими металлическими электродами колесико съ лопастями, которое можетъ двигаться по особымъ маленькимъ рельсамъ. Подъ дѣйствіемъ катодныхъ лучей такое колесико вертится и движется по направленію къ аноду. Катодные лучи, сконцентрированные при помощи чашеобразнаго катода въ фокусѣ, плавятъ стекло и даже платину.

Такія свойства катодныхъ лучей привели Крукса къ мысли, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ лучами въ обычномъ смыслѣ, т.-е. съ колебаніями эѳира, а съ особымъ состояніемъ вещества, которое онъ назвалъ *лучистымъ*. Здѣсь матерія является намъ въ наиболѣе разложенномъ, «диссоціированномъ», какъ говорятъ ученые, состояніи и катодные «лучи» состоятъ изъ отрицательно наэлектризованныхъ частицъ такой лучистой матеріи. Частицы эти бомбардируютъ стѣнки трубки и вызываютъ въ стеклѣ флуоресценцію, эта же бомбардировка производитъ механическое и тепловое дѣйствіе.

Работы Крукса появились слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ; противъ фактовъ нельзя было спорить, но это были «незаконнорожденныя дѣти» и на нихъ смотрѣли, какъ на странные курьезы, объясненіе же Крукса и его «лучистая матерія» представлялись членамъ нѣмецкаго ученаго цеха столь дикими, столь несоотвѣтствовавшими ихъ катехизису, что ихъ просто игнорировали.

Круксъ имѣлъ дѣло съ катодными лучами, находящимися въ трубкѣ, ему не удалось вывести ихъ наружу и потому долгое время думали, что для появленія этихъ лучей необходима сильно разрѣженная среда; только въ 1894—5 гг. д-ру *Филиппу Ленарду* удалось получить катодные лучи при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи. Ленардъ употреблялъ трубки, цилиндрической формы; катодъ имѣетъ форму маленькаго диска и укрѣпленъ на концѣ центральной проволоки, впаянной въ стеклянную трубку, анодъ же является въ видѣ металлическаго полаго цилиндра, окружающаго катодъ; къ противоположному дну трубки придѣлана металлическая крышка съ небольшимъ отверстіемъ, прикрытымъ листочкомъ алюминія въ $^1/_{400}$ милиметра толщиною.

Въ случаѣ сильнаго разряженія (до милліонныхъ долей атмосфернаго давленія) такой трубки и пропусканія разряда отъ румкорфовой спирали, сквозь это аллюминіевое «окошечко» проходятъ лучи, часть которыхъ, по крайней мѣрѣ, является продолженіемъ катодныхъ лучей Крукса. *Ленардовскіе* лучи такъ же, какъ и катодные, вызываютъ флуоресценцію и отклоняются магнитомъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть ихъ), кромѣ того они дѣйствуютъ на фотографическую пластинку, разряжаютъ электроскопъ и проникаютъ сквозь различныя вещества, напримѣръ, черезъ тонкія пластинки аллюминія и мѣди, но воздухъ при обыкновенномъ давленіи для нихъ мало прозраченъ. Опыты съ дѣйствіемъ магнита на ленардовскіе лучи показали, что часть этихъ лучей чувствительна къ дѣйствію магнита, часть же нѣтъ и, слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ катодными лучами, но и какими-то другими, отличающимися отъ нихъ.

Ленардовскіе лучи имѣли скромный успѣхъ, между тѣмъ какъ появившіеся

слѣдомъ за ними въ 1895 г. ихъ родные братья—*рентгеновскіе* лучи произвели смятеніе не только въ средѣ ученыхъ, но и громадную сенсацію въ самой широкой публикѣ.

Рентгенъ получилъ свои лучи при работахъ съ трубкою, очень похожею на ленардовскую (и тожественной съ трубкою Герца), только конецъ ея, противоположный катоду былъ сплошной стеклянный и не несъ ни металлической оправы, ни алюминіеваго окошечка; кромѣ того, разрѣженіе трубки было еще значительнѣе, чѣмъ то требуется для полученія катодныхъ лучей. При этихъ условіяхъ черезъ сплошной стеклянный конецъ трубки, противоположный катоду, и проходили наружу рентгеновскіе лучи. Такимъ образомъ сразу было ясно, что это не катодные лучи, такъ какъ послѣдніе черезъ стекло не проходятъ. Теперь съ увѣренностью можно сказать, что рентгеновскіе лучи образуются тамъ, гдѣ катодные лучи ударяются о стеклянную стѣнку трубки и, если такъ можно выразиться, разрушаются. Катодные лучи не только рождаютъ рентгеновскіе, но часто въ одномъ потокѣ лучей находятся и тѣ и другіе. Самъ Рентгенъ не высказывался опредѣленно о природѣ своихъ лучей, но предполагалъ, что, можетъ быть, они являются продольными колебаніями эѳира, а не поперечными, какъ лучи свѣтовые, ультрафіолетовые, инфракрасные и электрическіе. Большинство склонялось къ тому, что рентгеновскіе лучи это крайніе ультрафіолетовые съ еще болѣе короткими волнами. Но изученіе свойствъ рентгеновскихъ лучей заставило отказаться отъ этого предположенія: ультрафіолетовые лучи слѣдуютъ всѣмъ законамъ свѣтовыхъ, тогда какъ, несмотря на всѣ усилія многихъ десятковъ ученыхъ, до сихъ поръ не удалось получить ни преломленія, ни отраженія, ни поляризаціи рентгеновскихъ лучей. Кромѣ того, давно было извѣстно, что ультрафіолетовые лучи разряжаютъ только отрицательно заряженныя металлическія поверхности, рентгеновскіе же лучи разряжаютъ металлическія поверхности, какъ отрицательно, такъ и *положительно* наэлектризованныя.

Противъ аналогіи рентгеновскихъ лучей съ ультрафіолетовыми говоритъ, по нашему мнѣнію, и то, что ультрафіолетовые лучи съ наиболѣе короткими волнами поглощаются воздухомъ, тогда какъ для рентгеновскихъ лучей воздухъ прозраченъ. Кромѣ того, поставленные мною опыты надъ сравненіемъ поглощенія рентгеновскихъ и ультрафіолетовыхъ лучей различными кристаллами показали, что поглощеніе въ этихъ двухъ случаяхъ носитъ совершенно противоположный характеръ: вещества наиболѣе прозрачныя для ультрафіолетовыхъ лучей, наименѣе прозрачны для рентгеновскихъ и наоборотъ.

Наиболѣе вѣроятнымъ является взглядъ, высказанный Стоксомъ. Онъ предполагаетъ, что рентгеновскіе лучи состоятъ не изъ множества волнъ, образующихъ, въ свою очередь, цѣлую серію новыхъ волнъ, замирающихъ по мѣрѣ своего распространенія (обыкновенный свѣтъ), а изъ одиночныхъ волнъ, образующихъ очень короткій рядъ и замирающихъ тотчасъ послѣ одного или $1^1/_2$ колебаній; а ргіогі можно утверждать, что такія волны не способны ни отражать, ни преломляться, ни интерферировать.

Мы уже упоминали, что рентгеновскіе лучи нельзя принять и за катодные

*

такъ какъ они проходятъ черезъ стекло, а катодные нѣтъ; кромѣ того, катодные отклоняются магнитомъ, рентгеновскіе же къ магниту не чувствительны.

Уже при самомъ открытіи *X*-лучей Рентгенъ обнаружилъ, что они, подобно ультра-фіолетовымъ, заставляютъ свѣтиться флюоресцирующія вещества. Въ 1897—1899 гг. французъ *Саньякъ* цѣлымъ рядомъ опытовъ показалъ, что почти всѣ тѣла, подъ дѣйствіемъ рентгеновскихъ лучей, испускаютъ какіе-то невидимые лучи, по своимъ свойствамъ очень близкіе къ рентгеновскимъ, но отличающіеся отъ нихъ болѣе сильною поглощаемостью различными тѣлами, особенно воздухомъ. Эти лучи Саньякъ назвалъ *лучами S* или *вторичными*. Вторичные лучи, дѣйствуя на тѣла, въ свою очередь заставляютъ послѣднія испускать новые невидимые лучи—*третичные*, поглощающіеся еще сильнѣе вторичныхъ и т. д. Рентгеновскіе лучи явились тоже «молокососами, потрясающими основы», но они проявили при этомъ столько блеска и наглости, и къ тому же вышли изъ такого хорошаго дома, какъ вюрцбургскій физическій институтъ, что мужи науки не только не выразили порицанія и пренебреженія, а всѣ бросились изучать этого «чуднаго ребенка», но чудный ребенокъ оказался весьма капризнымъ и до сихъ поръ не повѣдалъ ничего новаго, кромѣ того, что сказалъ своему отцу. Тогда ученые и любители стали искать, нѣтъ ли гдѣ и въ другихъ семьяхъ такихъ странныхъ, но интересныхъ ребятъ. Сотни лицъ перерыли всѣ архивы науки, ставили различные опыты, высказывали самыя фантастическія гипотезы. И труды ихъ увѣнчались успѣхомъ: въ 1896 г. открыты такъ-называемыя *радіоактивныя вещества*, которыя грозятъ произвести цѣлую революцію въ нашихъ физико-химическихъ представленіяхъ.

Ш. Анри показалъ, что сѣрнистый цинкъ, приготовленный имъ особымъ способомъ и сильно фосфоресцирующій, испускаетъ, кромѣ видимыхъ, еще какіе-то невидимые лучи, которые, подобно рентгеновскимъ, способны проникать черезъ тѣла, непрозрачныя для видимыхъ лучей; вскорѣ затѣмъ *Нивенгловскій* открылъ такую же способность у сѣрнистаго кальція, а *Бекерель* у многихъ другихъ соединеній, главнымъ образомъ, у солей урана *).

Фосфоресценція (т.-е. испусканіе *видимыхъ* лучей) солей *урана* оказалась весьма слабою и исчезала черезъ 0,01 секунды, между тѣмъ какъ испусканіе *невидимыхъ лучей* сохранялось урановыми солями даже послѣ 4-хъ-лѣтняго пребыванія въ темнотѣ. Лучи эти проходили, подобно рентгеновскимъ, черезъ черную бумагу и черезъ тонкія и металлическія пластинки, легче всего черезъ алюминіевыя, и разряжали наэлектризованныя поверхности. Вскорѣ было найдено, что такою же *радіоактивностью* владѣютъ и соединенія элемента *торія*.

Свойствомъ радіоактивныхъ тѣлъ разряжать въ воздухѣ наэлектризованныя поверхности, или, что то же, свойствомъ ихъ превращать воздухъ въ проводникъ электричества, воспользовались для измѣренія интенсивности лучеиспуска-

---

*) Густавъ Лебонъ наблюдалъ образованіе подобныхъ невидимыхъ лучей при различнѣйшихъ условіяхъ и имъ даже неудачное названіе *чернаго свѣта*. Къ работамъ Лебона еще мы вернемся.

нія этихъ тѣлъ. Такого рода измѣренія выяснили, что нѣкоторые минералы (напр., смоляная урановая слюда), содержащіе уранъ, обладаютъ гораздо большей радіоактивностью, чѣмъ металлическій уранъ. На основаніи этого, супруги *Кюри* предположили, что высокая радіоактивность этихъ минераловъ обязана присутствію въ послѣднихъ еще неизвѣстныхъ веществъ, гораздо болѣе активныхъ, чѣмъ самый уранъ и торій.

Дѣйствительно, вскорѣ открыли въ урановой смоляной рудѣ три новые элемента: *радій*, *полоній* и *актиній*. Ихъ не удалось еще выдѣлить въ чистомъ видѣ, такъ какъ они находятся въ этой рудѣ въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ. Лучше другихъ изученъ *радій;* по своимъ свойствамъ этотъ элементъ стоитъ очень близко къ барію; онъ и былъ выдѣленъ изъ урановой смоляной руды въ видѣ сѣрнокислой соли, какъ ничтожной примѣси къ сѣрнокислому барію. Въ этомъ видѣ такая смѣсь была все же въ 10 разъ активнѣе металлическаго урана. Особой обработкой можно было постепенно выдѣлять изъ этой смѣси все болѣе и болѣе активныя порціи и дойти до вещества, въ 900 разъ болѣе активнаго, чѣмъ металлическій уранъ. Когда для полученія сѣрнокислаго барія, содержащаго сѣрнокислый радій, стали пользоваться заводскими отбросами урановой руды и явилась возможность подвергнуть соотвѣтственной обработкѣ сотни килограммовъ такихъ отбросовъ, то изъ такого количества можно было уже получить нѣсколько килограммовъ сѣрнокислаго барія, содержащаго сѣрнокислый радій. Г-жа Кюри, особенно много потрудившаяся надъ выдѣленіемъ радія, примѣняла для дальнѣйшей очистки слѣдующій способъ: сѣрнокислая соль переводилась въ хлористую, растворялась въ водѣ и осаждалась прибавленіемъ спирта или соляной кислоты. Первыя порціи осаждавшихся при этомъ кристалловъ были наиболѣе активными.

Выдѣляя, при помощи повторной кристаллизаціи, изъ этой активной порціи все болѣе и болѣе активные кристаллы, г-жа Кюри получила нѣсколько десятыхъ грамма хлористаго барія, богатаго радіемъ. Интересно, что по мѣрѣ обогащенія хлористаго барія радіемъ и, слѣдовательно, усиленія радіоактивности, атомный вѣсъ барія, опредѣлявшагося въ этихъ порціяхъ, становился все больше и больше и для соли, активность которой была въ 7,500 разъ болѣе металлическаго урана, атомный вѣсъ барія оказался 145,8, тогда какъ для чистаго барія атомный вѣсъ равенъ 137,8.

Новѣйшія изслѣдованія *г-жи Кюри*, при которыхъ ей удалось получить 0,1 грамма чистаго хлористаго радія, показали что атомный вѣсъ этого элемента=225 единицы. По своему атомному вѣсу и по химическимъ свойствамъ радій нужно помѣстить въ группу щелочно-земельныхъ металловъ въ тотъ, далеко еще не полный, рядъ Менделѣевской таблицы, который заключаетъ въ себѣ элементы торій и уранъ.

Демарсэ опредѣлилъ въ спектрѣ радія 13 новыхъ линій и 2 туманныя полосы; подобный характеръ спектра (рѣзкія линіи и туманныя полосы) подтверждаетъ близость радія къ группѣ щелочно-земельныхъ металловъ.

Полоній и *актиній* изучены гораздо хуже радія, такъ какъ находятся въ еще болѣе ничтожныхъ количествахъ. *Полоній* близокъ къ висмуту

и выдѣляется вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ урановой же руды, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что нисколько не вліяетъ на химическія свойства висмута, и установить хотя бы приблизительно атомный вѣсъ полонія до сихъ поръ не удалось. Спектръ висмута, заключающаго полоній, даетъ нѣсколько новыхъ линій. Радіоактивность висмута, содержащаго полоній, доведена очисткой различными способами до силы въ 400—500 разъ большей, чѣмъ радіоактивность металлическаго урана.

Въ 1899 г. *Дебіэрнъ* выдѣлилъ изъ урановой руды препаратъ, богатый титаномъ и торіемъ, но не заключавшій ни барія (слѣдовательно, радія), ни висмута (слѣдовательно, полонія) и обладавшій, несмотря на это, сильною радіоактивностью. Новый радіоактивный элементъ, находящійся въ этомъ препаратѣ, Дебріэнъ назвалъ *актиніемъ*. Дебіэрнъ приготовилъ препараты торія, радіоактивная сила которыхъ была въ 100.000 разъ болѣе металлическаго урана и все же ни по химическимъ свойствамъ, ни по спектру эти препараты ничѣмъ не отличались отъ чистыхъ торіевыхъ; отсюда ясно, что если признать существованіе актинія, то нужно предположить, съ одной стороны, необычайную радіоактивную силу его, а съ другой—поразительно ничтожное количество примѣси его къ торію.

Вѣроятно, и радіоактивность металлическаго урана обязана присутствію въ немъ актинія или подобнаго ему сильнаго радіоактивнаго вещества, такъ какъ работы Крукса, Гизеля и Дебіэрна показали, что соотвѣтственною обработкой можно получить и торій, и уранъ *не* радіоактивными.

Послѣднія работы *Беккереля*, впрочемъ, измѣняютъ нѣсколько эти данныя. Такъ, напр., этотъ ученый нашелъ, что сильно ослабленный препаратъ радіоактивнаго урана послѣ $1^1/_2$ лѣтъ «отдыха» пріобрѣлъ прежнюю радіоактивную силу, какъ по отношенію къ электрическому, такъ и по отношенію къ фотографическому его дѣйствію. Беккерелю удалось также химическимъ путемъ выдѣлить изъ препаратовъ урана сильно радіоактивное вещество (назовемъ его—Urx); радіоактивная способность остатка урановаго препарата при этомъ сильно ослаблялась, но съ теченіемъ времени снова пріобрѣтала прежнюю силу. Съ другой стороны выдѣленное вещество — Urx съ теченіемъ времени теряетъ свою активность. Такимъ образомъ здѣсь невольно напрашивается мысль о томъ, что атомы урана могутъ превращаться постепенно въ атомы близкаго ему радіоактивнаго вещества, это послѣднее въ новое неактивное (назовемъ его Ury). Эта мысль и была высказана многими учеными и наиболѣе яркое выраженіе нашла въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ *Ретерфорда* и *Содди* (Rutherford and F. Soddy) о радіоактивности препарата *торія* (Th). Эти ученые произвели такое же изслѣдованіе съ торіемъ, какъ Беккерель и отчасти Круксъ съ ураномъ. Они получили два вещества, различныя по своей активной силѣ: одно изъ нихъ—Thx владѣло радіоактивною способностью въ 1000 разъ большею, чѣмъ исходная азотнокислая соль, другое—болѣе чистый торій (Th) стало даже въ 4 раза менѣе активнымъ, чѣмъ исходное вещество; кромѣ того и характеръ лучей, испускаемыхъ этими двумя веществами различенъ: Th испускаетъ лучи только не отклоняемые магнитомъ и въ то же время сильно поглощаемые, Thx

образуетъ лучи, и не отклоняемые и отклоняемые; кромѣ того, отъ послѣдняго вещества исходятъ относительно съ небольшою скоростью еще особыя матеріальныя частицы, не несущія электрическаго заряда, но, повидимому, способныя сохранять нѣкоторое время радіоактивность.

Истеченіе такихъ матеріальныхъ частицъ авторы назвали *эманаціей*. Если такую радіоактивную эманацію направить на какое-либо неактивное тѣло, то послѣднее, повидимому, покрывается слоемъ этихъ (вѣроятно газовыхъ) частицъ и становится активнымъ; въ немъ появляется такъ называемая *вторичная* или *индуцированная* радіоактивность; характеръ ея тотъ же, что и первичной (Thx); съ теченіемъ времени такое вторично радіоактивное вещество, теряетъ свою активность. Авторы предполагаютъ, что частицы эманаціоннаго потока получаются непосредственнымъ превращеніемъ изъ частицъ Thx. При равенствѣ прочихъ условій эманація пропорціональна вѣсу излучающаго вещества и представляетъ опредѣленную величину, уменьшающуюся при пониженіи температуры и увеличивающую при повышеніи ея; максимумъ достигается при краснокалильномъ жарѣ, когда эманація становится въ 3—4 раза больше, чѣмъ при обыкновенной температурѣ. При дальнѣйшемъ повышеніи температуры величина эманаціи понижается и при бѣлокалильномъ шарѣ становится минимальною. Но если такой прокаленный препаратъ снова растворить и осадить свѣжій осадокъ, то послѣдній снова пріобрѣтаетъ прежнія свойства и, между прочимъ, эманацію прежней силы, но только черезъ нѣсколько дней послѣ осажденія. Интересно, что присутствіе водянаго пара повышаетъ эманацію, а высушиваніе препарата понижаетъ ее вдвое. Что касается химическихъ свойствъ частицъ, испускаемыхъ при эманаціи, то авторы считаютъ ихъ столь же недѣятельными, какъ газы аргоновой группы (аргонъ, неонъ, ксенонъ и криптонъ).

Недавно итальянскій ученый *Селла* показалъ, что если подвергать втеченіе долгаго времени воздухъ, замкнутый въ сосудѣ, дѣйствію эманаціонныхъ частицъ торія, то воздухъ этотъ становится радіоактивнымъ. Но онъ теряетъ радіоактивность, если его профильтрировать черезъ вату, зато послѣдняя становится радіоактивною. Эти изслѣдованія еще болѣе подтверждаютъ матеріальный характеръ частицъ, испускаемыхъ торіемъ при эманаціи. Оставимъ теперь эманаціи и обратимся снова къ невидимымъ *лучамъ*, испускаемымъ препаратами торія.

Совершенно аналогично наблюденіямъ Беккереля надъ радіоактивными препаратами урана гг. Рётерфордъ и Содди нашли, что радіоактивность Thx съ теченіемъ времени падаетъ: черезъ 14 дней доходитъ до 10% первоначальной величины и въ концѣ концовъ Thx превращается въ неактивное Thy. Съ другой стороны ничтожная радіоактивность болѣе чистаго торія (Th)—остатка по выдѣленіи изъ первоначальнаго вещества—постепенно повышается и приблизительно черезъ 14 же дней становится прежнею, а въ препаратѣ снова появляются отклоняемые магнитомъ лучи. Изъ этого, какъ бы возрожденнаго, препарата снова можно выдѣлить сильно радіоактивное вещество Thx и т. д. Тоже можно продѣлать и съ препаратами урана (Ur). Въ обыкновенномъ радіо-

активномъ препаратѣ торія, представляющемъ собою смѣсь Thx и Th, оба эти процесса совершаются одновременно, но идутъ очень медленно; число атомовъ торія, способныхъ къ превращенію, безконечно велико по сравненію съ числомъ атомовъ, дѣйствительно превращающихся въ періодъ времени, доступный нашему наблюденію,

Такимъ образомъ Рётерфордъ и Содди приходятъ, къ выводу, что радіоактивность препаратовъ торія является слѣдствіемъ измѣненій и превращеній, совершающихся *внутри атома.*

Нѣкоторые авторы указываютъ еще на новые радіоактивные элементы, напр. на элементъ, повидимому близкій къ *свинцу*, и извлеченный съ соединеніями свинца изъ той же урановой смоляной руды и другихъ рѣдкихъ минераловъ. Радіоактивность такихъ солей свинца въ наиболѣе богатыхъ порціяхъ, хотя и меньше радія, но больше металлическаго урана.

Интересно, что нѣкоторые радіоактивные элементы сохраняютъ свою силу (радій, актиній), другіе же совершенно утрачиваютъ ее въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (полоній и новый свинцовый элементъ) и этимъ приближаются къ веществамъ, которыя сами по себѣ не владѣютъ радіоктивною способностью, но могутъ получить ее отъ настоящихъ радіоактивныхъ веществъ путемъ индукціи; мы уже упоминали выше, что подобное явленіе получило названіе *индуцированной* или *вторичной* радіоактивности.

Еще въ 1899 г. г-нъ и г-жа *Кюри* показали, что подъ дѣйствіемъ сильнаго препарата радія становились приблизительно одинаково радіоактивными пластинки многихъ металловъ, нѣкоторыя соли, а также обыкновенная бумага. Вторичная активность увеличивается съ силой радіоактивнаго источника и съ продолжительностью дѣйствія его. Этотъ процессъ индуцированія активности идетъ лучше въ закрытомъ сосудѣ; при этомъ Кюри удавалось сообщить металлическимъ пластинкамъ активность въ 8.000 разъ большую, чѣмъ у металлическаго урана. По удаленіи радіоактивнаго источника вторичная активность уменьшается сначала быстро, затѣмъ медленнѣе, но все же въ концѣ концовъ исчезаетъ совершенно. Интересно, что вторичная активность не теряется при переводѣ даннаго вещества изъ одного соединенія въ другое, напримѣръ, изъ сѣрнокислой соли въ хлористую, такъ что нужно предположить, что и вторичная активность, такъ же, какъ и первоначальная, есть свойство *атомное.* Вторичноактивныя вещества, въ свою очередь. могутъ дѣлать активными другія тѣла. Такъ, Беккерель въ теченіе многихъ мѣсяцевъ сохранялъ сильный радіевый препаратъ въ свинцовомъ ящикѣ, стѣнки котораго имѣли 17 миллим толщины. Этотъ ящикъ пріобрѣлъ способность дѣйствовать на фотографическую пластинку и возбуждать радіоактивность въ свинцовой пластинкѣ, пока она находилась подъ дѣйствіемъ этого ящика.

Итакъ, какими же свойствами владѣютъ всѣ эти *невидимые* лучи испускаемые радіоактивными веществами.

Всѣ эти лучи способны вызывать фосфоресцепцію *), дѣйствовать на

*) Интересно, что препараты радія заставляютъ фосфоресцировать тѣ вещества, которыя фосфоресцируютъ и подъ вліяніемъ ультрафіолетовыхъ и рент-

фотографическую пластинку и дѣлать газы проводниками электричества *); явленій преломленія, отраженія и поляризаціи въ нихъ не наблюдается; магнитъ же оказываетъ на нихъ различное дѣйствіе: нѣкоторые изъ нихъ отклоняются магнитомъ, другіе—нѣтъ: такъ, лучи полонія не отклоняются магнитомъ, среди же лучей радія имѣются какъ отклоняемые, такъ и неотклоняемые. Опытами многихъ ученыхъ было установлено, что отклоняемые магнитомъ лучи радіоактивныхъ веществъ тожественны съ катодными лучами, что они являются тѣмъ же потокомъ заряженныхъ отрицательно частицъ лучистой матеріи, о которомъ слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ говорилъ Круксъ и къ которому такъ ироническеки отнеслось большинство современныхъ физиковъ.

И отклоняемые магнитомъ и не отклоняемые лучи радіоактивныхъ веществъ проходятъ черезъ тонкіе слои стекла, слюды, черной бумаги, эбонита, черезъ тонкія алюминіевыя и мѣдныя пластинки, но отклоняемые лучи при этомъ поглощаются меньше, чѣмъ большинство не отклоняемыхъ.

Изъ всѣхъ свойствъ лучей, испускаемыхъ радіоактивными веществами, лучше всего изучено свойство ихъ (а также катодныхъ и рентгеновскихъ лучей) дѣлать воздухъ проводникомъ электричества. Произошло это потому, что количества электричества подлежатъ весьма точному измѣренію. Въ настоящее время этимъ свойствомъ данныхъ лучей пользуются для измѣренія силы самой радіоактивности.

Откуда же берется радіоактивными веществами *энергія*, которую они тратятъ при лучеиспусканіи, повидимому, оставаясь неизмѣнными?

Было предложено нѣсколько гипотезъ для объясненія этого страннаго явленія; мы остановимся только на нѣкоторыхъ.

Берендсъ объясняетъ радіоактивность химическими процессами, происходящими при соединеніи атомовъ радіоактивнаго вещества другъ съ другомъ и съ другими атомами и образованіи нестойкихъ молекулярныхъ группировокъ. *Беккерель* просто предполагаетъ, что радіоактивныя вещества обладаютъ большимъ запасомъ энергіи; при лучеиспусканіи радіоактивныхъ веществъ, происходитъ крайне незначительная трата энергіи и потому понятно, почему вещества эти могутъ сохранять свою силу неизмѣнною въ теченіе многихъ лѣтъ измѣненіе ея ускользаетъ отъ изслѣдователя.

Впрочемъ, всего мѣсяца три, какъ появились сенсаціонныя изслѣдованія *Гейдвейлера*, указывающія на прямую потерю въ вѣсѣ радіоактивнагои вещества.

Три года тому назадъ точнѣйшій экспериментаторъ *Ландольтъ* опубликовалъ изслѣдованія, которыя съ несомнѣнностью указывали, что химическія и

геновскихъ лучей; вещества же, фосфоресцирующія подъ вліяніемъ видимыхъ лучей, не проявляютъ этого свойства подъ дѣйствіемъ лучей радія. Препараты радія свѣтятся сами. Это самосвѣченіе вызывается, конечно, собственными же лучами радія.

*) Свойство это также впервые было открыто г. Беккерелемъ и онъ замѣтилъ, что его электроскопъ, сохранявшій свой зарядъ втеченіе многихъ мѣсяцевъ, теряетъ его, если вблизи помѣстить урановый препаратъ; при этомъ безразлично, былъ ли электроскопъ заряженъ положительно, или отрицательно.

физическія взаимодѣйствія нѣкоторыхъ веществъ сопровождаются иногда измѣненіями въ вѣсѣ, правда крайне незначительными, но все же превосходящими предѣлы ошибокъ наблюденія. Эти изслѣдованія Ландольта, противорѣчившія нашимъ основнымъ законамъ сохраненія матеріи и энергіи, стояли совершенно одиноко и, конечно, не находили никакого объясненія. Изслѣдованія Гейдвейлера не только присоединяются къ фактамъ, установленнымъ Ландольтомъ, но и даютъ возможность объяснить ихъ. Гейдвейлеръ уравновѣсилъ стеклянную трубочку, заключавшую въ себѣ 5 граммъ сильно радіоактивнаго вещества и положенную на одну чашку весьма точныхъ вѣсовъ, подобною же, но наполненною осколками стекла, трубкой на другой чашкѣ. Черезъ 2 недѣли равновѣсіе вѣсовъ оказалось нарушеннымъ и радіоактивное вещество потеряло въ вѣсѣ около 0,0003 грамма. Гейдвейлеръ утверждаетъ, что это уменьшеніе вѣса шло непрерывно и считаетъ его равнымъ 0,02 миллиграмма въ сутки. Такимъ образомъ и поразительные факты, установленные г. Ландольтомъ, могутъ быть объяснены радіоактивностью вещества.

Но Гейдвейлеръ идетъ дальше и сравниваетъ результаты своихъ изслѣдованій съ вычисленіями г. Беккереля, принимающаго, что лучи радія суть истеченія матеріальныхъ частицъ, несущихъ электрическіе заряды. На основаніи электрометрическихъ измѣреній Беккереля Гейдвейлеръ, вычислилъ, что его радіоактивное вещество теряетъ въ сутки въ видѣ испусканія лучей отклоняемыхъ магнитомъ такое количество энергіи, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ найденной имъ опытнымъ путемъ потерѣ 0,02 миллиграмма въ сутки. На основаніи этого Гейдвейлеръ приходитъ къ выводу, что въ явленіяхъ радіоактивности мы имѣемъ дѣло съ прямымъ превращеніемъ потенціальной энергіи тяжести въ энергію радіоактивнаго испусканія.

За послѣднее время многіе ученые для объясненія радіоактивности матеріи предлагаютъ теорію *атомной іонизаціи*. Навѣяна она идеей Крукса о *лучистомъ* состояніи матеріи (катодные лучи) и является очень близкой къ теоріи электроновъ, предложенной въ самое послѣднее время для объясненія электрическихъ явленій *). Мысль, что въ радіоактивныхъ веществахъ можно видѣть медленное и произвольное распаденіе атомовъ, появилась вскорѣ послѣ открытія Беккерелемъ лучей радія и въ болѣе опредѣленной формѣ была высказана въ прошломъ году г. Старкомъ.

Эта теорія предполагаетъ, что, какъ сложныя частицы разлагаются на атомы, такъ и сами атомы могутъ разлагаться на *іоны*, а послѣдніе снова соединятся въ атомы. Въ радіоактивныхъ веществахъ такое разложеніе происходитъ произвольно, безъ вліянія внѣшнихъ воздѣйствій, и іоны не соединяются уже снова, такъ какъ ихъ энергія меньше, чѣмъ энергія соотвѣтственныхъ атомовъ; поэтому при такомъ разложеніи образуется избытокъ кинетической энергіи, которая и выбрасываетъ іоны изъ сферы внутриатомной ре-

*) Въ виду того, что этой послѣдней теоріи будетъ посвящена особая статья проф. Ив. Ив. Боргмана, мы не станемъ здѣсь излагать подробно теоріи атомной іонизаціи, предложенной для объясненія радіоактивности.

акціи; эти освободившіеся іоны и образуютъ лучи, исходящіе изъ радіоактивныхъ веществъ.

Гипотеза атомной іонизаціи невольно наталкиваетъ на мысль, что подобные же процессы въ болѣе слабой степени должны происходить въ атомахъ всѣхъ веществъ и что, слѣдовательно, радіоактивность, въ той или иной мѣрѣ, должна быть обнаружена во всѣхъ тѣлахъ. Эта мысль, впервые высказанная Густавомъ Лебономъ, въ настоящее время находитъ много сторонниковъ.

Мѣсяца два тому назадъ Густавъ Лебонъ опубликовалъ въ «Revue Scientifique» рядъ статей, въ которыхъ подробно описываетъ опыты, приведшіе его къ этому заключенію. Разложеніе матеріи, сопровождающееся особымъ лучеиспусканіемъ невидимыхъ лучей, Лебонъ вызывалъ въ различныхъ веществахъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ агентовъ. Лучеиспусканіе онъ обнаруживалъ при помощи электроскопа, такъ какъ всѣ образующіеся при такомъ разложеніи матеріи лучи владѣютъ способностью разряжать наэлектризованное тѣло; при этомъ по силѣ отклоненія листочковъ электроскопа можно было измѣрять и силу лучеиспусканія.

Очень простыми опытами Лебонъ показалъ, напримѣръ, что большинство тѣлъ испускаетъ невидимые лучи подъ вліяніемъ лучей солнечнаго спектра: электроскопъ разряжается, если онъ былъ заряженъ положительно; при отрицательномъ зарядѣ не получается никакого эффекта. Наиболѣе чувствительными *) тѣлами въ данномъ случаѣ являются слѣдующія: амальгамированные—олово, мѣдь, серебро, свинецъ, только что отчищенные наждачнымъ порошкомъ—алюминій, магній, ртуть, содержащая $^1/_{8000}$ (по вѣсу) олова; болѣе слабые лучи испускаютъ чистые металлы: золото, серебро, платина, мѣдь, кобальтъ, ртуть, свинецъ, а также папка, дерево и другія органическія вещества.

Громадное значеніе для лучеиспусканія веществъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей имѣетъ хорошая очистка поверхностей, которыя подвергаются освѣщенію. Большое вліяніе на интенсивность лучеиспусканія при дѣйствіи ультрафіолетовыхъ лучей электрическаго свѣта оказываетъ также матеріалъ электродовъ. При дѣйствіи солнечныхъ лучей сила лучеиспусканія вещества, при равенствѣ прочихъ условій, весьма сильно измѣняется въ зависимости отъ времени года и часа наблюденія **).

Лучи, испускаемые веществомъ при этихъ условіяхъ, обладаютъ свойствами

---

*) Т.-е. испускающими наиболѣе сильные лучи, способные производить наиболѣе сильныя разряженія электроскопа.

**) Недавно г. Нодонъ сообщилъ объ открытіи имъ лучей, повидимому очень близкихъ къ Лебоновскимъ. Если на какую-нибудь металлическую пластинку (мѣдную, цинковую и т. д.) направить лучи свѣта, то на другой сторонѣ пластинки появляются особенные лучи, которые, хотя и представляютъ нѣкоторую аналогію съ рентгеновскими, но во многихъ отношеніяхъ существенно отличаются отъ нихъ: наприм. проходятъ черезъ довольно толстыя металлическія и стекляныя пластинки, не вызываютъ фосфоресценціи и не дѣйствуютъ на фотографическую пластинку. Авторъ предполагаетъ, что эти лучи представляютъ нѣчто среднее между Х-лучами и лучами, испускаемыми радіоактивными веществами.

катодныхъ лучей: они разряжаютъ электроскопъ, дѣлаетъ воздухъ проводникомъ электричества, отклоняются магнитомъ (впрочемъ только въ очень разрѣженномъ пространствѣ); дѣйствія ихъ на фотографическую пластинку хотя и обнаружено, но не правильно: иногда оно очень сильно, иногда слабо и даже совсѣмъ незамѣтно. Лебонъ утверждаетъ, что эти лучи необыкновенно быстро разсѣиваются, что позволяетъ имъ огибать встрѣчающіяся имъ на пути препятствія. Это свойство ихъ можетъ ввести въ заблужденіе наблюдателя и онъ будетъ говорить о проницаемости даннаго тѣла для данныхъ лучей, тогда какъ послѣдніе не прошли черезъ него, а только обогнули. Поэтому очень трудно говорить объ относительной прозрачнотис для этихъ лучей различныхъ веществъ.

Лебонъ доказываетъ, что всѣ тѣла, простыя или сложныя, проводники или изоляторы электричества безразлично, подверженныя дѣйствію свѣта, испытываютъ это разложеніе (іонизацію) матеріи. Воздухъ тоже не является исключеніемъ, но опыты Ленарда показали, что іонизація наступаетъ въ немъ только подъ дѣйствіемъ самыхъ короткихъ ультрафіолетовыхъ лучей. Прямыми и очень простыми опытами Лебонъ показалъ, что не только дѣйствіе свѣта на матерію заставляеетъ ее испускать лучи, но также и *химическія реакціи*. Достаточно положить на дискъ заряженнаго электроскопа нѣкоторыя вещества, реагирующія другъ на друга и заключенныя въ металлическую коробку, чтобы вызвать спаденіе листочковъ электроскопа, т.-е. проводимость воздуха. Лучи, выдѣляемые при этомъ, совершенно подобны тѣмъ, которые получались при дѣйствіи на матерію свѣта.

Уже болѣе ста лѣтъ извѣстно, что *пламя* разряжаетъ наэлектризованныя тѣла, но только недавно *Бранли* выяснилъ причину этого явленія, доказавъ, что активную роль играетъ здѣсь не самое пламя, а частицы газа, испускаемыя имъ. Собравъ газъ пламени въ особый пріемникъ и охладивъ его, Бранли показалъ, что такой газъ разряжаетъ электроскопъ, тогда какъ газъ происходящій не изъ пламени, хотя былъ бы нагрѣтый до 100°, все же не оказываетъ такого дѣйствія. Затѣмъ *Аррениусъ* высказалъ мысль, что продуктами разложенія въ данномъ случаѣ являются іоны, заряженные электричествомъ и потому способные дѣлать воздухъ проводникомъ электричества и слѣдовательно, разряжать электроскопъ. Лебонъ, на основаніи опытовъ Бранли и своихъ собственныхъ утверждаетъ, что образующіеся здѣсь газовые іоны способны проникать черезъ металлическія пластинки, что скорость разряженія электроскопа растетъ очень быстро съ толщиной металла, но что при этомъ многіе металлы также очень быстро теряютъ эту способность и возстановляютъ ее только послѣ продолжительнаго (по крайней мѣрѣ, 24 часа) «отдыха». По мнѣнію Лебона горѣніе является одною изъ самыхъ энергичныхъ и распространенныхъ причинъ разложенія матеріи, ея іонизаціи; при этомъ образуются такія громадныя количества «лучей» — іонныхъ потоковъ, что можно надѣятся когда нибудь ихъ утилизировать. Тоже разложеніе матеріи и лучеиспусканіе ея происходитъ, согласно опытамъ Лебона, и при воздѣйствіи на металлъ тепловыхъ лучей. Можетъ быть, здѣсь происходитъ не прямое воздѣйствіе на мате-

рію этихъ лучей, а они вызываютъ химическія реакціи, аналогичныя тѣмъ, которыя происходятъ при явленіяхъ фосфоресценціи. Интересно, что и при воздѣйствіи тепловыхъ лучей на металлъ, послѣдній тоже быстро обнаруживаетъ «усталость» и лучеиспусканіе проявляется снова только послѣ продолжительнаго отдыха.

Электрическія воздѣйствія, даже самыя сильныя, какъ напр., искры отъ индукціонной машины, сообщаютъ тѣламъ, подвергнутымъ ихъ дѣйствію, лишь слабую радіоактивность, несравнимую по интенсивности съ дѣйствіемъ простого свѣтового луча или химической реакціи. Только употребляя напряженіе въ нѣсколько сотъ тысячъ вольтъ Лебонъ получилъ видимыя простымъ глазомъ «истеченія» въ 15 сантиметровъ длиной, которыя, не отклоняясь, проникали черезъ эбонитъ и стекло, при чемъ не пробивали ихъ, а проходили, какъ лучи свѣта черезъ стекло. Если эти истеченія, пропустить черезъ трубку съ весьма разрѣженнымъ въ ней газомъ (какъ въ трубкѣ Крукса), то эта трубка испускаетъ рентгеновскіе лучи.

Такимъ образомъ всѣ радіоактивныя свойства обнаруживаются, какъ показали опыты Лебона, и нерадіоактивными веществами при воздѣйствіи на нихъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ агентовъ, слѣдовательно, радіоактивность есть общее свойство матеріи, только проявляющееся въ нѣкоторыхъ веществахъ наиболѣе рѣзко и безъ видимаго воздѣйствія постороннихъ возбудителей. Но и *произвольная* радіоактивность можетъ быть обнаружена у всѣхъ веществъ: нужно только съумѣть аккумулировать тѣ крайне незначительныя количества радіоактивныхъ частицъ, которыя безпрерывно выдѣляются всѣми тѣлами. Для этого достаточно, напр., свернуть листокъ металла въ замкнутую трубку, заткнуть её съ одного конца и оставить въ теченіе 8-ми дней въ темнотѣ; когда поставимъ такой цилиндрикъ на дискъ электроскопа, то замѣтимъ слабое разряженіе послѣдняго. Цилиндрикъ этотъ быстро теряетъ свою активность, но если мы его немного нагрѣемъ, то онъ снова произведетъ разряженіе и даже болѣе сильное и болѣе продолжительное. На этотъ разъ нашъ цилиндръ использовалъ уже всю свою радіоактивность; чтобы накопить ее, ему нужно «отдохнуть». Не всѣ металлы обладаютъ одинаковою радіоактивностью, напримѣръ, алюминій гораздо радіоактивнѣе мѣди. Еще болѣе слабую радіоактивность обнаруживаютъ дерево, бумага, картонъ.

Наиболѣе значительное разложеніе матеріи производитъ, по мнѣнію Лебона, пламя и катодные лучи. Рентгеновскіе лучи, катодные лучи, всѣ истеченія, производимыя разложеніемъ матеріи и разсмотрѣнныя нами выше, являются, по Лебону, лишь «частными проявленіями особаго рода совершенно новой энергіи, такъ же распространенной въ природѣ, какъ электричество и теплота. Эта энергія владѣетъ свойствами какъ матеріальныхъ тѣлъ, такъ и нематеріальныхъ силъ», и Лебонъ задаетъ вопросъ, не представляетъ ли она «перехода между двумя мірами, которые наука представляла всегда глубоко раздѣленными: міромъ матеріи и міромъ энергіи».

Лебонъ выражаетъ свою мысль нѣсколько метафизично. «Міръ энергіи и міръ матеріи» звучатъ какими-то «сущностями».

Съ точки зрѣнія эволюціоннаго позитивизма, которую намъ ужъ не разъ приходилось отстаивать на страницахъ «Міра Божьяго», и матерія и энергія— только символы, въ которыхъ мы выражаемъ наиболѣе экономнымъ образомъ часть опыта человѣчества; но опытъ этотъ растетъ, и по мѣрѣ его роста является потребность въ новыхъ символахъ, которые часто—только обобщеніе прежнихъ и только изрѣдка совершенно развѣнчиваютъ и уничтожаютъ старыхъ «боговъ».

Видимо, мы наканунѣ такого обобщенія въ физическихъ наукахъ, но можно съ увѣренностью сказать, что и на этотъ разъ матерія и энергія не будутъ уничтожены, а только найдено будетъ для нѣкоторыхъ явленій болѣе общее начало, въ которомъ эти символы сольются. Въ такой эволюціи понятій нѣтъ ничего неожиданнаго: несмотря на всѣ попытки энергетиковъ, мы не можемъ представить энергіи безъ матеріи и матеріи безъ энергіи; это указываетъ, по нашему мнѣнію, что даннымъ двумъ символамъ свойственно нѣчто общее, чего до сихъ поръ поръ мы еще не могли уловить и что начинаетъ вырисовываться едва замѣтными слабыми контурами, благодаря этимъ невидимымъ лучамъ и «эманаціямъ».

Дѣйствительно, даже теперь, когда каждый мѣсяцъ приноситъ все новыя и новыя свѣдѣнія о различнаго рода «лучахъ» и ученые не успѣваютъ разобраться въ растущей грудѣ фактовъ, даже теперь можно наблюдать нѣкоторыя связи и переходы между всѣми этими лучеиспусканіями.

Катодные лучи, безспорно потоки матеріальныхъ частицъ, рождаютъ рентгеновскіе, и тѣ и другіе, благодаря свойству вызывать фосфоресценцію и разряжать наэлектризованныя тѣла, связываются съ одной стороны—съ ультрафіолетовыми лучами, съ другой—съ лучами, испускаемыми радіоактивными веществами; среди послѣднихъ часть стоитъ ближе къ катоднымъ (отклоняемые магнитомъ), часть къ рентгеновскимъ (неотклоняемые).

Такимъ образомъ, въ туманной дали начинаетъ вырисовываться нѣкоторая связь между чисто эфирными лучами спектра, связанными съ недиссоціированной матеріей, и цѣлой тучей новыхъ лучей, понятныхъ только въ связи съ матеріей диссоціированной, распавшейся на іоны, на части неизмѣримо болѣе мелкія, чѣмъ атомы, можетъ быть, начальныя зерна мірового эфира.

И, можетъ быть, недалеко то время, когда выяснится вполнѣ эта связь и между частицей матеріи и первичной частицей эфира будутъ установлены постепенные переходы, а матерія и энергія сольются въ еще болѣе широкомъ обобщеніи.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Февраль **1903 г.**

Содержаніе: Беллетристика. — Критика и исторія литературы и искусствъ. — Исторія всеобщая и русская. — Соціологія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. С. Пушкинъ. „Сочиненія“.—*В. Короленко.* „Безъ языка“.—*Н. Съверова.* „Эта“.

Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. К. Ефремова. Спб. 1903 г. Изд. Суворина. Томы I—III. Болѣе 65 лѣтъ прошло со дня смерти Пушкина; срокъ, казалось бы, вполнѣ достаточный для того, чтобы приготовить и выпустить въ свѣтъ полное и научно обработанное изданіе сочиненій нашего великаго поэта. Однако, до сихъ поръ, если не считать едва начатаго академическаго изданія, мы не имѣемъ ни одного изслѣдованія, которое бы давало болѣе или менѣе исчерпывающій матеріалъ для изученія пушкинскаго творчества во всемъ его разностороннемъ значеніи.

Первая попытка такого изслѣдованія была сдѣлана еще Анненковымъ («Сочиненія Пушкина», въ 7-ми т. Спб. 1855—57 гг.), который впервые собралъ и обработалъ часть подлинныхъ рукописей поэта (см. также приложеніе къ упомянутому изд. «Матеріалы для біографіи и оцѣнки произведеній Пушкина»; отдѣльно Спб. 1873 г.). Къ сожалѣнію, цензура исказила его работу; съ цензурными пропусками и исправленіями она лишилась большей части своего научнаго значенія, но и въ такомъ видѣ продолжала долгое время служить образцомъ для послѣдующихъ многочисленныхъ изданій сочиненій Пушкина (объ этихъ цензурныхъ преслѣдованіяхъ см. статью Анненкова въ «Вѣстникѣ Европы» 1881 г. «Любопытная тяжба»).

Вскорѣ послѣ анненковскаго изданія, появились подъ рядъ три шеститомныхъ изданія Исакова; два (1859—60 и 1869—71 гг.) подъ редакціей Геннади и одно (1878—1881 гг.) подъ редакціей П. А. Ефремова. Редакторская работа Геннади была лишена всякаго научнаго значенія; изученіе пушкинскаго текста не подвинулось ни на шагъ впередъ, и Соболевскій имѣлъ полное право зло смѣяться въ своей эпиграммѣ:

О жертва бѣдная двухъ адовыхъ исчадій,
Тебя убилъ Дантесъ и издаетъ Геннади.

Наоборотъ, П. А. Ефремовъ въ вышеупомянутомъ изданіи и въ вавшихъ къ нему вскорѣ дополненіяхъ (изд. Ан—каго, подъ ред. Ефремова, въ 7-ми т. М. 1882 г.). сдѣлалъ вторую, послѣ Анненко систематизировать пушкинскіе матеріалы; онъ свѣрилъ текстъ съ п исправилъ нѣкоторыя неточности, собралъ разбросанные варіант

наброски и, наконецъ, сдѣлалъ цѣнные указанія біографическаго и библіографическаго характера (въ изд. Ан—каго цѣлый томъ писемъ Пушкина). Однако, и это изданіе имѣло свои, и очень крупные, недостатки; громадное большинство рукописей поэта не было использовано П. А. Ефремовымъ; пробѣлъ этотъ такъ и не былъ восполненъ вплоть до 1887 года, когда одновременно появились два новыхъ изданія. Редакція перваго принадлежала П. О. Морозову (изд. «Литературнаго фонда»), редакція второго—тому же П. А. Ефремову (изд. Комарова). По странной случайности оба изданія какъ бы дополняли другъ друга въ своихъ недостаткахъ. П. О. Морозовъ занялся тщательнымъ изученіемъ подлинныхъ рукописей поэта и на основаніи ихъ, хотя и не вездѣ точно, исправилъ и дополнилъ пушкинскій текстъ. Печатные источники не были имъ привлечены къ изданію. Наоборотъ, П. А. Ефремовъ преимущественное вниманіе обратилъ на первоизданія и положилъ въ основу своего труда новое сличеніе текста съ печатными первоисточниками. Цѣнныя рукописи, пожертвованныя сыномъ поэта въ Румянцевскій музей, были имъ использованы лишь въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ П. И. Бартеневымъ въ «Рускомъ Архивѣ» и В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» (1884 г. № 2—12, позднѣе—1887 г., т. LV). Затѣмъ, впродолженіи долгаго періода времени съ 1887 по 1899 гг. не появлялось ни одного сколько-нибудь цѣннаго въ научномъ смыслѣ изданія сочиненій Пушкина. Наконецъ, въ 1899 г. вышелъ въ свѣтъ подъ редакціей покойнаго Л. Н. Майкова I-й томъ давно обѣщаннаго академическаго изданія («Сочиненія Пушкина», изд. Императорской академіи наукъ. Т. I. Лицейскія стихотворенія. Спб. 1899 г. Изд. 2-е 1900 г.). Въ немъ впервые были полно и всесторонне использованы лицейскія тетради Пушкина и, кромѣ того, были даны чрезвычайно цѣнныя и подробныя примѣчанія къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ поэта. Къ несчастью, смерть Л. Н. Майкова прервала ходъ этого единственнаго научно обработаннаго изданія и отдалила на неопредѣленное время окончаніе его.

1903 г. принесъ намъ новое изданіе сочиненій Пушкина. Редакцію его принялъ на себя все тотъ же П. А. Ефремовъ, съ 1859 г. (въ «Библіографическихъ Запискахъ») занимающійся изученіемъ пушкинскаго текста. Но и новое изданіе не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ научной обработки пушкинскихъ матеріаловъ. Наиболѣе крупнымъ его недостаткомъ является все то же, наблюдавшееся и въ прежнихъ изслѣдованіяхъ П. А. Ефремова, предпочтительное вниманіе къ печатнымъ источникамъ и недостаточное пользованіе подлинными рукописями поэта. Изъ этого основного недостатка вытекаютъ и всѣ остальные недочеты изданія—пропуски («Вишня», «Съ позволенія сказать»...), хронологическія неточности (напр.: «На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный» написано не въ 1821 г., а въ 1822; «О дѣва роза», «Фонтану», «Виноградъ» отнесены къ 1820 г., тогда какъ ихъ нужно отнести къ 1824 г. и др.), искаженія текста и другія болѣе или менѣе крупныя погрѣшности, подробно перечисленныя г. Библіофиломъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (см. фельетонъ № 316, 1902 г.). Однако, у новаго изданія есть и свои несомнѣнныя достоинства и главнѣйшее изъ нихъ, по справедливому указанію В. Е. Якушкина, привлеченіе къ изданію всего того накопившагося за послѣднія 15 лѣтъ печатнаго матеріала, который не вошелъ въ изданія предшествовавшихъ годовъ. Исправленія, внесенныя по изданію Литературнаго фонда, коррективы по извѣстной тетради Анненкова, добавленія и поправки въ варіантахъ и черновыхъ наброскахъ, насколько можно судить до [illegible] въ свѣтъ VIII-го и послѣдняго тома, обѣщаютъ сообщить ефремовскому [illegible] степень полноты и точности, которая придаетъ ему характеръ полъ цѣннаго свода печатныхъ пушкинскихъ матеріаловъ. Систематиспредѣленіе текста и сохраненіе подлинной пушкинской орѳографіи даетъ возможность получить цѣльное и непосредственное впечатуть всегда возможныхъ искаженій смысла при произвольномъ

исправленіи орѳографіи поэта. Если же принять во вниманіе, что новое изданіе предназначено для широкихъ слоевъ читающей публики и что П. А. Ефремовъ тѣмъ самымъ значительно съуживаетъ свои научныя задачи, то нельзя не признать, что вышедшіе до сихъ поръ подъ его редакціей томы, несомнѣнно, въ общемъ, удовлетворяютъ своему назначенію и являются крупнымъ вкладомъ въ исторію пушкинскаго текста.

Печатается изданіе на прекрасной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ; къ I-му тому приложенъ портретъ поэта въ хорошей гравюрѣ художника Рундальцова, съ оригинала, писаннаго Тропининымъ. Кромѣ того, ко всѣмъ поэмамъ, выходившимъ отдѣльнымъ изданіемъ, приложены снимки съ заглавныхъ листовъ первыхъ изданій этихъ произведеній. *Б. Савинковъ.*

«Безъ языка» (разсказъ) Владиміра Короленко. Спб. 1903 г. Ц. 75 к. Изд. «Русскаго Богатства». Въ новомъ изданіи разсказъ Вл. Г. Короленко подъ выписаннымъ заглавіемъ,—«Изъ заграничныхъ очерковъ», какъ онъ назывался въ первой редакціи, напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русскомъ Богатствѣ (1895 г.),—является въ значительно переработанномъ и дополненномъ видѣ. Прибавлено вступленіе, сдѣланы нѣкоторыя вставки, наконецъ, совершенно новымъ эпизодомъ представляется встрѣча двухъ земляковъ, Матвѣя Лозинскаго, изъ обѣднѣвшихъ поселянъ западнаго края, «ни мужика, ни мѣщанина», какъ охарактеризовалъ его авторъ въ началѣ разсказа, съ сыномъ бывшаго богатаго помѣщика, Нилова, съ которымъ у Лозинскаго и его односельчанъ тянулась долгая тяжба изъ-за чинша,—встрѣча въ далекой Америкѣ, при совершенно особыхъ условіяхъ жизни и измѣнившихся личныхъ обстоятельствахъ. Всѣ эти измѣненія и дополненія придаютъ нѣсколько особый характеръ новой версіи разсказа, основныя черты котораго, однако, сохранены, но представляются въ иномъ освѣщеніи. Въ первой редакціи мы имѣли нѣсколько обрубленный остовъ разсказа о происшествіи анекдотическаго характера, въ стилѣ сказки-складки, прелестно изложенной мастерскимъ разсказчикомъ, съ чудесными описаніями моря, съ юмористическимъ изображеніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ особенностей американской цивилизаціи, съ проникновеннымъ возсозданіемъ наивной души «простака-лозищанина», который, попавъ «безъ языка» въ Новый Свѣтъ, потерялся на улицахъ Нью-Іорка и претерпѣлъ разныя невзгоды. Въ концѣ концовъ, однако, его выручилъ какой-то неизвѣстный ему землякъ, приставилъ его къ дѣлу на лѣсопилкѣ и черезъ три года Матвѣй Лозинскій сталъ сознательнымъ гражданиномъ сѣверо-американскихъ штатовъ и женился на дѣвушкѣ-сиротѣ, своей соотечественницѣ, съ которой онъ познакомился еще при переѣздѣ черезъ океанъ, на кораблѣ эмигрантовъ. Фабула разсказа весьма незамысловата и изложеніе представлялось съ неопредѣленными очертаніями именно сказочнаго происшествія, въ которомъ неожиданности и случайности играютъ большую роль, и наряду съ огульными описаніями нѣсколько упрощеннаго характера, какъ рѣзко очерченныя линіи контура на рисункѣ, стремящемся передать наивную простоту непосредственнаго чувства,—тщательная выписка деталей въ отдѣльныхъ эпизодахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Когда въ Лозищахъ получено было письмо отъ Іосифа Оглобли, раньше эмигрировавшаго въ Америку, съ пароходнымъ билетомъ для его жены, которую онъ приглашалъ къ себѣ, то собрались ѣхать вмѣстѣ съ нею ея братъ, Матвѣй Лозинскій, по прозванію Дышло, и пріятель Матвѣя—Иванъ Дыма, по фамиліи тоже Лозинскій, такъ какъ и всѣ обитатели Лозищъ звались Лозинскими. Матвѣя «никто въ деревнѣ умнымъ не считалъ», но обладалъ онъ необыкновенною физическою силой, «а глаза и сердце—какъ у ребенка». Ивана же «никто дуракомъ не считалъ и онъ никому не давалъ спуску, но на руку былъ не силенъ и въ дракѣ ни съ кѣмъ устоять не могъ». Пробовали удержать ихъ, но не отговорили; «вотъ и поѣхали наши

трое въ дальнюю дорогу». «Не стоитъ, пожалуй, описывать, сообщаетъ авторъ, какъ они переѣхали черезъ границу и переѣхали черезъ нѣмецкую землю, потому что это не такъ уже трудно». Сразу дѣйствіе переносится въ Гамбургъ, гдѣ пріятели поневолѣ разстались съ женщиной, которую они сопровождали, такъ какъ у нея былъ «тикетъ» на пароходъ, а они не догадались запастись билетами; ихъ не пустили съ нею. Затѣмъ, конечно, устроили это дѣло и черезъ сутки—«въ полдень поплыли наши Лозинскіе—Дыма и Дышло догонять Лозинскую Оглоблю...» Слѣдуетъ превосходное, по выдержанности стиля, описаніе поѣздки по морю, которое мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать, какъ образецъ поэзіи въ прозѣ:

„Проходитъ день, проходитъ другой. Солнце садится въ море съ одной стороны, на утро поднимается съ другой.

„Плещетъ волна, ходятъ туманныя облака, летаютъ за кораблемъ чайки, садятся на мачты, потомъ какъ будто отрываются отъ нихъ вѣтромъ и, колыхаясь сбоку на бокъ, какъ клочки бѣлой бумаги, отстаютъ, отстаютъ и исчезаютъ назади, улетая обратно, къ европейской землѣ, которую наши лозищане покинули на вѣки. Матвѣй Лозинскій провожаетъ ихъ глазами и вздыхаетъ. И рисуется передъ нимъ сосновый лѣсъ, подъ лѣсомъ рѣчка съ блѣдною лозой, надъ рѣчкой—бѣдныя соломенныя хаты. И кажется, вернулся бы назадъ къ прежней бѣдѣ,—родной и знакомой.

„А море глухо бьетъ въ борты корабля и волны, какъ горы, поднимаются и падаютъ, съ рокотомъ, съ плескомъ, съ глухимъ стономъ, какъ будто кто грозитъ и жалуется вмѣстѣ.

„Корабль клонитъ—клонитъ; вотъ, кажется, совсѣмъ перевернется, а тамъ опять начнетъ подниматься съ кряхтѣніемъ и скрипомъ. Гнутся и скрипятъ мачты, сухо свиститъ вѣтеръ въ снастяхъ, а корабль все идетъ и идетъ.

„Надъ кораблемъ свѣтитъ солнце, надъ кораблемъ стоитъ темная ночь, надъ кораблемъ задумчиво висятъ тучи, или гроза бушуетъ и реветъ на океанѣ, и молніи падаютъ въ колыхающуюся воду. А корабль все идетъ и идетъ...“ *)

Останавливаемся за невозможностью переписывать цѣликомъ цѣлыя страницы мастерскихъ описаній, въ своеобразномъ стилѣ, присущемъ нашему даровитому писателю. И при такой обстановкѣ на кораблѣ, несущемъ его черезъ океанъ, задумывался Матвѣй надъ разными вопросами, которые раньше какъ будто и не приходили ему въ голову. «Жаль только,—прибавляетъ авторъ,—что всѣ эти мысли подымались и падали, какъ волны, не оставляя замѣтнаго слѣда, не застывая въ готовомъ словѣ, вспыхивали и гасли, какъ морскіе огни въ глубинѣ»... Авторъ тепло и задушевно сумѣлъ очертить ощущенія непосредственнаго «человѣка природы», простодушнаго и наивнаго, не умѣвшаго «слова находить», поэтому и считавшагося неумнымъ даже у себя на родинѣ, но въ сущности далеко не глупаго, только живущаго скорѣе сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ. И эта сердечная чуткость и душевная чистота помогаютъ ему правильно судить о томъ, что хорошо и что дурно, скорѣе разобраться даже среди сложныхъ и непонятныхъ ему отношеній кипучей американской жизни, которая разомъ передъ нимъ развернулась со всѣми своими отрицательными и положительными сторонами,—скорѣе, чѣмъ «умнику» Ивану, сразу по пріѣздѣ замѣшавшемуся въ агитаціи избирательныхъ партій и уже «продающему свой голосъ». Симпатіи автора явно на сторонѣ Матвѣя, который и является затѣмъ главнымъ героемъ разсказа. «Героемъ» становится онъ отчасти и поневолѣ, такъ какъ, заблудившись на улицѣ Нью-Іорка, возбуждаетъ одновременно и подозрѣнія полиціи, и вниманіе усердныхъ газетныхъ репортеровъ, отмѣчающихъ походя всякія необычныя явленія на улицахъ; и такъ Матвѣй, по непонятнымъ для него причинамъ, становится неожиданно «знаменитостью» и въ теченіе нѣсколькихъ дней фигурируетъ на столбцахъ газетъ. Презабавно разсказана вся эта

*) Въ приведенной выпискѣ мы позволяемъ себѣ нѣсколько измѣнить пунктуацію автора.

газетная сутолока съ пространными и очень удачно пародированными рецензіями о «дикарѣ въ Нью-Іоркѣ», то, по толкованію рецензента, «купающаго своихъ дѣтей» въ общественномъ бассейнѣ, изъ котораго Матвѣй просто хотѣлъ напиться, то оказавшагося сильнѣе полисмена Гопкинса и будто бы даже его убившаго на митингѣ безработныхъ и т. п. Въ этой части разсказа стиль изложенія иной и авторъ щеголяетъ самыми детальными описаніями встрѣчъ и столкновеній злополучнаго Матвѣя, котораго считаютъ не то кафромъ, патагонцемъ или славяниномъ. Сцена на митингѣ безработныхъ была цѣликомъ приведена на страницахъ «Міра Божія», въ замѣткахъ А. Б. (1895 г. № 5, стр. 241 и сл.).

Сочувственное отношеніе автора къ простодушному Матвѣю дало поводъ одному критику, г. Иванову, къ ошибочному на нашъ взглядъ, толкованію основной мысли разсказа, которая будто бы сводится къ тому, чтобы доказать «неизбѣжность страданій «дикаря» въ нѣдрахъ культуры». «Авторъ-де не жалѣетъ красокъ на живопись *глупости* культурныхъ людей, даже добрыхъ, но слишкомъ цивилизованныхъ, чтобы понимать просто человѣка независимо отъ той или другой культурной ливреи». Критикъ даже споритъ съ авторомъ, отстаивая свою мысль, и, указавъ, что если въ разсказѣ г. В. Короленко «счастливая звѣзда его героя и превращаетъ его, въ концѣ концовъ, въ джентельмена», то «это впечатлѣніе не выражаетъ взгляда автора на вопросъ». Взглядъ же этотъ, по убѣжденію критика, долженъ подтверждать его собственную мысль, высказанную имъ раньше, что—«цивилизація со всѣми своими хитростями и завоеваніями весьма часто бездушна и глупа» и, «кромѣ сердечнаго тщедушія, безпрестанно обнаруживаетъ удивительное тупоуміе и близорукость» (см. И. И. Ивановъ. «Поэзія и правда міровой любви» 1896 г.)». Всѣ эти выводы должны быть оставлены на отвѣтственности критика, такъ какъ они отнюдь не вытекаютъ изъ сущности разсказа автора и произвольно ему приписаны. «Дикарь» г-на В. Короленко отнюдь не можетъ быть отожествленъ хотя бы съ типомъ «первобытнаго человѣка», создавшагося въ воображеніи Руссо, и едва-ли авторъ имѣлъ въ виду возобновить старый тезисъ о гибельномъ вліяніи цивилизаціи, доводя его до такихъ крайностей. Матвѣя, конечно, влекло къ тому, что могло ему напомнить обстановку его родины и занятія, къ которымъ онъ привыкъ съ измалѣтства; его тянуло къ полямъ и лѣсамъ, къ деревнѣ, которой онъ не находилъ въ окрестностяхъ Нью-Іорка. Его не понимали, такъ же какъ и онъ не понималъ того, что вокругъ его дѣлаютъ. Но едва-ли шутка автора по поводу того, что намѣренье Матвѣя поцѣловать руку у разныхъ лицъ, съ которыми онъ встрѣчался, было истолковано свободными *янки*, какъ желанье «укусить», можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для «обличенія» цивилизаціи въ тупоуміи и близорукости». Въ цивилизаціи можетъ быть много жесткаго, «нивеллирующаго», но вѣдь создается она не обособленно отъ людей. Наконецъ, вполнѣ естественное недовольсто и раздраженіе измученнаго, проголодавшагося, потерянаго «безъ языка» человѣка, отнюдь не есть обвинительный актъ противъ условій жизни въ свободной странѣ, гдѣ именно тѣмъ больше отвѣтственности на самой личности, чѣмъ она свободнѣе. Нужно только, чтобы она сознала и то, и другое. Уже въ первой редакціи разсказа совершенно ясна мысль автора—провести послѣдовательно своего героя черезъ разные фазисы отъ приниженнаго состоянія въ сознаніи своей безпомощности до осмысленной жизни, при окрѣпшемъ чувствѣ свободной личности. Если же нѣкоторая недосказанность первой редакціи могла оставить сомнѣнія по вопросу объ отношеніи автора къ «цивилизаціи», то вводная глава въ новой редакціи вполнѣ проясняетъ его мысль. Въ новой обработкѣ усматривается общее стремленіе автора придать разсказу характеръ большей достовѣрности. Этой цѣли служитъ и вступленіе, и многія вставки, наконецъ, въ послѣдней главѣ, авторъ пишетъ: «Наша правдивая

*

исторія...» уже безъ всякаго оттѣнка юмора. Вполнѣ серьезнымъ тономъ проникнуты послѣднія страницы разсказа, а по оцѣнкѣ значенія американской «цивилизаціи» весьма характернымъ представляются слѣдующія слова Нилова своему земляку Матвѣю, послѣ того, какъ они признали другъ друга: «Не знаю, поймете ли вы меня, но... за то одно, что мы здѣсь встрѣтились съ вами... и съ другими, какъ равные... какъ братья, а не какъ враги... за это одно я буду вѣчно благодаренъ этой странѣ». Ниловъ возвращается на родину; тянетъ и Матвѣя вернуться со временемъ; но пока онъ женится и остается жить въ новой странѣ. «А въ душѣ его всплывали новыя мысли о людяхъ, о порядкахъ, о вѣрѣ, о жизни, о Богѣ, которому поклоняются, хотя и разно, по всему лицу земли, о многомъ, что никогда не приходило въ голову въ Лозищахъ. И нѣкоторыя изъ этихъ мыслей становились все яснѣе и ближе.».. Такъ постепенно завершался духовный ростъ личности въ первоначальномъ «дикарѣ».

Ѳ. Бат—ковъ.

«Эта», повѣсть Н. Б. Сѣверовой, съ иллюстраціями И. Е. Рѣпина. И «Эта», героиня повѣсти г-жи Сѣверовой, поѣхала въ Америку искать свободы и самостоятельной дѣятельности, вмѣстѣ съ двумя подругами, какъ Лозинскіе Дыма и Дышло съ Лозинскою Оглоблей въ разсмотрѣнномъ произведеніи В. Г. Короленко. Наши читатели, вѣроятно, помнятъ талантливый очеркъ г. Тана «Авдотья и Ривка» (см. «Міръ Божій», 1902, № 10), въ которомъ также излагается судьба двухъ женщинъ, поѣхавшихъ попытать счастья въ Америкѣ, отъ худого житья у себя дома. Разница съ повѣстью г-жи Сѣверовой заключается, прежде всего въ томъ, что «Эта», настоящее имя которой Лулу, или Елена Сергѣевна Толимова,—дочь «благородныхъ родителей», принадлежавшихъ къ высшему, аристократическому слою общества въ Россіи. Ея двѣ подруги, товарки по пансіону, нѣсколько ниже по общественному положенію ихъ родителей; Лулу сблизилась съ ними тогда, когда уже умеръ ея отецъ и они, по выраженію ея матери, стали «нищими» (относительно, конечно, т.-е. съ годовымъ доходомъ въ 7 тыс. руб.!). Первая часть повѣсти не представляетъ особаго интереса. Это повтореніе еще одной «женской жизни», ничѣмъ особенно не выдѣляющейся. Характерно только отношеніе автора къ изображаемымъ условіямъ жизни въ такъ называемомъ у насъ аристократическомъ обществѣ, суетность и вздорность котораго выступаетъ съ особымъ рельефомъ въ мотивахъ, побудившихъ «Лулу» бѣжать изъ дому и ѣхать съ эмигрантами въ Америку, на скромную роль горничной. Молодая дѣвушка, въ которой пробудилось сознаніе своей личности и желаніе самостоятельнаго труда, проявляетъ много энергіи и настойчивости во всѣхъ перипетіяхъ своей оригинальной поѣздки, при самыхъ скудныхъ средствахъ. Поступаетъ она сперва дѣйствительно на мѣсто горничной, затѣмъ на правахъ полугостьи служитъ у фермеровъ, выходцевъ изъ Швейцаріи, наконецъ, приходитъ къ выводу, аналогичному съ однимъ замѣчаніемъ въ разсказѣ В. Г. Короленко судьи Дикинсона Нилову: судья Дикинсонъ надѣваетъ въ торжественныхъ случаяхъ одежду каменьщика, въ воспоминаніе того, чѣмъ онъ *былъ*, неуклонно затѣмъ возвышаясь по ступенямъ общественной лѣстницы. Ниловъ идетъ обратнымъ путемъ, ставъ изъ сына богатаго помѣщика чернорабочимъ, и Дикинсонъ говоритъ ему: «Въ старости вамъ, пожалуй, захочется надѣть вашъ фракъ». Вотъ и «Лулу», не дожидаясь старости, поспѣшила домой—облечься въ «прежнія платья». Она говоритъ своей подругѣ: «Низшіе классы хотятъ сдѣлаться такими же людьми, какъ мы, и они правы, такъ какъ стремятся впередъ. Но мы, которые отвергаемъ преимущества нашего воспитанія (становясь въ положеніе чернорабочихъ), отрекаемся отъ нашихъ знаній и талантовъ и насильно премъ (sic) назадъ, мы не только не правы, но мы даже неестественны». Въ силу такого вывода

вся заграничная «эскапада» Лулу представляется какимъ-то недоразумѣніемъ. Она напоминаетъ «побѣги» гимназистовъ, начитавшихся Майнъ-Рида. Это очень жаль, и, отнюдь не сравнивая произведенія г-жи Сѣверовой съ высоко-художественнымъ разсказомъ В. Г. Короленко, мы ограничиваемся указаніемъ на аналогію въ сюжетѣ. Причемъ нельзя не отмѣтить и слѣдующей, существенной разницы: въ разсказѣ г. Короленко Ниловъ возвращается на родину, но знаетъ то, что взялъ у Америки въ смыслѣ пройденной школы, въ смыслѣ закала характера, расширеннаго горизонта наблюденій, усвоенныхъ привычекъ свободнаго гражданина, хотя бы наряду съ этимъ онъ вынесъ впечатлѣнія о многихъ отрицательныхъ сторонахъ жизни въ Америкѣ. Матвѣй остается, найдя свою «судьбу». Остается въ Америкѣ и Авдотья въ разсказѣ г. Тана, двигаясь «снизу ввѣрхъ». А Лулу вернулась такою же растерянною и недоумѣвающею, какою и уѣзжала. Общаго съ Авдотьей у нея остается только то, что обѣ ушли отъ «худого житья», но въ разномъ значеніи этого понятія, столь разномъ, что Лулу не побоялась вернуться въ прежнюю обстановку. Изъ-за чего же было затѣивать и весь побѣгъ? Книга украшена нѣсколькими иллюстраціями нашего маститаго художника И. Е. Рѣпина. *Ѳ. Бат—овъ.*

КРИТИКА. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

А. Н. Веселовскій. „В. А. Жуковскій“—*А. И. Пономаревъ.* „В. А. Жуковскій, какъ поэтъ-романтикъ“.—*Джонъ Рескинъ.*—„Сочиненія. Кн. 8“.—*А. В. Мезьеръ.* „Указатель историческихъ романовъ“.—*Д. Брагинскій.* „Указатель переводной беллетристики“.

В. А. Жуковскій. Чтеніе академика А. Н. Веселовскаго. Спб. 1902 г.—Проф. А. И. Пономаревъ. В. А. Жуковскій, какъ поэтъ-романтикъ и въ отношеніи къ Царю-Освободителю. Спб. 1902 г. Чтеніе академика Веселовскаго представляетъ собою краткую и сжатую, но въ то же время очень содержательную характеристику Жуковскаго, какъ человѣка и поэта. Авторъ «чтенія» усиленно подчеркиваетъ зависимость Жуковскаго отъ Карамзина и узость его поэтическаго кругозора, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что въ своемъ «бѣдномъ по содержанію районѣ, онъ совершилъ чудеса». Поэзія Жуковскаго, по мнѣнію почтеннаго академика, «можетъ быть, и не переживетъ завистливую даль вѣковъ, но въ перебоѣ поколѣній и вкусовъ къ ней будутъ возвращаться, когда жизнь мечты и довлѣющаго самому себѣ чувства будутъ брать перевѣсъ надъ массовыми тревогами дня и спросами, поглощающими вопросъ о личномъ счастьѣ» (стр 11).

Нѣкоторые выводы академика Веселовскаго идутъ въ разрѣзъ съ наиболѣе установившимися мнѣніями о Жуковскомъ. Къ сожалѣнію, краткость «чтенія» не позволила автору обосновать свои выводы съ достаточною убѣдительностью. Такъ, напримѣръ, и до академика Веселовскаго признавали сильную зависимость Жуковскаго отъ Карамзина, но въ то же время называли творца «Свѣтланы» и романтикомъ. Авторъ же «чтенія» категорически заявляетъ, что Жуковскій «не романтикъ, а карамзинецъ» (стр. 2).

Балладные мотивы, видѣнія кладбища при невѣрномъ свѣтѣ луны, черти и вѣдьмы нѣмецкіе и англійскіе, мечтательность и меланхолія, все это, по мнѣнію академика Веселовскаго, «не романтизмъ, а автобіографическія признанія сердца, шедшаго навстрѣчу сентиментальнымъ теченіямъ литературы и и созвучнаго оссіановскаго настроенія». (стр. 5). Но въ то же время почтенный

авторъ не отрицаетъ въ поэзіи Жуковскаго наличность того «томленія» (Sehnsucht), которое Брандесъ считаетъ матерью романтической поэзіи. *)

Парадоксально звучитъ и такое мнѣніе о Жуковскомъ: «Носитель добра и помощи всюду, гдѣ въ нихъ сказывалась нужда, онъ не рѣшался теоретически распространить то и другое на болѣе широкіе горизонты» (стр. 8). Можно ли сомнѣваться, напримѣръ, въ томъ, что Жуковскій, отпуская на волю своихъ крѣпостныхъ и содѣйствуя освобожденію цѣлаго ряда «рабовъ», не желалъ уничтоженія крѣпостного права? Не подлежитъ также сомнѣнію, что Жуковскій, хотя смутно и неопредѣленно, сознавалъ недостатки дореформенной Россіи, когда въ своихъ письмахъ жаловался, что «у насъ все спитъ», и когда доказывалъ своимъ ученикамъ вредъ неподвижности и необходимость прогресса и реформъ. Едва ли можно согласиться и съ мнѣніемъ, что любовь къ Протасовой сдѣлала Жуковскаго поэтомъ. Уже «Сельское кладбище» поставило Жуковскаго въ первые ряды русскихъ поэтовъ, а чувства любви въ это время сердце поэта еще не знало.

Статья проф. Пономарева, первоначально напечатанная въ «Церковномъ Вѣстникѣ», выдвигаетъ на первый планъ такія стороны поэзіи и жизни Жуковскаго, о которыхъ въ другихъ юбилейныхъ статьяхъ говорится вскользь и мимоходомъ. Авторъ статьи, прежде всего, подчеркиваетъ, что «Жуковскій первый внесъ въ нашу поэзію и въ литературу вообще то высшее начало, которое дало ей душу, одухотворило и освѣтило ее высшимъ свѣтомъ и доставило возможность впродолженіи XIX-го вѣка показать все богатство ея творческихъ силъ и своеобразіе самостоятельнаго развитія, какъ литературы великаго народа» (стр. 3). Этимъ высшимъ началомъ, по мнѣнію автора, является «религіозно-философскій элементъ», который вѣрнѣе было бы назвать религіозно-нравственнымъ или просто нравственнымъ, потому что религіозно-философскій элементъ въ строгомъ смыслѣ этого слова не играетъ первенствующей роли ни въ поэзіи Жуковскаго, ни въ русской литературѣ XIX-го вѣка.

Сообщая біографическіе факты и характеризуя міросозерцаніе Жуковскаго, проф. Пономаревъ особенно подчеркиваетъ религіозность поэта, но и здѣсь также впадаетъ въ преувеличенія. Такъ, напримѣръ, въ письмахъ Жуковскаго встрѣчаются крайне рѣзкіе отзывы о той религіозной атмосферѣ, въ которой онъ выросъ, а проф. Пономаревъ увѣряетъ насъ, что «задатки глубокой и строгой религіозности, отличавшіе Жуковскаго впродолженіи всей жизни, были заложены въ его душѣ въ годы дѣтства, въ условіяхъ семейной обстановки народно-патріархальнаго быта тогдашней помѣщичьей среды» (стр. 7). Далѣе, извѣстно, что Жуковскій не преклонялся передъ «мертвою вѣрой», что въ его религіозномъ міросозерцаніи были такіе элементы, которые въ свое время не могли быть одобрены духовною цензурой и вызвали довольно несочувственный отзывъ московскаго митрополита Филарета. Профессоръ же Пономаревъ говоритъ, что «религіозность, вѣра Жуковскаго была ясная и простая, чуждая всякихъ масоно-мистическихъ примѣсей, вѣра, вынесенная прямо изъ церкви и народа» (стр. 7—8).

Въ статьѣ проф. Пономарева встрѣчаются ссылки почти на всѣ главнѣйшія сочиненія о Жуковскомъ, но знакомство съ литературой предмета не избавило автора не только отъ невѣрныхъ и сомнительныхъ выводовъ, но даже отъ фактическихъ ошибокъ, иногда довольно грубыхъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 33 говорится, что «воспитателемъ цесаревича Жуковскій (въ 1827 г.) предлагалъ

---

*) Въ отличіе отъ акад. Веселовскаго проф. В. Лазурскій (Западно европейскій романтизмъ и романтизмъ Жуковскаго, Одесса, 1902) считаетъ Жуковскаго все же романтикомъ, въ смыслѣ опредѣленія романтизма Бѣлинскимъ но вполнѣ своеобразнымъ. *Прим. ред.*

назначить графа Каподистрію... но Николай Павловичъ предпочелъ ему Мердера». На самомъ же дѣлѣ Мердеръ былъ назначенъ воспитателемъ цесаревича еще раньше Жуковскаго, и послѣдній хлопоталъ не о замѣнѣ Мердера Каподистріей, а о назначеніи его главнымъ руководителемъ воспитанія будущаго императора. Далѣе, стихотвореніе «Жизнь» написано Жуковскимъ не подъ вліяніемъ увлеченія своей ученицей, какъ говоритъ проф. Пономаревъ (стр. 28), а подъ вліяніемъ зарождавшейся любви къ гр. Самойловой. Невѣрно также утвержденіе проф. Пономарева, что литературная дѣятельность Жуковскаго закончилась «переводами Одиссеи и Иліады (!) Гомера».

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы имѣть право задать вопросъ, заслуживалъ ли очеркъ проф. Пономарева отдѣльнаго изданія, безъ тщательнаго пересмотра? *С. Ашевскій.*

Сочиненія Дж. Рёскина. Серія I. Книжка 8. Радость навѣки и ея рыночная цѣна или политическая экономія искусства. Переводъ Л. П. Никифорова. М. 1902. Стр. 138. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 60 к. На обложкѣ этого новаго выпуска сочиненій Дж. Рёскина издатели помѣстили отрадное извѣщеніе: всѣ выпуски поступаютъ въ отдѣльную продажу. До сихъ поръ нужно было подписываться непремѣнно на всю серію изъ 10 книжекъ, что стоило 5 р. (съ приложеніемъ сочиненія Р. Сизерана «Дж. Рёскинъ и религія красоты»). Теперь каждую книжку можно купить отдѣльно (и недорого: отъ 30—80 к.), и такимъ образомъ чуднымъ твореніямъ великаго англійскаго мыслителя значительно облегченъ доступъ въ широкіе слои русскаго общества. Считаемъ своевременнымъ привести краткія свѣдѣнія о вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ.

«Сезамъ и Лиліи». Двѣ лекціи, написанныя въ 1865 г., т.-е. тогда, когда Рёскинъ уже рѣшительно перешелъ отъ вопросовъ эстетическихъ къ экономическимъ и общественнымъ. Въ первой лекціи говорится «о царскихъ сокровищахъ», подъ которыми Р. подразумѣваетъ сокровища, скрытыя въ книгахъ. Р. хочетъ внушить слушателямъ чувство благоговѣнія къ великимъ, вѣчно живымъ твореніямъ человѣческаго генія и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ ужасающую картину несправедливости и безобразія современной жизни, которая стоитъ въ такомъ нелѣпомъ противорѣчіи съ великимъ истинами, раскрытыми намъ въ нашихъ «царскихъ сокровищахъ». Во второй лекціи, «о садахъ царицъ», говорится объ огромной власти и великомъ назначеніи женщины. Цѣна книжки 50 к. Тѣ же двѣ лекціи имѣются въ переводѣ г-жи О. М. Соловьевой (Москва. 1901. Ц. 60 к.) съ прибавленіемъ еще третьей «о тайнѣ жизни».

«Письма и совѣты женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ». Стр. 37. Ц. 30 к. Это только подборъ небольшихъ отрывковъ, взятыхъ изъ разныхъ сочиненій Рёскина и касающихся назначенія женщины, ея воспитанія, брака, сферы дѣятельности, работы, платья и проч. Кое-что взято и изъ вып. 1, «Сезамъ и Лиліи».

«Послѣднему, что и первому». Четыре очерка основныхъ принциповъ политической экономіи. Стр. 92. Ц. 50 к. Это произведеніе такъ хорошо, что вмѣсто всякихъ рекомендацій хотѣлось бы просто сказать: необходимо его прочесть каждому. Написано оно въ 1859 г., но затѣмъ было переработано для печати и появилось только въ 1862 г. Рёскинъ даетъ здѣсь глубоко продуманную горячо прочувствованную и блестяще изложенную критику экономическихъ понятій, господствующихъ и до сихъ поръ въ экономической жизни и экономической наукѣ. Сжатость и красота языка соотвѣтствуютъ ясности и силѣ мысли, и все отъ первой до послѣдней строчки проникнуто тѣмъ серьезнымъ, сдержанно-восторженнымъ настроеніемъ, которое можетъ быть только у человѣка, открывшаго послѣ мучительныхъ исканій огромный міръ прекрасныхъ и спасительныхъ истинъ и почувствовавшаго въ себѣ призваніе и обязанность

открыть другимъ этотъ закрытый для нихъ міръ. Англійское общество отвѣтило Рёскину насмѣшками и равнодушіемъ. Но Р. тогда же высказалъ, что считаетъ эти 4 небольшіе очерка самымъ лучшимъ и самымъ важнымъ изъ всего имъ написаннаго, т.-е. призналъ ихъ важнѣе всѣхъ многотомныхъ сочиненій объ искусствѣ, которыми онъ къ тому времени уже пріобрѣлъ себѣ громкую славу, и на которыя ушла вся первая часть его жизни до 40 лѣтъ.

«Лекціи объ искусствѣ», читанныя въ оксфордскомъ университетѣ въ 1870 г. Стр. 138. Ц. 80 к. Эти семь лекцій, съ которыхъ Р. началъ свое преподаваніе живописи въ Оксфордскомъ университетѣ, предназначены, конечно, не только для тѣхъ, кто интересуются однимъ искусствомъ. Въ нихъ проводится мысль о единствѣ искусства и жизни, идеаловъ красоты и идеаловъ правды, мысль, давшая единство и цѣльность всей разнообразной и многосторонней жизни самого Р. Въ первой, вступительной, лекціи устанавливается общее положеніе, что хорошее искусство можетъ быть создано только хорошими людьми. Въ слѣдующихъ трехъ лекціяхъ говорится объ отношеніи искусства 1) къ религіи, 2) къ нравственности, 3) къ потребностямъ практической жизни. Послѣднія 3 лекціи (линія, свѣтъ, колоритъ) ближе подходятъ къ спеціальнымъ задачамъ преподаванія живописи, но сохраняютъ и общій интересъ; много мѣста въ нихъ удѣлено исторіи живописи и характеристикѣ разныхъ школъ. Тѣ же «Лекціи объ искусствѣ» имѣются еще въ переводѣ П. С. Когана (М. 1900).

«Оливковый вѣнокъ», четыре лекціи о промышленности и войнѣ. Стр. 98. Ц. 50 к. Эти лекціи были произнесены въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ отъ 1864 г. по 1869 г. Многое изъ общественныхъ взглядовъ и теорій Рёскина нашло здѣсь наиболѣе яркое выраженіе. Первая лекція, «о трудѣ», обращена къ рабочимъ и посвящена вопросу о томъ, на чемъ основано различіе между классомъ рабочихъ и такъ называемыми высшими классами, а также каковъ долженъ быть разумный человѣческій трудъ. Вторая лекція, «о биржѣ», прочитана по приглашенію брадфордскихъ купцовъ, пожелавшихъ услышать отъ Р. какіе-нибудь совѣты насчетъ архитектуры задуманнаго ими зданія биржи. Р. отвѣтилъ горячею рѣчью, въ которой доказывалъ, что ни о какой архитектурѣ, ни о какомъ искусствѣ не можетъ быть рѣчи среди народа биржевиковъ, поклоняющихся золотому тельцу. Третья и четвертая лекціи на первый взглядъ могутъ показаться проникнутыми воинственностью и тщеславнымъ національзмомъ; однако подъ этою внѣшнею формой скрывается въ сущности такая безпощадная критика современной войны, современнаго военнаго сословія и всей системы современной внѣшней и внутренней политики, что воинственно настроеннымъ слушателямъ пришлось, пожалуй, на этотъ разъ проглотить не меньше горькихъ пилюль, чѣмъ брадфордскимъ биржевикамъ въ лекціи «о биржѣ».

«Этика пыли». Ц. 50 к. Десять бесѣдъ о кристаллахъ, написанныхъ (въ 1865 г.) въ видѣ непринужденнаго разговора между «старымъ профессоромъ» и молодыми дѣвушками. Путемъ постоянныхъ уподобленій кристалловъ людямъ и людей кристалламъ, «старый профессоръ» наводитъ собесѣдницъ на размышленія надъ основными вопросами нравственности. Русскому читателю многое можетъ показаться слишкомъ сентиментальнымъ. Но есть страницы, которыя всякимъ прочнутся съ глубокимъ интересомъ и удовольствіемъ, напр., о мнимой грѣховности и порочности человѣческой природы (лекція 5), о мнимой святости самопожертвованія (лекція 6), о монашествѣ (лекція 7), о современной наукѣ, о значеніи греческой миѳологіи и религіозныхъ миѳовъ вообще (лекція 10).

«Сельскія листья». Стр. 97. Ц. 50 к. Это—родъ небольшихъ отрывковъ, выбранныхъ безъ особенной системы, изъ большого 5-ти-томнаго труда «Современные живописцы», которымъ Рёскинъ впервые составилъ себѣ славу. Рёскинъ самъ просмотрѣлъ эти выписки, подобранныя «однимъ изъ его лучшихъ друзей», и

снабдилъ кое-какими примѣчаніями. Конечно, такого рода случайные отрывки не даютъ законченнаго впечатлѣнія о затронутыхъ темахъ. Въ этомъ отношеніи характерно маленькое примѣчаніе, вставленное въ одномъ мѣстѣ Рёскинымъ: «Мой другъ не хочетъ выписывать противоположныхъ мѣстъ изъ книги, желая, повидимому, составить чистѣйшее желе, безъ всякой примѣси. Ну что-жъ, я очень благодаренъ, что онъ любитъ желе и могу, во всякомъ случаѣ, быть увѣренъ, что оно выйдетъ хорошо» (стр. 21).

Въ только-что вышедшихъ двухъ лекціяхъ, озаглавленныхъ «Радость на вѣки», Рёскинъ примѣняетъ къ художникамъ и къ ихъ произведеніямъ схему политической экономіи съ ея терминами: трудъ, накопленіе, распредѣленіе и т. п. Онъ обращается здѣсь не къ художникамъ, а къ обществу. Онъ не касается того, какія цѣли долженъ ставить себѣ художникъ, но разъясняетъ, какъ общество должно относиться къ художникамъ и къ художественнымъ произведеніямъ, какъ оно должно открывать и поощрять таланты, обезпечивать художникамъ разумныя условія труда, доставлять имъ работу, чего нужно отъ нихъ требовать, какъ охранять старыя картины, предохранять отъ гибели новыя и находить для тѣхъ и другихъ наилучшее употребленіе, дѣлая ихъ доступными возможно большему числу людей. Написанное въ 1857 г. это небольшое произведеніе составляетъ какъ бы переходную ступень отъ сочиненій, посвященныхъ искусству, къ сочиненіямъ экономическаго и политическаго характера. Представить искусство, какъ одну изъ областей народнаго хозяйства, Рёскинъ могъ только потому, что онъ уже почувствовалъ потребность приложить къ окружающей дѣйствительности ту же силу своего могучаго идеализма, которая раньше заставила его выступить проповѣдникомъ новыхъ или забытыхъ истинъ въ искусствѣ. Но кромѣ уподобленія искусства другимъ отраслямъ народнаго хозяйства, въ «Радости на вѣки» есть и готовыя мысли объ общихъ экономическихъ вопросахъ. Кратко, но твердо и рѣшительно намѣчены здѣсь почти всѣ главныя черты міровоззрѣнія, развернувшагося съ полною силой въ произведеніяхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Страданія голодныхъ и нищихъ бѣдняковъ, которыя сытое, самодовольное общество не хочетъ видѣть и не видитъ, уже встали передъ Рёскинымъ, какъ мучительный укоръ совѣсти, а купеческая мораль уже дразнитъ его своею нелѣпостью и своимъ дерзкимъ самоувѣреннымъ презрѣніемъ къ здравому смыслу...

Въ пространныхъ примѣчаніяхъ, которыми Рёскинъ снабдилъ изданіе своихъ лекцій, многіе вопросы, затронутые въ текстѣ только слегка, получили болѣе обстоятельную обработку. Въ качествѣ «дополнительныхъ статей», въ концѣ книжки помѣщены еще три краткихъ чтенія Рёскина, относящихся къ 1858, 1873 и 1875 гг.

Г. Никифоровъ умѣетъ хорошо справляться съ трудностями своеобразнаго стиля Рёскина. Но, къ сожалѣнію, онъ не всегда пользуется своимъ умѣньемъ. Переводъ нельзя назвать безупречнымъ. Встрѣчаются тяжелыя неуклюжія фразы. Порою видна и явная небрежность. Напр., Рёскинъ выставляетъ требованіе, чтобы трудъ художниковъ и скульпторовъ былъ: 1) разнообразенъ, 2) легокъ, 3) долговѣченъ (т.-е. долговѣчны должны быть творенія художниковъ) (стр. 25). Въ передачѣ г. Никифорова, на стр. 23, это требованіе принимаетъ такой видъ: нужно будто бы: «1) засадить этихъ людей за *различнаго рода* работу; 2) за легкую работу; 3) за *продолжительную* (?) работу...» Послѣдняя изъ дополнительныхъ статей, о «Соціальной политикѣ и т. д.», переведена такимъ тяжелымъ языкомъ, что все время приходится ломать голову, доискиваясь истиннаго смысла, скрытаго въ этихъ длинныхъ запутанныхъ періодахъ.

Конечно, переводить Рёскина нелегко. Конечно, нужно быть благодарнымъ г. Никифорову за его въ высшей степени полезный трудъ. Но мы вѣдь и въ правѣ

ожидать многаго—больше того, что намъ дается—отъ поклонника Рёскина, который сознательно взялъ на себя столь отвѣтственную задачу и самъ въ такихъ прочувствованныхъ выраженіяхъ высказалъ свое благоговѣніе къ генію великаго мыслителя (см. «Дж. Рёскинъ». Біографическій очеркъ Л. П. Никифорова, изд. «Посредника»). *А. Рыкачевъ.*

А. В. Мезьеръ. Указатель историческихъ романовъ оригинальныхъ и переводныхъ по странамъ и эпохамъ Со статьей Н. А. Рубакина. Историческіе романы и преподаваніе исторіи Спб. 1902 г. Стр. 119, in 8°. Цѣна 1 руб.

Д. Брагинскій. Библіографическій указатель переводной беллетристики въ русскихъ журналахъ за пять лѣтъ 1897 г.—1901 г. Спб. 1902 г. Стр. 68, in 8°. Цѣна 60 коп. Живѣйшую признательность нашу заслуживаютъ всѣ, кто даетъ себѣ трудъ составлять скучные, требующіе долгой и кропотливой работы, библіографическіе указатели. Составленіе такихъ указателей особенно трудно въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ возможности въ точности опредѣлить, какія книги изданы въ данномъ году. Понятно поэтому, что русскіе библіографическіе указатели должны всегда страдать нѣкоторой неполнотою и что ошибки въ нихъ не всегда падаютъ на вину составителей: вѣдь наши главныя книгохранилища, куда должны бы поступать аккуратно всѣ русскія изданія, постоянно жалуются на пробѣлы въ текущей русской литературѣ, пополнить которые имъ далеко не всегда удается.

Оба разбираемые нами указателя—спеціальные: гпервый по предмету, второй по обнимаемому имъ времени. И тотъ, и другой страдаютъ, какъ намъ кажется, нѣкоторымъ отсутствіемъ систематичности и опредѣленности. Такъ, въ первомъ изъ нихъ, несмотря на пространную и интересную вводную статью объ историческомъ романѣ, само понятіе историческій романъ взято столь широко, что подъ него подошли самыя разнообразныя произведенія литературы Вслѣдствіе этого, списокъ наполненъ цѣлымъ рядомъ романовъ и повѣстей, которые никакимъ образомъ подъ понятіе историческій романъ не подойдутъ. Съ какой точки зрѣнія, напр., «Три сестры» Чехова могутъ назваться историческимъ романомъ? Или «Накипь» Боборыкина, или «На холерѣ» В. Поссе, или сочиненія Каронина и т. п.? Почему, напр., вошли только отдѣльныя вещи Тургенева? Отвѣтъ на это не даетъ предисловіе, которое говоритъ о «бытовомъ историческомъ романѣ», указывая, что онъ «переноситъ читателя въ самую обычную обстановку прошлаго, знакомитъ съ ея деталями, съ маленькими людьми, которые тогда жили, съ тѣмъ, какъ они жили, какъ мыслили, какъ и что чувствовали, чего желали, къ чему стремились, какое міросозерцаніе, какія учрежденія ихъ удовлетворяли, какія нѣтъ, и почему, съ какими сторонами своей жизни они вели борьбу». Подъ такое опредѣленіе подойдетъ всякій романъ и почти всякое драматическое произведеніе, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ историческій романъ понятіе гораздо болѣе узкое и вполнѣ опредѣленное.

Такимъ образомъ, мы бы выключили цѣлый рядъ №№ изъ послѣднихъ отдѣловъ, хронологически ближайшихъ къ нашему времени. Нельзя же, напр., говорить въ 1902 году объ историческомъ романѣ, касающимся 80-хъ и 90-хъ годовъ XIX столѣтія. Несомнѣнно, очень полезно группировать литературныя произведенія, относящіяся къ опредѣленнымъ теченіямъ общественной жизни, опредѣленнымъ моментамъ развитія этическихъ взглядовъ, отвлеченной мысли и т. д., но это дѣло особыхъ списковъ, и цѣнность указателя именно историческихъ романовъ много бы выиграла отъ большей опредѣленности плана. Выключены должны быть и драматическія произведенія, напр., историческія хроники Шекспира и другія его пьесы, также какъ и Еврипидъ, Эсхилъ и др.

Если въ «Указатель», благодаря неопредѣленной постановкѣ вопроса о томъ, что понимать подъ историческимъ романомъ, попали многія лишнія книги, то еще нѣсколько лишнихъ №№ вкралось по недоразумѣнію: напр., № 7. «Багаутъ-Гета» (Бхагавад-гита)—это извѣстная *философская* древне-индійская поэма. № 191. Себеасъ (читай Себеосъ). «Исторія императора Иракла»—это просто сочиненіе армянскаго историка, никакого беллетристическаго характера не имѣющее. № 271. «Столѣтіе открытій»—это просто изложеніе путешествій и открытій Васко де-Гамы, Колумба и др. № 657. Петерсонъ О. «Семейство Бронте»—это историко-литературный очеркъ.

Совершенно необходимъ былъ бы алфавитный указатель. Что касается пропусковъ, неизбѣжныхъ въ самомъ добросовѣстномъ трудѣ, то въ одной области составительница указываетъ на нихъ сама: въ примѣчаніи къ стр. 31 она говоритъ: «Статьи изъ дѣтскихъ журналовъ не использованы». Объясненія этому обстоятельству не дано, между тѣмъ, многіе историческіе романы и повѣсти изъ дѣтской литературы въ «Указатель» включены, такъ что принципіально элементъ дѣтскихъ книгъ не исключенъ, но тогда слѣдовало позаботиться о полнотѣ и съ этой стороны.

Мы попытались сдѣлать провѣрку нѣкоторыхъ отдѣловъ «Указателя» въ одной изъ главныхъ библіотекъ С.-Петербурга, но скоро, найдя нѣсколько пропусковъ, пришли къ печальному выводу, что подобная провѣрка возможна лишь при использованіи нѣсколькихъ библіотекъ. Это дало намъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрку тѣхъ трудностей, съ которыми пришлось бороться г-жѣ Мезьеръ.

Въ настоящее время, повидимому, замѣтно возрастаніе интереса къ историческому роману, и «Указатель» г-жи Мезьеръ является поэтому какъ нельзя болѣе кстати: онъ ясно показываетъ, какъ бѣдна русская литература историческими романами оригинальными и переводными.

Другой характеръ носитъ трудъ г. Брагинскаго (о немъ уже было сказано нѣсколько словъ при самомъ его выходѣ) *). Сравнительно болѣе легкій и ограниченный опредѣленнымъ временемъ послѣдняго пятилѣтія, онъ любопытенъ по замыслу тѣмъ, что могъ бы въ значительной мѣрѣ дать отвѣтъ на вопросъ, какія произведенія иностранныхъ литературъ становятся доступными болѣе широкой русской публикѣ, той, которая не знаетъ иностранныхъ языковъ, и въ какой мѣрѣ русская переводная литература слѣдитъ за западными литературными теченіями?

Мы сказали «въ значительной мѣрѣ», потому что г. Брагинскій оставилъ въ сторонѣ газеты и нѣкоторые журналы. Онъ ввелъ зато въ свой «Указатель», не оговоренный въ заглавіи «Перечень переводной беллетристики, вышедшей отдѣльными изданіями».

Намъ казалось бы прежде всего желательнымъ устранить извѣстныя техническія ошибки при составленіи указателей подобныхъ указателю г. Брагинскаго Такъ напр., слѣдуетъ точнѣе опредѣлить понятіе беллетристики, къ ней врядъ ли правильно относить такія произведенія, какъ напр., *Жюссеранъ*. «Исторія англійскагонарода въ его литературѣ», *Морлей*. «Новое жизнеописаніе Оливера Кромвеля», *Рожиль*. «Въ страну ламъ». Первое сочиненіе по исторіи литературы, второе историческое, третье путешествіе, безъ всякаго беллетристическаго элемента. Желательны были бы затѣмъ перекрестныя ссылки на одного и того же автора, когда его имя пишется разнымъ образомъ и его надо искать подъ разными буквами, а то напр., читатель можетъ подумать, что *В. Джакобсъ* и В. Жакобсъ разные писатели, между тѣмъ это одно и то же лицо, извѣстный авторъ разсказовъ изъ морского быта *Джэкобсъ*; точно также какъ *Эмиль Гебгартъ*

*) См. „М. Б.“, 1902 г., окт. „Библіогр. отдѣлъ“.

и *Эмиль Жебаръ* одно лицо—французскій историкъ. Неудобно раздѣлять *Базанъ*, Падро и *Падро-Базанъ*. Это, конечно, мелочи, столь же легко поправимыя, какъ напр., опечатки—Сенъ-Морсъ—читай Сенъ-Марсъ, Морель-Пасіо, читай Морель-Фасіо, и мелочи эти нисколько не лишили бы указателя того значенія, какое онъ могъ бы имѣть какъ показатель отношенія русской литературы къ иностраннымъ, если бы онъ не страдалъ довольно серьезными недочетами въ смыслѣ полноты.

Произвести полную провѣрку матеріала представлялось почти равнозначущимъ продѣлать всю работу съ начала, и потому мы остановились на провѣркѣ частичной: мы взяли переводную беллетристику, вышедшую отдѣльными изданіями и спеціально за 1901 г.; провѣрку произвели по «Книжному Вѣстнику», такъ какъ намъ достаточно была приблизительная точность, и при этомъ получили длинный списокъ сочиненій, не помѣщенныхъ у г. Брагинскаго; замѣтимъ, что мы перестали даже гнаться за полнотой, какъ только увидѣли, что безполезно дѣлать дополненія къ перечню, который несомнѣнно долженъ быть переработанъ заново. Значительная часть дополненій падаетъ на сочиненія драматическія, и мы сначала думали, что г. Брагинскій исключилъ ихъ изъ своего перечня, хотя оговорки въ этомъ смыслѣ не сдѣлано, но затѣмъ убѣдились, что онъ помѣстилъ въ перечень цѣлый рядъ драматическихъ произведеній. При полномъ отсутствіи предисловія или примѣчаній трудно уяснить себѣ причину столь крупныхъ недочетовъ, къ тому же устранимыхъ безъ особеннаго труда, такъ какъ г. Брагинскій могъ пользоватьсяхотя бы «Книжнымъ Вѣстникомъ». Чтобы не быть голословнымъ помѣщаемъ добавочный списокъ 54 изданія за одинъ 1901 годъ, причемъ повторяемъ, что вовсе не имѣли еще въ виду полноту.

1) *Аннунціо* д'. Г. «Мертвый городъ», трагедія, переводъ И. Гриневской. Москва.
2) *Бальзакъ* «Шагреневая кожа».Пер. В. Д. Аверкіева. Изд. 2-е («Н. Б». Сув.).
3) *Бурже.* П. «Призраки». Пер. Н. Сазоновой.
4) *Бьернстьерне-Бьернсонъ.* «Laboremus». Пер. Я. А. Ф—ина. М.
5) *Вольтеръ.* «Философскіе романы». Пер. Соколовскаго («Деш. Библ». Сув.)
6) *Гауптманъ.* «Михаилъ Крамеръ». Пер. Р. Л. Розенмана и М. М. Василевскаго. Харьковъ.
7) — — Пер. Л. Жданова. Спб.
8) — — Пер. Я. А. Ф—ина. М.
9) — «Передъ восходомъ солнца». Пер. О. Всеволожской. Н.-Новг.
10) *Гете.* «Германъ и Доротея». Пер. А. А. Фета. Спб.
11) — «Фаустъ». ч. I. Пер. кн. Д. Н. Цертелева. М.
12) — Фаустъ. Пер. А. Фета. Спб.
13) *Глазеръ.* «Савонарола», истор. нов. съ нѣм. Э. Пименовой («Б. Юн. Ч.»).
14) *Горонъ.* «Паріи Любви». Пер. съ фр. К. В. Спб.
15) *Делавинь,* К. «Дѣти короля Эдуарда». Пер. Э. Маттерна и А. Воротникова. М.
16) *Джакоза,* «Какъ листья». ком. въ 4 д. Пер. М. Д. Карнѣевой. М.
17) — «Опавшіе листья». ком. Пер. Е. В. Кашперовой. М.
18) *Дюма.* «Кинъ или распутство и геній». Новый пер. Э. Э. Маттерна и А. Воротникова. М.
19) *Жебаръ.* «Пія и Викторинъ». Повѣсть. Пер. В. Кошевичъ. М.
20) *Жипъ.* «Чего хочетъ женщина». Пер. А. Черскаго. Изд. 3. Спб.
21) *Золя.* «Трудъ». Переводъ С. Ф. Кіевъ.
22) — «Ночныя бабочки». Пер. А. Черскаго. Спб.
23) *Зудерманъ.* «Купальные огни». Пер. Л. Гельмеринъ.
24) — «Ивановы огни». Пер. О. Всеволодской. Спб.

лейановскій сенатусъ-консультъ приспособлялся къ новой соціальной средѣ, подвергался многочисленнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ чуждыхъ римскому праву учрежденій и идей и постепенно выходилъ изъ практики, уступая мѣсто совершенно инымъ законодательнымъ системамъ, въ которыхъ женщина освобождается отъ всѣхъ коренившихся въ ея полѣ ограниченій гражданской правоспособности и сохраняетъ только неспособность, связанную съ ея положеніемъ замужней женщины. Парижская академія и ставила задачу прослѣдить судьбу древняго римскаго закона въ послѣдующихъ законодательствахъ. Кромѣ того, она требовала, чтобы изслѣдователи отвѣтили и на вопросъ о томъ, представляетъ-ли возстановленіе системы веллейановскаго сенатусъ-консульта какія-либо выгоды для современнаго общества. Жидъ значительно расширилъ рамки академической темы и разсмотрѣлъ положеніе женщины по гражданскому праву не только въ римскомъ и зависящихъ отъ него, но и въ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ и новыхъ законодательствахъ. Тѣмъ не менѣе, центромъ всего изслѣдованія является старый римскій законъ о неспособности женщины къ обязательствамъ въ пользу другихъ, и необходимость полнаго и всесторонняго выясненія этого частнаго юридическаго случая всецѣло опредѣляетъ какъ группировку, такъ и освѣщеніе собраннаго Жидомъ обильнаго для той эпохи матеріала. Главное вниманіе автора направляется на изслѣдованіе происхожденія Веллейановскаго сенатусъ-консульта, его вліянія на французское законодательство и на разрѣшеніе вопроса объ его пригодности для дѣйствующаго права. Такимъ образомъ, значительная часть работы носитъ слишкомъ спеціальный и даже мѣстный характеръ, чтобы представлять интересъ для широкихъ круговъ читающей публики, пользующейся московскими программами домашняго чтенія. Тѣ же очерки гражданскаго положенія женщины, которые дѣйствительно даютъ нѣкоторый матеріалъ для обобщающихъ выводовъ, кромѣ освѣщенія ихъ сквозь призму древняго сенатусъ-консульта, отличаются еще чрезвычайною бѣглостью и краткостью. Въ результатѣ, книга Жида, изображая весьма обстоятельно историческую судьбу веллейановскаго закона, далеко не обрисовываетъ «гражданскаго положенія женщины съ древнѣйшихъ временъ», какъ можно было предполагать по заглавію русскаго перевода.

Этотъ общій недостатокъ разсматриваемой работы, вытекающій изъ ея узкаго и искусственнаго плана, чрезвычайно затрудняетъ пользованіе ею, какъ пособіемъ для самообразованія; но главнымъ и непоправимымъ несчастьемъ изслѣдованія П. Жида является его *полная устарѣлость*. Первое изданіе «Etude sur la condition privée de la femme» вышло въ 1867 году. Второе посмертное изданіе было выпущено въ 1881 году съ дополненіями проф. Эсмена, который сдѣлалъ только краткія и преимущественно фактическія примѣчанія объ измѣненіяхъ въ новѣйшихъ законодательствахъ. Между тѣмъ, именно послѣдніе полвѣка прошлаго столѣтія особенно богаты и научными работами въ области обществовѣдѣнія, и практическими перемѣнами въ положеніи женщины. Въ то же время, когда Жидъ писалъ свою книгу, онъ, напримѣръ, для характеристики первобытнаго періода, могъ пользоваться только однимъ «Материнскимъ правомъ» Бахофена. Затѣмъ, какъ отмѣчаетъ и редакторъ русскаго перевода, проф. Гамбаровъ, Жидъ, не говоря уже о достаточно изученныхъ теперь правахъ и обычаяхъ некультурныхъ народовъ, не ввелъ въ свое изслѣдованіе ни индусскаго права, ни Зендъ-Авесты, ни обычаевъ обитателей нашего Закавказья, ни ирландскаго и ни одного изъ славянскаго законодательствъ, сравнительное изученіе которыхъ дало возможность новымъ изслѣдователямъ нарисовать картину соціальной организаціи, общей всѣмъ индо-европейскимъ народамъ. Очеркъ положенія женщины въ первобытномъ обществѣ, даваемый Жидомъ, также страдаетъ существенными недочетами, лишающими его всякаго значенія. Жидъ считалъ древнѣйшею соціальною организаціею семью, а не племя, какъ можно думать по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Поэтому, многіе

*

важные акты гражданскаго права представлялись французскому ученому совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ они являются теперь. Классовая и сословная борьба, положившая такіе ясные слѣды на законодательство древняго Рима, оставлена Жидомъ безъ должнаго вниманія, хотя, вообще, онъ и старался подвести соціальный фундаментъ подъ юридическія надстройки. Очерки положенія женщины въ гражданскомъ правѣ современныхъ государствъ, въ свою очередь, страдаютъ пробѣлами, которые только отчасти восполняются краткими добавленіями Эсмена. Для Жида послѣднимъ словомъ права было освобожденіе женщины отъ общихъ ограниченій ея гражданской правоспособности, но ограниченія, лежавшія на замужней женщинѣ, какъ таковой, въ то время еще не были сняты даже въ передовыхъ странахъ, и самъ изслѣдователь считалъ необходимою извѣстную опеку государства надъ женщиной въ видѣ установленія неотчуждаемости приданаго и запрещенія обязываться въ пользу мужа и лишь вдали видѣлъ день, когда восторжествуетъ принципъ равной гражданской свободы обоихъ половъ. Въ настоящее время мы уже имѣемъ основаніе сказать, что этотъ день наступаетъ. Эволюція экономическихъ отношеній сдѣлала безусловно невѣрнымъ казавшееся Жиду истиной положеніе Аристотеля: «Домашнія функціи неодинаковы для обоихъ супруговъ: дѣло мужа—пріобрѣтать, дѣло жены—сохранять». Десятки тысячъ и незамужнихъ, и замужнихъ женщинъ вынуждены развитіемъ капитализма вынести на продажу свои рабочія силы. По отношенію къ такимъ женщинамъ какая бы то ни была форма опеки представляется ни на чемъ не основанною несправедливостью. Добывая свои средства самостоятельнымъ трудомъ, онѣ имѣютъ право требовать неограниченной свободы распоряженія принадлежащими имъ имущественными благами. И новѣйшее законодательство уже начинаетъ отражать интересы новой соціальной группы. Датскій законъ 7-го мая 1880 года признаетъ, что «замужняя женщина имѣетъ право одна распоряжаться прижизненно, не спрашиваясь согласія мужа или какого-нибудь опекуна, продуктами своего личнаго промысла...» Англійскій законъ 14-го февраля 1882 года, которому предшествовала энергичная пропаганда «Лиги въ защиту правъ женщины», признаетъ замужнюю женщину «способною пріобрѣтать и владѣть, въ видѣ отдѣльной собственности, всякимъ имуществомъ и всякимъ правомъ, какъ реальнымъ, такъ и личнымъ...»

Краткія свѣдѣнія объ этихъ законахъ читатели найдутъ въ добавленіяхъ Эсмена, но историческое значеніе новаго законодательнаго теченія, вызваннаго экономическимъ освобожденіемъ женщины отъ семейныхъ узъ, при всей важности, естественно, не могло быть подробно изслѣдовано П. Жидомъ. Такимъ образомъ, читатели потратятъ напрасно время и трудъ, если будутъ искать въ старой книгѣ французскаго изслѣдователя основныхъ обобщеній и главнѣйшихъ моментовъ исторіи женщины въ гражданскомъ правѣ. Пробѣлы работы Жида слишкомъ велики, чтобы ихъ можно было закрыть авторитетными рекомендаціями составителей московской программы домашняго чтенія.

Ник. Іорданскій.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Д. Нелюбовъ. „Природа растеній“.—„Австралія“.—*Федченко* и *Флеровъ.* „Руководство къ собиранію растеній“.—*Федченко* и *Флеровъ.* „Пособіе къ изученію растительныхъ сообществъ средней Россіи“.

Д. Нелюбовъ. Природа растеній. Характерныя проявленія жизни и важнѣйшія черты сходства и различія организмовъ въ растительномъ царствѣ. Съ 32 таблицами хромолитографій и 210 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 2 р. 50 к. Спб. 1903 г. Русская популярная

ботаническая литература отличается своей бѣдностью: незамѣнимая Тимирязевская «Жизнь растенія», два-три «опредѣлителя»—вотъ и весь запасъ оригинальной русской литературы по ботаникѣ. Прибавимъ сюда нѣсколько переводныхъ книгъ, во главѣ которыхъ, конечно, стоитъ Кернеровская «Жизнь растеній»—вотъ и все, что имѣетъ русскій читатель.

Заполнить промежутокъ между отвлеченной «Жизнью растенія» Тимирязева и черезчуръ фактично-конкретными таблицами для опредѣленія растеній—вотъ главная задача книги Д. Н. Нелюбова. Чрезвычайно важно достичь того, чтобы, при ознакомленіи съ различными процессами, происходящими въ растеніи, и вообще съ жизненными явленіями и отношеніями различныхъ растеній, у читателя эти отвлеченные процессы связывались съ болѣе или менѣе опредѣленными представленіями объ отдѣльныхъ растеніяхъ. И въ особенности интересно все это, когда для объясненія сложнѣйшихъ процессовъ и явленій оказывается возможнымъ брать примѣры изъ числа самыхъ обычныхъ, всѣмъ извѣстныхъ растеній. Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ объ изученіи отдѣльныхъ растеній, весьма важно, чтобы это изученіе не было случайнымъ, безсистемнымъ, необходимо, чтобы былъ въ этомъ дѣлѣ извѣстный планъ.

Таковы задачи разсматриваемой книги. Сообразно тому, состоитъ она изъ двухъ частей; въ первой дѣлается очеркъ жизни растеній, во второй—говорится о сходствѣ растеній между собою и дается понятіе о классификаціи.

Достоинства двухъ частей книги весьма разныя.

Первая часть представляетъ хорошо составленный очеркъ важнѣйшихъ проявленій жизни растеній. Здѣсь говорится о явленіяхъ дыханія растеній, о поглощеніи воды и питательныхъ растворахъ; говорится объ усвоеніи углерода, о выдѣленіи воды, укрѣпленіи на почвѣ и въ пространствѣ, о различныхъ способахъ питанія, о размноженіи растеній, объ отложеніи запасныхъ веществъ и о зимнемъ покоѣ—всего здѣсь девять главъ. Почему-то не говорится о ростѣ растеній и о движеніяхъ у растеній.

Въ общемъ, эта часть книги является вполнѣ удовлетворяющею своему назначенію и съ пользой и интересомъ будетъ прочтена лицами, желающими ознакомиться съ основами ботаники. Можно, конечно, сдѣлать и здѣсь нѣсколько замѣчаній, напр., хотя бы по поводу того, что говорится о процессѣ оплодотворенія. Намъ думается, можно было бы сказать объ этомъ важномъ процессѣ нѣсколько больше и, во всякомъ случаѣ, упомянуть о существованіи въ растительномъ царствѣ и даже у цвѣтковыхъ растеній—сперматозоидовъ. Нѣсколько недосмотровъ въ первой части представляютъ опечатки въ родѣ, напр., Sagillaria на стр. 139, другіе—произошли вслѣдствіе небрежности, напр., Trollius europea, Trogopogon и др.

Гораздо слабѣе и менѣе интересна вторая часть книги. Какъ сообщаетъ и авторъ книги, онъ былъ связанъ до извѣстной степени готовыми уже таблицами рисунковъ (хромолитографій), изображающихъ 141 растеніе. Изъ числа этихъ растеній многія въ Россіи не встрѣчаются и представляютъ такимъ образомъ лишь опасный балластъ для русскаго любителя флоры, такъ какъ здѣсь легко можетъ явиться соблазнъ назвать собранное въ Россіи растеніе именемъ похожаго заграничнаго, изображеннаго на таблицѣ.

Въ началѣ второй части своей книги авторъ говоритъ между прочимъ: «Сходство найденнаго растенія по общему виду съ изображеннымъ на рисункѣ часто бываетъ недостаточнымъ... надо найти его отличительные признаки». Авторъ хотѣлъ, очевидно, сказать другое, но выходитъ такъ, какъ будто именно надо искать лишь *отличительные признаки* собраннаго растенія отъ близкаго изображеннаго. Вторая часть книги начинается спискомъ терминовъ, который будетъ весьма не безполезенъ для начинающихъ. Далѣе слѣдуютъ «описанія (32-хъ) отдѣльныхъ растеній», затѣмъ разсужденіе «о распредѣленіи растеній на группы» и затѣмъ «описанія семействъ», т.-е. собственно описанія

тѣхъ растеній, которыя изображены на крашеныхъ таблицахъ. Здѣсь принята система Бентама и Гукера, хотя розоцвѣтныя попали почему то между лютиковыми и нимфейными, сфагнумъ между папоротниками и хвощами.

Въ заключеніе надо сказать, что книга Д. Н. Нелюбова, въ общемъ, съ пользой будетъ прочтена широкимъ кругомъ читателей и несомнѣнно многихъ заинтересуетъ и подвинетъ къ дальнѣйшему изученію окружающей растительности.

Издана книга изящно, рисунки недурные, цѣна недорогая. *Б. Федченко.*

Австралія. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. Изданіе т-ва Кушнерева. Москва. 1903. Цѣна 1 р. 50 к. Не прошло еще и трехъ лѣтъ со времени выхода «Азіи» перваго изъ серіи географическихъ сборниковъ, издаваемой кружкомъ энергичныхъ московскихъ преподавателей географіи, какъ мы имѣемъ удовольствіе привѣтствовать появленіе пятой книги посвященной пятой части свѣта, Австраліи.

Въ общемъ «Австралія» составлена по тому же плану, что и предыдущіе сборники и отличается тѣми же выдающимися достоинствами. Изъ числа 42-хъ помѣщенныхъ здѣсь статей, очень немногія написаны русскими, большая же часть представляетъ впервые появляющіеся переводы. Повидимому, составители избѣгали однако пользоваться англійскою литературой.

Хотѣлось бы видѣть въ «Австраліи» болѣе подробное описаніе общественной жизни и государственнаго строя. Вообще природѣ, Австраліи удѣлено больше вниманія, чѣмъ людямъ. Отмѣтимъ между прочимъ опечатку въ латинскомъ названіи новозеландскаго льна: Formium вмѣсто Phormium. Изъ числа приложенныхъ рисунковъ 10—на отдѣльныхъ листахъ, 38—въ текстѣ.

Издана книга совершенно такъ же, какъ и первые четыре сборника и безусловно заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. *Б. Федченко.*

Б. Федченко и А. Флеровъ. Руководство къ собиранію растеній и составленію гербарія. Изд. Сабашниковыхъ. 36 стр., 3 рис. М. 1902 г. Въ предисловіи авторы говорятъ, что «цѣль предлагаемой книжки—дать любителямъ-ботаникамъ краткое руководство къ собиранію растеній и составленію гербарія», указывая при этомъ на значеніе для относительно мало изслѣдованной въ флористическомъ отношеніи Россіи составленія гербаріевъ любителями.

Книжка раздѣляется на 4 отдѣла. Въ первомъ (собираніе растеній) описываются приборы и инструменты, необходимые для занятій, а также даются детальныя замѣчанія по сбору нѣкоторыхъ растеній. Второй отдѣлъ посвященъ опредѣленію растеній; въ числѣ опредѣлителей почему-то пропущено совершенно не заслуживающее этого «Руководство къ опредѣленію растеній Московской губ.» Петунникова *). Указывается на существованіе обмѣна гербаріями при Юрьевскомъ ботаническомъ саду и на «гербарій русской флоры», издаваемый академіей наукъ. Въ третьемъ отдѣлѣ (засушиваніе растеній) сообщаются способы сушки, причемъ значительное мѣсто отводится новѣйшимъ способамъ Литвинова и Хорошкова-Ростовцева. Оцѣнка авторами послѣдняго способа намъ кажется вполнѣ справедливою. Четвертый отдѣлъ — устройство гербарія.

Въ общемъ, книжка производитъ пріятное впечатлѣніе, несмотря на нѣкоторую сухость изложенія. Въ этомъ отношеніи намъ больше нравится первое руководство авторовъ (изд. 1896 г.), которое въ гораздо большей степени способно возбудить интересъ читателей къ собираемымъ ими растеніямъ.

Г. Т.

---

*) Между прочимъ, авторы въ своемъ „Краткомъ руководствѣ къ собиранію растеній и составленію гербарія“, изданномъ въ 1896 г., находятъ возможнымъ упомянуть объ указанномъ опредѣлителѣ Петунникова.

А. Флеровъ и Б. Федченко Пособіе къ изученію растительныхъ сообщеній средней Россіи. 184 стр., 14 Рис. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1902 г. Ц. 45 к. Изданіемъ настоящей книжки авторы заполняютъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей ботанической литературѣ, посвященной начинающимъ, пробѣлъ, который уже давно давалъ себя сильно чувствовать. Какъ видно изъ предисловія, авторы хотятъ оказать помощь ботаникамъ-любителямъ, «пожелавшимъ глубоко заглянуть въ жизнь растеній, изучаемой ими области», обстоятельство, съ которымъ приходится сталкиваться каждому, болѣе серьезно относящемуся къ своимъ занятіямъ ботаникой. Въ силу этого, въ принципѣ такое желаніе можно только привѣтствовать.

Введеніе посвящено объясненію термина «растительныя сообщества» и установленію группъ сообществъ, встрѣчающихся въ средней Россіи. Авторы насчитываютъ ихъ 7: 1) группа водныхъ сообщ., 2) группа болотныхъ сообщ., 3) группа лѣсныхъ сообщ., 4) группа степныхъ сообщ., 5) гр. сообщ. обнаженій и склоновъ, 6) группа луговыхъ сообщ. и 7) группа сообщ. культурныхъ, вызванныхъ дѣятельностью человѣка. Въ отношеніи тщательности разработки этихъ группъ первое мѣсто принадлежитъ 1-й и 2-й группамъ гдѣ указываются, что намъ кажется весьма важнымъ, біологическія особенности разбираемыхъ растительныхъ группъ. Въ третьей главѣ (лѣсныя сообщ.) подробно разбирается смѣна древесныхъ породъ. Съ этой главы описанія начинаютъ ужъ очень пестрить русскими и латинскими названіями растеній и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и болѣе въ нихъ начинаетъ утопать текстъ. Остановимся на IV-й главѣ (группа степныхъ сообщ.). Прежде всего, насъ удивляетъ, отчего бы вмѣсто хотя бы пространнаго описанія порядка цвѣтѣнія цѣлинныхъ *) растеній, заимствованныхъ у Танфильева (стр. 2), не дать характеристику біологическихъ особенностей ксерофитовъ и, что еще важнѣе, сжатое изложеніе гипотезъ по вопросу о степяхъ Коржинскаго, Краснова, Таліева, Танфильева и др. Напрасно авторы боялись «увеличить размѣры книжки и отвлечься далеко отъ цѣли этого пособія»; мы лично думаемъ, что степные вопросы стоятъ настолько близко къ излагаемому предмету, что пропускъ ихъ является значительнымъ пробѣломъ, въ которомъ и приходится упрекнуть авторовъ. Намъ кажется, что всякій, желающій «глубже заглянуть въ жизнь растеній», долженъ непремѣнно столкнуться съ этими вопросами, такъ какъ ради нихъ и изучаются сами сообщества. Во всякомъ случаѣ, авторы могли бы хотя бы въ сноскахъ указать на существованіе таковой литературы (вообще авторы почему-то не признали нужнымъ дѣлать какія-либо указанія по литературѣ предмета). Пятая глава посвящена сообществамъ обнаженій и склоновъ. Въ отдѣлѣ песковъ авторы слишкомъ бѣгло касаются процесса постепеннаго задернѣнія песковъ растительностью и даже при благопріятныхъ условіяхъ облѣсѣнія песковъ. Ни въ этой, ни въ слѣдующихъ главахъ ничего опять-таки не говорится о біологическихъ особенностяхъ группъ, и надо признать вообще— эти главы изложены неинтересно. Странно къ тому же и полное устраненіе интересной въ гораздо большей степени, чѣмъ флора, напримѣръ, залоговъ (гл. VII), флоры мѣловыхъ обнаженій. Насъ, между прочимъ, еще удивляетъ стремленіе авторовъ приводить сюда русскія названія растеній даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ въ русскомъ народномъ ботаническомъ словарѣ нѣтъ. Всѣ эти барбареи (Barbarea), хориспоры (Chorispora), диграфисы (Digraphis) и пр. рѣжутъ привычное ухо. Къ чему онѣ, когда тутъ же рядомъ стоитъ то же латинское слово; вѣдь книжка предназначается, какъ видно изъ предисловія, для «ознакомившихся путемъ гербаризаціи и опредѣленія растеній флорой»,

*) Цѣлина, гдѣ наблюдалъ Танфильевъ, находится въ *Старобѣльскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи.*

слѣдовательно, лицъ, знакомыхъ съ терминологіей и умѣющихъ разбирать латинскія названія.

Къ каждой главѣ авторами приложенъ рядъ (довольно много) вопросовъ, дающихъ темы для самостоятельныхъ занятій. Къ сожалѣнію подборъ ихъ не всегда можно назвать удачнымъ (гл. IV, V).

Въ отдѣльномъ приложеніи указывается значеніе фотографій для ботаники, съ чѣмъ трудно не согласиться кому приходилось имѣть дѣло хотя бы съ флористическимъ описаніемъ мѣстности.

Что касается рисунковъ, изъ которыхъ большинство было приложено къ «Флорѣ Владимірской губ.» Флерова, то они прекрасно иллюстрируютъ текстъ; нѣсколько неудаченъ только четвертый.

Въ общемъ, мы надѣемся, что настоящая книжка найдетъ достаточно широкое распространеніе, и во второмъ ея изданіи авторы не будутъ бояться излишней полноты. Цѣну 45 коп. нельзя назвать высокою. *Г. Ш.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Къ юбилею Некрасова.

«Всякій выходящій изъ народа, при самомъ маломъ даже образованіи, пойметъ уже много у Некрасова», писалъ Достоевскій въ своемъ дневникѣ сейчасъ послѣ смерти Некрасова. «Въ будущемъ народъ отмѣтитъ Некрасова», прибавлялъ онъ дальше. Съ тѣхъ поръ прошло 25 лѣтъ, во многихъ мѣстахъ Россіи устраиваются юбилейныя торжества въ память поэта и невольно съ особою силой встаетъ вопросъ: знаетъ ли читатель изъ народа Некрасова, понялъ ли онъ и «отмѣтилъ» ли его? Какъ ни больно, но нужно признать, что *въ массѣ* народъ не знаетъ Некрасова, но не потому, что не могъ бы понять его, а потому, что, въ силу чисто внѣшнихъ условій, сочиненія Некрасова почти совершенно недоступны для него. Между тѣмъ, можно ли сомнѣваться, что теперь, черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Некрасова, число читателей изъ народа, способныхъ понять не только *многое* у Некрасова, но и *всего* Некрасова, выросло до огромныхъ размѣровъ, да не мало, конечно, и такихъ, которые уже знаютъ Некрасова и «отмѣтили» его, какъ своего любимаго и близкаго поэта. Популярная литература чрезвычайно бѣдна книжками, посвященными Некрасову. Кромѣ біографіи, изданной Павленковымъ, въ его серіи біографій замѣчательныхъ людей, можно указать лишь двѣ доступныхъ біографіи: одна, составленная Вѣтринскимъ (изданіе Муриновой), и другая, составленная А. Ф—вымъ (изданіе Поповой 1900 г. Ц. 20 к.). Въ этой книжкѣ приведено очень много стихотвореній Некрасова самаго разнообразнаго характера, въ выдержкахъ и цѣликомъ. Въ біографіи особенно подробно разсказывается о первыхъ годахъ петербургской жизни Некрасова. Къ днямъ юбилея Некрасова появилось, если не ошибаемся, всего только двѣ книжки, посвященныя жизни и произведеніямъ «пѣвца народной скорби». Но зато одна изъ этихъ книгъ (Д. И. Тихомирова) допущена въ народныя и школьныя библіотеки и читальни и прокладываетъ такимъ образомъ болѣе широкій путь въ народную среду также и сочиненіямъ Некрасова.

Н. А. Некрасовъ. Его жизнь и сочиненія. Составила Л. Хавкина Дешевыя изданія Сытина. М. 1903 г. Ц. 5 к. стр. 71. Эта небольшая и очень доступная какъ по цѣнѣ, такъ и по изложенію книжка предназначена, повидимому, для читателей мало развитыхъ и не начитанныхъ. Книжка состоитъ собственно изъ біографіи Некрасова и характеристики сочиненій его. Если смотрѣть на очеркъ г-жи Хавкиной, какъ на біографію въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, то нужно признать, что написанъ онъ недурно, въ высшей степени про-

сто и задушевно. Но эта біографія рисуетъ жизнь Некрасова съ чисто внѣшней стороны, тогда какъ вся сложная душевная жизнь поэта, такъ тѣсно связанная съ внѣшними условіями его жизни, какъ бы не существуетъ для г-жи Хавкиной. Поэтому, когда авторъ послѣ описаній внѣшнихъ успѣховъ Некрасова въ Петербургѣ, вдругъ считаетъ нужнымъ сказать что-нибудь и о внутренней сторонѣ его жизни и прибавляетъ: «Но не тѣшило его все это. Все чаще и чаще находили на него приступы тоски, когда онъ по два дня не показывался изъ своей комнаты и твердилъ, что все ему въ жизни надоѣло, а больше всего онъ самъ себѣ опротивѣлъ», то строки эти не только непонятны для читателя по отсутствію какой бы то ни было мотивировки, но и выражены такъ грубо-наивно, что просто больно читать. Въ характеристикѣ творчества Некрасова г-жа Хавкина останавливается преимущественно на его описаніяхъ природы и картинахъ русской жизни, на его отношеніи къ дѣтямъ и къ женщинамъ, въ особенности матерямъ. «Поэзія всегда имѣетъ большое воспитательное вліяніе на людей. Изображая жизнь въ картинахъ, она учитъ людей жить»—такъ г-жа Хавкина объясняетъ значеніе поэзіи вообще и поэзіи Некрасова въ частности. Сочувствіе къ горю людскому, вотъ главный мотивъ его поэзіи и г-жа Хавкина перечисляетъ затѣмъ всѣхъ, кого жалѣетъ Некрасовъ. «Его трогательныя описанія вызываютъ сочувствіе и жалость къ несчастнымъ и обездоленнымъ, желаніе помочь имъ, облегчить ихъ судьбу...» Поэзія Некнасова въ трогательныхъ описаніяхъ, въ правдивой обрисовкѣ жизни народа, учитъ она насъ лишь жалости и сочувствію горю людскому—таковъ весь Некрасовъ—въ изображеніи г-жи Хавкиной. Гдѣ же его муза мести и негодованія? Ея нѣтъ здѣсь, какъ нѣтъ Некрасова лирика, давшаго столько потрясающихъ картинъ душевныхъ мукъ своихъ, какъ нѣтъ и Некрасова сатирика, укоряющаго и обличающаго. Все что говоритъ г-жа Хавкина о Некрасовѣ совершенно вѣрно, все она подтверждаетъ ссылками на его стихотворенія, но это не весь Некрасовъ, это только одна его сторона. Отчего бы ни произошло это умаленіе и одностороннее освѣщеніе творчества Некрасова—отъ слишкомъ ужъ сильнаго стремленія «упростить» Некрасова ради читателя изъ народа, или отъ наивнаго непониманія самимъ авторомъ личности и поэзіи Некрасова,—во всякомъ случаѣ, по книжкѣ г-жи Хавкиной читатель не узнаетъ настоящаго Некрасова, а познакомится лишь съ его біографіей и нѣкоторыми стихотвореніями. Для дѣтей-читателей этого, можетъ быть, и достаточно.

Н. А. Некрасовъ. Чтеніе для школъ и народа Д. И. Тихомирова. Съ приложеніемъ избранныхъ стихотвореній и портрета Н. А. Некрасова. Особымъ отд. учен. ком. мин. нар. просв. допущена въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Москва. 1903 г. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Цѣна 10 коп. Стр. 56.

Какъ видно изъ заглавія книги Д. И. Тихомирова, она имѣетъ въ виду два разные типа читателей: учащихся дѣтей и взрослыхъ крестьянъ. Это не могло не отразиться на содержаніи чтенія, побудивъ автора позаботиться, съ одной стороны, о большей полнотѣ и серьезности чтенія, въ виду читателей взрослыхъ, съ другой стороны, въ виду читателей-дѣтей, сдѣлать изложеніе не только вполнѣ понятнымъ, но и нѣсколько смягчить его, т.-е. устранить кое-что рѣзкое, нѣкоторые контрасты и противорѣчія, безъ которыхъ такъ трудно характеризовать Некрасова и его время. Тѣмъ не менѣе чтеніе Д. И. Тихомирова дастъ и дѣтямъ, и взрослымъ несравненно больше матеріала не только для знакомства съ личностью Н., но и для пониманія его поэтическаго творчества, чѣмъ книжка г-жи Хавкиной. Въ видѣ предисловія, авторъ вкратцѣ сообщаетъ объ эпохѣ реформъ Александра II, о роли друзей свободы писателей того времени, въ числѣ которыхъ былъ и Некрасовъ. Дальше разсказывается

біографія Н., въ первой очень обстоятельной главѣ которой «Уроки дѣтской жизни», оттѣнены не только темныя стороны дѣтства поэта, но также и свѣтлыя. Въ главѣ второй «Годы ученья» разсказывается о зачаткахъ поэтическаго вдохновенія у Н. о первыхъ годахъ жизни въ Петербургѣ и объ окончательномъ переходѣ къ литературному труду, какъ его истинному призванію. Литературный трудъ Н. составляетъ содержаніе слѣдующей главы, въ которой разсказывается объ успѣхахъ Н., о его знакомствѣ съ Жуковскимъ и Бѣлинскимъ и журнальной работѣ.

О послѣдней, впрочемъ, сказано слишкомъ ужъ мало, всего нѣсколько строчекъ, причемъ ни «Современникъ», ни «Отеч. Записки» даже не названы, а упоминается лишь, что Н. стоялъ во главѣ «самаго распространеннаго изъ тогдашнихъ журналовъ». Настроеніе Н. того времени характеризуется такъ: «Въ его душѣ жилъ всегда свѣтлый примѣръ горделиваго терпѣнія его матери; живы были въ немъ и примѣры неусыпнаго крестьянскаго труда и выносливости, и самъ онъ былъ настойчивъ, смѣлъ и отваженъ, а крестьянская жизнь и свой собственный горькій опытъ научили его находчивости при нуждѣ и практичности». По словамъ г. Тихомирова, Некрасовъ становится обличительнымъ по-этомъ, онъ осмѣиваетъ пошлость, низкопоклонство, произволъ надъ беззащиткыми, плутовство; онъ печалуется о жизни обиженнаго бѣдняка, о нищетѣ, доводящей человѣка до огрубѣнія и порока, клеймитъ позоромъ всякую неправду; онъ воспѣваетъ всѣхъ, кто, забывая о себѣ, отдаетъ свои силы на служеніе другимъ и т. д. Уже изъ этихъ примѣровъ видно, какъ разносторонне очерчиваетъ г. Тихомировъ личность и поэзію Н. Въ дальнѣйшихъ главахъ: «Пѣвецъ народной жизни», «Поэтъ гражданинъ» и «Слава Некрасова», указываются главные мотивы творчества Некрасова: его любовь къ народу и матери, требованіе свободнаго развитія въ каждомъ его высшихъ человѣческихъ стремленій, призывъ къ самопожертвованію въ борьбѣ за брата человѣка, наконецъ, отношеніе поэта къ своему творчеству—его муки безотвѣтной, какъ казалось тогда, любви къ народу, муки сомнѣнія въ себѣ—все это нашло себѣ мѣсто на страницахъ очерка Д. И. Тихомирова и все подтверждается ссылками на стихотворенія Н., среди которыхъ попадаются и отрывки изъ его лучшихъ лирическихъ стихотвореній.

Такимъ образомъ, въ чтеніи г. Тихомирова, поскольку это возможно въ небольшомъ общедоступномъ очеркѣ, читатель узнаетъ настоящаго Н., увидитъ его во весь ростъ со всѣмъ богатствомъ мотивовъ его творчества.

При этомъ, однако, нельзя не указать на одну особенность почтеннаго автора чтенія,—особенность, которая можетъ быть объяснена, пожалуй, стремленіемъ приноровиться къ уровню пониманія дѣтей-читателей. Это, черезчуръ ужъ умышленно сентиментальное отношеніе къ реформамъ 60-хъ годовъ, сказывающееся особенно ярко въ предисловіи (стр. 5 и 6) и въ концѣ главы IV (стр. 32—33). При чтеніи всѣхъ этихъ выдержекъ изъ Некрасова какъ-то невольно вспоминаются тѣ общеизвѣстныя мѣста изъ другихъ стихотвореній Н., которыя довольно рѣзко нарушаютъ гармонію радости и славославія г. Тихомирова. Въ связи съ этою особенностью настроенія автора стоятъ и такія выраженія, не отвѣчающія, по нашему мнѣнію, настроенію эпохи и самого Н., какъ, напр.: «Лучшіе русскіе люди *терпѣливо* ожидали великаго дня, когда, по манію царя падетъ вѣковое рабство», или «такъ познакомился Н. съ нищетой столичною и самъ *терпѣливо* переносилъ такую же горькую жизнь».

Въ заключеніе, разсказывая о похоронахъ Н., г. Тихомировъ упоминаетъ отдѣльно почему-то объ одной только рѣчи—протоіерея Горчакова, добавляя въ скобкахъ «профессоръ университета», не упоминая въ то же время о рѣчахъ гораздо болѣе извѣстныхъ почитателей поэта, какъ Достоевскій и другіе.

Подводя итоги всему сказанному, можно, не колеблясь, признать, что луч-

шею изъ двухъ юбилейныхъ книжекъ о Некрасовѣ и по содержанію, и по изложенію является, безспорно, книга Д. И. Тихомирова, дающая полный и разносторонній очеркъ жизни и творчества Н. Поэтому нельзя не привѣтствовать съ особою радостью допущеніе этой книжки не только въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, но и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. Пожелаемъ же, чтобы поскорѣе были допущены туда же безъ всякихъ ограниченій и сочиненія Некрасова, которымъ давно пора появиться также въ болѣе дешевомъ изданіи. Это тѣмъ болѣе важно, что книжка Д. И. Тихомирова, несомнѣнно, вызоветъ у читателей изъ народа самое горячее желаніе познакомиться со *всѣми* произведеніями великаго поэта, чтобы затѣмъ «отмѣтить» его, какъ предсказывалъ 25 лѣтъ назадъ Достоевскій.

Кромѣ книгъ о Некрасовѣ, къ днямъ юбилейныхъ торжествъ въ продажѣ появились также два листа иллюстрацій, посвященныхъ Некрасову.

Ярославское общество для содѣйствія народному образованію издало листокъ «На память о Некрасовѣ». На листкѣ, украшенномъ орнаментами, помѣщенъ литографированный портретъ Н. А. Некрасова, съ надписью: «Сѣйте разумное, доброе и т. д.», такой же видъ Волги и снимки съ картинъ: Рѣпина—«Бурлаки», Перова — «Крестьянскія похороны» и Мясоѣдова—«Чтеніе положенія 19-го февраля 1861 года». Выборъ картинъ сдѣланъ очень удачно, но отпечатаны снимки блѣдно, неясно и въ слишкомъ миніатюрныхъ размѣрахъ. Портретъ поэта вышелъ удачнѣе другимъ снимковъ. Біографія Некрасова написана такъ лаконично, что напоминаетъ формуляръ поэта, а характеристика его поэзіи сдѣлана въ слѣдующихъ словахъ: «Въ своихъ стихахъ Некрасовъ былъ пѣвцомъ народной скорби и предрекалъ улучшеніе жизни крестьянъ и бѣдныхъ людей на Руси». Еще одно маленькое замѣчаніе: заглавная надпись сдѣлана хотя и довольно красиво, но такимъ замысловатымъ шрифтомъ (что-то въ родѣ «вязи»), что деревенскимъ грамотеямъ придется не мало помучиться, прежде чѣмъ они разберутъ, что она означаетъ. Продажная цѣна листка (не обозначенная на немъ) 10 коп.—непомѣрно высока.

Товариществомъ И. Д. Сытина изданъ другой листъ иллюстрацій къ стихотвореніямъ Некрасова. На большомъ листѣ вокругъ портрета Некрасова въ отдѣльныхъ медальонахъ помѣщены семь картинокъ, изображающихъ: несжатую полосу, видъ Волги, сцену изъ Коробейниковъ и кому на Руси жить хорошо, Дарью въ лѣсу (изъ Морозъ—красный носъ), сельскую ярмарку и Савелія богатыря святорусскаго. Подъ четырьмя изъ картинокъ приведены соотвѣтствующія четверостишія, тоже подъ портретомъ, гдѣ стоятъ слѣдующія прекрасныя слова поэта: «Примиритесь же съ музой моей. Я не знаю другого напѣва. Кто живетъ безъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчизны своей...»

Если выборъ иллюстрацій на этомъ листѣ менѣе интересенъ, чѣмъ на Ярославскомъ, то исполненіе его много лучше. Нарисованы картинки очень не дурно, отпечатаны въ нѣсколько красокъ, отчетливо и ярко, и только портретъ поэта нѣсколько испорченъ тѣмъ синеватымъ оттѣнкомъ, который рѣзко замѣтенъ на волосахъ и бородѣ его. Цѣна листа 5 коп. совсѣмъ невысока. *М. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫ А

отъ 15-го декабря до 15-го января.

П. Масловъ. Условія развитія сельск. хозяйства въ Россіи. Изд. М. И. Водовозовой. Ц. 2 р. 75 к. Спб.

Литвиновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ. Изд. Суворина. Ц. 3 р. 1903 г.

Е. Некрасовъ. Народныя книги для чтенія. Изд. вятск. губ. земства. Ц. 40 к.

П. А. Голубева. Вятское земство. Ц. 50 к.

Эв. Рамовичъ. Индивидуальность и прогрессъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Катаевъ. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Мск. 1903 г. Ц. 80 к.

Пьеръ Жане. Неврозы и фиксиров. идеи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Куно Фишеръ. Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. Лоріа. Соціологія. Изд. «Общественной Пользы». Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Изд. Стасюлевича. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 75 к.

Р. Нелюбинъ. Критико-біографич. этюдъ. Р. К. Изд. Г. Я. Кестнера. Спб. 1903 г.

Вартаньянцъ. Гл. Успенскій и Н. В. Гоголь и ихъ отношеніе къ крѣпостному строю. Тифлисъ. 1902 г. 20 к.

Авотъ Раби Нафанъ. Талмудъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Сборникъ работъ гигіенической лабораторіи. Подъ ред. проф. Хлопина. Юрьевъ. 1902 г.

Лубенцъ. Педагогическія бесѣды. Изд. кн. маг. Луковникова. 1903 г. Ц. 1 р.

М. Нордау. Собраніе сочиненій. Т. IX и X. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г.

Н. Карѣевъ. Учебная книга древней исторіи. Изд. Стасюлевича. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.

Его же. Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Изд. то же. Ц. 1 р. 10 к.

Давидъ Юмъ. Изслѣдованія человѣч. разумѣнія. Изд. Пирожкова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Вяч. Ивановъ. Кормчія звѣзды. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Гольденвейзеръ. Вопросы вмѣненія и уголовной отвѣтственности. Спб. 1902 г.

С. Бутурлинъ. Кулики росс. имперіи. Премія къ журн. «Псовая и ружейн. охота». Тула. 1902 г. Вып. I.

А. Чеглокъ. Родная природа. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Л. Морганъ. Изъ міра животныхъ. Изд. Беркосъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Клем. Гельмъ. Какъ я провела свою юность. Мск. 1902 г.

Литературный сборникъ. Кіевъ. 1903 г. Ц. 2 р.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ масонствѣ. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

М. Чернявскій. Зори. Сборникъ поэзіи. Кіевъ. 1903 г. Ц. 65 к.

В. Л. Дѣдловъ. Лирическіе разсказы. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Шевченко. Святочная хрестоматія. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.

Н. И. Березинъ. Природа и люди Олонецкаго края. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.

Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь. Спб. 1902 г.

П. Соломко. Маленькія драмы. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

В. Обнинскій. Сказки. Спб. 1903 г. Ц. 20 к.

Вѣра. Одна за многихъ. Мск. 1903 г. Ц. 50 к.

Маркъ Твэнъ. Личныя воспомин. о Жаннѣ д'Аркъ ея пажа и секретаря Луи де-Конта.

А. Амфитеатровъ. Сказочныя были. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Н. Горинъ. Основныя идеи и произведенія М. Горькаго. Ц. 30 к.

Брешко-Брешковскій. Въ царствѣ красокъ. Пов. и разсказы. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

М. Никольскій. Пѣсни страсти востока. Стихотворенія. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

В. Яковенко. Австралійскія легенды. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

Н. Благовѣстовъ. Стихотворенія. Харьковъ. 1903 г. Ц. 40 к.

Т. Г. Шевченко. Мотивы поэзіи. Съ иллюстраціями и фрагм. музыки. Изд. Дремцова. Вып. I. Ц. 45 к.

Гоголь. Избранныя сочиненія. Изд. вятск. губ. земства. 3 тома. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Тарасъ Бульба. Иллюстр. изд. то же. Ц. 18 к.

Его же. Женитьба. Изд. то же. Ц. 10 к.

Его же. Ревизоръ. Изд. то же. Ц. 12 к.

Его же. Сорочинская ярмарка. Изд. то же. Ц. 7 к.

Его же. Майская ночь. Изд. то же. Ц. 7 к.

В. П. Острогорскій. Н. В. Гоголь. Лит.-біогр. очеркъ. Ц. 8 к.

М. Н. Загоскинъ. Юрій Милославскій. Ц. 40 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя сочиненія. Ц. 50 к.

Его же. Пѣсня про купца Калашникова. Ц. 30 к.

Его же. Мцыри. Ц. 3 к.

Его же. Бэла. Ц. 5 к.
Его же. Бояринъ Орша. Ц. 3 к.
Его же. Демонъ. Ц. 4 к.
Станюковичъ. Васька. Ц. 8 к.
Его же. Пропавшій матросъ. Ц. 5 к.
Его же. На каменьяхъ. Ц. 5 к.
Ивановскій. Худая болѣзнь. Ц. 6 к.
Вишневскій. О пищѣ. Ц. 10 к.
Его же. О прилипчивыхъ и заразныхъ болѣзняхъ. Ц. 6 к.
Братчикова. Какъ осматривать лошадь при покупкѣ. Ц. 3 к.
Соломенныя постройки въ Котельническ. уѣздѣ Вятск. губ.
Горностаевъ. Приготовленіе извести. Ц. 4 к.
Горностаевъ и Шкляевъ. Кирпичное производство. Ц. 6 к.
Жирновъ. Какъ дѣлать черепицу. Ц. 6 к.
Горностаевъ и Дремцовъ. Бесѣды о вредныхъ насѣкомыхъ. Ц. 7 к.
Женская доля. Сборникъ избран. стихотв. русск. поэтовъ. Ц. 10 к.
Т. Шевченко. Катерына. Кіевъ. 1903 г. Ц. 2 к.
Ф. Смородскій. Новые мотивы. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.
Шекспиръ. Собраніе сочиненій. Т. II. Подъ ред. С. Венгерова. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 1902 г.
П. Н. Аріанъ. Первый женскій календарь. Изд. Германа и Гоппе. Сб. 1903 г. Ц. 1 р.
Черный король. Альманахъ. Обозрѣнія за 1902 г. Ц. 1 р.
Владимірскій календарь и памятная книжка. 1903 г.
Извѣстія о сост. сельск. хозяйства Полт. губ. за 1902 г.
Краткое руководство къ возведенію кирпичныхъ крестьянскихъ постр. Вятка. 1903 г.
Э. Ф. Лейденъ. Какъ предохранить себя отъ чахотки. Изд. д-ра Лейненберга. Одесса. 1903 г. Ц. 15 к.
В. Д. Бубликъ. Кіевскій календарь на 1903 г. Ц. 40 к.
Списокъ книгъ, разрѣшенныхъ м—ствомъ народн. просвѣщ. Изд. тверск. губ. земства.
А. В. Пановъ. Домашнія библіотеки. Нижній-Новг. 1903 г. Ц. 30 к.
Новомбергскій. Очерки по исторіи аптечнаго дѣла допетровской Руси. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.
М. Базилевичъ. Меланома въ ряду злокачествен. новообразованій. Житоміръ. 1902 г.
Его же. Гомологи эмбріональн. вещества.
Его же. Пластическая роль бѣлаго кровян. шарика.
Его же. О происхожденіи эфемерныхъ клѣточныхъ вегетацій.
Подоба. Сердце и школа. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.
Отчетъ по естественно-истор. музею тавр. губ. земства за 1902 г.
Таблицы для опредѣленія матеріаловъ. Спб. Изд. Риккера. Ц. 80 к.
А. Меньшиковъ. Какъ устраивать праздникъ древонасажденія въ школахъ. Вятка. 1902 г. Ц. 25 к.
И. С. Штейнгауэръ. Общій курсъ географіи. Спб. Изд. Карбасникова. 1902 г. 50 к.
Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ физической географіи. Спб. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 80 к.
Псковская губернія наканунѣ зимы 1902—1903 года. Вып. II.
Статистич.-ежегодникъ полт. губ. земства на 1902 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Un peuple antique*», *Au Pays de Ménélik. Les Galla grande nation africaine, par Martial de Salviac. 2-me édition. Paris.* (*Oudin*) *7 fr. 50.* (*Древній народъ*). Народъ, населяющій Абиссинію — галласы, до сихъ поръ еще недостаточно хорошо изученъ европейцами, несмотря на то, что уже многіе европейскіе путешественники побывали въ Абиссиніи и при дворѣ Менелика находятся европейцы. Происхожденіе галласовъ также не вполнѣ установлено и на этотъ счетъ существуютъ различныя гипотезы. Въ своей книгѣ авторъ развиваетъ одну изъ этихъ гипотезъ, доказывающую, что галласы — гальскаго происхожденія. Такъ какъ авторъ давно живетъ въ Абиссиніи въ качествѣ миссіонера, то имѣлъ возможность хорошо изучить этотъ народъ и поэтому книга его изобилуетъ интересными описаніями страны, ея географическихъ условій, нравовъ и обычаевъ ея населенія и ея политическихъ и другихъ учрежденій. Иллюстраціи, приложенныя къ тексту, не всѣ одинаковаго достоинства.

(Polybiblion).

«*Les Entrailles de la Terre*» *par E. Caustier. Paris* (*Nony*). *10 fr.* (*Нѣдра земли*). Это популярно-научная книга, прекрасно иллюстрированная, въ которой разсказываются всѣ новѣйшія изслѣдованія, касающіяся земли. Особенный интересъ представляетъ первая часть, относящаяся къ дѣятельности вулканическихъ силъ. Во второй части говорится о рудныхъ мѣсторожденіяхъ и, главнымъ образомъ, о каменноугольныхъ пластахъ. Книга снабжена геологическими картами и иллюстраціями.

(Polybiblion).

«*Le Savant du Foyer, nation scientifques sur les objets usuels de la vie, pr Daniel Pellet. Paris* (*Hachette*). *Illustrée 210 gravures. 8 fr.* (*Домашній ученый*). Очень полезная книга, въ которой можно найти отвѣты на многіе вопросы, интересующіе человѣка въ окружающей его жизни. Авторъ сообщаетъ научны свѣдѣнія о всѣхъ предметахъ обыденной жизни, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ обойтись; онъ говоритъ о воздухѣ и пищѣ, одеждѣ, жилищахъ, украшеніяхъ, необходимыхъ орудіяхъ, освѣщеніи и отопленіи и т. д. Книга написана очень популярно и это составляетъ ея достоинство.

(Polybiblion).

«*Histoire des Jouets*» *par M. Henry d'Allemagne* (*Librairie Hachette*). *30 fr.* (*Исторія игрушекъ*). Авторъ указываетъ связь, существующую между тою отраслью промышленности, которая заключается въ изготовленіи игрушекъ, и общею исторіей нравовъ и политики. Его книга, такимъ образомъ, иллюстрируетъ исторію Франціи, начиная отъ блестящей версальской жизни временъ Людовика XIV до послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ 1900 года.

(Journal des Débats).

«*Plaisirs et jeux depuis les origines*» *par Gaston Vuillir* (*Lucien Laveur. Librairie Rotschild*). *30 fr.* (*Удовольствія и игры съ древнѣйшихъ временъ*). Это въ нѣкоторомъ родѣ исторія человѣчества, выражающаяся въ его удовольствіяхъ и играхъ, отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшей эпохи. Книга предназначена для семейнаго чтенія и прекрасно иллюстрирована.

(Journal des Débats).

«*The Mind of Man*» *by G. Spiller* (*Swan Sonnenschein*). (*Умъ человѣка*). Книга представляетъ попытку примѣненія научныхъ методовъ къ психологіи. Авторъ прежде всего заботится о томъ, чтобы его сочиненіе носило популярный характеръ и поэтому онъ тщательно избѣгаетъ всякихъ терминовъ гипотезъ и математическихъ доказательствъ и не выходитъ изъ области фактовъ, которые онъ подвергаетъ строгому экспериментальному изслѣдованію. Эту популярную психологію можно рекомендовать широкому кругу читателей.

(Athaeneum).

«*Les Grands Naufrages*» *par M. H. de Noussanne* (*Librairie Hachette*). *15 fr.* (*Великія кораблекрушенія*). Списокъ драмъ, разыгравшихся на морѣ, очень длиненъ и отличается разнообразіемъ; онъ пополняется ежегодно. Въ своей книгѣ авторъ описываетъ наиболѣе драматическіе эпизоды изъ жизни на морѣ. Онъ разсказываетъ о великихъ кораблекрушеніяхъ, какъ настоящій историкъ, основываясь на доставленныхъ документахъ, такъ что его книга дѣйствительно составляетъ главу изъ исторіи кораблекрушеній. Великолѣпные рисунки красками дополняютъ впечатлѣніе реальности, которое производятъ разсказы автора

(Journal des Débats).

«*Les sept Merveilles du Monde*» *par Auge de Lassus* (*Librairie Hachette*). *2 fr. 60.* (*Семь чудесъ свѣта*). Эта книга представляетъ не только описаніе того, что древніе называли «семь чудесъ свѣта», но авторъ заставляетъ читателя вмѣстѣ съ нимъ совершить путешествіе въ тѣ страны, гдѣ находятся эти колоссальныя произведенія древности. Онъ изображаетъ среду, эпоху, мѣстность и страну и увлекаетъ читателя своими талантливыми описаніями.

(Journal des Débats).

«*Die geheimen Gesellschaften, Verbindungen und Orden*» *von Georg Schuster. Leipzig. 1902* (*Theodor Liebing*). (*Тайныя общества, союзы и ордена*). Ученый авторъ съ большимъ тщаніемъ изучалъ огромную литературу предмета и, вполнѣ овладѣвъ матеріаломъ, составилъ превосходную исторію тайныхъ обществъ отъ самыхъ древнихъ временъ, въ первой части которой онъ доходитъ лишь до конца среднихъ вѣковъ. Онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ дикихъ народовъ, у которыхъ онъ отыскиваетъ элементы тайныхъ союзовъ, указывая при этомъ, что въ этихъ союзахъ у дикарей можно найти тѣ же самые зачатки, которые у культурныхъ народовъ достигаютъ болѣе широкаго развитія. Затѣмъ авторъ переходитъ къ древнѣйшимъ эпохамъ и вездѣ находитъ неразрывную связь между исторіей религіи и союзами жрецовъ. Особенное вниманіе авторъ посвящаетъ исламу и связаннымъ съ нимъ тайнымъ обществамъ. Онъ находитъ нѣкоторую аналогію между тайнымъ ученіемъ ассасиновъ и іезуитизмомъ и говоритъ, что ассасины справедливо могли бы назваться предшественниками іезуитовъ. Далѣе авторъ изучаетъ другіе тайные союзы магометанскаго міра и, наконецъ, переходитъ къ западнымъ народамъ, рыцарскимъ орденамъ и всевозможнымъ тайнымъ обществамъ, наполнявшимъ средніе вѣка. Огромный интересъ, который возбуждаетъ чтеніе этого труда, заставляетъ читателя съ нетерпѣніемъ ожидать его продолженія, т.-е. исторіи тайныхъ обществъ и союзовъ въ послѣдующія времена, вплоть до современной эпохи.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Italian Life in Town and Country*» *by L. Villari. London* (*George Newness*). (*Итальянская жизнь въ городѣ и деревнѣ*). Очень живо написанные очерки итальянской жизни, довольно вѣрно рисующіе итальянское общество. Особенно хороши главы, описывающія соціальную жизнь въ городѣ и деревнѣ, домашнюю жизнь итальянцевъ и сельское населеніе. Однако, авторъ не всегда соблюдаетъ должное безпристрастіе и слишкомъ ясно даетъ чувствовать свои симпатіи и антипатіи, вслѣдствіе чего политическая часть его книги изобилуетъ неточностями.

(Daily News).

«*Zur Psychologie der Aussage*» *von D-r W. Stern. Berlin* (*J. Guttentag*). (*Къ психологіи свидѣтельскихъ показаній*). Въ послѣдніе годы въ юридической оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній произошла большая перемѣна; стали придавать большое значеніе психологіи этихъ показаній и возникли попытки изслѣдовать умственныя способности и душевное состояніе свидѣтелей. Большія разногласія, которыя всегда встрѣчаются въ показаніяхъ нѣсколькихъ свидѣтелей, навели ученыхъ на мысль о существованіи «нормальной психологической неправды». Опыты, произведенные надъ различными лицами, подтверждали это и указали, что самые добросовѣстные и безпристрастные люди часто совершенно не въ состояніи точно передать видѣнное и слышанное и безсознательно искажаютъ истину. Авторъ излагаетъ въ своей книгѣ современное состояніе вопроса о свидѣтельскихъ показаніяхъ и описываетъ различные опыты французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ, имѣющіе цѣлью выяснить, какое значеніе можно придавать свидѣтельскимъ показаніямъ на судѣ. Авторъ говоритъ также о важной роли, которую играетъ внушеніе въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, особенно во время громкихъ процессовъ, когда всѣ взоры бываютъ обращены на свидѣтелей и ихъ забрасываютъ вопросами, ожидая отвѣта съ напряженнымъ любопытствомъ. Въ такихъ случаяхъ легко можетъ явиться «массовое внушеніе». Огромное значеніе для оцѣнки свидѣтельскихъ показаній имѣетъ то, какъ ставитъ свои вопросы судья.

(Berliner Tageblatt).

«*Der ästhetische Genuss*» *von Karl Groos, professor der Philosophie an der Universität Giessen* (*A. Töpelmann*). *Giessen*). (*Эстетическое наслажденіе*). Авторъ прекрасныхъ книгъ: «Игры животныхъ» и «Игры людей», въ новомъ своемъ трудѣ изслѣдуетъ одну изъ основныхъ проблемъ эстетики—эстетическое наслажденіе. Въ предисловіи онъ обсуждаетъ задачи эстетики и ея методы. Въ первой главѣ онъ разсматриваетъ природу эстетическаго наслажденія и сравниваетъ его съ игрой. Врожденные инстинкты, стремленія и потребности побуждаютъ къ дѣятельности, даже безъ всякой серьезной цѣли и являются истинными причинами игръ; эти инстинкты вызываютъ упражненіе функцій, нужныхъ для поддержанія жизни. Въ эстетическомъ наслажденіи также существуетъ стремленіе къ возбужденію дѣятельности извѣстныхъ органовъ, причемъ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Un peuple antique*», *Au Pays de Ménélik. Les Galla grande nation africaine, par Martial de Salviac. 2-me édition. Paris.* (*Oudin*) *7 fr. 50.* (*Древній народъ*). Народъ, населяющій Абиссинію — галласы, до сихъ поръ еще недостаточно хорошо изученъ европейцами, несмотря на то, что уже многіе европейскіе путешественники побывали въ Абиссиніи и при дворѣ Менелика находятся европейцы. Происхожденіе галласовъ также не вполнѣ установлено и на этотъ счетъ существуютъ различныя гипотезы. Въ своей книгѣ авторъ развиваетъ одну изъ этихъ гипотезъ, доказывающую, что галласы — галльскаго происхожденія. Такъ какъ авторъ давно живетъ въ Абиссиніи въ качествѣ миссіонера, то имѣлъ возможность хорошо изучить этотъ народъ и поэтому книга его изобилуетъ интересными описаніями страны, ея географическихъ условій, нравовъ и обычаевъ ея населенія и ея политическихъ и другихъ учрежденій. Иллюстраціи, приложенныя къ тексту, не всѣ одинаковаго достоинства.

(Polybiblion).

«*Les Entrailles de la Terre*» *par E. Caustier. Paris* (*Nony*). *10 fr.* (*Нѣдра земли*). Это популярно-научная книга, прекрасно иллюстрированная, въ которой разсказываются всѣ новѣйшія изслѣдованія, касающіяся земли. Особенный интересъ представляетъ первая часть, относящаяся къ дѣятельности вулканическихъ силъ. Во второй части говорится о рудныхъ мѣсторожденіяхъ и, главнымъ образомъ, о каменноугольныхъ пластахъ. Книга снабжена геологическими картами и иллюстраціями.

(Polybiblion).

«*Le Savant du Foyer, nation scientifiques sur les objets usuels de la vie, par Daniel Pellet. Paris* (*Hachette*). *Illustré 210 gravures. 8 fr.* (*Домашній ученый*). Очень полезная книга, въ которой можно найти отвѣты на многіе вопросы, интересующіе человѣка въ окружающей его жизни. Авторъ сообщаетъ научныя свѣдѣнія о всѣхъ предметахъ обыденной жизни, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ обойтись; онъ говоритъ о воздухѣ и пищѣ, одеждѣ, жилищахъ, укрѣпленіяхъ, необходимыхъ орудіяхъ, освѣщеніи и отопленіи и т. д. Книга написана очень популярно и это составляетъ достоинство.

(Polybiblion).

«*Histoire des Jouets*» *par M. Henry d'Allemagne* (*Librairie Hachette*). *30 fr.* (*Исторія игрушекъ*). Авторъ указываетъ связь, существующую между тою отраслью промышленности, которая заключается въ изготовленіи игрушекъ, и общею исторіей нравовъ и политики. Его книга, такимъ образомъ, иллюстрируетъ исторію Франціи, начиная отъ блестящей версальской жизни временъ Людовика XIV до послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ 1900 года.

(Journal des Débats).

«*Plaisirs et jeux depuis les origines*» *par Gaston Vuillir* (*Lucien Laveur. Librairie Rotschild*). *30 fr.* (*Удовольствія и игры съ древнѣйшихъ временъ*). Это въ нѣкоторомъ родѣ исторія человѣчества, выражающаяся въ его удовольствіяхъ и играхъ, отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшей эпохи. Книга предназначена для семейнаго чтенія и прекрасно иллюстрирована.

(Journal des Débats).

«*The Mind of Man*» *by G. Spiller* (*Swan Sonnenschein*). (*Умъ человѣка*). Книга представляетъ попытку примѣненія научныхъ методовъ къ психологіи. Авторъ прежде всего заботится о томъ, чтобы его сочиненіе носило популярный характеръ и поэтому онъ тщательно избѣгаетъ всякихъ терминовъ гипотезъ и математическихъ доказательствъ и не выходитъ изъ области фактовъ, которые онъ подвергаетъ строму экспериментальному изслѣдованію. ту популярную психологію можно рекомендовать широкому кругу читателей.

(Athaeneum).

«*Les Grands Naufrages*» *par M. H. de Noussanne* (*Librairie Hachette*). *15 fr.* (*Великія кораблекрушенія*). Списокъ драмъ, разыгравшихся на морѣ, очень длиненъ и отличается разнообразіемъ; онъ пополняется ежегодно. Въ своей книгѣ авторъ описываетъ наиболѣе драматическіе эпизоды изъ жизни на морѣ. Онъ разсказываетъ о великихъ кораблекрушеніяхъ, какъ настоящій историкъ, основываясь на доставленныхъ документахъ, такъ что его книга дѣйствительно составляетъ главу изъ исторіи кораблекрушеній. Великолѣпные рисунки красками дополняютъ впечатлѣніе реальности, которое производятъ разсказы автора

(Journal des Débats).

—

«*Les sept Merveilles du Monde*» *par Auge de Lassus* (*Librairie Hachette*). *2 fr. 60.* (*Семь чудесъ свѣта*). Эта книга представляетъ не только описаніе того, что древніе называли «семь чудесъ свѣта», но авторъ заставляетъ читателя вмѣстѣ съ нимъ совершить путешествіе въ тѣ страны, гдѣ находятся эти колоссальныя произведенія древности. Онъ изображаетъ среду, эпоху, мѣстность и страну и увлекаетъ читателя своими талантливыми описаніями.

(Journal des Débats).

«*Die geheimen Geselschaften, Verbindungen und Orden*» *von Georg Schuster. Leipzig. 1902* (*Theodor Liebing*). (*Тайныя общества, союзы и ордена*). Ученый авторъ съ большимъ тщаніемъ изучалъ огромную литературу предмета и, вполнѣ овладѣвъ матеріаломъ, составилъ превосходную исторію тайныхъ обществъ отъ самыхъ древнихъ временъ, въ первой части которой онъ доходитъ лишь до конца среднихъ вѣковъ. Онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ дикихъ народовъ, у которыхъ онъ отыскиваетъ элементы тайныхъ союзовъ, указывая при этомъ, что въ этихъ союзахъ у дикарей можно найти тѣ же самые зачатки, которые у культурныхъ народовъ достигаютъ болѣе широкаго развитія. Затѣмъ авторъ переходитъ къ древнѣйшимъ эпохамъ и вездѣ находитъ неразрывную связь между исторіей религіи и союзами жрецовъ. Особенное вниманіе авторъ посвящаетъ исламу и связаннымъ съ нимъ тайнымъ обществамъ. Онъ находитъ нѣкоторую аналогію между тайнымъ ученіемъ ассасиновъ и іезуитизмомъ и говоритъ, что ассасины справедливо могли бы назваться предшественниками іезуитовъ. Далѣе авторъ изучаетъ другіе тайные союзы магометанскаго міра и, наконецъ, переходитъ къ западнымъ народамъ, рыцарскимъ орденамъ и всевозможнымъ тайнымъ обществамъ, наполнявшимъ средніе вѣка. Огромный интересъ, который возбуждаетъ чтеніе этого труда, заставляетъ читателя съ нетерпѣніемъ ожидать его продолженія, т.-е. исторіи тайныхъ обществъ и союзовъ въ послѣдующія времена, вплоть до современной эпохи.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Italian Life in Town and Country*» *by L. Villari. London* (*George Newness*). *Итальянская жизнь въ городѣ и деревнѣ*). Очень живо написанные очерки итальянской жизни, довольно вѣрно рисующіе итальянское общество. Особенно хороши главы, описывающія соціальную жизнь въ городѣ и деревнѣ, домашнюю жизнь итальянцевъ и сельское населеніе. Однако, авторъ не всегда соблюдаетъ должное безпристрастіе и слишкомъ ясно даетъ чувствовать свои симпатіи и антипатіи, вслѣдствіе чего политическая часть его книги изобилуетъ неточностями.

(Daily News).

«*Zur Psychologie der Aussage*» *von D-r W. Stern. Berlin* (*J. Guttentag*). (*Къ психологіи свидѣтельскихъ показаній*). Въ послѣдніе годы въ юридической оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній произошла большая перемѣна; стали придавать большое значеніе психологіи этихъ показаній и возникли попытки изслѣдовать умственныя способности и душевное состояніе свидѣтелей. Большія разногласія, которыя всегда встрѣчаются въ показаніяхъ нѣсколькихъ свидѣтелей, навели ученыхъ на мысль о существованіи «нормальной психологической неправды». Опыты, произведенные надъ различными лицами, подтверждали это и указали, что самые добросовѣстные и безпристрастные люди часто совершенно не въ состояніи точно передать видѣнное и слышанное и безсознательно искажаютъ истину. Авторъ излагаетъ въ своей книгѣ современное состояніе вопроса о свидѣтельскихъ показаніяхъ и описываетъ различные опыты французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ, имѣющіе цѣлью выяснить, какое значеніе можно придавать свидѣтельскимъ показаніямъ на судѣ. Авторъ говоритъ также о важной роли, которую играетъ внушеніе въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, особенно во время громкихъ процессовъ, когда всѣ взоры бываютъ обращены на свидѣтелей и ихъ забрасываютъ вопросами, ожидая отвѣта съ напряженнымъ любопытствомъ. Въ такихъ случаяхъ легко можетъ явиться «массовое внушеніе». Огромное значеніе для оцѣнки свидѣтельскихъ показаній имѣетъ то, какъ ставитъ свои вопросы судья.

(Berliner Tageblatt).

«*Der ästhetische Genuss*» *von Karl Groos, professor der Philosophie an der Universität Giessen* (*A. Töpelmann*). *Giessen*). (*Эстетическое наслажденіе*). Авторъ прекрасныхъ книгъ: «Игры животныхъ» и «Игры людей», въ новомъ своемъ трудѣ изслѣдуетъ одну изъ основныхъ проблемъ эстетики—эстетическое наслажденіе. Въ предисловіи онъ обсуждаетъ задачи эстетики и ея методы. Въ первой главѣ онъ разсматриваетъ природу эстетическаго наслажденія и сравниваетъ его съ игрой. Врожденные инстинкты, стремленія и потребности побуждаютъ къ дѣятельности, даже безъ всякой серьезной цѣли и являются истинными причинами игръ; эти инстинкты вызываютъ упражненіе функцій, нужныхъ для поддержанія жизни. Въ эстетическомъ наслажденіи также существуетъ стремленіе къ возбужденію дѣятельности извѣстныхъ органовъ, причемъ

испытывается радость жизни, которая и служитъ основою наслажденія. Во второй главѣ авторъ говоритъ о чувственныхъ фактахъ эстетическаго наслажденія. Настоящее эстетическое наслажденіе возможно только при взаимодѣйствіи какъ чувственныхъ, такъ и духовныхъ факторовъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Rural England*». *Being an Accountof Agricultural and Social Researches carried out in the years 1901 and 1902. By H. Rider Haggard Two vols.* (*Longmans*). *Сельская Англія*). Авторъ подробно изслѣдуетъ положеніе сельскаго хозяйства въ Англіи и приходитъ къ весьма пессимистическимъ выводамъ: сельское хозяйство находится на краю гибели. Авторъ описываетъ свои странствованія по сельскимъ округамъ Англіи, посѣщенія фермеровъ и бесѣды съ ними, а также различныя встрѣчи въ дорогѣ и достопримѣчательности, обратившія на себя его вниманіе и такъ какъ описанія его очень занимательны, то, несмотря на серьезность и даже спеціальность предмета, книга читается съ большимъ интересомъ, благодаря талантливому изложенію.

(Daily News).

«*L'idée de l'Evolution dans la Nature et l'Histoire*» *par Gaston Richard. Ouvrage couronnée par l'Académie des sciences morale et politiques* (*Félix Alcan. Bibliothèque de philosophie contemporaine*), (*Идея эволюціи въ природѣ и исторіи*). Авторъ подвергаетъ глубокому анализу доктрину эволюціи и ея отношеніе къ методамъ изслѣдованія природы и исторіи. Книга представляетъ выдающійся научный интересъ и имѣла большой успѣхъ среди ученыхъ.

(Journal des Débats).

«*Arbeit und Rythmus*» *von D-r Karl Bücher. Leipzig. 1902* (*Работа и ритмъ*). Профессоръ политической экономіи лейпцигскаго университета изслѣдуетъ въ этой книгѣ нѣкоторые изъ законовъ соціальной работы и постепенно приходитъ къ теоріи происхожденія поэзіи и музыки. Прежде всего онъ стремится разрушить ходячее мнѣніе, что человѣкъ въ первобытномъ состояніи склоненъ къ лѣни и что только самая настоятельная необходимость принуждаетъ его къ работѣ. Авторъ рѣшительно отрицаетъ это и говоритъ, что если бы непреодолимая лѣнь принадлежала къ числу основныхъ инстинктовъ человѣческой природы, то человѣчество не могло бы возвыситься надъ животными. Авторъ подкрѣпляетъ свои доводы многочисленными примѣрами и затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію работы. Всякая работа слагается изъ двухъ элементовъ, психическаго и физіологическаго и именно первый, т.-е. напряженіе ума, порождаетъ усталость; поэтому-то во всякой работѣ замѣчается стремленіе освободиться отъ вліянія ума и превратить ее въ рядъ механическихъ дѣйствій. Авторъ говоритъ о значеніи ритма въ работѣ. У дикихъ народовъ ритмъ въ работѣ болѣе рѣзко выраженъ, чѣмъ у современныхъ народовъ. Африканскіе негры ходятъ, играютъ, работаютъ и т. д., соблюдая при этомъ извѣстный ритмъ съ большею точностью, нежели солдаты или артисты. Во всѣхъ работахъ, которую исполняютъ дикіе народы, можно замѣтить ритмичность. Часто, для облегченія соблюденія ритма, прибѣгаютъ къ музыкѣ, къ пѣнію. У древнихъ грековъ были спеціальныя пѣсни для всякаго рода ремеслъ. Такимъ образомъ, по теоріи автора, въ генезисѣ поэзіи и музыки главную роль играла работа, а не эмоція, такъ какъ соблюденіе ритма облегчало работу и работникъ, посредствомъ однообразнаго повторенія однихъ и тѣхъ же дѣйствій, превращался отчасти въ автомата, не ощущающаго усталости.

(Berliner Tageblatt).

«*Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde*» *par Alfred Fouillée* (*Alcan*). (*Движеніе позитивизма и соціологическое понятіе о мірѣ*). Имя автора, выдающагося французскаго ученаго, достаточно хорошо извѣстно всему читающему міру и поэтому книга его, изслѣдующая позитивистскую доктрину, должна возбудить интересъ европейскихъ читателей.

(Journal des Débats).

«*Schauspiel und Geselschaft*» *von Alfred Klaar.* (*Johannes Räde*). *Berlin* (*Театръ и общество*). Профессоръ Клааръ изслѣдуетъ въ своей книгѣ историческое развитіе театра, вліяніе меценатовъ и общества. Высказываемыя имъ замѣчанія относительно современнаго театра и публики, заслуживаютъ вниманія. Авторъ придаетъ большое значеніе народнымъ театрамъ и ихъ воспитательному вліянію.

(Berliner Tageblatt).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

вслухъ самый замѣчательный эпизодъ путешествія,—когда англійскій миссіонеръ и изслѣдователь заключилъ мирный договоръ съ ужаснымъ королемъ дикихъ негровъ. Онъ поднялъ руку и читалъ торжественнымъ звучнымъ голосомъ.

Но все было напрасно: вниманіе Эльсбе уже улетучилось.

— Если мы все будемъ болтать да болтать, — сказала она пренебрежительно, — мы ровно ничего не успѣемъ сдѣлать сегодня.

Они вышли изъ дому и привели мерина на нижнюю огороженную лужайку; при этомъ всѣ они столпились въ калиткѣ изгороди, такъ какъ всѣ, вмѣстѣ съ Гнѣдымъ, хотѣли пройти какъ можно скорѣе. Но Гнѣдой былъ смиренъ, не сдѣлалъ имъ ничего дурного и даже не пошевелился, когда маленькая Лисбета, къ которой онъ слишкомъ близко подошелъ, громко вскрикнула.

— Ну, теперь къ лодкѣ.

— И вѣдь какая славная лодка-то, дѣти! Самая хорошая и большая лодка, какую я когда-нибудь дѣлалъ.

Она плавала на цѣпи въ темно-бурой болотной водѣ, имѣла по формѣ отдаленное сходство съ корытомъ, изъ котораго поятъ телятъ, и на десять шаговъ пахла смолою, которою были залиты всѣ щели. Посреди ея, надъ мидельдекомъ, поднималась мачта съ желтымъ шелковымъ вымпеломъ, выкроеннымъ изъ бабушкиной накидки, а на декѣ стояли четыре «пушки», изъ мастерской мѣстнаго кузнеца, съ блестящими, обточенными напильникомъ отверстіями для фитилей.

Это было нѣчто поистинѣ великолѣпное! И всѣ принялись восхвалять Тисса, и говорили, что, очевидно, иногда онъ все таки способенъ сдѣлать что-нибудь путное. Іёрнъ отъ удовольствія хлопалъ себя по колѣнямъ и хотѣлъ немедленно влѣзть въ лодку. Только маленькая Лисбета косилась на это испещренное заплатками издѣліе Тисса, гордо поднимала маленькую свѣтлую головку и говорила:

— Я ни за что не сяду!

Тогда Іёрнъ хотѣлъ опять схватить ее, потому что его снова потянуло обнять ее; но она отступила и съ такою милою, серьезною, умоляющей миной покачала головою, что онъ сейчасъ же отказался отъ своего намѣренія.

Тиссъ оказался на высотѣ положенія. Онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлить своей славы и сказалъ:

— На первый разъ я проѣду одинъ!

Онъ осторожно влѣзъ въ лодку и, предусмотрительно сѣвъ на дно ея, вытянулъ ноги и подсунулъ ихъ подъ мидельдекъ.

Эльсбе сѣла на стволъ ивы, склонившейся надъ водою, и стала пророчить бѣды.

— А если ты опрокинешься? Что тогда? Славно ты тамъ, въ водѣ, повиснешь: головою внизъ! А ногами и пошевельнуть не сможешь!

— Я-то? Опрокинусь?

— Ой, братецъ! Плохо дѣло!

— Ты знаешь, Тиссъ, тебѣ вѣдь никогда ничто не удается!

— Не удается? Мнѣ-то? Мнѣ всегда все удается!—Онъ пошарилъ въ карманѣ пиджака и положилъ передъ собой на декъ три грязныхъ спички.

— Слушай, Тиссъ! Оставь-ка ты это лучше! Вѣдь всякій разъ, какъ ты хочешь показать свое искусство, у тебя срывается!

— Оставь его! Вѣдь онъ тамъ къ смолѣ прилипъ!

Тиссъ приподнялся: слышно было, какъ онъ оторвался отъ липкой, клейкой смолы. Дѣти расхохотались, переглянулись и подмигнули другъ другу. Фите Крэй, который болѣе, чѣмъ кто-либо, предвидѣлъ бѣду, просто разрывался отъ смѣха:

— Опрокинешься ты, Тиссъ! Уже это вѣрнѣе вѣрнаго!

Какъ разъ въ эту минуту Тиссъ осторожно оттолкнулся отъ берега, и лодка поплыла по черной водѣ. Предусмотрительно положивъ руль, онъ потянулся за спичками. Судно слегка покачнулось, какъ бы обнаруживая склонность измѣнить свое положеніе. Онъ попробовалъ вычеркнуть спичку объ мидельдекъ, но она не загорѣлась. Тогда онъ, по старому обыкновенію, приподнялъ ногу, чтобы чиркнуть спичкой о привычное

мѣсто. Лодка качнулась. Спичка вспыхнула. — Въ эдакомъ корытѣ да съ огнемъ! Лодка качнулась.

— Дѣти! Какъ разъ такая исторія случилась пятаго апрѣля подлѣ Экернфёрде... — Онъ быстро отклонился въ сторону—ничего болѣе умнаго, конечно, нельзя было придумать въ эту минуту! Вдругъ огненная вспышка и дымъ! Еще разъ! Тиссъ не можетъ отодвинуться: онъ прилипъ къ смолѣ. Объятая сѣрнымъ дымомъ, лодка переворачивается, и Тиссъ Тиссенъ переворачивается вмѣстѣ съ ней...

Іёрнъ Уль стоялъ по колѣна въ водѣ. Фите Крэй тихо проговорилъ:

— Булькаетъ еще.

Эльсбе сказала:

— А тутъ еще эта смола!

Лисбета съ плачемъ убѣжала прочь. Наступила тяжелая тишина. Болото и люди затаили дыханіе.

Вдругъ вода начала бурлить и кипѣть. По поверхности ея побѣжали круглыя волны. И вдругъ изъ нихъ показалось что-то склизкое, черное—что-то въ родѣ спины большой черной рыбы. И отплевываясь, кряхтя, пыхтя, глотая что-то, чудище выползало плашмя на землю.

Онъ открылъ залипшіе глаза. Отряхиваясь и топоча ногами, онъ сбросилъ сюртукъ и сапоги; дѣти стояли кругомъ, глядя на него широко открытыми, испуганными глазами. Фите Крэй катался по землѣ и кричалъ. Лисбета, на минуту остановившись, вдругъ опять повернулась и побѣжала дальше.

— Ну, что-жъ! — сказалъ онъ, и отплюнулся.—Такія исторіи съ самыми лучшими кораблями случаются: весьма понятное кораблекрушеніе съ чудеснымъ спасеніемъ всего экипажа... Нужно, однако, замѣтить, что судно было новой конструкціи, Іёрнъ... Повидимому, немного узковато... Ну, что-жъ! По крайней мѣрѣ мы кое-что увидѣли, испытали и узнали!

— Ты-то что могъ тамъ видѣть? — сказала Эльсбе.

Онъ посмотрѣлъ на воду, посреди которой опрокинувшаяся лодка казалась какою-то плывущею черепахой.

— Да, ты-таки права!—сказалъ онъ и снова отплюнулся. — Внизу-то тамъ страшновато. У меня сейчасъ же въ глазахъ потемнѣло, и я совсѣмъ сбился съ направленія. Едва-едва сообразилъ, гдѣ верхъ, гдѣ низъ. Вѣдь вы понимаете, что мнѣ со всѣми четырьмя стихіями пришлось имѣть дѣло: сначала съ огнемъ, сѣрой и смолой, потомъ съ водой и землей. Этого всего вдоволь было! Ну, а что касается воздуха, то его маловато было! Но если бы его у меня не такъ мало было,—повѣрьте, не полѣзъ бы я оттуда такъ скоро: вы представить себѣ не можете, какіе я тамъ фокусы выдѣлывалъ ногами, выбираясь изъ лодки.

Сказавъ это, онъ еще разъ отплюнулся и пошелъ домой, чтобы переодѣться.

Когда онъ скрылся, наконецъ, въ кухонной двери, Іёрнъ сказалъ:

— Удивительное дѣло! Когда бы мы ни пришли, въ Гезгофѣ всегда какое-нибудь увеселеніе!.. — Потомъ онъ побѣжалъ за Лисбетой, схватилъ ее за руку и сталъ говорить ей разныя пріятныя вещи, пока она, наконецъ, не разсмѣялась.

Однако, она не могла оправиться отъ испуга и хотѣла идти домой. Тогда онъ пошелъ вмѣстѣ съ ней къ остальнымъ и сказалъ имъ объ этомъ.

— Вотъ тебѣ на!—сказала Эльсбе.—Вѣчно одна и та же исторія. Лисбета всегда начинаетъ спозаранку домой собираться!

— Вѣдь я всегда говорю, — сказалъ Фите,—что она не должна съ нами ходить. Мала она больно, да и жеманится черезчуръ. А ты вѣчно тащишь ее.

Лисбета стояла подлѣ Іёрна, слушала, какъ ее бранятъ, и плакала.

— Я пойду съ ней домой!—сказалъ Іёрнъ.—Сейчасъ же! А вы дѣлайте, что хотите.

Однако, они захотѣли идти всѣ вмѣстѣ. Они дождались только, пока вернулся Тиссъ. Онъ проводилъ ихъ черезъ лѣсъ до того мѣста, гдѣ начиналась степь и, заслонивъ рукой глаза, смотрѣлъ имъ вслѣдъ, пока ему не заломило глаза отъ лучей заходящаго солнца, просвѣчивающаго сквозь облака и туманъ.

Дѣти больше не оборачивались на

него: они поспѣшно и молча шли черезъ степь по направленію къ Рингельсгерну.

Глава пятая.

Клаусъ Уль постоянно толковалъ о томъ, что его младшій сынъ будетъ ученымъ.—Іёрнъ долженъ учиться,—говаривалъ онъ,—это ужъ само собой...— А когда онъ бывалъ подъ хмѣлькомъ, навеселѣ, въ хвастливой болтовнѣ его снова выплывала давнишняя великолѣпная мысль:—Іёрнъ у меня ландфогтомъ будетъ,—говорилъ онъ. Сидѣвшіе съ нимъ за столомъ крестьяне и торговцы сиѣялись и говорили:

— Онъ у тебя такимъ же молодцомъ будетъ, какъ ландфогтъ Лорнсенъ изъ Сильта! Вотъ какимъ молодцомъ онъ у тебя будетъ! Ну-ка,—за здоровье ландфогта, Іёрна Уля!

Слова эти повторялись снова и снова, и наконецъ вопросъ о будущности сына сдѣлался для Клауса Уля вопросомъ чести. Но хотя въ городской пивной онъ и встрѣчался иногда съ учителями прогимназіи, ему ни разу не пришло въ голову попросить у нихъ какихъ-либо совѣтовъ или указаній на этотъ счетъ. У него было какъ-то неспокойно на душѣ. Онъ боялся услышать, что для этого нужна особенно умная голова, что мальчикъ долженъ съ этой же Пасхи поступить въ школу, или, вообще, что ему придется разрѣшать по этому поводу какіе нибудь непріятные для него вопросы. Ему не хотѣлось нарушать покойнаго безпечнаго теченія своей жизни. Разъ только,—когда пришлось къ случаю,—онъ заговорилъ объ этомъ въ обычномъ для крестьянина равнодушномъ тонѣ съ учителемъ Петерсомъ. А когда Петерсъ сказалъ, что охотно позаймется съ мальчикомъ въ свободное отъ уроковъ время и приготовитъ его въ гимназію, онъ успокоился и радъ былъ, что ему не придется больше дѣлать никакихъ непріятныхъ шаговъ по этому дѣлу.

Итакъ Юргенъ сидѣлъ на диванѣ подлѣ стараго учителя Петерса; его свѣтлые волосы были коротко подстрижены и стояли жесткою щеткой, а глубоко лежащіе глаза, похожіе на лисицъ, выглядывающихъ изъ своихъ норъ, впивались въ англійскую книгу, словно старались высосать изъ нея всю заключавшуюся въ ней премудрость. Учитель Петерсъ держался того мнѣнія, что знаніе англійскаго языка является первою ступенью ко всякой наукѣ и ко всякому положенію въ свѣтѣ. Иногда въ свободное время они занимались немножко латынью,но скоро совершенно забросили эти занятія.

Стоялъ прекрасный лѣтній день; залитая свѣтомъ бѣлая деревенская улица безмолвно покоилась среди зеленыхъ деревьевъ. Липы, разросшіяся по краямъ ея, у самыхъ домовъ, затѣняли окна. Комната была залита мягкимъ темно-краснымъ свѣтомъ.

— Юргенъ,—сказалъ старикъ.—Мнѣ нужно посмотрѣть, что пчелы дѣлаютъ. Продолжай себѣ переводить помаленьку, я сейчасъ приду.

Юргенъ продолжалъ переводить. Въ открытое окно влетѣла пчела, пролетѣла, жужжа, по комнатѣ, замѣтила, что она попала совсѣмъ не туда куда хотѣла, зажужжала пуще прежняго и вылетѣла вонъ, унося съ собою мысли мальчика, который заглядѣлся въ окно, погруженный въ мечтанія.

Любопытнымъ взглядомъ всматривался онъ во все, что дѣлается на свѣтѣ, и все больше и больше пристращался къ книгамъ, особенно къ такимъ, которыя давали ясныя точныя познанія;—позднѣе и къ такимъ, которыя заключали въ себѣ трезвыя добросовѣстныя разсужденія. Въ ту пору онъ говорилъ, обращаясь къ Фите: «Я весь міръ понять хочу». И дѣйствительно, проживъ жизнь, онъ понялъ многое и многое изъ того, что дѣлается въ мірѣ. Фите Крэй говорилъ: «А я хотѣлъ бы имѣть сто тысячъ талеровъ, купить все это село и жить здѣсь до самой смерти». И оба стремились къ осуществленію своихъ желаній. Фите Крэй, который былъ уже конфирмованъ и жилъ теперь въ качествѣ работника въ домѣ Клауса Уля, вырывалъ въ конюшнѣ волосы изъ лошадиныхъ хвостовъ и, сбывая ихъ за хорошую цѣну, велъ въ то же время ма-

*

ленькую самостоятельную торговлю скребницами и кнутами. А Юргенъ Уль сидѣлъ надъ англійскою книгою и дивился тому, что есть люди, говорящіе на такомъ странномъ языкѣ.

Окна были открыты; въ липахъ пѣли птицы, и пчелы жужжали въ золотистотуманной полосѣ воздуха, отчетливо обозначавшійся между окномъ и липами.

За стѣной дома послышались легкіе шаги, и въ окнѣ появилась свѣтлая узкая головка Лисбеты Юнкеръ.

— Что ты тамъ сидишь! — сказала она.—Иди сюда.

— А ты что дѣлаешь? Рыбу удишь?

— Ужъ десять штукъ наловила — большія, толстыя такія. Такъ сейчасъ и схватили червяка. Выходи же! Дѣдушка, небось ужъ давнымъ давно и забылъ про тебя!

— Какіе у тебя волосы! — говоритъ онъ.

— А что? Растрепались? — Она удивилась, что ему что-то не нравится въ ней. Но вдругъ она поняла въ чемъ дѣло:—Ахъ! ты хочешь сказать, что они блестятъ на солнцѣ? — Она быстро повернула голову:—Видишь? Тамъ черезъ липу лучъ проходитъ и какъ разъ попадаетъ мнѣ на голову, — словно прицѣлился въ меня! Видишь? Но что растрепалась я, такъ это правда: я вѣдь три раза пролѣзала черезъ изгородь — все въ это окно заглядывала.

— Можно подумать, что ты черезъ солнце пролѣзала!

— Ну, выходи же!—сказала она.— Успѣешь еще выучить, что надо—много ли тамъ! Не можетъ быть, чтобы это было такъ трудно—сдѣлаться ландфогтомъ.

Онъ бросилъ книгу и вышелъ изъ дому.

Онъ былъ всегда готовъ исполнить всякое ея желаніе и не могъ отказать ей ни въ одной просьбѣ, потому что она казалась ему такою прекрасною, благородною и умною — живымъ воплощеніемъ ума. Его обращеніе къ ней проникнуто было тою осторожною мягкостью, которая всегда свойственна умному и хорошему человѣку въ обращеніи съ товарищемъ, который еще лучше его. Онъ до того боялся какъ-нибудь непріятно задѣть ее, что даже не рѣшался больше называть ее зуйкой, хотя ему всегда казался особенно обворожительнымъ ея ясный, полнозвучный, голосъ, звенѣвшій какъ чистое серебро. Деревенскія дѣти говорили между собою въ простомъ, грубоватомъ тонѣ, а въ домѣ отца онъ наслышался всякаго сквернословія. И это было особеннымъ счастьемъ для него, что наиболѣе опасный возрастъ онъ провелъ въ обществѣ этой дѣвочки, которая поддерживала и укрѣпляла въ немъ любовь ко всему доброму и прекрасному.

Они пролѣзли сквозь изгородь и вышли къ пруду. Хотя ему было уже тринадцать лѣтъ, и его больше не занимала ловля колюшекъ, но все, что она говорила, было всегда такъ убѣдительно, что онъ не могъ отказать ей. И, исполняя ея волю, онъ всегда чувствовалъ себя счастливымъ. И чего бы она ни пожелала, о чемъ бы ни попросила его—все онъ могъ исполнить. Иногда ея желанія заставляли его отрекаться отъ своего мальчишескаго достоинства, но они никогда не были нелѣпы, тогда какъ Эльсбе могла иногда потребовать чего-нибудь совершенно нелѣпаго.

Они сидѣли другъ подлѣ друга на травѣ подъ кустомъ и тихо разговаривали. Она освѣдомилась объ Эльсбе и Фите.

— Послушай, — чѣмъ будетъ Фите? Торговцемъ, — какъ его отецъ и другіе Крэи?

— Нѣтъ, торговцемъ онъ не хочетъ быть.

— Такъ чѣмъ же?

— Да иногда онъ собирается уѣхать въ Калифорнію искать золота, а другой разъ хочетъ быть кучеромъ... у ландфогта, должно быть.

— Ну да, то-есть у тебя! Пусть лучше кучеромъ будетъ, чѣмъ золота искать... Какая жара сегодня!

Она замолкла. Солнце сверкало; птицы пѣли, и мало-по-малу удочка ея тихо опустилась, а затуманенная сномъ головка склонилась на его плечо.

Все кругомъ стояло словно завороженное и зачарованное. Казалось, что эти до-

мики, стѣны и двери которыхъ проглядывали мѣстами сквозь липы, и самыя эти липы, съ ихъ сочною, ярко-зеленою, затихшею листвою не были настоящими, реальными предметами, что и эти дома и деревья, и зеркало пруда, и дѣти на берегу его съ удочками въ рукахъ были тонко и отчетливо изображены въ какой-то картинѣ, и нужно было сидѣть тихотихо, не шевелясь, потому что вѣдь въ картинкахъ никогда ничто не шевелится. И вся эта картина выписана такъ тонко и съ такою любовью, — въ простыхъ, благородныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сочныхъ краскахъ, и виситъ въ лучшей комнатѣ Господа Бога.

Удочка совсѣмъ погрузилась въ воду; дѣвочка покоилась на плечѣ мальчика, а мальчикъ смотрѣлъ своими глубокими глазами на картину, къ которой и самъ онъ принадлежалъ, чувствовалъ прикосновеніе ея волосъ къ своей щекѣ и легкое прекрасное дыханіе и не шевелился.

На деревенской улицѣ показалась постепенно приближающаяся легкая повозка и остановилась какъ разъ передъ зданіемъ школы. Заснувшая дѣвочка вскочила. Учитель Петерсъ поспѣшно вышелъ ивъ глубины сада, съ удивленнымъ видомъ подошелъ къ сгорбленному сѣдоволосому человѣку, стоявшему у садовой калитки, и сказалъ:

— Не угодно ли вамъ будетъ зайти въ домъ, господинъ ландфогтъ?

— Останемся въ саду,—сказалъ ландфогтъ,—и прогуляемся здѣсь немножко. Меня жена послала—ей хотѣлось бы опять купить у васъ зимовыхъ яблокъ.

Они поговорили еще нѣсколько времени объ этомъ предметѣ; затѣмъ ландфогтъ внезапно измѣнилъ тонъ и проговорилъ медленно и тихо:

— Я пріѣхалъ еще и съ другою цѣлью. Я знаю васъ уже много лѣтъ и весьма довѣряю вашимъ сужденіямъ о людяхъ и вещахъ. Ваши сужденія отличаются тою осмотрительностью, какая свойственна трезвому, спокойному по натурѣ человѣку, проведшему жизнь среди народа и пріобрѣтшему съ теченіемъ времени значительный опытъ и кое-какое благосостояніе.—Онъ слегка улыбнулся.—Послѣднее я считаю далеко не маловажнымъ,—сказалъ онъ.—Я не сталъ бы выслушивать мнѣніе объ экономическихъ вопросахъ отъ человѣка, который не имѣлъ бы самоскопляющейся энергіи, т.-е. денегъ, приносящихъ проценты. Я хотѣлъ бы разспросить васъ о здѣшнихъ крестьянахъ—объ Уляхъ.

Старикъ, взволнованный тою честью, какую ему оказывали, и обрадованный сознаніемъ, что, быть можетъ, ему удастся сдѣлать доброе дѣло, сейчасъ же отвѣтилъ сдержаннымъ голосомъ:

— Самымъ дурнымъ изъ нихъ нужно признать Клауса Уля, который задаетъ тонъ всѣмъ остальнымъ и развращаетъ многихъ изъ нихъ. При своей благодушной и мирной натурѣ онъ отличается самымъ нелѣпымъ высокомѣріемъ. Даже ребятишки, играя на улицѣ, передразниваютъ тотъ взглядъ, какимъ онъ измѣряетъ сверху донизу маленькихъ людей. «Не ломай изъ себя Клауса Уля», говорятъ они, когда кто-нибудь загордится. Разсказываютъ, что онъ не иначе расплачивается съ бѣдными людьми, какъ вынимая деньги изъ жилетнаго кармана, даже тогда, когда ему приходится уплачивать сотни марокъ.

Продолжая разговоръ, оба пошли по дорожкѣ къ дому, затѣмъ снова вернулись.

— Что можно ожидать отъ хозяйства, если домохозяева ведутъ такую жизнь! Все запущено. Люди спятъ, животныя остаются безъ ухода, почва бѣднѣетъ, но хуже всего то, что подростающія дѣти смотрятъ на распутную жизнь родителей, привыкаютъ считать такое халатное веденіе хозяйства самою нормальною вещью и идутъ къ своему разоренію, какъ непоенныя телята къ стѣнѣ.

— А женщины,—хотѣлъ бы я знать?

— Что говорятъ на это женщины? Да есть такія, которыя даже подстрекаютъ своихъ мужей къ распутству, когда тѣ немножко поугомонятся, и сами ведутъ такую же жизнь. Есть, напримѣръ, одна женщина, мать восьмерыхъ дѣтей, которая сказала мнѣ въ лицо, что она за послѣднюю недѣлю всѣ семь ночей, съ вечера и до утра, просидѣла въ гостяхъ. А другая, которую я тоже

лично знаю, уѣзжая со двора, велѣла поднять къ себѣ въ повозку своего шестилѣтняго ребенка и сказала въ присутствіи работника, прикрывая свое хвастовство напускнымъ сожалѣніемъ: Вѣдь я ужъ цѣлую недѣлю малыша не видѣла; утромъ, когда я встаю, онъ уже въ школѣ, а вечеромъ, когда онъ возвращается, мамаша его опять улетѣла. Что подѣлаешь, если добрые люди такъ и шлютъ одно приглашеніе за другимъ!—Сами вы знаете, господинъ ландфогтъ: вѣдь если женщина съ ума свихнется, такъ ужъ совсѣмъ свихнется! Есть, конечно, и такія женщины, которыя сидятъ смирно и тихо по домамъ, работаютъ, заботятся о хозяйствѣ и безпокоятся о будущемъ.

— Скажите мнѣ теперь еще одну вещь! Я, къ сожалѣнію, не могу воспрепятствовать тому, чтобы человѣкъ со всею своею семьею шелъ къ разоренію своего дома и хозяйства. Мнѣ только что пришлось слышать, будто запахъ всего, что у васъ здѣсь дѣлается, привлекъ сюда какихъ-то сомнительныхъ дѣльцовъ или агентовъ, которые соблазняютъ людей на спекуляцію, предлагая имъ играть на ultimo.

Старикъ задумчиво уставился на дорожку.

— Я припоминаю теперь, что въ послѣднемъ засѣданіи нашей ссудо-сберегательной кассы Клаусъ Уль, въ бесѣдѣ съ Корстеномъ Ривертомъ, говорилъ вообще о какихъ-то бумагахъ и при этомъ произнесъ слово «ultimo». Что это такое, собственно говоря, господинъ ландфогтъ,—ultimo?

— Д-да... Разъ крестьянинъ началъ спекулировать, то ужъ навѣрное спуститъ свои деньги. Не правда ли?

— Да... навѣрное! Іохенъ Милль въ три недѣли спустилъ всѣ свои 150.000 марокъ.

— Вотъ видите! А если дѣло доходитъ до игры на ultimo, то можно навѣрняка опредѣлить, когда именно человѣкъ спуститъ послѣднія деньги. Въ этомъ все различіе!.. Какъ это было съ Іохеномъ Миллемъ? Въ три недѣли, вы говорите?

— Да. Онъ продалъ свой дворъ и отправился въ Гамбургъ, чтобы въ три года удесятерить тамъ свой капиталъ, какъ онъ говорилъ—и говорилъ съ такою увѣренностью, какъ если бы уже испыталъ это на дѣлѣ! Можно себѣ представить, какая тутъ началась травля. Всѣ биржевые зайцы на одного глупаго мужика! Они цѣлою толпой стояли на улицѣ, поджидая его, и сейчасъ же стаскивали его съ лошади, потому что онъ былъ слишкомъ важенъ, чтобъ ходить пѣшкомъ... И что за суматоха тутъ поднималась каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ! Нѣкоторые доходили до того, что снимали съ себя сюртуки, какъ бы собираясь устлать ими лѣстницу, чтобы онъ вошелъ въ зданіе биржи, не касаясь ногою земли. Но онъ не замѣчалъ во всемъ этомъ никакого издѣвательства. Онъ думалъ про себя: «Вотъ такъ честь! Вотъ ужъ это, что называется, честь!» А черезъ восемь недѣль отъ всѣхъ его денегъ не осталось ни гроша. Родственники купили ему маленькій трактиръ подлѣ Гамбурга и теперь онъ торгуетъ водкой.

— Пойдемте,—сказалъ ландфогтъ.—Погуляемъ по саду и насладимся чистою радостью жизни.

— Да не очень-то у насъ радостно въ этомъ году, господинъ ландфогтъ.—Гусеницы у насъ на садъ напали, такъ что урожай яблокъ не особенный будетъ.

— Ну...—сказалъ ландфогтъ,—вѣдь это такъ успокаиваетъ—перейти отъ заблужденій человѣческихъ къ природѣ и созерцать, какъ она страдаетъ и борется, мужественно и тихо, какъ бодрый честный человѣкъ борется съ невзгодами жизни до самой могилы.

Они вышли въ садъ.

— Такъ!—сказалъ мальчикъ и положилъ удочку на землю.—Теперь я опять пойду въ комнату и поучусь. Тамъ у меня ужасно трудное мѣсто попалось въ англійской книгѣ.

Онъ опять пробрался черезъ кустарникъ, вошелъ въ комнату и засѣлъ за книгу. Скоро экипажъ покатился прочь, и старикъ вернулся.

— Ты еще здѣсь?—сказалъ онъ.—Неужели ты сидѣлъ здѣсь все время? И окно было открыто?

— Нѣтъ, я сидѣлъ съ Лисбетой.

— Гдѣ?

— Внизу, у пруда. Мы колюшекъ удили.

— Такъ!.. Такъ!..—Онъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, заглянулъ въ окно и снова подошелъ къ нему:— Слушай-ка! Знаешь, что я тебѣ скажу? Мальчикъ долженъ умѣть держать языкъ за зубами, иначе изъ него никогда путный человѣкъ не выйдетъ.

— Я умѣю держать языкъ за зубами,—сказалъ Іёрнъ Уль и посмотрѣлъ прямо передъ собою твердымъ, долгимъ взглядомъ.

— Ну... такъ вотъ, разъ что это пришло мнѣ въ голову, я хочу тебѣ одну вещь разсказать; это тебѣ полезно будетъ... Такъ слушай же. Старые люди, которые теперь давно уже покоются въ могилѣ, разсказывали мнѣ въ дни моей юности, что прадѣдъ твой перепрыгивалъ черезъ рвы посредствомъ длиннаго шеста, а передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, заходилъ въ поле; онъ былъ высокій, худощавый, сгорбленный человѣкъ и по тогдашней модѣ ходилъ въ высокой черной шляпѣ. У этого Іёрна Уля, твоего прадѣда, самъ король два раза былъ въ гостяхъ. Знаешь ты это?

— Да, Витенъ разсказывала мнѣ про это.

— Вотъ какъ? А отецъ—нѣтъ? Такъ вотъ: король и Іёрнъ Уль до поздней ночи сидѣли съ глазу на глазъ въ комнатѣ и говорили про положеніе дѣлъ въ странѣ, и нужно думать такъ, что Іёрнъ Уль высказалъ нѣкоторыя очень жестокія истины. «Уль!—сказалъ король,— ты забываешь, что говоришь съ отцомъ народа!» А Іёрнъ Уль отвѣтилъ ему громкимъ голосомъ: «Если бы вы и въ самомъ дѣлѣ были отцомъ народа, то вы бы замѣтили всѣ эти плутни и не потерпѣли бы такихъ скверныхъ чиновниковъ». Король сталъ оправдываться: «Королевство слишкомъ велико, Уль! Я не могу за всѣмъ усмотрѣть». Но старикъ сказалъ: «Наши пастбища тоже велики, однако я знаю каждый ручей и каждаго быка, который тамъ пасется».

Ну, словомъ сказать: на слѣдующій же день въ мѣстномъ управленіи произведена была ревизія, и три церковныхъ старосты, которые пользовались своимъ положеніемъ для обогащенія, были съ позоромъ отставлены отъ должности. Прадѣду же твоему дана была главная довѣренность, а кромѣ того, онъ воспользовался этимъ посѣщеніемъ короля, чтобы склонить его къ постройкѣ новыхъ дамбъ, и такъ какъ у короля не было денегъ, онъ одолжилъ ему тридцать тысячъ талеровъ. Все это было точь-въ-точь какъ я говорю.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда этотъ усердный и славный король умеръ, на престолъ взошелъ другой король, который не очень-то думалъ о своихъ обязанностяхъ, и государство пошло на упадокъ; а къ тому же затѣялась продолжительная война. Дѣла были такъ плохи, что прадѣдъ твой пересталъ получать проценты и скоро замѣтилъ— онъ вѣдь былъ сообразительный, умный человѣкъ,—что и весь его капиталъ находится въ опасности. Тогда, не долго думая, отправился онъ въ столицу.

Не знаю ужъ, какъ оно тамъ въ точности было, могу только тебѣ повторить то, что здѣшніе старожилы мнѣ разсказывали. Такъ вотъ, отправляется твой прадѣдъ—онъ ужъ тогда сѣдоволосый старикъ былъ—прямо въ королевскій дворецъ и почтительно проситъ, чтобы ему назначили аудіенцію. А когда слуга, оглядѣвъ его съ ногъ до головы, говоритъ, что съ корелемъ говорить нельзя, онъ отвѣчаетъ: «Я вѣдь Іёрнъ Уль изъ Венторфа. Такъ и доложите». Но слуга попрежнему не хочетъ двинуться съ мѣста. Тогда старикъ затягивается наскоро раза два изъ своей пѣнковой трубки, взмахиваетъ своею тростью, которую онъ всегда носилъ при себѣ, направляется прямо къ комнатѣ короля, приказываетъ еще разъ доложить о себѣ, ставитъ трость и трубку въ уголъ и хочетъ войти. Тутъ выходитъ къ нему король въ пестромъ халатѣ, высоко приподнимая въ рукѣ большую блестящую орденскую звѣзду, и привѣтливо улыбается ему. Но въ эту же минуту Іёрнъ Уль выпрямляется и поднимаетъ поставленныя въ уголъ вещи. А когда король приближается къ нему, онъ протягиваетъ передъ собою трубку и трость и восклицаетъ: «Орденъ вмѣсто денегъ? Орденъ

мѣсто денегъ?» и быстро сбѣгаетъ съ ѣстницы. Затѣмъ онъ направляется къ инистрамъ... Довольно много онъ тогда отерялъ, потому что тогда все государство обанкротилось, но все-таки онъ не акъ пострадалъ, какъ другіе.

Сынъ же его, дѣдъ твой... Да!.. Это ылъ добродушный, привѣтливый человѣкъ. Но только, Юргенъ,—это и все, то можно про него сказать. Плохо это, ой мальчикъ, если про человѣка ничего другого нельзя сказать, какъ только то, то онъ добродушный человѣкъ былъ. акъ мягко и легко онъ говорилъ, такъ ягко и легко онъ и пахалъ. Я хорошо налъ его.

Ну, а потомъ дворъ перешелъ къ своему отцу. Отецъ же твой...—

Мальчикъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на старика твердымъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать:—Знаю я, что ты скажешь. Только я тебѣ не покажу, что вѣрю этому.

Тогда, поймавъ этотъ взглядъ, старикъ замолкъ и провелъ всѣми пятью пальцами по бородѣ, словно хотѣлъ стащить на грудь всю сѣдину ея, а потомъ сказалъ прежнимъ твердымъ учительскимъ тономъ:

— Что сказалъ великій поэтъ Гёте, герольдъ нашего столѣтія? «Пріобрѣти то, что досталось тебѣ въ наслѣдіе отъ отцовъ твоихъ, и тогда владѣй этимъ наслѣдіемъ!..» Ну, теперь иди, Юргенъ. Мнѣ нужно въ засѣданіе сберегательной кассы.

* *
*

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, едва только погасли звѣзды на сѣро-голубомъ небѣ, мальчикъ поднялся съ постели, прошелъ, посвистывая, напѣвая и хлопая дверьми, по всѣмъ переднимъ комнатамъ и направился къ хлѣву. Въ проходѣ стояла Витенъ съ ведрами молока.

— Что это съ тобой, мой мальчикъ?—спросила она.—Вѣдь и четырехъ часовъ еще нѣтъ!

Онъ засмѣялся и съ невиннымъ видомъ сказалъ, что ему не лежалось въ постели—жарко было.

— А гдѣ Фите?—спросилъ онъ.

— Выпроводила его, по счастью, — сказала она. — Хоть надъ нимъ-то еще власть имѣю!

Онъ прошелся, громко насвистывая, взадъ и впередъ по сѣнямъ, потомъ опять зашелъ въ хлѣвъ, къ Витенъ Пеннъ, и спросилъ, гдѣ работницы.

— Боюсь, что еще въ постели валяются, мой милый! Не зайдешь-ли ты и къ нимъ, Іёрнъ?

— Да ты вѣдь хозяйка у насъ. Развѣ ты не можешь приказать имъ?

— Ну, это не такъ-то просто, — сказала она. — Онѣ вѣдь у насъ съ Августомъ и Генрихомъ въ дружбѣ, а потому имъ и поспать можно подольше!

Тогда онъ опять пошелъ черезъ сѣни, подобралъ на ходу нѣсколько полѣньевъ, валявшихся у дверей кухни, и, швырнувъ ими въ дверь той комнаты, гдѣ спали дѣвушки, продолжалъ пѣть и свистать. Свѣжій юный голосъ его звонко раздавался въ утренней тишинѣ дома. Онъ пѣлъ, какъ первая птица, пробудившаяся въ саду на утренней зарѣ, словно гордясь своею пѣсней и въ то же время чуть-чуть робѣя.

Потомъ онъ сошелъ съ крыльца, чтобы пройтись подъ окнами съ наружной стороны дома и увидѣлъ брата своего Ганса, уже три года тому назадъ конфирмовавшагося, который шелъ теперь по лужайкѣ, очевидно возвращаясь изъ села. Онъ пошелъ навстрѣчу ему и съ усмѣшкою, освѣтившею все его лицо, весело сказалъ ему:

— Гансъ! Голубчикъ! А я-то думалъ, что ты еще въ постели лежишь! Неужели ты ужь на мельницѣ побывалъ? Или къ кузнецу заходилъ?

Но братъ, подойдя къ нему, ударилъ его.

— Болванъ!—проговорилъ онъ, отяжелѣвшимъ, заплетающимся языкомъ и грубыми пинками загналъ его въ конюшню. Тутъ онъ хотѣлъ ударить его еще разъ, но промахнулся и долженъ былъ прислониться къ одной изъ лошадей. Лошадь насторожилась и стала безпокойно перебирать ногами. Тогда среди лошадей появился Фите Крэй съ скребницею въ рукѣ.

— Что тутъ такое?—сказалъ онъ.— Ты, кажется, Іёрна отколотилъ? Посмѣй

мнѣ только еще разъ его тронуть! Я тебѣ скажу,—мы съ Іёрномъ такого тебѣ зададимъ, что ты у насъ и на ноги не встанешь!

Послѣ обѣда, когда отецъ по обыкновенію сталъ собираться въ городъ, Іёрнъ вызвался запречь и подать лошадей. Проворно и ловко справившись съ упряжкой, онъ лихо обогнулъ уголъ дома, подкатилъ повозку съ парой красивыхъ караковыхъ лошадей къ крыльцу, спрыгнулъ на землю, и, взявъ подъ уздцы пристяжную, сталъ похлопывать ее по мордѣ, припѣвая тихонько: «Ultimo—безумство!»

Клаусъ Уль стоялъ въ сѣняхъ и, услышавъ это, проговорилъ:

— Слышишь ты, Витенъ? Тихоня-то нашъ! Что это съ нимъ такое?—и засмѣялся.

— Онъ сегодня все утро пѣлъ, — сказала она.

А онъ, между тѣмъ, продолжалъ напѣвать, какъ ни въ чемъ бывало: «Ultimo—безумство!»

— Что это ты тамъ поешь?—сказалъ Клаусъ Уль.

— О!—сказалъ онъ спокойно.—Вчера къ учителю Петерсу ландратъ заѣзжалъ—такъ я слышалъ случайно, какъ онъ говорилъ: «Всѣ, кто играетъ въ ultimo, неизбѣжно разоряются».

— Да что ты?.. — Онъ вскочилъ въ повозку и весело засмѣялся. — Іёрнъ, другъ ты мой милый!—сказалъ онъ.— Такъ ты не играй въ ultimo!

Мальчикъ расхохотался, а отецъ тронулъ лошадей. Нѣкоторое время все еще слышался веселый, добродушный смѣхъ его, легко и раскатисто вырывавшійся изъ его груди.

Хотя Іёрнъ въ это время сильно росъ, и вставать по утрамъ было ему очень трудно, однако онъ каждое утро просилъ Фите Крэя будить его, заходилъ, какъ бы невзначай, на кухню, въ конюшню, въ хлѣвъ, въ поле и являлся для всѣхъ какимъ-то безпокойнымъ, блуждающимъ призракомъ совѣсти. Однажды, въ отсутствіе отца, въ конюшню зашли съ Августомъ, старшимъ изъ братьевъ, два барышника; Іёрнъ былъ уже тутъ-какъ-тутъ и не уходилъ. Тогда одинъ изъ барышниковъ сказалъ ему:

— Послушай, паренекъ! Выйди на дворъ, да посмотри, смирно-ли стоятъ тамъ лошади?

Онъ вышелъ. Тогда барышникъ сказалъ товарищу:

— Удивительное дѣло! Глаза этого мальчика такъ смущали меня, какъ если бъ я конокрадомъ былъ: такъ онъ на меня смотрѣлъ!

Другой засмѣялся:

— Мнѣ тоже чудно это какъ-то показалось. Вѣдь онъ съ насъ просто глазъ не сводилъ! Я невольно все время оборачивался на него. Вотъ посмотри,— это единственный изъ дѣтей Клауса Уля, изъ котораго толкъ выйдетъ! Страсть какой смѣтливый паренекъ!

Когда однажды братья отвѣшивали покупателю сѣно, Іёрнъ опять стоялъ тутъ и придирался къ вѣсу: «Вы ему лишняго даете!» сказалъ онъ. Братья, которые были пьяны, и покупатель— умный шутникъ—разсмѣялись. Но когда покупатель замѣтилъ, что мальчикъ въ серьезъ слѣдитъ за вѣсами, онъ съ важностью заявилъ, что не можетъ допустить такихъ замѣчаній, особенно со стороны зеленаго юноши, что никогда еще ему не приходилось слышать ничего подобнаго. Тогда братья вспыхнули и, схвативъ вилы, прогнали Іёрна изъ сарая. Онъ вышелъ въ поле и долго ходилъ съ Фите Крэемъ, который занимался пахотой.

Осенью Эльсбе вмѣстѣ съ Лисбетою Юнкеръ стала учиться у бабушки Лисбеты рукодѣлью и отчасти французскому языку. Это была привѣтливая старая женщина, въ теченіе сорока лѣтъ дѣлившая радость и горе своего мужа. Но въ области иностранныхъ языковъ они никакъ не могли придти къ доброму согласію другъ съ другомъ. Жена училась въ юности французскому и восхваляла этотъ языкъ, которому и обучала дѣтей. Онъ же изучилъ англійскій языкъ такъ что могъ читать на этомъ языкѣ не особенно трудную книгу; къ тому же ему случалось иногда говорить съ англійскими моряками. Оба пытались одно время изучить любимый языкъ другого,

но должны были отказаться отъ этой мысли. Итакъ, обоихъ старичковъ часто можно было видѣть сидящими на своихъ обычныхъ мѣстахъ, у двухъ различныхъ оконъ, причемъ каждый занимался своимъ языкомъ и, обращаясь къ другому на нижнегерманскомъ нарѣчіи, начиналъ поддразнивать его, взводя разную клевету на его любимый языкъ и подсмѣиваясь надъ народомъ, который говоритъ на такомъ языкѣ.

Эльсбе Уль, жизнь которой была куплена смертью ея матери, была полна необыкновенной жизнерадостности, какъ это часто наблюдается у людей, происшедшихъ отъ рослыхъ, сильныхъ родителей и при этомъ отличающихся небольшимъ ростомъ. Для своихъ одиннадцати лѣтъ она была положительно мала; но въ ней била ключомъ юная жизнь, и она была стройна, какъ молодая рябина. Старшіе братья совершенно не замѣчали ея существованія, но съ Юргеномъ и Фите Крэемъ они жили душа въ душу. Часто, когда возвращаясь въ послѣобѣденное время изъ села, она шла по лужайкѣ, оба смотрѣли на нее, стоя въ дверяхъ конюшни. Тогда она поднимала надъ головою ранецъ и махала имъ, а иногда ей приходила плутовская мысль состроить высокомѣрное лицо, причемъ она поворачивала голову въ сторону. Она называла это: «показывать профиль». Дѣло въ томъ, что Фите утверждалъ, будто сбоку, особенно слѣва, она была красивѣе, чѣмъ спереди. Все ея маленькое существо было въ движеніи, ноги скользили, платье билось о колѣни и бедра, руки двигались, какъ будто бы она пробивалась черезъ камыши, а не боролась съ вѣтромъ. Подойдя къ мостику, переброшенному черезъ канаву, она закричала сквозь шумъ вѣтра и деревьевъ:

— Пройти или перепрыгнуть?

— Перепрыгнуть!—закричали мальчики.

Въ кухнѣ распахнулось окно, и Витенъ закричала:

— Опять тебя мальчишки на глупости подбиваютъ!

— А ты разсердишься, если я перепрыгну, Витенъ?

— Вотъ еще сердиться! Мнѣ то что! Дѣлай себѣ, что хочешь!—И она захлопнула окно.

Сначала черезъ канаву перелетѣли книги, потомъ, послѣ короткаго, сильнаго разбѣга, и сама Эльсбе. Перепрыгнувъ, она съ трудомъ удержалась на ногахъ и закричала:

— Не правда ли славно перепрыгнула?

Фите кивнулъ головою и послалъ Іёрна въ кухню за полдникомъ. Когда тотъ ушелъ, онъ посвисталъ тихонько и, глядя въ воздухъ, сказалъ:

— А знаешь, сколько разъ, бывало, я тебя здѣсь на рукахъ таскалъ, когда ты маленькая была!

— Ну, это ты сочиняешь!

— А если я тебѣ скажу, что ты здорово себѣ ноги промочила, такъ ужъ это я не сочиню.

Она засмѣялась:

— Не говори только Витенъ! Погоди, я сейчасъ приду.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась:

— Чулки-то удалось такъ ловко раздобыть, что она и не замѣтила! Нужно будетъ ихъ здѣсь поскорѣй надѣть!

Она зашла въ пустое стойло, быстро перемѣнила чулки и опять вышла.

— Ну, теперь держись!—сказала она, разбѣжалась изо всѣхъ силъ, какъ передъ прыжкомъ черезъ канаву, повѣсилась ему на шею, такъ что онъ долженъ былъ крѣпко схватить ее, и, заливаясь смѣхомъ, стала барахтаться руками и ногами.

— Слушай ты, дѣвчурка!—говорилъ онъ.—Да что ты за егоза такая въ самомъ дѣлѣ!

— Тсс... Пусти меня! Іёрнъ идетъ!

Онъ быстро спустилъ ее, и когда подошелъ Юргенъ съ хлѣбомъ, они уже стояли какъ ни въ чемъ не бывало.

Это было хорошо для сильной, жизнерадостной дѣвочки, что на слѣдующій же годъ въ другѣ ея, Фите Крэѣ начала пробуждаться мужская гордость, и онъ нѣсколько отстранилъ отъ себя «дѣвчурку», какъ онъ ее называлъ, отдавъ свое сердце красивенькой, свѣженькой дѣвушкѣ, работавшей подъ руководствомъ Витенъ на кухнѣ, которая

была одного съ нимъ возраста и отвѣтила на его любовь пылкою взаимностью. Однако, онъ былъ порядочный плутъ, какъ истинный представитель Крэевъ, а потому не порвалъ окончательно съ маленькою Эльсбе.

Однажды, незадолго до праздника Всѣхъ Святыхъ, Эльсбе, возвратившись съ урока рукодѣлья и зайдя въ конюшню, сказала обоимъ мальчикамъ:

— Учитель Петерсъ, который вѣчно занятъ всякой чепухою, говорилъ сегодня, что теперь для многихъ людей наступаетъ ужасно тяжелое время, потому что они должны платить проценты по своимъ долгамъ. Мнѣ думается, что и къ намъ придутъ люди и принесутъ отцу проценты.

Юргенъ безпокойно вскинулъ глаза, Фите Крэй посвистѣлъ.

Нѣсколько времени спустя, когда они только что отполудновали, во дворъ зашелъ невысокій старичокъ, съ прямою твердою осанкой, посѣдѣвшими, коротко остриженными волосами и благообразнымъ умнымъ лицомъ. Онъ подошелъ къ дѣтямъ и спросилъ, дома ли хозяинъ. Эльсбе сказала, что онъ пошелъ на село, но скоро вернется.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ нимъ,—сказалъ старикъ.

Трое дѣтей взглянули на него, и такъ какъ онъ казался уставшимъ съ дороги, Фите Крэй добродушно сказалъ ему:

— Зайдите въ комнату, пока хозяинъ не пришелъ.

Тогда дѣти повели его черезъ сѣни и хотѣли взойти съ нимъ прямо въ парадныя комнаты, какъ вдругъ изъ кухни вышли Генрихъ и Гансъ. Генрихъ сказалъ:

— Это еще что? К[illegible]это вы ведете?—И оба брата оглядѣли маленькаго человѣка съ головы до ногъ. На немъ былъ длинный, синій сюртукъ изъ самодѣльнаго сукна, какое еще и понынѣ употребляется въ Гестѣ; сапоги его были сѣры отъ песку, а въ рукѣ онъ держалъ узелокъ изъ краснаго клѣтчатаго платка, въ который завязанъ былъ полдникъ.

Дѣти сказали, что старикъ хочетъ поговорить съ отцомъ.

— Ну! — сказали старшіе братья.— Чего же тащить его сейчасъ въ парадныя комнаты! Пусть пройдетъ въ комнату Фите Крэя.

Старикъ пошелъ съ людскую, сѣлъ и сказалъ привѣтливымъ голосомъ:

— А вы—младшія дѣти Клауса Уля?

— Да,—сказала Эльсбе.—Мнѣ ужъ двѣнадцать лѣтъ, а Іёрну четырнадцать.

— Вы милыя дѣти,—сказалъ онъ.— Старшіе сейчасъ же стали смотрѣть на сюртукъ и замѣтили, что я изъ Геста. Я всегда беру свой полдникъ съ собою, поэтому мнѣ не приходится заходить въ корчму и проѣдать деньги.

Іёрнъ отвѣтилъ серьезнымъ голосомъ:

— Мы съ Эльсбе всегда держимся просто и тоже никогда не будемъ ходить въ корчму.

— Развѣ — тогда, когда тамъ балъ будетъ!— сказала Эльсбе.

— Я никогда туда не пойду!—сказалъ онъ.—Никогда въ жизни!

— И ты будешь правъ! — сказалъ старикъ, улыбаясь.—Тогда тебѣ не придется терпѣть нужду на старости, и ты сможешь спокойно жить на свои проценты.

Тутъ Юргенъ спохватился, обернулся и, выйдя изъ комнаты, стремглавъ помчался черезъ сѣни прямо къ отцу, который только что вернулся домой съ веселымъ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Тамъ пришелъ какой-то маленькій человѣкъ изъ Геста. Онъ хочетъ говорить съ тобою. Онъ у насъ тамъ въ людской сидитъ.

— Что? Въ людской?..

Онъ поспѣшно пошелъ черезъ сѣни въ людскую. Когда ему попался навстрѣчу Гансъ, онъ далъ ему такую затрещину, что тотъ отлетѣлъ къ стѣнѣ. Потомъ онъ вошелъ въ людскую.

Уже сколько лѣтъ онъ не заходилъ сюда: что ему было за дѣло до работниковъ, что ему было за дѣло до Фите Крэя? Но теперь въ людской сидѣлъ старикъ, а передъ нимъ, прижавшись къ его колѣнямъ, стояла Эльсбе и разсказывала ему про Тисса Тиссена, котораго оба они хорошо знали.

— Уходи отсюда!—сказалъ ей Клаусъ Уль.—Мнѣ очень непріятно, Мартенсъ, что эти глупыя дѣти привели васъ сюда!

Старикъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой:

— Я пришелъ сюда но за почетомъ, а за моими деньгами. Мои 80,000 марокъ скоро понадобится мнѣ. У меня дочь выходитъ замужъ.

Юргенъ опять побѣжалъ со всѣхъ ногъ черезъ сѣни, вошелъ въ кухню, остановился подлѣ Витенъ, которая мыла полъ, и сталъ дергать ее за передникъ, какъ маленькія дѣти, пока она, наконецъ, не сказала ему:

— Что тебѣ, мальчуганъ? Убирайся прочь отсюда!

Но онъ взглянулъ на нее такими глазами, что она замолчала и, погладивъ его по свѣтлымъ волосамъ, проговорила:

— Да, хорошо, что твоей матери нѣтъ въ живыхъ.

Она говорила это или что-нибудь въ этомъ родѣ всякій разъ, какъ въ домѣ случалось какое-нибудь особенное событіе. Онъ не вполнѣ понималъ, что она хочетъ сказать этимъ, но догадывался что его покойная мать была въ какомъ-то противорѣчіи съ духомъ, царившимъ въ ихъ домѣ; и хотя отъ матери не сохранилось никакого портрета, а фантазіей онъ не былъ одаренъ, но ему представлялось въ этихъ случаяхъ, будто мать съ мертвеннымъ, глубоко опечаленнымъ лицомъ прошла по дому. Но онъ воображалъ ее себѣ при этомъ высокою и худощавою, тогда какъ въ дѣйствительности она была маленькая и полная, какъ позднѣе Эльсбе.

Вечеромъ этого дня, когда отецъ, ранѣе обыкновеннаго, но все же подъ хмѣлькомъ, вернулся изъ села, Юргенъ встрѣтилъ его въ сѣняхъ, безъ куртки и съ вилою въ рукахъ, какъ если бы онъ только что вышелъ изъ конюшни, и сказалъ ему запинающимся голосомъ:

— Слушай, отецъ! Если у насъ столько долговъ, то вѣдь скоро намъ придется продать и самый нашъ домъ.

И онъ громко заплакалъ. Но отецъ ударилъ его и прогналъ прочь. Онъ побѣжалъ въ людскую и проспалъ эту ночь у Фите Крэя.

Съ этого дня, заслышавъ беззаботный смѣхъ своего отца, онъ всегда уходилъ прочь; онъ шелъ, куда глядѣли глаза—въ какіе-нибудь сараи или сады, примыкавшіе къ двору. А иногда его находили погруженнымъ въ англійскую книгу или учебникъ — забившимся въ какой-нибудь уголъ или же сидящимъ гдѣ-нибудь на деревѣ, или на бревнахъ. Онъ добился у Витенъ разрѣшенія спать всегда съ Фите Крэемъ, въ людской, которая находилась справа отъ сѣней, какъ разъ противъ кухни. Здѣсь прожилъ онъ одиннадцать лѣтъ—до самой своей женитьбы, не считая тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя онъ былъ въ солдатчинѣ, и года, проведеннаго на войнѣ во Франціи.

Глава шестая.

Въ конюшнѣ для жеребятъ, недалеко отъ входной двери, стоялъ деревенскій сундукъ, служившій теперь ящикомъ для корма. Онъ былъ сдѣланъ изъ дубоваго дерева, а украшавшая его тонкая благородная рѣзьба изображала исторію блуднаго сына:налѣво вътотъмоментъ, когда онъ, одѣтый въ богатое платье, съ тяжелымъ кошелькомъ золота въ рукѣ, собирается покинуть своего отца, представленнаго тутъ же, предъ дверью дома; направо—въ тотъ моментъ, когда онъ въ лохмотьяхъ возвращается домой. Подъ этимъ изображеніемъ стояла раздѣленная замкомъ на двѣ части рѣзная надпись: «Благословеніе Господне ниспосылаетъ богатство безъ труда». Внизу была другая надпись: «Клавесъ Уль, 1624».

Втеченіе трехъ столѣтій сундукъ этотъ считался лучшею драгоцѣнностью въ домѣ Клауса Уля, но мало-по-малу люди стали богаче, а вкусъ хуже. Сундукъ былъ нѣсколько разъ перекрашенъ великолѣпными яркими красками, которыя совершенно сгладили тонкую выразительность рѣзныхъ фигуръ, и, наконецъ, впалъ въ общее пренебреженіе и сталъ служить ящикомъ для корма. Теперь его уже больше не перекрашивали, и изъподъ густыхъ наслоеній краски снова

стало проглядывать твердое сѣрое дерево. Но никто не догадался бы теперь, что этотъ ящикъ представлялъ собою когда-то такую цѣнность.

Если бы этотъ старый, низенькій сундукъ могъ повѣдать объ всемъ, что онъ видѣлъ! Сердце у него было—это несомнѣнно: вѣдь онъ такъ долго прожилъ среди людей! Но рта у него не было. На этомъ-то сундукѣ и сидѣли обыкновенно дѣти въ тѣ два года, которые Фите Крэй, послѣ своей конфирмаціи, прожилъ въ домѣ Уля въ качествѣ работника; здѣсь-то выковывали они твердые, тяжелые планы своей жизни. Звонкіе дѣтскіе голоса и смѣхъ раздавались въ конюшнѣ и вырывались на дворъ, какъ звонкіе, звучные удары молота передъ кузнечнымъ горномъ.

— Фите, иди сюда!—говорили дѣти.—Давай полдничать!

Іёрнъ клалъ на сундукъ свою книгу, рядомъ съ нею ломоть хлѣба и садился. Эльсбе уже сидѣла на сундукѣ и нетерпѣливо болтала ногами. Фите ставилъ на землю желѣзное ведро и со всего размаху тоже садился на сундукъ. «All right», говорилъ онъ. Онъ всегда подхватывалъ какое-нибудь понравившееся ему словцо.

— Такъ это рѣшено,— говорилъ Іёрнъ. — Когда я уѣду изъ дому, ты останешься здѣсь и будешь за всѣмъ присматривать. Иначе я вѣдь не смогу сдѣлаться ландфогтомъ.

— Да, да,—говорилъ Фите медленно и задумчиво, съ мужскими грудными тонами въ голосѣ.—Мнѣ трудно было рѣшиться на это, но я это сдѣлаю. Я останусь здѣсь. Прежде у меня были разныя бредни въ головѣ, особенно долго Калифорнія во мнѣ сидѣла, но съ годами умнѣешь. Баста! Остаюсь здѣсь—и все тутъ.

— Ты еще проживешь здѣсь нѣсколько лѣтъ въ работникахъ,—сказалъ Іёрнъ.—Но потомъ вѣдь отецъ твой состарится. Тогда ты перейдешь жить къ нимъ и возьмешь себѣ жену, а здѣсь будешь работать поденно и заботиться обо всемъ хозяйствѣ. За торговлю щетками ты не долженъ браться. Ты долженъ думать только объ нашей усадьбѣ, здѣсь только и работать. Ты ужъ придумалъ, на комъ жениться?

— Придетъ время, такъ и подумаю,—сказала Фите Крэй.—Мало ли бабъ на свѣтѣ!

Они посидѣли нѣкоторое время и, передавая поочереди другъ другу коричневую кружку, стоявшую между ними, напились свѣжей сыворотки.

— Кабы ты только скорѣй въ гимназію поступилъ!—сказала Эльсбе и нетерпѣливо забарабанила каблуками по блудному сыну.

— Этого-то я уже добьюсь!—сказалъ Іёрнъ и, сжавъ кулакъ, рѣшительно тряхнулъ головою.—Я ужъ заранѣе радуюсь этому! Земледѣльцемъ я бы не могъ быть, положительно не могъ бы. Но надъ книгами я могу безъ устали работать. Одно только меня постоянно гложетъ: чтобы тутъ все было въ порядкѣ. Оттого-то Фите и долженъ остаться тутъ.

Фите утеръ себѣ губы и громко стукнулъ пустою кружкой о сундукъ:—Дѣлайся себѣ ландфогтомъ на доброе здоровье! Я остаюсь здѣсь и позабочусь объ хозяйствѣ. Можешь положиться на меня.

Іёрнъ уже собралъ свои книги и задумчиво направился въ садъ.

— Ну вотъ, теперь мы одни,—сказала Эльсбе.—Подумай пожалуйста: я видѣла Гарро Гейнзена; онъ застрялъ въ третьемъ классѣ и больше не хочетъ учиться. Мы съ нимъ прошлись по кладбищу. Чего онъ мнѣ только ни наразсказалъ! Я тебѣ скажу,—онъ преумный!

— Не возись ты съ нимъ пожалуйста!—сказалъ Фите.—Развѣ ты не помнишь, въ какихъ мы съ тобою отношеніяхъ.

— Разумѣется помню!

— Такъ, какъ же ты не понимаешь? Іёрнъ будетъ ландфогтомъ и не станетъ намъ поперекъ дороги. Августъ скоро женится и получитъ другой дворъ. Генрихъ уже въ солдатахъ, а Гансъ пойдетъ въ солдаты въ будущемъ году. И всѣ говорятъ: если старый король помретъ, то будетъ война. И тогда одного изъ нихъ навѣрное застрѣлятъ; а другой тоже получитъ отдѣльный дворъ Кто же тогда останется? Ну, скажи-ка

дѣвчурка, кто тогда останется? Одна ты!.. Одна единственная! Тогда я сдѣлаюсь у васъ во дворѣ старшимъ работникомъ. А отецъ твой тогда будетъ уже старый и скажетъ: «Женитесь, дѣти, чтобы я могъ пожить въ покоѣ на старости лѣтъ». Вотъ какъ оно должно быть. И такъ оно и будетъ.

Она разсѣянно кивнула головой и снова заговорила при Гарро Гейнзена:

— Его сестра ужъ невѣста, а ей только восемнадцать лѣтъ. Черезъ шесть лѣтъ я тоже хочу быть невѣстой, а если ты тогда не захочешь на мнѣ жениться, я возьму другого.

— Не заводи ты пожалуйста разговоровъ съ этимъ Гарро Гейнзеномъ, Эльсбе. Онъ просто дуракъ.

— А-а!—сказала она, потягиваясь.— Разскажи мнѣ лучше что-нибудь! Гарро Гейнзенъ всегда столько разскажетъ про взрослыхъ; чего они только ни продѣлываютъ! Лизхенъ Видергольтъ танцовала уже, когда ярмарка была, а ей всего шестнадцать лѣтъ. Пойди тоже какъ-нибудь на балъ, а потомъ разскажи мнѣ... Я думаю, когда я буду большая, я просто затанцуюсь: до тѣхъ поръ буду танцовать, пока не свалюсь... Когда мы будемъ мужемъ и женой, ты долженъ ѣздить со мной на каждый балъ.

— Непремѣнно,—сказалъ Фите Крэй.

—На каждый балъ. Это рѣшено.

— Дѣтей спать уложимъ и поѣдемъ.

— Само собой.

Она засмѣялась, побарабанила ногами по сундуку и стала раскачиваться изъ стороны въ сторону.

— Вотъ-то жизнь будетъ!—сказала она.

— Ну, теперь ступай, дѣвчурка!— сказалъ Фите Крэй.—Мнѣ сейчасъ работать нужно. Я вѣдь долженъ подумать объ томъ, какъ бы здѣсь первымъ сдѣлаться.

Когда дѣвочка исчезла, онъ всталъ и, тихонько посвистывая, побрелъ въ полутемный, освѣщенный только маленькимъ окошечкомъ сарайчикъ, гдѣ стояла соломорѣзка, усѣлся на соломѣ и сталъ думать: «Дѣвчурка непремѣнно должна сдѣлаться моею женой, это ужъ вотъ какъ я на этомъ мѣстѣ сижу! А только, чтобы я здѣсь хоть одинъ лишній день остался, это дудки. Я какую-нибудь большую торговлю себѣ открою или проѣдусь съ нею и съ ея деньгами по бѣлому свѣту, поселюсь въ Гамбургѣ, куплю себѣ гостинницу или что-нибудь въ такомъ родѣ. У кого деньги есть, тотъ все можетъ. Этакая глупая дѣвчурка! А, впрочемъ, все-таки она не такъ глупа, какъ Іёрнъ! Чтобы я всю жизнь на этомъ дворѣ поденьщикомъ былъ! Выдумать же этакое!»

Онъ покачалъ головой, всталъ, взялъ съ подоконника толстую истрепанную книгу, заброшенную въ людской какимъ-то прежнимъ работникомъ, усѣлся опять на мягкой соломѣ и сталъ читать про тяжкіе бурные приливы и про древнихъ германцевъ, и про черную смерть, про войны и разныя сверхъестественныя явленія. Это была славная, необыкновенно многосторонняя книга. Переплетъ ея оторвался и пропалъ, но заглавный листъ уцѣлѣлъ, и на немъ стояло: «Гномонъ, Клауса Гармса».

На скотномъ дворѣ стали безпокоиться животныя, телята мычали, прося корму. Фите Крэй, отложивъ книгу, сидѣлъ, согнувшись, все на томъ же мѣстѣ, проводилъ всѣми десятью пальцами по своимъ рыжимъ волосамъ и, погруженный въ тяжкія мысли, громко разговаривалъ самъ съ собою, обсуждая, какимъ образомъ привести въ исполненіе тотъ или другой изъ своихъ великихъ плановъ.

* * *

Клаусъ Уль проводилъ бо́льшую часть своего времени въ корчмѣ, или гдѣ-нибудь въ гостяхъ у односельчанъ, разговаривая о политикѣ, остря и играя въ карты, а въ тѣ немногіе часы, которые онъ проводилъ дома, онъ шутилъ или безпокойно ходилъ по дому и двору, мечтая только о томъ, какъ бы опять попасть въ злачное мѣсто. Объ образованіи своего младшаго сына онъ ни мало не заботился, не имѣлъ представленій о томъ, можетъ ли онъ выдержать пріемные экзамены, и боялся этого дня. Ибо ничто такъ не пугало его, какъ мысль оказаться въ смѣшномъ положеніи. Онъ жилъ въ постоянномъ самообманѣ и иллюзіяхъ на этотъ счетъ, а потому

страшно перепугался, когда Іёрнъ однажды сказалъ ему:

— Учитель Петерсъ получилъ письмо, что послѣзавтра я долженъ ѣхать на экзаменъ. Но занятія начнутся только послѣ Пасхи... Такъ какъ же? Значитъ, послѣзавтра я поѣду въ городъ вмѣстѣ съ тобой?

Клаусъ Уль нахмурился, но вдругъ лицо его просіяло:

— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову? Я подумалъ: не отвезетъ ли тебя туда Тиссъ Тиссенъ? Вѣдь для него это будетъ настоящее удовольствіе!

Итакъ, на третій день послѣ этого разговора во дворъ въѣхала большая старомодная повозка съ двумя одинаково высокими сидѣньями, и Тиссъ Тиссенъ сказалъ:

— Ты, Іёрнъ, садись на заднее сидѣнье: можетъ быть, тебѣ дорогой еще что-нибудь обдумать придется. Собралъ ли ты какъ слѣдуетъ свои духовные пожитки, Іёрнъ? Мы съ тобой поѣдемъ по песчаной дорогѣ, чтобъ не растрясло ихъ какъ-нибудь! Когда я въ городъ самый лучшій торфъ вожу, я всегда по песчаной ѣду...

— Не время теперь пустяки-то молоть! — сухо сказала Витенъ.—Скоро пятьдесятъ лѣтъ человѣку, а онъ все еще ума-разума набраться не можетъ!

Тогда онъ замолчалъ и сталъ смотрѣть на своихъ лошадей, между тѣмъ какъ Іёрнъ взлѣзъ на заднее сидѣнье, съ одной стороны отъ себя положивъ книги, а съ другой—поставивъ два горшка масла, которые навязала ему Витенъ.

— Не хорошо это, что Уль самъ не поѣхалъ съ мальчикомъ, — сказала Витенъ. — Знаю я, почему онъ этого не сдѣлалъ.

Іёрнъ тоже зналъ это. Но онъ чувствовалъ что въ этомъ моментѣ его жизни было что-то тягостное, опасное и постыдное, и находилъ вполнѣ понятнымъ, что его отецъ, этотъ рослый, всегда веселый и улыбающійся человѣкъ, отстранился отъ него сегодня. Позднѣе, когда онъ сталъ взрослымъ человѣкомъ, онъ взглянулъ на это отстраненіе другими глазами. Сорокалѣтнимъ мужчиною онъ все еще краснѣлъ за своего отца, вспоминая объ этомъ часѣ со всѣмъ, что было въ немъ позорнаго.

Тихій и подавленный сидѣлъ онъ за спиною Тисса. Трина Кюль, возлюбленная Фите Крэя, стояла на порогѣ двери; обѣ старшія работницы вышли изъ дому, смѣялись надъ Тиссомъ и говорили другъ другу про Іёрна: — Навѣрное у него сойдетъ благополучно! — Несмотря на его тихій и упорный нравъ, всѣ онѣ были очень расположены къ нему, дивились его любви къ книгамъ и считали его большимъ свѣтиломъ. Фите Крэй стоялъ въ дверяхъ конюшни, махалъ вилою и кричалъ: — All right, Тиссъ!—Эльсбе стояла у самой повозки, издѣвалась надъ высокимъ рыжевато-чернымъ цилиндромъ, который надѣлъ Тиссъ, и говорила: Тиссъ, у тебя все шиворотъ-навыворотъ! Такія шляпы надѣваютъ только на похороны!

— Или ради ландфогта, дѣтка! Я тебѣ долженъ сказать, что моя шляпа представляетъ собою прообразъ всѣхъ похоронныхъ шляпъ, какія только можно найти въ лавкахъ и въ шкафахъ на всемъ протяженіи между Эльбой и Кёнигсау. Все что можетъ быть въ шляпѣ круглаго, здѣсь ужъ такъ кругло, какъ самъ кругъ, а все, что въ шляпѣ загибается подъ угломъ, въ этой шляпѣ загибается подъ прямымъ угломъ! У меня форма головы немножко продолговатая, а шляпа круглая, поэтому я долженъ поддѣвать резинку подъ подбородокъ!

— Ну, довольно ужъ!—сказала Эльсбе; опять ты понесъ чепуху!

— Да,—сказала Витенъ,—теперь поѣзжайте съ Богомъ, довольно тутъ трещать, пора и за работу приниматься... Всего тебѣ хорошаго, Іёрнъ! Мнѣ думается, этотъ день долженъ принести тебѣ удачу. Только... не знаю... словно будто еще тутъ что-то есть...

Когда они, огибая Рингельсгёрнъ, свернули на мягкую песчаную дорогу, они увидѣли Лисбету Юнкеръ, которая, сбѣгая наперерѣзъ имъ съ Рингельсгёрна, махала рукой и кричала:

— Тиссъ, остановись! Тиссъ, да остановись же!

— Что тебѣ, принцесса?

— Я только хотѣла дать одну вещь Іёрну,—сказала она.—Это тебя не касается.

Она ловко вскочила на подножку и сунула въ руку смутившемуся Іёрну большое красное яблоко:

— Это послѣднее яблоко въ нашемъ домѣ, — сказала она. — Оно всегда достается мнѣ. А теперь пусть тебѣ будетъ!

Она соскочила на землю и, отойдя отъ дороги, смущенно и плутовато подняла руку и погрозила ему:

— Только смотри, чтобъ непремѣнно ландфогтомъ сдѣлаться!.. Ну, теперь поѣзжай, Тиссъ!

Они ѣхали по глубокому песку степи тихою рысью. Путешествіе это отнюдь не имѣло тріумфальнаго характера. Впереди сидѣлъ Тиссъ и смотрѣлъ на лошадиныя спины. Маленькіе умные глаза и все его маленькое, худенькое лицо, глядѣвшее изъ-подъ высокой, прямой похоронной шляпы, свѣтились тою улыбающеюся мудростью, которая говоритъ страданіямъ: «Я буду тихонько смѣяться надъ вами», а радостямъ:—«Я буду тихонько плакать надъ вами»;—тою мудростью, которая говоритъ: «Человѣческая жизнь—неизъяснима. Притаись, птичка, но не бойся: все въ рукѣ Бога всемогущаго». А за его спиною сидѣлъ Іёрнъ во всей своей юной свѣжести и со всѣми своими богатствами—горшками масла слѣва и наукою справа, и серьезно, задумчиво смотрѣлъ впередъ, какъ еслибъ вся жизнь шла къ могилѣ вслѣдъ за этою буро-черною похоронною шляпою.

Вотъ показалась передъ ними и стала расти все выше и выше старая церковь; вотъ деревянный мостъ черезъ Виндбергерау, а потомъ пошли дома, тѣснѣе и тѣснѣе жавшіеся другъ къ другу, съ высокими свѣтло - красными кровлями.

Такъ какъ постоялый дворъ, гдѣ обыкновенно останавливались торговцы торфомъ, въ своихъ самодѣльныхъ синихъ и сѣрыхъ сюртукахъ, въ это время перестраивался, то имъ пришлось спуститься въ нижнюю часть города и заѣхать на постоялый дворъ, гдѣ останавливались обыкновенно только зажиточные крестьяне изъ Марша.

Они просидѣли два часа въ большой пустой комнатѣ въ самомъ тоскливомъ подавленномъ состояніи. Іёрнъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, а Тиссъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, отпивая понемногу изъ рюмки кюммеля, которую онъ велѣлъ подать себѣ, и дважды набивалъ свою трубку изъ ящика, который по старинному обычаю стоялъ на прилавкѣ для безплатнаго пользованія посѣтителей. Потомъ они вышли и пошли по маленькимъ тихимъ улицамъ прямо въ гимназію.

Такъ какъ Тиссъ имѣлъ обыкновеніе, отвѣчающее его природной скромности, никогда не входить въ домъ черезъ главныя двери, а всегда черезъ какую-нибудь боковую дверь, которая вела иногда въ кухню, а иногда и въ конюшню, то и на этотъ разъ онъ робко обошелъ большой парадный подъѣздъ и благополучно добрался до двери, которая вела куда-то въ подвальное жилище сторожа. Онъ оказался сапожникомъ и сидѣлъ у рабочаго стола, а передъ нимъ стоялъ утренній кофе, и утреннее солнце искрилось и играло въ блестящей оловянной посудѣ и въ стекляномъ шарѣ, который стоялъ на столѣ, и въ бѣломъ пескѣ, которымъ былъ только что посыпанъ бѣлый полъ маленькой комнатки. Пріятный свѣжій запахъ смолы, кожи и кофе наполнялъ комнату, проливая радость въ одинокую душу Тисса Тиссена.

— А я вамъ рекрута привезъ,— сказалъ онъ привѣтливо.—Венторфскій учитель Петерсъ его подготовилъ. По-англійски онъ понимаетъ, а что касается прочаго—другихъ иностранныхъ словъ и общаго слога, то этому онъ здѣсь научится. Онъ вѣдь у насъ въ ландфогты мѣтитъ.

Сапожникъ посмотрѣлъ на него поверхъ своихъ очковъ и сказалъ:

— Сейчасъ я отведу его. Они вѣдь тамъ уже начали.

— Ну, Іёрнъ, дай тебѣ Богъ управиться получше. Ты вѣдь знаешь,— драчона да свиная голова славныя вещи; а къ этому не мѣшаетъ прибавить и хорошее крѣпкое платье на лѣто и на

зиму, и хорошую надежную крышу надъ головой. Славныя это все вещи, Іёрнъ! А они тебѣ на всю жизнь обезпечены, коли ты ландфогтомъ сдѣлаешься.

Сапожникъ съ Іёрномъ ушли, а Тиссъ усѣлся на солнцѣ, осторожно поставилъ шляпу себѣ на колѣни и затихъ въ ожиданіи пріятной бесѣды. Сапожникъ возвратился, отставилъ свою чашку и принялся за работу.

— Скажите пожалуйста, мой любезный, сколько времени нужно учиться въ школѣ, чтобы эдакъ, какъ слѣдуетъ, кончить?

— Гм... это зависитъ отъ того, начнетъ ли мальчикъ съ самаго начала или поступитъ прямо въ какой-нибудь изъ классовъ постарше.

— Я думаю,—сказалъ Тиссъ,—что онъ у насъ обойдется безъ младшихъ классовъ, потому что, во-первыхъ, онъ два года обучался у Петерса, а во-вторыхъ, онъ вѣдь сынъ Клауса Уля.

— Клауса Уля изъ Венторфа?

— Его самаго. Учителя вѣдь будутъ знать, что за нѣсколькими стаканами грога да за какими-нибудь нѣсколькими окороками онъ не постоитъ! А съ моей стороны—это я такъ только говорю, къ слову пришлось—за возомъ добраго чернаго торфу дѣло не станетъ. Я вѣдь Тиссъ Тиссенъ. Меня обыкновенно называютъ «Тиссомъ изъ Гезе». Что вы на это скажете?

— Видишь ли, Тиссенъ, это та же самая исторія, что съ моимъ двоюроднымъ братомъ, младшимъ сыномъ моего дяди, брата моей матери... Она урожденная Энервельдѣнъ изъВенторфа.Знаешь изъ зюдердонскихъ Крэевъ?

— Какъ же!—сказалъ Тиссъ. Старый Генрихъ Крэй! Еще его вторая жена была на оба уха глуха и слышала только то, что ей хотѣлось слышать!

— Эта самая, надо полагать. Такъ вотъ, мой двоюродный братъ раньше былъ сапожникомъ, а потомъ сталъ извозчикомъ... Одинъ разъ какъ-то, на крестинахъ, ихъ четыре человѣка сапожниковъ собралось, и что бы вы думали: сколько изъ нихъ бросило сапожное мастерство?

— Ну?

— Всѣ четверо! Бросили сапожное мастерство, занялись другимъ дѣломъ и все пошло, какъ по маслу... Такъ оно и съ гимназіей: изъ пяти человѣкъ которые туда поступятъ, много что одинъ до конца дотянетъ!

— Іёрнъ Уль дотянетъ! — сказалъ Тиссъ. Онъ у насъ цѣлый день по уши въ книгахъ сидитъ, ничего не видитъ и не слышитъ. Онъ, видишь ли, всадилъ себѣ въ голову, что ландфогтомъ сдѣлается.

Въ эту минуту въ дверяхъ появился Іёрнъ; узкое продолговатое лицо его было нѣсколько блѣдно, а свѣтлые волосы стоймя стояли на головѣ, словно каждый отдѣльный волосокъ хотѣлъ посмотрѣть, какіе глаза сдѣлаетъ Тиссъ Тиссенъ.

— Мнѣ все равно, Тиссъ, въ старшемъ классѣ или въ младшемъ. Мнѣ бы только учиться.

Тиссъ держалъ обѣими руками свою шляпу, словно ожидая, чтобы ему бросили туда грошъ.

Іёрнъ покачалъ головой, такъ что въ глазахъ его заискрилось солнце:

— Все прахомъ пошло! Латинскій нужно было учить... Сколько лѣтъ мальчикамъ, которые сидятъ въ младшемъ классѣ?

— Ты будешь изъ нихъ самымъ длиннымъ!—сказалъ сапожникъ.

— Видишь, Тиссъ? И въ младшемъ классѣ самымъ длиннымъ! И все это отъ того, что онъ каждый божій день ѣздилъ въ городъ и не могъ спросить, латинскому или англійскому мнѣ учиться... Но я все-таки хочу сдѣлаться ландфогтомъ. Я сказалъ имъ тамъ, наверху, что послѣ Пасхи опять пріѣду.

— Іёрнъ, голубчикъ ты мой! Чтожъ на это Лисбета скажетъ и Фите Крэй?

— Это все равно! Это мнѣ рѣшительно все равно! Послѣ Пасхи, когда начнутся занятія, я опять пріѣду. Я хочу съ самаго начала начать—ничего, что придется сидѣть между малышами. Поѣдемъ!

Тиссъ медленно поднялся и покачалъ головою.

— Іёрнъ, голубчикъ ты мой! Вотъ вѣдь скверная исторія-то! Опять Эльсбе скажетъ, что за что я ни возьмусь, все шиворотъ-навыворотъ выходитъ. А стар-

шіе братья твои будутъ зубы скалить... Впрочемъ, теперь разсуждай - не - разсуждай, англійскаго латинскимъ не сдѣлаешь! Поѣдемъ, Іёрнъ!

Они простились и опять прошли на постоялый дворъ. Тиссъ допилъ рюмку кюммеля, которая все еще стояла на прилавкѣ, и въ третій разъ набилъ себѣ трубку табакомъ хозяина, потомъ не спѣша надѣлъ свою высокую шляпу и спросилъ, сколько съ него слѣдуетъ. Но хозяинъ, полусмѣясь, полусердясь на то, что Тиссъ такъ мало выпилъ и такъ много выкурилъ табаку, сказалъ:

— Ну ужъ, за усердіе твое въ куреніи, за водку ничего съ тебя не возьму, Тиссенъ!—и отказался отъ платы.

И вотъ, не потерпѣвъ ущерба хотя въ денежномъ отношеніи, опять выѣхали они въ степь. Но на этотъ разъ они сидѣли рядомъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Говорили они немного. Только разъ Іёрнъ сказалъ:

— Все равно! Я-таки добьюсь своего!

Когда они выѣхали изъ ольховой аллеи и подъѣзжали къ дому, на порогѣ появилась Эльсбе. Глаза ея были заплаканы, и горячія рыданія ежеминутно приподнимали и опускали ея плечи.

Когда Тиссу Тиссену случалось видѣть какое-нибудь несчастіе, онъ приходилъ въ страшное волненіе, таращилъ глаза и начиналъ дергать руками и ногами. Видѣть же слезы Эльсбе было ему уже совсѣмъ невыносимо.

— Скажи скорѣй, дѣвчурка, что съ тобой такое? Кто тебя обидѣлъ?

Но она такъ рыдала, что не могла сказать ни слова.

Въ это время изъ-за угла вышла Витенъ и, подойдя къ повозкѣ, сказала:

— Подумайте пожалуйста! Уль зашелъ случайно въ конюшню и вдругъ видитъ, что Эльсбе съ Фите Крэемъ сидитъ на сундукѣ, держась за руки, и этотъ болванъ говоритъ ей, что онъ женится на ней и сдѣлается собственникомъ этой усадьбы. Не успѣлъ онъ договорить, какъ Уль схватилъ его за шиворотъ, избилъ какъ слѣдуетъ и выбросилъ за дверь. Теперь онъ сидитъ у себя въ комнатѣ и собираетъ свои пожитки, а дѣвчонка реветъ.

Іёрнъ уставился на Витенъ, разинувъ ротъ.

— Значитъ, Фите уходитъ? Совсѣмъ?

— Еще бы!—сказала Витенъ.—Сію же минуту. Пройдоха эдакій! Негодяй! Откуда это онъ только себѣ въ голову забралъ?

Въ эту минуту изъ дверей конюшни вышелъ Фите Крэй, держа подъ мышкой пестрый узелокъ съ своимъ праздничнымъ платьемъ.

— Откуда я себѣ это въ голову забралъ? Да отъ тебя же! — Онъ громко ревѣлъ; въ немъ не видно было и слѣда мужского достоинства. — Теперь я долженъ въ Гамбургъ идти! Что же мнѣ теперь еще дѣлать, какъ не идти! А я даже не знаю, гдѣ онъ, этотъ Гамбургъ. Это ты вѣчно разсказывала мнѣ про счастливаго Ганса, да про сундуки съ золотомъ, да про торговца щетками, который сдѣлался королемъ...

Тиссъ спрыгнулъ съ повозки.

— Пойдемъ, Іёрнъ! Чего тутъ сидѣть! Пойдемъ, Эльсбе. Успокойся же, дѣвочка моя...

Но она вырвалась у него изъ рукъ, догнала Фите, схватила его за рукавъ и закричала громкимъ голосомъ:

— Онъ не долженъ уходить! Онъ не долженъ уходить! Я такъ его люблю! Я такъ его люблю!

Но Фите Крэй оттолкнулъ ее отъ себя и продолжалъ ревѣть и вопить:

— Вы ещеувидите... Я вернусь сюда... И буду здѣсь жить.. Щеточную фабрику здѣсь открою... съ паровой машиной!

Онъ поднялъ кулаки, такъ что узелокъ выскользнулъ у него изъ подъ мышки, потомъ наклонился, поднялъ его и пошелъ черезъ дорогу въ домъ своего отца.

Витенъ Пеннъ безмолвно развела руками, повернулась, пошла въ свою комнату и, полная гнѣва и стыда, сѣла за работу. Она разсказывала всѣ эти вещи изумленнымъ дѣтямъ въ часъ ихъ мирныхъ бесѣдъ, разсказывала ихъ тихимъ голосомъ, какъ міровую мудрость, которая была скрыта отъ другихъ и пріоткрыта для нея. Она думала, что эти старыя сказки достойны были того, чтобы переходить изъ устъ въ уста, на-

полняя душу страхомъ и трепетомъ, любовью и радостью. А этотъ юноша грубо раскопалъ, разворотилъ все это среди бѣлаго дня, на людяхъ.

Она опустила работу на колѣни и уставилась глазами на столъ; и въ то время, какъ она неподвижно сидѣла такъ, какая-то невидимая рука словно перелистывала передъ нею картины человѣческой жизни, и всѣ эти картины говорили о трудѣ, нуждѣ и смерти людей, которыхъ она когда-то знавала; и одна картина была печальнѣе другой. А потомъ ей представилось, какъ Фите Крэй бредетъ по бѣлому свѣту, безъ какого-либо руководства, со всѣми этими бреднями въ головѣ... Тутъ она оглянулась и, замѣтивъ, что въ комнатѣ никого кромѣ нея не было, закрыла лицо рукой и тихо заплакала.

* * *

Когда на дворѣ стемнѣло, Фите Крей, взявъ узелокъ со своимъ платьемъ, вышелъ изъ отцовскаго дома; мать его сидѣла за печкой и плакала.

— Фите!—закричала она ему вслѣдъ,— вѣдь тебѣ всего семнадцать лѣтъ, не уходи ты такъ далеко.

Она думала при этомъ о другихъ Крэяхъ, которые такъ далеко залетѣли отъ дому, что никогда уже не вернулись,—уѣхали въ Америку или... Богъ вѣсть, какія еще есть на свѣтѣ страны. Когда-то и она ходила въ школу; это было еще при старомъ Штюбелѣ, который имѣлъ недурную славу въ качествѣ портного, но весьма сомнительную въ качествѣ учителя. Къ тому же у нея всегда была такая тупая и дырявая голова.

— Пойду куда глаза глядятъ,—сказалъ Фите Крэй.—Плетью меня избилъ, живодеръ эдакій!

Онъ опять зарыдалъ и погрозилъ кулакомъ въ сторону большого стараго дома и высокихъ сараевъ, массивныя соломенныя крыши которыхъ тихо темнѣли между высокими тополями и рябинами.

Если бы Клаусъ Уль видѣлъ эти слезы и этотъ гнѣвъ, онъ громко и отъ всего сердца расхохотался бы и разукрасилъ бы все это своими выдумками, и разсказалъ бы по всѣмъ трактирамъ.

Ясперъ Крэй вышелъ проводить сына за дверь.

— Куда бы ты ни пошелъ, — сказалъ онъ, — ты не пропадешь. А это что-нибудь да значитъ... Только смотри, чтобы изъ тебя что-нибудь путное вышло. Если негодяемъ станешь, такъ лучше и не возвращайся. А если чего-нибудь добьешься, тогда заходи взглянуть, что у насъ тутъ дѣлается.

Онъ шелъ, и его было уже почти не видно сквозь сумракъ наступающаго вечера:

— Ты можешь быть увѣренъ, отецъ, что я вернусь сюда...

Когда онъ опять повернулся, чтобы идти дальше, онъ увидѣлъ, что на дорогѣ стоитъ Іёрнъ Уль.

— Тиссъ съ лошадьми стоитъ тамъ у елей, — сказалъ онъ тихо. — Сегодня ты долженъ переночевать у него, въ Гезгофѣ.

Они пошли вмѣстѣ вдоль холмовъ, пока не дошли до поросшей верескомъ котловины, лежавшей между двухъ холмовъ и оканчивающейся крутымъ подъемомъ въ гору. Котловина была такъ широка и глубока, что въ ней могла бы помѣститься большая крестьянская усадьба, но къ одному краю она становилась все мельче и уже и, наконецъ, сливалась со степью.

Фите Крэй шелъ впередъ тихо и безмолвно. Только время отъ времени рыданье сдавливало ему горло; тогда онъ встряхивался всѣмъ своимъ тѣломъ.

По серединѣ подъема, между зарослью мелкихъ дубовыхъ кустовъ, неподалеку отъ узенькой тропинки, поднимавшейся въ гору, находился глубокій круглый колодецъ, величиною не больше телѣжнаго колеса, наполненный свѣжею, прозрачною водою. Это и былъ знаменитый въ окрестностяхъ Гольдзоотъ. Невидимый ключъ, бѣжавшій сверху, постоянно наполнялъ его до самыхъ краевъ, а излишекъ воды съ тихимъ журчаньемъ сбѣгалъ внизъ, затериваясь среди кустарника. Двѣ-три звѣзды, глядѣвшія съ неба, отражались въ водѣ; нѣсколько безлистныхъ вѣтокъ кустарника склонялось надъ нею; ихъ отраженія напоми-

*

нали собою склоненныя острыя пики, которыми часовые защищаютъ входъ въ какой - то дворецъ... Вѣтеръ подулъ съ моря и пробѣжалъ по кустарнику и по сухой, прошлогодней листвѣ. Все зашелестѣло, заговорило кругомъ—сверху и снизу и со всѣхъ сторонъ.

Фите стоялъ и задумчиво смотрѣлъ въ воду.

— Хотѣлъ бы я знать, — сказалъ онъ, и голосъ его пресѣкся — онъ всхлипнулъ,—что тамъ такое на днѣ и можно ли достать до него?

Іёрнъ хотѣлъ ободрить его и сказалъ:

— Не зайдешь ли ты къ тому камню, около Гезе, о которомъ ты всегда такъ много говорилъ? Вѣдь ты говоришь, что подъ нимъ лежитъ цѣлая груда золота—слитки, величиной съ дѣтскую голову.

Фите Крэй рѣшительно покачалъ головой: эти слитки съ дѣтскую голову родились въ его собственной фантазіи; поле, усердно обработанное Витенъ въ тѣ вечера, которые они проводили съ нею при свѣтѣ лампы, было значительно расширено работою его собственнаго воображенія, и воображеніе это работало съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлеченіемъ, что иногда онъ не могъ потомъ отдать себѣ отчета въ томъ, что разсказывала Витенъ, и что присочинилъ онъ самъ. Но въ этотъ вечеръ правда и вымыселъ отдѣлились другъ отъ друга въ его сознаніи: слитки золота величиною съ дѣтскую голову были чистѣйшимъ вымысломъ. Но Гольдзоотъ — это была сама дѣйствительность.

Онъ долго смотрѣлъ на воду, потомъ сталъ медленно подниматься въ гору. Когда же они взошли наверхъ, онъ сказалъ:

— Ну, иди домой. Я теперь одинъ пойду.

Тогда, не пожавъ ему руки и не сказавъ на прощанье ни единаго слова, Іёрнъ пошелъ домой.

А Фите Крэй продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, среди мертвой степи. Когда Іёрнъ оглянулся, фигура его выдѣлялась на горизонтѣ, какъ черный столпъ.

Потомъ Фите Крэй медленно повернулся и опять спустился въ котловину, положилъ свой узелокъ около воды, снялъ съ себя куртку, растянулся на травѣ и запустилъ въ воду руку, стараясь достать до дна. Такъ, подвигаясь по травѣ, обползъ онъ кругомъ всего колодца, но ничего не нащупалъ. Тогда онъ поспѣшно раздѣлся, схватился за нѣсколько толстыхъ сучьевъ, склонившихся надъ водою, спустился осторожно въ холодную воду и сталъ ногами на дно. Вода доходила ему по грудь. Онъ сталъ осторожно передвигаться, но не нащупывалъ ничего твердаго. Дно было мягкое, песчаное, покрытое мѣстами сгнившею листвой. Онъ трижды наклонялся, чтобы ощупать стѣнки, но и тутъ ничего не было, кромѣ скользкой глины, поросшей водяными растеніями.

Тогда онъ понялъ, что надѣяться больше не на что. Онъ вылѣзъ изъ воды и, не надѣвая рубашки, остановился. Онъ стоялъ прямо и тихо. Онъ не чувствовалъ рѣжущаго холода, который хлесталъ его своими тонкими желѣзными прутьями. Онъ стоялъ и смотрѣлъ въ колодецъ, который тоже смотрѣлъ на него своимъ тихимъ печальнымъ глазомъ, словно давая ему понять, что онъ не выдастъ своей тайны.

* * *

Повсюду летали въ воздухѣ тонкія паутины, ароматъ цвѣтовъ и невидимыя сѣмена травъ неслись изъ сосѣдняго сада; и умному вдумчивому глазу удавалось замѣтить иногда прекрасный, возвышенный и страшный обликъ судьбы, которая, сидя на вѣковѣчномъ камнѣ и подперевъ свою голову съ морщинистымъ лбомъ, чертила на пескѣ какой-то мудреный узоръ—планъ тѣхъ запутанныхъ дорогъ, которыми суждено брести намъ въ нашей человѣческой жизни. Фите Крэй былъ не единственный, для котораго эта апрѣльская ночь оказалась такою многозначительною.

Какъ разъ въ то время, о которомъ мы разсказываемъ, жила въ селѣ одна молодая дѣвушка, дочь простого крестьянина. Она была высока ростомъ, хороша собой и вызывала пылкія страсти въ сердцахъ мѣстной молодежи. Ей шелъ уже двадцатый годъ, но до сихъ поръ она упорно отклоняла всякія исканія. Она

рѣдко показывалась на вечеринкахъ, а если и показывалась, то случалось, что послѣ перваго же танца она мрачно покидала залу, запрягала лошадь и темною ночью уѣзжала одна домой. Среди молодыхъ дѣвушекъ у нея не было ни одной подруги; но этою зимою она сошлась съ одной тихою милою женщиною, которая, рано выйдя замужъ, поселилась со своимъ мужемъ въ чужой для нихъ мѣстности, гдѣ они купили себѣ домикъ; теперь она ожидала рожденія своего перваго ребенка. Къ этой молодой женщинѣ заходила она иногда посидѣть въ тихіе сумеречные часы; и однажды она стала осторожно разспрашивать ее, какъ она могла рѣшиться на бракъ—на такую полную и безусловную близость съ мужчиною? И въ то время, какъ ея подруга, удивленная и смущенная такимъ вопросомъ, искала отвѣта на него, она залилась слезами и призналась, что въ сердцѣ ея давно уже поселилась любовь, но что она до сихъ поръ не можетъ превозмочь себя и открыто пойти навстрѣчу любимому человѣку. При мысли о сближеніи съ нимъ она чувствуетъ непреодолимый страхъ; какъ дочь крестьянина, выросшая въ деревнѣ, она хорошо знаетъ, что такое бракъ. Молодая женщина попыталась успокоить ее робкими, неувѣренными словами и сказала, что любовь заставляетъ забывать о тягостной сторонѣ брака.

Однако, несмотря на эту бесѣду, ничто не измѣнилось въ душѣ ея. И она горько плакала въ своей одинокой комнаткѣ, негодуя на свою несчастную натуру, которая не давала ей сдѣлаться ни монахиней, ни настоящею женщиной и заставляла ее терзаться сознаніемъ, что она мучитъ любимаго человѣка.

Черезъ нѣкоторое время, въ тотъ самый апрѣльскій вечеръ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, въ городѣ опять устроилась вечеринка. Какъ разъ передъ этимъ было новолуніе. Въ теченіе нѣсколькихъ дней она была сильно разстроена. Но за день до вечеринки она опять почувствовала себя бодрою и здоровою и рѣшила воспользоваться этимъ хорошимъ, почти веселымъ настроеніемъ, превозмочь себя и поѣхать въ городъ. Она намѣревалась быть привѣтливою съ людьми, побѣдить свое отвращеніе къ танцамъ, а главное—держать себя какъ можно проще и довѣрчивѣе съ любимымъ человѣкомъ, если только онъ захочетъ танцовать съ нею.

Войдя въ залу, она сейчасъ же увидѣла его—онъ стоялъ у окна. Повидимому, онъ поджидалъ ее: глаза его засвѣтились радостью и преданною любовью. Онъ былъ изъ зажиточныхъ крестьянъ и, также какъ она, былъ одаренъ отъ природы благородною, цѣломудренной душою. При видѣ его, она почувствовала глубокую радость и укрѣпилась въ своемъ рѣшеніи выказать ему всю свою симпатію.

Но когда заиграла музыка и толпа молодыхъ людей подошла къ молодымъ дѣвушкамъ, и она скорѣе почувствовала, чѣмъ увидѣла сквозь полуопущенныя вѣки, что любимый человѣкъ приближается къ ней, она едва пересилила себя, чтобы согласиться на танецъ. Когда же онъ въ промежуткѣ между танцами заговорилъ съ нею, лицо ея поблѣднѣло, губы задрожали, взглядъ сталъ холоднымъ и высокомѣрнымъ, юное прелестное лицо ея какъ бы застыло и оледенѣло. Увидѣвъ это, онъ отвелъ ее на прежнее мѣсто, но она сейчасъ же поднялась и вышла изъ залы, чтобы ѣхать домой.

Дорогою, сидя въ своей таратайкѣ, среди тишины широкой ночной природы, она все еще сохраняла то выраженіе лица, которое появилось у нея въ залѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги шелъ невысокій валъ, за нимъ простиралось плоское унылое поле. Она смотрѣла на окружающую природу словно съ высоты птичьяго полета. Станъ ея было выпрямленъ, выраженіе лица было исполнено высокомѣрія: она точно гордилась тѣмъ, что изъ всѣхъ дѣвушекъ она одна отличается такою неприступностью.

Но въ то время, какъ таратайка ея безшумно подвигалась среди ночного мрака по глубокому песку дороги, она услышала въ отдаленіи голосъ птички, которая жалобно звала своего супруга. Подъѣзжающая таратайка пробудила его отъ глубокаго сна, и скоро по близости раздался его радостный откликъ. Тѣсно

прижавшись другъ къ другу, перелетали они черезъ дорогу, испуская радостные крики.

Когда дѣвушка, оторвавъ глаза отъ птичекъ, опять поглядѣла на дорогу, она вдругъ замѣтила, что окружающая мѣстность была жутко-пустынна, а воздухъ проникнутъ мутнымъ пустымъ сумракомъ. Чувство одиночества, съ которымъ связано было до сихъ поръ столько гордости, вдругъ превратилось въ страхъ. Она вновь ясно почувствовала, что гораздо легче поступать такъ, какъ всѣ ея сестры, чѣмъ противиться тому, что требовала отъ нея—то смѣющимся, то серьезнымъ и почти угрожающимъ голосомъ—мать-природа. Охваченная этимъ чувствомъ, она опустила голову и тихо заплакала. Чѣмъ выше заносилась до сихъ поръ ея гордость, тѣмъ глубже былъ теперь ея упадокъ. Образъ возлюбленнаго, развѣнчанный на время ея высокомѣріемъ, снова всталъ въ своихъ прекрасныхъ тонкихъ чертахъ. Печать благородства, лежавшая на всемъ его существѣ, отличавшая всякое его движеніе, внезапно ощутилась ея сердцемъ, и изъ этого сердца вырвался обращенный къ нему призывъ. Она наморщила лобъ и стала мучительно думать о томъ, какъ бы побѣдить страхъ, который она чувствовала къ этому, столь горячо любимому человѣку. Она стала обдумывать разные планы, стараясь какъ бы перехитрить самое себя. Наконецъ, она напала на мысль остановиться передъ своими воротами и прождать тамъ до самаго разсвѣта. Уединенное расположеніе ея двора достаточно благопріятствовало такому плану. Къ тому же она надѣялась, что послѣ того, какъ она оставила залу, и онъ поспѣшитъ вернуться домой. А когда онъ подойдетъ—онъ имѣлъ обыкновеніе ходить пѣшкомъ,—она твердо рѣшила побороть себя и заговорить съ нимъ. Она хотѣла сказать ему, чтобы онъ извинилъ ея робость, потому что вѣдь онъ дорогъ ей, какъ никто на свѣтѣ. Остановившись на этой мысли, съ твердымъ намѣреніемъ привести ее въ исполненіе, она тихо продолжала свой путь.

Но по мѣрѣ того, какъ она яснѣе представляла себѣ этотъ моментъ, когда она, наконецъ, должна будетъ отдаться ему, она замѣчала, что въ ней снова поднимается какое-то упрямое сопротивленіе. Напрасно пыталась она бороться съ этимъ чувствомъ: оно все больше захватывало ее, и она уже была готова окончательно поддаться ему. Блескъ уже потухъ въ прекрасныхъ глазахъ ея. Какъ разъ въ это время она подъѣхала къ тому мѣсту дороги, откуда видѣнъ спускъ въ котловину, въ двадцати шагахъ отъ края которой, посреди дубоваго кустарника, находится Гольдзоотъ. Заглянувъ въ котловину, она увидѣла сквозь окутывавшій ее прозрачный сумракъ, что около блестящаго на поверхности круглаго колодца бѣлѣетъ фигура какого-то человѣка; онъ стоялъ совершенно неподвижно и глядѣлъ на воду. Она испугалась, дернула возжи и хотѣла привычнымъ легкимъ окрикомъ разогнать вскачь свою молодую горячую кобылу; но сердце такъ билось у нея въ груди, что удары его отдавались въ горлѣ, голосъ ея осѣкся, и кобыла, которую она дернула за возжи, поняла это, какъ приказаніе остановиться, и замерла на мѣстѣ, подобно бѣлѣющей фигурѣ юноши у зеркала воды и самой молодой дѣвушкѣ, которая тяжело переводила дыханіе, сидя въ своей таратайкѣ.

Но тутъ въ умѣ ея блеснула свѣтлая, бодрящая мысль, что явленіе это было не случайное, что оно было ниспослано ей, какъ призывъ къ здоровой жизни, вѣрной законамъ природы. Она вглядывалась въ этотъ тонкій, горделивый и сильный обликъ,—въ свободный, мощный станъ юноши, узкій въ колѣняхъ, смѣло расширяющійся въ бедрахъ, сильный, словно вызывающій и ликующій въ широко развернувшейся груди и увѣнчанный склоненною головою. И въ ту минуту, какъ она смотрѣла на него, передъ нею раскрылись тѣ глубины души ея, гдѣ живетъ истинная правда, гдѣ обитаютъ въ тѣсномъ неразрывномъ союзѣ между собою Богъ и природа, и она поняла, что истиннымъ сотоварищемъ ея можетъ быть только тотъ, съ кѣмъ она сольетъ воедино, въ нѣчто цѣльное и полное, все несовершенное, неполное существо свое; и каждый внесетъ въ этотъ

союзъ то, что свойственно ему отъ природы, и отдастъ себя, чтобы взять другого. Чувство высокой радости пробѣжало волною по ея членамъ; глаза ея наполнились слезами, которыя застлали отъ нея все окружающее. Потомъ она засмѣялась надъ самой собою тихимъ звенящимъ смѣхомъ. Лошадь тронулась, мальчикъ, стоявшій у воды, испугался. Но и еще одинъ человѣкъ услышалъ этотъ смѣхъ: онъ шелъ по дорогѣ вслѣдъ за таратайкою, но до этой минуты шелъ склонивъ голову, и былъ совершенно поглощенъ мучившими его мыслями.

Онъ услышалъ смѣхъ и узналъ его. Ускоривъ шагъ, онъ сейчасъ же догналъ ее.

— Какъ ты тихо ѣдешь, — сказалъ онъ.

Она опять тихо засмѣялась и сказала лукавымъ голосомъ:

— Я нарочно такъ тихо ѣхала, чтобы ты могъ догнать меня. Вѣдь тебѣ нужно было еще одѣться.

Онъ не вслушался особенно въ ея слова. Онъ подумалъ, что, выходя изъ залы, она замѣтила, что и онъ сталъ собираться въ дорогу. Но голосъ ея ясно сказалъ ему, что насталъ, наконецъ, и его часъ, и сердце его переполнилось радостью и задрожало.

Онъ положилъ руку на бортъ таратайки и пошелъ рядомъ съ нею, говоря:

— Почему же ты такъ рано уѣхала?

— А какъ бы ты думалъ,—почему?— сказала она.

— Я думаю для того, чтобъ мы встрѣтились здѣсь.

— Если ты такъ думаешь, то ты умный парень,—сказала она,—а потому нечего тебѣ идти пѣшкомъ. Садись сюда.

Она придержала лошадь, и онъ отстегнулъ кожаный фартукъ. Но прежде чѣмъ онъ влѣзъ въ экипажъ, онъ нашелъ нужнымъ выказать передъ нею нѣкоторую гордость. «Какъ разъ теперь это будетъ особенно умѣстно, думалъ онъ, — иначе потомъ ея высокая душа будетъ мучиться мыслью, что у ея возлюбленнаго не хватило гордости, чтобъ наказать ее за высокомѣрное поведеніе на сегодняшнемъ вечерѣ». Поэтому онъ сказалъ ей тихо и спокойно, какъ если бы дѣло шло о чемъ-нибудь такомъ, что разумѣется само собою:

— Только я не хочу больше видѣть того лица, какое ты мнѣ дѣлала тамъ, въ залѣ. Если ты будешь мила со мною,—ну тогда, другое дѣло, тогда я поѣду съ тобой.

Она кивнула ему головой и сказала, посмѣиваясь:

— Садись только. Тогда тебѣ будетъ не худо,—ты развѣ худого заслужилъ?— И она положила руку ему на плечо.

Тогда онъ вскочилъ въ таратайку и, не говоря ни слова, взялъ у нея изъ рукъ возжи. Она не сопротивлялась, откинулась къ спинкѣ и сказала:

— Поѣзжай потише.

— Почему?—спросилъ онъ.

— Какъ же ты такой умный, а не знаешь—почему?

— Я знаю,—сказалъ онъ.—Чтобы мы подольше были въ дорогѣ!

Сказавъ это, онъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ ее, и съ этого часа она стала ему доброй женою. Онъ правилъ лошадью, и она не могла отдать себѣ отчета, хочется ли ей ѣхать медленнѣе или скорѣе.

* * *

Стоявшій у воды бѣдный мальчикъ набросилъ на себя наскоро свое платье и сталъ быстро подниматься на гору, откуда только что скрылась таратайка, увозившая двухъ счастливыхъ молодыхъ людей. Поднявшись, онъ еще разъ обернулся и взглянулъ на село. Широкая дюна, на которой копошились еще его предки, слабо бѣлѣла сквозь сумракъ ночи. Но онъ больше не оборачивался, а пошелъ прямо черезъ степь, направляясь къ двумъ низенькимъ широкимъ дубамъ, стоявшись на перекресткѣ дорогъ. Подъ однимъ изъ нихъ стояла молоденькая Трина Кюль; на ней было платье, сшитое когда-то для конфирмаціи и теперь уже черезчуръ короткое, а подъ мышкой у нея, также какъ и у него, былъ узелокъ.

— Гдѣ ты былъ?—сказала она.

Онъ не отвѣтилъ на ея вопросъ, а спросилъ со своей стороны:

— Дѣйствительно ли ты хочешь идти со мною?

— Да,—сказала она. — Да какъ и не идти? Вѣдь Клаусъ Уль—пріютскій староста, и такъ какъ я выросла въ пріютѣ, то онъ позволяетъ себѣ класть въ карманъ мое жалованье или отдаетъ его въ общинную кассу; и при этомъ они еще требуютъ отъ меня благодарности. Если ты возьмешь меня съ собой, я пойду въ Гамбургъ и найду себѣ тамъ мѣсто. Но я совсѣмъ не знаю, гдѣ онъ, этотъ Гамбургъ. Постой, мнѣ нужно получше сложить мои вещи.

Она стала на колѣни, развязала узелокъ, вынула оттуда рабочее платье, три рубашки, три пары чулокъ и пару кожаныхъ туфель и вновь аккуратно сложила ихъ. Потомъ они пошли дальше, поднимаясь вгору. Вѣтеръ дулъ имъ въ спину, сухая листва и песокъ неслись, обгоняя ихъ, по дорогѣ.

Наконецъ, они поднялись на гору и стали опять спускаться. Здѣсь, на защищенномъ отъ вѣтра склонѣ, стояла повозка Тиссъ Тиссена. Лошади съ распущенными хомутами ѣли траву; Тиссъ Тиссенъ, свѣсивъ голову, спалъ на высокомъ покойномъ сидѣньѣ.

— Тиссъ!—сказалъ Фите Крэй.— Проснись! Трина Кюль тоже пришла и хочетъ ѣхать съ нами. Нечего разсуждать объ этомъ, Тиссъ. Это все равно ни къ чему. Мы теперь хотимъ въ Гамбургъ пробраться, а тамъ видное будетъ дѣло.

* * *

Черезъ нѣсколько дней послѣ Пасхи, въ то время, когда въ школахъ начались занятія, Генрихъ Уль, любимый и самый блистательный изъ сыновей своего отца, сказалъ ему:

— Послушай, отецъ! Знаешь, какія странныя вещи малый-то нашъ говоритъ,—Іёрнъ? Онъ въ школу какъ будто ужъ и не собирается, а хочетъ здѣсь остаться. Нельзя же допустить, чтобы и онъ крестьяниномъ остался. Сколько же это дворовъ тебѣ придется покупать? Ты непремѣнно долженъ поговорить съ нимъ.

Когда отецъ позвалъ Іёрна и спросилъ, правду ли сказалъ ему Генрихъ, онъ сказалъ, что хочетъ остаться дома и работать. Отецъ изругалъ его и сталъ бить плетью, но онъ остался при своемъ рѣшеніи. Мотивовъ этого рѣшенія онъ такъ и не высказалъ.

Вечеромъ, когда онъ былъ уже въ постели, въ своей комнатѣ, гдѣ, со времени ухода Фите Крэя, онъ жилъ совершенно одинъ, къ нему вошла Витенъ Пеннъ; она хотѣла утѣшить его и просила сказать ей, почему онъ измѣнилъ свои планы; вѣдь онъ такъ страстно хотѣлъ учиться. Сначала она не могла добиться отъ него ни единаго слова,—такъ горько онъ плакалъ. Потомъ она услышала отъ него отрывочныя слова, подтвердившія то, что она думала: на этой недѣлѣ, если бы не онъ, никто бы не позаботился о жеребенкѣ, и старшій работникъ совсѣмъ испортилъ бы лошадей своими пинками, если бы онъ не заходилъ отъ времени до времени въ конюшню. У рыжаго мерина и такъ уже рана на колѣнѣ. Фите Крэй тоже не всегда держалъ лошадей въ порядкѣ, но теперь, когда и Фите нѣтъ, и онъ уѣдетъ, Богъ знаетъ, что тутъ будетъ твориться.

Когда она попробовала утѣшить его и, гладя его жесткіе волосы, сказала: Вэе будетъ хорошо, только не плачь, мой милый мальчикъ!—онъ заплакалъ еще сильнѣе и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Неужели ты думаешь... что мнѣ легко на это рѣшиться?.. Только я не могу больше учиться. Ни одной книги не могу больше взять въ руки. Такимъ же дуракомъ, какъ другіе, останусь...

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, Іёрнъ Уль надѣлъ на себя фартукъ, оставленный на конюшнѣ Фите Крэемъ.

Такъ налетѣлъ вихрь на венторфскихъ дѣтей, выхватилъ и умчалъ вдаль того, который хотѣлъ остаться, и захлопнулъ дверь передъ носомъ у того, который собирался уйти; вывелъ сына работника въ голую, мертвую степь и показалъ ему въ туманномъ отдаленіи всѣ сокровища и все великолѣпіе міра, а хозяйскому сыну бросилъ подъ ноги фартукъ конюха.

Глава седьмая.

Итакъ, на слѣдующій же день, Іёрнъ надѣлъ на себя фартукъ, валявшійся у стѣны конюшни, который сбросилъ съ себя разгнѣванный Фите Крэй.

Ходить въ школу, учебная программа которой не представляла больше для него ничего новаго, онъ не имѣлъ теперь ни малѣйшей охоты. Уроки Закона Божія, необходимые въ виду конфирмаціи, которые давалъ ему усердный и привѣтливый человѣчекъ—все это старое церковное ученіе было непонятно ему, а потому и тягостно. Практическій, трезвенный юноша, разсматривавшій все съ точки зрѣнія хозяйственныхъ и вообще мѣстныхъ, сельскихъ интересовъ, не могъ понять ученія о грѣхѣ и благодати, которое ему преподавали.

Грѣхъ, по его мнѣнію, опредѣлялся здѣсь съ излишнею снисходительностью къ тому, что дѣлаютъ люди, благодать давалась черезчуръ легко. Грѣхъ начинается только съ воровства, грабежа и убійства, а благодать дается всякому, кто «возложилъ грѣхъ свой на Господа». Іёрнъ Уль не могъ уразумѣть этого добраго Бога. Онъ казался ему какимъ-то страшно непрактичнымъ хозяиномъ, который, сидя въ своей комнатѣ, съ гордостью перелистываетъ свои счетныя книги, въ то время какъ за стѣнами этой комнаты служащіе жестоко надуваютъ его.

Служащіе во дворѣ люди всѣ любили его: они считали его за равнаго. Однако онъ хотѣлъ, чтобы они ставили его выше себя, чтобъ они чувствовали къ нему извѣстное почтеніе и, изъ почтенія къ нему, усерднѣе исполняли свою работу. Такимъ образомъ онъ былъ привлекателенъ имъ, такъ какъ защищалъ ихъ интересы и дѣлилъ съ ними трудъ, и въ то же время вызывалъ ихъ неудовольствіе, потому что немедленно замѣчалъ, что кто-нибудь изъ пашущихъ остановился въ полѣ со своимъ плугомъ, или что дѣвушки, сидя между коровами, заболтались и позабыли о томъ, что нужно доить молоко. Тогда онъ шелъ прямо черезъ поле своими большими шагами, заложивъ руки въ карманы, какъ если бы это была случайная прогулка, и съ невиннымъ видомъ, весело посмѣиваясь, заставлялъ ихъ взяться за остановившуюся работу. Въ разговорахъ между собою они называли его ландфогтомъ, а нѣкоторые говорили, что онъ страсть какой шустрый. Но онъ не боялся насмѣшки; ему было безразлично это; только бы поле было во-время обработано, и скотъ содержался-бы въ порядкѣ. Ни о чемъ другомъ онъ не думалъ, ни о чемъ другомъ не заботился. Такимъ образомъ, уже въ ранней юности душа его была сосредоточена на важныхъ, серьезныхъ вопросахъ, и это положило благотворную печать на всю его дальнѣйшую жизнь.

Поэтому-то, вродолженіи двухъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за его конфирмаціей, онъ никого не ставилъ такъ высоко, какъ крестьянина Вильгельма Дрейера. Когда-то онъ началъ свое хозяйство почти безъ гроша, въ теченіе сорока лѣтъ жилъ необыкновенно экономно, усердно трудился и теперь, достигнувъ семидесятилѣтняго возраста, занималъ очень помѣстительный домикъ подъ липами. Онъ уже съ давнихъ поръ былъ во враждѣ съ Клаусомъ Улемъ, а старшихъ дѣтей его какъ будто и вовсе не замѣчалъ. Онъ смотрѣлъ на на міръ умнымъ, наблюдательнымъ взглядомъ и хорошо зналъ, что легкомысліе, трусость, нечистая совѣсть могутъ довести людей до низости, до негодяйства и до отчаянія. Но когда острый взоръ этого старика съ умнымъ безбородымъ лицомъ и тронутыми сѣдиной гладкими длинными волосами замѣчалъ на полѣ длинную фигуру Іёрна, онъ проворно перескакивалъ черезъ рвы и, подойдя къ нему, начиналъ разспрашивать его о томъ и о другомъ или дѣлалъ ему своимъ высокимъ, спокойнымъ голосомъ какія-нибудь сообщенія изъ своего трудового опыта, и Іёрнъ слушалъ его, какъ рѣдко слушаетъ человѣкъ даже религіознаго проповѣдника. Это было настоящимъ Евангеліемъ для него въ эти годы. Быть трезвымъ и бережливымъ, работать и умѣло вести свое хозяйство—вотъ въ чемъ состоялъ для него святой завѣтъ, вотъ что было для него «благою вѣстью».

Когда, много лѣтъ спустя, онъ про-

ходилъ однажды по полямъ подлѣ Венторфа и рядомъ съ нимъ шелъ одинъ изъ его дѣтей, онъ поднялъ трость и, указывая ею на полоску поля, сказалъ:—Посмотри на эту полосу, мальчикъ: здѣсь когда-то старикъ Дрейеръ показывалъ мнѣ, какъ проводить борозды. А въ другой разъ онъ сказалъ:—Посмотри! Тамъ, гдѣ теперь посѣяны бобы, я когда-то впервые выкосилъ полосу пшеницы, а неподалеку оттуда, подлѣ рва, старый Дрейеръ научилъ меня точить косу. Мнѣ тогда не было еще и семнадцати лѣтъ. Пшеница созрѣла, а работниковъ нельзя было достать. Вотъ старикъ и говоритъ мнѣ:«Ты долженъ самъ ее скосить, Іёрнъ!» А когда я принялся за косьбу, онъ тоже пришелъ со своею косой, на которой была порядочная ржавчина, и косилъ со мною до самаго захода солнца, и коса его заблестѣла. Тогда онъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: «Я не хотѣлъ отъ тебя отставать»! Я тоже засмѣялся и сказалъ: «А я не хотѣлъ отъ васъ отставать». Никогда въ жизни я такъ крѣпко не спалъ, какъ въ эту ночь.

Отецъ и братья все болѣе и болѣе ненавидѣли его. Онъ былъ какимъ-то постояннымъ злымъ упрекомъ для ихъ совѣсти. Нерѣшительность сужденій, свойственная по отношенію къ взрослымъ членамъ семьи въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, предохраняла его отъ явнаго и открытаго презрѣнія къ нимъ. Напротивъ того, онъ держался робко, молчалъ, когда надъ нимъ издѣвались, и краснѣлъ, когда они смотрѣли, какъ онъ исполнялъ какую-нибудь работу, которую собственно должны были бы сдѣлать они. Онъ краснѣлъ за себя и за нихъ. Но эта робость и подавленность, въ которой чувствовался какой-то скрытый упрекъ, только еще болѣе бѣсили ихъ.

Однажды, когда онъ въ своей сѣровато-синей рабочей блузѣ, обвисавшей на его худомъ длинномъ тѣлѣ, ходилъ отъ дому къ сараю и обратно, отецъ его, собиравшійся въ городъ и уже сѣвшій въ повозку, поднялъ бичъ и, указывая имъ на юношу старшимъ сыновьямъ, сказалъ своимъ мягкимъ звучнымъ, смѣющимся голосомъ:

— Вотъ такъ молодецъ! Хорошимъ бы ландфогтомъ онъ у насъ былъ, нечего сказать! Да я десять талеровъ бы не взялъ, чтобы посадить съ собою въ повозку эдакаго болвана и ѣхать съ нимъ въ городъ! Никогда и не подумаешь, что Уль!

Когда отецъ уѣхалъ, Гансъ сказалъ ему:

— Слушай-ка! Я постараюсь остаться здѣсь хозяиномъ. Вѣдь ты у насъ бабъ не любишь, навѣрное всегда останешься холостякомъ, тихоней и рабочею клячей. Оставайся у меня! Насчетъ содержанія тебѣ жаловаться не придется. За твою работу я съумѣю тебѣ отплатить.

А Генрихъ сказалъ:

— Мы въ будущемъ году лишняго работника отпустимъ, а деньги пропьемъ.

По вечерамъ Іёрнъ и Эльсбе сидѣли въ комнатѣ Витенъ. За послѣдніе годы Витенъ какъ-то затихла и пріуныла, особенно съ того дня, какъ Фите Крэй бросилъ ей въ лицо свои жестокіе упреки. Она обладала необыкновенною памятью и такимъ воображеніемъ, что всѣ жизненныя событія, происшедшія на ея глазахъ или переданныя ей въ разсказахъ, непрестанно стояли передъ ея глазами въ яркихъ, не блѣднѣющихъ отъ времени образахъ и картинахъ. Прежде, когда она была молода, сила и бодрость юности помогали ей быть госпожею въ этомъ мірѣ картинъ и образовъ,—вызывать передъ собою наиболѣе свѣтлые и отрадные и отгонять мрачные и печальные. Но мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ надвигалась старость, все навязчивѣе обступали ее печальные образы. И, сидя за ручной работою, она могла часами молча смотрѣть куда то въ пространство съ мертвеннымъ скорбнымъ лицомъ. Въ такіе часы она вновь переживала все прошлое, переходя отъ одной картины къ другой, вызывая въ своемъ воображеніи то какое-нибудь тяжкое событіе, въ одинъ день уничтожившее счастье цѣлой семьи, то томительную заботу, которая вътеченіе долгихъ лѣтъ грызла домашнюю жизнь людей, то милые, чистые глаза, залитые слезами, то грубое лицо, пылающее звѣрскимъ гнѣвомъ. Такъ переходила она, совершенно непроизвольно, отъ одной картины къ другой. Впослѣдствіи, когда она совсѣмъ состарилась и спокойно

доживала свои дни въ тихомъ Гезгофѣ, картины эти потускнѣли и она перестала мучиться ими.

Іёрнъ, смертельно утомленный тяжелою работою, сидѣлъ съ пустою отяжелѣвшею головой, говорилъ мало и рано шелъ спать.

Это были плохіе товарищи для маленькой жизнерадостной Эльсбе, въ которой все сильнѣе, горячѣе, все ярче работала уже высказанная ею мысль: «Мнѣ нужно любить что-нибудь».

Старшіе братья сидѣли въ переднихъ комнатахъ дома, гдѣ собралась компанія ихъ товарищей. Нѣсколько разбитныхъ дѣвушекъ присоединилось къ нимъ. Когда въ тихую комнату, гдѣ молчаливо сидѣли Витенъ, Іёрнъ и Эльсбе, доносился черезъ сѣни какой-нибудь громкій возгласъ или подавленный дѣвическій смѣхъ, дѣвочка поднимала свою хорошенькую темную головку съ густыми волосами и мягкими очертаніями свѣжаго, цвѣтущаго личика, и безпокойно посматривала на дверь. Тогда Іёрнъ начиналъ шумно болтать или высказывалъ какую-нибудь мысль, стараясь отвлечь ея вниманіе отъ двери. Но она безпокойно поднималась съ мѣста и подходила то къ окну, то къ двери. А иногда она открывала дверь и выглядывала въ сѣни. Тогда у стола раздавались два смущенныхъ испуганныхъ голоса: «Эльсбе, поди сюда! Эльсбе, затвори дверь!» Тогда, опустивъ головку, она снова возвращалась къ столу и думала про себя: «Если бы только ты была большая! Если бы ты была большая».

Въ воскресенье Іёрнъ до самаго обѣда работалъ въ конюшнѣ и въ хлѣву, потомъ шелъ домой и сейчасъ же освѣдомлялся, гдѣ Эльсбе. Только вечеромъ, когда она уходила къ своимъ однолѣткамъ-подругамъ, у него было три-четыре часа для спокойнаго отдыха отъ работы. Тогда онъ тихо сидѣлъ въ своей комнатѣ или же переходилъ черезъ дорогу и садился подъ окнами маленькаго домика Яспера Крэя.

Іёрнъ Уль! Кто былъ твоимъ ваятелемъ въ тѣ годы, когда душа человѣческая мягка, какъ воскъ, и ждетъ, чтобы кто-нибудь положилъ на нее свою печать? Кто былъ твоимъ руководителемъ въ тотъ періодъ жизни, когда родители уже не могутъ удержать насъ подъ своимъ контролемъ, а другіе люди еще не успѣли схватить возжей, которыя волочутся за нами по землѣ, въ то время какъ мы, сломя голову, мчимся по улицѣ, ведущей на площадь, на рынокъ жизни, гдѣ судьба съ такою серьезностью ставитъ намъ вопросъ: «Какая тебѣ цѣна?» Ибо, въ самомъ дѣлѣ, во всѣ періоды жизни, во всякомъ возрастѣ, имѣемъ мы тѣхъ или другихъ руководителей и наставниковъ, будь то родители, школа и законъ, жизненный опытъ, женщины, нужда и забота; но какъ разъ въ тѣ годы, когда весеннія бури, одна за другою, треплятъ верхушки совсѣмъ еще не окрѣпшихъ деревьевъ, мы оказываемся предоставленными себѣ, не имѣемъ ни поддержки, ни руководителя. Ой, что за трескъ и шумъ стоялъ въ воздухѣ! Какъ летѣли листья! Рубцы остались на нашей душѣ отъ этихъ бурь юности, и не мало вѣтокъ надломилось и было унесено вѣтромъ!

Старый Дрейеръ былъ наставникомъ Іёрна Уля во всемъ, что касается практической жизни; Ясперъ Крэй былъ его проводникомъ на широкихъ, бездорожныхъ поляхъ житейской мудрости. Клаусъ Уль сидѣлъ въ пивной и говорилъ умныя слова, все зналъ и обо всемъ имѣлъ свое сужденіе. Сынъ его ходилъ къ маленькому кудрявому Ясперу Крэю и тамъ, подъ его соломенною кровлею, впервые научался мыслить, выносилъ оттуда свои первыя представленія о законахъ жизни. Часы, проводимые имъ у Яспера Крэя, имѣли для него тѣмъ большее значеніе, что зрѣлый и юношескій возрастъ находиии здѣсь полное пониманіе другъ у друга, взаимно цѣнили другъ друга и вовлекались въ открытые честные споры. Когда и гдѣ учились мы съ наибольшею пользою для себя? Въ школахъ? Въ аудиторіяхъ? У профессоровъ? Нѣтъ, самое плодотворное ученіе наше состояло въ томъ что, выйдя въ открытое поле, мы старались расправить свои крылья и взлетѣть надъ землею.

Подобно всѣмъ вообще Крэямъ, Ясперъ

былъ человѣкъ съ прошедшимъ. Въ юные годы онъ побывалъ въ верхней Германіи—какъ разъ въ то время, когда народъ буйно требовалъ, чтобы ему дали право участвовать въ правленіи. Ясперъ Крэй не смогъ быть безстрастнымъ зрителемъ всего происходившаго. Ни одному Крэю не дано быть безстрастнымъ. Нѣсколько возбужденный, нѣсколько запыхавшійся, нѣсколько смущенный, подобно человѣку, котораго вытолкали изъ танцовальной залы и который на минуту оборачивается, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, !спѣшитъ дальше, домой—вотъ какимъ вернулся онъ въ родной Венторфъ.

Если бы онъ остался холостымъ или, по крайней мѣрѣ, подождалъ съ женитьбой, онъ, навѣрное, еще разъ пошелъ бы на чужбину, затѣялъ бы тамъ какое-нибудь болѣе или менѣе удачное предпріятіе и, быть можетъ, нажилъ бы себѣ состояніе; но какъ разъ подъ впечатлѣніемъ своего печальнаго возврата онъ женился и, какъ бы одержимый какимъ то смутнымъ желаніемъ обуздать себя, наложить на себя оковы, избралъ себѣ въ жены самую незначительную дѣвушку, которая къ тому же была до того привязана къ родительскому дому и Санктъ-Маріендонну, что, уѣхавъ оттуда, затосковала и впала въ полное уныніе. Пошли дѣти, болѣзни, заботы о кускѣ хлѣба. Онъ сталъ работать въ качествѣ поденщика у Клауса Уля. Онъ давно уже сознавалъ, что ему нечего больше ждать отъ жизни. Въ зимнее безработное время онъ дѣлалъ травяныя метелки, щетки и скребницы; съ внѣшней стороны онъ сталъ совсѣмъ похожъ на другихъ.

Но время отъ времени снова просыпалась въ немъ прежняя тревога. Каждый годъ, въ день дѣтскаго праздника, уже къ самому утру, высказавъ въ глаза своему сосѣду Клаусу Улю всю горькую правду и напророчивъ ему всякихъ бѣдъ и погибели, затягивалъ онъ ту пѣсню, которую пѣлъ когда то во Франкфуртѣ; а въ позднѣйшіе годы, когда настало время выборовъ въ рейхстагъ, онъ ходилъ въ шесть или восемь домовъ, гдѣ жили особенно невѣжественные и равнодушные къ политикѣ люди, обучалъ ихъ, будилъ ихъ умы

Съ внѣшней стороны онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ; но въ глубинѣ души онъ не разставался со старыми фантазіями. Такъ какъ фантазіи эти стояли въ непримиримомъ противорѣчіи съ скромною и печальною правдой его жизни, то ему оставалось либо озлобиться и, съ горечью созерцая все, что творится въ мірѣ, отравлять жизнь себѣ и своимъ домашнимъ, либо съ добродушнымъ юморомъ высмѣивать собственныя ошибки и, прохаживаясь по полямъ добрыхъ сосѣдей, объяснять имя, какъ скверно они хозяйничаютъ.

Сидя въ воскресные вечера подъ окнами низенькаго дома, они предавались бесѣдамъ на разныя важныя міровыя темы. Жена сидѣла въ комнатѣ, у открытаго окна; дѣти, возвратившись съ Рингельгёрна, тихо ложились въ постель. Старшій сынъ, Августъ, который былъ косноязыченъ и совсѣмъ не поладилъ со школой, сидѣлъ въ дверяхъ на своемъ табуретѣ, обсыпанный тонкими бѣлыми стружками и вырѣзывалъ бѣльевыя клещи, которыми онъ зарабатывалъ себѣ кое-какія деньги. Онъ отличался такою же ограниченностью, какъ его мать, и нисколько не интересовался тѣми предметами, о которыхъ говорилъ его отецъ и Іёрнъ. Со времени своей конфирмаціи онъ ни разу не былъ въ церкви, ни разу не заглянулъ въ книгу или газету. Въ духовномъ отношеніи онъ жилъ только тѣмъ, что унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, и тѣмъ что ему приходилось слышать и видѣть въ своихъ торговыхъ странствіяхъ. Но при такомъ экономномъ обращеніи со своими скудными духовными силами, которыя онъ направлялъ лишь на то, что непосредственно затрогивало его интересы или что творилось не далѣе, какъ за двѣ мили въ окружности, отстраняясь отъ всего, что выходило за эти предѣлы—отъ религіи, политики, отъ всякихъ злободневныхъ новостей, онъ мало-по-малу замѣтно навострился въ пониманіи того, что могло принести какую-нибудь выгоду въ его собственныхъ дѣлишкахъ. Впослѣдствіи онъ успѣшно прокармливалъ

свою семью и, не будучи ни сквернымъ человѣкомъ, ни безбожникомъ, заткнулъ за поясъ многихъ изъ своихъ товарищей, которые много учились въ свое время, но черезчуръ разсѣивали свое вниманіе, принимая къ сердцу всякое извѣстіе, вычитанное изъ газеты, и всякую уличную новость.

— Іёрнъ, — говорилъ Ясперъ Крэй, что говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ? Ты этого навѣрное не знаешь! Вы, Ули, этого не знаете. Тамъ говорится, что черезъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ всякая собственность должна быть подвергнута передѣлу. Вы, Ули, слишкомъ уже засидѣлись на своей землѣ; теперь мы, Крэи, должны были бы посидѣть въ вашихъ просторныхъ злачныхъ усадьбахъ. И знаешь, что я тебѣ скажу? Мы бы на вашемъ мѣстѣ куда лучше свои дѣла обдѣлали, чѣмъ вы на нашемъ мѣстѣ, т.-е. на нашемъ пескѣ! Чтобы это было, Іёрнъ, если бы вы да на такомъ пескѣ хозяйничали? Ты только вообрази себѣ своего отца, выѣзжающаго съ телѣжкой и собаками! Вообрази себѣ это пожалуйста, Іёрнъ! А потомъ онъ является ко мнѣ на дворъ: «Господинъ Крэй, не хотите ли!.. Господинъ Крэй, не угодно ли!..» А я оглядываю его съ ногъ до головы и говорю: «Мнѣ некогда, Уль, съ такими пустяками возиться! Ступайте къ моей женѣ!»

Жена кричитъ изъ глубины комнаты:

— Что ты чепуху то городишь, Ясперъ!

— Молчи, Трина!.. Такъ видишь ли, Іёрнъ, если ты противъ вѣтра ротъ откроешь и вдохнешь въ себя столько воздуху, сколько тебѣ въ душу влѣзетъ, никто не скажетъ тебѣ: «Эй ты! Убирайся прочь! Это мой вѣтеръ!» А если ты вздумаешь поселиться гдѣ-нибудь и начнешь въ потѣ лица своего перекапывать лопатою землю, чтобы прокормить себя и дѣтей своихъ, тогда люди говорятъ: «Убирайся прочь! Это моя земля!» Легкія и желудокъ, Іёрнъ, имѣютъ отъ Бога одинаковое право на пропитаніе свое. Если у тебя пища и платье есть,—ну, тогда можешь пожалуй и удовольствоваться этимъ. Но если кто захочетъ, умомъ и прилежаніемъ, достигнуть большаго, не довольствуясь только пищей и одеждой, то въ этомъ ему тоже не должно быть запрета.

— Да,—сказалъ Іёрнъ, только мнѣ это трудно какъ то понять.

— Трудно понять? А вѣдь посмотришь,—какой у тебя чуткій длинный носъ! Неужели у насъ земли не довольно и неужели правительство у насъ недостаточно сильный человѣкъ? Сколько скверно обработанной земли у насъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ! Вѣдь она бы вдвое больше приносила, если бы въ рукахъ работниковъ была!

— Ну, это ты напрасно думаешь,— сказалъ Іёрнъ, что всѣ работники усердны были бы, и бережливы, и трезвы. Развѣ ты позабылъ ту исторію, которая съ тобой самимъ приключилась, когда ты 1.200 марокъ получилъ?

— Э, голубчикъ! Что старое поминать!

— А я,—сказалъ Іёрнъ и ударилъ своею длинною рукой себя по колѣну,— если бы я теперь, — а вѣдь мнѣ всего семнадцать лѣтъ!—хоть 10.000 марокъ получилъ—неужели ты думаешь, что я хоть одну марку безъ толку бы истратилъ?

— Ну, полно, — сказалъ Ясперъ Крэй, — поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Въ это время изъ глубины темноты, съ той стороны, гдѣ стояла кровать, раздался какой-то сильный и грозный звукъ, похожій на ревъ поднимающейся вечеромъ непогоды. А вслѣдъ затѣмъ изъ окна высунулась въ своей ночной кофтѣ Трина Крэй:

— Постой, Іёрнъ, я тебѣ это все толкомъ разскажу.

— Ну, разсказывай себѣ на здоровье! — сказалъ Ясперъ Крэй и кивнулъ Іёрну головою.

— Получили мы эти 1.200 марокъ въ наслѣдство отъ тетки Стины, которая тогда умерла. Сестра ея, старая Трина, и теперь еще жива. Ну вотъ, выдали намъ эти деньги изъ суда, — я и посейчасъ все передъ глазами вижу, какъ если бы оно вчера было: взялъ онъ эти золотыя монетки и талеры и завязалъ ихъ въ платокъ. Подошли мы къ Гудендорфу, сѣли на

траву и пересчитали ихъ; когда намъ ихъ въ судѣ отсчитывали, намъ вѣдь не до того было: въ глазахъ зарябило...

Ну, сначала онъ ничего себѣ былъ, человѣкъ-человѣкомъ. Но черезъ нѣсколько дней стала я замѣчать, что онъ аппетита лишился. А потомъ вдругъ броситъ работу, придетъ домой, откроетъ сундукъ—и ну деньги пересчитывать. А по ночамъ спать совсѣмъ не могъ.

Такъ шло у насъ съ недѣлю и что ни день, то хуже. Цѣлыми часами, бывало, сидитъ на постели, наконецъ, встанетъ и сядетъ на сундукъ. Я полежу-полежу и засну. А одинъ разъ утромъ,—на дворѣ уже свѣтло было,—открыла я глаза, вижу: онъ опять тамъ на сундукѣ сидитъ, полуодѣтый, а между колѣнъ топоръ держитъ.

Ну, можешь ты себѣ представить, какъ я тутъ испугалась! Подумала: какъ бы онъ съ ума ни спятилъ, и стала его уговаривать, чтобы онъ снесъ деньги въ сберегательную кассу. Тогда вѣдь,—говорю,—ему нечего будетъ бояться, потому что вѣдь у нихъ тамъ желѣзный денежный ящикъ есть съ семнадцатью замками... И чего только я ему тутъ ни плела! Сначала онъ не соглашался; долго не соглашался; наконецъ, отнесъ-таки ихъ туда и получилъ оттуда эдакую маленькую желтую книжечку.

Ну тутъ дѣло еще хуже пошло. Чего я только съ этимъ человѣкомъ ни натерпѣлась, Іёрнъ! Онъ все читалъ эту книжку и говорилъ, что одна фраза другой прямо въ лицо плюетъ. Ясно, что тутъ дѣло пахнетъ обманомъ! И вообще, если бы тутъ все въ порядкѣ было, эта книжка была бы, по крайней мѣрѣ, такой толщины, какъ молитвенникъ, а не такая дрянь! Наконецъ, одинъ разъ, ночью, всталъ онъ, чтобы опять за эту книжку взяться, да что-то сразу не нашелъ ее, набросился на меня и говоритъ, что это я ее украла. Ну, тутъ я ему посовѣтовала: возьми ты свои деньги обратно. Такъ онъ и сдѣлалъ.

И что бы ты думалъ, Іёрнъ? Пить сталъ, Іёрнъ! Въ карты играетъ, кричитъ, со мною ссорится, съ Улемъ споры заводитъ, съ учителемъ Петерсомъ изъ-за дѣтей... Крикъ, шумъ въ домѣ стоитъ!.. Самъ помнишь, небойсь, какъ ты у Уля на навозной кучѣ стоялъ, вилами размахивалъ и кричалъ: «Я Ясперъ Крэй изъ Венторфа!» И добро бы тебя кто обидѣлъ?.. А то помнишь еще, какъ ты изъ города вернулся и ящикъ съ виномъ на себѣ притащилъ: говорилъ, что хочешь политическія собранія у себя устраивать! Это у насъ-то! Вино! политика!.. А то еще сталъ кошелькомъ объ заборъ бить и кричалъ: «У Яспера Крэя деньги завелись!..» Вотъ такъ времячко было, Іёрнъ, я тебѣ скажу! Какого только страху, какого горя я ни натерпѣлась! А потомъ,—какъ спустилъ денежки-то, да пересталъ объ нихъ думать, понялъ, что надо опять за работу приниматься,—опять все по-старому, да по-хорошему пошло: и объ женѣ, и объ дѣтяхъ опять сталъ заботиться, какъ добрый христіанинъ. Въ то время нашему Фите пять лѣтъ было, Іёрнъ... Ахъ, Іёрнъ, гдѣ-то онъ теперь, нашъ Фите?..

Съ этими словами она захлопнула окно и скрылась.

— Объ закладъ побьюсь, — сказалъ Ясперъ Крэй, — что если бы ей кто-нибудь сказалъ: вотъ тебѣ 1.200 марокъ, а вотъ тебѣ исторія объ 1.200 маркахъ, выбирай что хочешь,—она бы предпочла исторію. Я иногда немножко заношусь въ мысляхъ о себѣ, Іёрнъ, а ужъ объ умственныхъ способностяхъ Трины Крэй никогда ничего добраго не думалъ. Но когда я эту исторію вспоминаю, а особенно, когда она сама мнѣ эту исторію еще и еще разъ разскажетъ, тогда я становлюсь скромнымъ. Очень ужъ неожиданно они на насъ свалились, эти деньги. И очень ужъ много заразъ: 1.200 марокъ. Я къ этому неподготовленъ былъ. Но когда теперь другая тетка умретъ, — ей вѣдь подъ восемьдесятъ! — ты увидишь, какъ я разумно съ этими деньгами распоряжусь!

— Посмотримъ, — сказалъ Іёрнъ.— Пожалуй, опять будешь бояться, а чтобъ отъ страха отдѣлаться, примешься за вино!

— Что-о? — сказалъ Ясперъ Крэй и посмотрѣлъ на сидѣвшаго рядомъ съ

нимъ Іёрна серьезнымъ укоризненнымъ взглядомъ.—Я думаю, человѣкъ умнѣетъ съ годами.

— Многіе—да,—сказалъ Іёрнъ,—но далеко не всѣ.

Онъ сумрачно посмотрѣлъ на усадьбу отца за дорогой, скрывавшуюся въ тѣни рябинъ и тополей.

Такъ бесѣдовали они много и много разъ. Они похожи были на пару бѣгущихъ по полю собакъ двухъ совершенно различныхъ породъ: Ясперъ Крэй всегда впереди, разнюхивая, громко лая; Іёрнъ Уль—позади, ворча и рыча, съ тѣмъ большею бдительностью, осторожностью и предусмотрительностью, чѣмъ неосмотрительнѣе былъ первый. Предусмотрительнымъ и разсудительнымъ Іёрнъ Уль остался на всю жизнь.

Потомъ, когда начинало смеркаться, на дорогѣ показывался старшій работникъ съ обѣими дѣвушками. И старшій работникъ—это было тотъ самый Гарке Зимъ, который служилъ потомъ желѣзнодорожнымъ сторожемъ и предотвратилъ крушеніе около Гамбурга, выбѣжавъ на встрѣчу поѣзду съ подожженнымъ, пылающимъ сюртукомъ въ рукахъ и, такимъ образомъ, остановивъ его какъ разъ передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лопнула рельса,—Гарке Зимъ приносилъ съ собою гармонику и тоже усаживался на скамейку, хотя на ней было такъ мало мѣста, что почти нельзя было пошевелить руками. Дѣвушки располагались на краю дороги, на зеленой травѣ. И Гарке Зимъ начиналъ играть и при этомъ, полузакрывъ глаза, такъ вяло покачивалъ въ тактъ головою и имѣлъ такой глупый видъ, что врядъ ли кто - нибудь, глядя на него въ это время, рѣшился бы довѣрить ему какое-нибудь дѣло, требующее быстроты и сообразительности.

Затѣмъ завязывался разговоръ объ уражаѣ сосѣда и объ дочеряхъ сосѣда. Затѣмъ этотъ разговоръ переходилъ на учителя Петерса и пастора; затѣмъ говорили о Гамбургѣ, о королѣ и, наконецъ о смерти.

Мѣсяцъ показывался между вѣтвей тополя. Черезъ дорогу перебѣгалъ хорекъ.

* * *

Въ тотъ же самый вечеръ и въ тотъ же часъ, на одной изъ верхнихъ улицъ Гамбурга въ книжной лавкѣ, находившейся какъ разъ у церкви св. Петра, сидѣлъ молодой человѣкъ, старшій ученикъ ушедшаго книготорговца, поджидая, на всякій случай, какого - нибудь запоздавшаго покупателя. Онъ былъ сынъ пастора изъ Люнебургской степи, выросъ на волѣ и съ раннихъ лѣтъ вступилъ въжестокую вражду съ латынью. Нѣмецкія книги онъ, однако, любилъ и тѣмъ больше любилъ, чѣмъ онѣ были пестрѣе. Въ виду этого-то отецъ и отдалъ его въ лавку подлѣ церкви св. Петра, сверху донизу набитую разными книгами. Онъ поступилъ туда довольно охотно; но скоро выяснилось, что и это занятіе не вполнѣ отвѣчало его жизненнымъ идеаламъ. Книгъ здѣсь было сколько угодно, и онъ могъ сколько угодно рыться въ нихъ, могъ иногда, вечеромъ, выискать себѣ любую книгу и засѣсть читать ее; но зато здѣсь не хватало многаго другого—того, что является, такъ сказать, настоящей обложкой для книгъ: далекой степи, темныхъ сѣноваловъ и площадки около песочной ямы, гдѣ такъ хорошо было играть въ дѣтствѣ. И при этой мысли на молодого человѣка нападала жестокая тоска по дому.

Итакъ, въ этотъ вечеръ онъ сидѣлъ, забившись въ глубину лавки, въ закоулкѣ, который образуется откосомъ лѣстницы, и читалъ книгу, озаглавленную «Хроника Воробьинаго переулка» и написанную нѣкіимъ Вильгельмомъ Раабе. Онъ читалъ и читалъ, и мысли его давно унеслись отъ Гамбурга и отъ церкви св. Петра: онъ игралъ съ дѣтьми въ крытомъ соломою домикѣ своего отца, пастора, карабкался на березу, стоявшую на вершинѣ вала, и смотрѣлъ оттуда черезъ широкое открытое поле на ближайшую колокольню. Но въ это время отворилась дверь, и въ лавку вошелъ молоденькій работникъ, такого же возраста какъ и онъ, крѣпкій, широкоплечій юноша, въ сѣрой рабочей блузѣ, съ круглымъ свѣжимъ лицомъ, смѣлыми глазами и рыжими волосами. Онъ остановился у стола и посмотрѣлъ на него. А когда уроженецъ Люнебурга медленно

поднялся со своего мѣста, покупатель выложилъ на столъ довольно значительную кучку серебра и сказалъ:

— Я хочу на эти деньги книгъ купить.

— Книгъ?

— Ну да, книгъ, книгъ! Быть можетъ, вы слышали: написалъ ли свою книгу нѣкій Теодоръ Штормъ?

— Штормъ? Да, написалъ. У него есть повѣсти.

— Повѣсти? Я не знаю, что это такое, но боюсь, что это будетъ не то. Я вамъ откровенно скажу. Я служу здѣсь разсыльнымъ при одной торговлѣ и давно уже жду случая поговорить съ вами наединѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: у насъ тамъ дома была одна старая дѣвушка; ее звали собственно Витенъ Пеннъ, но она была такъ страшно умна, что ее называли не иначе, какъ Колоколомъ. Такъ вотъ эта самая Витенъ, по прозванію Колоколъ, постоянно разсказывала, что нѣкій Штормъ вмѣстѣ съ нѣкіимъ Мюленгофомъ хотѣли написать одну книгу. Самато она была не особенно высокаго мнѣнія о нихъ. Но если они все-таки написали эту книгу, мнѣ хотѣлось бы купить ее. Я вотъ и деньги принесъ. Шесть прусскихъ талеровъ.

Ученикъ книготорговца сѣлъ на высокій табуретъ передъ конторкою и устремилъ на диковиннаго покупателя любопытный взглядъ.

— Штормъ и Мюленгофъ? Объ чемъ же собственно говорится въ этой книгѣ?

— Ну... однимъ словомъ... о томъ, какъ сдѣлаться умнымъ и богатымъ. Вотъ въ чемъ суть.

Тогда молодой приказчикъ изъ Люнебургской степи всталъ и проговорилъ громкимъ голосомъ:

— Такихъ книгъ вовсе не существуетъ. Все что угодно, но этого—нѣтъ! Чтобы книга сдѣлала васъ умнымъ? Глупымъ можно сдѣлаться отъ многихъ книгъ, это я прямо вамъ скажу. И съ ума спятить можно. И въ тоску вогнать книга можетъ, и разсмѣшить можетъ. Есть книги, которыя могутъ научить тому-другому, это правда. Но умнымъ и богатымъ сдѣлать! Нѣтъ, такихъ книгъ вовсе нѣтъ!.. Что такое написалъ Штормъ? Погодите-ка... вотъ одна его книга. Эту книгу онъ точно написалъ. Это разсказъ о хорошихъ, глубокихъ и мечтательныхъ людяхъ. Онъ вѣдь одинъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ.

Покупатель покачалъ головой, стиснулъ зубы и посмотрѣлъ на прилавокъ.

— Значитъ, правду Витенъ говорила, что отъ него нечего тому ждать!

Юноша изъ Люнебургской степи принялъ съ прилавка лежавшія передъ нимъ книги:

— По моему мнѣнію...—сказалъонъ,—видите-ли?—вы можете прочесть всѣ эти книги—сверху до низу, полку за полкой, и не только не поумнѣете, но, пожалуй, что даже и поглупѣете. Отъ книгъ люди никогда не умнѣютъ, а только отъ того, что они пережили. Скажите, вы тоже изъ Люнебургской степи?

— Нѣтъ, изъ Дитмарша.

— Ну, все равно. Если я смѣю дать вамъ совѣтъ... Вы хотите стать умнымъ и богатымъ?.. Въ такомъ случаѣ ступайте туда, гдѣ вовсе нѣтъ книгъ... Книги? Знаете: если бы у меня не было отца, и мать моя не выплакала бы себѣ глазъ изъ-за этого, я бы поѣхалъ въ Америку. Право, я непремѣнно сдѣлалъ бы это. И берегись у меня тотъ, кому вздумалось бы подсунуть мнѣ подъ носъ какую-нибудь книгу!

— Вотъ какъ!—сказалъ Фите Крэй.—Вотъ какъ? Это ваше мнѣніе. Вотъ оно какъ!

Онъ сильно тряхнулъ головою, потянулся за деньгами и положилъ ихъ въ карманъ.

— Отецъ и мать не очень-то будутъ сокрушаться обо мнѣ. Богатымъ я хочу сдѣлаться—какъ, это все-равно. Объ Америкѣ я слышалъ либо хорошее, либо дурное. Никогда ничего средняго. Я думаю, я такъ и сдѣлаю.

— Сдѣлайте это, милый человѣкъ! А если у васъ будетъ время и охота и если у васъ тамъ пойдетъ дѣло наладъ, напишите какъ-нибудь старшему ученику въ книготорговлю Герольда. Какъ ваше имя?

— Я Фите Крэй, изъ Венторфа.

обломковъ твердыхъ каменистыхъ породъ суши или известковыхъ породъ изъ отложеній остатковъ морскихъ животныхъ на днѣ океана. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что другія каменныя породы, какъ порфиръ и гранитъ, образовались изъ расплавленной массы и слоистыя горныя породы отвердѣли вслѣдствіе ихъ сплавленія въ глубинѣ земли. Эти пласты горныхъ породъ были, вѣроятно, выдвинуты на поверхность, вслѣдствіе расширенія раскаленнаго вещества, находящагося внутри земли, и образовали сушу, при чемъ собирались въ складки, разбивались на части и даже ставились стоймя. Образовавшіяся при этомъ щели и пропасти наполнились минералами, рудой или каменными породами, которыя проникли въ нихъ снизу. Эти наполненныя щели мы встрѣчаемъ на поверхности земли и въ шахтахъ въ видѣ рудоносныхъ жилъ. Выдвинутыя кверху, раскаленныя жидкія магмы каменной породы продвинулись между существующими уже пластами и отвердѣли въ компактную кристаллическую массу («глубинныя каменныя породы»), между тѣмъ какъ на поверхности охлажденныя магмы получили пузырчатое и шлаковое строеніе.

Такъ какъ большая часть горныхъ породъ состоитъ изъ частицъ разрушенныхъ скалистыхъ породъ прежней суши, то очевидно, что прежде распредѣленіе суши и воды было совершенно инымъ. Вслѣдствіе расширенія раскаленной внутренности земли изъ морей поднимались новые континенты, одновременно же съ ними разрушались, вслѣдствіе вывѣтриванія и размытія, старые. Такой процессъ продолжался въ теченіе неисчислимаго ряда вѣковъ. Впродолженіи огромныхъ періодовъ времени происходила эта смѣна вновь появлявшихся и разрушавшихся материковъ яипостоянно измѣняла ликъ земли.

Благодаря высокому значенію, которое Гюттонъ придавалъ внутреннему жару земли въ судьбахъ нашей планеты, онъ всталъ во главѣ плутоническаго направленія и въ рѣзкое противорѣчіе съ нептунизмомъ Вернера. Его взгляды сдѣлались доступными пониманію широкаго круга, благодаря остроумнымъ опытамъ Сэра Джемса Гальса (1762—1831) и превосходнымъ поясненіямъ Джона Плейферса (1748—1819) и сохранились до настоящаго времени, конечно, съ внесенными позднѣе поправками. Вскорѣ послѣ знаменитаго произведенія Гюттона появилась (1796) монографія французскаго математика и астронома П. С. Лапласа (1749—1827), въ которой излагалась гипотеза происхожденія солнечной системы изъ огромной, вращающейся, сферической газообразной массы. Черезъ уплотненія отдѣльныхъ міровыхъ тѣлъ развилась неизмѣримо высокая температура, а вслѣдствіе медленнаго охлажденія ихъ посредствомъ лучеиспусканія въ холодное міровое пространство, свѣтящіяся, раскаленныя массы покрылись, наконецъ, твердою корой. Но уже раньше (1755) великій кенигсбергскій философъ Кантъ (1724—1804) высказалъ подобныя же мысли о происхожденіи солнечной системы (не прослѣдивъ, однако, такъ далеко судьбы земли), и поэтому съ гипотезой Лапласа обыкновенно соединяютъ не совсѣмъ справедливо имя великаго мыслителя. Эта канто-лапласовская гипотеза въ настоящее время принята почти всѣми географами и геологами, хотя и нельзя отрицать, что она оставляетъ безъ объясненія цѣлый рядъ явленій въ планетной системѣ. Но взамѣнъ ея пока еще не было придумано ничего болѣе лучшаго, а посредствомъ нея наилучшимъ образомъ объясняются важнѣйшія соотношенія земной коры. Такъ, только она дѣлаетъ намъ понятнымъ увеличеніе температуры, которое наблюдается при постепенномъ проникновеніи въ глубь земной коры и о которомъ было извѣстно

Кирхеру изъ сообщеній горнорабочихъ. Благодаря этой гипотезѣ, пріобрѣло право гражданство представленіе объ огненно-жидкомъ ядрѣ земли огромныхъ размѣровъ. Это представленіе совершенно и по существу отличается отъ декартовскаго центральнаго огненнаго тѣла, заключеннаго въ твердую оболочку, отъ подземнаго огня Эмпедокла или центральнаго «пирофилаціума» Кирхера. Между тѣмъ какъ еще въ 1780 году І. Ц. Зильбершлагъ пытался объяснить происхожденіе и дальнѣйшее развитіе земли, придерживаясь возможно ближе Библіи, и допускалъ огромное центральное ядро изъ воды и мощный, пронизанный пустотами слой земной коры (см. рис. 16). Позднѣе подобные голоса уже стали почти неслышны, и идея огненно-жидкаго земного ядра до самаго послѣдняго времени пользовалась почти исключительнымъ господствомъ. Только относительно мощности коры и предѣловъ земного ядра мнѣнія часто раздѣлялись. Ал. Гумбольдтъ и Эли де-Бомонъ опредѣляли толщину ея отъ 40 до 50 килом., Пфаффъ отъ 80 до 90 к., Пиларъ 120 к., а англійскій физикъ В. Гопкинсъ путемъ вычисленія получилъ число большее 1.000 километровъ! Самое ядро земли, по мнѣнію Лихтенберга и Франклина, должно состоять изъ газообразной массы. Это мнѣніе, позднѣе, было детально обосновано Гербертомъ Спенсеромъ, А. Риттеромъ и Карломъ Цёппритцъ. Въ виду многочисленныхъ наблюденій, указывающихъ на увеличеніе температуры въ рудникахъ и копяхъ, необходимо было допустить, что на извѣстной глубинѣ камни будутъ въ расплавленномъ состояніи, а еще при болѣе высокой степени жара въ самыхъ глубокихъ слояхъ земной коры всѣ тѣла должны перейти въ газообразное состояніе. Эти газы, необычайно высокой температуры, находящіеся подъ огромнымъ давленіемъ, должны быть, по соображеніямъ шведскаго физика Сванта Арреніуса (1900), такъ сильно сжаты, что въ дѣйствительности они имѣютъ свойство почти твердаго тѣла, съ тою, однако, разницею, что при одномъ измѣненіи давленія могутъ послѣдовать огромныя передвиженія ихъ массъ. Арреніусъ полагаетъ, что твердая оболочка имѣетъ около 40 килом. толщины и на глубинѣ 300 километр. глубины, температура такъ высока, что всѣ тѣла находятся въ газообразномъ состояніи; въ центрѣ же земли должно преобладать газообразное желѣзо. По его мнѣнію, это газообразное желѣзное ядро въ центрѣ земли должно имѣть радіусъ, равный 80% земного радіуса, газообразная же каменная магма 15%, огненножидкая—4%, твердая же земная кора—только 1%!

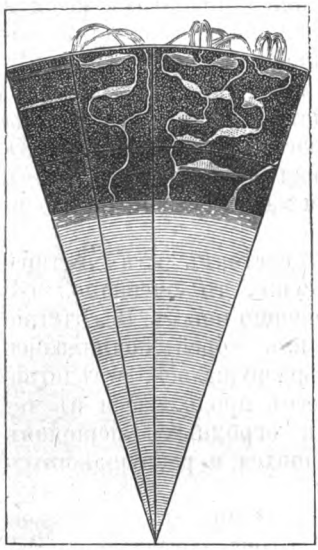


Рис. 18. Земная кора и наполненная водой внутренность земли. («Геогонія Зильбершлага» 1780).

Арреніусъ пришелъ къ заключенію, что внутреннее ядро земли состоитъ изъ желѣза, основываясь на относительно высокой плотности земного шара. Земля почти въ 5½ разъ тяжелѣе воды, удѣльный же вѣсъ каменныхъ породъ земной коры равенъ только 2,5. Отсюда само собою вытекло важное слѣдствіе, что земное ядро должно состоять изъ тяжелыхъ веществъ. Поэтому, Дана уже въ 1847 г. при-

знавалъ желѣзное ядро земли. Онъ считалъ его, однако, застывшимъ и полагалъ, что оно окружено вязкою раскаленною магмой, на которой покоилась тонкая земная кора. Подобные же взгляды находили представителей и между другими изслѣдователями, между тѣмъ какъ англійскіе физики Г. Х. Дарвинъ и В. Томсонъ, американецъ Барнардъ и нѣмецкій геологъ Рейеръ считали весь земной шаръ твердымъ тѣломъ или допускали, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно мощную кору, облегающую небольшое жидкое еще центральное ядро.

Особое положеніе занимаетъ въ вопросѣ о свойствахъ и общемъ строеніи земной коры Альфонсъ Штюбель, который вынесъ свои оригинальныя мысли изъ многолѣтнихъ путешествій въ вулканическихъ областяхъ Эквадора (1868—77). Между тѣмъ какъ большинство изслѣдователей полагаетъ, что земля, вслѣдствіе процесса охлажденія, при-

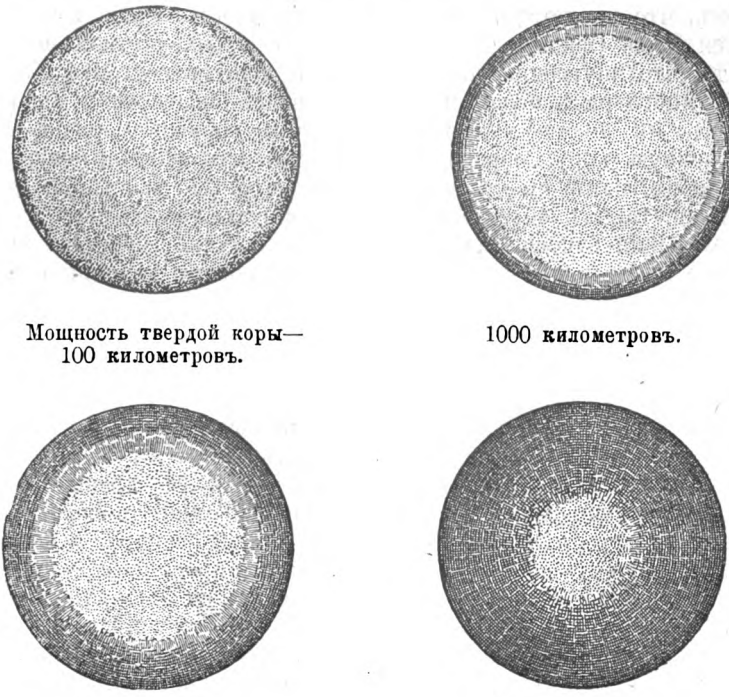


Рис. 19. Четыре стадіи процесса отвердѣванія земли. (По А. Штюбелю)

нимаетъ все меньшій объемъ, Штюбель, на основаніи нѣкоторыхъ наблюденій, убѣдился, что огненно-жидкая каменная масса въ теченіе процесса охлажденія проходитъ фазу увеличенія объема, причемъ можетъ выдѣлиться огромное количество энергіи. Штюбель полагаетъ, что извергаемыя вулканами массы постоянно распростирались надъ отвердѣвшей оболочкой земли и составляли вмѣстѣ съ послѣдней такъ называемую «панцырную покрышку», увеличивая такимъ образомъ объемъ земного шара. По его соображеніямъ, эта панцырная покрышка достигаетъ приблизительно 50 килом. толщины, между тѣмъ какъ твердая оболочка земной коры обладаетъ такою мощностью (около 2.000 кил.), что огненно-жидкая масса земного ядра не можетъ уже быть извержена на поверхность земли.

*

Между тѣмъ какъ большею частью думали, что земля состоитъ только изъ своихъ собственныхъ земныхъ веществъ и въ своемъ развитіи пользовалась собственнымъ матеріаломъ, знаменитый изслѣдователь полярныхъ странъ Норденшильдъ, въ концѣ XIX столѣтія, полагавшій, что онъ нашелъ среди ледяныхъ полей Гренландіи космическую пыль, выразилъ мысль, что земля произошла посредствомъ столкновенія метеоритовъ. Новая теорія, однако, не имѣла распространенія, но недавно Фридрихъ Ратцель (1901) обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что огромное количество космической матеріи, падающей на землю въ видѣ метеоритовъ и метеорной пыли, въ теченіе чрезвычайно длиннаго періода времени, должно сдѣлаться настолько значительнымъ, что можетъ играть нѣкоторую роль въ составѣ земли.

Мы привели множество взглядовъ на общее строеніе земли. Фактическое же положеніе вопроса таково, что мы вынуждены сказать: мы не знаемъ, что представляетъ собою внутренность земли, изъ чего состоитъ ея ядро. Основываясь на плотности земли, установлено твердо только то, что внутренность послѣдней не можетъ состоять изъ воды, какъ это много разъ полагали, придерживаясь библейскихъ понятій. Но мы знаемъ съ полною увѣренностью, что горныя породы, составляющія земную кору, образовались частью изъ расплавленно-жидкой массы посредствомъ ея отвердѣнія, частью подъ дѣйствіемъ воды и вѣтра. Если, такимъ образомъ, мы все еще должны сознаться въ нашемъ невѣдѣніи относительно внутренняго состава земли, то мы вступаемъ уже на твердую почву, переходя къ обзору понятій о строеніи земной коры и совершающихся тамъ явленіяхъ.

II. Вулканизмъ и образованіе горъ.

Мы только что познакомились съ различными взглядами на происхожденіе и общее устройство нашей планеты, причемъ получили нѣкоторыя указанія на то, какъ представляли себѣ въ древности и въ новыя времена происхожденіе неровностей на земной поверхности. Но мы должны теперь нѣсколько ближе подойти къ вопросу о происхожденіи горъ, горныхъ цѣпей и твердой суши и прослѣдить ходъ развитія, который прошла эта область изслѣдованія со времени греческихъ ученыхъ.

Въ древности приписывали огромное вліяніе на образованіе земной поверхности землетрясеніямъ, что и не удивительно, такъ какъ именно въ Греціи, Малой Азіи и Италіи, въ странахъ греческой и римской цивилизаціи, землетрясенія происходятъ, обыкновенно, весьма часто и съ страшною силою. Мы указали выше, что землетрясенія не производятъ особенно сильнаго впечатлѣнія на дикарей, живущихъ внутри материковъ, если только землетрясенія эти не отличаются особенною силою: ихъ хижинамъ построеннымъ изъ кольевъ и балокъ связанныхъ ліанами, едва-ли наносятъ какой-либо вредъ подземные толчки. Иначе дѣло обстояло въ классической древности, когда каменные дома служили жилищами въ значительномъ числѣ случаевъ. Поэтому-то землетрясенія тогда были чрезвычайно опасны. Къ тому же въ известковыхъ горахъ Греціи нерѣдко, вслѣдствіе подземныхъ толчковъ, происходили горные обвалы и образовывались значительной длины и ширины трещины. Отсюда становится понятнымъ, что въ древности видѣли въ землетрясеніи причину образованія горъ. Познакомимся же поближе съ теоріями землетрясенія у древнихъ.

Греческія народныя вѣрованія въ самыя древнія эпохи искали причину землетрясеній въ водѣ, поэтому то и Гомеръ богу моря, Посейдону, прилагаетъ эпитетъ «землепотрясателя». Но и древнѣйшіе іонійскіе философы считали воду возбудителемъ землетрясеній. Такъ, по свидѣтельству Сенеки (VI, 6 его «Размышленій о природѣ»), Ѳалесъ Милетскій полагалъ, «что вся земля опирается на водяную влагу и плаваетъ на ней. Въ доказательсто же того, что вода является причиною потрясенія земли, онъ указывалъ на то обстоятельство, что при каждомъ значительномъ землетрясеніи почти всегда изъ почвы пробиваются новые источники». Это доказательство ни въ какомъ случаѣ нельзя считать основательнымъ, такъ какъ зачастую бываютъ землетрясенія, во время которыхъ не прорывается никакихъ новыхъ водъ или выступающее наружу количество воды очень незначительно. Анаксименъ, напротивъ, выступаетъ съ теоріей проваловъ, которая, дѣйствительно, такъ легко приложима къ известковой, богатой подземными пустотами почвѣ Греціи: всякій разъ, какъ земля пропитывается отъ продолжительныхъ ливней водой и потомъ высохнетъ, въ ней образуются трещины и щели, части внутренней коры отдѣляются и производятъ, вслѣдствіе своего обрушиванія, мѣстныя сотрясенія — объясненіе, которое и въ наше время примѣняется къ цѣлому ряду землетрясеній. Анаксагоръ, Демокритъ и другіе полагали, что воды, вѣтры и огонь, заключенные во внутреннихъ пустотахъ и ходахъ земли, ища себѣ выхода, потрясали земли; словомъ, они допускали какъ и въ вулканическихъ явленіяхъ одну и ту же причину. Между землетрясеніями и вулканическими изверженіями они находили тѣсную связь — мысль, которая и въ настоящее время для многихъ землетрясеній признается вѣрною.

Аристотель приписывалъ землетрясенія исключительно движеніямъ воздуха, заключеннаго въ пустотахъ и порахъ земли; этотъ воздухъ стремится высвободиться наружу, но наталкивается на преграды или вгоняется во внутрь проникающими въ почву массами водъ. Отсюда онъ заключалъ, что тѣ области, которыя своими пропастями и пустотами даютъ водамъ доступъ во внутренность земли, чаще всего подвержены землетрясеніямъ, каковы Геллеспонтъ, Эвбея, Ахея, Сицилія и Липарскіе острова.

Рис. 20. Планеты въ первой стадіи своего развитія: газовое кольцо отдѣлившееся отъ солнца. По Лапласу.

Кромѣ изложенныхъ, существовалъ еще цѣлый рядъ дальнѣйшихъ теорій относительно происхожденія землетрясеній; всѣ они добросовѣстно изложены Сенекой въ 6 книгѣ его «Размышленій о природѣ». Мы не можемъ здѣсь подробно обсуждать ихъ всѣ, да къ тому же онѣ представляютъ мало интереса въ историческомъ отношеніи. Упомянемъ однако, что Деметріусъ изъ Каллатиса, жившій за 300 л. до Р. Х., составилъ уже перечень всѣхъ происходившихъ въ Греціи землетрясеній и что уже въ то время были извѣстны различные роды землетрясеній, смотря по тому, наблюдалось ли перпендикулярное, снизу вверхъ рас-

пространяющееся сотрясеніе или горизонтальное колебаніе. Сенека дѣлаетъ различіе между мягкимъ дрожаніемъ земли и настоящимъ сотрясеніемъ.

Также обращено было уже и тогда вниманіе на продожительность

Рис. 21. Большое землетрясеніе въ Іедо (Токіо) въ 1650 г. По гравюрѣ Арнольда Монтакуса: «Достопамятныя посольства остъ-индской компаніи къ разнымъ государямъ Японіи». Амстердамъ, 1660.

землетрясенія и замѣчено, что послѣднее большею частью очень кратковременно. Обыкновенно землетрясенія состоятъ изъ сильнаго толчка, за которымъ слѣдуетъ нѣсколько болѣе слабыхъ; часто до ихъ появ-

ленія слышится глухой подземный гулъ. Иногда землетрясенія продолжаются очень долго, т.-е. они часто повторяются въ теченіе долгаго времени, даже цѣлаго года.

Знали также, что въ извѣстныхъ странахъ землетрясенія бываютъ чаще, чѣмъ въ другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривали, какъ твердо установленный фактъ, что извѣстныя времена года отличаются особенно частыми землетрясеніями.

Вліяніе, которое могли производить землетрясенія на земную поверхность, получило очень высокую оцѣнку. Эсхилъ полагалъ, что Сицилія отдѣлилась отъ Италіи вслѣдствіе землетрясенія. Платонъ приписывалъ тому же исчезновеніе миѳическаго острова Атлантида. Тотъ фактъ, что земля и скалы трескались, былъ, во всякомъ случаѣ, констатированъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Но когда Сенека говоритъ, что землетрясенія въ состояніи совершенно измѣнить видъ страны, что они «понижали горы и поднимали равнины», то здѣсь нельзя не видѣть только одни предположенія, которыя были вызваны въ душѣ изслѣдователя такими ужасными явленіями природы. По Страбону, вслѣдствіе землетрясеній высыхали озера и появлялись новыя, рѣки покидали свои старыя русла, цѣлые острова погружались въ моря и новые выступали изъ его волнъ. Хотя въ этихъ извѣстіяхъ дѣйствіе землетрясеній и кажется отчасти преувеличеннымъ, однако уже и древнимъ были извѣстны ужасныя послѣдствія землетрясеній— наводненія. Происхожденіе послѣднихъ Аристотель объяснялъ тѣмъ, что образовавшіяся, подъ вліяніемъ внѣшнихъ вѣтровъ, огромныя морскія волны, встрѣчаютъ въ землетрясеніи препятствіе своему передвиженію и потому наводняютъ сосѣдніе берега. Такъ погибли арабскіе города Гелике и Бура. Подобнымъ же образомъ были отдѣлены Эвбея отъ Беотіи и Лесбосъ отъ малоазіатскихъ береговъ. Страбонъ, повидимому, хотѣлъ объяснить такимъ образомъ происхожденіе всѣхъ прибрежныхъ острововъ.

Хотя многія изъ этихъ теорій землетрясенія могутъ быть примѣнимы только къ нѣкоторымъ преобразованіямъ на земной поверхности и не въ силахъ объяснить происхожденіе горныхъ цѣпей и материковъ, но были между ними и другія, которыя вполнѣ пригодны и для послѣдней цѣли. Такъ, Аристотель предполагалъ, что воздушныя теченія въ огромныхъ пустотахъ внутри земли, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, могутъ приподнимать земную кору.

Ученіе Аристотеля нашло послѣдователей въ Гиппархѣ, позднѣе въ Страбонѣ и въ дальнѣйшей своей разработкѣ предполагало, что поднятія и пониженія должны происходить постепенно и медленно и что въ нихъ главное участіе принимаетъ морское дно. Страбонъ говоритъ по этому поводу (I, 51): «Поднятіе или опусканіе уровня моря объясняется тѣмъ, что опускается или поднимается какой-нибудь участокъ морского дна, увлекая за собой море то въ высоту, то въ глубину. При поднятіи море также поднимается, при пониженіи возвращается къ своему прежнему уровню. Но если дѣло обстоитъ иначе, если происходитъ внезапное поднятіе уровня, то за нимъ должно слѣдовать наводненіе, какъ это бываетъ при морскихъ приливахъ и при разливахъ рѣкъ, причемъ при первыхъ масса воды приносится изъ какого-либо другого мѣста, при послѣднихъ же увеличивается. Но ни разлитія рѣкъ не происходятъ съ такою силою и внезапностью, ни приливы не бываютъ такъ продолжительны, какъ наводненія; здѣсь, въ этихъ явленіяхъ наблюдается извѣстная правильность, а кромѣ того

приливы не происходятъ въ нашемъ морѣ, ни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно когда-либо находилось. Слѣдовательно, остается разсматривать, какъ основную причину этихъ явленій, почву, находящуюся или подъ моремъ, или наводняемую, скорѣе первую, такъ какъ пропитанная влагой почва болѣе подвижна и легче поддается измѣненіямъ; вѣтеръ—причина всѣхъ подобныхъ явленій—можетъ легче всего проявить здѣсь свою мощную силу. Ближайшею причиной подобныхъ явленій необходимо считать то, что однѣ и тѣ же части морского дна то поднимаются, то опускаются». Это ученіе о поднятіи и опусканіи земной поверхности снова было принято въ новѣйше время. правда, съ совершенно инымъ обоснованіемъ и для иного примѣненія. Раньше оно могло быть допущено только при предположеніи существованія огромныхъ подземныхъ пустотъ, гдѣ могли происходить разнообразныя и богатыя послѣдствіями явленія. Въ этихъ пустотахъ обыкновенно видѣли мѣстопребываніе вулканическихъ силъ, дѣйствіе которыхъ было изучено уже въ разныхъ мѣстахъ извѣстной тогда земной поверхности.

Древніе греческіе поэты относили мѣстопребываніе и мастерскія Гефеста, бога огня, а также и мѣсто борьбы гигантовъ и титановъ съ богами къ вулканическимъ областямъ. Хотя эти древнія воззрѣнія ясно указывали на глубины земли, какъ на очагъ вулканическихъ явленій, однако еще во время лидійца Ксантоса господствовала идея, что удары молніи могли быть причиною пожара земли и скалъ. Эта теорія примѣнялась именно къ такъ называемой «сожженной странѣ» (Katakekaumene) при верховьяхъ Гермуса въ Лидіи, область, имѣвшая 500 стадій (89 килом.) въ длину и 400 ст. (71 к.) въ ширину, пеплообразная почва которой была годна только для винодѣлія. Къ настоящимъ, дѣйствующимъ вулканамъ теорія эта, навѣрное, никогда не примѣнялась, такъ какъ изверженіе вулканическихъ матеріаловъ изъ глубины земли было слишкомъ очевиднымъ.

Платонъ производилъ огненно-жидкія массы, а также рыхлый пепелъ и пемзу вулкановъ изъ своей огненной рѣки—Пирифлегетона, которая протекаетъ, дѣлая многочисленные изгибы, внутри земли и, наконецъ, изливается въ Тартаръ; Аристотель же — подземный огонь пустотъ земной внутренности производилъ изъ сухихъ испареній, которыя загорались при сильномъ разрѣженіи. Горячіе источники служили доказательствомъ существованія подземнаго огня и если послѣднему приписывали причину происхожденія различныхъ явленій, то всѣ были согласны въ томъ, что подземный огонь или распространенъ неравномѣрно внутри земли, или же земная кора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тоньше, чѣмъ въ другихъ, и поэтому представляетъ болѣе легкій доступъ наружу вулканическимъ изверженіямъ. Такимъ образомъ просто и ясно объяснялся тотъ фактъ, что такое вулканическое изверженіе охватываетъ только опредѣленную область.

Древнимъ было уже извѣстно очень большое число такихъ вулканическихъ областей въ Италіи, Греціи и Малой Азіи. Перечислять ихъ всѣ было бы слишкомъ утомительно, но уже одного взгляда на геологическую карту Средиземнаго моря въ томъ видѣ, какъ она могла бы быть набросана древними, достаточно, чтобы познакомиться съ положеніемъ этихъ вулкановъ. Истинные вулканы, отличавшіеся частыми изверженіями, были хорошо извѣстны грекамъ и римлянамъ. Было также извѣстно, что эти вулканы не содержатъ въ себѣ огня, но служатъ только выходомъ внутренняго подземнаго пламени. Страбонъ признавалъ также существованіе соединенія посредствомъ подземныхъ

каналовъ между вулканами Сицилiи, Липарскихъ . острововъ, Искiи и Везувiемъ, «о которомъ нужно полагать, что онъ нѣкогда горѣлъ и обладалъ огненными жерлами». При такомъ взглядѣ на вещи Страбонъ разсматривалъ и вулканы, какъ предохранительные клапаны, какъ видно изъ его словъ, что Сицилiя теперь должна меньше терпѣть отъ землетрясенiй, чѣмъ въ то время, когда Этна и вулканы Липарскихъ острововъ были закрыты. По Лукрецiю для настоящихъ вулкановъ характерны окруженные пепломъ, пескомъ и пемзою кратеры, изъ которыхъ при изверженiи поднимаются высокiе столбы дыма и часто вытекаютъ огромные потоки лавы, подобной черной грязи, на воздухѣ затвердѣвающей въ камень. Изверженiя вулкановъ предварительно возвѣщаются подземнымъ громомъ, и Сенека во 2-й кн. своихъ «Размышленiй о природѣ» разсказываетъ что одно изверженiе Этны· сопровождалось грозою. Это явленiе чрезвычайно часто наблюдается при вулканическихъ изверженiяхъ. Сенека говоритъ слѣдующее (II, 30): «Этна по временамъ накопляла слишкомъ много огня и выбрасывала потомъ огромное количество раскаленнаго песку. Дневной свѣтъ меркнулъ отъ дыма и люди приходили въ ужасъ отъ наступавшаго мрака. Въ это время, какъ говорятъ, часто раздавался громъ и блистала молнiя». По Страбону, при изверженiяхъ часто образовывались новые кратеры, впослѣдствiи исчезавшiе. Такимъ образомъ древнимъ была уже извѣстна чрезвычайная измѣнчивость внѣшняго вида вулкановъ. Неудивительно, что Страбонъ уже задолго предъ знаменитымъ изверженiемъ Везувiя въ 79 г. послѣ Р. Х. имѣлъ точныя свѣдѣнiя о вулканической природѣ этой горы. Какъ это видно изъ превосходнаго описанiя Плинiя Младшаго, это изверженiе Везувiя, засыпавшее Геркуланумъ и Помпею, показало грекамъ въ яркомъ свѣтѣ все величiе и ужасъ вулканическихъ изверженiй и еще болѣе познакомило ихъ съ явленiями подобнаго рода.

Мы приводимъ здѣсь дословно это описанiе, которое было сдѣлано Плинiемъ Младшимъ въ письмѣ къ великому римскому историку Тациту, хотя оно касается, главнымъ образомъ, личной судьбы Плинiя Старшаго и только мимоходомъ описываетъ самое изверженiе. Но этотъ документъ важенъ, такъ какъ написанъ подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ катастрофы и является единственнымъ, дошедшимъ до насъ (IV книга, 16-е письмо).

«Ты желаешь, чтобы я описалъ тебѣ смерть моего дяди, съ тѣмъ, чтобы ты могъ вѣрнѣе передать потомкамъ его обликъ. Онъ былъ въ Мизенумѣ начальникомъ императорскаго флота. 24-го августа около часа пополудни мать моя заявила ему, что показалось облако необыкновеннаго вида и величины. Онъ потребовалъ башмаки и поднялся на холмъ, откуда лучше всего можно было наблюдать картину. Издали нельзя было распознать, изъ какой горы исходило облако и только позднѣе стало извѣстно, что это былъ Везувiй. Облако поднималось подобно дереву, именно пинiи: оно имѣло очень высокiй стволъ и распростиралось оттуда въ видѣ многочисленныхъ вѣтвей». Плинiй сравниваетъ здѣсь въ первый разъ вулканическое облако съ пинiей. «Я полагаю, что оно было поднято вверхъ сильной струею воздуха и когда послѣдняя сдѣлалась слабѣе и оставила его, или когда его тяжесть получила перевѣсъ, оно медленно распространилось во всѣ стороны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно было бѣлымъ, въ другихъ же грязнымъ и пятнистымъ, смотря по тому, увлекала ли она съ собой въ высоту землю или пепелъ. Ученый мужъ имѣлъ намѣренiе ближе познакомиться съ происшествiемъ. Онъ приказалъ поэтому приготовить быстроходное

судно. Мнѣ онъ предоставилъ на мою волю, сопровождать его или оставаться. Я отвѣчалъ, что лучше желалъ бы заниматься, тѣмъ болѣе, что онъ самъ мнѣ поручилъ кое-что для письменныхъ занятій. Онъ былъ готовъ уже выйти изъ дома, какъ получилъ письмо. Цезій Бассъ и остальные жители Ретины, которая была расположена у подножія горы и изъ которой можно было бѣжать только къ морю, просили его о спасеніи, устрашенные опасностью. Онъ измѣнилъ такимъ образомъ свое рѣшеніе и принялся съ величайшимъ мужествомъ за дѣло, которое онъ началъ было только изъ жажды знанія. Онъ приказалъ спустить въ море четырехвесельное судно и отправился на помощь не только жителямъ Ретины, но и многимъ другимъ, такъ какъ берегъ, вслѣдствіе своего прекраснаго положенія, былъ густо населенъ. Онъ спѣшилъ туда, откуда другіе бѣжали, и прямымъ курсомъ направилъ судно въ самую опасность, столь далекій отъ страха, что диктовалъ для записи всѣ движенія, всѣ формы предстоявшаго его взорамъ страшнаго явленія и зарисовывалъ его на бумагу.

Чѣмъ болѣе приближалось судно, тѣмъ горячѣе и плотнѣе становился падающій пепелъ; уже стали падать пемза и черные камни, обожженные и треснувшіе отъ огня; вотъ уже и море сдѣлалось мелкимъ и берега труднодоступными вслѣдствіе извергнутой массы. Онъ помедлилъ немного, какъ будто намѣревался возвратиться, но скоро послѣ этого сказалъ лоцману, который совѣтовалъ ему это: «Храбраго поддерживаетъ счастье. Правь къ Помпоніанусу!» Послѣдній находился въ Стабіи, отдѣленный морскою бухтой, такъ какъ здѣсь море внѣдряется въ сушу, окаймленное медленно закругляющимся полукругомъ берега. Помпоніанусъ при видѣ опасности, которая, правда еще не была непосредственною, сложилъ все свое имущество на корабли и рѣшился бѣжать, какъ только появится благопріятный вѣтеръ. Послѣ того какъ мой дядя, благодаря попутному вѣтру, прибылъ туда, онъ обнялъ напуганнаго, утѣшилъ и уговорилъ его. Желая смягчить его ужасъ своей беззаботностью, онъ принялъ ванну, сѣлъ потомъ за столъ и началъ кушать въ веселомъ настроеніи духа, или, что одинаково указываетъ на величіе души, старался быть веселымъ. Между тѣмъ, во многихъ мѣстахъ изъ Везувія выбрасывались огромные огненные языки, высоко поднималось пламя и блескъ и сіяніе его еще рѣзче выдавались во мракѣ ночи. Чтобы ослабить страхъ окружающихъ, мой дядя заявилъ, что это происходитъ отъ горящихъ домовъ и помѣстій, которые покинули въ страхѣ жители. Послѣ этого онъ легъ и крѣпко заснулъ. Но дворъ, откуда можно было попасть въ комнату, такъ сильно наполнился пепломъ и пемзой, что при дальнѣйшемъ пребываніи въ спальнѣ выходъ изъ нея былъ бы совершенно преграждень. Поэтому его разбудили и онъ отправился къ Помпоніанусу и прочимъ, которые бодрствовали. Составленъ былъ общій совѣтъ, чтобы рѣшить, остаться ли въ домѣ или выйти подъ открытое небо, такъ какъ домъ отъ частыхъ и страшныхъ толчковъ колебался и казалось, разошелся по всѣмъ швамъ и связямъ, то наклонялся онъ въ одну, то въ другую сторону и затѣмъ снова возвращался въ свое прежнее положеніе. Подъ открытымъ небомъ боялись паденія кусковъ пемзы, хотя они были легки и выжжены. Послѣ обсужденія опасности выбрали, однако, послѣднее, такъ какъ однихъ побѣдили разумные доводы моего дяди, другихъ страхъ. Для защиты отъ падающихъ камней положили на головы подушки и привязали ихъ платками. Въ другихъ мѣстахъ наступилъ уже день, здѣсь же царила ночь еще, болѣе мрач-

ная и тяжелая, чѣмъ прежнія ночи. Множество факеловъ и различныхъ свѣтильниковъ едва смягчали этотъ мракъ. Рѣшено было идти къ берегу и удостовѣриться, все ли еще опасно море; оно было ужасно и угрожало опасностью. Здѣсь мой дядя легъ на разостланный для него плащъ, потребовалъ еще разъ холодной воды и выпилъ. Но пламя и запахъ сѣры, которые имъ угрожали, обратили нѣкоторыхъ въ бѣгство и заставили его подняться. Онъ всталъ опираясь на двухъ слугъ, но тотчасъ же опять опустился на землю. Я подозрѣваю, что густыя испаренія захватили ему дыханіе и закрыли дыхательное горло, которое было у него отъ природы слабо, узко и часто подвергалось воспаленіямъ. Когда, наконецъ, на третій день, сдѣлалось снова свѣтло, его трупъ былъ найденъ совершенно нетронутымъ, также и его одежда; онъ походилъ скорѣе на спящаго, чѣмъ на мертваго».

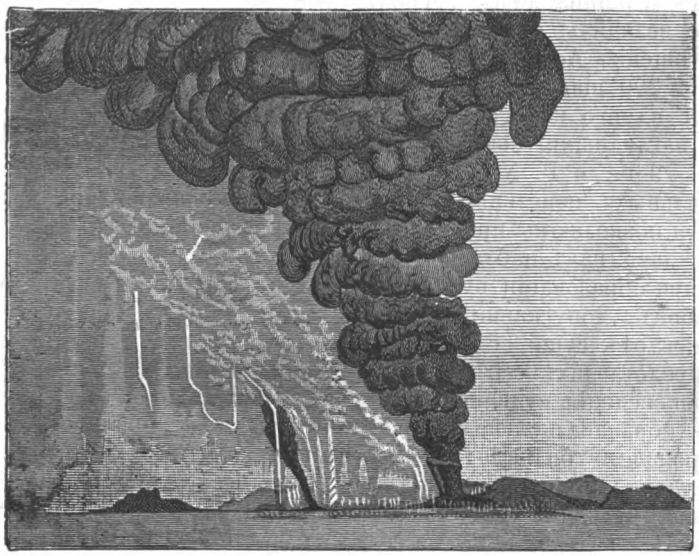


Рис. 22. Образованіе вулкана Георгія въ Эгейскомъ морѣ, въ февралѣ 1866 г.

Хотя Плиній Младшій въ своемъ письмѣ описываетъ только мимоходомъ самое изверженіе, однако, его описаніе пиніева облака, пепельнаго дождя, къ которому позднѣе примѣшались куски пемзы, землетрясенія, абсолютной тьмы и все выше и выше наслаивающихся продуктовъ изверженія, даютъ намъ ясную картину величественныхъ вулканическихъ явленій. Во всякомъ случаѣ, это наилучшее описаніе вулканическаго изверженія, дошедшее къ намъ изъ глубокой древности; имъ открывается изученіе дѣятельности вулкановъ, которое привело древнихъ ученыхъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ.

Но уже задолго раньше греки имѣли случай познакомиться съ совершенно инымъ родомъ вулканической дѣятельности, обнаружившейся въ появленіи вулканическаго острова въ Эгейскомъ морѣ въ 198 г. до Р. Х. Страбонъ слѣдующимъ образомъ извѣщаетъ объ этомъ событіи: «Посрединѣ между Терой и Теразіей въ теченіе четырехъ дней вырывалось изъ моря пламя, такъ что все море пылало и горѣло и постепенно изъ него, словно какими-то орудіями, былъ поднятъ островъ, который состоялъ изъ раскаленной массы и имѣлъ въ окружности

12 стадій (2,13 кил.). Послѣ этого событія въ первый разъ отважились только родосцы, господствовавшіе тогда на морѣ, пристать туда и посвятить храмъ Посейдону Асѳалійскому». Сенека въ своихъ «Размышленіяхъ о природѣ» (II, 26) описываетъ то же событіе въ слѣдующихъ словахъ: «Во времена нашихъ предковъ, когда въ Эгейскомъ морѣ появился островъ, по свѣдѣніямъ Позидоніуса, море сначала долго пѣнилось и изъ глубины его поднимался дымъ. Потомъ показался огонь, но не постоянный, а вспыхивавшій чрезъ нѣкоторые промежутки времени, подобно молніи, какъ только жаръ внизу становился больше, чѣмъ жаръ лежащей выше его массы. Послѣ этого были извергнуты скалы, частью совершенно нетронутые глыбы камней, которые были выброшены воздушною струей раньше, чѣмъ они успѣли измѣниться, иногда съ пустотами внутри и легкія, какъ пемза; наконецъ, появилась вершина новой горы. Потомъ она стала увеличиваться и выросла до величины острова». Позднѣе Сенека прибавляетъ къ этому: «По извѣщенію Асклепіодотуса, глубина, изъ которой выходилъ огонь, достигала 200 шаговъ. Если эти оба описанія, которыя, очевидно, исходятъ изъ одного и того же источника, не являются столь же подробными и наглядными, какъ описаніе Плинія Младшаго изверженія Везувія въ 79 г. до Р. Х., то все же они ясно указываютъ на отсутствіе сильныхъ пепельныхъ ливней, наблюдавшихся при изверженіи Везувія, и позволяютъ предположить, что главное здѣсь было бьющая ключомъ лава, какъ наблюдалось на томъ же мѣстѣ Эгейскаго моря въ 1866 г. при образованіи вулкана Георга на Нэа-Каимени (Nea-Kaimeni).

Страбонъ, допускавшій, что всѣ ближайшіе къ берегамъ острова отдѣлились отъ суши вслѣдствіе землетрясенія или дѣйствія морскихъ волнъ, представлялъ себѣ и всѣ отдаленные отъ материковъ острова, какъ произведенія вулканической дѣятельности. По его мнѣнію, острова въ морѣ образовались подъ дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ, которыя на сушѣ произвели большія горы, въ доказательство чего онъ указываетъ слѣдующій примѣръ: «Близъ Метоны въ Герміоновской бухтѣ вслѣдствіе вулканическаго изверженія поднялась гора въ 7 стадій (1.200 метр.) высоты. Днемъ, вслѣдствіе жара и сѣрныхъ паровъ, она была недоступна, ночью же она была видна издалека, ярко освѣщена и испускала столь сильный жаръ, что море на 5 стадій вокругъ (900 метр.) кипѣло и на 20 ст. ($3^1/_2$ килом.) было мутно и усѣяно выброшенными изъ кратера скалистыми глыбами, въ цѣлую башню высотой» (282 г. до Р. Х.).

Еще болѣе выразительно описалъ возникновеніе подобной вулканической горы Овидій въ 15 кн. своихъ «Метаморфозъ» (ст. 296—306): «Крутой и безлѣсный холмъ видѣнъ у Трацены; нѣкогда здѣсь была равнина—теперь гора. Замкнутые въ мрачныхъ пустотахъ вѣтры напрасно искали трещины для выхода. Тогда отъ сжатой силы вѣтровъ вздулась расширенная почва, какъ наполненный воздухомъ пузырь, или какъ кожа двурогаго козла. Поднятіе захватило только одно мѣсто и возвышающійся холмъ съ теченіемъ времени превратился въ голую скалистую массу». Александръ Гумбольдтъ передалъ это описаніе въ своемъ «Космосѣ» (I, стр. 252) и обратилъ вниманіе на то, какъ близко подходитъ это представленіе къ господствовавшимъ позднѣе (къ началу XIX стол.) теоріямъ кратеровъ поднятія. Идея исходитъ, конечно, не отъ Овидія, но отъ Аристотеля, который уже описалъ въ своей «Метеорологіи» (II, 8) подобное явленіе: «Землетрясеніе прекратилось не прежде, чѣмъ изъ земной коры вырвался вѣтеръ, производившій это

сотрясеніе. То же произошло недавно близъ Гераклеи въ Понтѣ и сначала на Гіерѣ, одномъ изъ холійскихъ острововъ. На немъ, именно, часть земли вздулась и съ громомъ начала подниматься въ видѣ высокаго холма, пока могучая поднимающая сила дыханія не нашла себѣ выхода и не выбросила снопы искръ и пепла; пепелъ покрылъ ближайшіе Липарскіе острова и донесся даже до нѣкоторыхъ городовъ Италіи». Отсюда ясно видно, что греки и римляне были хорошо знакомы съ вулканическими явленіями и понимали ихъ значеніе въ образованіи земной поверхности. Правда, римляне, какъ Страбонъ, слишкомъ переоцѣнивали послѣднее. Относительно причинъ вулканизма они, понятно, не могли дать удовлетворительнаго объясненія. Но мы не имѣемъ права судить ихъ труды въ этомъ отношеніи; мы сами не въ состояніи еще разрѣшить этой загадки, которая кажется намъ тѣмъ интереснѣе, чѣмъ яснѣе и величественнѣе представляются нашимъ взорамъ вулканическія явленія.

Средніе вѣка. Въ началѣ среднихъ вѣковъ произошло существенное измѣненіе во взглядахъ на происхожденіе суши и горъ, такъ какъ отцы церкви руководились, конечно, и въ этомъ вопросѣ авторитетомъ Библіи и именно повѣствованіемъ о сотвореніи міра, гдѣ (1 кн. Моисея, 1, 9) значится: «И Богъ сказалъ: да соберутся воды подъ небомъ въ опредѣленное мѣсто, дабы видна была суша. И было такъ». Эти немногія слова должны были служить путеводною звѣздой для всѣхъ размышленій о формахъ земной поверхности, ея возвышеніяхъ и углубленіяхъ и такъ какъ они, въ силу своей сухой простоты, не позволяли дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ заключеній, то все остроуміе было направлено на то, чтобы объяснить процессъ творенія и согласовать его съ фактическими отношеніями на земной поверхности. Многіе полагали, что твореніе произошло, какъ нѣчто готовое, разомъ, по одному всемогущему слову Бога, между тѣмъ какъ другіе допускали постепенность процесса. Григорій Нисскій опираясь на Аристотеля, полагалъ даже что кругообразно движущаяся матерія, вслѣдствіе отношеній тяжести ея составныхъ частей, постепенно привела къ настоящему порядку вещей.

Такъ какъ, по смыслу начальныхъ стиховъ «Бытія», вода покрывала всю землю, со всѣми ея углубленіями, то трудно было объяснить, куда же она могла стечь, чтобы «суша» была видима. Беда Венерабилисъ представлялъ себѣ, что вода вначалѣ окутывала землю; облакомъ пара и только, по слову Божію, перешла въ капельно-жидкое состояніе и наполнила существовавшія уже ранѣе углубленія земли это искусственное объясненіе было чуждо прежнимъ экзегетамъ; они понимали, слѣдуя, буквальному значенію библейскаго слова, дѣйствительное покрытіе земли водою и должны были попытаться создать гдѣнибудь пространство для стекающихъ водъ. Северіанъ изъ Габалы сдѣлалъ это слѣдующимъ образомъ: онъ допускалъ, что земля въ то время, какъ она была покрыта водой, имѣла ровную поверхность и только, по повелѣнію Бога, она растрескалась и образовала бассейны, куда могли собраться воды. Ефремъ Сирійскій, Прокопъ изъ Газы и Іоаннъ Дамаскинъ полагали также, что на землѣ образовались углубленія, въ которыя стекала вода, пока не стала видна суша. Ефремъ считалъ даже возможнымъ, «что воды пожирали другъ друга, пока не образовалось достаточно свободнаго пространства». Амвросій подошелъ къ задачѣ нѣсколько болѣе основательно. Онъ наблюдалъ силу морскихъ волнъ и полагалъ, что море своими бурными волнами выкопало

само-себѣ бассейны, день за днемъ взрывая дно до величайшихъ глубинъ и водоворотами вынося наверхъ песокъ. Вслѣдствіе этой дѣятельности водъ, которая, съ одной стороны, создавала впадины и углубленія, а съ другой—нагромождала холмами пески, образовались, наконецъ морскіе бассейны и суша. Это въ высшей степени фантастическое заключеніе должно было привести къ неправильнымъ выводамъ, такъ какъ оно основывалось на ложныхъ предпосылкахъ. Однако, слѣдуетъ воздать этому воззрѣнію дань справедливости: оно, по крайней мѣрѣ, въ своемъ ядрѣ заключаетъ геологическія мысли и дѣлаетъ попытку разрѣшить проблему естественно-научнымъ путемъ.

Іоаннъ Филипоносъ, основываясь на существованіи наносныхъ земель вокругъ Средиземнаго моря, напр., Египта, допускалъ, что при твореніи суши земля стянулась изъ однихъ областей къ другимъ и такимъ образомъ произошли возвышенія (суша) въ одномъ мѣстѣ и углубленія (морскіе бассейны) въ другомъ. Чтобы пояснить этотъ процессъ, онъ указывалъ на то, что рѣки и моря иногда измѣняютъ свое ложе. О собственно же геологической дѣятельности текучихъ водъ, которая была хорошо извѣстна древнимъ, отцы церкви хотя и упоминали изрѣдка, но, повидимому, имѣли смутныя представленія; вообще, спеціальное изученіе отдѣльныхъ естественныхъ явленій находилось внѣ круга ихъ мысли.

О вулканическихъ явленіяхъ средніе вѣка имѣли также очень скудныя знанія. Іоаннъ Филипоносъ думалъ, что внутренность земли должна скрывать въ себѣ огонь и приводилъ въ доказательство горячіе источники, а также «огненные кратеры въ Сициліи, на Липарскихъ островахъ и многихъ другихъ мѣстахъ». Ефремъ полагалъ, что подземнымъ огнемъ не только согрѣвались источники, но благодаря ему только и могла возникнуть на землѣ органическая жизнь, такъ какъ иначе она погибла бы отъ холода. Изидоръ утверждалъ, что Сицилія минирована подземными пустошами и ходами; туда проникаютъ извнѣ вѣтры и зажигаютъ богатыя залежи сѣры и горной смолы, отчего изъ глубины земли выбрасываются пламя, паръ и дымъ, а также каменныя глыбы. Вулканамъ же Эолійскихъ острововъ питательный матеріалъ должна давать влажность близкаго моря. Въ близкомъ видѣ эта теорія не разъ возникала въ средніе вѣка.

Для объясненія землетрясеній отцы церкви часто прибѣгали къ воззрѣніямъ Аристотеля. Но съ естественно-научнымъ объясненіемъ были не согласны такіе благочестивые монахи, какъ Козьма Индикоплейстъ, который видѣлъ въ землетрясеніи непосредственную руку Божію, такъ какъ псалмопѣвецъ говоритъ (104, 32): «Посмотритъ онъ на землю—и она задрожитъ, прикоснется къ горамъ—и онѣ задымятся». Такимъ образомъ объяснялись, конечно, не только землетрясенія, но и вулканы.

Арабы слѣдовали грекамъ также и при размышленіяхъ о происхожденіи суши и горъ и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя земная поверхность испытываетъ относительно ея воднаго покрова. Мазуди (Masûdi) предполагалъ, что ни одно пространство на земной поверхности не остается въ теченіи долгаго времени сухимъ или покрытымъ водой. Въ доказательство онъ приводилъ, главнымъ образомъ, отступленіе моря предъ скопленіями рѣчныхъ наносовъ. Али Беруни, напротивъ, зналъ уже, что передвиженія береговъ могутъ происходить и иначе, что нѣкоторые острова изъ Лакедивскихъ и Маладавскихъ опустились въ глубину моря, а другіе поднялись надъ его поверхностью.

Болѣе независимы отъ грековъ были арабы по отношенію къ горообразовательной дѣятельности вѣтровъ, свѣдѣнія о которой они почерпали изъ непосредственнаго наблюденія природы. Нагроможденные вѣтромъ песчаные холмы могли съ теченіемъ времени отвердѣть и образовать твердыя горы, наоборотъ—при постоянно возобновляющемся воздѣйствіи вѣтра, песчаныя скопленія разрушаются и разсѣиваются.

Вулканическимъ явленіямъ арабы не приписывали значительной роли въ дѣлѣ преобразованія земной поверхности. Эдризи (1100—15), долго жившій въ Сициліи при дворѣ короля Рожера II, зналъ, однако, и описалъ, какъ вулканы, Этну и горы Липарскихъ острововъ. Мазуди также описываетъ съ художественною точностью Демавендъ, какъ огнедышащую гору. Аль-Беруни отважился даже сравнить направленія главныхъ горныхъ цѣпей и узналъ при этомъ, что важнѣйшія горныя цѣпи Европы и Азіи направляются почти съ востока на западъ. Ибнъ-Халданъ думалъ, что большія горы находились по берегу моря, чтобы поставить ему предѣлы—ученіе, которое весьма подходило бы къ какому-нибудь христіанскому ученому того времени. Въ половинѣ среднихъ вѣковъ господствовало общее затишье въ научной дѣятельности и только въ XII столѣтіи снова къ ней пробудился высокій интересъ. Еще аббатъ Рупертъ изъ Дейтца видѣлъ въ горахъ защитительное сооруженіе Провидѣнія, воздвигнутое для защиты отъ чрезвычайно сильныхъ вѣтровъ и бурь, но уже въ 1200 году священникъ Ламбертъ Ардскій далъ описаніе размыва дюнъ моремъ, свидѣтельствовавшее о совершенно свободномъ отъ предразсудковъ наблюденіи. Онъ разсказываетъ, какъ море прорывало дюны, затопляло лежащій за ними берегъ и образовывало родъ гавани, какъ песчаные холмы соединялись затѣмъ въ валъ дюнъ, который замыкалъ внѣдрившуюся въ берегъ часть моря въ лагуну. Вообще въ средневѣковой литературѣ дюны, неизвѣстныя или казавшіяся древнимъ нестоющими упоминанія, играютъ уже извѣстную роль.

Какъ Августинъ, такъ и другіе позднѣйшіе средневѣковые ученые давали слишкомъ преувеличенную оцѣнку дѣятельности моря. Они приписывали морю многократное перемѣщеніе и особенно выставляли на видъ, что море захватываетъ у суши обширныя пространства посредствомъ размыва и подрытія береговъ, продукты же разрушеній отлагаетъ снова въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые физики даже полагали, что Средиземное море и океанъ находились въ постоянномъ наступательномъ движеніи подъ вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ и что горы и долины на земной поверхности служатъ доказательствомъ разрушающей и созидающей дѣятельности морскихъ волнъ. Такъ какъ горы и долины существуютъ всюду, то и море должно было быть нѣкогда во всѣхъ такихъ областяхъ. Особенно сильнымъ аргументомъ въ пользу этой теоріи считался фактъ, что однажды, при рытьѣ колодца въ области, лежавшей далеко отъ моря, найденъ корабельный руль. Такія взаимныя передвиженія суши и моря могли быть замѣтными, конечно, только въ теченіе столѣтія.

Альбертъ Магнусъ доказалъ однако съ поразительною основательностью, что звѣзды не могли производить подобнаго вліянія на водный покровъ земли; онъ возсталъ противъ гипотезы эксцентрическаго положенія земного шара Съ другой стороны онъ допускалъ, что появленіе суши изъ-подъ моря было слѣдствіемъ высыханія, происходящаго подъ вліяніемъ свѣтилъ. Образованіе горъ и долинъ можетъ

быть, по его мнѣнію, объяснено подземными силами или геологическими факторами, такими, какъ вода и вѣтеръ, дѣйствующими на поверхности земли. Подземныя вліянія ограничиваются поднимающею силою замкнутыхъ вѣтровъ. Альбертъ самъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Горы являются слѣдствіемъ землетрясенія тамъ, гдѣ земная поверхность тверда и компактна и не можетъ быть разорвана. Именно тамъ-то необычайно сильный и бурный вѣтеръ поднимаетъ мѣстность высоко надъ прежнимъ ея уровнемъ и создаетъ горы. А такъ какъ землетрясенія часто происходятъ вблизи моря и воды, которыя замыкаютъ многія поры земли, не позволяя вырваться черезъ нихъ заключеннымъ внутри земли парамъ, то высочайшія горы должны были образоваться вблизи морей и водъ». На происхожденіе же земныхъ паровъ должны оказывать дѣйствіе солнце и звѣзды. Альбертъ говоритъ объ этомъ: «Вслѣдствіе постояннаго дѣйствія теплоты солнца и звѣздъ на влажность земли, возникли въ ней поры и пустоты какъ это ясно можно наблюдать на высохшихъ болотистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля трескается, и въ теплыхъ странахъ, гдѣ во время жары образуются большія трещины. Тоже, что происходитъ на поверхности земли, совершается и въ ея нѣдрахъ. Собравшійся въ одномъ мѣстѣ и замкнутый паръ не можетъ испариться, растворяетъ сырую землю и образуетъ въ ней пустоты. Его сила можетъ быть настолько велика, что земная кора поднимается и если она тверда «то образуетъ большія и малыя горы, такъ какъ парообразное стремится занять большее пространство». Компактныя скалистыя части земной коры произошли изъ илистыхъ массъ, какъ это ясно можно видѣть по включеніямъ морскихъ животныхъ и остатковъ кораблей. Землетрясенія подняли данныя части моря на высоту, а теплота превратила илъ въ камень.

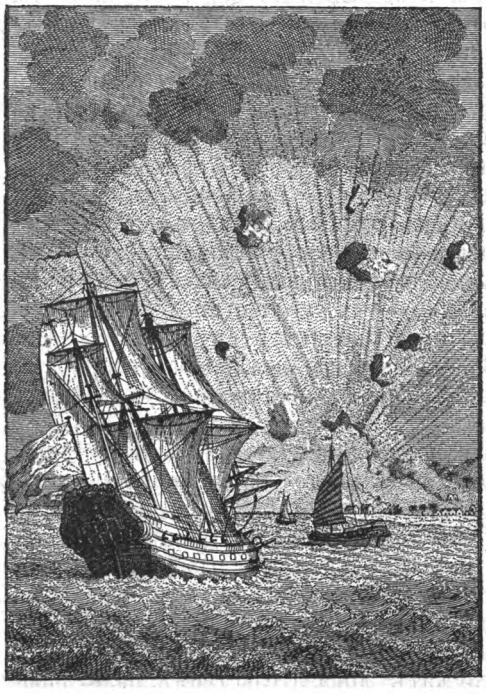


Рис. 23. «Гора Гаммаканорре (Молукскіе острова), въ 1673 г. взлетаетъ на воздухъ». Изъ «Всемірной исторіи путешествій». Гаага. 1755.

Разрушительная дѣятельность текучихъ водъ и вліяніе ихъ на образованіе земной поверхности не ускользнуло также отъ вниманія средневѣковыхъ ученыхъ. Но Альбертъ полагалъ, что эта дѣятельность въ началѣ исторіи земли не могла обнаружиться, такъ какъ тогда вся земля была покрыта водою, и дождь, не производя никакого дѣйствія, падалъ на первичное море.

Ристоро изъ Ареззо (въ концѣ XIII-го столѣтія) шелъ въ этомъ отношеніи тѣмъ же путемъ, какъ и Альбертъ Великій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ создалъ оригинальную теорію, съ помощью которой думалъ

объяснить не только поднятіе суши изъ океана, но и образованіе горъ и долинъ. Онъ допускалъ, что планеты и звѣзды оказываютъ громадное притяженіе на землю. Отъ этого суша поднялась изъ моря подъ тою частью неба, которая богаче всего звѣздами. А такъ какъ звѣзды сами по себѣ находятся частью на высотахъ неба, частью въ его долинахъ, то онѣ и производятъ, каждая отдѣльно, различное вліяніе на земную поверхность, образуя то горы, то долины, подобно тому, какъ печать, при надавливаніи на воскъ, оставляетъ отпечатокъ вогнутостей и выпуклостей.

Вулканы, по Альберту Великому, того же происхожденія, что и остальныя горы. Они происходятъ вслѣдствіе работы подземнаго пара на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земная кора обладаетъ относительно меньшею силою сопротивленія: «Если мѣсто, находящееся надъ паромъ, не прочно, то послѣдній взрываетъ его и, если онъ горячъ, выбрасываетъ иногда очень много пепла». Вулканическая дѣятельность объясняется возгораніемъ подземныхъ залежей сѣры: «Причиною служитъ сѣрная земля, смѣшанная съ смолистыми веществами горнаго масла; дѣйствующимъ же началомъ является паръ, который зарождается въ землѣ и не находитъ выхода. Такъ какъ морская вода замыкаетъ всѣ отверстія въ землѣ, то возгораніе происходитъ легче всего возлѣ моря и пожаръ продолжается, можетъ быть, многіе годы или даже вѣчно, если матерія можетъ постоянно возобновляться».

Итакъ, въ древности и въ среднихъ вѣкахъ гипотезы о происхожденіи на земной поверхности неровностей строились безъ дѣйствительнаго знанія земной коры. То же самое было и въ началѣ новаго времени, хотя, благодаря наблюденіямъ при горныхъ работахъ, были уже извѣстны правильное чередованіе нѣкоторыхъ горныхъ напластованій и своеобразное, закономѣрное направленіе рудныхъ жилъ. Однако, и въ это время нельзя было еще придти къ какимъ-нибудь логически-необходимымъ заключеніямъ, и мы видимъ, что даже Георгъ Агрикола не ушелъ далеко отъ гипотезъ, созданныхъ до него, хотя онъ, какъ немногіе изъ его современниковъ, былъ знакомъ со всѣми извѣстными въ то время явленіями, происходящими въ земной корѣ. Происхожденіе неровностей земли Агрикола объяснялъ слѣдующимъ образомъ: «Двѣ причины производятъ горы и холмы; одна изъ нихъ—натискъ водъ, другая—сила вѣтровъ. Но три причины разрушаютъ и разсѣиваютъ уже созданное, какъ какъ къ натиску водъ и силѣ вѣтровъ присоединяется внутренній огонь земли». «Очевидно, что вода произвела многія изъ горъ, такъ какъ потоки смываютъ сначала мягкую землю, затѣмъ обрушиваются на болѣе твердую и, наконецъ, катятъ съ собою обломки скалъ. Такъ выкапываютъ они въ теченіе немногихъ лѣтъ равнину или покатость до опредѣленной глубины; это можетъ легко наблюдать самый неопытный человѣкъ. Дѣйствіе моря создаетъ также горы и и бассейны, а вѣтеръ производитъ горы и холмы двоякимъ образомъ: или, свободный отъ всякихъ узъ онъ нагромождаетъ пески, или же, запертый въ тайникахъ и пустотахъ земли, какъ въ темницѣ, онъ стремится вырваться оттуда при посредствѣ вулканическаго изверженія». Идею объ образованіи горъ вѣтрами изъ песка, который потомъ затвердѣваетъ, Агрикола заимствовалъ у арабскихъ ученыхъ, но онъ указываетъ также на подобныя явленія въ Люнебургской рощѣ. Агрикола говоритъ также о поднятіи горъ подземнымъ вѣтромъ, основываясь на произведеніяхъ древнихъ. Онъ выставлялъ, однако, на видъ, что землетрясеніе можетъ снова поглотить горы или

части ихъ. Агрикола раздѣлялъ воззрѣнія древнихъ на причины землетрясеній и возставалъ противъ современныхъ ему астрологовъ, которые утверждали, что землетрясеніе вызывается Сатурномъ, когда послѣдній находится въ ближайшемъ разстояніи отъ солнца. Точно также онъ выступалъ противъ тѣхъ, которые полагали, что подземный огонь происходитъ отъ лучей солнца или звѣздъ, и думалъ, что онъ возникалъ изъ Spiritus ignitus—огненнаго духа, который изгонялъ холодъ, какъ облака—молнію. Агриколѣ казалось также возможнымъ, что этотъ огненный духъ возгорался самъ собою, если не находилъ выхода изъ подземныхъ пустотъ и ходовъ. Если же на своемъ пути онъ встрѣчалъ какой-нибудь горючій матеріалъ, напр., горную смолу, то здѣсь происходилъ пожаръ и вулканическое изверженіе. Какъ на примѣръ такихъ вулкановъ, Агрикола указывалъ на Геклу и на горящую гору у Цвикау (возгораніе каменнаго угля). При сильныхъ изверженіяхъ выбрасываются пепелъ, песокъ, сѣра, пемза и камни. Такъ недавно (1538 г.) возникла «новая гора» (Monte nuovo) близъ Авернскаго озера. Но иногда подземный огонь, пожравъ горы, уже не создаетъ ихъ вновь.

Такія воззрѣнія были почти общими въ XVI и XVII-мъ столѣтіи. Мы остановились на послѣднемъ великомъ представителѣ ихъ—іезуитѣ Аѳанасіи Кирхерѣ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на вулканическія явленія и основывался при этомъ на цѣлой сокровищницѣ собственныхъ наблюденій. Такъ онъ описалъ множество вулкановъ, между прочимъ, Этну и Везувій съ ихъ кратерами и потоками лавы, составилъ списокъ изверженій и указалъ на тотъ фактъ, что вулканическія изверженія увеличиваютъ массивъ горы и что такимъ образомъ могутъ образоваться даже новыя горы, какъ Monte Nuovo у Поццуоли въ 1538 г. Кирхера сильно занималъ вопросъ о причинѣ изверженій и онъ видѣлъ ее въ возгораніи сѣры, смолъ, каменнаго угля и различныхъ солей. Морская вода, проникая въ почву, питаетъ, вмѣстѣ съ теплотой, внутренность вулкановъ. Подземные вѣтры зажигаютъ пламя. Мѣстопребываніемъ послѣдняго служатъ подземныя пустоты, которыя Кирхеръ обозначилъ на своемъ разрѣзѣ земли словомъ пирофилація (Pyrophylacia—«огненный очагъ»). Внезапное возгораніе горючихъ матеріаловъ въ подземныхъ пустотахъ должно производить сотрясеніе земли, подобно взрывамъ пороха въ орудіяхъ; отсюда подземный громъ, сопровождающій землетрясенія; громъ происходитъ особенно часто вблизи огненныхъ очаговъ.

Кирхеръ составилъ каталогъ вулкановъ, какъ это уже сдѣлалъ $1^1/_2$ столѣтія раньше его (1650 г.) врачъ и географъ Бернардъ Вареніусъ; сверхъ того, Кирхеръ указалъ географическое положеніе вулкановъ на первой физической картѣ земного шара, которая была тогда составлена, разумѣется, нѣсколько схематически. Еще полнѣе, чѣмъ Кирхеромъ, былъ сдѣланъ тогда сводъ всѣхъ свѣдѣній о вулканахъ М. Томасомъ Иттигомъ изъ Лейпцига (въ 1671 г).

Хотя, съ одной стороны, Аѳанасій Кирхеръ создалъ полную теорію вулканическихъ явленій и развилъ при этомъ нѣкоторыя новыя идеи, съ другой—его работы въ области важнѣйшихъ процессовъ горообразованія были почти совершенно безплодны. Правда, древніе и средневѣковые ученые, опираясь въ своихъ воззрѣніяхъ объ образованіи горъ на внѣшнія явленія, говорили большею частью только о преобразованіи устройства земной поверхности, объ отложеніи поверхностныхъ пластовъ и только въ подземномъ, гора-воздымающемъ вѣтрѣ Аристотеля признавали первичный факторъ горообразованія. Кирхеръ же,

стоявшій во всемъ остальномъ на аристотелевской почвѣ, здѣсь совершенно ее покидаетъ. Онъ допускаетъ, что скалистыя горы были воздвигнуты уже въ самомъ началѣ при отдѣленіи водъ отъ суши, такъ какъ хаотическій илъ не могъ отвердѣть немедленно; только позднѣе изъ ила большихъ наводненій могли образоваться холмы, которые медленно отвердѣвали подъ дѣйствіемъ *Vis lapidifica* (камнеобразующей силы), которую Богъ заложилъ, какъ сѣмя, въ первичный илъ, съ тѣмъ, чтобы море и вѣтеръ не разрушали и не уносили горъ. Кирхеръ (впервые употребившій терминъ «горная цѣпь») пришелъ къ фантастической, такъ образно выраженной имъ, идеѣ, что отъ одного полюса къ другому, частью по поверхности суши, частью подъ водою, проходятъ двѣ горныя цѣпи въ меридіональномъ направленіи, перпендикулярно къ нимъ примыкаютъ боковыя цѣпи, чтобы утвердить остовъ земли.

Воззрѣнія Аѳанасія Кирхера долго господствовали въ широкомъ кругу ученаго міра, какъ это ясно можно видѣть по многочисленнымъ подражаніямъ его поперечнымъ разрѣзамъ и его физическимъ картамъ земли въ естественно-научныхъ вроизведеніяхъ конца XVII столѣтія. Но новыя идеи, сначала медленно, а затѣмъ и все болѣе быстрымъ и побѣднымъ шагомъ стали проникать въ среду научныхъ изслѣдованій. Ученые перестаютъ довольствоваться теоріями древнихъ философовъ и не сводятъ объясненія явленій природы къ Божьимъ повелѣніямъ, какъ къ послѣдней инстанціи. Ученыхъ не удовлетворяетъ уже теорія образованія горъ, основанная только на мѣстно-дѣйствующихъ причинахъ, каковы расширеніе и давленіе замкнутыхъ вѣтровъ и газовъ; они дѣлаютъ попытки отыскать общую причину неровностей земной поверхности въ силахъ имѣющихъ повсемѣстное дѣйствіе, и находятъ ее въ опредѣленныхъ процессахъ исторіи образованія земли. Отсюда возникли въ эту эпоху теоріи, которыя заключаютъ одновременно и объясненія образованія горъ и образованія земли, исходятъ ли онѣ изъ чисто нептуническкхъ воззрѣній, какъ у Бурнета (Burnet) или Вудворда (Woodward), или принадлежатъ къ противоположному плутоническому лагерю, какъ у Декарта, Лейбница и др. Въ обоихъ случаяхъ главный процессъ горообразованія сводится къ одному моменту въ исторіи землеобразованія: къ провалу внѣшней земной коры въ системахъ Декарта, Бурната и Вудворда или къ происхожденію неровностей, вслѣдствіе остыванія огненно-жидкой земной коры, образованія большихъ вздутій и провала образовавшихся при этомъ застывшихъ сводовъ (Лейбницъ). Менѣе значительное вліяніе на происхожденіе горъ и на измѣненіе ихъ конфигураціи приписывали позднѣйшимъ общимъ или захватывающимъ обширныя области земной поверхности наводненіемъ. При этомъ допускали или одинъ всемірный потопъ, или нѣсколько наводненій, какъ Лейбницъ или Робертъ Гукъ, которые начали освобождаться изъ подъ гнета господствовавшаго авторитета Библіи. Нельзя отрицать, что всѣмъ этимъ теоріямъ горныхъ образованій съ ихъ единствомъ времени и причины присуще нѣчто величественное, мощное, что производитъ чарующее, плѣнительное дѣйствіе на умъ человѣка. Но природа въ ея прогрессивномъ ходѣ развитія не такъ проста, чтобы въ своихъ главныхъ проявленіяхъ избирала единственный, опредѣленный путь и одно и то же, опредѣленное время, а потому всѣ эти геніальныя гипотезы, въ общемъ, оказались непригодными, хотя и содержали въ себѣ здоровое ядро. Главный недостатокъ, при сущій имъ всѣмъ, состоялъ въ томъ, что онѣ разсматривали земную

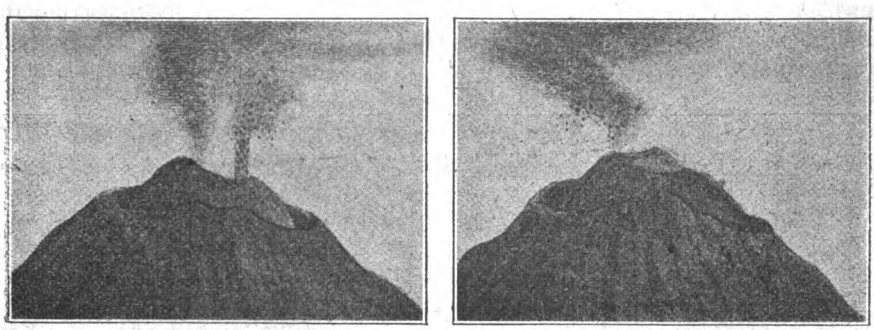
кору или большую часть ея, какъ цѣлое, и не давали удовлетворительнаго объясненія ея разнообразному расчлененію. Между тѣмъ, можно было бы уже и въ то время знать, что направленіе и взаимное положеніе горныхъ пластовъ дозволяютъ читать исторію образованія части земной коры. Но какъ легко для насъ теперь придти къ подобному выводу, такъ было трудно въ то время поставить, вопреки господствующимъ воззрѣніямъ, вмѣсто вопроса объ образованіи горъ—вопросъ о судьбахъ горныхъ напластованій. Этотъ рѣшительный шагъ былъ впервые (въ 1669 году) сдѣланъ датчаниномъ Стеномъ (Steno), о глубоко продуманныхъ выводахъ котораго въ другихъ областяхъ науки мы упоминали въ первой главѣ нашей книги.

Нахожденіе безчисленныхъ окаменѣлыхъ остатковъ морскихъ организмовъ въ различныхъ пластахъ земли было объяснено Антоніемъ Валлиснери тѣмъ, что суша часто въ теченіе долгаго времени была покрываема моремъ и что подобныя измѣненія, поднятія и опусканія почвы происходятъ и въ настоящее время, фактическимъ подтвержденіемъ чего ему послужило поднятіе новаго острова Санторина въ 1707 г. Дѣйствительно, 23-го мая этого года возлѣ острова Микра-Каймени была замѣчена скала, которой раньше здѣсь не было и на которой между черными камнями можно было видѣть бѣлую землю. Этотъ небольшой островокъ медленно и неравномѣрно поднимался и увеличивался и къ 14-му іюня достигъ уже 80 метровъ высоты и 1.000 метровъ въ окружности. Море становилось все безпокойнѣе и горячѣе, островъ съ 30-го іюня возрасталъ съ наибольшей скоростью и среди каменной массы поднялся холмъ. 5-го іюля въ первый разъ появилось огненное явленіе. 16-го іюля вечеромъ между новымъ «бѣлымъ» островомъ и Микра-Каймени изъ моря поднялось отъ 18 до 20 черныхъ скалъ, которыя, все болѣе и болѣе возвышаясь, соединились въ одинъ «черный» островъ. 18-го іюля изъ кратера поднялось облако дыма и на слѣдующій день было видно, какъ острова увеличивались все болѣе, «черные», однако, гораздо быстрѣе, чѣмъ «бѣлые». Дымъ становился гуще и тежелѣе, огненныя явленія проявлялись все съ большею мощью, и смрадъ дѣлался удушливѣе. 5-го сентября огонь проложилъ себѣ путь на восточной сторонѣ чернаго острова. Въ слѣдующія ночи слышались удары, подобные «пушечнымъ выстрѣламъ и одновременно изъ кратера вылетало множество раскаленныхъ камней. Огненный снопъ разлетавшихся въ разныя стороны искръ поднялся до значительной высоты, гдѣ и разсыпался, падая каменнымъ дождемъ на черный островъ, который еще разъ на мгновеніе освѣтился яркимъ свѣтомъ» (Рейссъ и Штюбель). 9-го сентября черные и бѣлые острова соединились въ одинъ — Неа-Каймени. Въ ноябрѣ сила изверженія постепенно ослабѣваетъ, но только съ изверженіемъ 14-го сентября 1711 г. вулканическая дѣятельность окончательно прекратилась.

Такое чрезвычайное событіе естественно должно было произвести глубокое впечатлѣніе въ ученыхъ сферахъ того времени. Оно оказало вліяніе не только на геологическія воззрѣнія Валлиснери, но еще въ гораздо большей степени на его болѣе знаменитаго земляка Антоніо Лаццаро Моро, который полагалъ, что всѣ острова, горы и континенты подняты изъ моря вулканическими силами. Такъ какъ на скалахъ Неа-Каймени, выдвинутыхъ изъ моря, первоначально прикрѣпилось много устрицъ, позднѣе разбросанныхъ вмѣстѣ съ пепломъ и бомбами вулканическаго изверженія, то Моро приписалъ подобное происхожденіе всѣмъ морскимъ окаменѣлостямъ.

Имѣя въ виду Монте-Нуово, образовавшуюся благодаря осыпанію извергнутыхъ вулканическихъ массъ, онъ допускалъ, что всѣ вообще слоистыя каменныя породы произошли изъ вулканическихъ изверженій и отличалъ отъ нихъ только однородныя каменныя массы первичныхъ горъ. Однако, хотя ученый аббатъ и приписывалъ слишкомъ большое значеніе вулканическимъ силамъ и дѣйствіямъ, онъ все же не былъ чистымъ плутонистомъ. Онъ допускалъ, что подземный огонь возженъ былъ повелѣніемъ Божьимъ въ третій день творенія и, вообще, во всемъ старался согласоваться съ исторіей творенія, такъ что во вниманіе къ его духовному сану нужно засвидѣтельствовать, что его трудъ ни въ чемъ не противорѣчитъ ученію церкви.

Между тѣмъ какъ въ началѣ XVIII столѣтія появленіе новаго острова въ южной Европѣ возбудило умы и вызвало новые научные взгляды, на сѣверѣ Европы дѣлались менѣе бросающіяся въ глаза, но не менѣе замѣчательныя наблюденія. Гіернэ (Hjärne) (1702) замѣтилъ тамъ медленное, но постоянное опусканіе береговой линіи. Другіе шведскіе изслѣдователи—Сведенборгъ, Цельзій и Липней подтвердили правильность этого наблюденія. Въ 1731 г. для контролированія этого движенія были сдѣланы на береговыхъ скалахъ отмѣтки, которыя затѣмъ въ 1752, 1755 и 1785 г. были провѣрены измѣреніями, причемъ оказалось, что эти отмѣтки каждый разъ оказывались выше надъ уровнемъ моря. Стоявшихъ во главѣ подобныхъ изысканій шведскихъ ученыхъ привело заключенію, что море опускается, между тѣмъ какъ нѣкоторые голоса высказались въ противоположномъ смыслѣ и допускали поднятіе суши надъ неизмѣннымъ уровнемъ моря.



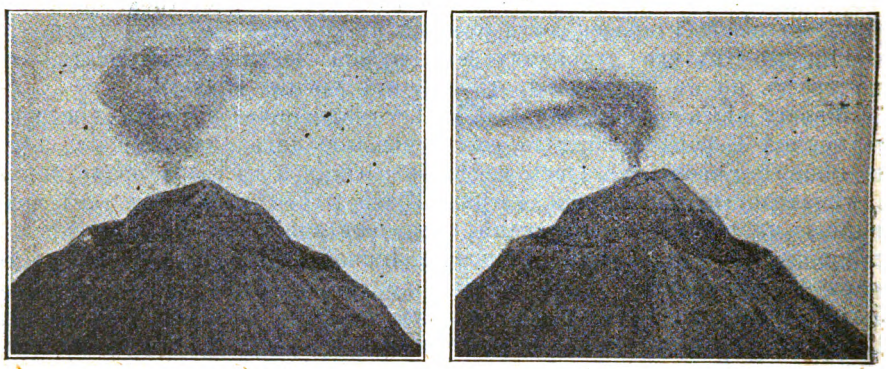
8-го іюля 1767 г. 25-го іюля 1767 г.

Рис. 24. Измѣненія верхушки Везувія, происшедшія въ 1767 г. По «Campi Phlegraei» Гамильтона 1776 г.

Хотя факты поднятія суши на сѣверѣ и югѣ Европы могли оказать существенное вліяніе на идеи объ образованіи горъ, германскіе и французскіе ученые были тогда мало ими затронуты. Они видѣли во всѣмъ процессѣ образованія горъ только измѣненіе конфигураціи уже существовавшихъ поднятій и углубленій земной коры дѣйствіемъ воды, а именно, морскихъ отливовъ. Таковы были понятія Де-Малльета, Бюффона и Вернера.

Нѣсколько далѣе пошелъ І. Г. Леманъ († въ 1767 г. въ С.-Петербургѣ), который считалъ, правда, первичными, происшедшими уже во время творенія и потому не заключающими окаменѣлостей высокія горы съ очень кругло поднятыми напластованіями и отвѣстными скло-

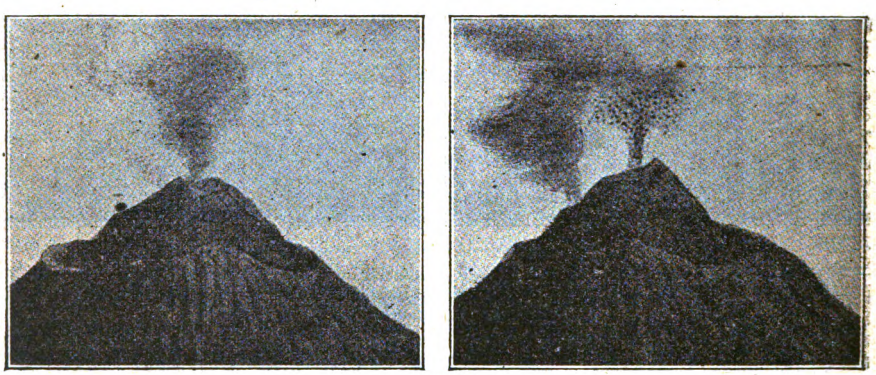
нами («жильныя (рудныя) горы»), но, по крайней мѣрѣ, объяснялъ образованіе примыкающихъ къ нимъ флецовыхъ (слоистыхъ) формацій («Flësgebirge») съ горизонтальными или слегка наклонными наслоеніями—морскими отложеніями всемірнаго потопа. Земная поверхность отчасти измѣнялась вслѣдствіе мѣстныхъ колебаній морского уровня, подъ дѣйствіемъ вулкановъ и землетрясеній, но въ существенномъ ликъ земли искони оставался неизмѣннымъ. Къ идеямъ Лемана пови-



6-го августа 1767 г. 17-го августа 1776 г.

Рис. 25. Измѣненія верхушки Везувія, происшедшія въ 1767 г. По «Campi Phlegraei» Гамильтона 1776 г.

димому, примкнулъ Петръ-Симонъ Палласъ (род. въ 1741 г. въ Берлинѣ, † въ 1811 тамъ же), русскій академикъ много путешествовавшій преимущественно въ Россіи. Онъ также признавалъ первичныя горы, къ которымъ присоединились горы второго и третьяго порядка,



3-го сентября 1767 г. 18-го октября 1767 г.

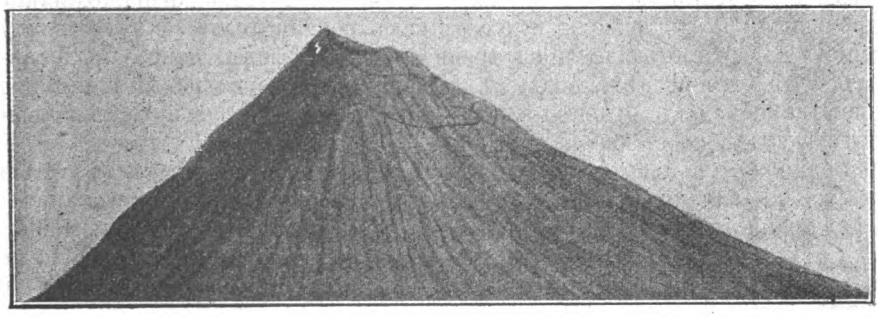
Рис. 26. Измѣненія верхушки Везувія, въ 1767 г. По «Compi Phlegraei» Гамильтона 1776 г.

горныя наслоенія которыхъ съ прогрессивнымъ удаленіемъ отъ первоначальнаго горнаго ядра принимали болѣе близкое къ горизонтальному положеніе.

Между тѣмъ какъ «рудныя горы» («Ganggebirge») Лемана должны были состоять изъ отвѣстно поставленный наслоеній, Палласъ ядромъ своихъ «горъ перваго порядка» призналъ гранитъ, который онъ раз-

сматривалъ, какъ первичную каменную породу земли, въ своихъ высшихъ частяхъ никогда не покрывавшуюся моремъ. Молодыя горы—всѣ были подняты вулканическою силою и при сильныхъ землетрясеніяхъ и измѣненіяхъ на земной корѣ и внутри ея суши частью наводнялись морями, чѣмъ и объясняются такія значительныя явленія, какъ перенесеніе водою животныхъ Индіи въ Сибирь.

Еще раньше, чѣмъ Палласъ призналъ гранитныя горы первоначальными горными образованіями, англійскій священникъ Джонъ Мичель (John Michel) высказалъ мысль, что горы представляютъ собою нечто иное какъ поднятыя части земной коры. Онъ объяснялъ процессъ образованія горъ слѣдующимъ образомъ: «Наклейте одинъ на другой нѣсколько бумажныхъ листовъ разнаго сорта или цвѣта, согните ихъ горбомъ по срединѣ и приспособьте все это такимъ образомъ, чтобы провести по нему рубанкомъ, который бы сравнялъ всѣ приподнятыя части. Послѣ этого снова приподнимите нѣсколько сред-



29-го октября 1767 г.

Рис. 27. Измѣненія верхушки Везувія, происшедшія въ 1767 г. По «Compi Phlegraei» Гамильтона 1776 г.

нюю часть и у васъ получится хорошее общее изображеніе, если не во всѣхъ, то въ главныхъ чертахъ, того, что мы встрѣчаемъ въ горныхъ странахъ съ прилежащими къ нимъ частями земли. Изъ такого изображенія земли слѣдуетъ, что мы встрѣчаемъ одинаковыя породы земель, камней и минераловъ на земной поверхности въ видѣ длинныхъ узкихъ полосъ наслоеній, которыя проходятъ параллельно главному поднятію каждой большой горной цѣпи». Главною причиною горныхъ образованій Мичель считалъ пары заключенные въ пустотахъ земной внутренности. Такимъ образомъ онъ подходитъ къ воззрѣніямъ эпохи Гюттона, который видѣлъ конечную причину горныхъ образованій въ расширеніи огненножидкой внутренней магмы земли. Уже одно это создало благопріятную почву и установило прочную точку зрѣнія для обсужденія относящихся сюда вопросовъ, но сдѣланныя около этого времени ясная характеристика различныхъ сочетаній горныхъ наслоеній и породъ (Вернеромъ) и опредѣленіе древности отложеній по ихъ окаменѣлостямъ (Кювье, Бронгиньяръ и В. Смитъ) дали средства для точной научной обработки вопроса объ образованіи горъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этому, мы сдѣлаемъ бѣглый обзоръ воззрѣній на вулканы, которые господствовали, начиная съ переходной эпохи среднихъ вѣковъ до начала новой научной геологіи.

Смотря по понятіямъ, которыя составили себѣ отдѣльные изслѣ-

дователи о происхожденіи и общемъ строеніи земли, различались ихъ взгляды на мѣстопребываніе и образъ дѣйствія вулканическихъ силъ. Нептунисты и въ ихъ числѣ А. Г. Вернеръ видѣли въ вулканахъ только мѣстныя второстепеннаго значенія явленія, вызываемыя пожарами каменноугольныхъ залежей. Англичанинъ Мартинъ Листеръ (Martin Lister) (1638—1711), предполагалъ даже возможность подземнаго возгаранія кремнистыхъ породъ (Kiesbrände), а Лемери (Leméry) построилъ теорію на опытѣ, при которомъ смѣсь изъ желѣзныхъ опилокъ, сѣры и воды, возгоралась сама собою, трещала и вспучивалась (1684). Франке пытался объяснить вулканическія явленія провалами и происходящею отъ этого механической теплотой (1756). Палласъ же снова присоединился къ мысли Листера и считалъ отложенія сѣрно-кремнеземныхъ породъ въ осадочныхъ напластованіяхъ земной коры причиной вулканическихъ изверженій. По только что приведеннымъ воззрѣніямъ очагъ вулканическихъ явленій предполагался на незначительной глубинѣ въ земной корѣ. Напротивъ, изслѣдователи, которые допускали огненножидкое ядро земли, разсматривали вулканы какъ соединительный путь между земною поверхностью и ея внутренностью. Бюффонъ, напр., представлялъ себѣ, что встрѣча воды съ горючими или легко разлагающимися веществами или съ огненно-жидкою внутренностью земли должна вызвать вулканическія изверженія.

Возможность насыпанія горъ вслѣдствіе дѣйствія вулкановъ была уже давно общепризнана, а именно со времени появленія вулканическаго холма въ Флегргейскихъ поляхъ (Монтэ-Нуово), и не разъ впослѣдствіи подтверждалась наблюденіями при другихъ изверженіяхъ итальянскихъ вулкановъ. Южно-европейскіе вулканы служили вообще съ давнихъ временъ образцами для изученія большинству геологовъ всѣхъ временъ, начиная съ грековъ до самаго послѣдняго времени. Они нашли и въ XVIII-мъ столѣтіи усердныхъ наблюдателей, между которыми особенно выдѣлился Вильямъ Гамильтонъ (род. въ 1730 г., † въ 1803 г.). Гамильтонъ былъ съ 1764 по 1800 г. британскимъ посланникомъ при неаполитанскомъ дворѣ и въ теченіе этого долгаго времени не только много способствовалъ раскопкамъ Геркуланума и Помпеи, но изслѣдовалъ съ большимъ усердіемъ и точностью вулканическія явленія Южной Италіи, именно Везувія и Этны, которыя онъ живописно описалъ, причемъ оставилъ изображенія тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣлъ конусъ Везувія при изверженіи 1767 года. Онъ столь же много содѣйствовалъ пониманію вулканическихъ явленій вообще, сколько внесъ цѣннаго въ исторію Везувія въ частности. Стоитъ только сравнить полные жизни рисунки Везувія, сдѣланные Гамильтономъ, съ сухими изображеніями этой горы Кирхера, чтобы оцѣнить, съ одной стороны, значительный прогрессъ въ искусствѣ изображенія въ теченіе столѣтія, а съ другой, великія заслуги лорда Гамильтона. Нѣкоторые рисунки, каковы, напр., край пылающаго въ кратерѣ потока лавы ночью, или опустошительный и страшный, спускающійся среди цвѣтущихъ полей, потокъ лавы съ дымящимся Везувіемъ на заднемъ планѣ, по силѣ изображенія и захватывающему трагизму явленія могутъ вызвать ясное представленіе о величественности вулканическихъ изверженій даже въ воображеніи тѣхъ, кто никогда не видѣлъ собственными глазами огнедышащей горы.

Между тѣмъ какъ южно-итальянскіе вулканы нашли въ Гамильтонѣ столь же краснорѣчиваго, какъ и общедоступнаго описателя, Жанъ-Этьеннъ Геттаръ (Jean - Etienne Geuttard) (1715—86), Жиро

Суляви (Giraud Soulavie) и Фожа-де-Сентъ-Фонъ (Faujas-de-Saint-Fond) обратились къ изученію потухшихъ вулкановъ Оверня, Прованса, Виварэ и Белэ. Петтаръ, несмотря на свое точное знаніе вулканическихъ явленій, придерживался еще старой теоріи воднаго происхожденія базальта. Но Демарэ (Desmarest) и Фожа-де-Сентъ-Фонтъ доказали убѣдительными доводами вулканическую природу данной породы и этимъ покончили со спорнымъ вопросомъ, который возгорѣлся въ Германіи въ 1788—89 г., когда Вернеръ приписалъ базальту нептуническое происхожденіе, а его ученикъ К. В. Фойгтъ (K. W. Voigt) энергически возсталъ противъ него, защищая противоположную точку зрѣнія.

То явленіе, что вулканы встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ, а въ другихъ ихъ нѣтъ совсѣмъ, было, конечно, хорошо извѣстно всѣмъ. Упоминалось даже, правда, случайно, мимоходомъ, мнѣніе древнихъ, что Этна, Везувій и вулканы Липарскихъ острововъ должны быть соединены между собою подземными путями. Мысль же о возможности ихъ болѣе тѣсной, основанной на общемъ законѣ связи, никому не приходила въ голову. Только Памасъ предполагалъ существованіе подобной связи между вулканами тихаго и индійскаго океана. Землетрясенія большою частью приводились въ тѣсную связь съ вулканическими явленіями, хотя и объяснялись подземными взрывами или провалами. Однако, ученіе о землетрясеніяхъ почти не подвинулось впередъ въ XVIII-мъ столѣтіи, несмотря на то, что страшное землетрясеніе въ Лиссабонѣ 1-го ноября 1755 года возбудило весь міръ и породило множество гипотезъ о причинахъ такого грандіознаго явленія. Обычное объясненіе состояло въ томъ, что землетрясеніе разсматривалось, какъ кара Божія. Болѣе точно его причины были изслѣдованы Кантомъ, кёнигсбергскимъ философомъ (1761), но самое основательное изученіе лиссабонскаго землетрясенія было сдѣлано Джономъ Мичелемъ (John Michell) (1760), который въ своемъ геніальномъ сочиненіи пытался доказать, что вулканическія изверженія и землетрясенія должны имѣть одинаковыя причины. Послѣднія онъ видѣлъ въ пожарахъ пластовъ, содержащихъ уголь и квасцы; сюда проникаетъ вода и, приведенная въ парообразное состояніе. производитъ сотрясенія. Мичель объяснялъ и волнообразное распространеніе землетрясенія и высказалъ предположеніе, что очагъ Лиссабонскаго землетрясенія долженъ былъ находиться на глубинѣ не менѣе одной и не болѣе трехъ англійскихъ миль подъ поверхностью земли. Имъ была отведена также извѣстная роль при землетрясеніяхъ сбросамъ, тѣмъ зіяющимъ пропастямъ, по краямъ которыхъ отдѣльныя части земной коры опускаются въ глубину.

Взгляды на образованіе горъ вступили въ новую стадію съ ученіемъ Гюттона, которые, въ космогоническихъ идеяхъ Лапласа пріобрѣли твердую поддержку. Плейферъ (Playfair), геніальный комментаторъ Гюттона, первый обратилъ вниманіе на принципіальное различіе, которое заключается между первоначальнымъ активнымъ образованіемъ неровностей земли посредствомъ поднятія напластованій и слѣдующимъ за нимъ пассивнымъ преобразованіемъ ея конфигураціи вслѣдствіе разрушающихъ процессовъ.

Въ своихъ взглядахъ Плейферъ стоитъ вполнѣ на современной точкѣ зрѣнія. Разница его воззрѣнія отъ нашихъ состоитъ только въ томъ, что онъ объ дѣятельности—активное образованіе и пассивное разрушеніе горъ понимаетъ, какъ два отдѣльныхъ другъ отъ друга

процесса, между тѣмъ, какъ для насъ они происходятъ одновременно. Вообще «Illustrations of the Huttonian Theory» Плейфера своимъ теченіемъ мысли производятъ на насъ впечатлѣніе совершенно современнаго, тогда какъ при чтеніи старыхъ геологическихъ трудовъ мы чувствуемъ себя перенесеннымъ въ чуждый намъ міръ и едва можемъ постигнуть, какъ ихъ авторы могли нѣкогда думать нѣчто подобное.

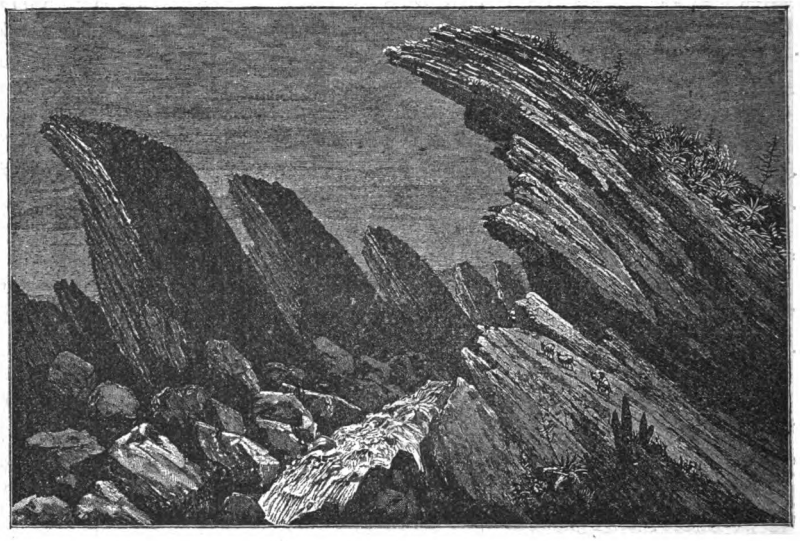


Рис. 28. Круто приподнятые пласты горныхъ породъ въ ущельи Каматакьи въ Боливіи.

Правда, нѣкоторые изъ древнихъ авторовъ нашли себѣ черезчуръ усердныхъ толкователей, которые въ самыхъ нелѣпыхъ замѣткахъ старались отыскать намеки на современныя мысли и вносили, такимъ образомъ, въ самыя древнія произведенія современный научный элементъ, совершенно чуждый имъ первоначально.

Плейферъ, напротивъ, въ своемъ геологическомъ мышленіи вполнѣ современенъ, и мы испытываемъ невольное удовольствіе, читая его описаніе; какое глубокое впечатлѣніе производитъ на геолога альпійскій ландшафтъ: «Онъ видитъ себя среди величественныхъ руинъ, гдѣ смѣло и дико возвышающіеся со всѣхъ сторонъ утесы, остроконечные пики гранитныхъ горъ и колоссальные обломки скалъ, окружающіе ихъ подножіе, свидѣтельствуютъ о такомъ длинномъ рядѣ эпохъ въ прогрессивномъ ходѣ ихъ обветшанія и о такой энергіи разрушительныхъ силъ, какимъ не могли противостоять величіе и твердыня этихъ грандіозныхъ сооруженій природы». Съ пріятнымъ чувствомъ слѣдимъ мы также за дальнѣйшимъ яснымъ истолкованіемъ той разрушительной и преобразующей роли, которую Плейферъ приписываетъ текучимъ водамъ. Но именно эта часть его и Гюттона воззрѣній встрѣтила горячихъ противниковъ, особенно въ знаменитомъ путешественникѣ І. А. де-Люкѣ (род. 1727, † 1817 г.), который признавалъ только ничтожное значеніе эрозіи (размыва). Такое противорѣчіе

въ вопросѣ, который намъ кажется теперь яснымъ самъ по себѣ, показываетъ, какъ рѣзко отличались понятія сто лѣтъ тому назадъ отъ современныхъ.

Гораздо скорѣе, чѣмъ новое ученіе о дѣятельности текучихъ водъ, нашелъ приверженцевъ взглядъ Гюттона на активное образованіе горъ прежде всего въ Великобританіи. Дѣйствительно, утверждая, что всѣ массивныя горныя породы нѣкогда излились въ расплавленномъ состояніи изъ внутренности земли на ея поверхность, Гюттонъ могъ уже указать въ легко доступныхъ мѣстностяхъ у себя на родинѣ нѣкоторые случаи, гдѣ на самомъ дѣлѣ гранитъ проложилъ себѣ путь въ видѣ жилъ черезъ слоистыя горныя породы и гдѣ, такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что нѣкогда этотъ камень долженъ былъ проникнуть сюда въ жидкомъ состояніи снизу. Существенное значеніе въ побѣдѣ гюттоновой теоріи поднятія имѣли вмѣстѣ съ превосходными толкованіями Плейфера также и геологическіе опыты С. Галля и Г. Уатта (S. Hall, S. Watt). На возраженіе противниковъ Гюттона, что изъ расплавленнаго камня могутъ произойти только шлаки или стекловидныя массы, а не кристаллическія формы, оба упомянутыхъ ученыхъ экспериментальнымъ путемъ установили, что расплавленные камни могутъ принять кристаллическое строеніе при очень медленномъ охлажденіи и что кристаллы выдѣляются тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ медленнѣе происходитъ охлажденіе. Такимъ опытнымъ путемъ Галль сдѣлалъ заслуживающимъ довѣрія утвержденіе Гюттона, что поднятіе вулканическихъ породъ могло нарушить расположеніе напластованій земной коры. Онъ доказалъ, что при этомъ должны были образоваться изгибы и изломы горныхъ пластовъ, такъ какъ перпендикулярному давленію со стороны поднимающейся вверхъ каменной магмы противодѣйствовало боковое давленіе. Для этого онъ накладывалъ слой на слой суконныя тряпки или пласты различно окрашенной глины и, сдавливая ихъ сверху тяжестью и снимая съ боковъ, получалъ образованія, которыя довольно точно воспроизводили складки и изломы напластованій земной коры.

Леопольдъ фонъ-Бухъ (род. въ 1774 г. въ замкѣ Штолпе, умеръ въ 1853 г. въ Берлинѣ), величайшій нѣмецкій геологъ первой половины XIX-го столѣтія, ученикъ Вернера, во время своего путешествіе на Скандинавскій полуостровъ наблюдалъ въ окрестностяхъ Христіаніи, какъ гранитъ проникъ въ видѣ жильныхъ развѣтвленій въ известковыя напластованія, содержащія окаменѣлости и покрылъ ихъ сверху пластами—фактъ, который составлялъ прямое противорѣчіе вернерову ученію и много способствовалъ ниспроверженію системы Вернера. Будучи въ Англіи во время приготовленій къ путешествію на Канарскіе острова, (1815) Леопольдъ фонъ-Бухъ близко познакомился съ теоріями Гюттона и опытами Галля и Уатта и они произвели на него глубокое впечатлѣніе. Позднѣе онъ произвелъ рядъ обстоятельнѣйшихъ изысканій въ Альпахъ и другихъ германскихъ горахъ и пришелъ къ убѣжденію, что горы были подняты огненно жидкою каменною магмой, которая вылилась изъ щелей и трещинъ земной коры, что такимъ образомъ горныя наплаєтованія были приподняты и очивидно что отсюда можно вывести заключенія объ относительной древности горныхъ цѣпей.

Теорія поднятія Гюттона и Леопольда фонъ-Буха долгое время въ теченіе всей первой половины XIX-го столѣтія была общепринятою, осо-

бенно во Франціи, гдѣ ее призналъ и развилъ далѣе Эли-де Бомонъ (Elie-de-Bomont). Поднятія представляли себѣ въ видѣ насильственныхъ актовъ и горныя цѣпи, какъ разсѣлины земной коры, черезъ которыя прорвались на поверхность поднимающіяся вулканическія массы. Подобно тому, какъ Вернеръ разсматривалъ параллельныя рудныя жилы какъ одновременно возникшія трещины, впослѣдствіи заполненныя трещинъ, Эли де-Бомонъ считалъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что идущія въ одномъ направленіи горныя цѣпи, также должны были произойти одновременно. Горныя цѣпи должны были вообще тянуться прямыми линіями, такъ какъ природа избѣгаетъ сложнаго способа разрыва земной коры тамъ, гдѣ для выполненія своей цѣли ей достаточна прямая линія. Думали также, что по числу такихъ «штриховыхъ линій», поскольку они могутъ быть независимо другъ отъ друга наблюдаемы въ какой нибудь горной области, можно опредѣлить число переворотовъ, которые претерпѣла почва этой области. Точно также и долинамъ большею частью приписывалось происхожденіе путемъ насильственнаго акта. Различались ровныя «долины вогнутія», гдѣ пласты, хотя и согнуты въ видѣ складки, но остаются въ связи между собою, и «долины разрыва», т. е. такія долины, въ которыхъ связь наслоеній прервана.

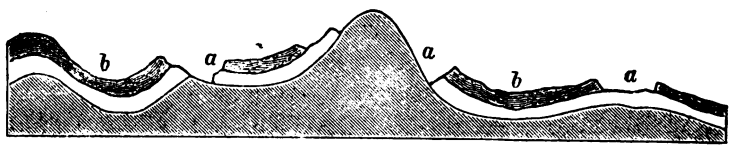


Рис. 29. *a* —Долины разрыва. *b*—Складчатыя долины.
По учебнику геологіи Фохта 1846 г.

Сравненіе внѣшней формы горъ съ ихъ внутреннимъ строеніемъ указало на существованіе тѣсной связи между обоими, что было впервые ясно сознано и описано Соссюромъ и что считали возможнымъ объяснить также съ помощью теоріи поднятія.

Поколѣніе геологовъ, которое объясняло величайшія измѣненія земной поверхности и образованіе горныхъ цѣпей отдѣльными насильственными актами природы, естественно, должно было объяснять подобными же дѣйствіями и происхожденіе отдѣльныхъ вулкановъ. Такъ и происходило, дѣйствительно, съ Александромъ Гумбольдтомъ и Леопольдомъ фонъ-Бухомъ. Есть что-то трагическое въ томъ фактѣ, что этимъ двумъ великимъ ученикамъ Вернера, покинувшимъ Фрейбургъ убѣжденными послѣдователями нептуническаго ученія, было суждено впослѣдствіи ниспровергнуть систему своего учителя. Это стало возможнымъ, главнымъ образомъ, благодаря огромнымъ путешествіямъ, которыя они совершили, и сдѣланнымъ при этомъ многостороннимъ наблюденіямъ и почерпнутымъ свѣдѣніямъ. Естествоиспытатель, особенно геологъ, долженъ путешествовать, чтобы собственными глазами видѣть разнообразіе природы и ея явленій, улавливать сходное и противоположное въ ея проявленіяхъ въ различныхъ поясахъ земного шара и при различныхъ условіяхъ, научиться глубже и шире проникать своимъ взоромъ и избѣгать односторонности, въ которую легко впадаетъ самый

проницательный наблюдатель, если только онъ вращается въ сферѣ наблюденій, ограниченной незначительною областью. Послѣднее было съ Вернеромъ. Онъ пытался въ своихъ широко захватывающихъ идеяхъ обнять всю землю и всѣ явленія сводилъ къ единой причинѣ—видному происхожденію каменныхъ породъ. При этомъ онъ могъ опереться на наблюденія въ очень небольшой области въ Саксонскихъ рудныхъ горахъ. Своеобразныя базальтовыя горы этой области навели его на мысль о видномъ происхожденіи базальта. Несмотря на опроверженія Фойгта (Voigt), А. Гумбольдтъ и Леопольдъ фонъ-Бухъ твердо держались этого взгляда, пока, во время своихъ продолжительныхъ и далекихъ путешествій, не убѣдились въ его полной несостоятельности. Если Леопольдъ фонъ-Бухъ въ 1798 г., послѣ основательнаго изученія Везувія еще, не вполнѣ измѣнилъ мнѣніямъ Вернера, то уже одинъ взглядъ на потокъ базальтовой лавы въ 1802 г. въ Оверни долженъ былъ убѣдить его въ ихъ неправильности. Затѣмъ, послѣ того какъ А. Гумбольдтъ краснорѣчиво описалъ происхожденіе новаго вулкана въ Мексикѣ (1759) вслѣдствіе вертикальнаго поднятія, а самъ Бухъ основательнѣйшимъ образомъ изслѣдовалъ Канарскіе острова, была создана послѣднимъ его знаменитая теорія кратеровъ поднятія, которая позднѣе встрѣтила въ Эли-де-Бомонѣ горячаго защитника и долгое время пользовалась неограниченнымъ господствомъ въ геологическомъ мірѣ.

Наблюденія геологическихъ отношеній на Рока-Монфина (Roca-Monfina) въ Нижней Италіи, на островахъ Тенерифъ, Пальма, Санторинъ и многихъ другихъ вулканическихъ конусообразныхъ горъ, окру-

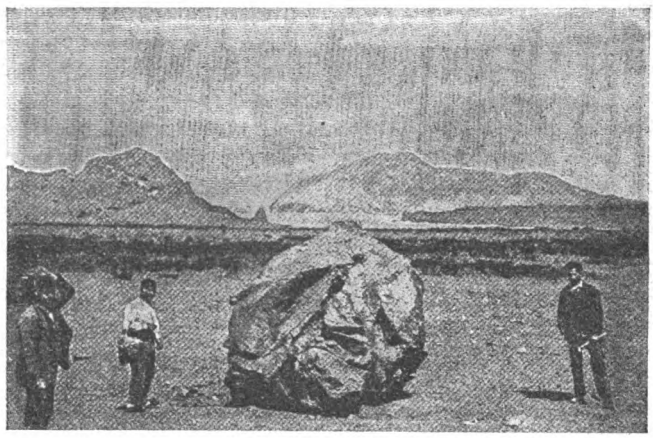


Рис. 30. Выброшенная изъ вулкана (Липарскіе острова) бомба во время послѣдняго изверженія 1888—1890 г.

женныхъ плащомъ наклонно расположенныхъ наслоеній, привели Леопольда фона-Буха къ заключенію, что въ данныхъ пунктахъ вулканическая сила искала себѣ выхода и вокругъ мѣста изверженія должна была поднять земную кору. Для объясненія явленія было безразлично, поднимался ли внутри такимъ образомъ происшедшаго, окруженнаго валомъ отверстія конусъ изверженія, какъ на Тенерифѣ, Рока-Монфинѣ и множествѣ другихъ вулкановъ, или дѣло не дошло до образованія

такого центральнаго конуса и завершилось обширною центральною плоскостью («Кальдера»), какъ на Пальмѣ. Такъ какъ горизонтально лежащая масса, будучи поднята конусомъ, должна распасться вдоль линій лучеобразно исходящихъ изъ центра возвышенія, то возникновеніе радіально расположенныхъ ущелій (Schlechten) («Барранкосъ») казалось естественнымъ слѣдствіемъ самаго процесса поднятія. По этому образованіе долинъ разсматривалось, какъ нѣчто возникшее съ самаго начала какъ въ большихъ горныхъ цѣпяхъ, такъ и въ обширномъ классѣ отдѣльныхъ горъ. Если валъ, окружающій конусъ поднятія подвергался разрушенію, то, обыкновенно, оставалась еще часть его около центральнаго конуса. Леопольдъ фонъ-Бухъ считалъ также и атоллы Великаго океана съ ихъ крутообразными лагунами за кратеры поднятія.

Въ то время какъ Леопольдъ фонъ-Бухъ создавалъ такимъ образомъ величественную общую теорію происхожденія вулкановъ, А. Гумбольдтъ пытался, на основаніи своихъ обширныхъ, вынесенныхъ изъ путешествій научныхъ свѣдѣній и опыта, привести въ закономѣрную, причинную связь, самое распредѣленіе вулкановъ на земной поверхности. Онъ подмѣтилъ тотъ фактъ, что самые большіе вулканы Мексики географически были расположены въ рядъ по извѣстной линіи и объяснялъ его тѣмъ, что, «вѣроятно, они были изверженны изъ общей разсѣлины (земной коры), перерѣзывавшей континентъ на протяженіи 105 географическихъ миль отъ Тихаго до Антлантическаго океановъ. Подобныя или двойныя цѣпи вулкановъ имъ были замѣчены въ Гватемалѣ, южной Америкѣ и Явѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ онъ наблюдалъ неправильныя группы вулканическихъ горъ. Отсюда онъ пришелъ къ заключенію, что это соединеніе вулкановъ то въ отдѣльныя кругами расположенныя группы. то въ удвоенныя линейныя ряды, доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что причины вулканической дѣятельности кроются не въ незначительныхъ явленіяхъ, происходящихъ гдѣ-нибудь вблизи отъ земной поверхности, а великихъ процессахъ самой внутренности земли. У него возникла при этомъ мысль о подземномъ сообщеніи между отдѣльнымы вулканами и о тѣсной связи изверженій съ землетрясеніями—выводы большею частью вполнѣ основательные по отношенію къ южно-американской области, которую онъ особенно изучалъ. Гумбольдтъ полагалъ, что подземныя силы проявляются или въ землетрясеніяхъ въ своей динамической, напряженной и колебательной энергіи, или въ вулканахъ съ продуктивною химически видоизмѣняющеюся дѣятельности, что эти силы неповерхностны и исходятъ не изъ наружной земной коры, но дѣйствуютъ одновременно изъ глубины земной внутренности черезъ расщелины и не заполненные ходы, достигая самыхъ отдаленныхъ пунктовъ земной поверхности. Онъ считалъ также вѣроятнымъ, что «всѣ вулканическія явленія, будь то вулканы съ постоянными кратерами или трахитовыя горы (Trachytberge), которыя открываются внезапно, выбрасываютъ лаву и пепелъ и снова закрываются, зависятъ отъ очень простой причины, а именно отъ постояннаго или перемежающагося соединенія внутренности земли съ ея поверхностью. Упругіе пары выдавливаютъ наружу черезъ глубокія разсѣлины расплавленную, окисляющуюся массу вещества: вулканы представляютъ собою нѣкоторымъ образомъ перемежающіеся источники и жидкая смѣсь металловъ, щелочей и земель, застывающая впослѣдствіи въ лаву, изливается тихо, если, будучи поднимаема, она находитъ себѣ гдѣ-нибудь выходъ». Согласно такимъ

взглядамъ на вулканы, Гумбольдтъ долженъ былъ, также какъ Гюттонъ, разсматривать ихъ, какъ предохранительные клапаны.

Если эти химическія гипотезы со всею ихъ односторонностью никогда не имѣли широкаго распространенія, зато теорія подножія горъ и вулканическихъ образованій встрѣтила почти полное и всеобщее признаніе и въ геологическихъ учебникахъ того времени объ этихъ предметахъ трактовалось, какъ о не подлежащихъ сомнѣнію фактахъ. Однако, уже въ двадцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія, когда это ученіе казалось непоколебимо прочнымъ, возникло противорѣчіе. Уже Гюттонъ и Плейферъ высказали мнѣніе, что и малыя причины, дѣйствующія въ теченіе продолжительнаго времени, могутъ вызвать огромныя дѣйствія и что для объясненія прежнихъ событій въ исторіи земли не было нужды искать чуждыхъ настоящему времени силъ. Но Карлъ-Эрнестъ-Адольфъ фонъ-Гофъ доказалъ, на основаніи тщательныхъ критическихъ изслѣдованій всѣхъ данныхъ объ измѣненіяхъ земной поверхности, что силы природы, дѣйствующія въ настоящее время при допущеніи продолжительности ихъ дѣйствія достаточны, чтобы объяснить большую часть геологическихъ явленій, и рѣшительно высказался противъ гипотезы катастрофъ и переворотовъ, происходившихъ на земномъ шарѣ.

Въ 1830—33 гг. въ Англіи появились въ свѣтъ «Основы геологіи» Чарльса Ляйэля, которыя съ необычайною энергіей предприняли войну противъ принципа насильственныхъ актовъ въ природѣ, быстро нашли себѣ широкое распространеніе и произвели мощное воздѣйствіе на умы ученаго міра. Между тѣмъ какъ Гофъ выступалъ въ походъ противъ ученія о катастрофахъ съ критическимъ изученіемъ литературы, а Прэво съ теоретическими соображеніями, шотландецъ Ляйэль былъ вооруженъ для этого непосредственными наблюденіями природы, которыя онъ собралъ во время своихъ многочисленныхъ путешествій въ различныхъ странахъ Европы. На основаніи этихъ наблюденій, онъ старался доказать однообразіе нѣкогда и теперь дѣйствующихъ силъ не только для неорганическаго, но и для растительнаго и животнаго міра, описалъ уносящую и уравнивающую дѣятельность воды посредствомъ размытія, объяснилъ происхожденіе уступовъ всякаго рода, отвелъ также значительное мѣсто разрушающей и созидающей дѣятельности моря и боролся съ ученіемъ о кратерахъ поднятія, объясняя круговые валы вокругъ нихъ какъ остатки осыни отъ прежняго кратера—мнѣніе, высказанное уже въ 1825 году Георгомъ Пулеттъ Скорпомъ (George Poulett Scorpe) (1797—1875) въ его замѣчательномъ трудѣ о вулканахъ и такъ подробно имъ обоснованное. Вслѣдствіе этого разногласія обоихъ великихъ наблюдателей съ ученіемъ Леопольда фонъ-Буха о кратерахъ поднятія возникъ жаркій споръ, въ которомъ Прэво рѣшительно сталъ на стороны обоихъ англійскихъ ученыхъ, между тѣмъ какъ Эли-де-Бомонъ и Дюфрэнуа (Dufrénoy) упорно защищали ученіе о кратерахъ поднятія.

Споръ, казалось, склонялся сначала въ пользу Леопольда фонъ-Буха, но скоро послѣ смерти великаго естествоиспытателя принялъ противоположный оборотъ вслѣдствіе возобновленныхъ нападокъ со стороны Ляйэля и Скропа, а также подробныхъ изслѣдованій Георга Гартунга на Мадерѣ, Азорскихъ и канарскихъ островахъ, Дана (Dana) на Сандвичевыхъ и Юнгтуна (Junghun) на Явѣ, Фукэ, Рейсса, Штюбеля и Фритша на Санторинѣ. Въ слѣдующія десятилѣтія все дѣло уже представляло только историческій интересъ до самаго послѣдняго времени,

когда, какъ мы увидимъ дальше, снова становится замѣтною слабая склонность къ допущенію болѣе мощнаго проявленія вулканической силы.

Теорія кратеровъ поднятія еще при жизни Леопольда фонъ-Буха подверглась сильнымъ нападкамъ. То же самое случилось и съ теоріей поднятія горъ. Ляйэль, который самъ наблюдалъ уже описанныя Леопольдомъ фонъ-Бухомъ медленныя поднятія на Скандинавскомъ полуостровѣ, объяснялъ это явленіе подземнымъ жаромъ и вызываемымъ имъ расширеніемъ твердыхъ каменныхъ породъ. Но первымъ борцомъ въ этомъ вопросѣ былъ не онъ, а швейцарецъ І. Турманъ (1804—1855), который призналъ въ своей родной Юрѣ замѣчательный образецъ тектоническихъ горъ (Faltendebiddes) и объяснялъ образованіе складокъ не поднятіемъ, а перемѣщеніемъ пластовъ въ горизонтальномъ направленіи (боковыми сдвигами) (1830). Близки къ такой идеѣ были также Кордье и Прэво, допускавшіе, что сжатіе земного шара вслѣдствіе охлажденія должно было повлечь образованіе складокъ въ земной корѣ. Это приводитъ насъ къ нынѣ господствующимъ, современнымъ геологическимъ взглядамъ, которые въ вопросахъ преобразованія земной поверхности, опираются на Ляйэля, а въ вопросахъ вулканизма на Пулеттъ-Скропа,

Мы привыкли въ настоящее время разсматривать горы, какими они предстоятъ предъ нашимъ взоромъ, какъ результатъ двухъ взаимно противодѣйствующихъ факторовъ: поднятій (пониженій), углубленій (Senkungen) и складокъ почвы съ одной стороны, и размыва, т.—е. разрушающей, уносящей дѣятельности воды въ ея жидкой или твердой формѣ,—съ другой. Теперь мы представляемъ себѣ поднятія и образованія складокъ почвы не какъ внезапные могущественные акты природы, а какъ чрезвычайно медленные процессы, настолько медленные, что ихъ можно съ достовѣрностью прослѣдить только на морскихъ берегахъ, между тѣмъ какъ среди сушче потребовалась бы цѣлая система продолжительнаго контроля самой точной нивеллировки, чтобы можно было впослѣдствіи разрѣшить вопросъ о неуловимо-медленныхъ поднятіяхъ и опусканіяхъ почвы. Съ этой точки зрѣнія особый интересъ возбуждаютъ отступленія береговъ, достигшія значительныхъ размѣровъ въ сѣверныхъ моряхъ, а также сдѣлавшіяся извѣстными въ большомъ числѣ благодаря тецерь уже высоко истощимъ и слѣдамъ береговой линіи, оставленнымъ на отвѣсныхъ скалахъ или прибрежнымъ терассамъ, такъ въ нихь видятъ теперь, вообще, указанія на поднятіе данной мѣстности. Но какъ на нѣкоторыхъ берегахъ были доказаны признаки поднятія, такъ на другихъ—опусканія. Многочисленныя наблюденія обнаружили, что поднятія и опусканія частью происходятъ постепенно, частью же, наоборотъ, внезапно, вслѣдствіе вулканическихъ изверженій или землетрясеній. Какъ на классическій примѣръ поднятія и опусканія, давно уже, именно со времени подробнаго обсужденія этого вопроса Ляйэлемъ, указывали на храмъ Сераписа въ Поччуоли близъ Неаполя. Его три перпендикулярныя колонны на извѣстной высотѣ надъ теперешнимъ уровнемъ моря носятъ слѣды сверлящихъ ракушекъ (Lithodomus litfhfagus), откуда явствуютъ, что нѣкогда уровень мѣста былъ глубже (на 6,3 метра), чѣмъ теперь и, такимъ образомъ, послѣ построенія храма, за періодомъ поднятія слѣдовалъ періодъ опусканія.

3558-6042B

Какъ происходитъ дѣйствительное образованіе горъ, мы теперь не можемъ наблюдать, такъ какъ для этого въ нашемъ распоряженіи

AP 50
.M67
v.12
Feb
1903

Mir Bozhii

11/19/69

NOV 25 19?0

AP 50
.M67
v.12
Feb
1903

Mir Bozhii

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

U of Chicago
54634089